

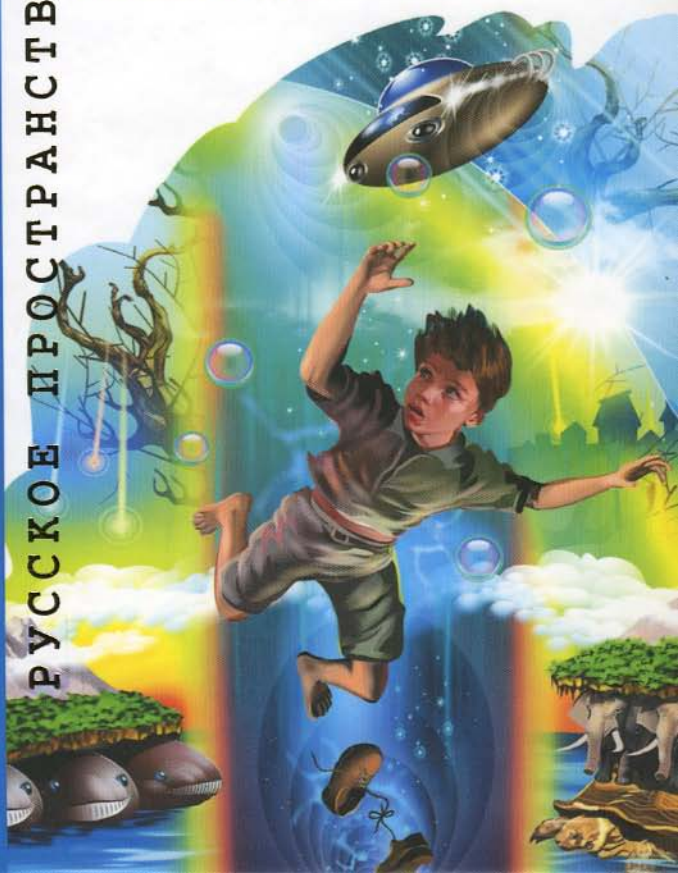
Владислав

КРАПИВИН

СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ
ОСТРОВОВ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ :

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав
КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

**СТРАЖА
ЛОПУХАСТЫХ
ОСТРОВОВ**

Москва

2006

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

К 78 Крапивин В. П.
Стража Лопухастых островов: Роман, повести. — М.:
Изд-во Эксмо, 2006. — 608 с. — (Отцы-основатели: Русское
пространство).

ISBN 5-699-14823-X

Не везде мир устроен, как на Земле. На планете, где живет мальчик Авка, два больших материка, и один расположен на трех китах, а другой на гигантских слонах и черепахе. А между ними Мировой океан. Но если девочка, которая живет на другом материке, понравилась мальчику, океан — не препятствие. Недаром говорят, что любовь передвигает континенты... «Сказка», — скажет читатель. А вот и нет. Просто... обыкновенное чудо.

Но чудеса случаются и на нашей привычной планете. Оказывается, второклассник может подружиться со старым колесом от детского велосипеда, потому что в этом колесе поселилась живая мальчишечья душа. А в окрестностях небольшого старинного города полно добрых таинственных существ (даже баба-яга с высшим образованием!), которые помогают юным жителям Малых Репейников отстоять свой городок, свои Лопухастые острова от бездушных чиновников и бизнесменов...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-14823-X

© Крапивин В. П., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

МАЛЬЧИК ДЕВОЧКУ ИСКАЛ...

Тыквогонские приключения

ТРИ КИТА И БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Всякий знает, что экзамены связаны с тревожными чувствами. У одних появляется внутри (в душе или в животе) замирание. У других бегают по коже щипалки. Еще у кого-то кусается в носу или чешутся пятки. Последнее особенно неприятно — попробуй почесать, если ты в башмаках. А босиком на экзамены, как известно, не ходят.

Четвероклассник Авка из императорской школы номер два ничего такого не испытывал. У него была другая особенность. При всякой опасности (а экзамен, сами понимаете, опасность) начинал Авка икать. Не очень громко, но без остановки и равномерно.

Он опасался, что и сейчас будет так же. Хотя, казалось бы, чего бояться-то? География — это ведь не занудная арифметика с ее дурацкими задачками про бассейны, из которых вытекает вода, и про двух рыцарей, которые издалека скачут навстречу друг другу...

Арифметика была уже сдана. И еще два экзамена — по родному языку и по древнетыквогонскому — тоже. Причем оба вполне успешно, с оценкой «десять», что означало «достойно одобрения». География — последний экзамен, после которого прощай, начальная школа, и здравствуй, императорская гимназия. А поскольку он последний, решили провести его особенно торжественно. Не в классной комнате, а в актовом зале.

В зал вызывали по одному. Школьный сторож дядюшка Вува (по причине важного события одетый в желтый мундир со шнурами) открывал дверь и важно читал по списку:

— Маргарита Амба!.. Розалия Батонус!.. Томас Вавага!..

Красавица Марго и длинная конопатая Розка вскоре вышли из класса с задранными носами. Оно и понятно — отличницы. Ничего, кроме «двенадцати» (то есть «выше всяких похвал»), они никогда не получали. Интересно другое — Томчи-

ку Ваваге тоже присудили «дюжину». Ему просто повезло: вытащил билет с заданием рассказать про путешествия адмирала Фердинанда Турнагеля. Кто про них не знает! Маленький, похожий на скромного второклассника Томчик тихо сиял от счастья. Авка со вздохом порадовался за него, икнул первый раз и услышал:

— Август Головка!

За узкими высоченными окнами сиял июньский полдень, но в зале стоял торжественный полумрак. Такой, что под сводчатым потолком горели масляные лампы. В дальнем конце зала за длинным столом сидела комиссия: две полные дамы из Управления императорских школ и председатель — профессор Императорского университета господин Кантонелий Дадан. У господина профессора была козлиная борода, похоже на донышки стаканов очки и вишневая шапочка академика.

Авка на ослабевших ногах пошел по черно-белым плитам к столу. В трех шагах остановился — руки по швам, голова в таком поклоне, что подбородок уткнулся в грудь.

— Ученик... ик... четвертого класса Август... ик... Головка явился для проверки знаний по гео-ик-графии...

Сбоку от комиссии сидел господин Укроп, Авкин классный наставник. Худой, как шест голубятника. Он проткнул ученика Головку взглядом: «Прекрати немедленно!» А как Авка (ик!) мог прекратить?

Комиссия, однако, смотрела на четвероклассника Августа доброжелательно. Ну икнул разок, с кем не бывает от волнения. Зато поклонился как надо, внешний вид тоже заслуживает похвалы. Подстриженные ниже ушей волосы старательно расчесаны на две стороны, лицо умыто до свежей розовости, синяк на подбородке припудрен и еле виден. Правда, черный костюмчик тесноват (видать, служит не первый год) и бархат его местами потерт, а у плеча даже заплатка, но откидной воротник и кружева на обшлагах и у колен светятся снежной чистотой. Башмаки надеты на босу ногу, однако начищены до лакового блеска и украшены белыми бантиками...

Дама, сидевшая слева от профессора, сказала медовым голосом:

— Очень хорошо, голубчик. Готов ли ты взять билет?

— Готов, ик... сударыня...

— Подойди и возьми... Какой тебе нравится?

«Никакой мне не нравится...»

— С вашего позволения, вот этот...

— Бери же, — улыбнулась дама справа от председателя. —

Смелее, мой мальчик.

Мальчик икнул еще раз и взял.

— Ну, читай! — нервно сказал господин Укроп. И кажется, подумал: «Если этот балбес не перестанет икать, я его убью».

Но Авка перестал!

Потому что бывает же на свете везение! Не только для Томчика Ваваги!

— Садись вон туда, у края стола, и обдумывай ответы, — строго велел господин Укроп. — Имей в виду, у тебя пять минут.

— Простите, а можно сразу? Без обдумывания? — это Авка спросил уже без икоты, звонким голосом:

— О-о-о! — одобрительно сказали дамы, а председатель посмотрел на смелого четвероклассника с любопытством. Лишь господин Укроп поерзал опасливо, но возражать комиссии не посмел.

Первый вопрос был: перечислить главные вершины хребта Большой Яшер, что отделяет Тыквогонскую империю от Диких областей на юге. Авка не только перечислил, но и показал их на карте, которая висела позади стола, ниже портретов. И ни разу не ошибся. Потому что такая карта была у него и дома, над кроватью (только поменьше).

Второй вопрос был еще пустяковее: какие ветры дуют над Тыквогонией в разные времена года? Это знает каждый, кто хоть немного в жизни занимался запуском воздушных змеев. А кто этим не занимался?

Самая главная трудность заключалась, конечно, в третьем вопросе. Но Авка огласил его отчетливо и бесстрашно:

— Рассказать про общее устройство мира!

— Ну-с, ну-с... — Профессор Дадан глянул из-за очков с любопытством. Он был географ и философ.

— Весь наш мир состоит из четырех главных частей, — храбро сообщил Авка. — Это земля, Мировой океан, небесная твердь и светила, которые расположены между небесной твердью и землей. Светила бывают неподвижные и подвижные. К неподвижным относятся звезды. Они состоят из сгустков негаснущей огненной материи и поэтому кажутся с земли горящими искрами и фонариками. А подвижные светила — это

планеты, Солнце и Луна. Планеты — бывшие звезды, которые какими-то природными силами были сорваны со своих мест и теперь блуждают в пространстве. Луна — большой шар, наполненный легким светящимся газом. Одна половинка шара непроницаема для света, а другая — прозрачная. Шар медленно вращается, поэтому мы видим в течение месяца разные фазы Луны...

Авка шарил целыми фразами из учебника. Но не только. Порой он говорил подробнее, потому что успел к своим десяти годам немало прочитать об устройстве Вселенной.

— Самое главное светило — Солнце. Оно своими лучами согревает Землю и дает ей жизнь. Каждое утро Солнце встает из океана, а вечером снова уходит в глубины... Среди ученых нет одинакового мнения на этот счет. Одни считают, что из океана каждый раз появляется новое Солнце, которое только что родилось. Другие пишут в своих книгах, что Солнце всегда одно и то же, только всякий раз оно появляется из океанской воды свежее и умытое... А еще есть третья точка зрения...

— Ну-ка, ну-ка... — Профессор Кантонелий Дадан воздвигнул на лоб очки и взял в кулак бородку. Он был сторонником как раз третьей точки, которая не упоминалась в школьных учебниках.

— Есть ученые, которые говорят так: Солнце всегда одно и то же, и все-таки каждое утро оно совсем новое. Это, кажется, называется «единство противоречий», только мы это еще не проходили... — Здесь четвероклассник Головка умело впледел в свой голос нотки смущения. Я, мол, знаю, что выбрался за рамки школьной программы, но не хочу показаться нескромным. — Этими вопросами занимается наука философия, которую в начальных классах еще не изучают...

— Так-так... — с удовольствием покивал профессор. — Но где же вы, молодой человек, получили такие сведения?

— В журнале «Всё вокруг». Папа его выписывает, ну и... я тоже читаю... иногда.

Профессор Дадан, который был одним из редакторов этого популярного журнала, расцвел. Дамы тоже улыбались одобрительно (хотя ничего не понимали в устройстве мира). Мало того! Даже два императора с больших, в полный рост портретов смотрели на четвероклассника Головку милостиво и с поощрением.

На одном портрете был основатель империи Канаттон Первый — худой, бородатый, с косматыми бровями (он дав-

ным-давно помер). На другом — румяный, усатый и молодой Валериус Третий, ныне здравствующий монарх Тыквогонии, которого любили. Оба императора — в парадных латах, алых мантиях и коронах, похожих на позолоченные тыквы.

Слева от Канаттона висел еще один портрет, с баронессой фон Рутенгартен. Это была представительная дама со значительно поджатыми губами. В правой руке она держала что-то вроде тонкой указки и как бы похлопывала ею по левой ладони. В отличие от императоров, она смотрела на четвероклассника Головку без всякой ласковости. Взгляд ее говорил: «Сейчас тебе повезло, но это не значит, что мы никогда не встретимся».

Классный наставник господин Укроп тоже был настроен сдержанно. Он не любил философию и опасался, что его питомец сболтнет что-нибудь не то.

— Если почтенная комиссия не возражает, пусть ученик Головка теперь спустится с небес и поведаст нам о земле... хе-хе...

Авка уверенно поведал:

— Земля, если представить ее в уменьшенном виде, напоминает макушку тыквы, погруженной в Мировой океан. Однако на самом деле это не тыква, а скорее плоский каравай, который своей нижней частью лежит на спинах трех китов. Киты эти — громадные живые существа, которые были и будут всегда. От них зависит прочность и спокойствие всей земной жизни...

— А скажи-ка, дитя мое, — ласково перебила Авку дама справа от председателя (видимо, наиболее умная), — откуда люди знают про китов? Какие есть доказательства их существования?

— Доказательств много. Во-первых, мы иногда ощущаем колебания земной коры. Это значит, киты слегка пошевеливаются, потому что устают от неподвижности. Во-вторых, у песчаных берегов Дикой области раз в несколько лет возникают громадные водовороты и волны — это киты разгоняют хвостами всякую морскую живность, чтобы она не щекотала им пузы... то есть животы... А еще известно, что двести лет назад мореплаватель капитан Даниэль Гургон с морского отдаления видел приподнятый край земли, а под ним громадные китовые глаза и раскрытые пасти, из которых извергалась вода... Ну и, кроме того, про китов есть много народных сказаний, а ученые доказали, что легенды не возникают на пустом мес-

те... — Это Авка опять ввернул фразу из статьи. И добавил уже от себя: — В разных сказках у китов есть даже имена: Мудрилло, Храбрилло и Хорошилло. Наверно, это не совсем по-научному, но зато говорит, как жители Тывкогонии и других стран любят китов...

— А скажи-ка, что киты кушают? — вдруг задала вопрос улыбчивая дама, что сидела от профессора слева.

Авка не растерялся и здесь.

— По этому вопросу ученые тоже спорят. Одни говорят, что китам вообще не нужна пища, это ведь не обычные животные, а о с н о в а м и р а. А некоторые считают, что киты заглатывают в огромном количестве океанских рыб и водоросли...

— Но где же напасешься столько рыб на таких громадин? — игриво подначила Авку дама.

— Но ведь океан-то беспределен!.. Если вы окажетесь на океанском берегу, то увидите, будто небо вдали сливается с водным простором, и эта граница слияния называется горизонт, но это лишь обман зрения, потому что на самом деле никакого слияния нет. Небо и океан совершенно бесконечны и не соединяются нигде и никогда... — И дальше Авка опять не удержался: — Хотя некоторые ученые утверждают, что в бесконечности есть какая-то своя конечность, только не простая, а... ну, она как бы сливается с бесконечностью. Это, кажется, называется «диалектика», только мы ее тоже еще не проходили...

Господин Укроп сморщился, но профессор Дадан был в восторге:

— Bravo! Bravo!.. Господин наставник, вы можете поздравить себя с такими глубокими знаниями своих питомцев! Это уже четвертый ученик подряд, который заслуживает оценки «выше всяких похвал»! Причем я бы особо отметил его интерес к вопросам мироздания, а также умение образно и ярко излагать свои мысли.

Авка скромно разглядывал свои башмаки, в которых отражались лампы. И так же скромно сказал:

— Ваша высокоученость, мои знания ничуть не больше, чем у других учеников нашего класса. У нас все любят географию. — Он слышал, что академиков принято называть именно так, «ваша высокоученость».

Господин Укроп опасливо ерзал на стуле и бросал на Авку в з г л я д ы. И Авка понимал, что ох как рискует. Но он понимал и то, что профессору и дамам не очень-то хочется несколь-

ко часов сидеть в этом скучном зале и одного за другим допрашивать несчастных четвероклассников.

Председатель и академик Кантонелий Дадан спросил четвероклассника Головку вкрадчиво:

— Вы утверждаете, коллега, что любой ваш одноклассник мог бы ответить не хуже вас?

Авка украдкой глянул на своего учителя.

— Ну... если говорить совсем честно, ученик Минутка, наверно, мог бы слегка сбиться. Недавно он путался в названиях рек. Но, возможно, к экзамену он подтянулся, ваша высокоученость...

Председатель торжественно обратил очки к Авкиному наставнику.

— Господин... э-э-э... Укроп. То, что мы слышали, свидетельствует о весьма похвальных успехах вверенных вам учащихся. Полагаю, что нет смысла подвергать ваш класс дальнейшему испытанию. Будет разумно, если все получат те же оценки, что четыре опрошенных ученика, и отправятся на вполне заслуженные каникулы...

— Вы очень добры, ваша высокоученость. Однако что касается ученика Минутки, то я все-таки...

Комиссия сдвинула головы и начала совещаться вполголоса.

Потом Авке велели пойти в коридор и пригласить в зал всех, кто ждал экзамена.

И четвертому классу было объявлено, что каждый удостоен оценки «двенадцать». Кроме ученика Минутки, которому поставили «десять», что значило «достойно одобрения».

ЧОПКИ

Ух, как ликовал четвертый класс! Как радостно лупили находчивого Авку ладонями по спине, как наперебой угощали лимонными леденцами и пахучей жевательной смолкой!

Конечно, весь этот гвалт был уже не в зале, а на школьном дворе.

Больше всех радовался большой и пухлый Тит Минутка, который никогда не путался в названиях рек, поскольку сроду не знал ни одного. До этого часа он с тоской ждал экзамена, трескучего провала и унылых летних занятий. А потом — осенней переэкзаменовки. А еще — объяснения с папашей,

водителем грузового тыквоката, который (папаша, а не тыквокат) был скуп на слова и скор на поступки. Теперь Тит, в жизни не получавший больше «шестерки» (то есть «средне с натяжкой»), одарил Авку дюжиной разноцветных стеклянных шариков и костяным шахматным рыцарем.

Разбегаться по домам не хотелось. Надо было вместе отпраздновать неожиданную радость. И вот кто-то крикнул:

— Бежим на озеро!

— Ура, на озеро! Купаться! — весело завопили все, даже отличницы Марго и Розка. Даже смиренный Томчик Вавага, который плавал как оловянная ложка и за ним нужен был глаз да глаз.

— Буль-буль-кувыркуть! — Это был у здешних мальчишек и девчонок особый «купальный» клич.

Кто соврет, что плавать зябко,
Тот сушеная козявка!

И пестрая ватага ринулась от школы вниз по улице Стекольщиков.

На бегу отдирали от рукавов, штанов и подолов осточертевшие кружева, совали их в карманы. Срывали с башмаков бантики. Кое-кто скинул и башмаки, потому что на дороге еще не везде просохли лужи, которые оставил ночной дождик. Башмаками хлопали друг о дружку, как ладонями, а иногда и приятеля по спине.

Озеро лежало от школы не близко. Сперва бежали, скакали и топали через сад Синих Рыцарей, среди столетних дубов и тополей. Потом по улице Принцессы Анны-Терезы, где стояла мраморная статуя девчонки с облупленным носом (принцесса жила двести лет назад и чем прославилась — никто не знал). Затем — через площадь Императорского кота Клавдия (или просто Кошачью), которая с трех сторон была окружена остатками древней колоннады...

На площади ватагу обогнал скрипучий грузовой тыквокат — всех обдало запахом прокисшей тыквенной каши. Два уличных стражника в старинных касках запереглядывались — у колымаги явно были не в порядке фильтры на выхлопных воронках. Но тыквокат лихо свернул в один из переулков Козьей слободы, а догонять его стражникам было лень.

Ватага, фыркающая и зажимая носы, устремилась в тот же переулок, он вел к Городскому берегу. А тыквокат притормозил!

Из кабины высунулся широченный лысый дядька с императорскими усами.

— Тит! А ну стой, босяк! Ты почему носишься, как пьяная коза? А экзамен?!

Выпускник императорской начальной школы Минутка бесстрашно шагнул к кабине и показал папаше две растопыренные пятерни.

— Чего-чего? — не поверил тот. — Ладно, дома я пропишу тебе не одну десятку, а несколько...

Но приятели Тита наперебой подтвердили, что он сдал экзамен с оценкой «достойно одобрения». Старший Минутка засиял, как зеркальный щит рыцаря Лабудана.

— Прыгайте в кузов! Раз такое дело, отвезу вас куда хотите!

Они хотели на другой берег озера, где можно купаться вдали от взрослых. И тыквокат, скрипя плетеным кузовом, повез шумную компанию по кольцевой дороге. Мимо желтых песков и широкой синей воды. Мимо хутора Зеленая Пятка. Мимо черного замка маркиза Грогуса. Этот сумасшедший маркиз сотню лет назад для пущего страха выкрасил свое жилище масляной сажей. Глядеть на такие стены и башни и впрямь стало жутко. Но природа не потерпела этого безобразия. Черные камни раскалялись под солнцем, а потом трескались от ночного холода. Скоро по всему замку пошли трещины и он стал рассыпаться. С горя маркиз бросил обветшавшую твердыню, уехал куда-то на безлюдное побережье и там сгинул в неизвестности. А замок с той поры стоял пустой и мрачный, как легенда о Всеобщей Погибели. Конечно, теперь в нем водилось множество призраков. Даже ясным днем и в большой компании бродить по замку решались далеко не все...

Впрочем, очень скоро черный замок остался позади. Дорога обогнула Приозерную рощу, и тыквокат стал на границе травы и песка, недалеко от воды. Путешественники с хохотом посыпались из кузова. Тыквокат погудел медной трубой, дунул из воронок еще раз кислым запахом и укатил.

У рощи стояла полуразвалившаяся сторожевая башня. От башни тянулась к берегу и уходила далеко в воду невысокая каменная стена. Это были остатки старинного укрепления. Стена делила песчаную полосу и прибрежное водное пространство пополам. Будто нарочно для мальчишек и девчонок.

Вообще-то столичным школьникам полагалось плавать и нырять в купальных костюмах. У мальчиков они были похожи на длинные полосатые майки, сшитые между ногами. У дево-

чек — разноцветные безрукавки и юбочки с оборками. Посудите сами, что за удовольствие плескаться в воде в таких вот нарядах! Все равно что лизать варенье через стеклянную крышку. Поэтому при каждом удобном случае школьный народ удирает на загородные берега.

Здесь, по разные стороны стены, можно было раздеться отдельно друг от друга. И в воде каменная кладка надежно разделяла купальщиков и купальщиц. Только слышны были тем и другим смех и визг да иногда через камни перелетали брызги. Были в камнях узкие дыры — остатки бойниц, — но в них никто ни за кем не подглядывал. По крайней мере, мальчишки за девчонками — никогда. Ходили слухи, что среди больших парней есть такие любители, но нормальные люди (то есть Авкиного возраста) подобными глупостями не занимались. Во-первых, больно надо! Во-вторых, такие дела считались бесчестными. Они были из тех поступков, которые назывались «гугнига».

Тот, кого уличали в «гугниге», получал стыдную кличку «бзяка». Это если один раз. А за несколько «гугниг» — виноватый делался «бзяка с отпадом». От такого звания избавиться было почти невозможно. Разве что уехать далеко-далеко. Или совершить геройство. Например, ночью пробраться в черный замок Грогуса и принести оттуда доказательство — кусочек от старинной мозаики со стены главного зала (картин из такого стекла больше не было нигде). Или сделать вредному учителю такую пакость, после которой неминуема встреча с баронессой фон Рутенгартен...

Песчаное дно у берега было твердое и пологое, без опасных ям и коряг. Даже для тех, кто плавал еле-еле, не было риска. Правда, бестолковый Томчик Вавага ухитрился-таки залезть на глубокое место и пустил было пузыри, но Авка и Тит Минутка вовремя ухватили его за уши. Вытащили на отмель и пинками прогнали на берег. Томчик не обиделся — понимал, что это для его же пользы.

Бултыхались, ныряли и гонялись друг за дружкой недолго. Вода в начале июня была не очень-то теплая. Скоро, посиневшие и в пупырышках, стали выбрасываться на теплый песок — на свои разделенные старинными камнями половины пляжа. И оказалось, что на мальчишкином участке теперь не только четвероклассники второй школы. Были и еще несколько ребят. В общем гвалте они втесались в компанию и купались, а теперь вместе со всеми грелись на солнышке.

Во-первых, это был Данька Белоцвет, младший паж из императорского дворца. К Даньке относились хорошо. Он был славный, любил возиться с малышами и никогда не задирает нос из-за того, что служит при дворе. За некоторыми другими, кто имел отношение к императорской свите, водилось такое: «Мы придворные, вы нам не компания, в нас благородная кровь». Но Данька-то понимал, что все люди одинаковые и кровь ни при чем. Да к тому же, если разобраться, у кого она не благородная?

В битве с коричневыми герцогами Капаррура, что случилось четыреста лет назад на Горьком поле, участвовало все мужское население Тыквогонии, и после победы император Тит Многомудрый всем уцелевшим и погибшим пожаловал рыцарское достоинство. И теперь любой сапожник или дворник мог вытащить из домашнего сундука хрустящий пергамент с бледно раскрашенным дворянским гербом и девизом.

В Авкиной семье тоже был такой документ. Сверху там виднелась витиеватая надпись на старотыквогонском: «Тружусь для новых всходов». А на рыцарском щите — изогнутый садовый нож и лопата. Потому что Авкин пра-пра... (уже не сосчитать, сколько этих «пра») ...дедушка Серебран Головка в мирной жизни был садовником. А его потомок, Авкин папа, несмотря на благородный титул, работал старшим счетоводом в императорской конторе по учету тыквенных семян.

Кстати, не надо думать, что слово «императорский» означало в Тыквогонии какую-то особую важность. Просто все, что было не в частном, а в государственном владении, называлось именно так. «Императорская школа номер два», «Императорские пивные ларьки», «Императорский детский парк с каруселями», «Императорская фабрика соломенных шляп» и (простите уж!) даже многоместная казенная уборная на краю площади Цветоводов именовалась «Императорский общественный туалет». И тот песок, на котором сейчас валялись ребяташки, был «Императорский дикий загородный пляж».

Да, но мы отвлеклись от рассказа. Речь-то шла о Даньке Белоцвете. Даньку приветствовали как своего. Тем более что сейчас, без придворного (и без всякого) костюма, он ничем не отличался от остальных.

Кроме Даньки в компании появились два императорских гимназиста-первоклассника (на год старше Авки и его приятелей) и второклассник второй начальной школы Гуська Дых. Гуська был костлявым глазастым существом с головой, по-

хожей на остроконечное яйцо, к которому приклеили прямые волосы из соломы. Со своей мамой — портнихой тетей Анилиной — он жил по соседству с Авкой. Взрослые считали, что мальчики дружат. Но, конечно, это была не равноправная дружба. Просто получилось так, что год назад Авка спас Гуську от бродячего пса. Пес гавкал и наскакивал на семилетнего пацаненка, который ничего плохого ему не сделал, а, наоборот, вздумал по доброте душевной угостить собачку пирожком с тыквенной кашей. Со стороны пса это была «гугнига». Авка выдернул у забора репейный стебель и огрел зверя комлем по морде. Раз, другой! Тот наконец удрал. А Гуська с той поры считал Авку великим храбрецом и героем. Не знал, что при своем «подвиге» Авка чуть не напустил в штаны и потом икал до вечера.

И вот уже целый год Гуська был предан Авке всей душой. Однако без назойливости. Готов был выполнить любую просьбу, но не липнул, не таскался следом, если Авка не звал его. Как говорится, знал свое место. И за это Авка слегка уважал Гуську. Даже почти никогда не называл его хлястиком, хотя именно так у мальчишек было принято именовать подобных приятелей-оруженосцев.

Была для их приятельства и еще одна причина — похожие имена. По-настоящему Гуську звали «Густав». По вечерам, когда матери из окошек скликают домой сыновей, не поймешь, что разносится в воздухе: «Густав, Густав, Густав!» или «Август, Август, Август!» Получается: «Ав-гус-тав-гус-тав-гус-тав!..»

Сейчас у Авки было прекрасное настроение, и он обрадовался Гуське:

— Гусенок, ты как тут оказался?

— Услыхал, что вы столкнули географию и укатили сюда. И бегом за вами, короткой дорогой.

Короткая дорога была не та, по которой добирались на тыквокате, а слева от озера. По ней до города совсем недалеко.

Авка подарил Гуське три стеклянных шарика: желтый, лиловый и зеленый. Гуська порадовался, поразглядывал их на свет и спрятал в карман широченных белых брюк — подвернутых и с красной заплатой на колене. Они валялись рядом с ним на песке.

— Авка, этими шариками можно играть в чопки?

— Конечно! Каждый стоит пять чопок, не меньше...

Их разговор услышали те, кто по соседству, и сразу понеслось:

— А давайте играть в чопки!

— Ура, в чопки!

— Давайте! У кого что есть?

Чопки — азартная игра. Конечно, учителя ее запрещали. Раз-другой поймают, и пожалуйте к баронессе фон Рутенгартен. Но здесь, на Императорском диком пляже, была вольная воля!

Вообще-то чопка — это жестяная крышка от пивной бутылки. Если простая, то и цена у нее самая малая, одна чопка. Если золотистая — две чопки. Если с картинкой — три. Но играли и на всякую другую мелочь: на стеклянные шарики, шестеренки от часов, шпильки от ниток, брошки, огрызки цветных грифелей. В общем, на то, что найдется в карманах. Заранее договаривались, какая штучка сколько стоит. Про Авкиного шахматного рыцаря решили, что двадцать чопок. Про шарики — семь.

Императорский паж Данька Белоцвет вежливо спросил через стену:

— Девочки, будете играть с нами в чопки?

На него зашикали: вот дурень, придется же залезать в костюмы, а кому охота. Впрочем, девочки ответили из-за камней, что они такими глупостями не занимаются, у них нормальная игра. Слышна была считалка:

Мальчик девочку искал
Между сосен, между скал,
Средь людей и средь зверей,
Средь зажженных фонарей.

Звал ее
На берегу,
А девчонка —
Ни гугу...

И тут же всегдашний спор: за сколько слов считать «ни гугу»? За одно, за два или даже за три? (Потому что некоторые считали: «гугу» надо писать через черточку.)

Мальчишки тоже начали считаться, встали в круг.

Чопки-чопки, мелочопки,
Поскакайте из коробки!
Я считаю!
Я считаю!
Угадайте — где какая!

Это хором. И при последнем слове каждый выкидывал перед собой пальцы — кто сколько задумал (а можно и несколько, нолик из пальцев).

А дальше — сложный расчет: какая сумма сложилась из торчащих пальцев, где грудка чопок с таким номером, кто ее должен расшибать... Конечно, тут случалось немало споров. Но до драк не доходило. Драться во время игры — «гугнига», а после игры уже неохота...

Нынче особенно везло кучерявому Бастиану Каталке. Он изрядно обчистил всех остальных. Даже Авкиного рыцаря выиграл (правда, Авка выкупил его за три шарика). Неплохо играл и серьезный, обстоятельный Кир Очкарик. А пострадал больше всех Данька Белоцвет. Он вошел в азарт, ставил чопку за чопкой и проигрывал все подряд. Продул даже любимую медную звездочку от шпоры конного гвардейца. И так ему хотелось отыграть эту звездочку!

Данька не выдержал. Оторвал от своих придворных штанов две золоченые пуговицы. Каждая — аж по сорок чопок!

— Попадет тебе, — сочувственно сказал Гуська.

— Отыграюсь!

И не отыгрался. Пуговицы тоже ушли к кучерявому Баське.

Императорский паж сел на песок и заплакал. Через час ему полагалось явиться во дворец, на дежурство. А как в таком виде?

Все насупленно замолчали. Баська посопел, подполз по песку к Даньке, сунул ему в кулак пуговицы.

— На, не реви...

Данька благодарно шмыгнул носом.

— Ты не думай, я потом отдам. Все восемьдесят...

— Да не надо. Только больше не играй на казенные... Эй, у кого есть нитки-иголки?

У мальчишек, разумеется, не было. Штаны и пуговицы бросили через стену девочкам.

— Приходите побыстрее! А то во дворце Даньке оторвут не пуговицы, а голову!

Девчонки поворчали, но работу сделали быстро. Перекинули штаны обратно. Данька замахал ими, стряхивая песок. Штаны были очень узкие, похожие на рыцарский стяг с двумя длинными косицами. Одна косица желтая, другая красная. Данька влез в них торопливо и со скрипом. Потом натянул зеленую бархатную курточку с пуфами у плеч, сунул ноги в лаковые полусапожки с кружевами на отворотах. Нахлобучил зеленую шапочку с перьями. Кружевным обшлагом вытер щеки.

— Девочки, спасибо! Ребята, я побежал! — И замелькал разноцветными ногами.

Стали собираться домой и остальные. Кое-кто отправился немедля, другие поныряли напоследок и тоже двинулись к дороге. По двое, по трое.

Скоро на мальчишечьей половине остались только Авка и Гуська. А за стеной, кажется, вообще никого.

Авка не спешил, дома делать нечего. Разве что заставят перекладывать поленницу для просушки, но в этом интересного мало. Но и в воду ему не хотелось, накупался до озноба. А Гуське хотелось. Он, такой щедушный на вид, совсем не боялся холода. Готов был плескаться в озере часами, хотя плавал не многим лучше Томчика Ваваги.

— Авка, я окунусь разок, можно?

— Только не лезь на глубину.

— Нет, я рядышком! — И умчался.

Авка лениво поглядывал, как незагорелый еще и костлявый Гуська плещется недалеко от берега, грелся под солнышком и размышлял. О том, что сегодня что-то не так. Какой-то сбой в нормальном течении событий. Нет, ничего плохого не случилось, наоборот. И с экзаменом великая удача, и на тыковокате прокатились (Авке такой случай привалил впервые в жизни), и... Данькина неприятность закончилась так неожиданно и по-доброму.

Досадно, что Данька пустил слезы. Реветь (даже потихоньку) из-за проигрыша — дело недостойное, даже если тебя ждет нахлобучка. Конечно, бзякой за это не назовут, но и сочувствовать не будут. А сегодня вот — все Даньку пожалели, это же видно было.

Пуговицы ему бы в любом случае отдали, но под клятву, что завтра же вернет долг, причем с наценкой. Да еще и похихикали бы. А сейчас вон как вышло! Кучерявый Каталка вроде бы не из самых добреньких, а поступил прямо как рыцарь Татан Великодушный из книжки «Тыквогонские легенды». Все это как-то непонятно.

Сбой привычных правил вызывает в душе напряжение (даже если это хороший сбой). Не страх, но какое-то ожидание. Будто за одной необычностью случится что-то еще. Авка по опыту знал, что часто так и бывает. Например, прошлым летом он отвел в стадо Матильду, вышел на опушку роши и увидел в небе тройную, небывалой яркости радугу! Полобовався, подумал «к чему бы это» и почти сразу наткнулся в тра-

ве на Мукку-Вукку (она и сейчас живет у него в доме). А осенью было такое: с утра в Авкиной голове придумалась глупая песенка —

Хорошилло и Мудрилло
Не поладили с Храбриллою.
Тра-та-та! Красота!
Кто-то будет без хвоста! —

а в полдень качнулась земля — киты, видать, и впрямь чего-то не поделили. Правда, землетрясение было слабенькое, ничего не разрушилось, только целых полчаса звонили колокола городских часов да в Императорском детском парке сами собой крутились карусели...

Вот и сейчас, после всех нынешних событий, Авке казалось — вот-вот что-то произойдет. Порой делалось вокруг тихо-тихо. И загадочно. Как во сне. Это было приятно и... страшновато. Авка наконец тряхнул головой.

— Гусенок! А ну вылезай! Весь уже синий! — Хотя с берега было не разглядеть, синий он или еще какой.

Гуська послушно выскочил на песок. Запрыгал, хлопал себя по ребристым бокам. Авка, ворча для порядка, растер его своей рубашкой.

— Одевайся живо!

Гуська прыгнул в широченные штаны, натянул их до подмышек. Авка со вздохом стал натягивать школьный костюм. Было немного жаль, что ничего так и не случилось. И, видимо, уже не случится...

Но...

Что-то на миг закрыло солнце. Свистнуло над головами. Пронеслось, замедлило полет. Зависло над берегом в сотне шагов от мальчишек. Круглое, большущее, сверкающее выпуклым стеклом.

— Ложись, — быстро сказал Авка. И они с Гуськой зарылись подбородками в песок.

КАКАЯ ФОРМА У ЗЕМЛИ?

Полукруглое что-то лежало неподвижно. Частью в воде, частью на песке. Может, это Луна раскололась надвое и прозрачная половина плюхнулась сюда, на Императорский дикий пляж?

Если так, это будет великое открытие. Авка прославится на всю Тыквогонию и окрестные страны (ну, и Гуська заодно). Надо пойти и посмотреть.

Только почему-то не очень хотелось вставать.

Авка посмотрел на Гуську. Тот смотрел на Авку с испугом, но и с готовностью выполнить всякую команду. «Что ж, пошли», — хотел уже сказать Авка. Но в этот миг блестящий купол бесшумно разъехался. В темной щели возник мальчишка. Он уперся в края ладонями, раздвинул щель пошире и шагнул на песок.

И сразу пошел к Авке и Гуське.

И чем ближе подходил, тем понятнее делалось: не мальчишка это, а девочка.

Да, одежда была мальчишечья — такие же, как у Авки, узкие брючки до колен (только не бархатные, а, кажется, кожаные), тесная серая безрукавка со шнуровкой на груди, тупоносые башмаки на босу ногу. И стрижка короткая, и никаких сережек, брошек и бус. Но по легкой походке, по чуть заметной плавности движений все же можно было угадать девочку.

Гуська, видимо, тоже угадал. Извернулся и быстро сменил лежачую позу на сидячую, обхватил колени. Авка тоже торопливо сел. А потом встал. Сообразил: девочка-то незнакомая, неизвестно откуда и, скорее всего, без всякой вредности и склонности к дразнилкам. А он — житель здешних мест. Можно сказать, хозяин на этом берегу. Значит, надо вести себя как подобает.

— Привет, — сказала девочка.

Она стояла теперь в двух шагах. На лбу ее, отжимая назад светлые прядки, сидели большущие очки. Вернее, прозрачная полумаска. Странная такая. И слово «привет» прозвучало тоже странно: слегка растянута («приве-ет») и с незнакомой ноткой (лишь после Авка вспомнил, что это называется «акцент»).

Авка сдвинул босые пятки и наклонил голову:

— Здравствуйте, сударыня...

Она сморщила похожую на изгиб кукольного ботинка переносицу.

— Давай без церемоний, ладно? — («Без церемоний» — получилось у нее.) — Тебя как зовут?

— Август... Авка. А это Гуська.

Гуська стоял рядом и смущенно отряхивал песок с широких штанин.

— А меня Звенит.

— Где у тебя звенит? В ухе, что ли? — сумрачно от стеснения спросил Гуська. И глянул исподлобья.

Она не обиделась. Показала в улыбке большие редкие зубы.

— Имя такое — Звенит. А можно — Звенка. Так меня мой дед зовет. И ребята...

Авка пошвыркал ступней о песок и сказал опять:

— А это Гуська.

— Ага, — согласился Гуська. — То есть Густав.

— Вот и хорошо, — еще шире улыбнулась она.

— Что хорошо? — подозрительно спросил Гуська.

— То, что познакомились. Вы ведь первые, кого я здесь увидела... Как называется этот берег?

— Это... Императорский загородный дикий пляж, — отозвался Авка. Он был удивлен.

Удивилась и Звенит:

— Значит, у вас тут империя?

— Что значит «у вас»? — Авка слегка обиделся. — Ты сама откуда? Из Диких областей, что ли?

— Тогда почему ты не черная? — придирчиво спросил Гуська. — И даже ничтожки не коричневая.

— У нас в Никалукии нету никого черных и коричневых. Разве что сильно загорят. Но это лишь к концу лета... И никакой империи тоже нету. У нас давно уже самая республиканская республика с выбранным президентом.

— В какой это еще Никалукии? — возмутился Гуська. Авка остановил его взглядом (все-таки с гостьей говоришь) и с достоинством возразил:

— Во всем мире, который расположен под небесной твердью, страны под названием Никалукия нет. Вы, видимо, шутите.

— Ничего себе шуточки! Тогда откуда же я, по-вашему? — Протяжные интонации у нее совсем исчезли.

— Не знаю. Только не из этой... не из Никалукии. Я, к вашему сведению, только сегодня сдал экзамен по географии, причем весьма неплохо. И карту мира помню назубок... вот. — Авка большим пальцем ноги уверенно изобразил на песке неровный круг. Расчертил его несколькими линиями. — Вот наша Тыквогония, она занимает главное место. Вот хребет Большой Ящер, а за ним Дикие области, которые раньше вели с нами войны, но теперь заключен мир. Вот здесь Северный Тыквореп, это в самом деле республика, с президентом, но

она вовсе не Никалукия. А тут вот было еще герцогство Караутана, но в прошлом веке оно соединилось с империей, хотя герцог там есть до сих пор...

Звенит слушала Авку без улыбки. Потом уперлась ладонями в перемазанные чем-то черным колени и склонилась над песочной картой.

— Ну и что? Ты ведь нарисовал только свой материк...

— Чего-чего? — опять не очень дружелюбно встрял Гуська.

— Ну, здесь только ваша часть земной поверхности. А наша Никалукия совсем на другом материке. К западу от вас. Называется Большая Элефанта. Потому что есть еще Малая Элефанта, там действительно живут темнокожие племена, но не черные и не коричневые, а лиловые...

— Сказки для детей дошкольного возраста, — задумчиво сказал Гуська. И глянул на Авку в поисках поддержки. И Авка понял, что стройная система мироздания требует его решительной защиты.

— Чушь! — отрубил он. — Извините меня, Звенит, но вы вешаете нам на уши тыквенную ботву. Давно доказано, что никаких... этих, материков, кроме нашего, в Мировом океане совсем нет.

Она, не разгибаясь, повернула к Авке лицо:

— В каком, в каком океане?

— В... Мировом. В бесконечном... — Авка вдруг ощутил странную неуверенность.

Звенит выпрямилась, сняла очки-полумаску, почесала ею мочку правого уха (там сидела круглая родинка). Глаза у девочки были серые с зелеными прожилками. И не было в них насмешки. Скорее — сочувствие.

— Мальчики, вы не обижайтесь, только... ох и отстали вы тут с вашей географией. Бесконечный океан... Вы небось до сих пор думаете, что Земля — плоская, как сковородка?

— Ничего подобного! — опять вознегодовал Гуська. И Авка поддержал его:

— Ничего подобного! Земля вот такая! — Он ладонями изобразил нечто выпуклое. — Высшая точка взгорбленности: восемь тысяч девятьсот шестьдесят девять локтей над плоскостью океана!

— Да ведь никакой плоскости нет! Неужели здесь до сих пор никто не открыл, что Земля — круглая, как мяч?

Авка даже разочаровался.

— У-у! Это же старые легенды! У нас некоторые мудрецы

про такое еще в средние века рассказывали! Это называлось «круглотыквенная ересь» и считалось вредным учением. Мудрецов заставляли от нее отречься.

— И все до одного отрелись?

— Ха, попробуй не отречься, когда тебя сажают в медный таз с водой и снизу нагревают до кипения! То есть даже не до кипения, а пока не заорешь: «Ой-ёй-ёй, отпустите, она не круглая!»

— У нас тоже заставляли отречься, тоже в средние века, — насупленно сообщила Звенит. — И многие тоже... Но несколько ученых стояли на своем до конца, хотя их сожгли на костре. И поэтому «круглое» учение победило.

И опять вмешался Гуська:

— На костре, конечно, жутко, но там зато героизм. А какой героизм, если ты сидишь в горячем тазу без штанов...

Это была, без сомнения, здравая мысль, но Авка вдруг очень смутился. Почему-то он представил в таком нелепом положении (то есть в тазу) себя. И он разозлился на Гуську. Но злость не показал, потому что вдруг Звенит (или Звенка?) догадается о ее причине! И чтобы не догадалась, он быстро сообщил с ученым видом:

— То, что Земля не может быть шаром, давно доказано. Это называется «опыт профессора Живобрагуса». Профессор взял круглую тыквочку за хвостик, обмакнул ее в воду и сказал: «Смотрите! Если бы Земля была такой формы, океан давно стек бы с нее, как с этого плода стекает вода!» Ну? Что ты тут возрадишь?

— И тыква сразу сделалась совершенно сухой?

— Ну... не сразу, конечно...

— Вот видишь! На ней осталась тоненькая пленка воды!

А на земном шаре такая пленка и есть океан!

— Пфы! Океан не может быть пленкой! — заявил Гуська.

— Но это же в планетарных масштабах!

— В каких масштабах? — не понял Авка.

— В пла-не-тар-ных. Шаровая Земля называется планета. Некоторые ученые считают, что планет много и они летают вокруг Солнца.

— Ученые? — с невинным видом сказал Гуська.

— Планеты, — терпеливо разъяснила Звенит. — И там тоже есть материки и население.

— Вы все рехнулись там, в своей Никалукии, — заявил Гусь-

ка (и не заметил, как тем самым признал существование этой страны).

Звенит, кажется, обиделась. Чуть-чуть. Авка быстро уловил это «чуть-чуть».

— Гуська! Девочка у нас в гостях, а ты... Извинись немедленно!

И Гуська немедленно извинился (попробовал бы отказаться!):

— Простите меня, пожалуйста. — Поник головой и затеребил свои необъятные брюки. Но было ли его раскаяние искренним?

Авка встретился с девочкой глазами, застенялся очередной раз и решил, что пора наконец спросить о главном. О том, что с самого начала жгло его любопытство.

— Скажите, Звенит... то есть скажи... на чем это ты прилетела? У вас уже изобрели тыкволеты?

— Ой, нет, это по-другому называется! Гра-ви-то-план...

— Как-как? — разом сказали Авка и Гуська.

— Ну... такой аппарат, в котором есть механизм против земного притяжения... Все дело в магнитах. Они ведь одними полюсами притягиваются друг к другу, а другими отталкиваются... Или у вас такое открытие тоже еще не сделали?

— Как это не сделали! — возмутился Гуська. — У нас даже игрушки такие есть, попрыгунчики с толкательными магнитами!

— Вот и хорошо! Значит, вы поймете... У нас изобрели большой земной антимагнит. Который к земле не притягивается, а наоборот... В общем-то это не новая идея, про нее еще в одной старинной книжке написано, о путешествиях Гулливера. У вас тут такой нет?

Авка и Гуська замотали головами.

— Ну, ничего... В общем, такой «антипритягатель». Большущее колесо из особого сплава, в нем-то главный секрет... Ну и построили гравитоплан. Это первый, опытный образец...

— А как тебя-то в него пустили? — недоверчиво сказал Гуська.

— Ох... — девочка Звенит помотала головой, села на корточки, подперла щеки и снизу вверх по очереди глянула на Гуську и на Авку. Глаза ее сделались несчастными. — Никто меня не пустил... Эта штука стояла на площадке недалеко от нашего дома. Конечно, там были охранники, но они не знали, что в заборе дырка. А я знала... А в кабине лежала инструк-

ция — как запускать двигатель. Горелки не были включены, но оказалось, что в котле еще сохранилось давление, от недавнего испытания. А я-то не знала. Ну и нажала кнопку... Мой дедушка говорит про такое: «Бес под локоть боднул»...

— Бес — это нечистый дух с рогами? — уточнил Гуська.

— Ну да! Он боднул, а я пришла в себя уже на высоте. Поглядела — облака рядышком, а город еле виден в заднем иллюминаторе...

— В чем? — удивился Гуська.

— В окошке, балда, — сказал Авка. И Звенит посмотрела на него с уважением. И Авку — будто маслом по сердцу. (Хотя, казалось, с чего бы?)

А Звенит со вздохами продолжала:

— Ну, что тут делать-то? Пришлось читать инструкцию до конца, да поскорее. Чтобы не брякнуться. Хорошо, что она короткая... Первым делом разожгла горелки, нужно было держать давление. Потом попробовала управлять — туда, сюда. Ничего, слушается... Ну, и надо бы возвращаться.

— А как приземляться, в инструкции тоже написано? — с пониманием спросил Авка.

— Ох, написано... Только не написано, что будет дальше. Взгреют ведь так, что небо с овчинку покажется...

«Небо с овчинку» — это надо запомнить», — подумал Авка. Но мельком. А главная мысль была с опаской и сочувствием: «Неужели там даже девчонок посылают к какой-то ихней баронессе?»

— А дальше-то что? — подал голос Гуська (тоже, кажется, с сочувствием).

— Дальше я подумала: семь бед — один ответ... — (Авка мельком запомнил и это выражение, неведомое в Тыквогонии.) — И решила: сперва полетаю как следует, а потом уж стану реветь и обещать, что «я больше не буду»... — (Авка отметил, что такая фраза в империи широко известна: видимо, у нее всемирное распространение.) — Ну и помчалась в сторону моря. Думаю: хоть на корабли сверху погляжу...

— И поглядела? — Авка присел на корточки рядом с ней.

— Да! На всякие!

Гуська присел с другой стороны. Спросил по-доброму так, без насмешки:

— А лететь не страшно?

Звенит опять вздохнула:

— Сперва страшновато, а потом ничего... Возвращаться в

тыщу раз страшнее. И я наконец придумала: полечу на восток, там, говорят, есть какие-то незнакомые земли. Открою их, и тогда меня не будут очень сильно ругать. Ведь такое открытие — это слава на всю Никалукию!

— Ну вот, ты и открыла! — подскочил Авка. — Теперь тебе ничуть не попадет! И может, даже памятник поставят!

— Да не надо мне памятник! Лишь бы дома не попало... Ох, а кто мне поверит, что я нашла неизвестный материк? Нужны какие-то доказательства!

Авкины мысли сработали с быстротой и точностью:

— Я дам тебе учебник географии за четвертый класс! Мне он все равно уже ни к чему. Там про нашу Землю много всего написано, а у вас такой книжки и не видали никогда...

— Как замечательно! — Звенит просияла. В буквальном смысле. Ее торчащие скулы засветились, глаза заискрились и совсем позеленели, широкий рот разъехался в улыбке и снова открыл большие неровные зубы.

«А ведь она совсем некрасивая, — прыгнула у Авки мысль. — Почему же я тогда...»

Что он «тогда», Авка не посмел произнести даже мысленно. Посмел только назвать ее так, как хотелось с самого начала:

— З... Звенка... Я сейчас сбегаю домой и принесу учебник... Ой! Меня же точно больше не отпустят. Или пошлют на выгон Матильду встречать, или заставят поленницу перекладывать...

Гуська — он был преданный человек. И понимающий.

— Я сбегаю! Я знаю, где твои книжки на полке! А если спросят, совру, что учебник надо в школу сдать. Что ты ждешь там...

— Гуська, ты герой! — возрадовался Авка.

— Я не герой, я... — Он не договорил и глянул нетерпеливо: бежать?

Для него все было просто. Он видел, что Авка уже принял за правду рассказ про страну Никалукию. А раз Авка принял, значит, так оно и есть. Нечего сомневаться, надо делать дело...

Авка же и в самом деле совсем поверил незнакомой девчонке.

Ну, насчет планет, летающих вокруг Солнца, это, конечно, бред. Насчет того, что у Земли форма круглой тыквы, — тоже масса сомнений. Хотя, с другой стороны, это помогает соединить понятия бесконечности и конечности океана. Как известно, шар не безграничен, однако попробуйте найти там конец и начало!.. А в том, что Звенка прилетела из неизвестной Республики Никалукии, Авка теперь окончательно уверился.

И был счастлив: ведь он — первый (вернее, они с Гуськой), кто в Тыквогонии узнал о неведомой земле! А еще был счастлив по причине, в которой боялся признаться даже себе...

— Ну, я полетел? — Гуська нетерпеливо пританцовывал.

— Ой, подожди минутку! Надо еще вот что... У вас есть керосин? Знаете, что это такое?

— Конечно, знаем! — обрадовался Авка. — Не с лучинами же мы сидим по вечерам!

— А можно достать полную канистру?

— Полную что? — разом сказали Авка и Гуська.

— Сейчас! — Звенка умчалась, исчезла в щели купола (гравито-плана) и сразу вернулась с серебристым четырехугольным сосудом. Большим, но, видимо, легким. Он гудел, когда Звенка на бегу поддавала его коленками. — Вот! Надо, чтобы по самое горлышко. А то весь керосин кончился, я еле успела выбрать гладкое место для посадки. Еще бы чуть-чуть — и бряк на деревья или крыши... Без керосина не разжечь горелки, а без них не раскрутить колесо антимагнита. И не взлететь. Антимагнит работает лишь тогда, когда крутится...

— Понятно, — деловито отозвался Авка. — Только Гуське эту посуду полную сюда не дотащить. Придется идти двоим: Гуське — за книжкой, мне — в керосиновую лавку...

— Я дотащу. То есть доведу на тележке, — храбро пообещал Гуська. И поманил Авку, когда тот хотел заспорить. Они отошли, и Гуська быстрым шепотом сказал: — Ты разве не понимаешь? Ей же будет страшно одной на чужом берегу.

Нет, он в самом деле был хороший человек. И вовсе даже не глупый.

— Ладно, Гусенок, шпарь!.. Стой! А деньги-то... — Авка стал нащупывать в кармане среди разных ценок монетки. К счастью, керосин в тыквогонской столице стоил гроши. Тех денег, что нашел Авка, вполне должно было хватить на двадцать императорских мерных кружек.

Гуська взвихрил песок босыми пятками и умчался.

Авка снова подошел к Звенке. И опять они посмотрели друг на дружку и стали глядеть себе под ноги.

— Звенка...

— Что?

— А... ты сможешь прокатить меня на своем гр... на своей машине? Хоть немножко, над берегом? И еще Гуську, тоже чуть-чуть...

Звенка виновато сморщила нос.

— Я... понимаешь, cabina-то одноместная. Вдвоем нельзя. Гравитоплан не потянет.

— Но ведь он рассчитан на взрослого! А мы с тобой по весу как раз будто один взрослый! А Гуська еще легче меня!

— Да, но кресло-то сбалансировано точно посередине. Строго на продольной и поперечной осях. Тебе придется сесть сбоку, и нарушится равновесие...

— И сразу — бульк? — грустно спросил Авка.

— Или бряк...

— Ну а поглядеть-то, как там внутри, можно?

— Конечно!

ПРИНЦЕССА И БАРАБАНЩИК

Внутри оказалось непривычно и удивительно. Будто в громадной сахарнице с прозрачной выпуклой крышкой. А стенки были непрозрачные. Обтянутые чем-то вроде черной замши. И повсюду на них светились и мигали стеклянные капли (что в них там горело, непонятно). Посреди «сахарницы» стояло низкое, очень мягкое на вид кресло. Перед креслом — наклонный коричневый столик. Он похож был на ученическую парту, но с множеством белых и черных клавиш — как на школьном клавишине.

— Садись в кресло, если хочешь, — разрешила Звенка. — Только ничего не нажимай.

У Авки и в мыслях не было чего-нибудь нажать. Ненормальный он, что ли? Надавишь непонятную штучку — и вмиг под облака! Или куда подальше... Он даже руки заложил за спину. Но в кресло сел. С удовольствием. Оно обхватило его прохладной мягкостью. Сразу ясно — нездешняя мебель.

Звенка устроилась сбоку от кресла. Надавила крайнюю клавишу, и щель в куполе беззвучно закрылась. Сквозь прозрачную крышу небо казалось еще синее, чем на самом деле. А облака — еще белее и пушистее. Чудеса! Но... сейчас Авке уже не очень хотелось к облакам. И он подумал с опаской: а что, если Звенка все-таки надавит нужную клавишу и они — фью-у-у... Конечно, хорошо бы, но лучше не сейчас...

Но Звенка больше ничего не нажимала. Только объяснила:

— А вот этим рычагом управляют: вверх, вниз, вправо, влево...

— Я догадался...

— Можешь за него подержаться, он пока отключен.

Авка осторожно подержался.

— Звенка... А долго ты сюда летела?

— Трудно понять. Наверно, долго, но в полете время сжимается, про это в инструкции тоже написано. Мне-то показалось, что часа два, а сколько часов дома прошло... это мне подробно объяснят, когда вернусь... Ох, что будет...

— Но ты же вернешься с открытием! С доказательством!

— Только на это и надежда... Но ведь может получиться, что сперва нахлобучка, а потом уж начнут слушать про открытие...

«Может», — мысленно согласился Авка. И пожалел Звенку. А она сидела рядом на корточках, и ее волосы щекотали Авкины пальцы, которыми он вцепился в подлокотник.

В гравитоплане пахло чем-то незнакомым — похоже на листья осокоря после дождя, но с горчинкой. И была в запахе легкая тревога.

Авка пошевелил пальцами (чтобы Звенкины волосы пощекотали их сильнее) и спросил:

— А ваша земля в океане как держится? На чем? Прямо в дно упирается или, как у нас, лежит на трех китах? — И тут же испугался: вдруг она засмеется? Скажет, что киты — сказка!

Звенка не засмеялась.

— У нас про это по-всякому говорят. Но большинство ученых считает, что материк держится на трех великанских слонах, а они стоят на гигантской морской черепахе. И вот она-то плавает в океане...

— Может, так и есть, — вежливо сказал Авка, хотя не очень-то поверил в слонов и черепаху.

— Может быть... — отозвалась Звенка и почему-то вздохнула.

— Все-таки странно все это... — сказал Авка.

— Что?

— То, что на наших землях мы друг про друга до сих пор ничего не знали.

— Потому что между материками чудовищное расстояние... — (У нее получилось «чю-удовищное».)

— Не такое уж чудовищное, раз ты долетела.

— Это, наверно, потому, что в гравитоплане время сжимается... А наши корабли до вас никогда не доплывали. И ваши до нас тоже...

— Потому что они далеко в океан и не ходят. Наши капитаны говорят: «Зачем уходить далеко в бесконечные воды?»

Они везде совершенно одинаковые, и ничего нового там нет. Есть только опасность, что заблудишься, когда уже совсем не видно земли. Вот и плавают вокруг... этого, материка...

— У нас в общем-то так же. Но все-таки иногда устраивают дальние экспедиции. Так, например, открыли Малую Элефанту. И с той поры нет-нет да и начинаются разговоры: а может быть, где-нибудь на земном шаре есть еще какие-то материк-ки?... Тем более что один раз случился удивительный случай...

— Какой?

— Это было лет десять назад, я сама, конечно, не помню, мне дедушка рассказывал. Однажды прилетел на берег большущий матерчатый шар, надутый теплым воздухом, к нему была привязана корзина, а в ней сидел человек. Совсем оголодавший. Он разговаривал на таком языке, что его еле поняли. А когда поняли, то удивились: он говорил, что прилетел с какой-то земли, про которую у нас никто не слышал. На этой земле, мол, великие пустынные поля, сплошь усыпанные песком, и там водятся громадные звери с рогами на морде и сухопутные крокодилы длиной в сто локтей... А еще, говорил он, там есть города с башнями из синего и зеленого стекла и с садами, которые растут почти что в воздухе, на высоких прозрачных мостах... Ему почти никто не поверил. Решили, что он просто повредился в уме во время полета...

— А может быть, все же есть такая земля? — сказал Авка. Почему-то шепотом.

И Звенка шепнула:

— Может быть...

И шепоток ее был такой же теплый и пушистый, как волосы, которые щекотали Авкину руку. И он вдруг понял, что ему не так уж интересно, есть на свете земля с чудовищами и стеклянными башнями или нет. То есть, конечно, интересно, только это не главное. Главнее было другое: радоваться тому, что неизвестно откуда свалившаяся Звенка говорит с ним доверчивым шепотом и тихонько дышит рядом.

В общем, Авка чувствовал себя как кусок сливочного масла, который положили на теплую сковородку. И без сомнения, чувство это было то самое, за которое (если кто-то узнает!) можно удостоиться звания «бзяка-влюбляка».

Конечно, такое звание было не столь обидным и скандальным, как, например, «бзяка-бояка» или «бзяка-трепака» (то есть ябеда). Некоторые храбрецы, случалось, даже не отпирались, а говорили: «Дураки! Мы с ней просто дружим! Нельзя,

что ли?...» А находились и такие герои, которые заявляли прямо: «Ну и что? Ну и да! Хочу и буду, не ваше дело, тыквы прокисшие!» И добавляли многообещающе:

Кто сболтнет еще хоть раз,
Десять раз получит в глаз!

Но для этого должен быть очень смелый характер. И наивно, очень сильная влюбленность. У Авки же характер был так себе, средний по смелости. А что касается влюбленности... он и сам не знал. Просто чувствовал, что тает (и даже непонятно почему: ведь некрасивая же!). Чтобы не растаять совсем, Авка торопливо спросил:

— А колесо этого, антимагнита, оно где?

— Внизу, под полом. Когда оно вертится, пол слегка дрожит, и от этого подошвам щекотно... — Звенка неуверенно хихикнула.

— А почему оно от горелок вертится? Как бумажная вертушка от теплого воздуха?

— Нет, что ты! Там паровая машина! Горелки нагревают воду в котле, пар толкает в трубах поршни, а они раскручивают колесо... У вас есть такие машины?

— Есть. Но их редко используют. Если только сильный урожай тыкв...

— А при чем тут тыквы?!

— Потому что у нас вся цивилизация на тыквах держится. — Слово «цивилизация» Авка выговорил с солидностью выпускника Императорской начальной школы. Будущего гимназиста. — И двигатели на них работают. Берется большая тыква, в нее впрыскивают специальное вещество, вроде жидких дрожжей, потом вставляют трубку. В тыкве начинается брожение, по трубке идет сильный толкательный газ, и его можно использовать как угодно. Хоть для машин на фабрике или мельнице, хоть для тыквокатов, чтобы грузы возить без лошадей... Есть тыквы с громадным запасом газовой энергии! Особенно сорт «Драконий желудок».

— Как здорово! У нас ничего такого нет... А тыквы не взрываются?

— Конечно, нет! Их же вкладывают в специальные железные шары. В «тыквосферы»... Хотя некоторые взрываются! Есть специальный сорт, называется «Гнев императора». Это тыквы моментального действия. Если в них вколют возбуждатель, они через несколько секунд — трах! бах! шарах! С таким

грохотом! И все разметают вокруг! Их бросают во врага специальными катапультами... Но это если война. А войны у нас уже давно не было, с тех пор как заключили мир с Дикими областями. Потому что чего с ними делить-то? У них своя цивилизация, бамбуково-помидорная... Наш император и их вождь Каса-Бамбукус Вдумчивый решили, что лучше торговать, чем тысячам людей пробивать головы неизвестно зачем...

— Он и правда вдумчивый, этот... Бамбукус. И ваш император тоже.

— Ага. Его у нас все уважают. И его папу уважали. Он запретил учителям лупить детей, отменил смертную казнь и велел министру тыквенного хозяйства каждый год выдавать бесплатно бедным семьям по десять хлебных тыкв. А тем семьям, где много детей, — еще дополнительно по две тыквы сливочно-шоколадного сорта... А ваш президент какой? Хороший?

— Да ничего... Только вот с этим гравитопланом из-за него были всякие трудности. Колючки-рогатки...

— Почему?

— Не хотел, чтобы его изобретали. Денег на эту работу не давал... Ну, ученые наши этот опытный образец все же построили. А я его... Ой-ёй-ёй, что теперь бу-удет...

— Ты же сделала великое открытие, — напомнил Авка.

— Да... Но еще неизвестно, понравится ли оно там, у нас. Взрослые — они такие... непредсказуемые.

«Это верно», — вздохнул про себя Авка. Но Звенке сказал:

— Все будет нормально... Только вот Гуська где-то застрял. Может, лавка закрыта на перерыв? Или колесо у тележки отвалилось? Гуська ее сам сколачивал, хлипкое сооружение...

— По-моему, он хороший, — задумчиво сказала Звенка. — Он твой друг?

— Ну... вроде того.

Звенка сильно шевельнулась у кресла. Снизу вверх, от подлокотника, строго глянула на Авку.

— Как это так? Друзей «вроде того» не бывает. Друг, он — или «да», или «нет».

— Ну... я не так выразился. Друг... — Было бы долго и неловко объяснять девочке из другого мира тонкости мальчишеских отношений в Тыквогонской империи.

— По-моему, он очень добрый, — успокоившись, продолжила Звенка. — Только с виду немножко забавный. Особенно его штаны.

— Они от старшего брата. Поэтому большущие.

— А почему заплата смешная такая, красная? Неужели белой материи не нашлось?.. Ой, здесь, наверно, мода такая, да?

— Не мода, а обычай. Брат, покуда не вырос, был императорским барабанщиком, это его форменные брюки. Все придворные барабанщики ходят с красной заплатой на левом колене.

— Почему?

— Потому что однажды случилась история... Еще целый век тому назад... Тогдашний император и его дочка, ей лет десять было, вроде как нам, поехали на открытие нового Императорского цирка. Он и сейчас посреди столыцы стоит. Ну, конечно, в городе полный трам-тарарам, почетный караул, музыка. У цирка вдоль улицы с одной стороны императорские трубачи, с другой — императорские барабанщики. А один барабанщик, самый маленький (звали его, говорят, Бустик), опоздал на это дело. Он вышел со своим барабаном из дома как полагается, заранее, но в одном переулке ему повстречались вредные пацаны. Знаешь, бывают такие...

— Бывают. У нас тоже... — вздохнула Звенка. И пересела с пола на мягкий подлокотник, потому что устала сидеть на корточках. Она обняла Авку за плечо и тепло дышала ему в заросшее темя. И это было такое... замירתельное ощущение. И Авка, не решаясь шевельнуться, рассказывал дальше:

— Вот, они его окружили и давай задирают:

Барабанщик, тра-та-та!
Голова твоя пуста!
В барабане дырка,
Не ходи до цирка!

Начали стучать по барабану, дергать за эполеты, за аксельбанты, у него ведь на мундире много было всякого такого. Бустик начал, конечно, отмахиваться, а они тогда — в драку...

— Все на одного?!

— Нет, что ты! Это была бы гугнига, и они сделались бы бзяками с отпадом...

— Что за гугнига?

— Это значит — совершенно бессовестное дело. А бзяки...

— Про бзяк я знаю. А что было дальше?

— Они заставили его драться с каждым поодиночке. Бустик был маленький, но не трусливый. Одному разбил губу, другому вляпал под глаз. Самому ему тоже досталось, но он держался — ведь императорский барабанщик, а не кто-ни-

будь! И когда он третьему противнику расквасил нос, его отпустили. Даже помогли надеть как следует барабан и дали булавку, чтобы пристегнуть оторванный эполет... И Бустик помчался! Он уже опаздывал! А недалеко от цирка случилась еще одна беда. Он споткнулся на мостовой и рассадил себе о булыжник, сквозь штанину, колено... Кое-как дохромал до строя, встал на левом фланге, и тут подсакивает начальник всей музыкантской команды, тамбур-полковник по прозвищу Тыквоквас. «Это что такое! Это что за вид! Как ты посмел! Вот как всыплю тебе в казарме три дюжины барабанных палок!..» Тогда еще разрешалось такое... Но времени уже не было, в дальнем конце улицы закричали «ура!», значит, показалась императорская карета. Тамбур-полковник показал Бустика во-от такой кулак и оставил в строю, иначе шеренга была бы неполной... Бустик стоит, а по щекам слёзы. Там, с мальчишками, он ни слезинки не уронил, а сейчас... ну, обидно же, и боль в коленке отчаянная, да и страшно: вдруг правда дело кончится палками?.. И даже вытереть щеки нельзя, потому что велено стоять навытяжку...

— Бедняжка, — вздохнула Звенка. И Авке стало приятно, будто она пожалела не давнего Бустика, а его самого.

— Ага... — кашлянул он. — А карета всё ближе. И вот уже поравнялась с флангами музыкального строя. И Тыквоквас уже поднял свой жезл с кисточками, чтобы скомандовать трубачам и барабанщикам торжественное приветствие, но карета вдруг — стоп! Это велел император. Высунулся из кареты и говорит: «Эй, тамбур-полковник, идите-ка сюда!» Тот подскочил, отсалютовал, докладывает: «Ваше императорское величество! Императорские трубачи и барабанщики для торжественной встречи вашего императорского величества и ее императорского высочества построены. Разрешите начать церемонию?»

Авка рассказывал с удовольствием. Эту историю он слышал много раз, знал ее во всех подробностях. А говорить он, как нам известно, умел. И Звенка теперь слушала почти не дыша.

— Император поглядел на толстого тамбур-полковника Тыквокваса и говорит:

«Подождите вы с церемониями. Лучше скажите, почему это у вас вон тот мальчик с барабаном плачет?»

Тыквоквас был большой трус. Он все время боялся, что его выпонят с должности за пьянство. Тут он затрясся и давай оправдываться:

«Ваше императорское величество, этот скверный мальчишка чуть не опоздал на парад, бежал изо всех сил и поэтому в таком безобразном виде. Простите. Мы не успели принять меры. Поверьте, государь, он будет примерно наказан!»

А император, он был неплохой дядька, нахмурился и спрашивает:

«За что же, полковник, вы хотите его наказывать? Он же бежал, чтобы успеть в строй и выполнить свой долг! Сразу видно, как торопился, даже ногу поранил. Вы, господин Тыквоквас, наверно, не помните, как это больно, когда в детстве разбиваешь коленку?»

Тамбур-полковник совсем обалдел от страха:

«Так точно, никак нет, ваше императорское величество. То есть так точно, никак да. То есть...»

И тут рядом с императором оказалась принцесса. У нее были веснушки и решительный характер. Она сказала:

«Мальчик. Иди сюда. Пойдем со мной. — И повела Бустика в карету. Там она велела ему засучить штанину, смазала содранное место какой-то шипучей туалетной водой (у принцесса ведь всегда много такого с собой), а между делом выспросила про все, что с ним случилось. Потом перевязала колено своим платком. — Ну вот, теперь все в порядке. А полковника не бойся, он тебе ничего не сделает».

Бустик посопел, вытер слезы и говорит:

«Спасибо, ваше высочество. Только из барабанщиков меня все равно прогонят».

«Почему?»

«Видите, что случилось с брюками... Красное пятно теперь до конца все равно не отстирать, дыру незаметно не зашить, а на новые штаны денег дома нет. Мы ведь должны покупать форму за свои деньги...»

Тогда принцесса высунулась в окошко кареты и велела:

«Полковник, подойдите сюда! Повелеваю, чтобы отныне у всех барабанщиков на левом колене была красная заплата. В память о храбром поступке барабанщика Бустика!»

Тыквоквас, конечно, глаза выкатил — и:

«Слушаюсь, ваше императорское высочество!»

— А император? — спросила Звенка.

— А ему что? Жалко, что ли? Тем более что дочку он любил и выполнял все ее желания. Если, конечно, они не вредили империи. Но это-то ведь не вредило... А принцесса потом ста-

ла приглашать Бустика во дворец — на всякие праздники и просто так, поиграть. И они подружились...

— И потом... поженились? — с замиранием прошептала Звенка.

— Нет, — вздохнул Авка. — Принцессы ведь должны жениться только на принцах, такое правило. Но, говорят, они были друзьями всю жизнь. Принцесса даже предлагала Бустика, когда он вырос, занять должность главного военного капельмейстера при дворце. Это в сто раз важнее, чем тамбур-полковник. Но Бустик отказался...

— Почему?! Обиделся на нее?

— Да ничуть не обиделся. Наоборот, спасибо сказал. Но он тогда был уже знаменитый музыкант, играл не на барабанах, а на скрипке. И поэтому стал первой скрипкой Императорского симфонического оркестра, а потом дирижером... Он сочинил музыку для песни, которая знаменита и сейчас. Она вроде как второй наш гимн.

Тыквы полезны во все времена,
Но всех отраднее время весна.
В этот период везде, там и тут,
Ранние тыквы в мае цветут...

Авка немного стеснялся, но пропел куплет звонко и чисто. Ведь сейчас он был представитель всей Тыквогонии.

— Очень славная песня, — искренне похвалила Звенка. — У нас тоже хорошие песни есть. И гимн... Только я спеть не смогу. Мне Бутузо на ухо наступил.

— Кто наступил?

— Ну, так у нас говорят, если у человека никакого музыкального слуха. Бутузо — это один из слонов, которые будто бы держат материк и стоят на черепахе. А других слонов зовут Пузо и Грузо.

— А черепаху?

— А у нее нет имени, только титул. «Ее великое величество Всемирная Черепаха».

— У меня дома тоже черепаха есть. Только не великанская, конечно, а вот такая, — Авка раздвинул ладони. — Но она хоть и маленькая, а тоже необыкновенная. У нее две головы. Не веришь?

— Верю... но разве такие бывают?!

— Очень редко, но бывают. Я ее прошлым летом нашел в траве, на выгоне, когда встречал Матильду. Это наша корова.

А еще у нас есть кошка Заноза, но она ленивая, с ней неинтересно. Вот когда котята появляются, другое дело. Но мама велит их потом раздавать знакомым... А у тебя кто-нибудь есть?

— У дедушки есть два кота — Фонарь и Плюха. И большой пес Кактус. Они все втроем очень дружат. И я с ними...

— Ну, это у дедушки. А у тебя дома?

— А я чаще живу у дедушки. У него интересно, он смотрит маяк. А мама и папа всегда заняты, дома бывают редко...

— А они... кто?

— Ну... папа заведует одной конторой. А мама ему помогает...

Авка уловил в Звенкином голосе неохоту к такому разговору. И сразу сказал о другом. Полушутя:

— Давай-ка выберемся наружу. А то я так привыкну к этому креслу, что меня потом силой не вытащишь...

Но под шуткой он скрыл тревогу. Во-первых, он беспокоился: почему долго нет Гуськи? Во-вторых, опасался: вдруг кто-то посторонний появится на берегу и увидит этот... гравито-план. И незнакомую Звенку. Конечно, ничего тут не поделаешь, но лучше заметить гостей заранее, чтобы приготовиться к объяснениям.

«А ты ведь врешь, — толкнулась в Авке ехидная (вернее, «самоехидная») мысль. — Прежде всего ты боишься, что увидят, как ты сидишь рядом с девчонкой, чуть не в обнимку...» — «И ничего не в обнимку! И ничего не боюсь!» — «Ладно уж, вылезай. И не ври. А то будешь сам для себя бзяка-завирака»...

Звенка нажала клавишу, купол разошелся, и они прыгнули на песок.

ЖЕЛТАЯ ЛАСТОЧКА

На берегу никого не было. Только тени от кустов качались на песке под ветерком. Он тянул с воды и был свежим, но солнце жарило все сильнее и перебивало эту свежесть.

Звенка зажмурилась навстречу солнцу, раскинула руки и вдруг сказала:

— Давай искупаемся, пока Гуськи нет. Все равно делать нечего.

Авка обмер. Уши вмиг раскалились. Что делать-то? Признаться, что нет у него купального костюма? Почему-то ужасно стыдно... А у самой-то у Звенки откуда купальный костюм?

Она ведь взлетела случайно! Или там у них, в Никалукии, другие обычаи? Может, там... вообще без всяких купальников, как в Диких областях? Вот скандал-то...

Авка вполне естественно стукнул зубами, как от озноба:

— Знаешь, я тут недавно два часа подряд купался, до полного посинения. До сих пор дрожу, как на воду посмотрю...

— Ну, тогда я одна окунусь! А ты... — Звенка засмеялась, — караул, как доблестный рыцарь, мою воздушную карету!

— Ладно, — выдохнул Авка и ничком брякнулся на песок.

Опять зарылся в него подбородком. Потому что так можно делать вид, что вовсе и не смотришь на девчонку. Да и не хотел он смотреть! Потому что это была бы совсем гугнига... Но... может, она булькнется в воду прямо в одежде? Может, у них так полагается? И Авка посмотрел. Чуть-чуть, одним глазком...

Звенка, беззаботно насвистывая, сбросила безрукавку и белую рубашонку. Приплясывая, стягивала узкие брючки...

«Я же вовсе и не смотрю! Я... только с миганьем, на всякий случай. Вдруг ногу подвернет или споткнется, когда побежит в воду... Ох...»

Но нет, купальник на ней был. Только вовсе не такой, как у здешних девчонок. Совсем-совсем коротенький, желто-золотистый и облегачущий шуплую Звенку, как вторая кожа. Здешние девчонки зафыркали бы и захихикали. Но... Звенка-то ничуть не боится! Вскинула руки, колесом прошлась по песку.

— Авка, у вас так умеют?!

Надо было защищать честь Тыквогонии! Тут уж не до боязни! Авка вскочил и тоже прошелся колесом. А потом с разбега кувыркнулся в воздухе. И от этого кувырка страх из него вылетел окончательно. Чего такого? Звенка как Звенка, самый подходящий у нее костюм. И девчонки, увидев и пофырвав, скоро понаделали бы себе таких же...

— Я побежала! Если потону, завещаю гравитоплан тебе!

Ничего себе шуточки!

Но она не думала тонуть. Сразу было видно, что плавать не хуже, чем скачет. Махая тонкими руками, она доплыла до валуна, что серым полушарием торчал над синей водой. Забралась, вытянулась вверх как струнка, раскинула руки, взлетела желтой ласточкой и ушла в воду...

Да, она была похожа на золотистую ласточку-песчанку, которые водятся в скалах на безлюдных побережьях. В отличие

от черных ласточек, это редкая порода. Авка видел такую только один раз на загородной экскурсии, но запомнил прекрасно...

Звенка долго не показывалась из воды, и Авка уже забоялся, но вот она вынырнула. И вразмашку — к берегу. Выбежала, заплясала на одной ноге, приложив к уху ладошку. Совсем как здешние ребята. Потом встала перед Авкой, будто желтый стебелек, обняла себя за мокрые плечи.

— Вода теплая, а сейчас зябко, на ветерке-то.

Авка деловито посоветовал:

— Беги за стену, сними там да выжми...

— Зачем? Это быстросохнущая ткань, новое изобретение. Она даже греющая. Потрогай... — и Звенка приложила Авкину ладошку к своей твердой, с проступившими ребрышками груди. Шелковистая ткань и правда была сухой. Но теплой ли — Авка не разобрал. Потому что ощутил, как под ней толкнулось Звенкино сердце. Будто у взятого в ладони котенка. Хотел подержать ладонь еще, но испугался и уронил руку. Потом саркастично сказал:

— Ткань-то сухая, а сама ты мокрая. Вот простынешь на ветру и отправишься не домой, а прямо на небо. Ну-ка... — Он скинул куртку, сдернул рубашку и рубашкой этой начал растирать Звенке плечи, голову, руки. Так же, как недавно Гуське. И опять ничуть не стеснялся, потому что боялся по правде: вдруг и в самом деле простудится!

Звенка не спорила, только фыркала и смеялась. Потом сказала из-под рубашки:

— Ты совсем как мой дедушка, когда вытаскивает меня из ванны.

— На месте дедушки я бы дал тебе шлепка. Чтобы не нырала в незнакомом месте. Вдруг там камни!

— Там вода прозрачная, все дно видно!

— Мало ли что там видно... — Авка снова стал вытирать ей плечи. Тёр и поглядывал по сторонам. Кругом по-прежнему не было ни души (и это хорошо). И Гуськи не было (а это плохо). Но вот он появился наконец! Причем как-то незаметно, Авка увидел его уже вблизи. Гуська стоял, держа увязшую в песке тележку на двух деревянных колесиках и открыв от удивления рот. Впрочем, тут же он его закрыл, будто не видит ничего особенного (умница все-таки).

Авка бросил на песок рубашку.

— Где тебя носило столько времени?

— Меня мама поймала на улице, я еле успел эту посуду

спрятать в лопухи. Повела домой и говорит: «Никуда не пойдешь, пока не поможешь мне выжать все белье». Я попробовал зареветь, но бесполезно...

— Все у тебя всегда не так... — проворчал Авка. Звенка (она одевалась) глянула укоризненно:

— Зачем ты его бранишь? Гуська молодец... Давайте горячее, мальчишки...

Они отвязали от тележки канистру и вдвоем (тяжеленная!) подтащили к пожему на громадного жука гравитоплану — он будто замер в ожидании. Звенка забралась внутрь, Авка и Гуська, поднатужившись, протянули ей канистру. Звенка ухватила ее (сильная!).

— Помочь? — Авка приготовился прыгнуть под купол.

— Не надо, я уже установила... Подождите... — Она вошла в кабину минуты две. Наверно, разжигала горелки. Потом выскочила к мальчишкам. — Ну вот... сейчас все будет готово.

— И улетишь? — тихо сказал Гуська. Глаза у него стали очень синие и очень круглые.

— Да... — Звенка опустила голову. — Мне совсем-совсем пора...

— Тогда держи... — Гуська выволок из-за пазухи растрепанный учебник географии.

— Ох! Я же чуть про него не забыла! Спасибо, Гусенок! — Она его назвала так же, как Авка, и он заулыбался. Звенка пошарила в кармане брючек. — Вот, возьми на память. Ты ведь меня так выручил, просто спас! — И она вложила в Гуськину ладонь крошечного прозрачного зайчонка. Из зеленого стекла.

— А мне? — выговорил Авка и кашлянул, потому что запершило в горле (и защипало в глазах). — Мне можно что-нибудь... тоже...

— Да... вот. — Звенка прижала к его ладони что-то маленькое, колючее...

Это была янтарная птичка. Узкокрылая, золотистая. Желтая ласточка!

— Мы такими стекляшками играем в чалки, — тихо объяснила Звенка. — Не бойся, она небьющаяся... Посмотришь на нее и вспомнишь, как мы тут... повстречались. Потому что...

— Что? — одними губами сказал Авка.

— Ну... мы ведь, наверно, никогда больше не увидимся.

— Почему?! — вскинулся Авка. — Вы там понастроите этих... летучих штук и станете прилетать к нам! Часто!

— Это еще когда... И неизвестно, будут ли их строить. Наше правительство почему-то боится новых открытий. А к этому гравитоплану меня теперь не подпустят на три тысячи локтей. Запрут его на сто замков...

— А если... все-таки... — Полностью расстаться с надеждой было для Авки выше сил.

— Ну, может быть, — согласилась Звенка. Так взрослые утешают малыша. И вдруг: — Авка...

— Что? — почему-то испугался он.

— Можно я... поцелую тебя на прощанье?

Мысль о прозвище «бзяка-целовака» (гораздо более скандальном, чем «бзяка-влюбляка») лишь на миг скользнула у Авки. Он втянул воздух, зажмурился и сказал:

— Ага... Ладно...

И ощутил, как теплые и мокрые Звенкины губы ткнулись ему в щеку. Подождал и открыл глаза. И встретился со Звенкиными глазами — грустными и блестящими. Но в тот же миг Звенка засмеялась, повернулась к Гуське.

— И тебя — тоже! — Нагнулась, чмокнула его в висок и прыгнула к куполу. Не оглянувшись, нырнула в шель. Купол мигом закрылся. И странная штука — гравитоплан — бесшумно взмыла в высоту. И пошла над озером — черное блюдце с прозрачной выпуклой крышкой. Блюдце делалось все меньше, меньше. И наконец пропало в синеве, мигнув напоследок стеклянной искрой...

Вот и все...

— Какая она... — вздохнул Гуська. — На глазах слезинки, а смеется...

— Ты никому про нее не говори, — проговорил Авка. Хмуро проговорил, потому что... слезинки, кажется, были и у него.

— Конечно, никому... Да никто и не поверит... Я вот только думаю: неужели никто не видел, как она летит над Тыквогонией? От моря до нас сотня миль.

— Может, кто и видел, да глазам не поверил. Или решил, что это такой змей запустили...

— Наверно...

— Идем домой, Гусенок.

— Идем... — Но Гуська не пошел, а вдруг сел на песок. — Авка, я хочу правду сказать... а то буду совсем бзяка. Ты меня отруай, только не сильно, ладно?

— Что такое? — Авка быстро сел рядом.

— Меня мама не ловила... Я долго не шел, потому что ис-

пугался собаки. Той самой. Она опять там бегала, и давай гавкать на меня. И хотела зубами за штаны... И никак не уходит с дороги. И никого прохожих нету, чтобы прогнать ее... Я стоял, стоял, а она караулит. Тогда я пошел домой, взял тыковку-хлопушку, вернулся да как запущу в эту зверюгу! Так рвануло! В соседнем доме аж стекла звякнули! А зверюга — под ворота... А потом еще хозяин лавки не хотел керосин продавать. Говорит: «Зачем тебе? Мы маленьким не продаем!» Ну, я наврал, что мама велела срочно купить, ни капли в лампах не осталось...

Печаль расставания рождает в душе доброту и любовь к окружающим. Авка взьерошил Гуськины волосы.

— Не бзяка ты, Гусенок, а молодец. С собакой справился, керосин добыл, Звенку выручил. Герой.

Гуська заулыбался с осторожной радостью. Взял двумя пальцами зеленого зайчонка, стал смотреть-сквозь него на солнце. Авка посадил себе на колено желтую ласточку. В ней зажглась искра. Авка тихонько накрыл янтарную пташку ладонью. И показалось, что в ласточке — тук, тук — еле заметно бьется крошечное сердце.

СТРАДАНИЯ И ПИРОГ С КЛУВНИКОЙ

— Ведь некрасивая, — в сердцах выдохнул Авка. И на ходу срубил прутком желтую головку шиповника. И повторил со звонкой досадой: — Ну, некрасивая же!

Рыжая с белыми пятнами Матильда, которая шла впереди, обиженно оглянулась.

— Да не ты, не ты, — сказал ей Авка. — Ты-то у нас красавица.

А говорил он про Звенку. Звенкино лицо стояло перед ним ну прямо как портрет, и Авка понимал, что оно не забудется. А в сердце сидела колючая (как все тот же шиповник) печаль. Она, эта печаль, могла быть не такой колючей и даже приятной, если бы оставалась надежда на новую встречу. Но Авка понимал, что надежды нет. Между ним и девочкой по имени Звенит — океан. И, конечно же, Звенку никто в ее Никалукии не подпустит больше к гру... гра... (тьфу!) этому летательному аппарату. И никогда эта круглая штука уже не плюхнет на Императорский дикий загородный пляж...

Ну не плюхнет — и не надо! Жил же он до сих пор, не

зная никакой Звенки, и был счастлив! Зачем она ему? Добро бы красавица была, из-за которой не страшно сделаться бзякой-влюблякой, а то ведь...

Но эти рассуждения не приносили покоя. Звенкин портрет маячил перед Авкой, будто повешенный на стенку. И колючий шарик в сердце шевелился так, что из глаз выжимались слезинки.

«А может, ничего не было? — прыгнула в Авкиной голове спасительная мысль. — Может, я просто задремал там на песке, и круглая летучая штука с девчонкой просто приснилась?»

Но не тут-то было! Твердая стеклянная ласточка сидела в нагрудном кармане и напоминала о себе при каждом шаге.

На Авке был сейчас не бархатный костюм, а холщовая рубашка и такие же штаны длиною чуть ниже колен. Такая одежда, в которой обычный тыквогонский мальчишка чувствует себя нормальным человеком. Оно и понятно — кто же в парадном школьном наряде пойдет на выгон встречать корову! Кстати, можно было бы и не встречать, Матильда прекрасно знала дорогу к дому. Но мама сказала: «Сходи, пригони ее, а то будет плестись, как твоя Мукка-Вукка». И Авка послушался. Тем более что по дороге в одиночестве можно было разобратся в своих сердечных чувствах.

Но не получалось это — разобратся-то.

«И чего она во мне застряла? Ведь некрасивая!..»

Авка чувал, что колючая печаль теперь долго не оставит его. Может быть, никогда. И надежда, что это был только сон, совсем напрасна. Единственная широкая лямка штанов проходила как раз по нагрудному карману, прижимала его к Авкиной груди, и стеклянная ласточка там шевелилась как живая.

Сытая Матильда неспешно шагала по тропке среди лебеды и шиповника. Авка — босой и насупленный — брел в трех шагах позади. Меланхолично наблюдал, как увесисто качается налитое Матильдино вымя. Авка любил парное молоко, но сейчас мысль о кружке такого молока (с краюхой, посыпанной крупной солью) не приносила привычной приятности. Потому что желудочными радостями не прогнать сердечную тоску.

Матильда свернула с пустыря в Конопляный переулочек, где среди других окраинных домов стоял и Авкин дом — с зелеными ставнями у окошек, с плетнем, украшенным рыжими кувшинами и развешанными для просушки половиками, с крыльцом в три ступени.

Столица Тыквогонии была, конечно, прекрасна. Ее центр славился просторными улицами, площадями, памятниками и многими замечательными зданиями: императорским дворцом, театром, Музеем тыквенной цивилизации, мужской и женской гимназиями, гостиницей «Золотая тыква», торговыми рядами (тоже, разумеется, императорскими). Но окраины выглядели по-деревенски, и жизнь там текла вполне сельская. Многие императорские чиновники, закончивши дневную службу, шагали в свои осевшие среди лопухов дома под крышами из сушеных тыквенных корок, чтобы вместе с женами повозиться на огородных грядках и позаботиться о корме для всякой домашней живности.

Авкин папа, императорский счетовод Пилипп Головка, вел такой же образ жизни. Впрочем, сейчас он еще не вернулся со службы. Авкин старший брат Бума сегодня до заката дежурил на посту в городском парке. Он был курсантом школы младших командиров Императорской охраны порядка и в эти дни проходил практику.

Мама встретила Матильду ласковыми словами, увела ее в хлев, и там зазвенели о подойник тугие струйки. Авка остался на крыльце. Сел на ступеньку.

«Ведь некрасивая же...»

Но эти бесконечные повторения не помогали. И ласточка опять колюче шевельнулась в кармане.

Сбоку от крыльца закачались лопухи, из-под них вышла Мукка-Вукка. Ткнулась левой головой в голый палец на Авкиной ноге.

Круглая Мукка-Вукка была размером с тарелку. Спину ее покрывал костяной серо-коричневый панцирь с узорами-завитушками. Снизу панциря не было, на выпуклом животе — плотная кожа со складками и бородавками. Мукка-Вукка любила, когда ей почесывают эту кожу — ногтем, щепкой, твердой тыквенной корочкой.

Авка положил черепаху панцирем себе на колени, поскреб ей пузо мизинцем. Та довольно зашевелила толстыми лапами. Авка вынул из кармана ласточку, поцарапал бородавчатое брюхо стеклянным крылышком. Мукка-Вукка заулыбалась двумя маленькими ртами.

— Эх ты, чудо-юдо... — вздохнул Авка. Вечернее солнце покрыло траву оранжевым налетом, загло в желтой ласточке пушистую искру. Авкина печаль стала не такой колючей, как раньше.

— Хорошая ты, — сказал он Мукке-Вукке с новым вздохом. — Все у меня хорошие. И мама, и папа, и Бума (хотя и вредный иногда, не дает поносить свою португею). И Матильда, и кошка Заноза... И зачем мне еще какая-то заморская Звенка? Ведь правда же?

Мукка-Вукка не отвечала (это и понятно). Однако она чепухой глазками-бусинами смотрела как-то уклончиво, мимо Авки. Мол, хитришь ты, братец, сам себя хочешь обмануть.

Авка вздохнул плуце прежнего, отправил Мукку-Вукку в лопухи, спрятал стеклянную птичку в карман и стал сидеть на крыльце просто так. И сидел до той поры, когда пришли отец и брат и мама позвала всех пить чай.

За чаем Авка повеселел. Потому что в честь школьных успехов младшего сына мама испекла сладкий пирог. Причем не с надоевшим тыквенным повидлом, а с настоящей ранней клубникой из императорских парников (конечно, дорогая она, однако ради такого дела можно и потратиться).

Папа хвалил сына и говорил, что, когда он, Пилипп Головка, уйдет на пенсию, Авка вполне может занять его место в счетовой конторе. Брат Бума подарил Авке старые курьезные эпoletы. Авка тут же нарисовал на них генеральские звезды и целый час чувствовал себя командиром Императорской гвардии.

Но когда легли спать, печаль и тревога опять взяли Авку в плен.

«И чего привязалась? Ведь некрасивая же!.. А может быть, она все же когда-нибудь прилетит?»

Мальчишечья деревянная кровать была старая (на ней еще дедушка спал в свои школьные годы). Она скрипела под Авкой, как разошедшая телега на ухабах. Утомленный дежурством Бума сказал из-за дощатой стенки:

— Чего ты вертишься, как голый червяк в крапиве? Влюбился, что ли?

Это он просто так, с досады высказался, но Авка обмер и стыдливо притих. И с перепугу заснул. И ему приснилась громадная двухголовая черепаха (кажется, прабабушка Мукки-Вукки), на которой он с Гуськой катался вдоль границы Диких областей. Кругом росли мохнатые пальмы, бамбук и банановые деревья (но без бананов). И Авка думал, что за этой границей, может быть, не Дикие области, а Республика Никалукия. И вдруг из зарослей выбежит Звенка?

Но Звенки не было, только в знойном воздухе стрекотали

прозрачными крыльями искристые желтые птички. Разве разберешь, какая из них та самая? А Гуська надоедливо ныл: почему на банановых деревьях нет ни одного плода?

— Да перестань ты канючить, обжора! — в сердцах сказал ему Авка.

Гуська примолк. Широко раскрыл жалобные глаза со слезинками. Авку сразу кольнула совесть. Сам-то он совсем недавно лопал пирог с клубникой, а Гуська сладкого не видит неделями. Можно было бы догадаться, пригласить Гусенка на чай. Конечно, он не равноправный друг, а так, хлястик, но все же...

«Ладно, проснись и утром угощу, пирог еще остался», — решил Авка. Тут Гуська, черепаха и южная природа растворились в сумерках, и дальше Авка не видел никаких снов.

ДЕЛО ПАХНЕТ КЕРОСИНОМ

Спал Авка допоздна — так его умотали события вчерашнего дня. И его не будили — пусть ребенок выспится в первое утро каникул. Мама сама проводила Матильду к пастухам, папа отправился считать тыквенные семена, Бума в своей желто-розовой форме с аксельбантами опять ушел на практику. Только Заноза грелась под солнышком на подоконнике да шуршала под кроватью Мукка-Вукка.

Авка помнил про Звенку. Но помнил и то, что, когда спал, обещал себе угостить Гуську пирогом. Конечно, Гусенок давно встал, он ранняя птичка. Надо выйти на крыльцо да кликнуть его с соседнего двора.

Но звать Гуську не пришлось. Он подждал Авку на заборе и сразу прыгнул навстречу.

— Гусь, хочешь пирога с клубникой?

— Не-а...

И Авка увидел, что лицо у Гуськи похудевшее, совсем треугольное, а глаза горестные — такие, как в недавнем сне.

— Что с тобой? Опять с какой-то собакой не поладил?

Гуська сообщил голосом, сипловатым от слезинок:

— За мной дядька Вува приходил, сторож...

— Зачем?

— Хотел меня и маму к вашему Укропу отвести...

— Да зачем?! — ничего не понял Авка. Но встревожился.

— Потому что ваш Укроп нынче вместо школьного директора. Директор болеет, а он — заместитель...

— Да зачем ты Укропу-то?! И твоя мама...
 — Потому что Банка наябедничал, что я покупал керосин...
 — Какая банка?

— Ну, Квазимир Банка, хозяин керосиновой лавки! Он не поверил, что я керосин для хозяйства купил. Сперва-то продал, а потом, видать, напугался. Вдруг я какой-нибудь пожар натворю! И пошел сперва вечером спрашивать у мамы, а ее дома нету. Тогда он пошел в школу и наябедничал там. А заместитель Укроп сегодня с утра пораньше послал к нам Вуву...

— Ну и что? — с нехорошим предчувствием сказал Авка.

— А мамы опять нету, раным-рано ушла на рынок. Вува взял меня за руку и повел к Укропу одного... А тот: «Говори, зачем керосин? Для какого хулиганского дела?..»

— А ты?

— А я что... Я говорю: «Мама велела...» А он: «Как только она вернется с рынка, приведешь ее ко мне. Будем разбираться, зачем посылает малолетнего школьника за огнеопасным товаром. Если ты не наврал, она будет платить штраф. А если наврал... — говорит, — пора тебе познакомиться с госпожой баронессой...»

— И что теперь? — глупо спросил Авка. В душе его выростала тихая паника.

— Я не знаю что... Мама придет, и тогда не знаю что... Я не боюсь, что попадет. То есть боюсь, но маленько. Но я не понимаю, что говорить про керосин-то... — Гуська совсем уже сырыми глазами глянул на Авку, которого он (это понятно сразу!) не выдаст никогда в жизни. Пускай его, Гуську, хоть на каторгу отправляют!

Вот она, жизнь человеческая! Казалось бы, каникулы — гуляй и радуйся! — а тут с первого дня такой подарок!

— Ничего тебе не надо знать, Гуська, — обреченно выдохнул Авка. — Иди домой, сиди там тихонько и не бойся...

Он сунул ноги в растоптанные башмаки, которые валялись на крыльце. В школу босиком — неприлично. И шагнул сразу с трех ступенек. Бывают случаи, когда нет у человека выбора. Хоть лопайся от страха, а надо идти. Потому что иначе будешь такой бзяка с отпадом, что лучше не жить на свете... Да и не в этом дело даже. Просто... не отдавать же несчастного Гусенка на съедение бессердечному Укропу и не менее бессердечной судьбе.

В школьных сводчатых коридорах было пусто и гулко. Никто не попался навстречу, даже сторож Вува. И Авка пошел прямо к директорскому кабинету. Он сообразил, что Укроп должен сейчас находиться там.

Авкины башмаки стучали по плитам уверенно, однако внутри у него сидело что-то похожее на замороженную тыкву средних размеров. Авка понимал, что останавливаться нельзя. Замрешь на секунду, и страх тут же лишит тебя последних сил.

Он крепко постучал в дверь с резными узорами в виде молодой тыквенной ботвы.

— Войдите, — сказал из-за двери знакомый Укропий голос.

Авка потянул дверь и встал на пороге. Нагнул в школьном поклоне голову.

— Здравствуйте, господин Укроп.

— Следует говорить «господин классный наставник», хотя ты уже и не в моем классе, Август Головка.

— Извините. Я подумал, что вы теперь не просто наставник, а еще и заместитель директора, вот и...

Господин Укроп, тощий, в мундире со стоячим воротником, сел за столом прямее.

— Ты прав. Но тем более тебе следовало понимать, что нельзя появляться передо мной таким встрепанным и помятым. Судя по всему, ты сегодня не умывался и не причесывался.

— Я умывался и причесывался, господин заместитель директора, — безоглядно соврал Авка. — Но я очень спешил, поэтому опять растрепался...

— Что же послужило причиной твоей поспешности, Август Головка?

— Потому что Гуська не виноват!

— Что за Гуська? Излагай обстоятельства правильно составленными фразами.

— Ага... То есть я излагаю... Второклассник Густав Дых, которого вы сюда вызывали... из-за керосина... Он ни при чем, это все я...

Господин Укроп был достаточно опытный школьный работник, он сразу ухватил суть дела.

— Хочешь сказать, что это именно ты спровоцировал его поход за керосином?

— Я не спро... не ци... ну, просто очень надо было, я ему и велел...

— Почему же он не сообщил мне об этом чистосердечно?

— Ну, господин Ук... заместитель директора! Он же не мог наябедничать! Это же гугнига!

Укроп сморщился:

— Август Головка! Здесь не место для уличных словечек... Я понимаю, что этот несознательный второклассник Дых твой «хлястик». Так это у вас, кажется, называется? И твое стремление взять на себя ответственность за его необдуманый поступок достойно некоторой похвалы. Но объясни в этом случае, зачем керосин т е б е?

Это объяснить было труднее всего. Звенкин «портрет» как бы снова всплыл перед Авкой. «Не выдавай меня...» Глупая! Да если бы он и рассказал правду, разве Укроп поверил бы? «Твое упрямство и сочинительство, Август Головка, заслуживает дополнительного взыскания...»

Авка стал смотреть на свои растоптанные башмаки. С видом полностью раскаявшегося воспитанника.

— Господин заместитель директора... Я хотел пропитать керосином внутренность нескольких сухих тыкв. Чтобы получились бомбы с фейерверком. Чтобы пускать их из катапульты...

Господин Укроп на глазах похудел еще больше. Скорбно сообщил:

— Воистину нет предела хулиганской фантазии нынешних учеников...

— Господин заместитель директора, это я один придумал!

— А если бы ты устроил пожар? Ты мог сжечь нашу славную столицу!

— Но я же хотел взрывать бомбы на пустом берегу, там нечему гореть!

— А если бы ты поджег сам себя?!

— У меня все равно ничего не получилось... Господин заместитель директора, я больше так не буду...

— Надеюсь. Думаю, что назначенное наказание послужит твоему исправлению... Конечно, ты уже окончил нашу школу, но еще числишься в ее списках, потому что свидетельство об окончании тебе пока не выдано, и я имею полное право поступить с тобой в соответствии со школьным уставом...

— Да, господин заместитель директора... — Замороженная тыква внутри Авки таяла. Дело близилось к развязке. Пускай она хоть какая, а все равно легче...

— Я полагаю, тебе будет полезно в течение двух недель с

утра до обеда проводить время в школе, помогать господину Вуве подметать полы и чистить на всех дверях медные ручки...

«О-о-о! — тыква зазеленела опять. — Две недели каникул в корзину с обедками!»

— Или... — В глазах Укропа мелькнули ехидные огоньки. — По-моему, за четыре года школьной жизни ты так и не познакомился с баронессой фон Рутенгартен. Есть возможность исправить эту оплошность... В общем, выбирай сам: господин Вува или госпожа баронесса.

Тяжелая тыква наглухо примерзла к желудку и кишкам. Морозный ужас разбежался от нее по всем жилкам. Только не баронесса! Авка уже открыл рот... Но... две недели неволи! С ума сойти... Да и к тому же от судьбы не уйдешь. Не сейчас, так в гимназии. Не такой уж Авка примерный мальчик и отличник, чтобы ни разу не побывать у старой дамы. Рано или поздно это случается почти с каждым из мальчишек столицы. К тому же вредный Укроп мог разболтать, что ученик Август Головка испугался баронессы. И быть тогда Авке бзякой-боякой...

— Не, — выдавил Авка. — Не хочу я с ним, с Вувой...

— Вот как?

— От него воняет табаком, — сумрачно сообщил Авка, чтобы отрезать все пути.

— Ну что ж, цену твою решимость, Август Головка, — тонко улыбнулся Укроп. — Надеюсь, баронесса пахнет приятнее...

Он достал из стола розовый листок со школьным штампом.

— Это ордер. После... беседы госпожа баронесса распишется на корешке, и ты принесешь его мне или, если меня не будет, отдашь господину Вуве. Можешь при этом зажать нос, хехе... Необходимую дозу воспитательного лекарства госпожа фон Рутенгартен определит сама, когда ты ей чистосердечно поведаешь о своей керосинной аванюре. Надеюсь, она будет снисходительна. Ступай. Тебе повезло, сегодня среда, приемный день у баронессы. И думаю, что, ввиду каникул, очереди к ней нет...

Авка пошел. По коридорам, по солнечной летней улице. На мягких от слабости ногах. Казалось, что все смотрят ему вслед — кто сочувственно, кто с насмешкой.

Самое время было разозлиться на Звенку, из-за которой весь этот ужас! И навсегда выкинуть ее из сердца! Но... Звенка снова маячила перед Авкой в воздухе, и на лице ее были жалость и страдание. И просьба о прощении... А стеклянная лас-

точка в нагрудном кармане виновато шевелилась, робко напоминала о себе. «Не раздавить бы, когда начнется... это...» — зябко подумал Авка. И решил, что будет во время «воспитательной беседы» держать птичку в кулаке — для пушей смелости и терпеливости.

Авка словно разделился на двух человек. Один — сумрачный и решительный, второй — отчаянный трус, который готов был (ик!) бежать на край света, куда-нибудь в самые глухие джунгли Диких областей. Но первый, сумрачный, был чуточку сильнее. По крайней мере, именно он командовал ногами, и ноги приближали Авку к дому баронессы.

Дом стоял на улице Чистильщиков. Он был похож на небольшой замок. Двухэтажный, под крутой черепичной крышей и с узкими, как бойницы, окнами. Сбоку была пристроена башня — глухая, граненая, словно огрызок великанского карандаша.

В башне баронесса фон Рутенгартен принимала посетителей.

Их, посетителей-то, хватало во все времена, хотя никто не стремился к баронессе по своей воле.

Баронесса считалась служащей ГВИПа — Главного Ведомства Императорской Педагогики — и носила звание советника первого разряда по делам воспитания. Такое высокое звание она получила очень давно, еще при отце нынешнего императора, добросердечном Титусе Мягкая Тыква.

Этот мудрый гуманный правитель затеял однажды в Тыквогонии большие реформы. Назначил престарелым жителям пенсии, отменил смертную казнь, закрыл две большие тюрьмы и вынес на всеобщее обсуждение закон о справедливом отношении к юным подданным его величества. По этому закону взрослым запрещалось в делах воспитания применять всякое рукоприкладство. Отныне — только доброта и умные педагогические беседы. Однако закон не получил одобрения. Возмутились родители, а также дедушки, бабушки, дядюшки и тетушки. Мол, что же это получается? Значит, никто не сможет собственному сорванцу надрать уши, дать подзатыльник или взгреть его хворостинной? До чего мы докатимся с такими порядками! Что будет с крепкими тыквогонскими семьями, которые, как известно, составляют основу общества!

Императору пришлось уступить. Он сделал в законе по-

правку. В ней говорилось, что домашнее воспитание остается на усмотрении ближайших родственников. Но в школах — ни-ни!

Тогда вознегодовали все наставники юношества. Как воспитывать в учениках послушание законам и благородство характера, если они перестанут бояться? Если будут знать, что теперь даже самого отпетого нельзя оставить после уроков и всыпать по тому месту, на котором потом больно сидеть? Директор столичной гимназии даже подал в отставку и объявил недельную голодовку протеста.

Однако Титус Мягкая Тыква был не только добросердечный, но и упрямый. Решил больше не отступать. Надавил на Императорский Совет, и тот утвердил новый закон.

Учителя объявили, что «снимают с себя всякую ответственность». Они нарочно перестали следить за порядком, и дисциплина в школах покатила вниз, как спелая тыква с наклонной грядки. Тем более что во многих классах и правда нашлись охотники безнаказанно повалить дурака. «Вот видите!» — злорадно говорили наставники. Его величество «скреб тыкву» и не знал, как быть. Отменять закон? Это было бы подрывом императорского авторитета.

И тут на помощь несчастному самодержцу пришла вдова барона Фи́гуса фон Рутенгартена. Вдова была молода, энергична и, видимо, хотела получить солидный государственный пост.

— Ваше тыквосердечное величество, — сладко сказала она, — дело решается очень просто. Воспитывать наших милых деток по-старому в школах нельзя, это несомненно. Однако родителям такое позволено, а также и другим близким членам семей. Объявите меня родственницей всего юного населения, которое я люблю всей душой. Дайте мне титул Всеобщей Добрай Тетушки. И тогда классные наставники могут отправлять ко мне всех своих питомцев, которые нуждаются в эффективных воспитательных мерах. Уверю вас, государь, у меня получится. Будут, как говорится, и козы целы, и тыквы зрелы.

Император испытующе посмотрел на баронессу Клавдию Лилиану фон Рутенгартен, урожденную Ку-Татамуха. Баронесса и в те молодые годы не отличалась красотой. Левый глаз ее косил, острый подбородок торчал вперед, горбатый, сплюснутый с боков нос глядел вправо. Но взор ее излучал энергию, за сладкостью тона пряталась твердость характера.

— Да будет так, — с облегчением произнес Мягкая Тыква. — А то ведь недалеко и до бунта...

Скоро баронесса сделалась известной фигурой во всей Тыквогонии, а особенно в столице. Портреты ее появились в каждой школе. Успеваемость и дисциплина в императорских учебных заведениях ошутимо улучшили показатели. Педагоги потирали руки. Они в любой момент могли заполнить специальную бумажку и вручить ее нарушителю порядка:

— Отправляйся-ка, голубчик, в гости к любимой тетушке!

Всеобщая Тетушка назначила специальные приемные дни: среда и суббота для столичных деток, воскресенье — для иногородних, которых обязаны были доставлять к ней родители. Впрочем, жителей других городов и деревень было немного. Зато юные сорванцы главного города Тыквогонии часто стояли перед тетушкиной башней в очереди. Особенно по субботам, когда дотошные классные наставники подводили итоги за неделю.

Порой очереди были длинные. Здесь ожидали своей участи и питомцы начальных школ, и гимназисты, и повара обществственных императорских кухонь, и дворцовые пажи, и мальчишки-подмастерья, и кадетики Тыквогонского военно-музыкального училища — все, кого придирчивые взрослые училили в разных нехороших (по их взрослому мнению) делах.

Нельзя сказать, что среди ожидавших царило уныние. Юные жители тыквогонской столицы были довольно жизнерадостным и беспечным народом. Поэтому в хвосте очереди всегда наблюдалось оживление. Здесь болтали, менялись чопками, играли в «раз шелчок, два шелчок» и рассказывали анекдоты про учителей и его величество. Однако в середине вереницы настроение было уже серьезным, разговоры перемежались вздохами, смеха не слышать. А в самой башне, в прихожей перед кабинетом баронессы, люди молча переминались и посапывали, придерживая заранее расстегнутые штаны. Оно и понятно! Из-за дубовых дверных плах иногда доносились сдержанные подвывания и жалобные просьбы о снисхождении.

Каждые две-три минуты дверь кабинета со скрипом отъезжала, из-за нее выскакивал и тут же удирал из прихожей тетушкин «собеседник». А хрипая птица Мурлыкара, сидевшая под притолокой, возглашала:

— Будьте любезны, следующий! Пр-ра-ашу вас!

Мурлыкара по размерам, по форме тела и головы (а также по повадкам) была явная ворона. Однако перья не черные, а

будто лисий мех! Откуда взялось это рыжее создание, никто не знал. Может, прилетело из самых дальних Диких областей — там, говорят, еще водились всякие неизвестные птицы-звери. Или баронесса (которая, по слухам, была немного ведьма) специально вывела такую породу. Для более сильного зловещего впечатления! Ведь у каждого посетителя баронессы и без того (ик!) кошки душу царапают, а тут еще: «Добр-ро пожаловать на пр-рием!»

Конечно, Авка все это знал лишь по рассказам. Рассказы, кстати, были скупые. Те, кто побывал у баронессы, на осторожные вопросы: «Ну как там?» хмыкали и отвечали: «Побываешь — узнаешь». И те, кто еще не побывал, сцепляли в замочек пальцы и незаметно стучали правым локтем по дереву: «Пронеси, судьба». Авка тоже, случалось, делал «замочек» и стучал, да вот не пронесло...

Что поделаешь, никто не знает своей судьбы. Говорят, подобной участи в детстве не избежал даже нынешний император, а в ту пору наследник престола. Что-то натворил он во дворце, и его в закрытой карете, окруженной конными гвардейцами, доставили к баронессе. В четверг, в неприемный для других день. Потом, когда принц сделался самодержцем, среди школьников появилась светлая надежда. Мол, скоро новое величество отменит на денек закон о запрете смертной казни и велит оттяпать Всеобщей Тетушке голову. Или, по крайней мере, отправит ее в бессрочную ссылку подальше от столицы. Но ничего подобного не случилось. Мало того! Скоро стало известно, что государь пожаловал баронессе фон Рутенгартен медаль ордена «За бескорыстное тыквоусердие» второй степени.

Вот и пойми этих взрослых!.. Среди старших школьников даже возникла тайная организация «За свержение!». Но вскоре оказалось, что свергать императора не надо, потому что человек он незлобивый и правитель довольно мудрый. Даже не отправил к баронессе ни одного из разоблаченных подпольщиков. Только повелел каждому из них поставить отметку «хуже некуда» по грамматике, потому что очень уж безграмотно писали они свои листовки...

Баронесса за долгие-долгие годы педагогической службы постарела, конечно. Однако сил и твердости характера не утратила. Порой жаловалась в ГВИПе на утомление, но уходить на пенсию не желала и от помощников отказывалась. «Про-

стите за нескромность, но где вы найдете людей с моим талантом воспитателя?»

Все это вспоминалось Авке на ходу, само собой, позади главных мыслей и чувств. Какие чувства — это (ик!) понятно. А мысли... в общем-то, и они понятные.

Может, все-таки удрать куда-нибудь и спрятаться, пока все не позабудется? Но ведь мама с папой с ума сойдут: куда девалось младшее дитя? К тому же трусить и уклоняться от встреч с баронессой считалось у мальчишек неприличным. Не совсем гугнига, но все же явное малодушие, и «бзяку-бояку» можно заработать запросто. Нет уж, будь что будет...

Ноги двигались не очень-то быстро, но все же доставили беднягу к жилищу баронессы фон Рутенгартен. Серый, из крупных булыжников дом придвинулся к Авке вплотную. Он был зловещий, как старинная тюрьма на площади Императора Клумбуса Покорителя. Правда, тюрьму эту Авка видел лишь на картинках, ее четыре века назад разнесла по камушкам армия мятежных ремесленников.

От брусчатого тротуара к сводчатому входу в башню вела сквозь гусину траву и одуванчики хорошо-натопанная тропинка. И никого поблизости не было, только цвиркали кузнечики. Мирно так... Все с той же ледяной тыквой в животе Авка (ик!) пошел по тропинке. Потянул за кольцо массивную наружную дверь. Она отошла неожиданно легко. Авка пинком прогнал последнюю мысль о бегстве и шагнул в сумрак башни.

Впрочем, не такой уж сумрак. В два оконца падали лучи. Освещали длинные лавки вдоль каменных стен. Было зябко и пахло копотью. Со шелканьем качали медный маятник могучие настенные часы. В глубине была еще одна сводчатая дверь. Над ней, на торчащей из стены балке шумно заворчалось рыжее пернатое существо.

— Госпожа бар-ронесса! К вам пр-ришли! — Голос был как у колдуньи по имени Ржавая Помидора из кукольного театра.

«Из рогатки бы тебя!» — подумал Авка, но без большой злости. Злиться всерьез не было сил. Из-за двери глухо донеслось:

— Даже в каникулы нет покоя... Ну, раз пришли, пусть заходят! — И сколоченная из сучкастых горбылей дверь медленно отошла. Кажется, сама собой.

— Пр-ра-ашу! — сказала гадкая птица. И Авка пошел. И вошел.

ТЫКВОФОН

Баронесса фон Рутенгартен оказалась не такой, как на портретах. Там она была солиднее, упитанней, не со столь кривым носом и не с таким косым глазом. А здесь — ну, ведьма ведьмой. Сидела она в широком кресле, на плечах — мохнатая, будто козья шкура, накидка.

Голос был сиплый и недовольный. Но громкий.

— Что скажете, молодой человек?

Авка ощутил, как наливаются противной теплотой уши.

— Ик... вот... — На ватных ногах подошел, протянул смявшийся в кармане листок. И поник головой. Но из-под упавших волос украдкой все же наблюдал за Всеобщей Доброй Тетушкой. И даже мельком глянул по сторонам. Где тут то самое... которое для воспитания? Но были только обычные стулья, широкий письменный стол и тумбочка с непонятным аппаратом: какая-то штуковина из шестеренок с трубой вроде духового контрабаса. «Может, станок для пыт... ик... ок?» Но ведь известно, что для вразумления своих гостей баронесса использует лишь гибкие ветки молодых тыквогонских акаций...

Читала баронесса без очков. Глядя левым глазом в розовый листок, правый (черный, с колючей искрой) она воткнула в Авку.

— Ну-с, любезнейший Август Головка, что послужило причиной вашего приятого здесь появления?

— Там ведь написано, — бормотнул он.

— Ничего не написано! Этот ваш господин Укроп изрядный лодырь, не мог заполнить документ как положено! — Баронесса бросила на пол бумажку и потребовала уже другим тоном: — Говори, чего натворил-то?

— Я это... из-за ик... керосина...

И, глядя на растоптанные башмаки, икая и дергая на животе лямку, Авка скомканно поведал придуманную историю про бомбы.

— Ну и вот... Гуська-то ни ик... при чем... А он... то есть господин Укроп, говорит ему...

— Хватит, — перебила баронесса. И Авка увидел, что она смотрит обыкновенными, не косыми глазами. — Это е м у ты мог вешать на уши тыквенный салат. А м не надо знать истинные факты.

— Но... я же...

— Август Головка! Не усугубляй свою вину бессовестным враньем! Я люблю правду!

Авка понял, что сейчас заревет.

— Но если я... ик... правду... вы же скажете, что совсем вранье!

— А ты попробуй, — усмехнулась Всеобщая Добрая Тетушка.

— А вы...

— Что?

— Не взгреете сильнее, если покажется, что вру?

— Там будет видно, — утешила баронесса. — Ну?

— Мы с Гуськой были на дик... иком пляже, и туда прилетела такая круглая штука... Плюхнулась у воды... Вот, вы уже не верите! А Гуська тоже видел...

— Перестань раньше времени дергать штаны, — опять усмехнулась баронесса. — Возьми стул и сядь передо мной... Вот так. Подыши спокойно и рассказывай по порядку.

И Авка стал рассказывать по порядку. Сперва сбивчиво, а потом довольно связно. Не забывают, это был начитанный ребенок, умел говорить. А баронесса к тому же слушала с явным интересом. Подперла костлявым кулаком подбородок. Будто и не злобная госпожа фон Рутенгартен, а простая несердитая бабка. Авка увлекся и даже икать почти перестал. Даже подзабыл, за чем он сюда явился.

Посреди рассказа мелькнула мысль: а не выдает ли он какую-то тайну, не вредит ли своей болтливостью Звенке? Но тут же подумал: «А какая тайна, какой вред? Звенка и ее Никалукия все равно за бесконечным океаном...»

Конечно, он не стал говорить, как Звенка купалась и как он боялся, что она простудится. В основном — про этот... грави-то-план. И про Звенкины рассказы о дальней земле.

— Ну и вот... и улетела... А если не верите, то у меня доказательство, птичка. Смотрите...

Баронесса посмотрела. На желтую ласточку, потом опять на Авку. И вдруг спросила:

— А что, красивая девочка?

Авка мигнул.

— Да некрасивая! — досадливо вырвалась у него. — Только...

— Только засела в голове, и никак не забыть, — догадливо закончила баронесса.

У Авки опять затептели уши. Он вновь затосковал. И по

Звенке, и оттого, что вспомнил, зачем он здесь. «Ох... уж скорее бы... Ик...»

И баронесса словно услышала его внутреннее иканье и оханье. Решительно выбралась из кресла, шагнула к закрытой двери, глянула наружу сквозь глазок.

— А, да там еще один посетитель! Что же эта швабра из перьев молчит? Заснула в рабочее время... Ладно, придется все делать по правилам...

«О-ой-й...» — Авка вжался в стул. Баронесса обратила на него деловитый (опять с заметным косоглазием) взор.

— Ну-ка скажи «А-а!».

— Зачем?

— Без вопросов. Живо!

— А... ик, кхе...

— Не кряхти, а чисто!.. Ну?

— А-а-а! — со звоном отчаянья завопил Авка. И сам испугался.

— Очень хорошо. Голос номер семь... А теперь обещай молчать до конца жизни про все, что здесь увидишь и услышишь. Иначе сотворишь самую черную гугнигу и будешь бзяка с полным отпадом... Ну? Даешь слово?

— Д... даю... Только вы... ик.. не изо всех сил, ладно?

— Ладно, — хмыкнула баронесса.

Она шагнула к странной штуке на тумбочке. Засунула между шестернями маленькую продолговатую тыкву. Опустила на нее что-то вроде блестящей ложки. Крутнула сбоку колесо с изогнутыми спицами. Тыква завертелась, из жестяного контрабаса донеслось шипение... А потом:

— Ай!.. Нет!.. Ой-ёй-ёй! Не надо!.. Простите, пожалуйста! А-а-а-а!..

У Авки отвис подбородок, и очередной «ик» застрял на полпути.

Кто-то сидящий в трубе аппарата вопил совершенно по-мальчишечьи. Ну, почти как Авка прошлой осенью, когда он три раза подряд схлопотал «хуже некуда» по чистописанию и у доброго папы «лопнуло терпение, подобно переспелой семенной тыкве».

— Ой! Ваше сиятельство, не надо больше! А-а-а! Хватит!..

— Ладно, хватит так хватит, — покладисто кивнула баронесса и остановила машину. Оглянулась на Авку. — Ну, как? По-моему, очень похоже на твой голос, не правда ли?

— Не... ик... знаю... — Авка часто мигал. Ничего не мог понять. И наконец боязливо спросил: — А... ик... это... зачем?

— Неужели не ясно? Чтобы тот, кто дожидается в прихожей, ни о чем не догадался раньше времени. Если побойтся немного, это не вредно. Пусть посидит и подумает, что здесь всё — на самом деле...

— А... «на самом деле», значит, не будет? — дошло наконец до Авки, и душа его робко возликовала.

Баронесса выпрямилась и с высоты роста устремила на мальчишку обиженно-гордый взгляд.

— Посмотри на меня внимательно, Август Головка. Да, я далеко не красавица. Но разве я похожа на чудовище, которое мучает несчастных детей?

В ответ Авка очередной раз икнул. Кто ее знает, похожа или нет? Вообще-то явная ведьма. Но, говорят, среди ведьм встречаются и незлые...

Баронесса продолжала:

— Много лет назад я попросилась на эту должность для того, чтобы избавить юных жителей Тыквогонии от жестокостей школьных наставников. Потому что с детства знаю, как это несправедливо. В пансионе Добрейшей Сандокрассы, где я училась, все просто стонали от злых придинок сестер-воспитательниц. И я дала себе слово...

— Но вы ведь... были девочка... — несмело перебил Авка. — А к вам сейчас посылают мальчишек...

— Да! И это еще несправедливее... Мальчишки по своей натуре склонны к шалостям, озорству, непослушанию и всяким фокусам. Многие не любят учить уроки, говорят взрослым дерзости и купаются без спросу. Что тут поделаешь? Так было всегда и будет впредь, пока наш мир держится на трех китах. Порой мальчишечьи выходки вызывают немалую досаду, это понятно. Однако переделывать мальчишек путем суровостей и строгостей бесполезно и вредно. Это все равно что переделывать законы природы. Природа не терпит бесперомонного вмешательства, оно нарушает гармонию мироздания... Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Д-да... — неуверенно отозвался Авка и тихо икнул последний раз.

— Вот и хорошо. И помни, что ты клятвенно обещал молчать. Иначе меня выгонят с должности. Впрочем, ты мальчик не хуже других, а за долгие годы меня не выдал еще ни один...

— А вы, значит... никого никогда?.. — не сдержал любопытства Авка.

Баронесса слегка опечалилась:

— Нельзя сказать, что никогда. Изредка попадают столь негодные личности, что я вынуждена... соответствовать своей должности. Что мне было делать с двумя юными злодеями, которые чуть не довели до инфаркта уличного кота? Они привязали к его хвосту пустую сушеную тыкву-погремушку, и бедное животное полдня носилось по улицам столицы!.. Бывали и другие случаи, да... Иначе как бы я подновляла коллекцию голосов? — И она погладила жестяной раструб. Потом вздохнула: — Но такие случаи — редкое исключение...

— Теперь понятно, почему император наградил вас медалью! — радостно догадался Авка.

— А вот и непонятно, — сухо сообщила баронесса. — Потому что с его высочеством я обошлась по всем правилам. Это была просьба его мамы-императрицы, и я не могла обмануть ее величество...

— Что же он такое натворил? — опасливо спросил Авка.

— Вообще-то это государственная тайна... но ты обещал молчать о нашей беседе. Наследник продул друзьям-приятелям в известную тебе игру «чопки» какую-то императорскую реликвию. И не стал говорить, кому именно проиграл. И отказался требовать ее обратно, сказал, что за это его обзовут «бзяка-отбирака»... Вот его и доставили сюда... Впрочем, его высочество не был на меня обижен. Когда все закончилось, он даже сказал: «Благодарю вас, мадам. Я думал, это будет гораздо неприятнее».

«Наверно, за это и медаль», — проскочило в голове у Авки. Но сказал про другое (дернуло его за язык):

— А голос принца у вас тоже сохранился?

Авка уже понял, что машина с трубой умеет не только вопить по-мальчишечьи, но и запоминать голоса.

— К сожалению, нет. Я включила запись, но во время процедуры его высочество героически молчал, а его храброе соление аппарат уловить не сумел.

— А как он действует? — опять не сдержал любопытства Авка.

— Довольно просто. Звук попадает в трубу и заставляет колебаться вот эту металлическую пластинку с иглой. Игла царапывает на коже вертящейся тыквы зубчатые бороздки. Это и есть запись голоса. А звучание — это обратный процесс.

Игла бежит по бороздке и заставляет звучать трубу. Главное, чтобы тыква была гладкая, иначе иголка спотыкается...

— До чего замечательно! — выдохнул Авка. — Ваше сиятельство, это вы сами придумали?

— Нет, это давнее изобретение моего покойного мужа. Фигус фон Рутенгартен был большой любитель музыки. У него в замке каждую неделю играл замечательный оркестр, и барон решил оставить на память лучшие музыкальные произведения. Для этого и придумал тыквофон...

— Что?

— Что такое «тыква», известно. А «фон» на одном из древних языков означает звук. Отсюда и название аппарата... Но изобретения полагается регистрировать в Императорской патентной коллегии. А там всякие ученые мужи воспротивились. Как, говорят, можно подменять скрипучим тыквенным звучанием живые голоса оркестровых инструментов и песен! Надругательство над искусством! И запретили!

— Но ведь никакого скрипа почти не слышать! Worse даже настоящий голос!

— Да, но попробуй убедить коллегия! Она даже постановила: сломать тыквофон!.. Ну, ломать его барон, конечно, не стал и даже сохранил кое-какие музыкальные тыквы, однако все это под секретом. Достоянием тыквогонского общества изобретение так и не стало...

— Всякие власти почему-то очень боятся новшеств, — горько почувствовал баронессе Авка. — Вот в Никалукии... ну, там, где Звенка... еле-еле разрешили построить гра... ви-то-план. А теперь, наверно, запретят насовсем...

Сейчас, когда страхи ушли, Звенкино лицо снова как бы висело в воздухе перед Авкой. Некрасивое, печальное и... незабываемое. И Авка снова понял, что эта грусть — надолго... Он протяжно, почти со стоном, вздохнул.

Баронесса внимательно взглянула на него.

— Ты мне почему-то весьма симпатичен, Август Головка. Давай-ка я оставлю для коллекции твой голос...

— Ой, нет... — Авка опять машинально вцепился в ляжку.

— Ты не понял. Я попрошу тебя что-нибудь сказать в трубу... Негромко, чтобы не услышали за дверью... Скажи, например, какое-нибудь заветное желание. Не стесняйся. Имей в виду: если желание сохранено в записи на долгий срок, оно все время действует на силы природы, и, может быть, силы эти в конце концов поспособствуют его исполнению... А?

«Может, правда?»

— Н-ну хорошо... Только вы никому-никому это не давайте слушать, ладно?

— Бзяка буду.

Баронесса запустила маховик тыквофона. Подвинула Авку лицом к трубе.

— Говори, Август Головка...

Авкины уши опять стали горячими. Он зажмурился.

— Хочу... ик... чтобы Звенка прилетела снова... или... — Авка с трудом договорил фразу и прерывисто задышал.

— Замечательно! — Баронесса остановила колесо. Передвинула на тыквочке «ложку» с иглой. Крутнула маховик опять. — А теперь слушай...

Сперва сквозь шипенье прозвучал голос баронессы: «Говори, Август Головка...» А после заикающийся мальчишка тихо выговорил: «Хочу... ик... чтобы Звенка прилетела снова... или... чтобы я как-нибудь сам оказался на ее берегу... Вот...» Затем — сбивчивые вдохи и выдохи...

Неужели это правда он, Авка? Чудеса...

— Ваше сиятельство... А еще... можно я спрошу?

— Можно.

— Как вы думаете... есть какая-нибудь возможность добраться... туда?..

— До девочки?

— Ну да...

— Не знаю, голубчик. Честно говоря, по-моему, нет. Наша техника еще не доросла до такого... Может быть, потом...

— Когда потом-то... — прошептал Авка. И чуть не уронил слезинку...

Баронесса вздохнула совсем по-старушечьи:

— Кабы знать... Я ничем не могу тебе помочь. Был бы жив мой супруг, тогда другое дело, он был замечательный изобретатель...

— Значит, всю жизнь так и мучиться? — горько сказал Авка. Не баронессе, а себе.

— Что поделаешь, голубчик. От любви лекарства нет... Разве что одно — забыть.

— Не забывается же...

— А вот это можно попробовать... Есть одно очень сильное средство...

— Это, что ли, как тех, за ката? — выговорил Авка печаль-

ную догадку. И подумал: «Может быть, пусть? Зато потом — облегчение...»

— Я совсем не про то! В коллекции барона сохранилась одна тыква с записью замечательной музыкальной пьесы. Называется «Соната забвения». Неизвестного старинного композитора. Барон говорил, что, если послушать эту музыку один раз, мучения души становятся легче. А если дважды — причин мучений забывается совсем. Я, правда, не пробовала, потому что не привыкла прятаться от страданий. Но тебе-то зачем страдать в такие юные годы?.. Хочешь послушать сонату?

— Да! — с горьким нетерпением качнулся вперед Авка.

Баронесса покивала. Достала с полки тыквочку лимонного цвета, вставила ее в зажимы тыквофона вместо прежней.

— Это должно быть тихо, чтобы тот, кто в прихожей, не удивлялся: что там у них за концерт? — Она заткнула жестяной контрабас большущей пробкой, от которой тянулся шланг из длинного тыквенного стебля. Шланг раздваивался, и к двум концам были приделаны пустотелые половинки сушеной тыквы-шуршалки. Их соединяло упругое медное полукружье — по размеру головы.

— Садись, Август Головка... — И баронесса надела тыквенные половинки ему на уши. Авка услышал шелест и шуршание.

Он сидел и смотрел, как баронесса идет к тыквофону, как поправляет ложку с иглой, как берется за маховик... Но видел это как бы через портрет Звенки. Девчонкино лицо снова было перед ним — полупрозрачное, печальное и... ну, такое... Звенкино...

— Нет! — Авка быстро снял шуршащие полутыковки. — Не надо... Простите, ваше сиятельство, но не надо... Пусть...

— Вот как? — Баронесса подняла левую бровь.

— Да... — вздохнул Авка. И повторил: — Пусть... — И (странное дело!) слегка повеселел.

ДВЕ ГОЛОВЫ

В прихожей баронессы томился и топтался, не решаясь присесть на лавку, императорский паж Данька Белоцвет.

— О! — удивился Авка, когда вышел.

— О... — удивился и Данька, увидев знакомого. Впрочем, не очень.

— Привет! — сказал Авка.

— Привет... — грустно отозвался императорский паж. И кажется, удивился снова: Авкин бодрый тон не вязался с недавними воплями за дверью. В глазах Даньки Белоцвета появился страдальческий вопрос: «Ну, как там?» Авка, разумеется, только хмыкнул и пожал плечами. Скоро, мол, узнаешь.

Данька был не в пажеском костюме, а в обычной мальчишеской одежке, вроде как у Авки. Но все же в шапочке с перьями и в сапожках с кружевами на отворотах. Как-никак придворный. Только было Даньке сейчас от этого звания не легче.

Авка спросил:

— Тебя за что?

— За штаны... Помнишь, как я торопился после игры в чопки? Оказывается, надел штаны задом наперед. Прибежал на дежурство, встал в шеренгу и тут чуть не помер с перепугу. У всех левая нога желтая, правая красная, а у меня наоборот. Его величество прошел мимо, ничего не заметил, ему это все по фигу. А у старшего церемониймейстера аж рожу перекосило. Кулак мне показал из-за спины. А потом вызвал к себе и говорит: «Или пиши рапорт об увольнении со службы, или завтра отправляйся с визитом к ее сиятельству фон Рутенгартен»... А мне как увольняться-то? Без моего жалованья семейство с голоду зачахнет...

«Бедняга...» — И чтобы Данька не мучился лишним ожиданием, Авка сказал:

— Иди уж. Там свободно.

Тут прснулась рыжая тварь Мурлыкара и запоздало начала орать:

— Пр-роходите! Не задерр-рживайтесь! Па-апр-рошу по-скор-рее!

Данька с чувством глянул на нее. Поежился и шагнул к двери.

— Постой! — Авка обогнал Даньку и нажал на дверь плечом. Потому что вспомнил! Один болезненный вопрос сидел в нем занозой позади других страхов и печалей. — Подожди, я только спрошу...

Дверь тяжело закрылась за спиной, и баронесса обратила на Августа Головку удивленный взгляд.

— Ваше сиятельство, простите... можно я задам еще один вопрос?

Баронесса благосклонно кивнула.

— Ваше сиятельство, а кот... ну, тот, к которому привязали

погремушку... Вы не знаете, что с ним стало? Он не помер со страху?

— Конечно, нет! После воспитательной беседы я велела этим двум сорванцам отыскать бедное животное и доставить ко мне. Дала ему успокоительных капель и оставила жить у себя... К сожалению, моего любимого Феликса уже нет в живых, дело-то было больше двадцати лет назад. Но отведенные ему судьбой годы он прожил здесь весьма благополучно... И надеюсь, что на своем кошачьем небе он теперь вспоминает меня с добрыми чувствами... — Баронесса, кажется, слегка прослезилась.

— Большое спасибо, — выдохнул Авка. — А то у меня скребло внутри: что с ним стало?

— Значит, ты любишь животных?

— Ага... — почему-то смутился Авка.

— И у тебя тоже есть кот?

— Кошка. Заноза... Только у нее очень ленивый характер, с ней не так уж интересно. Корова Матильда гораздо веселее. А еще у меня есть черепаха Мукка-Вукка. Ласковая такая. У нее две головы...

— Что-что?

— Да, две головы. По-научному это называется «аномалия»...

— Но ведь это большая редкость!

— Да. Но бывает...

— Послушай, Август, я тебя не понимаю!

— Что? — мигом перетрусил он.

— Ты тут страдал от разлуки, спрашивал: как быть? А почему ты не посоветовался с этой... Маккой-Каккой?

— Вы... шутите, ваше сиятельство, да?

— Какие шутки! На свете нет никого мудрее, чем двухголовые черепахи! Об этом написал еще давным-давно в своем труде «Дурость и ум» ученейший Сильвестр Котокригус, философ и астроном. Правда, потом его объявили еретиком, но это не меняет дела...

— Я не читал...

— Ах да, конечно. Книга же объявлена лженаучной... Тем не менее советую тебе побеседовать со своей... Боккой-Воккой.

— Но как? Она же не умеет!

— А ты пробовал задавать ей вопросы?

— М-м... нет, — вынужден был признать Авка.

— Вот видишь! Иди и попробуй... Ступай. Тот, кто в очереди за тобой, небось уже исстрадался душой.

— Это Данька Белоцвет, паж! Ваше сиятельство, он нисколько не виноват! Он...

— Ступай, Август Головка. Мукка-Вукка ждет... Да не забудь отнести в школу квитанцию.

Конечно, Авка не поверил баронессе. Наверно, эта дама со странным характером размякла от воспоминаний о любимом коте Феликсе и решила пошутить с мальчишкой. Тем более что он, Авка, ей явно понравился (только непонятно почему).

Так Авка размышлял по дороге в школу. Там он сунул кошелечек ордера в лапу сторожу Вуве и заспешил домой.

Дома Авка отыскал Мукку-Вукку под кроватью. Сел, положил ее спиной на колени. Погладил кожаный живот. Черепаха улыбнулась обоими ртами. Две пары глазок блестели, как черные бусинки. Умно так...

— Ну, что скажешь, мудрая Мукка? — вздохнул Авка. (С грустью вздохнул, потому что Звенка не забывалась.)

И случилось чудо.

— Не Мукка, а Мукка-Вукка, — тонко, с «кошачьим акцентом», произнес левый рот. Чуть капризно.

А правый спросил:

— Про что говорить-то?

— О-о-о... — обалдело сказал Авка.

— Вот тебе и «о-о», — насмешливо отозвались оба рта.

Авка перепуганно оглянулся на дверь. Хорошо, что дома никого нет. Иначе случилось бы то, что по-научному называется «сенсация».

— Значит... ты по правде умеешь говорить?

Черепаха двинула четыремя лапами, устроилась на спине поудобнее. Глазки заблестели насмешливо.

— А ты все еще не веришь?

— А... я... то есть нет... то есть да, верю... Только...

— Что?

— Почему ты... почему вы раньше не разговаривали?

— Разве ты меня о чем-то спрашивал? — кошачьего акцента поубавилось, и в голоске послышались старушечьи нотки.

— Н-нет...

— То-то и оно, что нет. А у черепах сдержанный характер. Они умнее людей и не любят зря болтать языком. Языками...

— Простите, пожалуйста... — Авка понял, что никогда уже не сможет говорить Мукке-Вукке «ты» и не посмеет бесцеремонно гладить ей брюхо. Он осторожно посадил двухголовое создание рядом с собой на лоскутное одеяло. И сказал опять: — Простите, пожалуйста... Я не знал, что вы такая ученая...

— Мы, черепахи, не столько ученые, сколько мудрые от природы.

— А можно мне вас спросить?..

— Спрашивай, я отвечу, если вопрос не очень глупый. После долгого молчания отчего не поболтать.

— Скажите, уважаемая Мукка-Вукка, вы... одна черепаха или две?

— Конечно, одна! Разве ты не видишь?

— Но голов-то у вас две... Я и подумал...

— Две головы — это наиболее полное проявление двойственной природы. Так наглядно двойственность проявляется редко, но вообще-то она присутствует в каждом живом существе. Особенно в разумном. Это называется «диалектика». Разве ты сам не ощущал иногда, как внутри тебя будто сидят два человека и спорят друг с другом? Тянут в разные стороны!

— Ох ощущал... Даже совсем недавно...

— Да-да! По дороге к баронессе. Один Авка в тебе стремился ударить на край света, а другой упрямо двигал ногами в нужную сторону.

«Всё ей известно», — поежился Авка.

— Вы, наверно, знаете, что баронесса и посоветовала мне поговорить с вами?

Мукка-Вукка покивала обеими головами.

— Баронесса умная женщина. Почти как черепаха... Я не исключая даже, что она мысленно общается с Всемирной Черепахой...

— Простите, с кем?

— Не перебивай... С Всемирной Черепахой, на которой стоят слоны, подпирающие соседний материк...

— Значит, это правда?

— Что «правда»? Черепаха? Как же она может быть неправдой, если от нее пошел весь черепаший род? Мы все ее праправнуки. Отсюда и наша мудрость. Мы до сих пор иногда ведём с великой прапрабабушкой мысленные беседы. На ультракоротких волнах геомагнитного поля...

— Уважаемая Мукка-Вукка! Вы, наверно, знаете всё-всё на свете?

— Гм... — сказал правый рот.

А левый заметил:

— Утверждать это было бы нескромно...

— Но все равно вы же ужасно мудрая!..

— Гм... — с удовольствием сказали оба рта.

— Вам, конечно, известно, что вчера с того материка прилетала одна девочка... И что я... ну, в общем...

— Известно, — с легким скрипом отозвалась правая голова.

— Но это не вызывает у меня одобрения, — сообщила левая.

— П-почему?..

— Потому что влюбленность — это самая большая человеческая глупость, — ворчливо разъяснил правый рот.

— Хотя опыт показывает, что с этим ничего не поделаешь, — вздохнул левый.

— Вот именно, — горько согласился Авка. — А раз не поделаешь... то что же делать-то? Посоветуйте, пожалуйста, уважаемая Мукка-Вукка. А то ведь жить тошно.

— Если тошно, почему отказался слушать «Сонату забывения»?

— Потому что... тогда еще тошнее было бы...

— Очень глупо ты рассуждаешь, — сказали оба рта.

— Ага... Я же не черепаха.

— Это нетрудно заметить... А чего бы ты хотел?

— Ну... я бы хотел... чтобы она опять появилась здесь...

— К сожалению, тут я не могу помочь.

— Никак?!

— Черепахи не мыслят такими мелкими категориями, как поступки и судьбы отдельных людей. Это не наш масштаб. Мы можем обсуждать явления планетарного масштаба. Можем, собравшись вместе общую черепашую волю, влиять на океанские течения, на климат, на извержения вулканов... Ну и так далее... Только поступаем так мы крайне редко. Потому что все это не имеет смысла. Ты меня понимаешь?

— Ага... Тогда...

— Что?

— Тогда, уважаемая Мукка-Вукка... не могли бы вы...

— Что? Изясняйся связно и четко.

Авка не мог так изясняться. В душе его боролись (вот она, двойственность!) робость и отчаяние. А Звенка по-прежнему глядела сквозь пространство. И словно подбадривала.

— Я это... как раз о планетарном масштабе... Не могли бы вы попросить уважаемую Всемирную Черепаху подползти

вместе со своим материком к нам поближе? Ну, так, чтобы можно было плавать туда-сюда на лодках?

Конечно, это была наглая просьба. Безумный проект! Но ведь на безумства планетарного масштаба как раз и толкает человека любовь. Иногда...

Мукка-Вукка повозилась на одеяле и сообщила двумя ртами:

— Нет, это исключено.

— Слишком тяжело ей, да? — с грустным пониманием сказал Авка.

— Всемирная Черепаха стационарна.

— Больна, да? — Авка слышал, что больницу иногда называют стационаром.

— Не больна, а неподвижна. Давно приросла животом к океанскому дну. Ведь на ней три слона да еще целый континент. А возраст уже не юный... Хорошо нашим китам, Храбрилле, Мудрилле и Хорошилле. Они по сравнению с Черепахой мальчишки. Вот и плавают себе в свободно-подвешенном состоянии, не касаясь подводного грунта... Кстати!..

— Что?! — с непонятной надеждой откликнулся Авка.

— Послушай, мальчик! Почему бы тебе... раз уж так страдаешь... не обратиться к китам? Для них дальнейшее плавание не столь уж большой труд. Скорее развлечение...

— Ой... А вы, значит, можете с ними поговорить? На этих, на магнитных волнах?

— К сожалению, нет. Они ведь не черепахи. Диапазон их биополя совсем не тот, что у нас...

Авка ничего не понял. То есть понял только, что ничего не выйдет.

Как же быть-то, в самом деле. Ехать к океану и ловить там какого-нибудь небольшого кита, чтобы помог в переговорах с Храбриллой, Мудриллой и Хорошиллой? Но кит не черепаха. Любой китенок, сам того не заметив, прижмет мальчишку пузом к дну или берегу, и... прощай всякая любовь.

Мукка-Вукка прочитала Авкины мысли.

— Ловить китенка не надо. Надо тебе поговорить с тремя главными китами напрямую. Не-по-сред-ственно.

— Но как?! Они же во-о какие! Они меня даже не заметят, как я не замечаю микроба!

— Это уж как у тебя получится. Можно найти способ... Для начала тебе следует подобраться к этим чудам-юдам поближе. Может, получится забраться к одному из них в ухо и там изло-

жить свою просьбу. Лучше всего к Мудрилле. Говорят, он самый рассудительный...

— Но у китов, по-моему, нет ушей...

— Есть, только незаметные, маленькие.

— Ага, «маленькие»! Самое маленькое наверняка размером с Южнопомидорное озеро в Диких областях. Как оно услышит мой писк?

— У китов очень тонкий слух... По крайней мере, ты мог бы попытаться.

«Чушь какая!» — возмутился один из двух Авок, которые сидели в нем. А другой тут же взъерошился: «А почему чушь? Боишься, да?» — «Кто боится? Дурак ты!» — «Сам дурак! Бзяка-бояка!» — «Кто-о? А в поддыхалку хочешь?!»

Но давать в поддыхалку пришлось бы себе. Авка не стал и сумрачно спросил:

— А как туда добираться-то? К китам...

Черепаха молчала, прикрыв четыре глаза пленчатыми веками. Полминуты молчала, минуту...

— Уважаемая Мукка-Вукка... — осторожно напомнил о себе Авка.

— Подожди. Я думаю... — И думала еще минуты три. Или вечность... — Под материком, как под черепашиным панцирем, есть большие пустые пространства. Говорят, некоторые расположены прямо над китовыми спинами. Окажешься там и можешь гулять прямо по Мудрилле или Хорошилле. Или Храбрилле. Это уж как повезет... Погуляешь, порасспрашиваешь местных жителей и, может быть, доберешься до китового уха...

— А они там есть, жители-то? — с большущим сомнением спросил Авка.

— По некоторым слухам, есть. Спустишься — сам увидишь...

— Там небось темнотища, как у кита в желудке, — поежился Авка.

— Не знаю... Про пустые пространства очень мало достоверных сведений. Даже Всемирная Черепаха толком ничего не знает, это ведь не ее материк, а китовый...

— Ни фиги себе! И я, значит, должен лезть в эту преисподнюю, — плаксиво сказал Авка.

Мукка-Вукка хмыкнула.

— Ничего ты не должен. Ты спросил, как соединить материки, я дала совет. А дальше дело твое...

Конечно, два Авки тут же сцепились между собой. Один убеждал, что переться в неизвестные глубины — предприятие глупое и смертельно опасное. И даже Звенкино лицо перед его глазами размазалося и растаяло в воздухе. Но перед глазами другого Авки не растаяло. Наоборот, сделалось еще более живым и... ожидающим. И стеклянная птичка зашевелилась в нагрудном кармане. Этот Авка боялся, наверно, не меньше того, другого, но... посопел и спросил:

— А как туда пробраться-то? Есть какой-нибудь проход?

— Есть, и не один. Самый ближний совсем недалеко отсюда. Я про него знаю от знакомой черепахи, которая долго жила на Щетинистом острове.

— Это на Буром болоте, что ли?

— Вот именно...

Бурое болото лежало у южной окраины столицы. Довольно пакостное место. Вода была коричнево-рыжая, из нее часто поднимались пузыри. Они с брызгами лопались, выбрасывая тухлый запах. Среди кочек жили рыхлые недружелюбные жабы, куцые желтые змеи «суслепки» (не ядовитые, но скользко-противные) и всякая мелкая нечисть. Особенно гадкими были большущие водяные пауки-мохнатки с волосатыми лапами. На этих лапах они бегали, не проваливаясь в воду. У мохнаток был подлый характер и привычки пиявок. Они бесшумно подбирались сзади и присасывались к ногам ртами-хоботками. Жуть... Потом на коже оставались розовые бугорки, которые долго чесались.

Островок был круглый, небольшой, шагов сто в поперечнике, с горкой посредине. На горке сердито растопыривал ветви высохший осокорь-великан. Он словно грозил издали дюжиной корявых рук: «Только попробуйте сунуться...»

И все же мальчишки иногда пробирались на остров. Там густо подымался сухой тростник с удивительно прямыми и легкими стеблями. Из него получались прекрасные стрелы для луков и невесомые каркасы для воздушных змеев. Тростник стоял по берегам желтой щетиной — отсюда и название.

Прошлым летом Авка с компанией мальчишек дважды побывал на Щетинистом острове и гордился: поход в такое злоещее место — доблестное дело. И теперь Авка сказал:

— Был я там. И никакого прохода не видел. И другие не видели.

— Потому что вы собирали тростник на берегу. Никто не

подходил к сухому осокорю. И уж тем более никто не забирался на него.

— А с него, что ли, видно подземную дыру?

— Не с него, а на нем... Там, у самой развилки, есть дупло. Как раз чтобы пролезть такому, как ты, мальчику. Внутри дерево давно уже пустое, можно сказать — труба. И труба эта как раз ведет в подземные пространства...

Мукка-Вукка говорила теперь твердо, обеими ртами, и это придавало ее словам особую достоверность.

— А долго спускаться по той трубе? — опять поежился Авка.

— Слазишь — узнаешь, — ответила Мукка-Вукка. Тем же тоном, что побывавшие у баронессы мальчишки отвечали на боязливые вопросы еще не побывавших. Авке не понравилась эта ирония. Но расспрашивать он больше не стал. Из самолюбия.

— Фонарик не забудь, — посоветовала черепаха. — И оставь родителям записку. Мол, уезжаю на несколько дней в деревню, в гости к однокласснику. Потому что неизвестно, сколько времени ты проболтаешься под землей... Потом, конечно, получишь взбучку, но, по крайней мере, не будет большого беспочинства...

— Я попрошу Гуську, чтобы он сказал маме, — пробурчал Авка.

СУХОЙ ОСОКОРЬ

В том, что будет взбучка, Авка не сомневался. И хорошо, если только словесная... Но это все — потом. А пока ожидается приключение.

Известно, что у всех тыквогонских мальчишек есть в организме особый орган или нерв, похожий на торчащую упругую проволочку. Зацепишь, и начинает она вибрировать, шекотать душу. Зацепить ее легче всего упоминанием о какой-нибудь тайне. А шекотание души — это желание приключений. Часто оно такое сильное, что человек забывает обо всем на свете.

По правде говоря, и Авка позабыл про многое: и про осторожность, и про возможные неприятности, и... даже про Звенку. Ему виделся теперь только сухой осокорь с черным дуплом. Что там? И душа томилась ожиданием таинственных со-

бытий. И двое мальчишек в этой душе уже не спорили друг с другом — оба стремились на Щетинистый остров.

Впрочем, Звенка позабылась ненадолго. Скоро ее лицо (ну некрасивое же!) опять замаячило перед внутренним Авкиным взором. И когда Авка окликнул через забор Гуську, и тот быстро перелез, и они сели на крыльцо, Авка не стал ничего скрывать:

— Вот что, Гусенок... Я, кажется, совсем...

— Что?

— Ну, это... влюбился.

— В ту самую? — с пониманием сказал Гуська. — В Звенку?

— Ну, в кого же еще! Не в баронессу же... Можешь теперь презирать меня. Говорить «бзяка-влюбляка»...

— Что ты! Не буду... Я же понимаю... Я, может, сам бы в нее влюбился, если бы она была помоложе...

Оказывается, он держал в кулаке зеленого зайчонка. Звенкин подарок.

— Ведь некрасивая же... — с тихим надрывом сказал Авка.

— Да... А все равно... — Видимо, Гуська и вправду все принимал, хотя и хлястик.

— Тогда слушай, — выдохнул Авка. И рассказал все. Про Мукку-Вукку, про китов, про неведомые подземные пространства. И про свой отчаянный план.

Гуськины глаза сделались большущими. И сырыми.

— Мукка-Вукка твоя — настоящая дура! — звонко сказал он. — Вот сгинешь там где-нибудь! Как тебя искать?

— Может быть, и не сгину...

— Ага, «может быть»... Тогда... Тогда вот что! Полезем вместе!

— С ума сошел?

— Нет, не сошел!.. Ну, или сошел! Все равно! Или приберей меня на месте, или я все равно не отцеплюсь! — Гуська вскочил и до подмышек подтянул свои великанские штаны с красной заплатой.

У Авки даже в глазах зашипало от такой преданности. На секунду. Но он сурово сказал:

— Не выдумывай, Гусь! Я имею право рисковать только своей головой!

— А я тоже... своей...

— Сделаем вот что. Ты проводишь меня до осокоря. Потом вернешься и скажешь, что я укатил в деревню к Бастику Каталке...

— Нет! Я лучше с тобой!

— Кто из нас старший? Ты или я? Делай, что тебе говорят... А если не вернусь через три дня, скажешь правду. Пусть тогда ищут... Но этого не будет, я вернусь. Ты только все сделай как надо.

— Взгреют...

— За что? Ты здесь ни при чем!

— Тебя взгреют, когда вернешься.

— А! Это да!.. Ну и пусть. Лишь бы сдвинуть материки...

И Авка с Гуськой пошли на южную окраину. И оказались у Бурого болота.

Было знойно, пахло тухлой рыбой. Среди мохнатых кочек булькало и квакало. У Авки, несмотря на жару, — мурашки по спине. Но что делать-то — не домой же идти. Тем более что Звенка сквозь нагретый воздух смотрела с ожиданием. «Всё из-за тебя», — сказал ей Авка, но, конечно, без досады, а так, с горьковатым юмором.

Он снял башмаки, связал их шнурками и повесил на шею. На шее же висел керосиновый фонарик с круглым стеклом. Больше ничего Авка с собой не взял. Какой смысл запастись вещами, если не знаешь, куда идешь.

Гуська был босиком. Он скинул свои широченные брюки и надел их на плечи как воротник. Штанины завязал на груди. И храбро встал рядом с Авкой.

Потонуть в Буром болоте было нельзя, оно очень мелкое. И жижа не густая, не трясина. Но провалиться в жижу до пупа, а то и до подмышек — это вполне. И чтобы такого не случилось, надо было старательно выбирать дорогу. С кочки на кочку. А когда от одной до другой далеко, то вброд. Так, чтобы не глубже, чем по колено, а то после не отмоешься.

Подобрали на берегу палки, чтобы отгонять всякую нечисть. Авка подвернул до отказа и без того куцые штаны.

— Гуська, ты шагай за мной нога в ногу. И если что — хватайся за мою лямку.

— Ага, буду хвататься...

Но он не хватался. Он умело прыгал по кочкам вслед за Авкой. И так же храбро шагал через коричневую жижу. Под ступнями, на дне, пружинил слой мертвых водорослей. От них бежали по ногам щекочущие цепочки пузырьков. Иногда выскакивали на поверхность большущие пузыри — лопались так, что брызги летели до губ. Тьфу!..

Пахло теперь, как внутри тыквы-вонючки.

— Мама! — завопил вдруг Гуська и шархнул палкой по болотной каше.

— Ты чего?! — взвился над кочкой Авка.

— Паук-мохнатка!.. Я их пуше всего на свете боюсь.

— Я тоже, — честно сказал Авка.

— Я, наверно, больше. Я... чуть струю под себя не пустил.

— Ну и пускай на здоровье. Все равно без штанов. Только не ори так больше, а то я... тоже... Ай! — Страшилище на мохнатых лапах подобралось и к Авке. Он перепуганным ударом зашвырнул его за дальнюю кочку. Оттуда проплюхали животами две полновесные жабы. Палку обмотала собой желтая суслепка — некусачая, но отвратительная. Авка метнул ее прочь как из пращи. Гуська сзади взвизгнул и плюхнул палкой опять.

«Дурак я! Надо было оставить его на берегу». Но теперь до Щетинистого острова было ближе, чем до оставшейся сзади земли. Сухой осокорь чернел в желтоватом мареве. Он казался громадной, нарисованной тушью обезьяной-раскорякой.

— Гуська, оглядывайся чаще, запоминай дорогу. Обратного пойдешь один.

— Я и так... чтобы они опять не... ай! Впился все-таки!

Авку мохнатки тоже куснули два-три раза. Укусы ныли.

— Гусь, давай я возьму тебя на плечи.

— Не-е! Оба плюхнемся с головой... Да уже близко!

Всякий путь кончается, кончился и этот. Твердый остров с царапающим ноги сушняком показался раем. Жесткой травой соскребли с ног болотную грязь. Поплевали на ладони, потеряли паучьи укусы. Полегчало...

Сквозь высохший, звонко шуршащий тростник пошли на взгорок.

Наклонный ствол осокоря оказался громадным — пять человек не обхватят. Авка и Гуська запрокинули головы. Черепашка не наврала. Высоко, у самой развилки, чернела круглая дыра.

— Заберешься? — неуверенно сказал Гуська.

— А чего! Тут вон какие выступы! — И, цепляясь за наросты на коре, Авка полез как по склону выпуклой скалы.

Было нетрудно, мешали только висевшие на шее башмаки и фонарик. Но и с этой помехой Авка добрался до дупла без единого роздыха. Глянул в дыру. Чернота. Посмотрел сверху на Гуську. На его тревожное глазастое лицо.

— Ну? Что там видно? — крикнул Гуська.

— Там видно ничего, — честно сказал Авка. — Только пахнет как в погребке. Сейчас засвечу фонарь.

Цепляясь локтем за край дупла, он вынул из кармана коробок, зубами вытянул из него спичку. Чиркнул головкой о кору. Желтый огонек осторожно просунул под стеклянную колбочку. Фитилек оделся плоским пламенем.

Внутри дупла, недалеко от кромки, Авка нащупал выступ. Надел на него тесемочную петлю фонарика. Огонь высветил вогнутые, обросшие чем-то стены «трубы» и уходящие вниз железные скобы.

— Гуська, я вижу ступеньки! Значит, здесь уже кто-то бывал! Ничего страшного!.. Ну, всё! Я пошел! — Он перебрался ногами через край, нащупал ногой верхнюю скобу. — А ты, Гусенок, давай домой! Скажешь там, как договорились! Ну, ты помнишь! Да?

— Я помню!

— Тогда иди! Возьми еще мою палку и лупи мохнаток с двух сторон, если полезут!

— Ага... буду лупить...

— Ну, иди!

— Сперва ты! Я погляжу, как ты спустишься, и пойду!

— Только сразу же!

— Ладно!

— Честно?

— Бзяка буду!

Авка нащупал ногой еще одну скобу. Край дупла оказался на уровне глаз. А фонарь висел у щеки. Авка хотел перехватить скобу, промахнулся, зацепил фонарь пальцами. Он сорвался и полетел в черноту.

Мамочка! Что же теперь? Авка перепуганно глянул вниз. Желтая звездочка мерцала на страшной глубине. Но все же не погасла. Где она там? Вдруг уже на спине одного из китов? А вдруг керосин разольется, вспыхнет и обожжет беднягу? И тот дернется, махнет хвостом! Тогда что? Всеобщая катастрофа?

Стать виновником такой беды Авка не мог! Он стал суетливо перебирать руками и ногами, нащупывал все новые скобы. Все ниже, ниже. И опять Авка глянул в глубину. Огонька не было! Видимо, фонарик потух. Авка понял это и со страхом и с облегчением. Всеобщей катастрофы не будет. Но что будет с ним, с Августом Головкой?

Подняться обратно?

Отверстие дупла еле светилось на большущей высоте.

Авка замер, вцепившись в скобу. Подышал. Подумал. В конце концов, эти гнутые ступени куда-то же ведут. К какому-то дну. А там, на дне, он зажжет спички, отыщет фонарик... А двигаться вниз легче, чем вверх. Только железо скоб режет босые ступни. А башмаки болтаются на груди и мешают. Но обуваться в висячем положении ох как рискованно: загремишь за фонарем. Авка дернул узел связанных шнурков, и башмаки усвистали вниз. Этим он отрезал себе путь назад. Если не найдет обувь и вернется домой босиком, папа с мамой устроят ему «летние каникулы»...

ПЛЕН И ВЫЗВОЛЕНИЕ

Авка стал спускаться дальше. Будто в закопченную фабричную трубу. И спускался долго. Сперва еще был виден верху слабый свет. Но в конце концов последние отблески растаяли во мгле.

Пахло гнилым деревом и влажной землей. Так же, как в пещере, которую Авка и Гуська осенью вырыли на краю Огуречного оврага, в корнях упавшего ясеня. Но из той пещеры можно было выбраться в один миг, а отсюда — как? И куда?

Саднило ладони, руки-плечи гудели. Ступни резало уже нестерпимо. Чтобы отдохнуть от этой рези, Авка повисал иногда на руках.

Ему казалось, что спускается он целый час. Или целый день. Или год... Конечно, много раз Авка думал, что никогда он не доберется до дна. И что пора двинуться наверх, пока в руках и ногах есть еще хоть капелька силы.

Скорее всего, никаких Храбрилл, Мудрилл и Хорошилл нет на свете и про Всемирную Черепаху Мукка-Вукка все сочинила. А солнце, облака и много-много всего хорошего — есть! И очень хотелось в светлый мир, где мама, папа, друзья-приятели, ясные летние дни. Где ждет Авку верный Гуська....

Но другой Авка дышал рядом с этим, который боялся, и опять проявлял двойственность человеческой природы.

«А как же Звенка?» — спрашивал он.

«Ну и что — Звенка? Ну и пусть... ик...»

«Если полезешь обратно, это будет гугнига».

«Сам ты гугнига! Ик... Любой на моем месте испугался бы!.. И все равно никто не узнает».

«А ты сам? Разве ты никто?»

«Я... ой!»

Ой — потому что стонущая от рези ступня не нащупала очередную скобу.

В первый миг это было даже приятно: вместо безжалостного железа прохладная пустота. Но тут же растекся по Авке испуг — от затылка до пяток. Что дальше-то?

Может, просто не хватает одной скобы?

Авка потянулся ногой глубже, глубже и не нащупал ничего. Ик... Он перехватил гудящими пальцами скобу, что была у груди, свесил ноги, поболтал. Повисел. Перехватил руками еще одну скобу, еще... Эта была последняя. А под ногами по-прежнему только воздух. Ох, а как же теперь обратно-то? Авка попытался ногами нащупать стенку этого бесконечного дупла. Но пальцы и пятки не нашли ничего.

Что же теперь? На руках не подтянуться. Так и болтаться? Авка чувствовал, что проболтается он с минуту, не больше. А потом. В какую ужасную неизвестность он полетит?

Авка задрыгал ногами и заорал. Хотя это было, конечно, бесполезно. Мало того, это было опасно! Потому что проржавевшая скоба, за которую он держался, стала прогибаться вниз.

«Ой, не надо! Пожалуйста. Не надо!.. Ой!!

Скоба обломилась.

Каждый, кто падал во сне, знает, какая это жуть. И Авка завopil изо всех сил. А потом замолчал. Встречный упругий воздух заткнул его крик, будто резиновой пробкой. А вокруг свистела черная невесомость...

Но эта невесомость-то — на время полета. А потом наверняка — трах! И... Что «и»? Авка не знал и знать не хотел. Мысли его были короткие и встопорщенные, как шерсть перепуганного котенка. «Не надо!.. Ай!.. Мама!.. Что будет? Не надо...» Потом наконец спасительная мысль: «Ох, да это же сон! Сейчас бряк — и проснись!»

Но Авка не брякнулся. Полет стал замедляться, как замедляется скольжение на санках, когда крутой спуск переходит в пологий склон, а потом в горизонталь... Авка повис в темноте.

И уже не было невесомости. Была опять сила тяжести, только с непонятным направлением. Словно к Авке привязали множество шнуров и тянули сразу во все стороны. Он по-

качался на этих шнурах и замер. В тишине и непроглядности. Потарасил глаза во мраке. Прислушался. Подумал с досадой: «А дальше-то что? Уж лучше бы хлопнуться... Ой, нет, не надо!»

Авка осторожно подергался. И тогда услышал голос.

Голос был не тихий и не громкий. Шелестящий. Он доносился как бы отовсюду. И было в нем неудовольствие:

— Ну, чего теперь дрыгаться-то? Если уж провалился, виси спокойно и растворяйся.

— Как... ик... растворяйся?

— Очень просто, — отозвался голос-шелест. — Расслабься, дыши ровно, и начнешь помаленьку таять. Сам не заметишь, как растворишься.

— В чем? — прошептал Авка. Его по уши наливал страх, но под страхом копошилась мыслишка: надо тянуть время, тогда может быть, придет какое-то спасение. И он повторил: — Ик... в чем растворяется-то?

— Во мне... — В голосе послышалась нотка самодовольства.

— А ты... ик... кто?

— Ты мог бы обращаться ко мне на «вы». Я старше тебя лет на двести.

— Простите, пожалуйста. Но все-таки вы кто?

— Я Большая Черная Пустота. Короче говоря, БЧП.

— Зачем? — от удивления Авка даже стал чуточку меньше бояться.

— Что значит «зачем»? — слегка обиделась БЧП.

— Не сердитесь, пожалуйста. Но... ик... у всего на свете есть свое предназначение... — Авка и в такой жуткий момент не потерял способность к рассуждениям. — Вот мне и хочется знать: у вас какая задача существования?

— Гм... задача... Ну, она простая: глотать все, что мне попадется, и растворять в себе. Превращать в ничто.

— А зачем?

— Что ты все время повторяешь этот глупый вопрос! «Зачем, зачем»...

— Вообще он не глупый, — с последней каплей храбрости заявил Авка.

— «Зачем»... Потому что такая у меня природа.

— Никогда не слышал, что под землей есть Большая Черная Пустота... — И подумал: «Чертова Мукка-Вукка! Не могла предупредить!.. Или тоже не слышала?»

— Никто не слышал. Потому и попадают.

— Понятно... А вы, значит, появились двести лет назад?

— Приблизительно... А тебе-то не все ли равно?

— Конечно, не все равно! Уж если я должен в вас раствориться, то имею же я право знать, кто вы и зачем!

— Гм... ну, хорошо. Пожалуй, ты прав. Ладно, все равно ты никому не сможешь рассказать. Я попала под землю из души принца Кастаньетто.

— Это который потом стал императором Кастаньетто Счастливым?

— Да... Но счастливым он сделался после, а сперва был наоборот. В жизни ему с детства ничего не нравилось и никого он не любил. Про него говорили: абсолютно пустая душа.

— Ну и... ик... что?

— Не перебивай... Отец принца, император Тамбурино Всякомудрый, позвал из южного загорского племени знаменитого колдуна Рапаматаункахапа по прозвищу Сумчатый Слон. Этот великий маг и целитель... кстати, потом он провалился в бездонное ущелье, и я его растворила, а перед этим мы долго беседовали на научные темы... Так вот, этот Сумчатый Слон достал из своей сумки на животе сушеные банановые листья, на которых были написаны всякие рецепты, долго читал, скреб в затылке, а затем схватил принца за ноги. И так трянул этого негодного парня, что черная пустота... то есть я... вылетела из его души наружу. Рапаматаункахап поймал меня, запалял в стеклянный шар и бросил в старинный бездонный колодец...

— Как же вы из колодца-то выбрались? — с притворным интересом спросил Авка (тянуть, тянуть время!).

— Мне повезло. Шар зацепил каменный выступ в колодезной стенке и разбился. А я просочилась глубоко под землю. И поняла: раз я пустота, значит, мое дело все на свете превращать в пустоту.

— И много успели превратить? — вежливо поинтересовался Авка.

— Очень много. Тут и живые существа, и разные предметы, и целые деревни, и рыцарские замки... Потому-то я и стала такая обширная. Занимаю всю подземную часть мироздания.

«Так она и китов когда-нибудь сожрет», — подумал Авка. И еще подумал: «Но сначала меня... Ой, мама...»

И БЧП, кажется, услышала эту мысль.

— Ну? Ты готов?

— К чему?
 — До чего бестолковый! К растворению!
 Авка ощутил обмирание как в прихожей баронессы фон Рутенгартен, только сильнее.
 — Ой, нет еще! Подождите... ик...
 — Чего ждать-то? Чем скорее, тем меньше хлопот...
 — А больно не будет?
 — Нисколечко, — успокоила БЧП. — Некоторые говорят, что это даже приятно. Будто таешь на солнышке.
 «Не хочу я такой приятности!»
 — Здесь ведь нету никакого солнышка!
 — Я сказала «будто»... Не упрямясь, мальчики должны слушаться старших.
 — Не хочу, — хныкнул Авка.
 — Это не имеет ни малейшего значения, хочешь ты или нет. Процесс необратим...
 — Отпустите меня домой, пожалуйста!
 — Какой хитрый! Ты не хочешь растворяться, а я не хочу отпускать. Да я и не смогла бы, если бы даже и захотела. Ты ведь уже внутри меня...
 Авка задергал руками и ногами.
 — Что ты опять дрыгаешься! Мне щекотно!
 — Простите, пожалуйста... Но я... ик...
 — Что ты все время икаешь! Это неприлично!
 — А что делать, если у меня такая природа! У вас своя природа, растворительная, а у меня... ик... своя...
 — Надеюсь, это не заразно?
 — Очень... ик... заразно! Имейте в виду! Я растворюсь, а икота прилипнет к вам. Она — нерастворимая!
 — Этого еще... ик... не хватало!
 — Вот видите! Будете икать до конца своих дней!
 — У меня не будет конца... ик... дней...
 — Тогда еще ужаснее! Будете икать бесконечное время.
 — С ума сой... ик... ти!.. А впрочем... ну и пусть! Это даже забавно. Это будет мне разнообразить длинные годы пустого... ик... ожидания.
 — Замучаетесь!
 — Не твоя забота. Поторапливайся... Ты уже начал... ик... растворяться?
 «Кажется, начал. Потому что икота от меня отделилась. Жаль... Даже ее жаль, икоту. А уж себя-то...»
 Он так и сказал с покорностью судьбе:

— Жаль...
 БЧП отозвалась почти сочувственно:
 — Жалей не жалей, а куда не денешься.
 И в этот миг Авку осенило:
 — Да мне ведь не только себя жаль! Еще и вас!
 — Это с какой стати?
 — Потому что напрасно вы решили, что у вас не будет конца дней!
 — Почему напрасно? А что... ик... будет?
 Авка приказал себе перестать бояться и значительно произнес:
 — Насколько я понял, ваша генеральная задача — растворять всё на свете. Так?
 — Ну... ик... так...
 — А потом что?
 — То есть... как это что?
 — Ну, когда вы поглотите всё-всё на свете: и землю, и китов, и океан, и небо со светилами, что будете делать дальше?
 — Дальше? Ик...
 — Ну да! Что потом-то?
 — Потом... ик... буду царить одна во всем мире. Всемирная Черная Пустота...
 — Вместе с икотой, — ехидно добавил Авка.
 — Ну и пусть. Ик... Все равно буду царить...
 — Ну и... ик... не будете, — заявил Авка. Теперь его «ик» было насмешкой. — Ничего не выйдет!
 — Почему?!
 — От своих привычек-то вы куда не денетесь! Все равно вам будет хотеться что-нибудь съесть и растворить. Чем дальше, тем сильнее. Это же как голод... Икать и терпеть. Потом еще. И еще... И наконец начнете поедать и растворять себя!
 — Ик... как это?
 — А вот так это, — со сдержанным злорадством подвел итог Авка. — И не останется на свете ничего, даже Всемирной Черной Пустоты... Только икота останется! Весь мир будет сплошной Великий Ик!
 — Ик... странно... Знаменитый Рапаматаункахап ничего не говорил о возможности такого варианта, когда мы беседовали на философские... ик... темы.
 — Это он вам назло! Чтобы вы попали в собственную ловушку!
 — Я не хочу, — хныкнула Большая Черная Пустота. Почти как Авка.

- Это не имеет никакого значения. Процесс необратим.
 — Неужели ничего нельзя сделать?
 — Понятия не имею... хотя нет, имею!
 — Так говори же... ик... скорее!
 — А зачем?
 — Как зачем? Чтобы я не погибла!
 — Ха! А мне-то что до вас?
 — Гм... ик... да... ты прав... Но ты же сам сказал, что тебе жаль меня!
 — Разве сказал?
 — Ик... конечно! Честное слово!
 — Ну... тогда ладно. Слушайте. Прежде всего вам надо изменить свою природу. Перестаньте глотать все, что попадется.
 — Я не сумею...
 — Надо попробовать.
 — А как?
 — Вам необходимо разобраться в себе. Может, внутри у вас есть что-то не только такое... глотательное и растворительное. Может, когда вас этот... Рамакака... така...
 — Сумчатый... ик... Слон...
 — Ну да! Может, когда он вас выбрасывал из принца, к вам прилипла частичка нормальной человеческой души? Ну, хоть одна молекула!
 — А как я это... ик... узнаю?
 — Загляните внутрь себя.
 — Ага, «загляните!» В такой-то темноте...
 — Я про это и говорю! Нужен какой-то свет!
 — Легко сказать! Где я его возьму? В черной пустоте!
 «Решайся, — сказал себе Авка. — Другого выхода нет». И решил. С размаха двинул себя кулаком по глазу!

Каждый, кому попадало таким образом, знает, какие искры летят из глаз. Ого!.. И у Авки полетели. Целый сноп! И главное — они не погасли!

Авка надеялся, что так и будет. Даже не надеялся, а верил. Потому что иначе быть не могло! В таких вот странных обстоятельствах очень многое зависит от мысли. А мысль Авки была об искусственном солнце!

Искры слетелись в один сияющий клубок. Солнце не солнце, но что-то похожее разгоралось во мгле. Шар горячего света, разрастаясь, умчался вдаль и оттуда начал пробивать и раскалывать глыбы тьмы. Они расползались и таяли, как черный лед.

— Ай... Осто... ик... рожнее, пожалуйста... — Это последнее, что сказала БЧП. И перестала быть Большой Черной Пустотой.

Шнуры притяжения лопнули, и Авка снова завопил от страха. Потому что опять полетел вниз! На сей раз — к зеленой земле.

— А-а-а! — И бултых в большущий стог свежего сена. Такая вот счастливая у него, у Авки, судьба.

ПИРОЖКИ И КОЧЕРЫЖКИ

Пахучие травинки залезли Авке в ноздри. Он зажмурился и зачихал. Потом выбрался из сена по плечи. Кругом зеленел обширный луг со стогами. На горизонте туманно синело что-то вроде города. Не было никакой подземной черноты, в безоблачной вышине лучисто сияло солнышко.

Авка подвигал руками-ногами. Кажется, ничего не болено... Ой, нет, болело — под глазом. Но это ерунда, не первый раз. Авка вылез из стога, собрал с себя сухие стебли. Посмотрел под ноги. Он стоял среди обычного клевера и желтых цветков под названием «утята». Может быть, они растут прямо на спине одного из китов? Поди разберись! Авка понял, что без помощи местных жителей ему ну никак. Оглянулся. И — опять удача! Местный житель вышел из-за стога. И приветливо сказал Авке:

— Доброе утро.

Это был мальчик. Удивительный мальчик! Сразу видно, что очень воспитанный и ничуть не задиристый. Примерно Авкиного возраста или чуть постарше. Пухлые щеки мальчика были чистыми, синие глаза умными, а светлые волосы длинными до плеч. На мальчишке был белый костюм с отглаженными брюками и короткой курточкой. Из-под ворота наружу пышно выбивался зеленый бант с белыми горошинами. В тыркогонской столице так одевались (и то не всегда, а для концертов) юные певцы и скрипачи. А здесь? Может быть, в этом краю все мальчишки такие?

Авка снял с мятых штанов еще одну травинку и вежливо наклонил голову.

— Доброе утро...

— Признаться, я никого не ожидал тут встретить, — улыбнулся мальчик (он просто излучал доброжелательность). —

Думал погулять в этом безлюдном месте, пополнить запас поэтических впечатлений... тем более что такая славная погода и наконец-то появилось настоящее солнышко... Иду — и вдруг такая неожиданная встреча...

— Извините, если я помешал вам, — в тон собеседнику отозвался Авка. Надо было приспособливаться к местным обычаям.

— Ничуть не помешали! Наоборот!.. Я просто удивился! Вы будто с неба упали!

Авка глянул вверх, мигнул от солнечного света.

— Пожалуй, так оно и есть...

— О-о! Вы хотите сказать, что попали сюда из Верхнего мира?

— Боюсь, что так, — признался Авка. — Я забрался в дупло, долго спускался куда-то, потом меня чуть не проглотила Большая Черная Пустота, еле спасся... И вот...

— Как это замечательно! Я до сих пор не был знаком ни с кем из верхних жителей. Мои бабушка и дедушка были оттуда, но я их, к моему горькому сожалению, не помню... Ох, но вы, кажется, ушиблись! Наверно, вы стукнулись глазом о колено. Такое случается при падении с высоты...

— А что, заметно?

— М-м... взгляните сами. — Вежливый мальчик достал из кармана зеркальце. Авка взглянул. Да-а, синяк под глазом был полновесный. Скажем, как после выяснения отношений с кем-то из одноклассников.

— Это не об колено, — вздохнул Авка. Он считал, что не следует делать тайны из своих приключений. — Это я сам себя кулаком. Чтобы искры из глаза. А иначе как разогнать темноту...

— О-о! — снова обрадовался мальчик. — Так не от этих ли искр загорелось нынешнее солнышко? Ведь до сих пор мы жили при весьма случайном свете. Искусственные солнца у нас делаются в мастерских и подвешиваются над каждым кварталом и площадью, они похожи на фонари. О настоящем солнце мы знали понаслышке, очень ждали, что оно наконец появится, и сегодня утром — такая радость! В городе будет праздник...

— А давно ли оно появилось?

— Около двух часов назад.

— Тогда это не я, — вздохнул Авка. — Я звезданул себя по глазу всего две минуты назад. И сразу свалился сюда.

— Нет, это вы! Просто вы очень долго падали, а показа-

лось, что быстро. Это называется «эффект темпорального сжатия», нам объясняли в школе. Правда, я не всё понял, потому что с физикой и математикой, увы, не в ладах. Другое дело — словесность и риторика...

«Оно заметно», — подумал Авка и вежливо заметил:

— Видимо, у вас в школе очень сложные программы.

— Для кого как. У меня, к сожалению, чисто гуманитарный склад ума...

— У меня тоже... И я не понимаю. Неужели искры из глаза могут зажечь настоящее солнце?!

— Конечно! Солнце может вспыхнуть от чего угодно, если его очень долго и очень сильно ждут!.. И кроме того...

— Что? — опасливо спросил Авка.

— Как я понимаю, эти искры были частью вдохновенного горения, не правда ли?

— Простите, как это?

— Но вы же ударили себя, чтобы одержать победу над черной всепоглощающей Пустотой! Не так ли?

— Ну... да.

— Значит, вы совершили подвиг!

— Какой там подвиг! — искренне воспротивился Авка. — Я с перепугу.

— Подвигу ведь все равно, отчего он совершился, — рассудительно заметил мальчик. — Главное — результат. И результат — вот он. Сияет... Подождите... У меня сочинилось вот что!

Мечтал весь наш Глубинный мир,
Чтоб вместо маленьких светил
Взгорелось общее светило
И чтоб на всех его хватило —
И вот пришел сей светлый пир!

— Вы настоящий поэт!

Пухлые щеки юного стихотворца стали розовыми.

— Не совсем настоящий... Но я стараюсь. Одно мое стихотворение было напечатано в газете «Глубинные новости». По поводу открытия нового фонтана. Там, на мой взгляд, есть неплохие строчки... — Мальчик возвел к небу взгляд и почти пропел:

Хвалить мы будем неустанно
Всех тех, кто подарил фонтан нам.
Всему воскликну миру я:
«Прекрасна светлая струя!»

— Замечательно, — сказал Авка (почти искренне).

— Я рад, что вам понравилось... И... может быть, нам пора уже познакомиться?

— Конечно! Меня зовут Август Головка. А уменьшительное имя — просто Авка.

— Замечательно!.. А мое имя — Пунтий Закваска... Одно-классники и родители зовут иногда сокращенно: Пуня... — И он тихонько вздохнул. — Но это временно. Когда я начну печататься всерьез, то возьму себе поэтический псевдоним...

— Какой? — с интересом спросил Авка. Потому что Пунтий Закваска явно ждал этого интереса.

— Я думаю... Лучезар Крылатый. Как вы считаете, это не очень претенциозно?

— Пре... что?.. А! Нет, что вы! В самый раз... А уменьшительное имя можно сделать Лучик. Ну, будто маленький луч. Тоже... по-поэтически...

— Вы правы!

— Если хотите, я так и буду вас звать. Прямо сейчас... — Авка, по правде говоря, чувствовал, что не лишним будет подсластить отношения с местным жителем. Пригодится...

— Я... конечно, не возражаю. Наоборот, — расцвел Пуня-Лучик. — Это послужит мне даже как бы лишним толчком... к поэтическому развитию. Дело в том, что я не мыслю себе в жизни другого занятия, кроме стихотворного труда. Я изложил это даже в своем поэтическом кредо.

— В чем?

— Вы не знаете, что такое кредо? — изумился Лучик. И смутился. — Ох, извините...

— Кажется, знаю, — вспомнил Авка.. — Нам говорили на уроке истории. Это вроде как главная установка. Такое основное понятие...

— Да! И вот как оно у меня звучит:

На свете дела лучше нету,
Как быть прославленным поэтом
И воспевать весь мир вокруг.
И будет каждый тебе друг...

Потому что каждый поэт должен ко всем испытывать дружеские чувства... Вот я увидел вас и сразу...

— Я тоже, — сказал Авка совсем уже без всякой хитрости. Потому что Пуня-Лучик и правда был славный. Может, в Авкиной школе кто-то и хихикнул бы: «бзяка-задавака», но Авка видел, что Лучик сыплет свои стихи не для хвастовства. Это он

из безоглядной любви к поэзии, тут уж ничего не поделаешь. Зато добрый.

— Только, пожалуйста, никому не называйте мой полный псевдоним, — осторожно попросил будущий Лучезар Крылатый. — Он пока тайна. Вы ведь не выдадите?

— Конечно, нет! Выдавать чужие тайны — это самая подлая гугнига!

Лучик удовлетворенно кивнул. Видимо, что такое «гугнига», в этом мире знали.

— Скажите, Авка... а у вас есть какая-нибудь тайна? — спросил Лучик очень деликатно.

Авка не удивился. Кажется, у них с Лучиком намечалась дружба, а в этом случае всегда принято делиться тайнами.

— Конечно, есть, — вздохнул Авка. — Иначе зачем бы я сунулся в тот пустой осокорь очертя голову? Но это долгая история. Рассказать?

— Разумеется! — И Пуня-Лучик с размаха уселся в сено. К своему блестящему костюму он относился с поэтическим небрежением. Авка сел рядом. И рассказал все с самого начала — про Звенку, про Мукку-Вукку и свои планы.

Лучик был хотя и поэт, но не совсем бестолковый. Суть вопроса он уловил быстро. И деловито высказал свои суждения.

По его словам, БЧП была никакая не пустота, а скорее всего, обрывок старого гравитационного поля (то есть силы тяготения). Она думала, что кого-то растворяет, а на самом деле только пропускала сквозь себя и сваливала сюда, в подземный мир. За долгое время здесь набралось столько всего — и вещей, и живых существ, что начала развиваться своя особая цивилизация...

Насчет китов здесь тоже слышали, но до них еще очень далеко. И помочь Авке сможет, пожалуй, только Председатель ПУУКа (Подземного Универсально-Ученого Круга) — знаменитейший и всё знающий академик Уко Двуполовинус.

— До него, наверно, не добраться, — загрустил Авка.

— Я постараюсь помочь. Мы немного знакомы. В прошлом году он выступал у нас в школе с лекцией про вывернутые пространства, а я читал ему стихотворное приветствие:

Мы рады, что Вы здесь, глава ПУУКа, —
Великий наш Двуполовинус Уко,
И пусть же осеняет нас всегда
Прекраснейшая Ваша борода!

Потому что у него седая борода — во, как два крыла! Он потом позвал меня и говорит: «Юноша, у вас талант. Заходите как-нибудь в гости, поговорим о музах...» Ну, я не заходил, конечно, стеснялся. А теперь можно попробовать.

Да, в самом деле удача не оставляла Авку! Может, и правда до встречи со Звенкой не так уж далеко?

— Идем скорее!

Лучик с готовностью поднялся. По луговой траве они зашагали к синевшему вдаль городу. Но почти сразу Авка спохватился:

— Ох... А как я с таким синяком-то? Что скажут люди в вашем городе?

— Скажут: герой! Когда узнают, что это ты зажег солнце! — Во время беседы они незаметно перешли на «ты».

— А не попадет? — поехал Авка.

— За что?

— Мало ли... Раньше тоже зажигали. А их за это на костер или в темницу... — Авке вспомнились кое-какие факты из уроков истории.

— Не попадет. Наоборот, будут прославлять и благодарить... Хотя...

— Что? — испугался Авка.

— Если бы даже и то, чего ты боишься... Страдания облагораживают человеческую жизнь.

Авка сказал, что не хочется ему облагораживаться таким способом. Некогда это, и вообще...

— И все-таки я тебе завидую, — вздохнул Лучик.

— Нашел чему...

— Да я не про костер и темницу, а про те страдания, которые уже есть. Из-за Звенки. Мне бы такие! Любовные муки поэту во как нужны, а их у меня еще ни капельки не было... Да и вообще никаких...

— Совсем никаких страданий? — посочувствовал Авка.

— Только мелочь всякая. Например, объяснение с папой, когда он узнал про переэкзаменовку по математике... Правда, одно серьезное страдание имеется, но я уже притерпелся. Потому что никуда не денешься...

— А... какое оно? — осторожно сказал Авка.

— Ты ведь и сам видишь...

— Ничего я не вижу! Где оно?

— Посмотри на меня как следует.

— Ну... смотрю. И что?

— Разве у меня поэтическая внешность?

— А разве нет? И прическа, и бант...

— При чем тут бант! Поэты должны быть стройные, с талией, а я... Девчонки меня зовут «Пу-Пу». То есть «Пуны-пупсик»...

Лучик и правда был кругловат. Не только лицом, но и телом. Пухлые формы слегка распирали тесный костюмчик. Но Авка деликатно утешил нового приятеля:

— Не переживай. По-моему, ты вполне...

— «Вполне» от слова «полный»...

— Я не это хотел сказать!

— Что ни говори, а все равно... Да я сам виноват! И здешние законы природы. Ты погляди вокруг внимательно!

Авка и без того заметил, что природа здесь с причудами. Например, он пускал на ходу Пуниным зеркальцем зайчиков — по траве, про кустам, — и эти солнечные блики превращались в желтых бабочек. Неподалеку прошли две ярко-зеленые коровы. Вокруг летали круглые, плохо различимые предметы — похожие на блюда с бутербродами и большие полупрозрачные тыквы. Авка почти не удивлялся. Мало ли что бывает в незнакомом мире. И к тому же такое ощущение, будто ты во сне.

Лучик шелкнул пальцами. Перед ним и перед Авкой повисла в воздухе большущая глиняная миска с поджаристыми пирожками. У Авки моментально побежали слюни.

— Бери уж, — вздохнул бедный Пу-Пу. — Все равно пропадать.

— Почему? — перепугался Авка. Он уже успел надкусить изумительный пирожок с малиновым вареньем.

— Да не тебе, а мне... Мучная пища мне полностью противопоказана. А я не могу удержаться. Пончики и плюшки люблю так же, как стихи. И стоит о них подумать, как миска или поднос — нате вам, перед носом.

— И каждый так может?!

— Не каждый, а у кого яркое поэтическое воображение. Но у меня-то оно как раз такое...

«Плохо твое дело», — подумал Авка (не забыв при этом сжевать второй пирожок; он ведь завтракал-то давным-давно, в другом мире).

— Послушай, Лучик, ты это... борись с собой. Проявляй силу воли. Вот как раз тебе и будет страдание. Польза и для поэзии, и для тела...

— Не могу, — со слезинкой в голосе признался Лучик. — Думаешь, я не пробовал? Это сильнее меня...

— Тогда придумай мучной стряпне замену, — посоветовал Авка (и съел пятый пирожок; миска всё не улетала). — Таковую, от которой не полнеют.

— Например?.. — сумрачно сказал Лучик (он тоже ел пирожок, безнадежно так).

— Например... у вас тут разводят капусту?

— Конечно. Пирожки с капустой я тоже люблю.

— Не смей думать о пирожках!.. У нас, когда мама начинает солить капусту, от каждого кочана остаются кочерыжки. Они очень сладкие и полезные, в них витамины. А потолстеть от них совершенно невозможно. Посмотри на меня!

Лучик с печальной завистью посмотрел на поджарого тонконового Авку. Авка же подумал: «Интересно, а у меня есть поэтическое воображение?»

— Кыш! — приказал он миске с пирожками (которые не убывали). Зажмурился и представил медный тазик с кочерыжками. Открыл глаза... Ура! Тазик был тут как тут, а пирожков след простыл!

— Бери! — велел Авка Лучику. И захрустел кочерыжкой сам. — Ну как?

— Н-ну... — с большим сомнением отозвался Лучик. Жевал он без радости.

— Не «ну», а прекрасно! У тебя же богатое воображение!

— И что с того?

— Вот и вообрази, что это самая прекрасная еда!

— Что-то... никак...

— Какой же ты тогда поэт? Извини уж, но тогда ты... так навеки и останешься Пу-Пу.

— Нет!! — Лучик вцепился зубами в кочерыжку, как тигр в пойманную дичь. Даже зарычал тихонько. И сгрыз хрустящее угощение в три секунды.

— Вот так и живи дальше, — наставительно произнес Авка. — И повторяй заклинание...

— Какое?

— Сейчас досочиняю... — Авка вдруг тоже ощутил в себе стихотворные способности. — Минутку... Вот!

Очень вредны пирожки и пышки,
Хоть у них весьма приятный вид.
Лучше от капусты кочерыжки!
Можно грызть их даже до отрыжки,
Это ожирением не грозит!

— О-о! — изумился будущий поэт Лучезар Крылатый. И сам не заметил, как сглодал еще кочерыжку. — Неужели это ты... сам... сейчас...

— Ну да...

— Значит, ты тоже поэт!

— Нет, что ты! Я раньше никогда не сочинял. А здесь... это оттого, наверно, что рядом ты. От тебя исходит поэтическое излучение!

— Ну уж... — с удовольствием смутился Лучик.

— Конечно!.. Ты только смотри не отказывайся от кочерыжек!

— Ладно... А ты все-таки поэт. Несомненно! Какая блестящая рифма: «Кочерыжки — отрыжки»! И какая аллитерация! Тревожный звук «р-р» так и перекатывается в строчках: «гры... гр-ро...»

Авка не знал, что такое аллитерация, и скромно молчал. Лучик же явно завидовал Авкиным стихам, хотя и скрывал это за восторгом.

— Знаешь что? Давай я подарю эти строчки тебе! — нашелся Авка.

— Ну что ты...

— Нет, правда! Я дарю!

— Но это же будет нечестно, если я их... себе...

— Они все равно почти твои! Если бы мы не встретились, я бы никогда их не сочинил! Все дело в твоём излучении...

— Ну, если ты настаиваешь...

— Изо всех сил настаиваю! — И чтобы совсем убедить Лучика, Авка хитро добавил: — Только я попрошу одну награду.

— Любую!.. А какую?

— Когда ты станешь знаменитым и будут напечатаны твои книжки, ты мне подаришь одну со своей подписью...

— Конечно!.. Мало того, я даже посвящу тебе поэму с этими самыми строчками! Про кочерыжки! Она будет называться «Страдания поэта при выборе между телесной и духовной пищей»... А еще, если ты позволишь, я напишу поэму про любовь. Про твою. Потому что своей у меня пока не было... Ох, нет! Чуть не забыл, это же тайна!

— Да ладно уж, — махнул рукой Авка. — Тайна эта ненадолго. Все равно придется рассказывать и вашему... Двуполовинкусу, и китам. Иначе как сдвинуть материки?.. Ох, Лучик, а я ведь босиком! Неудобно как-то в таком виде к академику...

Дело в том, что ни башмаков своих, ни фонарика Авка, ра-

зумеется, не нашел. Наверно, БЧП забросила их в другое место. А может, и правда растворила...

— Наоборот, это хорошо! Сразу видно, что ты после опасного путешествия!.. Значит, можно браться за поэму? У меня уже родились несколько строчек. Послушай!

Ноем, как разбитая коленка,
Чувство под названием разлука.
И стрелой, пушенной из лука,
Я лететь к тебе мечтаю, Звенка...

Эти стихи понравились Авке всерьез. Сильно! Даже в глазах защипало. Потому что скуластая зеленоглазая Звенка (некрасивая!) удивительно ярко вспомнилась опять. Знала бы она, в какие дали ради нее угодил Авка!

— Лучик! Идем скорее!

ЧУДЕСА ЧУДЕС И ВСЯЧЕСКИЕ ЧУДЕСА

И они зашагали по луговой траве — мимо зеленых коров (интересно, а молоко у них тоже зеленое?), мимо стеклянных башенок, похожих на громадные бутылки, заткнутые павлиньими перьями.

Несколько раз вокруг Авки и Лучика начинали летать непонятные шары. Они были похожи на пятнистые тыквы, окруженные синеватой дымкой.

— Лучик, это что?

— Планеты, — обыкновенным голосом отозвался юный поэт.

— К-какие планеты?

— Ну, вроде нашей, только в ином масштабе. Они залетают к нам из других пространств. Наверно, им здесь уютнее, чем в безвоздушном космосе...

Авка, уже привыкший к мысли, что Земля — круглая, спросил с пониманием:

— Значит, на них и люди есть? И киты под материками? И...

— На некоторых есть... Уко Двуполовинус иногда эти планеты исследует. Он говорит, что многие — в точности как наша, только в уменьшенном виде.

— А вон тот шар? Тоже планета?

— Где?.. Ай!..

К ним тихо подлетал полупрозрачный серый шар локтей десять в поперечнике. Он колыхался, как студень.

Это была явно не планета. Шар смотрел на мальчишек синими круглыми глазами (каждый величиною с таз). И непонятно улыбался красным толстогубым ртом. Потом широченный рот распахнулся во всю нижнюю половину шара. По губам прошелся розовый пузырящийся язык. Видно было, что рот сквозной. За ним голубело небо.

В первый миг Авка не очень испугался. Шар выглядел добродушно. Лучик, однако, взвизгнул, вырвал из травы тяжелый стебель чертополоха с земляным комлем. Сунул в руки Авке:

— Отбивайся! Гони его!

Авка перепуганно замахал:

— Кыш! Пошел!

Лучик замахал таким же стеблем:

— Пошел отсюда! Убирайся! Мы ничего плохого не сделали!

Но шар не убрался. В неторопливом полете он попытался обойти мальчишек с тыла.

— Авка, давай спиной к спине! Лупи сильнее! И смотри ему прямо в глаза, не отворачивайся! Тогда не сунется!

— Кыш! — снова завопил Авка. И при этом глядел то в один, то в другой большущий зрачок (он в них отражался). Попал стеблем по нижней губе. — Иди отсюда! Чего надо?! Мы тебя не трогали!..

Шаровидная рожа сморщилась, будто собралась чихнуть. Не чихнула, а сказала с глухим чавканьем:

— Хулиганы. Еще увидимся... — И круглое существо медленно уплыло за травянистый пригорок.

Лишь сейчас Авка понял, что он перепуган до полусмерти. В горле застряла целая очередь затвердевших «иков». Колени прыгали так, что вот-вот ускачут от хозяина. Мускулы обмякли, как полоски вяленой тыквы.

— Л... Л-лу... Л-лучик, это кто?

— Т-такой... местный житель. Их называют «шароглоты». Видел, какая пасть? Если зазеваешься, хлоп губами — и нету тебя...

— С-совсем?

— Ну, не совсем «совсем». Однако можешь оказаться в гадостном месте. На каком-нибудь дальнем болоте, например. Сидишь мокрый, жеваный и не знаешь, куда идти. Или на необитаемом острове среди крокодилов и удавов... Или еще ху-

же — в кабинете у директора школы. «А скажите-ка, голубчик, где вы гуляли во время урока алгебры?»

— Жуть какая... — передернулся Авка.

— Да... По правде говоря, я первый раз видел шароглота так близко. Они появляются нечасто. И вообще-то они нападают на тех, кто сделал что-нибудь нехорошее. Так говорят... Ими маленьких детей пугают:

Не реви, а то придет
Круглый дядя шароглот.
Кто ревет по целым дням,
Шароглот его ням-ням...

«Интересно, где бы я оказался, если бы он меня «ням-ням»?..» — Авку передернуло опять. Он украдкой скосил вниз глаза: сухие ли штаны?... Уф, кажется, до этого не дошло. А то бы скандал на весь подземный мир...

А Пу-Пу — он ничего, храбрый парень, хотя и с нежной поэтической душой.

— Ты, Лучик, молодец, не растерялся!

— Ты тоже...

— А чего он к нам привязался-то? Мы же ни в чем не виноваты!

— Ох, разве бывают совсем не виноватые люди? — философски отозвался поэт Лучик.

— Может, он решил, что я драчун? Из-за синяка... Или учуял, что я нездешний?

— Кто их, шароглотов, знает, — вздохнул Лучик. — Да ты не бойся. Если он улетел, то скоро не сунется...

И они пошли снова — к синевшему вдалеке городу.

Впрочем, город недолго синел и оставался далеким. Он приближался так быстро, будто ехал навстречу. И делался разноцветным. Словно большая картинка-разворот из книжки «Тыквогонские народные сказки»... Хотя нет! На тыквогонскую столицу город был не похож. В нем поднималось над крышами множество острых стеклянных башен — будто закрученные по спирали великанские сосульки. Когда подошли совсем близко, Авка увидел, что башни сверху донизу обвиты лесенками, галереями и желобами. По крутым желобам с визгом и хохотом съезжали на тротуарные плиты ребятишки. И смешивались с толпой.

Толпа была радостная — с красными и желтыми шарами над головами, с пестрыми флагами и веерами. Там и тут лопа-

лись хлопушки, выбрасывали синий и оранжевый дым. У него был запах тополиных почек.

— Празднуют появление солнца, — торопливо объяснил Лучик. — Авка, ты пока не говори никому, кто ты такой и откуда. А то потащат на площадь, начнут приветствовать. А нам сперва надо к академику.

И они заспешили сквозь толпу. По улицам и лестницам, по площадям с каруселями. Над головами среди ярких воздушных шаров иногда проплывали шароглоты, но их, кажется, никто не боялся.

— Далеко еще? — выговорил запыхавшийся Авка.

— Да, порядочно. Он живет за Южным парком, на улице Мыльных Пузырей... Но можно сократить путь, если через площадь Кипящего Чайника.

— Ну и давай! Через Чайник!

— Тогда не отцепляйся от меня! — И Лучик ухватил Авку за руку.

Они побежали по широченной лестнице, на которой танцевали и пели девочки в платьях, похожих на цветастые абажуры.

— Извините... Извините... — направо и налево говорил Лучик.

Лестница привела на крутой дрожащий мостик. А мостик — на круглую площадку. Улицы, люди и даже воздушные шары оказались далеко внизу. Авка понял — он с Лучиком на верхней площадке башни.

— Вот он, Чайник! — часто дыша, сказал Лучик. И вытянул вниз руку.

На площади посреди яркого многолюдья возвышался сверкающий желтый купол. Круглая медная гора!.. Ох, да это и правда был чайник! Только ростом с пятиэтажный дом! Крышка — размером с купол цирка! Изогнутый носик чайника (вернее, носище!) на конце слегка расширился и раздвигался. Этот черный, похожий на рот чудовища раструб смотрел прямо на Авку и Лучика. Из него шел прозрачный пар.

— Зажмурься, пожалуйста, — попросил Лучик. — Не надо смотреть по сторонам, а то промахнемся.

— Куда промахнемся? Подожди. А...

— Поехали! — Лучик дернул Авку за руку.

— А-а-а! — Их закружило и понесло вниз. Авка понял, что они мчатся по скользкому винтовому желобу. И, конечно, зажмурился. С перепугу. Но желоб скоро кончился, и Авка —

опять же с перепугу — распахнул глаза. И перестал вопить, потому что воздух в груди кончился. Зато вокруг был сплошной воздух. Вылетев из желоба на половине башенной высоты, Авка и Лучик мчались теперь в свистящей пустоте. Над площадью! И раздвоенный раструб («носик»!) стремительно приближался к ним.

Это что же такое! То БЧП, то шароглот, то медное чудище! И каждый норовит сожрать! Мысль эта мелькнула у Авки со скоростью полета. А полет длился секунду. Авка вдохнул пахнувший чайной заваркой пар и темноту. И они с Лучиком понеслись (опять как по желобу) внутри изогнутого туннеля. Авка был уверен — в кипяток!

Слава Богу — не в кипяток. Но в кипение и бурление радостной толпы. Авка и Лучик оказались в ней, едва «носик» выбросил их внутрь гигантского чайника.

Множество рук подхватило мальчишек, понесло, завертело и под крики «ура» доставило на широкое, покрытое синим бархатом возвышение. Здесь стояли четверо толстых мужчин в белых париках и золотых мундирах с алыми лентами через плечо. Они аплодировали.

Толпа тоже аплодировала. Тысячи людей стояли на кольцевых ярусах, и Авка понял наконец, что он в громадном цирке. Сквозь прозрачный купол хрустально сияло солнце. «А сверху казалось, что медный», — мелькнуло у Авки.

— Да здравствует наш избавитель от мрака!.. Слава юному зажигателю солнца!.. — слышно было среди общего гула.

— Вляпались, — шепнул Авке на ухо Лучик. (Он так и не выпустил Авкину руку. Настоящий друг!) — Откуда они узнали?

— Может, шароглот разнюхал и разболтал? — Авке вспомнились черные ноздри над круглой шароглотовой губой.

— Может быть!..

— Что делать? Мне же надо к Дву... к Половинкусу...

— Попробую перехватить инициативу... — Да, Лучик был находчивый малый! Он поправил бант и вскинул руки. — Господа! Почтенные и уважаемые жители Глубинного мира! Мы просим тишины!.. — Видно, Лучику было не впервой выступать перед массой слушателей. Голос его звеняще врезался в беспорядочный гвалт. — Да! Мы просим тишины! Ну, успокойтесь же, пожалуйста, ёлки-палки, черт побери!!

Последний вопль возымел действие. Шум стал угасать, и скоро внутри цирка-чайника прекратилось всякое бурление. Лучик помахал воздетыми руками.

— Господа! Я автор многих стихов Лучезар Крылатый! Мне посчастливилось первым встретить того, кто принес нам долгожданный солнечный свет! И это дает мне право от имени всех нас обратиться к нашему другу и герою с поэтическим приветствием!

Левую руку Лучик заложил за спину, а правую устремил к слушателям. И закричал звонче прежнего:

О, здравствуй, Август наш Головка!
Самоотверженно и ловко,
И даже не жалея глаза,
Ты солнце подарил нам разом!

И дальше — то, что Авка уже слышал при знакомстве:

Мечтал наш весь Глубинный мир,
Чтоб вместо маленьких светил
Взгорелось новое светило
И чтоб на всех его хватило!
И вот пришел сей светлый пир!

Секунды три многотысячное собрание молчало. Видимо, от восхищения. Потом гигантский чайник забурлил с новой силой. Рукоплескания и восторженные вопли достигли такого кипения, что запросто могла сорваться и улететь прозрачная крышка.

Лучик не растерялся. Он раскланивался, поворачиваясь вокруг оси и прижимая левую руку к банту. А правой толкнул Авку в поясницу:

— Кланяйся тоже!..

Авке что делать? Он деревянно растопырил локти и равномерно, как игрушечная лошадка, нагибал голову. И при этом понимал, что все это ужасно: никакой он вовсе не героический, а нелепый, встрепанный, с перемазанными болотный грязью ногами, в жеваных штанах с перекрученной лямкой, в растерзанной рубашке и с клочьями сена в волосах...

«Как я до сих пор не помер от всего, что случилось?»

Один из четырех мужчин — самый полный, в самом пышном парике и с самой широкой лентой через плечо — шагнул к Авке и Лучику. Его лицо с пухлыми щеками и тремя подбородками излучало восторг, счастье и благодарность. Было видно, что он по-настоящему, без всяких подвохов, добрый дядька. Голос его радостно булькал:

— Блистательные наши юные друзья!.. Благороднейший маэстро Лучемор...

— Лучезар, ваше превосходительство... — деликатно сказал Лучик.

— Да-да! Талантливейший Лучезар Окрыленный! Вы своими стихами выразили наши общие чувства и настроения. Ваша поэтическая речь войдет в летописи! Будучи восхищен ею, я, мэр Глубинной столицы Полупомпилий Квадратус, считаю необходимым вручить вам от имени всего нашего населения Большую серебряную медаль «Поэтический глас народа»!

— О, ваше превосходительство... — выдохнул обомлевший от счастья стихотворец Лучезар. И на его белой курточке засверкало что-то похожее на монету с атласным голубым бантом.

— А вы, несравненный Август Головка... — Счастливым мэр обратил сияющее лицо к Авке. — Вы, наш несравненный друг, свершили такое, что достойны самой высочайшей награды Глубинного мира! И я считаю за честь вручить вам ее. Это Орден Всех Созвездий! Он таинственными путями попал в наши края из Верхних стран и долгие годы хранился в столичной сокровищнице. А ныне нашел своего достойного владельца!..

У Авки гудело в ушах. Стыд какой! Ведь ничего же он не сделал героического, только разок треснул себя по глазу! Надо немедленно объяснить это, иначе — полновесная гугнига!

Но объяснить ему не дали. Три напудренных золоченых чиновника столпились перед Авкой и — под восторженный вой зрителей — прицепили к нему орден. Это была большущая звезда со множеством переливчатых камешков и золотой штуковиной посерединке. Она увесисто оттянула вниз рубаху (от которой пахло болотом и сеном).

— Но ваше превосходительство...

— Не надо! Не надо благодарить! Ваш подвиг выше всяких наград!..

«Провалиться бы куда-нибудь...» — хныкнуло внутри у Авки. И даже Звенкин образ исчез из памяти.

— Господин мэр... — Это негромко, но внятно вмешался Лучик. — Прошу прощения, но в протоколе встречи возникла неточность. Вначале я должен был сопроводить Августа Головку к его высокоучености господину Уко Двуполовинусу. Ведь это он отвечает за способы сообщения между разными пространствами. Будет весьма неловко, если мы заставим его ждать.

— Да! Да! Ни в коем случае! Сию минуту!.. Только попроситесь с массаами! — Его превосходительство Полупомпилий Квадратус помахал массаами руками. Лучик тоже. Пришлось так

же поступить и Авке (при этом орден царапал булавкой кожу под рубашкой). После чего мэр что-то шепнул близкому чиновнику. Тот кивнул. Топнул блестящей туфлей. Бархатная площадка шевельнулась и плавно пошла вниз.

«Вот и проваливаемся», — с облегчением подумал Авка. Арена оказалась на уровне глаз и уплыла вверх. Мэр со свитой и Авка с Лучиком оказались в круглой комнате. Светили пузатые фонари. Освещали широкий выход с лестницей.

— Юные друзья, представители мэрии проводят вас!

— Нет-нет! Не беспокойтесь! — Лучик ухватил Авку за рукав. — Я знаю дорогу! Здесь недалеко!

— Но не забывайте, что в семь часов вечера во дворце Городского собрания торжественный банкет!

— Да-да! Благодарим! — И Лучик потянул Авку к лестнице. Мэр и чиновники махали им вслед пухлыми ладонями в кружевных манжетах.

Лестница вывела в сад с густой желтой акацией. Авка бухнулась на ближнюю скамейку.

— Лучик, подожди. Я... как разбитая бутылка, у которой перемешали все осколки...

— Какой замечательный поэтический образ!

— Да ну тебя с образами... Надо отдышаться.

— Надо, — послушно сказал Лучик. И с минуту смиренно сидел рядом. А потом: — Можно я посмотрю орден? — И придвинул лицо к сверкающей звезде. Авка тоже скошил на нее глаза. В центре звезды блеснул золотой знак Цветущей императорской тыквы. А лучи были усыпаны разноцветными кристалликами. Неужели драгоценные?

— Какая прелесть, — шепотом восхитился Лучик.

— Надо как-то вернуть. Мне его по ошибке дали.

— С чего ты взял, что по ошибке! Ты зажег солнце!

— Я нечаянно...

— Это неважно! Не выдумывай! А то получится, что и мне... по ошибке...

— Что?

— Медаль. Ведь мне ее дали за то, что я тебя приветствовал! — И Лучик прижал серебряный кругляк к курточке. Не хотелось ему отдавать.

— Тебе дали за талант!

— Не просто за талант, а за стихи про тебя!

Авка нерешительно посопел. Обижать Лучика было никак нельзя. Вон сколько раз уже он выручал Авку! С дружеским

бесстрашием! Ну и, кроме того, Лучик... он, наверно, немножко прав. Потому что солнышко-то вон оно, светит в точности как в тыквогонском небе...

— Ладно... Только я его все-таки сниму. — Авка отцепил и затолкал колючий орден в карман. — Его надо на парадном камзоле носить, а я как чучело на тыквенных грядках...

— Если хочешь, зайдем ко мне, у меня найдется костюм и башмаки. Конечно, брюки и курточка тебе широковаты, но мама ушьет...

— Бедная мама! Вот обрадуется, когда увидит такого оборванца!

— Мама будет счастлива!.. Только мы живем за Северным мостом, на другом краю города.

— Это снова через всякие горки-чайники? Я помру на пути...

— Тогда пошли так! Все равно ты герой!

— Подожди...

Рядом булькал струями маленький фонтан. Авка поболтал в мраморном бассейне ногами, смыл остатки болотной грязи. Прохлада вернула силы. Не все, правда, а частичку. Авка вытянул из волос несколько соломин.

— Лучик, у тебя есть гребешок?

— Разумеется!

Авка расчесал кудлатую голову. Поддернул штаны, раскрутил ляжку, заправил рубашку. Лучик наблюдал с одобрением. Потом спросил:

— А помнишь, что сказал его превосходительство?

— Что? Он много там говорил...

— Про фамилию...

— А! Полупомпилий Квадратус!.. По-моему, лучше бы ему называться Круглус.

— Нет, про мою фамилию! Про поэтическую. Он ошибся и сказал не «Крылатый», а «Окрыленный». По-моему, это звучит лучше. Как ты думаешь?

— Думаю — да... Идём!

ЕГО ВЫСОКОУЧЕННОСТЬ

Представьте себе великанские, размером с цирковую арену тарелки. Представьте, что они сложены вверх дном в стопки разной (но очень большой!) высоты. И что десятка полтора

этих кособоких ребристых башен кое-как сдвинуты друг с другом. Представили? Тогда знайте, что именно так выглядел дом самого ученого человека в Глубинном мире — академика Уко Двуполовинуса.

В одной из «тарельчатых» башен была прорезана дверь. Вернее, прямоугольный проход. Лучик за руку втащил оробевшего Авку в темный коридор, где пахло почему-то листьями орешника. Сперва шли почти на ощупь. Но шагов через десять замерли и зажмурились от разгоревшегося света.

— Кто такие? — спросил неприятный голос. В нем была странная смесь кошачьего мяуканья и жестяного скрежета.

Коридор перегораживала кирпичная стена. В ней блестела тяжелая, с начищенными медными узорами дверь. У двери в кресле сидел... сидела?... существо. Ни на кого не похожее. С туловищем из клепаного железного ящика, с торчащими, как у гигантского кузнечика, суставами длинных, повсякому согнутых лап. С головой, напоминающей шароглота, но маленького — размером с тыкву-невалашку.

— Кто такие? — повторило существо. Без всякого дружелюбия.

— Мы... это... — промямлил Авка. — Мы хотели...

— Выражайтесь короче и конкретнее.

Тогда Лучик поправил медаль и задрал пухлый подбородок.

— Вы видите перед собой Августа Головку, которой зажег солнце. А я — его полномочный представитель в Глубинном мире, Лучезар Окрыленный, лауреат Большой серебряной медали «Поэтический глас народа»!

— Поэт, значит... — сказала существо. Круглые, как пуговицы, глаза его сощурились, а толстые красные губы сложились в ироническую улыбку.

— Поэт! — с вызовом отозвался Лучик.

— Ну и что? — сказала существо.

— Что «ну и что»? — возмутился Лучик.

— Сюда-то вы зачем явились?

— У нас крайне важное дело к его высокоучености.

— Какое?

— А вы, собственно говоря, кто такой? — опять рассердился Лучик. — Почему вы нас допрашиваете?

— Я привратник академика! Господин Двуполовинус изготавил меня специально, чтобы я не пускал всяких... кто с дурацкими изобретениями и глупыми просьбами.

У Авки противно застонало внутри. Ясно, что его просьба покажется академику сверхглупой.

Но Лучик задрал подбородок выше прежнего.

— У нас вовсе не то! Наше дело такое важное, что мы можем говорить о нем только лично с его высокоученостью. А если вы нас не пропустите, последствия могут быть не-об-ра-ти-мые.

Привратник мигнул. Прошелся выпуклыми синими глазами по обоим.

— Ладно. Поэт пусть проходит. А босому нельзя. Неприлично.

— Но ведь именно Ав... господин Головка должен изложить дело!

— Я сказал — нельзя.

— А вот мы посмотрим! — Лучик ухватил Авку за руку и шагнул к двери. Но механическое создание выбросило поперек пути несколько многочленистых ног. А одну угрожающе согнуло:

— Шас вделаю по лбу!

Лучик отскочил.

— Вы не имеете права! Мы пожалуемся господину Полу-помпилию Квадратусу!

— Хоть генеральному судье, — с удовольствием сказал привратник.

— Сразу видно, что в голове у вас ржавые стружки, — мстительно заявил Лучик.

— Разумеется! — ничуть не обиделся привратник. — Железная окись лучше всего годится для магнитной памяти. У этой технологии великое будущее...

— Зато у вас... — опять начал Лучик, но Авка дернул его за спицу за куртку.

С точки зрения Авки Лучик вел себя глупо. Совершенно по-дурачки! Ну обругают они эту упрямую железку, а дальше что? Возвращаться с носом?

— Господин привратник, извините нас, мы погорячились. Потому что очень устали... Вы, конечно, правы, босиком неудобно. А можно мне взять у... господина Окрыленного его башмаки и пойти в них? А господин Окрыленный подождет меня здесь... — и Авка опять дернул Лучика: не спорь!

Привратник прикрыл жестяным веком один глаз. В голове у него тихонько поскрежетало.

— Пожалуй, это наиболее адекватный вариант. Обувайся и

ступай. А поэт пусть посидит со мной. Он придумает про меня стихи.

— Еще чего!

— Он придумает! Поэты они все такие: сперва упрямятся, а потом сочиняют! — И Авка ткнул приятеля в поясницу. Лучик надулся, но больше не спорил.

Белые атласные туфли оказались тесноваты, но ничего, терпеть можно. Привратник вытянул ногу-щупальце к двери, нажал медный завиток. Дверь с переливчатым звоном повернулась. Привратник предупредил:

— Там, где коридор делится на два, свернешь налево. Это самый короткий путь... — И кажется, хихикнул.

Авка кивнул насупленному Лучику — жди, мол, не скучай — и шагнул через порог. В нем звенело нетерпение. Такое, что робости почти не осталось. В самом деле, хватит уже приключений! Пора наконец решить дело с китами! Звенка... она ведь, наверно, помнит и ждет...

Авка заспешил по мраморному коридору. Светили круглые лампы. Скоро коридор и правда разошелся в две стороны. Авка повернул налево — как было сказано. Сделал еще несколько шагов... и полетел вниз.

Который уже раз за сегодняшний день!

Впрочем, опять ничего страшного не случилось. Авку поймало в свои объятия глубокое пушистое кресло.

Стояло кресло посреди обширной комнаты. Здесь было столько всего непонятного, что даже бесполезно разглядывать, все равно не разберешься. Стеклянные шары, изогнутые трубы, полированные ящики, незнакомые деревья в кадках. И груды большущих, как кожаные чемоданы, книг.

Из-за одной такой груды суетливо выбрался старичок. Сухой, кривоплечий, ростом едва ли больше Авки. В зеленом вязаном колпачке, в длинном кожаном переднике.

— А, посетитель! — весело закричал он тонким голосом, который называется фальцет. — Прямо с потолка! Это, конечно, проделки Пустобрехуса! Мой привратник любит такие шуточки. Чтобы в люк — и бултых! Ума немного, но чувства юмора не отнимешь! Не обижайтесь на него, он раньше служил почтовым ящиком в редакции журнала «Смех и грех»!..

— В-ваша высокоученость... простите... здравствуйте... я... —

Авка начал выбираться из кресла. Он понял, что перед ним знаменитый академик Уко.

Раньше Авка думал, что этот великий ученый — личность ростом под потолок, с могучей седой бородою и в профессорской шапке, как у тыквогонского Кантонелия Дадана. А оказалось — вон что... Но борода была! В самом деле могучая. Два широких белых крыла, которые на концах скручивались в сосульки. И она не оставляла сомнения — Авка попал к тому, к кому хотел.

— Простите, ваша высокоученость, я...

— Сиди, сиди! Я про тебя все знаю! Это ты запалил в зените негаснущий источник света! Молодец! Мне самому давно следовало заняться этим, да руки не доходили! Но мне тут забот еще хватит! Надо ведь, чтобы солнце временами пряталось за горизонт, население не выдержит вечного дня! Тем более что все привыкли к слабеньким искусственным светилам... Ну, ничего, с этой проблемой я разберусь!.. А у тебя, почтеннейший Август, какие теперь проблемы? Не знаешь, как выбраться к себе наверх?

— Господин Двуполовинкус, я...

— Двуполовинус... Впрочем, это неважно! Как меня только не называли в разные времена, в разных пространствах! Ты, друг мой, представить не можешь, сколько во Вселенной этих пространств! И в скольких мне пришлось жить!..

Академик говорил очень оживленно (даже мелкие брызги летели с губ). Нос его при этом дергался и качался. Это был удивительный нос. Похожий на коротенький хобот со складками на переносице. На складках косо сидели круглые очки. Почти такие, как надевал Авкин папа, когда садился за сверхурочную работу со своими ведомостями. Только у папы оба стекла были целые, у академика же одно с трещиной, а вместо другого вообще пустота. Сквозь такие странные очки блестели два маленьких желтых глаза.

«Ох... — мелькнула у Авки догадка, — неужели...» И он не удержался:

— Ваша высокоученость? А не вас ли звали раньше Рапа... мапа... Ну, то есть Сумчатый Слон?

— Конечно, конечно! Вот из-за этого! — Уко Двуполовинус похлопал по животу. Там к переднику был пришит обширный, тяжело отвисающий карман. — В этой сумке, с которой я не расстаюсь, у меня замечательный аппарат. Он обла-

дает колоссальной магнитной памятью и способностью к быстрым размышлениям...

Авку дернуло за язык:

— Со ржавыми стружками, да? Ой...

К счастью, академик не обиделся.

— Не совсем так, не совсем... но в основе своей... впрочем, это долго объяснять. Эту штуку я всегда ношу с собой и в случае необходимости подключаю к голове... А откуда ты знаешь мое прозвище?

— Большая Черная Пустота про вас говорила... Как вы с ней беседовали, когда провалились сверху...

— Не провалился! Не провалился, молодой человек, а отправился в подземные области с научными целями!

— Простите...

— А что, неужели эта неприятная особа все еще болтается между Верхним и Глубинным мирами? Давно следовало заняться ею, да нет времени.

— Она уже не болтается! Она куда-то подевалась, когда я... когда зажегся свет.

— А! Прекрасно! Одной заботой меньше... Ну а у тебя-то, любезный Август Головка, какие заботы? Что привело тебя в обитель старого, ссохшегося над загадками природы отшельника? А? Если хочешь домой, то...

— Нет... То есть я очень хочу, но сперва...

— Сиди, сиди... Вдохни поглубже... Теперь не спеша выдохни... Вот так. И начинай спокойно рассказывать.

И Авка, так и не выбравшись из кресла, начал рассказывать. Конечно, не очень спокойно, однако без икоты. (Кстати, оказавшись в Глубинном мире, он ни разу не икнул. Даже в самых невероятных обстоятельствах.)

Академик Уко Двуполовинус сидел напротив — верхом на лавке. Поглаживал на животе отвисший карман. Левый глаз прикрыл, а правым — сквозь пустую оправу — понимающе глядел на Авку. Иногда кивал. От такого молчаливого понимания Авка осмелел. И просьбу о сближении материков изложил совсем уже ровным голосом, как отличник на экзамене.

Уко Двуполовинус покивал опять (нос его покачался, очки чуть не упали).

— Как всё повторяется, — со вздохом произнес он. — Разные пространства, разные времена, а сюжет все один и тот

же... Когда мне было столько лет, сколько тебе, и меня звали Вовка Лисичкин, и нос у меня был не такой, а вроде твоего, одна девочка тоже... Она звала меня «мой Лисёнок». Хотя потом... Но не будем о грустном! Надеюсь, у тебя все сложится иначе! Например, как у юного принца Реокассо Белокурого, которому я на планете Зеленая Шулеглоба помог отыскать принцессу по имени Светка Никанорова. Впрочем, она не была принцессой. Но это неважно...

— Значит, вы мне поможете?! — подскочил над креслом Авка. — Ой, простите, что перебил...

— Ничего, ничего. Если меня не перебить, я могу предаваться воспоминаниям до бесконечности. Воспоминания, друг мой, сладкий удел старости, и... А что ты сказал?

— Значит, вы мне поможете?

— Вернуться домой?

— Да нет же! Сблизить материки! С помощью китов!

— О-о-о! — академик Уко Двуполовинус будто проснулся. Глянул на Авку двумя глазами. — Дитя мое, ты ставишь глобальную задачу!

Авка утонул в кресле по макушку. И горько прошептал оттуда:

— Значит, нельзя?

— Что значит «нельзя»? И что значит «можно»? — Академик слез со скамьи и зашагал среди шаров и приборов. — Все относительно, друг мой! И чтобы не нарушить гармонию природных сил, следует выяснить, соответствует ли важность причины масштабам предстоящих действий.

Причина явно не соответствовала. Авка провалился еще глубже, и у него намокли глаза. Уко Двуполовинус мельком глянул на него и заходил быстрее. Почти забегал.

— Подожди, подожди! Я ведь не сказал «нет»! Я пока просто рассуждаю. Материки двигать — не в чопки играть... С одной стороны, постановка вопроса абсурдна. А с другой... мало ли случаев, когда именно абсурдный подход приводил к позитивным сдвигам космического масштаба? Взять, например, случай с планетой Кактуселла и... Впрочем, это неважно... А в нашем случае... Я мог бы написать научную книгу «Любовь как движущая сила глобальных геопреобразований». Мой вечный оппонент магистр Яконако Будитто из Обратного мира опять придет в ярость, но, в конце концов, так ему и надо...

И ученый муж забегал с такой скоростью, что Авка не успевал вертеть головой, — вокруг кресла, среди приборов, меж-

ду книжных груд! А один раз академик даже пробежался по вертикальной плоскости! По ковру, который висел на единственной не закрытой полками и аппаратами стене. Он видимо, сам смутился этого поступка. Перескочил через бочку с оранжевым кактусом и остановился перед Авкой. Расправил крылья бороды.

— Так о чем же мы говорили?

— О китах, ваша высокоученость.

— Да! Именно!.. И вот в чем вопрос! Как эти самые киты отнесутся к нашей проблеме? Воспримут ли они ее в нужном ракурсе?

— А если их очень-очень попросить?

— Хм... попросить... Ты думаешь, с ними легко беседовать? Наверно, тебе кажется, что они — обыкновенные морские киты, только очень крупного размера?..

— А разве нет? — осторожно сказал Авка из кресла.

— Ох, мальчик... Все зависит от точки зрения. Правильнее всего этих «китов» следует рассматривать как три философские категории. Как три идеи мира... Так называемый Мудрилло — это разум, способность к анализу и умение выбрать оптимальный вариант развития. Храбрилло — устремленность и движущая сила. А Хорошилло — эстетика, стремление к наиболее полной гармонии мира... Ты меня понимаешь?

— Конечно! — соврал Авка. И спросил: — А поговорить-то с ними все-таки можно?

— Попробуем, попробуем... И если тебе хочется видеть в них именно китов, то... Может быть, это даже облегчает задачу...

— А долго до них добираться? — опасно спросил Авка и подумал: «Неужели опять куда-то вверх тормашками?»

— Добираться никуда не надо. Это делается иначе... вот так! — Уко Двуполовинус ухватил два крыла бороды, свел вместе их острые концы. Между ними проскочила трескучая искра (Авка подпрыгнул в кресле). Со стены шумно упал ковер. Под ним открылась штукатурка с трещинами. Но тут же трещины растаяли, стена стала прозрачной и зеленой. За стеклом колыхнулась толща воды. В ней различимы были пузырьки и водоросли.

Авка широко раскрыл глаза.

Из водорослей показалась рыжая кошачья морда.

— Мр-р... — донеслось из-за стекла.

— Подожди, голубушка, — слегка досадливо отозвался академик. — Пообщаемся позже. А пока посиди у себя в рако-

вине. Иначе можешь уменьшиться до размеров молекулы, у меня эксперимент с перестройкой масштабов.

Кошка скорчила обиженную мину. Вильнула туловищем, и... оказалось, что тело у нее кошачье лишь спереди, а сзади — большой рыбий хвост.

— Ой! — не сдержал удивления Авка.

Уко Двуполовинус оглянулся:

— Это Агнесса. Раньше она была обыкновенной кошкой, но ужасно любила свежую рыбу, и в конце концов такая страсть привела ее к биологической перестройке. Видишь, получилась кошка-русалка... Доказательство того, что все хорошо в меру... Впрочем, по натуре она осталась обычной кошкой. Иногда приходится брать на руки и чесать за ухом. На основе этого случая мною написана статья для «Межпространственного биологического вестника», но в редакции сидят такие ретрограды... Ты знаешь, кто такие ретрограды?

— Ага... — опять соврал Авка. — Ваша высокоученость, а как с китами-то?

— Ах да! Киты, киты, киты... небывалой красоты... Пам-пам-пам-пам... там-там... Надо спроецировать их на эту поверхность в приемлемых размерах... мерах... мерах... Там-там-там... — Академик опять соединил волосатые сосульки бороды. На этот раз электричеством шарашнуло так, что по углам подпрыгнули стеклянные шары, Авка громко сказал «ой». Кошачья русалка Агнесса метнулась за стеклом и пропала.

И наступила звенящая тишина.

КУРС ВЕСТ-НОРД-ВЕСТ

Прошла минута.

Зелень за громадным стеклом просветлела. В ней обрисовались три... чего три? Какие-то темные полушария... с глазами и пастями... О-о-о! Китовые головы! Авка перепуганно сжался в кресле. Не китов он испугался, а того, что вот он, этот момент!

Уко Двуполовинус вскочил на стопку книг-чемоданов.

— Приветствую вас, господа! — возгласил он фальцетом.

— Добрый день. Прекрасная погода, не правда ли? — отозвалась левая пасть.

— А чего надо-то? — не так любезно сказала правая. — Давайте сразу к делу.

— Очевидно, у вас проблемы, профессор? — солидно осведомилась средняя.

Голоса были — даже и не голоса, а будто мягкие толчки пространства. Казалось, что стекло слегка выгибается.

— Проблемы не у меня! — обрадованно закричал Уко Двуполовинус. — Они вот у этого молодого человека!.. Август Головка, поприветствуйте господ Мудриллу, Храбриллу и Хорошиллу!

Авка выскочил из кресла, встал навытяжку и трижды сделал школьный поклон — как на экзамене.

Громадные головы в воде слегка пошевелились — видимо, в ответных поклонах. Затем средний кит (наверняка Мудрилло!) солидно попросил:

— Нельзя ли узнать суть дела?

— Можно! — подпрыгнул на книгах академик. — Суть проста! Мальчик влюбился! А предмет его обожания находится на другом континенте! На черепахином! Представляете ситуацию?! Средств сообщения никаких, техника еще не доросла, а у мальчика изболелось сердце!

— Угораздило пацана, — хмыкнул правый кит. — Плюнул бы да забыл! Поближе нет, что ли, никого?

— Ах, что вы говорите, Храбрилло! — возразил тот, что слева. — Сердцу не прикажешь. Любовь — одна из главных сил мировой гармонии, и относиться к этому чувству следует трепетно.

— Ну и трепещи, — буркнул Храбрилло. — А мне эти сердечные страдания по фигу...

— Как вы можете так рассуждать!

— Господа, не ссорьтесь! А то опять будет землетрясение, — вмешался рассудительный Мудрилло. — Профессор! Чувства этого симпатичного мальчика заслуживают уважения, но... влюбленных мальчиков множество, и если по желанию каждого двигать материки...

— Господин Мудрилло! В вашем суждении есть определенная логика, однако же... в большинстве случаев девочки находят от влюбленных мальчиков недалеко. А здесь ситуация уникальная. И Август Головка нашел оригинальнейший способ ее решения. Впервые в истории! Мы должны уважать приоритеты!.. А?

— Должны-то должны... А что скажет население?

— А ему не все ли равно? — осторожно вмешался Авка. — Если ехать потихоньку, никто ничего и не заметит.

— До поры до времени, — возразил Мудрилло. — А когда начнется сближение...

— Это будет прекрасно! — перебил Хорошилло. — Возникнет возможность общения многих человеческих душ!

— Гм... — сказал Храбрилло.

— Почему «гм»? Я вас не понимаю!..

— Пилить куда-то через весь океан... не зная, что из этого выйдет.

«Бзяка-бояка!» — стиснул зубы Авка. Но промолчал, конечно.

А Хорошилло не промолчал:

— Можно подумать, что вы не Храбрилло, а Лентяйло.

— Одно другому не мешает, — философски зевнул Храбрилло.

— Но это же не составит вам никакого труда! — опять вступил в спор Уко Двуполовинус. — Один раз шевельнете хвостами и дальше поплывете по инерции. В конце концов, какая разница: быть в неподвижности или плыть? Ведь неподвижность — всего лишь одна из разновидностей движения!

— В ваших суждениях есть логика, — опять согласился Мудрилло. — Однако я боюсь, что...

— А я не боюсь! — вдруг гаркнул Храбрилло. Так, что стекло выгнулось полушарием. — И терпеть не могу, когда кто-нибудь боится рядом! Плыть так плыть! Меньше слов, больше дела!

— Но... — опять начал Мудрилло.

— Никаких «но»! Сколько можно торчать на одном месте? У меня пузо обросло ракушками! Да здравствует экспедиция!

— Хорошо, пусть да здравствует, — глубоко вздохнул Мудрилло. — Я подчиняюсь большинству, хотя последствия непредсказуемы... Но куда же плыть-то? Профессор укажет направление?

— Разумеется! Если обозначить географический северный полюс нулевым градусом, то курс будет — двести девяносто два! Или, выражаясь по-старинному, вест-норд-вест! Но вам надо согласовать систему прокладки курса. Известно, что у господина Мудрилло внутри гирокомпас, не подверженный магнитным влияниям. Господин Храбрилло, наоборот, привык ориентироваться по магнитным силовым линиям. А господин Хорошилло предпочитает полагаться на интуицию. Две тысячи лет назад это едва не привело к расколу континента.

Когда вы передвигали его к востоку, чтобы уберечь от прямого попадания кометы Бородатая Баба...

— Чего-то не помню... — виновато побурчал Храбрилло.

— Было, было... — сокрушенно вспомнил Хорошилло. — Мы в тот раз непростительно дали волю эмоциям...

Мудрилло заявил с капитанской твердостью:

— На этот раз воли не будет. Направление стану держать я, а вы поплывете справа и слева без фокусов...

— Как пристяжные лошади, — хмыкнул Храбрилло.

— Мудрилло прав, — сказал Хорошилло. — Не следует делать одну глупость дважды.

— Тогда что? Поехали! — гаркнул Храбрилло, и стекло едва не лопнуло.

— Так сразу? — усомнился Мудрилло.

— А чего ждать, если решили?

— Пусть Мудрилло определит, как лечь на курс, — напомнил Хорошилло.

— Да это не проблема. Признаться, я уже...

— Тогда вперед! — с нетерпеливым бульканьем скомандовал Храбрилло. И неожиданно пропел: — «Давай-ка, ямщик, потихонечку трогай...»

— Спокойно, спокойно! Только по моей команде, — велел Мудрилло. — Все вместе... Прощайте, профессор. Всего хорошего, мальчик... — И стеклянная стена превратилась в штукатурку. И ковер сам собой приклеился к ней. А Уко Двуполовинус прыгнул с книг.

— Ну вот и...

В этот миг пол под Авкой слегка поехал в сторону. Стеклянные шары звякнули, за ковром опасно мявкнула Агнесса.

— Ого! Значит, уже поехали! — обрадовался академик. — Поздравляю вас, Август Головка, вы на пути к осуществлению мечты.

— Ох... спасибо... А долго это будет?

— Не знаю, не знаю. Это зависит от китов. Надеюсь, за месяц управятся...

«Это ничего», — подумал Авка. И вспомнил:

— Ох... а как же мне теперь домой-то?

— Нет ничего проще! Я же обещал помочь!.. Сейчас я выведу тебя на Липовый бульвар, по нему добежишь до улицы Всеобщего Восхищения. Там на углу площадка. Остановка... гм... транспорта. Он тебя моментально доставит на поверхность.

И не успел Авка оглянуться, как оказался снаружи дома, на аллее среди густых лип.

— Счастливого пути, друг мой. Возможно, еще увидимся

— Но, ваша высокоученость! Там, с привратником, остался Лучик! То есть Лучезар Окрыленный! Мой друг! Он не знает...

— Не волнуйся, он тебя скоро догонит! На то и «окрыленный». Шагай!

Авка зашагал. Оглядывался: «Догонит ли?»

Зря он тревожился. Очень скоро из-за цветущей между липами желтой акации выбрался встрепанный Лучик.

— Авка! Хорошо, что ты здесь! Бежим, пока не догнал!

— Кто?

— Ну, этот тип! Привратник! Я от него еле ушел! Он хотел оторвать и намагнитить мне уши!

— За что?!

— За стихи...

Конечно, этот разговор был уже на бегу. Но бежать в тесных башмаках было больно, и Авка скоро захромал.

— Подожди... Наверно, уже не догонит. А догонит — мы ему каблуками по носу! На... — Он скинул туфли и одну дал Лучику, а вторую сжал, как оружие. Дальше двинулись шагом.

— Ну, как там с китами-то? — часто дыша, спросил Лучик.

— Нормально. Уже поехали...

— Не может быть!

— Правда поехали. Ты, что ли, не заметил, как толкнулась земля?

— До того ли мне было? Еле спасся от этого придурка!

— А что за стихи-то?

— Он пристал: сочини да сочини!. У меня лопнуло терпение! Я ему и прочитал:

Мы знаем, что Двуполовинусу Уко
Подвластна любая на свете наука.
Но все ж один раз изготовил он брак:
Привратник его получился дурак!

Он ка-ак завопит, как заскрежешет! Хвать меня за шиворот, за подол! Чуть медаль не оторвал... Я бежать! Он за мной! У меня две ноги, а у него... Хорошо, что рядом кусты, он застрял...

— Теперь уж не догонит, — опять успокоил Авка. Но все же оглянулся.

Они дошли до конца аллеи. Вывеска на розовом столбе указывала, что именно здесь улица Всеобщего Восхищения. Улица была красивая, с розовыми, узорчатыми, как пряники,

домами, но никакого восхищения вокруг не наблюдалось. Видимо, население Глубинной столицы устало ликовать и разошлось по домам. Только пушистое солнышко по-прежнему сияло в зените. Оно освещало на тротуарах сломанные вертушки, лопнувшие шарики, обертки от конфет и прочий праздничный мусор.

— Да, повеселились, — высказался Лучик. Почему-то без удовольствия.

— А где остановка-то? — забеспокоился Авка.

— По-моему, вон там...

У края мостовой виднелась площадка под черепичной крышей. Подошли. К витому столбику навеса была приколочена доска с неаккуратной надписью:

ОСТ. ТР.

А ниже непонятное добавление:

(хи-хи!)

— Странное дело, — озабоченно сказал Лучик.

— А чего странного?

— Не знаю... Ладно, подождем. Может, появится извозчик?

— Разве на извозчике можно уехать в Верхний мир?

— Смотря на каком...

И Авке представилась железная колесница со множеством фонарей, запряженная механическими существами вроде привратника Пустобрехуса.

Но ничего похожего не появлялось. Ничего и никого. «Не нравится мне это», — подумалось Авке. Ему очень хотелось домой. Даже сильнее, чем к Звенке.

Наконец к площадке подковыляло странное создание (Авка уже ничему не удивлялся). Это был черный кожаный мешок ростом с мальчишек, с большими коровьими глазами в верхней части и с короткими отростками — видимо, руки-ноги, только без пальцев. А еще у мешка был короткий хобот с воронкой. Воронка со свистом и хлюпаньем втягивала мусор.

Лучик смотрел на незнакомца с опаской, Авка же... ему почудилось в черном мешке что-то знакомое.

Мешок ласково помахал длинными ресницами.

— Здравствуйте, — сипло донеслось из воронки. — Август, вы меня не узнаете?

— М-м... — уклончиво сказал Авка.

— Я бывшая БЧП! Которая вас чуть-чуть не растворила... Теперь я понимаю, что была не права. Надеюсь, вы не очень обижены на меня?

— Н-нет. Но, по-моему, вы сильно изменились...

— Конечно! И внешне, и внутренне! Многократно уменьшилась в объеме, свалилась сюда и не знала, чем заниматься дальше! Спасибо господину Квадратусу! Он выяснил, что я могу теперь всасывать и растворять лишь всякие мелочи, разную ненужную чепуху, и назначил меня уборщицей мусора. Самая подходящая для меня должность! Всегда хватает работы, а сегодня — особенно! Всего хорошего... Ох, сколько сора! До чего неаккуратные граждане... — И бывшая БЧП, сопя и булькая, заковыляла дальше.

— Ну вот, теперь от нее только польза, — с удовольствием сказал Авка. — А то хотела царить во всем мире.

— Царить она не будет, — сумрачно сказал Лучик. — Но и наверх тебя не отвезет... Кстати, а зачем тебе туда? Здесь ты прославленный герой и... А-а-а!

Авка подпрыгнул и оглянулся. К ним, как воздушный шар, тихо подплывал двухсаженный шароглот. Он аппетитно облизывал толстые губы.

— Иди отсюда! — заорал Лучик.

— Убирайся! Пошел вон! — завопил Авка.

Оба замахали башмаками, которые все еще держали в руках (у каждого по одному).

— Махай — не махай, а песенка твоя спета, Лучезар Окрыленный, — густым довольным голосом заявил шароглот.

— Почему?! Чего я плохого сделал-то?! — взвыл несчастный стихотворец.

— А чего хорошего? Надо к переэкзаменровке готовиться, математику учить, а ты болтаешься неизвестно где! Мать с отцом себе места не находят... Ну-ка...

— А-а! Не надо!..

Но было поздно. Пузырчатый язык шароглота сделался узким и длинным. Дотянулся, опоясал бедного Лучика поперек живота и рывком унес в распахнувшуюся пасть. Хлоп! — красные губы сомкнулись. Шар сделал глотательное движение. Улыбнулся и поплыл прочь.

Да что же это! Будто и не было на свете Лучезара Окрыленного! Авка окаменел.

— Эй! Пора, — басовито сказали у него за спиной. Авка деревянно обернулся.

Другой шароглот колыхался в двух шагах.

— Ну-ка... — Он деловито вытянул язык.

— Я... не...

Но упругая сила сняла Авку с тротуара и унесла... куда унесла? Он не понял. В какой-то пахнувший зубным порошком сумрак. Показалось Авке, что его скрутили в длинный жгут, завязали множеством узлов и швырнули вверх. Он летел, летел и... шлепнулся.

Посидел, раскинув ноги, открыл глаза. И увидел, что он — под сухим осокорем. На Шетинистом острове.

САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ ДРУГ

Первая мысль была о Лучике. Радостная. «Если жив я, значит, и он — тоже!»

Вторая мысль: «Ох, а башмак-то у меня!» Потому что Авка все еще сжимал в руке белую атласную туфлю. Небось влетит Лучезару, когда явится домой изжеванный да еще наполовину разутый. Родители не поглядят, что Окрыленный...

«Да ведь и мне влетит! Мои-то башмаки тоже тую-то...»

Однако сам страдай, а друга спасай. Авка, постанывая от ушибов, добрался по осокорю до дупла. Оттуда по-прежнему пахло гнилым деревом и грибами. Авка опустил в темноту руку с башмаком и разжал пальцы. Может быть, по хитрым путям Глубинного мира башмак доберется как-нибудь до хозяина...

Потом Авка сел в развилке. Тыквогонская столица синела за болотом — башни, крыши, купола. Шпили императорского дворца. Солнце было желтым, предвечерним. «Сколько же времени-то прошло?»

Надо было возвращаться. Авка посмотрел вниз.

Внизу, у могучего подножия ствола, спал в колючей траве Гуська.

Он спал, устроив из необъятных белых брюк постель — одну штанину подстелил под себя, другой накрылся. Съежился, как буква Z. Мелко двигал ногами в розовых бугорках от укусов пауков-мохнаток.

«Значит, все же не пошел один через болото! Ну, я тебя...»

Авка скатился вниз. Не очень-то ласково шевельнул хлястика ногой. Честно говоря, дал пинка.

— Хорошо устроился! Как на маминой кровати!

Гуська поднял лицо. Оно было острее обычного, на щеках серые полоски. Но он тут же заулыбался. Шире, шире. Сел.

— Ой! А-а-авка... Ты живой!

Еще и сияет!

— А ты хотел, чтобы неживой!

— Нет! Я наоборот хотел! Я знаешь как боялся! Тебя нет и нет... Я думал: подожду еще один день, а потом полезу за тобой...

— Как... еще один? А сколько их прошло?

— Сегодня уже третий...

«Ну да! Там-то, внизу, солнце незаходящее! Все дни — как один...»

Но эта мысль проскочила где-то позади другой, главной: «Ох, а мама с папой что скажут!»

— И ты... все это время торчал здесь?!

— Конечно! Я тебя ждал...

У Авки — слезы фонтаном!

— А ты понимаешь, что сейчас дома творится? У отца сердце больное! Меня по всей Тыквогонии ищут! И тебя, идиота, заодно! Думают, что мы где-нибудь потонули!.. Бзяка-бояка поганая! Испугался паршивых мохнаток...

Гуська перестал улыбаться. Глаза... они сделались не глаза, а глазища. Он встал. Отвернулся от Авки. Молча натянул штаны, подпоясал их под мышками веревочным пояском. Оглянулся через плечо.

— Ты, наверно, сам... идиот, вот!! — Он все же не посмел сказать «бзяка». — Ты... что ли, думаешь, будто я здесь безвылазно? Я же сходил, как ты велел! Всё сказал! Что ты... что мы в деревне. А потом опять сюда... чтобы ждать... — И слезы у него как у Авки...

Нет, все же не как у Авки. У того — ручьем, а у Гуськи — крупные капли. Они смывали на щеках старые полоски и оставляли новые. Видимо, вспомнился жуткий переход туда и обратно среди кусачей болотной твари.

В первую секунду пришло к Авке облегчение — дома все в порядке. Но это лишь на миг. А в следующий миг...

Гуська плакал, не отворачивая лица. Капли падали с треугольного подбородка. На подбородке был розовый бугорок — как на ногах. Неужели и сюда допрыгнула подлая мохнатка?

Всекие чувства приходилось испытывать Авке. И стыд тоже. Но самый большущий стыд из тех, что случался раньше, был крошечный пустяк по сравнению с нынешним. С тем, что

липко и беспощадно вылился на Авку, заставил съежиться и задохнуться. И не просто стыд, а еще и режущая жалость к измученному и отчаянно храброму Гуське. И понимание, какой он, Авка... нет, не бзяка... Тут даже подходящего названия не найдешь, разные там «бзяки» и «гугниги» — это просто ласковые слова.

Господи, что же делать-то?!

Авка оглянулся. Сквозь размытый от слез воздух увидел то, что хотел. Сухой, торчащий из травы стебель тыквогонского черного репейника. Толщиной почти в руку, высотой до груди. Яростно потянул его, вырвал с земляным комлем. Сунул эту палицу Гуське в руки:

— На...

— Ты чего? — испугался Гуська.

— На!

— Авка, ты чего...

Авка вытянул руки по швам и низко наклонил голову.

— Огрей меня по башке... Не один раз, а сколько хочешь. Хоть сто!

— Зачем?

— Огрей, а потом прости... Ладно?

Гуська уронил палицу. Поднял мокрое лицо. Придвинулся, взял Авку за лямку.

— Ты, значит, больше не злишься на меня?

— Я? На тебя? — Авка взял Гусенка за птичьи плечи. — Я был глупый, как пустая тыква. Даже не понимал, кто мой самый настоящий друг...

Гуська уткнулся Авке в грудь треугольным подбородком. Розовым бугорком. Глянул снизу вверх.

— А сейчас... Значит, я больше не буду хлястик?

— Хочешь, я буду твоим хлястиком? — почти искренне сказал Авка.

— Не-а... Я хочу, чтобы мы одинаково... — И уже не подбородком, а щекой прижался к пыльной Авкиной рубашке.

Они были одни на Щетинистом острове, и можно было не стесняться такого вот чересчур нежного выражения дружеских чувств (если бы кто увидел, сразу: «Бзяки-обслюняки!»). Впрочем, эту трогательную сцену почти сразу прервал житейский случай. Веревочный Гуськин поясок ослаб, и пришлось ловить штаны. Это насмешило и Гуську, и Авку. Почему-то очень насмешило. Они принялись хохотать — сильнее, сильнее, пока оба не свалились в жесткую траву. Рядышком. По-

смеялись еще. Потом сели под осокорем. Гуська весело подышал и спросил тоном равноправного человека:

— Авка, а как там внизу-то? Договорился с китами?

— Все в порядке. Уже едем...

— Вот, значит, почему был толчок! Будто кто-то качнул остров...

— Ага. Это когда они двинулись в путь. Мудрилло, Храбрилло и Хорошилло... Сперва поспорили, а потом согласились.

— Авка, расскажи! Ну, всё-всё как там было...

— Ладно...

Очень хотелось домой, но не обижать же Гуську! И Авка начал рассказывать по порядку. Про все свои приключения. Вплоть до толстогубой и языкастой пасти шароглота.

Гуська притиснулся к Авке плечом.

— Жуткая какая страхища! Я бы помер... Авка, ты будто рыцарь Шампур Тыквонадутый! Помнишь, его великан сглотнул, а тому хоть бы что!

— Ты ведь тоже как рыцарь, Гуська. Два перехода через болото в одиночку... Ох, а как ты тут один ночью-то?

— Ну, так... — без героизма в голосе отозвался Гуська. — Ничего... Только мороз по коже, когда шкыдлы воют...

— Кто воет?

— Шкыдлы. Это вроде болотных крыс, только с обезьяньими лапами. Они тут совсем недавно появились.....

— Я никогда не слышал про таких!

— Я раньше тоже не слышал. Мне про них недавно рассказал Фуба Горшок. Ну, знаешь, большой такой, его из гончарного училища выгнали, он теперь тыквенными семечками торгует на рынке...

— Врет, наверно!

— Не, он сказал: бзяка-засрака буду, если вру...

— Ты чего такие слова говоришь!

— Это он, а не я.

— А ты повторяешь! — Но тут Авка вспомнил, что Гуська уже не хлястик, нечего воспитывать. Сменил тон: — Ты этих... шкыдлов только слышал? Не видел их?

— Не... Ты не бойся, говорят, они только ночью вылезают из камышей. А при солнышке не показываются и не нападают.

«Ага, не бойся теперь... Сейчас ведь опять пилить через болото». Кстати, солнышко стояло уже невысоко.

— Гуська, пора...

— Пора... — Он зашевелился. — Ох, а зачем я в штаны-то влез! Опять снимать...

— Не надо, я тебя на плечах перенесу.

— Еще чего! Маленький я, что ли?

— Не маленький, а... ты и так натерпелся вон сколько!

— Ты тоже.

— Упрямый ты, Гусенок, — с уважением сказал Авка.

— Ага... Авка, а где орден, который тебе дали? У тебя?

Орден был у Авки. Царапал острыми лучами ногу через карман.

— Вот, смотри...

— Ух ты! — Гуська покачал на ладони увесистую звезду. — Наверно, весь драгоценный. Вон сколько всяких алмазов... Жалко, что носить нельзя. Сразу начнут спрашивать откуда. А если будешь рассказывать, узнают и про китов. И тогда упадет, верно ведь?

— Я и не собираюсь носить... И вообще этот орден не мой! — осенило Авку.

— А чей?

— Твой! Твоя награда! За то, что ты меня не бросил и так героически ждал! На!

— Что ты... — Гуська отступил. Даже насупился. — Не надо...

— Но почему? Бери! Это мой подарок!

— Авка, так ведь нельзя. Им же тебя наградили. По закону. Такое ведь не дарят...

— Ну... тогда пусть он будет наш общий!

— Ладно, — отозвался Гуська, но все еще с сомнением. — Или нет... лучше вот как. Смотри, тут один камешек вываливается. Давай я возьму себе его. Мне хватит и этого.

— Ну, как хочешь. — Авка был слегка обижен. Хотя... Гуська, видимо, прав. Что он стал бы делать с этой звездой?

«А я — что?»

Но эта мысль была уже не главная. Главное, что солнце скатывалось к левому краю болота.

— Пойдем, Гуська. А то и правда... эти...

— Пойдем! А шкыдлы не полезут, они боятся света! У нас ведь вот что есть! — Он сбегал за осокорь и принес... Авкин керосиновый фонарик! А еще — его башмаки!

— Гусь, откуда это?!

— Я вчера вечером сию тут, и вдруг они мне с дерева прямо на голову! Я так перепугался сперва...

«Снова чудеса Глубинного мира...»

Авка обрадовался башмакам больше, чем фонарю. Перейти болото еще можно до сумерек, а за потерю башмаков отругали бы обязательно.

Гуська вылез из штанов и опять надел их как плащ. Поднял из травы репейную палицу. Хитровато глянул из-за плеча:

— Это на всякий случай. Для мохнаток...

— Ага, боишься все-таки, — поддел его Авка.

Гуська сказал серьезно:

— Я боюсь... Только не этого.

— А чего?

Гуська оперся подбородком на палицу. Глянул виновато и честно:

— Я боюсь, что ты... когда найдешь Звенку, раздружишься со мной.

— Ты с ума сошел?! — ахнул Авка.

— А разве так не бывает?

— Конечно, нет! Она и ты... это всё совсем по-разному!

Он вдруг сообразил, что, пока обмирал перед шароглотами, пока разбирался тут с Гуськой, Звенка вроде бы и забылась. Неужели совсем? Значит, всё зря? И незачем было расшевеливать китов?

Но нет, приключения — это все равно хорошо. А Звенка... да куда она денется? Только подумал, и вот — опять смотрит сквозь теплый шевелящийся воздух. Да еще и улыбается, будто поддразнивает. «У, некрасивая...» — поддразнил ее и Авка. И вздохнул.

САМОКАТ И ДРУГИЕ ВИДЫ ТРАНСПОРТА

Гуська, сделавшись полноправным Авкиным другом, не стал к нему липнуть и навязываться. Наоборот, он теперь появлялся у Авки реже. А когда приходил, держался самостоятельно. С достоинством. Это Авке нравилось.

Однажды Гуська прикатил на Авкин двор на блестящем голубом самокате. Это доска-подножка, у нее два колесика и руль на длинной палке. А на руле — блестящий звонок, чтобы встречные прохожие не зевали. Одной ногой стоишь на доске, другой толкаешься. И мчишься над гладкими тротуарными плитами или настилами бреющим полетом, как ласточка. Са-

мокаты продавались в центре столицы, в богатых магазинах, и стоили о-го-го сколько! Авка о таком чуде на колесах и мечтать не смел!

— О-о, Гуська! Это чей?

— Мой.

— Откуда?!

Гуська не стал хитрить и важничать. Рассказал, что недавно шел по улице, крутил в пальцах подаренный Авкой зеленый камешек и повстречал длинновязого Фубу по прозвищу Горшок. Фуба отвесил губу.

— Гусь, где взял?

Конечно же, Гуська сказал:

— Нашел.

— Подари, а?

— Шибко умный ты, Фуба, — сказал Гуська.

— Ух ты, гусенок ошипанный! Отберу да еще по шее дам!

— А я всем скажу! Будешь бзяка-воровака!

— А не докажешь!

— А докажу! Авка видел, как я этот камешек нашел! И вдруг он у тебя! А?

Фуба посопел, прикидывая последствия.

— А еще брату скажу, — добавил Гуська.

— Да ты чё, я пошутил... А давай меняться!

— На что?

— Хочешь самокат?

Гуська, конечно, хотел! Правда, мелькнула мысль: камешек — Авкин подарок! Но... от такого подарка только опасность и больше ничего. Фуба разболтает, все начнут допытываться: откуда такая драгоценность? Чего доброго, разнюхают про орден, а потом и про все Авкины дела... А самокат — это же сказка наяву!

Фуба нетерпеливо тер кончики пальцев.

— Ну? Давай камень, а через час будет самокат! Подкачу прямо к калитке!

— Не врешь?

Фуба Горшок выкатил честные глаза, куснул сгиб левого мизинца, отмахнулся рукой.

— Ты что! Я на гуннигу сроду не пойду! Быть мне бзякой с отпадом до старости!

И не соврал! Вскоре доставил к Гуськиной калитке самокат.

Авка выслушал историю без одобрения. Потому что пройдоха Горшок облапошил Гусенка, будто грудного младенца.

Наверняка он отнес изумрудик на Пустырь Попрошаек позади главного рынка. Там стояли ряды щелястых торговых лавок, в которых неразговорчивые дядьки с хитрыми глазами покупали без лишних вопросов любые вещи. Известно, что у Фубы с такими дядьками были кой-какие дела. Конечно же, Горшок получил в сто раз больше, чем стоит доска на колесиках.

— Эх ты, Гусь лапчатый...

У того сразу — глаза в пол-лица:

— Авка, ты обиделся, да?

— При чем тут «обиделся». Просто за этот камешек можно было не самокат купить, а тыквокат с мотором...

— Наверно. А кто бы нам продал? Сразу бы: «Откуда у вас драгоценность?»

Да, Гуська был не так уж наивен.

В самом деле — владеешь сокровищем, а толку от него никакого, один страх. Никому даже не покажешь! Сразу начнут душу тянуть как шипцами! «Где взял? Говори правду!» И ведь вытянут всё, взрослые — они такие! Но когда вытянут, ни за что не поверят, что это правда. И начнут снова: «Не морочь голову, отвечай честно! Откуда у тебя эта вещь?»

Авка так и таскал орден в кармане. А на ночь прятал под подушку. Случалось, что прятал и днем: то в тайнике под хлебом, то в лопухах у забора. Но ненадолго. Потому что все время боялся: вдруг кто-нибудь найдет?

Иногда он даже думал: «Может, утопить?» Но было жаль. И опять же страшно: вдруг из Глубинного мира явится какой-нибудь чиновник и спросит: «Мальчик, а где наша награда?»

А награда сквозь карман исцарапала всё бедро, приходилось прикладывать подорожники...

— Гуська, а что ты маме скажешь про самокат? Откуда он?

— Скажу, что ты дал покататься.

— Рехнулся, да? Меня ведь тоже спросят!

— Ну... скажем, что кто-нибудь из ребят дал. Из тех, кто на Горке катается... Данька Белоцвет!

— А у него есть?

— Не знаю. А кто будет проверять?

— Ох, Гусь! Я и не знал, что ты такой хитроумный...

Тот виновато шмыгнул ноздрей. Глянул как прежде, как хлястик.

— Авка, пойдём на Горку, а? Покатаемся...

Горкой назывался пологий спуск на улице Стекольщиков.

Он был вымощен гладкими гранитными плитами. Здесь и гоняли сверху вниз счастливые обладатели самокатов.

Кто откажется от такой радости?

— Пошли, Гуська!.. Только подожди, я спрячу эту фиговину, а то совсем без ноги останусь. — Авка сбежал за хлебом и за толкал орден под кирпичи, оставшиеся от ремонта колодца. Они лежали под кучей мусора.

Потом Авка и Гуська до вечера резвились на Горке.

Самокатчиков собралось больше десятка. Сперва катались просто так, потом устроили соревнования. В несколько заездов. Авке не очень-то везло, а Гуська занял второе место. Потому что самый легонький из всех. Он бы, возможно, и первое занял, но мешали его широкие брюки — путались и парусили на встречном ветру.

Чтобы стать чемпионом в новых состязаниях, Гуська сбежал домой и вернулся в зеленых трусиках с клетчатыми карманами на задку. Но победить не успел. Авке пришло время встречаться с пастбища Матильду, и Гуська сказал, что пойдет с ним.

Да, Гуська настоящий друг! Мог бы ведь гонять на своих колесах до сумерек, но не оставил Авку. Потому что вдвоем веселее.

Гуська левой рукой тащил через траву самокат, а правой вынул из клетчатого кармана стеклянного зайчонка — Звенкин подарок. Вертел в пальцах. Зайчонок был зеленый и прозрачный, как орденский камешек. Только уж зайчонок-то Гуська никому не отдаст, ни на что не променяет, это Авка понимал. Он достал из нагрудного кармашка желтую ласточку. Они с Гуськой посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Когда Авка и Звенка встретятся и будут видеться часто-часто, Гуська тоже будет с ними. Как братишка.

Так думал Авка по дороге к пастбищу, и все тревоги уходило от него. Было хорошо среди ласковой травы, под теплым вечерним небом. И скоро будет еще лучше, потому что два материка в Мировом океане постепенно сдвигаются и страна Никалукия делается все ближе.

В том, что киты двигают материк, Авка был уверен. Об этом говорила Мукка-Вукка.

В первый же вечер после возвращения из Глубинного мира Авка рассказал Мукке-Вукке про все свои приключения. Та понимающе кивала обеими головами. Тогда Авка спросил:

— А как ты думаешь, движется наша земля с китами?

Черепаша прислушалась. Покивала опять:

- Двигается.
 — А почему ничего не заметно?
 — Еще долго не будет заметно. Это уж потом, ближе к концу путешествия, начнется тарарам...
 — Ка... кой тарарам? — обмяк от страха Авка.
 — Знать бы какой... Поживем — увидим. А ты что думал? Изменишь всю карту мира — и никаких последствий?
 — А... какие последствия?
 — Непредвиденные, — сухо вато отозвалось умное двухголовое создание.
 — Но вы же сами посоветовали! Чтобы я к китам...
 — Я посоветовала, а ты сделал...
 — Но вы же не сказали, что будет что-то плохое!
 — А я и сейчас не говорю. Но готовым надо быть ко всякому...

Авка опять ощутил в себе «двойственность природы». Одна его половина очень встревожилась. Прямо хоть спускайся опять к Уко Двуполовинусу и тормози китов! Но вторая тут же затосковала: «А как же Звенка?» И сказала первой: «Чего уж теперь-то! Все равно их не остановить». А Мукка-Вукка успокоила их обоих:

— Не надо поддаваться панике. В конце концов, для тебя главное что? Увидеться с девочкой? Увидишься. Уж это-то я тебе обещаю...

И Авкина тревога улеглась. До ночи.

А ночью Авка вдруг проснулся. Будто воткнулась в него булавка ордена. Мукка-Вукка сказала: «Уж это-то я тебе обещаю». Но каким тоном сказала! Словно хотела продолжить: «А что будет дальше, я не знаю...» Да, а что дальше? Может, Звенка его уже и не помнит! Или помнит лишь еле-еле... Ну встретились на берегу, поболтали... Ну помог достать керосин для обратного пути. А она... ну да, чмокнула его в щеку. А может, у них в Никалукии просто такой обычай... Ласточку подарила на память? Ну и что? Наверно, это просто из вежливости. Гуське вон зайчонка подарила...

Может быть, увидит Авку, поздоровается, скажет несколько слов и убежит по своим делам. Играть с никалукискими мальчишками...

Потом Авке так и приснилось: она бежит в догонялки с незнакомыми пацанами, а он стоит в сторонке и не смеет попроситься в игру. От такого горя Авка проснулся. Помигал. Звен-

кино лицо — зеленоглазое и скуластое — привычно повисло перед ним в сумраке комнаты. Звенка смотрела хитровато.

— Ты чего это... — хмуро сказал ей Авка.

Звенка прищурилась и показала язык. Но... тут же засмеялась. Тогда Авка тоже показал ей язык. И тоже засмеялся. И уснул уже спокойно...

Когда они с Матильдой вернулись к дому, Гуськина мама откликнула сына из-за забора:

— Иди ужинать! Носишься целый день, совсем как спичка с глазами стал!

Гуська затолкал самокат за поленницу и убежал. Авка же вспомнил про орден и пошел за хлев. Надо вынуть из тайника, а то мало ли что.

Он оглянулся, отодвинул под кучей мусора кирпич... Ордена не было.

НЕ БЫ-ЛО!

Авка от ужаса сделался жидким, как тыквенная мякоть.

Ну кто, КТО мог разнюхать и украсть?

Значит, кто-то знал про орден с самого начала? И следил? Но кто? Ну не Гуська же, в самом деле!

Авка сел и привалился к стенке хлева. Как пришибленный. Как приговоренный. Потеря ордена грозила всякими бедами. Какими именно, Авка не знал, но чувствовал — громадными. А еще хуже предчувствия бед была непонятность. Неизвестность.

Раньше Авка с такого перепуга завелся бы икать без останки. Но икота осталась у БЧП, и теперь Авка только часто переглатывал.

Что было делать? Только одно — бежать к Гуське и вместе с ним с головой нырнуть в жуткие догадки. Две головы лучше, чем одна...

Кажется, Авка это не просто подумал, а пробормотал.

— Наконец-то ты это понял, — послышался мяукающий голосок.

— Мукка-Вукка!

— А кто еще? Его величество Валериус Третий? — Она вы-

бралась из-под сухой тыквенной ботвы. — Что, кавалер? Перепугался?

— Мукка-Вукка, вы что-то знаете? — качнулся к ней Авка с проснувшейся надеждой.

— Кое-что... — хмыкнула правая голова.

А левая сообщила:

— Это я прибрала твой сувенирчик. А то ты, бедняжка, машешься с ним, не знаешь, куда девать.

— Уф... — Авка шумно задышал. С великим облегчением. — Мукка-Вукка, а где он?

— У меня под панцирем.

— Ой... а разве ваш панцирь поднимается?

— Как крышка чемодана. Только я это никому не показываю, неудобно раздеваться при посторонних.

— Но звезда же колючая, всю спину вам исцарапает.

— Я уложила ее булавкой вверх. К тому же спина у меня под панцирем жесткая...

— Спасибо вам, Мукка-Вукка...

— На здоровье... Когда понадобится — скажешь, я вытряхну.

— Ладно. Только, наверно, никогда не понадобится...

— Как знать... Захочешь вспомнить приключения в Глубинном мире, достанешь награду, поглядишь...

— Я эти приключения и без награды помню!

— Не очень-то помнишь, — ворчливо отозвалась правая голова. — Там по тебе скучает твой друг Лучезар Окрыленный, а ты...

— А я... Что я? Я про него тоже все время вспоминаю! — И это была почти правда. Ну, не все время, однако очень часто Авка думал: «Как там Лучик-то? Что с ним?»

— Иди к дому, постучи по водосточной трубе у крыльца, — сказала левая голова.

— И что будет?

— Иди, иди. Что-нибудь будет...

Авка поспешил к крыльцу, заколотил по гулкому железу. В трубе загудело, заскрежетало. И в лужу, что осталась от вчерашнего дождика, вылетела из ржавого горла бутылка. Нездешнего вида — квадратная, с маленькой головкой. Сквозь мутное стекло был виден свернутый в трубку бумажный лист. Авка попробовал его вытрясти, но бумага растопырилась — и никак. Пришлось пойти за хлев и кокнуть бутылку кирпичом.

Мукка-Вукка неодобрительно смотрела четырьмя глазами, но ничего не говорила.

Авка, волнуясь, развернул листок.

Здравствуй, Август!

Удивлённо

Не распахивай глаза.

Это пишет Окрылённый

Верный друг твой Лучезар.

Думал я: «Ах, как бы мне бы

Весть послать тебе?» И вот

Мне помог решить проблему

Мой знакомый шароглот...

Все письмо было стихотворным. Понимая, что не всякому читателю нравятся длинные стихи, перескажем послание Лучезара обычными словами.

Лучик сообщил, что, будучи проглоченным, он оказался не где-нибудь, а в собственной комнате, за столом с разложенными тетрадками и учебником математики. Там же находились мама и папа. С двух сторон они взялись было воспитывать «ленивого обалдуя» (это слово рифмовалось с маминим высказыванием «вот несчастье — породила дурня на свою беду я»). Но, увидев медаль и узнав про поэтические успехи сына, родители смягчились. Даже расчувствовались. И папа сказал, что, может быть, есть смысл определить Лучезара в лицей, где обучают изящным искусствам, а математикой не очень допекают.

Впрочем, переэкзаменовку Лучик через пару дней сдал и получил оценку «более или менее». А теперь пишет поэму о недавних приключениях.

Что касается шароглота, который так бесцеремонно слопал поэта Окрыленного, то он оказался совсем не злым существом. После переэкзаменовки он повстречался Лучику на безлюдном бульваре, поздравил с положительной оценкой и просил не обижаться. Просто у них, у шароглотов, такая природа: доставлять людей туда, где им полагается быть, потому что они, шароглоты, не что иное, как сгустки особого энергетического поля, которое внутри пространства просверливает дыры и сокращает расстояния. Живут они в Глубинном мире очень давно, еще с той поры, когда у этого мира было совершенно другое устройство. По правде говоря, и сами не помнят, откуда они взялись и зачем...

Этот шароглот (его зовут Леонпупо Номер Два) явно чего-то хотел от Лучика. И наконец признался: он ужасно боится, что поэт Окрыленный напишет про него — в отместку за глотание — сатирические стихи. Оказывается, все шароглоты очень боятся критики, особенно если она с рифмами. От этого у них нарушается энергетическая структура и снижаются глотательные рефлексy.

Лучик, он же добрый малый, пообещал, что подвергать стихотворному бичеванию шароглота не будет. Тем более что большого вреда он, Леонпупо (Номер Два!), Лучику не нанес, а несколько секунд острых ощущений поэту лишь на пользу.

Потом Лучик спросил, не может ли уважаемый Леонпупо Номер Два еще раз проглотить его и таким путем перенести в гости к другу Августу Головке. Леонпупо виновато развел пухлыми лапами. Они, шароглоты, могут перебрасывать людей и предметы лишь внутри одного пространства, а Верхний мир — пространство уже совсем другое.

— Но ведь Авку-то перебросили!

— Да. Потому что он из того пространства. Его «энергетическое я» знало дорогу домой.

Лучик загрустил.

— Но, — сказал шароглот, — я могу указать вам путь, по которому вы попадете в Верхние области самостоятельно.

Он повел поэта Окрыленного на пустырь позади городской водоканчки и показал в зарослях бурьяна глубокую черную воронку.

— Если вы прыгнете туда, то очень скоро окажетесь в гостях у вашего друга.

— Прыгну вниз, а окажусь наверху?

— Да. Таковы хитрости межпространственных сообщений...

Лучик поглядел в узкую темноту и с грустью понял, что этим путем к Авке не попадет. Хотя он и питался теперь одними кочерыжками, но...

— А нет ли другого пути, пошире?

— К сожалению, нет.

— А если я брошу туда письмо, Авка его получит?

— Несомненно!

И Лучик отправил вот это послание в бутылке.

В нем он сообщал еще много интересного.

Оказалось, что академик Уко Двуполовинус наладил движение солнца и оно теперь по вечерам аккуратно скатывается

за край Глубинного пространства, а утром появляется на радость всем жителям.

Железный привратник Пустобрехус ушел от академика и сделался профессиональным игроком в трехмерное домино. Дает сеансы одновременной игры. Недавно вышел скандал. Соперником Пустобрехуса оказалась бывшая БЧП — ныне старшая городская мусоросборщица Ноздря. Эта самая Ноздря во время игры всосала в себя две мешавшие ей фишки и попыталась растворить их. Фишки не растворились, застучали друг о друга в брюхе, обман открылся. Пустобрехус назвал Ноздю пройдохой.

Я буду твердить до последнего вздоха:

Пройдоха, пройдоха, пройдоха, пройдоха!

Они подрались. Судьи их растащили и запретили играть в течение недели. Ноздря выплюнула в судей непереваренные фишки и принялась шумно икать. И не может остановиться по сей день...

В конце письма Лучик благодарил за башмак — тот прилетел к нему прямо на кровать. Неизвестно откуда! А еще Лучик выражал надежду, что рано или поздно похудеет до «необходимой поперечности» и сумеет навестить Авку. А может быть, Авка сам еще раз соберется в Глубинные края?

Может, по стволу ты смело

Вновь залезешь высоко

И — главою в пустотелый,

Вниз ведущий осокорь!

Авка поежился. Раз на раз не приходится, не всегда угодишь в мягкое сено. Как хряпнешься этой самой «главою» о камни! И придется Лучезару сочинять последнюю надпись, которая, кажется, называется «эпитафия». Тем более что БЧП теперь там нет, некому на полпути затормозить падение.

А вот письмо отправить надо! Наверно, если бросить его в дупло, оно как-нибудь доберется до Лучика!

Мукка-Вукка подтвердила, что обязательно доберется.

Авка пошел в дом, достал ручку с пером и пузырек с чернотыквенным соком. Положил перед собой вырванный из тетрадки лист. Вздохнул. Хорошо им, поэтам, из них слова сами собой выскакивают, да еще так складно. А он, Авка, писем срочу не сочинял, некому было.

«Здравствуй, Лучик! Твоя бутылка вылетела из трубы. Я очень...»

В тот момент хлопнула дверь. Примчался с дежурства старший брат. Весь такой встрепанный! Закричал посреди комнаты:

— Вы тут сидите и ничего не знаете! А мы едем! Вся земля наша едет непонятно куда! Ну что? Испугались?!

Авка не испугался. Внутри у него радостно ухнуло: «Наконец-то!»

МУКИ СОВЕСТИ

Откуда берутся слухи? Где они рождаются, как размножаются, почему обрастают фантастическими подробностями? Ученым это до сих пор неизвестно. И самая большая загадка — невероятная скорость слухов. Еще не вышли экстренные газеты, еще не заработал императорский передатчик известий — тот, что с помощью поднятых на высоченных столбах разноцветных фигур пересылал во все края Тыквогонии важные сообщения, — а столица уже гудела и новости неслись по ней, как ручьи после бурного ливня.

Авка и Гуська бегали по улицам и площадям, вбирали эти новости в четыре уха.

Все жители столицы уже знали, что три кита, на которых держится земная твердь, сдвинулись с места и плывут в сторону летнего заката. Были, правда, и такие, кто не верил в китов, говорил, что это бабушкины сказки. Но и они утверждали, что в мире творится неладное и что добром все это не кончится.

Большинство взрослых склонялись к мысли, что киты рехнулись, потому и поперли неизвестно куда. Скорее всего, они вот-вот перессорятся, расплывутся в разные стороны, земля треснет, сползет частями с китовых спин и погрузится в океанскую пучину. Но были и такие, кто утверждал, что киты вместе доплывут до громадной воронки, через которую по вечерам ныряет в океан солнце. Ну а там дело ясное — все вместе буль-буль в подводную неизвестность. Находились, правда, и оптимисты. Океан-то, говорили они, бесконечный, значит, и путешествие может длиться бесконечно долго. По крайней мере, на наш век хватит...

Но оптимистам верили немногие. Общее мнение было таково, что наступают смутные и тяжкие времена. Многие хозайки бросились закупать в лавках соль, спички и керосино-

вые фонари, хотя совершенно непонятно, зачем эти запасы в случае всеобщей катастрофы. Особенно соль! Уж ее-то в бесконечном океане бесконечное количество...

Когда Авка вернулся домой, мама зачем-то увязывала в узлы одежду и укладывала в сундук с мягкой подкладкой золотисто-синий фаянсовый сервиз — самую большую семейную ценность.

— Ма-а! Не бойся, ничего не случится! — бодро утешил ее Авка. — Просто китам надоело быть одним! Они узнали, что где-то далеко есть земля на черепахе со слонами, и поплыли знакомиться!

Мама сказала, чтобы Авка не болтал чепуху и помог укладывать вещи.

— Да зачем?

— На всякий случай. Все так делают.

Старший брат Бума — он храбрый и неглупый — поддержал Авку. Сказал, что нет никакой разницы, как тонуть: с упакованными вещами или без них. Мама сказала, что беспутные сыновья уморят ее гораздо раньше всеобщей катастрофы.

— Мама! Не будет никакой катастрофы! Честное тыкворыцарское! Ну, поверь мне! Полная бзяка с отпадом буду, если вру, вот! — Авка куснул сустав левого мизинца и отбросил руку.

Мама... она посмотрела на Авку внимательно и, кажется, поверила. Или по крайней мере поняла, что вещи паковать действительно глупо. Махнула рукой и пошла успокаивать соседку, Гуськину маму (а Гуська в это время сам ее успокаивал).

А папы дома не было. Потому что, какие бы ни надвигались катастрофы, императорские счетоводы должны находиться на своих местах.

Старший брат Бума тоже был человек долга. И отправился на вахту курсантского патруля — следить, чтобы нехорошие слухи не вызывали в городе беспорядков.

Оставшись один, Авка вытащил из-под кровати черепаху.

— Уважаемая Мукка-Вукка! Ска...

— Скажу, скажу! — перебили Авку две черепаших головы. — Откуда всё стало известно? Вчера ночью астроном-любитель Титто Одноглазый (вообще-то он аптекарь) взялся наблюдать за скоплением звезд Лягушачья Икра и вдруг заметил, что скопление это сместилось по отношению к другим звездам. И мало того! В других созвездиях тоже был беспорядок. Они медленно сдвигались и меняли контуры. Простой зевака, глазевший на звездное небо, не обратил бы на это

внимания, но старый звездочет с телескопом... О-о-о! Титто Одноглазому сразу стало ясно — смещение звезд говорит о том, что материк меняет в Мировом океане свои координаты!

Взволнованный до глубины души астроном-аптекарь накапал себе тройную порцию успокоительных коньячных капель и поделился открытием с женой. Та, несмотря на поздний час, кинулась к соседке и поделилась с нею. Ну и пошло-поехало...

— А далеко еще до той земли, где Никалукия? — осторожно поинтересовался Авка.

— Достаточно далеко, — отозвалась правая голова. А левая сообщила: — И, конечно, еще много событий может случиться, пока доедем...

— Каких событий? — перепугался Авка.

— Кабы знать, — сказала левая голова. А правая промолчала.

До полуночи Авка вертелся в постели, не мог уснуть от всяких тревожных мыслей (и Звенкино лицо, которое то и дело представлялось ему, было тревожным). Но все же заснул. И проснулся поздно, от Гуськиного стука в окошко.

Гуська притащил ворох газет, которые на улицах раздавали императорские почтальоны.

Во всех газетах было написано, что да, замечено некоторое смещение материковых пластов, но опасаться этого явления не следует. Ученые утверждают, что это естественный природный процесс. Подобное случалось и раньше, в доисторические времена, и никаких катастрофических последствий не имело. Его императорское величество Валериус Третий призывает всех своих подданных сохранять спокойствие, потому что сам он совершенно спокоен.

Далее сообщалось, что сдвижение материка в западном (с некоторым отклонением к северу) направлении можно было предвидеть еще давно. Однако сотрудники Императорской обсерватории не проявили необходимой бдительности, не заметили вовремя смещения светил и не предупредили население. Это и явилось причиной паники и нелепых слухов. За безответственное отношение к своим обязанностям директор обсерватории, главный императорский астроном и географ профессор Никус Трипалка, императорским указом освобожден от своей должности и посажен под арест. Его ждет судебное разбирательство. А всё остальное — в полном порядке, до-

рогие граждане Тыквогонии. Живите без тревог и готовьтесь к сбору летнего урожая тыкв...

— Во всех газетах одно и то же, — зевнул Авка.

— Кроме этой... — Гуська выдернул из клетчатого кармана на трусиках сложенный желтый лист. Это была газета под названием «Чистая правда, вам говорят!». Независимое и не подчиненное императорской цензуре издание. Его распространяли не почтальоны, а нанятые редакцией громкоголосые мальчишки. На первой странице «Чистой правды» крупными буквами было напечатано, что всякие призывы к спокойствию — чушь на тыквенном масле. Что император проморгал приближение катастрофы, вот и призывает всех не волноваться. Да еще сваливает вину на несчастного директора обсерватории. Он отправит беднягу на бессрочную каторгу, а сам на своем королевском тыквокате удерет на главную вершину Тыквогонии — гору Золотой Пуп, куда, конечно же, не доберутся воды всемирного потопа.

— Ой-ёй-ёй... — тихонько сказал Авка. И скорчился от нового, похожего на сверлящую зубную боль страха.

— Да чепуха же это! — весело успокоил его Гуська.

— Что — чепуха?

— Ну, разве можно забраться на Золотой Пуп на тыквокате? Они даже на Горке буксуют!

— При чем здесь тыквокат? При чем здесь Пуп? Я про главного астронома... про Никуса Трипалку. Его же — на каторгу. А он же ни в чем не виноват!

— А... почему не виноват? — глупо сказал Гуська.

— Ну как он мог всё это предвидеть?! Откуда он знал, что какой-то Август Головка свалится в подземный мир и уговорит китов?..

— Не ты ведь их уговорил, а этот... Половинкус.

— Уко Двуполовинус. А я — его...

Авка беспомощно сел на пол у подоконника. Гуська — рядом. Попытался заглянуть в Авкино лицо. Спросил шепотом:

— И что теперь?..

Авка горестно шевельнул плечами.

Гуська неуверенно сказал:

— Ведь никто в Тыквогонии не знает, что всё это из-за тебя. Только я знаю. Но я же никому никогда не скажу...

— Ты-то не скажешь, — благодарно и печально прошептал Авка. — А сам-то я... если из-за меня человека на каторгу...

Гуська ткнулся носом в побитые на Горке колени. Все тык-

вогонские школьники, даже в первых классах, знали, что сваливать свою вину на другого — гугнига. И если из-за тебя сильно пострадал невиноватый — будешь ты бзяка с отпадом до конца жизни. А здесь... здесь вообще получится бзяка всемирного масштаба.

— Авка... давай признаемся, что это мы вдвоем. Я ведь тебе помогал...

— Спасибо, Гусенок, — всхлипнул Авка. — Ты вот что... Если там, на каторге, разрешают свидания, ты меня навешай иногда, ладно? И... если материки соединятся, разыщи Звенку. Пусть она меня тоже хоть разок навестит...

— Авка, маленьких ведь не отправляют на каторгу! Ну... может, еще раз пошлют к баронессе, вот и все!

Авка всхлипнул опять. Наивный ребенок Гуська...

— Маленьких за маленькие провинности не отправляют на каторгу. А если так ая...

— А какая такая? Ничего же плохого не случилось! Нету никакого преступления!

— Ну да! А сдвигать с места всю землю без разрешения императора — разве не преступление? — Это Авка будто не сам сказал, а услышал безжалостного прокурора в темно-лиловой мантии и с золотым тыквогонским гербом на груди. Как на картинке в учебнике «Основные законы Тыквогонии».

Гуська раздумчиво постучался о коленки лбом.

— Авка... а давай признаемся... императору!

— Кому-у?!

— Прямо его величеству! Все же говорят, что оно... то есть он самый умный, самый добрый, самый справедливый. А если он такой, то он же во всем разберется! И поймет, что ты... что мы не виноваты!

— Разбирается не император, а судьи, — скорбно вздохнул Авка.

— Но если они скажут, что мы виноваты...

— Не мы, а я...

— ...Если скажут, что виноваты, император, может быть, помилует! За честное признание! — Гуська хотел сказать, конечно, «чистосердечное признание».

Да, он и правда наивный Гусенок... Но... может быть, не совсем наивный? По крайней мере было в его словах что-то... какая-то капелька надежды.

— Ох ты, Гуська... Ну кто меня пустит к императору?

— А знаешь что? Надень мои барабаншиковые штаны! Скажешь, что из барабанной команды, и пройдешь во дворец!

— Да кроме штанов-то еще мундир нужен! И барабан! И вообще... Думаешь, любого барабанщика пустят к его величеству? Данька Белоцвет говорил, что надо кучу всяких паролей знать, чтобы попасть в императорские покои...

— А давай поговорим с Данькой! Может, он знает эти пароли!

— Если и знает, разве скажет? Он же не имеет права!

— Ну, может, что-то посоветует!

Гуська был прав. Не сидеть же просто так! Когда ищешь выход из беды, на душе все-таки легче! Авка пружинисто вскочил.

— Пошли!.. Ой, подожди минуту! Может, Мукка-Вукка тоже что-то посоветует!

Черепуху опять выволокли из-под кровати. Но она ничего советовать не стала. Правая голова ее вообще спала, болталась на шее, и глаза были под пленками. А левая вяло пробормотала, что каждый, кто заваривает кашу всепланетного масштаба, должен расхлебывать сам.

— Я тебя предупреждала...

Авка с досады тряхнул двухголовое создание так, что из-под панциря вылетел и больно стукнул по ноге колючий орден. Авка сунул его в карман. Задвинул Мукку-Вукку ногой под кровать.

— Гуська, идем искать Даньку!

— Лишь бы он был не на дежурстве!

МИКРОЧИХ

К счастью, Данька оказался дома. Вернее, на своем заросшем лопухами дворе.

Посреди двора стоял обширный, но покосившийся дом с облупленными колоннами — фамильное поместье. Когда-то Данькина семья жила, не зная бедности, но три года назад его отец, капитан конной гвардии Григус Белоцвет, простудился на маневрах и умер. Теперь жили на отцовскую пенсию и Данькино придворное жалованье. Было оно «еле поели да ложку облизали», потому что считалось — служить при дворце и без того большая честь. Но все же без этих денег было бы совсем худо. Данькина мама и так едва сводила концы с концами:

ведь были у Даньки еще два брата и две сестренки, все меньше его.

Сейчас эта мелкая родня обступила Даньку, который что-то мастерил, сидя на корточках. Здесь же сопели от интереса трое соседских пацанят самого младшего школьного возраста. Данька любил возиться с таким маломерным народом.

— Даня! — окликнул Авка с пяти шагов. Тот встал, глянул из-за нечесаных голов малышни, обрадовался.

— Подождите, я сейчас! — И скомандовал ребятишкам: — Р-разойдись!

Они разбежались. Данька оседлал доску с привязанной под нею тыквой-чихалкой, ухватился за прибитую поперечину, ударил тыкву голой пяткой. Под доской засвистело, и она... Да, представьте себе! — она подняла Даньку над лопухами на половину его роста. И он поплыл верхом на этой доске по кругу!

Выписав петлю, Данька приземлился перед Авкой и Гуськой. Тыква под доской пошипела, сплющилась и затихла.

— Ну как? — с веселой гордостью спросил Данька.

Не надо забывать, что Авка и Гуська были из племени тыквогонских мальчишек. А это, как известно, люди жизнерадостные и способные в один миг загораться неожиданным интересом. Могут забыть (по крайней мере, на время) о самых больших неприятностях, если увидят что-то любопытное. А уж если *сверхлюбопытное*...

— Дань, что это?! — в два голоса сказали Авка и Гуська. После чего одинаково оставили открытыми рты.

Данька был откровенный человек и добрый приятель. Тут же рассказал о своем открытии, которое случилось вчера.

Это было такое открытие, что Даньку даже не взволновали новости про поплывшую куда-то землю. Пусть плывет, если охота, у Даньки дело поинтереснее!

Но сначала для тех, кто не бывал в Тыквогонии, надо рассказать про тыквы-чихалки.

Это самый бесполезный для хозяйства сорт. Не годится ни для еды, ни для выработки энергии. Потому что внутри чихалки не мякоть, а едкая, как желтый перец, пыль. Если такая тыква лопается, чиханье стоит во всей округе! Но лопаются чихалки редко — у них очень прочная упругая оболочка.

Несмотря на их бесполезность, чихалки все же иногда выращивали. Ради забавы. Потому что снаружи они были красивые, в пестрых узорах. Из маленьких тыквочек можно было

делать новогодние украшения. Большие надевали на колья изгородей.

А еще крупные тыквы-чихалки можно было гонять ногами, будто кожаные мячи. Но для этого следовало обезвредить опасную начинку. А то как треснет от удара башмаком — сразу не игра, а больничная палата!

Обезвреживали чихалкину внутренность маслом из сливочных тыкв. Сверлили дырку, наливали в нее масло через воронку. Оно пропитывало ядовитую пыль, та высыхала и спекалась в твердые безвредные горошины. Они весело гремели внутри оболочки. При желании можно было даже вытрясти их через отверстие, но обычно для этого не хватало терпения, так и гоняли трескучие разноцветные мячи...

Вчера, вернувшись с дворцовой службы, Данька решил изготовить для малышни такой мяч. Отыскал в подвале чихалку средних размеров, велел брату Пестикю принести бутылку с маслом и воронку. На дворе они влили в тыкву полбутылки. Заткнули отверстие огрызком карандаша, стали ждать. Обычно для такого дела требовалось полчаса. Чтобы масло действовало побыстрее, Данька хлопнул узорчатый шар ладонью.

И тогда шар засвистел! Подпрыгнул! Поскакал!

Семилетний Пестик обалдело шлепнулся в траву. Данька тоже сперва перепугался. Но почти сразу кинулся за беглой тыквой. Догнал, упал на нее пузом. Свистящий шар приподнял мальчишку, завертел и понес по воздуху в двух аршинах от травы. Снизу из тыквы била упругая гудящая струя.

— Хорошо, что дыра оказалась внизу. А то меня продуло бы навывлет! Я уж потом это понял и чуть лужу не пустил с перепугу, — признался Данька Авке и Гуське.

— А дальше что? — сказали те разом.

Ожившая тыква таскала Даньку по двору недолго, с четверть минуты. Потом обессилела и стихла.

— Я полежал на ней и понял, что открыл новый вид энергии. Чихательной!

Гуська почесал макушку.

— А почему раньше никто ее не открыл? Сколько капали маслом в чихалки — и ничего...

— В том-то и дело, что маслом! А Песька перепутал бутылки! Они же глиняные, непрозрачные. Он притащил кислое молоко...

— А в нем какая сила?.. — недоверчиво сказал Авка.

— Я сперва тоже думал: какая? Думал, думал... А потом по-

нял! В кислом молоке есть бактерии! Ну, такие специальные микробы, от которых оно скисает. Они ведь живые существа. А какое существо устоит перед чихалкиной пылью! И вот один чихнул, второй, третий! И пошло, пошло! Начала вырабатываться сила!

— Микроб — он же крохотульный. Какая от его чиха сила, — сказал Гуська.

— От одного — никакая. Но их же там... билли-трилли-миллионы! Как начнут чихать один за другим, а потом все вместе! Происходит цепочная реакция... И полетели! Я специально смастерил воздушный самокат. Называется «микрочих». Вчера тренировался весь вечер, двадцать четыре тыквы извел! Из прошлогоднего запаса...

— Дань, дай прокатиться! — выдохнул Авка, забыв про все на свете.

— И мне... — сунулся вперед Гуська.

— Ладно... Вообще-то я своей мелкой команде обещал, ну да вас можно пустить без очереди, гости же...

В самом деле, Данька золотой человек!

— Только учтите, управлять надо осторожно, — предупредил он. — Наклоном туловища... В какую сторону захотите повернуть, туда и наклоняйтесь. А если прямо — нагибайтесь вперед. Только не сильно, а то зареетесь носом! Я один раз во как впилил! — Данька показал на щеке ссадину. — И не поджимайте ноги, а то ка-ак вяпает выхлопом, без пяток останетесь!

— А если захочешь, можно набрать высоту? — спросил Авка. Сам еще не зная зачем.

— Можно. Надо остановить движение вперед. Тогда струя начнет поднимать тебя. Только это опасно. Энергии-то хватает секунд на десять-пятнадцать. В зависимости от объема тыквы. Если не успеешь снизиться, брякнешься с высоты. Я один раз брякнулся с двух саженей, тоже синяк... — Но показывать синяк Данька не стал — понятно, где он...

Авкины тревоги спрятались позади новой радости. Гуськины, кажется, тоже. Данька выделил им для катания по две тыквы. Первый раз у Авки получилось не очень, но кое-что он все-таки усвоил. И второй раз ощутил себя опытным воздушным наездником. Даже подняться по вертикали попробовал, как учил Данька. И поднялся. Правда, спуск получился слиш-

ком крутым, Авка перелетел через руль, но отделался лишь привычной ссадиной на колене.

А Гуська — тот вообще молодец. Данька даже позавидовал: — Ты будто всю жизнь ездил на микрочихе.

Гуська скромно поулыбался. Но тут же лицо его стало похуевшим, треугольным. Он, Гуська-то, оказывается, помнил о главном деле крепче Авки. Он за лямку оттянул Авку в сторону.

— Пора сказать ему...

И горькая забота опять взяла Авку в свои холодные лапы. И беспощадная каторга замаячила впереди. Но он храбро сказал:

— Идем домой.

— А как же...

— Идем. Даньку нельзя впутывать в наши дела. Если все откроется, его ведь тоже могут... за решетку. Как сообщника. А у него вон сколько малышни...

— Но кто же нам поможет, если не он?

— Он уже помог...

— Как?

— Идем, идем...

Они помахали Даньке ладонями — уже от калитки. Прокричали спасибо.

— Приходите еще! — отозвался он. — Только не завтра! Завтра мне на дежурство, таскать шлейфы за фрейлинами!

— Надоело? — посочувствовал Авка.

— Хуже кислой тыквенной похлебки!.. Я просил перевести в барабанщики, а министр церемоний говорит: «Ишь чего захотел, много вас таких...»

— Свинья он! — сказал Авка.

— Ты уж держись! — подбодрил императорского пажа Гуська.

— Придется...

— И гляди, чтобы твои детки не свихнули шею на микрочихе! — посоветовал Авка.

— Не-е! Я им даю тыквочки с запалом всего на пять секунд! Не успеют разогнаться!..

Когда прошли полквартала по улице Золотых Семян, Гуська сумрачно сказал:

— Ну и что дальше?

— Пошли на Цветочную гору.
 — Зачем?
 — Оттуда лучше всего видать дворец.
 — Август, ты что задумал? — спросил Гуська тоном строго-равноправного друга.

Но Авка молча шагал вперед.

Гуська сжал губы, сунул кулаки в клетчатые карманы и, видимо, решил больше ни о чем не спрашивать.

По лестнице в четырехэтажной ступеней поднялись на Цветочную гору. Это было самое высокое место в столице за исключением Императорского холма, где стоял дворец. На горе была окруженная колоннами площадка. С нее жители столицы и приезжие люди любовались видом главного города Тыквогонии. Но сейчас никто не любовался. Весь народ толпился на улицах, площадях и рынках, обсуждал слухи: куда едем? что будет?

С площадки казалось, что дворец совсем недалеко — вот он, как на картинке.

— Гуська, видишь главную башню?

— Ну и что?

— Видишь полукруглое окно вверху?

— Ну и что?

— Все говорят, что там кабинет императора...

— Ну и что?

В самом деле, что такого? Каждый знал, что там кабинет императора. Нередко в окне показывалась фигура в белом мундире и золоченой короне-тыкве. Снизу лица было не разглядеть — башня-то о-го-го какая! — но тыквогонцы знали: это его величество, размышляя о нуждах империи, озирает страну. Находились, правда, злые языки, они болтали, что это вовсе не император, а специальный придворный. А некоторые даже говорили: чучело. Но таких было немного.

— Смотри, Гусь, наружная стена совсем недалеко от башни.

— Ну и ч... — начал опять Гуська и глотнул. И быстро сказал: — Авка, не надо.

— У нас в кладовке есть во-от такая чихалка. Куда там Данькиным! Хватит на целую минуту. Если сперва вверх, а потом вот так, — Авка горизонтально провел над площадкой ладонью, — прямо в окно...

— Авка, не надо!

— А что делать-то? Так и жить? И все время думать, что из-за тебя человека сгноили в тюрьме? И притворяться, что... хо-роший и честный... перед Звенкой... Так, да?

— Ты не долетишь до окна, — беспощадно сказал Гуська. — Или долетишь, но промажешь, вляпаешься в стену. А потом вниз — и в лепешку...

— Ну и пусть!

— Тебе пусть. А твоей маме?

— Ну... чего маме... — ослабел Авка. — У нее еще Бума есть. Скоро женится, будут внуки. Хватит маме хлопот без меня...

— Дурак, — убежденно сказал Гуська.

— Ну и пусть дурак. А что еще делать? Ты знаешь?

Гуська не знал. Мало того, в глубине души он понимал: нет у Авки выхода. Потому что кто же сумеет долгие годы жить и помнить каждый день, что он самая предательская бзяка с отпадом? Ну, некоторые взрослые — те, наверно, смогут, у них закаленные характеры, а из нормальных пацанов — никто.

И Гуська ужаснулся. Не столько из-за Авки, сколько из-за себя. Потому что у него, у Гуськи, судьба была еще страшнее. Авка улетит в императорское окно и пропадет там во дворец неведомо на сколько времени. А Гуське снова маяться. Как на Щетинистом острове, у осокоря. Нет страшнее муки, когда ждешь и ничего не знаешь...

Но Гуська жаждал в себе слезы. Потому что настоящий друг должен не хныкать, а помогать тому, кто задумал геройское дело. Иначе будешь мокроглазая бзяка-бояка, а то и похуже...

Они пришли в Авкин двор, отыскивали за хлебом доску ростом с Гуську. К передней части прибили руль-поперечину, к задней приспособили плоский хвостовик из куста жести, чтобы легче удерживать направление полета (Авка придумал!). Авка разыскал в кладовке веревочную сетку, чтобы прикреплять тыкву к доске. Потом раздобыл в кладовке бутылку с кислым молоком.

— Чего это вы мастерите? — спросила мама с крыльца.

— Воздушный самокат! — весело сообщил Авка, пряча бутылку за поясницей. Мама покачала головой: ох уж эти мальчишкины фантазии...

Потом Авка прикатил несколько тыкв-чихалок, в том числе и самую главную — в полтора обхвата.

Все имущество уложили в большущую корзину, поставили ее на Гуськин самокат и отвезли на пустырь за Гороховым ручьем, где рос высокий, с пушистыми головками белоцвет (сразу вспомнился Данька — ох, придется ли Авке еще увидаться с ним?). Здесь Авка испытал свой микрочих с тыквами средних размеров.

Все получилось даже лучше, чем у Даньки. Потому что хвостовое оперение! И по вертикали микрочих подымался послушно. Правда, один раз Авка забылся, скрючил ноги, и струей сорвало левый башмак.

Гуська тоже прокатился один раз. И сказал:

— Авка, давай лучше я полечу к его величеству. Я легче. А ему ведь все равно, от кого слышать признание...

Авка только вздохнул:

— Хороший ты человек, Гусенок...

И они повезли микрочих с главной тыквой ко дворцу.

По дороге Авка вспомнил, что негоже являться к императору в обтрепанных штанах и рубашке — этакий уличный шалопай. Надо было надеть костюм, в котором сдавал экзамены. Однако возвращаться — дурная примета. И мама обязательно спросит: «Куда это ты собрался такой нарядный?» Можно, конечно, сказать, что на экскурсию в Императорскую кунсткамеру, но... нет, врать маме не хотелось. Конечно, раньше это случалось: и насчет отметок в школе, и по поводу всяких приключений. Но сейчас-то, когда, может быть, гибель на носу... Зачем лишний грех брать на душу?

Дворец на Императорском холме был окружен высоченными стенами из желтого кирпича. Поэтому даже в пасмурную погоду он казался освещенным солнцем. Так и должна выглядеть резиденция его величества!

Часовые на стенах появлялись лишь изредка — просто для порядка. Потому что какой сумасшедший полезет на неприступные вертикали!

Под стенами тянулись аллеи с дубами и вязами, но не везде. Местами — просто лужайки в зарослях желтой акации. Здесь были прекрасные места для игры в прятки. Вот и сейчас из-за кустов слышалась девчоночья считалка:

Мальчик девочку искал
Среди сосен, среди скал...

Но, к счастью, на той лужайке, куда выбрались по склону Авка и Гуська, никого не оказалось.

В этом месте между главной дворцовой башней и стеной было самое короткое расстояние. Сейчас башню скрывала зубчатая кромка стены, однако Авка все рассчитал заранее и знал: здесь самая подходящая точка для взлета.

С помощью зажатого в пальцах стебелька определили время. Было начало пятого. В самый раз! Данька рассказывал как-то, что в четыре часа во дворце обед, на котором обязательно присутствует император. Авка влетит, спрячется и подождет, когда его величество вернется в кабинет. («А если не вернется?» — «Буду ждать до упора...»)

Они быстро снарядили микрочих. Закрепили под доской одетую в сетку чихалку-великаншу.

Гуська потрогал ее босой ногой.

— Авка... Она больше тех, на которых мы летали, всего в два раза. Их нам хватало, пока считали до пятнадцати. Значит, эта — до тридцати. Думаешь, хватит до окна?

— Она в поперечнике больше в два раза! А в объеме, значит, в восемь! Вы этого еще не учили во втором классе... Не бойся, долечу!

Но Гуська боялся. И за Авку, и за себя. Как он будет ждать...

— Гусь, ты это... Если до завтра не вернусь, скажешь маме, куда я девался. Или лучше Буме...

— Ладно...

— И не хлюпай носом. Я не промахнусь мимо окна, не дрожи...

— Ага... Ты только сразу не взлетай, я сбегу с холма, чтобы видеть: попал ты в окно или нет.

— Ладно. Я досчитаю до ста и уж потом... Ну, беги...

— Сейчас... — Но Гуська не побежал сразу. Сперва они неловко облапили друг друга и постояли так три секунды.

— Гуська, если что... ты скажи Звенке... ну, в общем, как было дело...

— Сам скажешь. Только целься в окно как следует...

— Ладно... — И Авка легонько толкнул Гусенка вниз по склону. Тот помчался, мелькая желтой рубашонкой и клетчатыми карманами.

«Один... два... три... — Авка с натугой перевернул микрочих, вставил в тыкву воронку, вылил в нее полбутылки молочной кислоты. — Тридцать девять, сорок, сорок один...»

Мальчик девочку искал
Среди сосен, среди скал... —

тараторили опять за кустами девчонки. Авка постарался представить Звенкино лицо — чтобы оно оказалось перед ним, как раньше. Но не получилось... И не надо! Все равно они больше не увидятся... Он сел на доску.

«Восемьдесят семь, восемьдесят восемь, девяносто...»

Чихалки после кисломолочного вливания не срабатывали сами по себе. Надо было дать им крепкого шлепка. И Авка — при слове «сто» — дал! И вцепился в руль-поперечину.

Свистящий толчок бросил его вверх. Гораздо сильнее, чем прежде! Только бы удержать равновесие! Желтая кирпичная кладка заструилась вниз. Воздух прижал Авкины волосы к макушке. Мелькнули могучие зубцы с бойницами. И вот башня! Совсем близко. Тоже будто скользит вниз... Сверху приехало полукруглое окно — то самое! Авка круто нажал на передний край доски — вперед!

Темное распахнутое окно, вырастая в размерах, понеслось на Авку. На миг вспомнилась пасть шароглота... Трах!

СНОВА ИГРА В ЧОПКИ

Все-таки Авка немного не рассчитал. Большущая чихалка нижним краем зацепилась за каменный подоконник и взорвалась! Авка же — вперед! Он сбил коленями руль-поперечину и вместе с нею влетел в апартаменты его величества.

Проехал по скользкому паркету (и казалось Авке, что едет он очень долго). Наконец перед носом увидел золоченую ножку дивана. Быстро-быстро забрался под этот диван. Колени болели. В голове гудело. В ушах свистело. Рулевую палку Авка так и не выпустил — скрючило пальцы.

В душе был ужас. Не от полета. То, что он жив и даже не покалечен, Авка понял сразу. Но, конечно же, сейчас появится императорская стража, вытянет дерзкого негодяя за ноги из-под дивана и так, вниз головой, отнесет в темницу. Потому что вон как грохнуло! Наверняка весь дворец встал на дыбы!

Но никто не приходил. Очень осторожно Авка высунул голову. Обширный кабинет его величества был пуст. Золотилась бронза портретных рам. Поблескивала цветным стеклом громадная, как перевернутая клумба, люстра. В полукруглой нише отражали оконный свет серебристые рыцарские латы.

Авка наконец выпустил палку. Посопел. Что дальше-то? Может, вылезти? Жутко...

Раздались равномерные шаги. Отошла белая с бронзовыми узорами дверь. Авка моментально втянул голову под диван. Теперь он опять видел только шахматный паркет и нижний край двери. Из-за этого края показались лаковые сапоги со

шпорами. Авка попятился на четвереньках еще дальше. Зацепился теменем за твердый выступ.

— Ай...

— Кто там?! — Голос у вошедшего был высокий и сердитый.

— Это я... — пискнул Авка.

— Марш из-под дивана!

Авка торопливо застучал коленями и локтями. Вылез. Встал, полусогнувшись.

Он сразу узнал императора.

Узнал, хотя его величество был не похож на свои портреты. Он оказался не румяным красавцем, а пожилым дядькой с худым бледным лицом (только усы — такие же, как на портрете, острые, будто пики). Очень высокий и тощий, но с заметным круглым животиком под белым мундиром. «Будто удав, проглотивший тыкву», — мелькнуло у Авки. Но он тут же прогнал это обидное для его величества сравнение. Тем более что император держал навскидку длинный пистолет со стволом-воронкой.

— Руки вверх! — приказал Валериус Третий.

Авка не только вскинул руки, но и весь потянулся вверх, изо всех сил. Так, что кисти рук вылезли из мятых рукавов, а кромки узких штанин вздернулись выше побитых колен.

Его величество пригляделся.

— Тыфу ты! Я думал, заговорщик... Руки вниз.

Авка уронил ладони вдоль бедер.

— Кто таков? — сухо спросил император.

— Я... с позволения вашего величества... выпускник... ик...

Второй Императорской школы Август... ик... Головка... — Видимо, Авка передал Большой Черной Пустоте не весь запас икоты.

Тут он, кстати, вспомнил, что императора следует приветствовать по особому дворцовому этикету. Данька Белоцвет однажды на пляже показывал, как кланяются придворные. Авка выгнул руки кренделями и упер пальцы в бока. Выставил правую ногу, а на левую слегка присел. Несколько раз развел руки и согнулся в пояснице. Император наблюдал за ним с некоторым любопытством. Потом вздохнул:

— Ладно, не старайся, если не умеешь. — Он почесал краем воронки губу под колючими рыжими усами. Склонил набок голову с ершистой (тоже рыжеватой) прической. — Ну и как ты сюда попал... Август Икголовка?

— С позволения вашего величества... я... влетел в окно.

— Ну, если и влетел, то без позволения моего величества... Однако не вешай мне на уши ботву. Насколько мне известно, юные подданные империи еще, слава Богу, не научились отрашивать крылья.

— Я, с позволения ва... то есть без позволения... не на крыльях.

— Тогда как же? Парение духа?

— С поз... На тыкве-чихалке, ваше величество... ик... Ик!

— Прежде всего перестань икать.

— Хорошо, ваше им... ик...

— Ты что, не понял? Это мой императорский приказ!

— Слушаюсь, ваше императорское величество! — Авка вытянулся в струнку и понял, что больше не икнет ни разу в жизни.

— Вот так-то... — Валериус Третий поставил пистолет воронкой на зеленый письменный стол. Сел в обширное кресло с золотыми львиными мордами на подлокотниках. При этом его мундир сморщился на животе, серебряные эполеты на худых плечах приподнялись, а витые шнуры на груди закрутились восьмеркой. — Садись... Икголовка.

— С позволения вашего величества, просто Головка...

— Все равно садись.

— Я не смею при вашем величестве...

— Садись, тебе говорят!

Авка как подрубленный опустился на краешек дивана.

— То-то же, — буркнул император. — А теперь рассказывай. Про чихалку.

— Видите ли, ваше величество... тут случилось открытие...

Говорить было страшно, но послушаться — еще страшнее. И Авка сбивчиво рассказал, как придумали микрочих.

— Этого мне еще не хватало... — скорбно сказал император. — Представляю, что теперь начнется на дворах и улицах... Видимо, придется взять выращивание чихалок под государственный контроль. А начальника дворцовой охраны я уволю на пенсию.

— За что, ваше величество?!

— За то, что не предусмотрел такой способ проникновения во дворец! Старый ротозей...

— Ваше величество, не надо! Он же не знал... Получится, что из-за меня пострадал еще один невиноватый...

— Вот как? А кто первый?

— Это... ваш главный астроном... профессор Никус Трипалка.

— Л-любопытно. И в чем же он виноват? То есть не виноват?

— Ни в чем... Это все я...

— Что ты?

— Ну... что киты сдвинулись...

— Сейчас, кажется, я сдвинусь...

— Не надо, ваше величество! Я все объясню... Я ведь за этим и прилетел...

— Н-ну?... — Валериус Третий подался вперед.

— Ох... сейчас... — И понутив голову, таяко сопя, трогая помусоленными ладонями колени и царапая башмаками паркет, Авка поведал всю историю. Без лишних подробностей. Про шароглогов, например, даже не упомянул, это не имело отношения к делу. Не все ли равно, как он вернулся! Но про Уко Двуполовинуса и китов Авка рассказал во всех деталях. И, конечно, пришлось признаться, чего ради он, Август Головка, ринулся во все эти приключения. Про девочку Звенку...

Рассказу про дальний материк с черепахой и слонами и про Глубинный мир его величество не удивился. Возможно, он кое-что знал про них и раньше — все-таки не простой смертный, а глава государства. Слушал и кивал. И все больше мрачнел.

Когда Авка закончил, император с полминуты безмолвствовал. Наконец печально спросил:

— Ты хоть представляешь, что ты натворил?

Авка осторожно глянул исподлобья:

— Что? Ничего же плохого не случится...

— Да? Ты думаешь, контакт с неизвестной цивилизацией — это детский праздник в столичном парке? Откуда мы знаем, какие у них там нравы?

— Хорошие. Звенка говорила...

— Она такая же бестолочь, как ты... А если эта Никалукия захочет присоединить Тыквогонию к себе? Завоевать нас? У них техника-то, видать, похлеще нашей! Как пустят эти самые... гравитопланы! Ты знаешь, что такое бомбардировка с воздуха?

Авка не знал. И перепугался пуще прежнего.

— Ваше величество, а зачем она? Эта... бом...

— Откуда я знаю зачем! Затем, что люди так устроены! Вся прошлая история — это сплошные войны! И вот когда мы наконец устроили общее примирение, объединились с герцогством Караутана, заключили договор с Северным Тыкворепом, уговорили Дикие области, нате вам!..

— А может, ничего плохого не будет? — уныло сказал Авка.

— «Может»... А как знать заранее? Все равно теперь надо переводить промышленность на военные рельсы. Выращивать урожай боевых тыков. Может быть, придется даже вводить опять всеобщую воинскую повинность... И все из-за твоей... дурной головки, Август Головка.

Авка опустил дурную головку к самым коленям. И все больше пропитывался пониманием, какой он жуткий преступник. И слышал сквозь виноватость, как сквозь вату:

— Ну а если даже они не будут воевать? Бывает, что мирные контакты еще страшнее. Откуда мы знаем, какие у них там обычаи? Вдруг научат нашу молодежь таким фокусам, что хоть стреляйся... — И Валериус Третий взял со стола пистолет.

— Ваше величество, не надо! — рванулся к нему Авка. Он решил, что император от всех огорчений решил и впрямь расстаться с жизнью.

— Что не надо?... Тьфу!.. — Его величество швырнул пистолет за спинку кресла, тот улетел в окно. — Он не настоящий, игрушка с детской поры... Сядь... Где столько синяков-то заработал?

— А... — горестно махнул рукой Авка и снова сел. *Что* были его синяки по сравнению с грядущими бедами государства.

— Тебя как зовут? — вдруг спросил император. — Не по полному протоколу, а нормально?

— Авка...

— Ну и что нам с тобой теперь делать, Авка?

— Со мной? Или вообще...

— Сначала... с тобой, — хмыкнул его величество.

— Со мной-то все понятно, — с горькой покорностью судьбе рассудил Авка. — На каторгу, в рудники. Да?.. А что со страной, я не знаю... Не я ведь император, а вы...

— Вот так всегда! — Валериус Третий выскочил из кресла. — Кто-нибудь что-нибудь натворит, а император отдувайся! Всю жизнь...

— Простите, ваше величество... — Авка наконец вспомнил, зачем он здесь.

— Вот-вот! Теперь «простите»!

— Я не про себя. Я про главного астронома. Он-то не виноват.

— Господи, да при чем здесь этот старец? Никто не сажал его в тюрьму! Он устал от своей сварливой жены, вот и попросил меня упрятать его подальше. Живет в моем загородном

дворце и ломает голову над смещениями созвездий... А его супруга распускает слухи.

— Правда?! Вот хорошо! — возликовал Авка. Но тут же вспомнил о собственной участи: — А меня... в тюрьму, да?

В бледно-голубых глазах императора появилось что-то новое. Вроде ехидного любопытства.

— А тебе туда очень надо?

— Нет, но...

— К сожалению, не получится. Решение о тюрьме принимает суд, а судьям требуются веские основания. Кто из них поверит твоим рассказам о Глубинном мире?

— Ваше величество, но это правда! Бзяка буду! Вот! — Авка куснул мизинец и отбросил руку.

Император прищурился.

— Да я-то верю тебе... Авка. Но суду нужны неопровержимые доказательства.

Тут бы Авке придержать язык и поискать способ убраться подальше. Что еще надо-то? Главный астроном на свободе, никакая Авкина вина не доказана... Но, видно, если человек ступил на горький путь покаяния, остановиться трудно.

— У меня есть доказательство! — И Авка выхватил из кармана сверкающий орден. — Вот! Мне его дали там! За то, что зажег солнце искрами из глаза!.. Где бы еще я взял такой?

— Ух ты-ы! — Валериус Третий по-гусиному вытянул шею. — Не может быть! Неужели?.. — Он выхватил сверкающую звезду из Авкиных пальцев. — Где ты взял?!

— Я же говорю! *Там!* Они сказали, что когда-то он упал к ним сверху...

— Так и есть! Поэтому и не могли найти его все сыщики Тыквогонии... Из-за этой штуки я в детстве претерпел массу неприятностей!

— Ой... — сообразил Авка. — Так это вы *ее* проиграли в чопки!

— Да... А ты откуда знаешь?

— М-м... слышал где-то, — замаялся Авка. Не хватало еще выдать баронессу!

— Ох и громкая была история... — Глаза его величества затуманились. Видимо, воспоминаниями детства. — Это звезда императорского ордена Утреннего Тыквоцвета. Она существовала в единственном экземпляре. Ее вручали наследнику престола, как только тот появлялся на свет, и принц обязан был носить ее всегда и везде... А я что? Ветер гулял в голове.

Хотелось быть как все пацаны... Однажды играл в чопки с мальчишками, с сыновьями дворцовой обслуги, на пустыре за императорской конюшней... там у нас был пятачок для тайных сборищ... Ну и увлекся, продул всю мелочь, все конфеты из карманов, все бляшки-пряжки с камзола. А потом и звезду... Думал, на следующий день отыграю, а назавтра тот, кто выиграл, в рёв: «Ваше высочество, я ее потерял!» Ну не выдавать же беднягу! Это был Гапка Чох, сын старшего конюха, смиренный такой, белобрысый. Папаша его прибил бы... — Император пригорюнился.

— За это вас и к баронессе?.. Ой, простите, ваше величество.

— За это... В том, что проиграл звезду, я признался, наследному принцу врать негоже. Но у кого она сгинула, говорить отказался. По всей Тыквогонии объявили поиски, но звезда — как сквозь землю...

— Так и случилось, — вздохнул Авка.

— Да... А мама воспитывала меня в строгой справедливости. «Ты хотел быть как все? Вот и отправляйся к ее сиятельству, как обыкновенный школьник...» Такие, брат, дела...

Авка на миг увидел вместо взрослого Валериуса Третьего щуплого светло-рыжего Валерку. И пожалел его. И тут же Авку осенило:

— Ваше величество. Но если в тюрьму меня нельзя, а я все же виноват, отправьте меня к баронессе!

«Даже если на этот раз будет и *по правде*, все-таки не каторга...»

Император опять склонил голову. И прищурил правый глаз.

— А ты хитер, мой юный друг. Ты наверняка уже бывал в гостях у ее сиятельства и знаешь, что она только развлекает своих клиентов всякими байками...

— А разве вас она... не...

— Что-о? Наследника престола? Да я бы этой старой ведьме откусил уши!.. Впрочем, тогда она была еще не старая... Кстати, мы очень мило провели время, она мне продемонстрировала свой тыквофон... Тебе тоже?

Авка опустил голову.

— Я понимаю, она взяла с тебя слово молчать по гроб жизни, — покивал его величество. — Но император имеет право освобождать от клятвы.

— Да... — со вздохом признался Авка. — Ваше величество, а почему тыквофоны запрещены?

— Потому что... у всякого изобретения две стороны. С одной — польза, а с другой... черт его знает, что получится. Тыквофон — устройство нехитрое, когда его разнохают, эти штуки в каждом доме появятся...

— Ну и что?

— Кабы знать — *что!* А если студенты и кадеты научатся крутить на них свои бестолковые песенки? Те, которые сейчас голосят под струнный звон... Всю страну захлестнут волной! Вместо «Тыквы полезны во все времена...» всюду будет... эта...

Еду в тык-вагоне я
Через Тыквогонию!
Всюду тыквы, тыквы, тык...
В отдаленье и впритык...

Или еще хлеще:

Ты милее мне в сто раз,
Чем красотки-выскочки,
Пара золотистых глаз,
На груди две тыквочки...

Тыфу!.. — и его величество закашлялся. Видимо, понял, что излишне увлекся цитатами из песенок, даже запел. Добавил угрюмо: — Какое уж тут патриотическое воспитание...

Авка эти песенки слышал повсюду. И от Бумы в том числе. Подумал: «Все равно уже захлестнули». Но сказать такое, конечно, не посмел. А император вдруг махнул рукой:

— А... все равно придется разрешить. Нужно будет играть боевые марши и гимны, оркестров не хватит, когда начнем готовиться к обороне...

— А может, всё обойдется? — осторожно сказал Авка.

— Ну да! Заварил кашу, а теперь «обойдется»...

— Значит... мне все-таки в тюрьму? — опять впал в уныние Авка.

— К сожалению, не получится. Я же говорю: нет доказательств твоей вины...

— А орден?

— Что «орден»? Кто поверит, что ты раздобыл его *там?*.. Поэтому убирайся домой и держи язык за зубами. Имей в виду: сведения про Никалукию — это пока государственная тайна.

— Ваше величество! А может быть, мне опять спуститься в Глубинный мир и попросить китов, чтобы затормозили?

— Гм... А как же эта твоя... Звенка?

— Ну, что поделаешь... — Авка был сын своей страны. Он понимал, что никакая любовь не должна быть причиной общегосударственных бед. Хотя слезы заскребли ему горло.

Император опять сел в кресло. Положил ногу на ногу. Покачал высоким кавалерийским сапогом.

— Не имеет смысла... Если рассуждать всерьез, не так уж ты и виноват. В том, что случилось, есть историческая закономерность. Знаешь, что это такое?

— Ага. Мы проходили...

— Ну вот... Раз уж там, в Никалукии, появились эти летательные штуки, все равно они нас обнаружат. Может, и к лучшему, что мы двинулись к ним первые. Как говорится, преимущество инициативы... Да и китов ты едва ли остановишь. Скажут: «Мы тебе кто? Извозчики, что ли?»

Император был, конечно, мудр. Он опять покачал сапогом и сказал задумчиво:

— Да, любовь великая сила. Даже двигает континенты...

Авка засопел. Император вдруг спросил:

— А что, славная девочка, да?

— Ага... — Авка засопел сильнее.

— Ладно... Тебе надо исчезнуть незаметно. Сейчас спущу из окна канат с узлами. С детских лет сохранился... Сумеешь слезть по нему?

— Ага... То есть, конечно, сумею, ваше величество!

— Вот и чудесно! А под стеной, у серого камня, есть в репейнике лаз наружу. Про него никто не знает, кроме меня. Сам когда-то рыл... Тебе он в самый раз.

— Спасибо, ваше величество!

— На здоровье... Да, эту штуку-то не забудь! — Император подбородком показал на край стола, где блестела орденская звезда.

— Ваше величество, зачем?! Это же ваш орден!

— С какой стати он мой? Я его проиграл в чопки. А тебя им наградили! За дело!

— Да не надо мне его! Я с ним намучился! Возьмите!

— Да как же я могу? Проигранное не берут назад! Кто узнает, сразу: «Бзяка-отбирака!»

— Ну... тогда я вам его дарю!

— Друг мой! К сожалению, государственные награды не дарят. И это очень жаль. Потому что, по правде говоря, такое сокровище в казне было бы сейчас не лишним...

— Тогда... — И Авка чуть не задохнулся от своей дерзкой идеи.

— Что?

— Ой... Вы только не гневайтесь, ваше величество.

— Обещаю — не буду. Что?

— Вы ведь... можете выиграть его обратно. У меня...

— В чопки?

— Ну да!

— Прямо сейчас?

— Ну да! Если угодно вашему величеству.

— Угодно... — Император быстро встал. — Хотя... а если я проиграю?

Авка с нарочитым спокойствием пожал плечами:

— Тогда... значит, судьба, ваше величество. — И подумал, что продуть партию императору он как-нибудь сумеет. Продувать — не выигрывать!

Валериус Третий, однако, был не дурак.

— Но ты должен дать слово, что будешь играть честно. Иначе — бзяка-подавака.

Что делать-то?

— Даю... — вздохнул Авка.

Император потер ладони.

— Но имей в виду: я в юные годы играл оч-чень недурно. Просто мне один раз не повезло... Во сколько ты оценишь звезду?

— Не знаю. Может, в тыщу?

— Ладно... Используем вот это! — Валериус Третий выдвинул тяжелый ящик, вынул картонную коробку. Высыпал на зеленое сукно груды позолоченных канцелярских кнопок. — Такие годятся?

— Конечно!.. То есть годятся, ваше величество!

Тому, кто не знает игру в чопки, сейчас бесполезно объяснять ее правила и хитрости. А кто знает — поймет, сколько времени надо, если на кону не десяток чопок, не сотня даже, а целая тысяча! Пока всякие расчеты, пока расстановка, пока прикидочные ходы...

— Твои будут на том краю, а мои здесь...

— Ага... А можно взять вон те шарики с прибора? Ими здорово будет гонять!

— Возьми... Э, стой! А почему ты первый катаешь? Надо жребий!

— Младшие же всегда первые начинают!

— Да? В наше время такого правила не было.

— Наверно, всем было одинаково лет.

— Ну, возможно, возможно... Ладно, кати...

Играть на большущем твердом столе — это вам не на песке, не на травке. Одно удовольствие! Хрустальные шарики стукнулись, разбегались, сшибали золоченые кнопки на пол...

— Ваше величество, у вас вон какие руки, а я не могу дотянуться!

— Не беда, лезь на стол!

И Авка прыгнул на зеленое сукно побитыми коленями (которые все еще побаливали).

Император скинул мундир, остался в рубашке с кружевами. Нервно дергал на животике красные подтяжки, когда Авка целился шариком.

— Ты почему катишь с того угла? Так нельзя!

— Почему нельзя? Это же мой край!

— Все равно! Слева по косой черте не полагается!

— Это третьим ходом не полагается! А у меня второй!

— Как это второй! Ты за два хода подряд забрал у меня тридцать штук! Тринадцать и семнадцать!

— Тринадцать было в позапрошлый раз!

— В позапрошлый было четырнадцать, я их потом отыграл! Считать не умеешь!

— Это вы не умеете! Я же помню!

— Стыдно будущему гимназисту не знать арифметики!

— А императору не стыдно?!

Казалось, вот-вот дело дойдет до «бзяки-завираки» или чего-нибудь похлеще. Но нет! Оба все-таки помнили, что обещали играть честно.

Несколько раз кто-то стучал в дверь.

— Я занят! — громко отзывался Валериус Третий. Он лежал животом на краю стола, болтал в воздухе сапогами и целился шариком по Авкиным позициям. А между тем за окнами уже вечерело.

Наконец император упал в кресло. Авка задом наперед съехал со стола и сел на паркет.

— А-а-а... — На паркете оказалась перевернутая кнопка.

— Заживет, — сказал его величество.

— Да... Но мне уже домой пора. Надо на пастбище за Матильдой.

— А как нам быть-то?

В самом деле, как быть? Долгая бурная игра не привела ни к какому результату. Силы оказались равны. Сколько ни старались, в итоге ничья.

— Ваше... ой... величество... А если орден запрещено дарить, то, может быть, поменяемся? Или... ой... тоже нельзя?

— Гм... А на что ты хотел бы поменять его?

— А вот на это... Можно?

Авка давно уже приглядывался к стоявшим в углублении рыцарским латам. Доспехи были не взрослые, а будто на мальчишку. Ростом вроде Авки. Вот в таких бы оказаться на пустыре, где игра в старинный турнир!

Император задумчиво потрогал усы.

— Это мне подарил герцог Татах Караутанский. На девятый день рождения. Сперва были великоваты даже...

— Значит, нельзя?

— Нет, отчего же. Давай... Мне они ни к чему, наследник тоже вырос, внучки этим не увлекаются... Только ведь эти жестянки ерунда по сравнению с Утренним Тыквоцветом.

— При обмене это неважно! К тому же в ордене одного камешка нету. Он... потерялся...

— Чепуха, новый вставим!

— Значит, договорились?

— Забирай доспехи!.. А дома-то что скажешь? Спросят: где взял?

— Ой, да... А знаете что? Можно сказать, что вы прибирались в кабинете, выбрасывали всякий хлам и отдали это дежурному папу...

— Ничего себе хлам!

— Взрослые же не разбираются!.. Вот, будто вы отдали эти латы Даньке, а они ему не по росту, он выше меня. И он подарил мне...

— Кто подарил?

— Данька Белоцвет! Вы его, конечно, не помните, у вас тут пажей целая толпа, но это неважно. Он мой приятель...

— Небось обидно будет приятелю-то. Вроде бы сперва подарили доспехи ему, а потом — отдавай другому...

— М-м... — Авка заскреб затылок.

— Может быть, ему и правда что-нибудь подарить? Так сказать, за участие в нашей секретной сделке?

— Может быть... Ой, знаете что? Ваше величество, сделайте Даньку барабанщиком! Он давно хочет, а министр церемоний не разрешает!

— Договорились.

— А вы не забудете?

— Август Головка! Император никогда ничего не забывает, — веско сообщил Валериус Третий, натягивая мундир. — Я позабочусь и о твоём приятеле Даньке, и о доспехах. Завтра утром они будут у тебя на крыльце. А ты позаботься, чтобы нынешний наш разговор остался тайной. Твоей, моей... ну и Данькиной.

— Ладно!.. Ой, а можно я расскажу ещё Гуське? Это мой лучший друг.

— Ну... если лучший, то можно. А больше — ни одной живой душе!

— Бзяка буду! — И Авка снова куснул мизинец.

Спуск по канату прошёл быстро и без риска. Его величество на всякий случай обвязал Авку тонкой веревкой и постепенно выпускал её. Называется — страховка. Внизу Авка сбросил страховочную петлю, помаhal императору ладонью и нырнул в репейники, что росли между башней и стеной. Никто не заметил.

Почти сразу Авка отыскал серый камень, а под ним заросшую нору. Втиснулся. И скоро вылез по ту сторону стены, в кусты жёлтой акации. Заскользил по склону. Знал, что где-то внизу ждёт его Гуська.

И Гуська ждал. У самого подножия холма. Совсем похудевший от долгой тревоги. Распахнул руки, чтобы поймать разогнавшегося Авку. Поймал, и оба свалились в одуванчики.

— Авка...

— Гусенок! Все в порядке! Ура!

СВЛИЖЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ

Утром, когда пришла пора отправлять на пастбище Матильду, Авка вышел на крыльцо. Сощурился от солнышка. У крыльца стояла большущая картонная коробка — неизвестно откуда. Авка увидел её, когда перестал шуриться. Он отодрал заклеенную крышку.

В коробке были доспехи!

Ух ты-ы... Гремя и путаясь во всяких железяках, Авка влез в металлические штаны. Увидел на заборе разинувшего рот Гуську.

— Гусенок, помоги!

Тот помог Авке застегнуть на боках выпуклый, с медными узорами панцирь, надеть щитки на руки-ноги, нацепить колючие наколенники и налокотники. Наверно, кое-что Авка перепутал с непривычки, но все равно было здорово. Только забрало на шлеме плохо держалось в поднятом положении, то и дело брякало вниз. Один раз прищемило Авке мизинец. Сквозь щели забрала смотреть было неудобно. Его подняли повыше и привязали шнурком от Авкиного башмака. После этого Авка дал примерить шлем Гуське.

Вышла на крыльцо мама.

— Силы небесные! Это что ещё за чучело?

— Из дворцового утиля. Данька подарил, — небрежно сказал Авка. Мама только рукой махнула. Тут всемирная катастрофа на носу, а мальчишкам только бы забавляться.

А коровам — только бы сочной травки поесть! И потому повели Матильду в стадо. Гуська пошел в шлеме, Авка в остальном снаряжении. Было тяжело, в штаны и панцирь лезли головки шипоцвета и не хотели вытряхаться. Но все равно Авка чувствовал себя отважным тыквогонским рыцарем по имени Квазибур Стальная Нога.

Другие мальчишки — те, кто гнал к пастбищу своих телок и бычков, разевали от восхищения рты.

— Авка, где взял?.. Авка, а они настоящие?.. Авка, придешь на пустырь играть в турнир?

Конечно, Авка пришел. Вместе с Гуськой. Турнирный пустырь находился под стенами черного замка маркиза Грогуса. Из щелей тут постоянно сочились страхи и легенды о древних чудовищах и витязях. А когда на турнире человек в настоящих доспехах — тут вообще сказка до замирания души!

Авка играл в полном снаряжении лишь первые полчаса. А потом... ну, каждому же охота примерить хоть частичку настоящих доспехов! И не будешь же «бзяка-недавака». Вот и оказалось, что шлем опять у Гуськи, стальные штаны (еле налезли!) у Тита Минутки, налокотники — на шуплых руках Томчика Ваваги. Ну и так далее. Все боевые детали — поножи и наручные щитки, чешуйчатые перчатки и наплечники, острые пластинчатые туфли и склепанный из стальных колец во-

ротник — разошлись по друзьям-приятелям. Хватило всем. Авка оставил себе только панцирь, изукрашенный узорами-завитушками. Без полного комплекта было даже удобнее — легче махать оружием.

К стуку деревянных мечей и хлопанию плетеных щитов теперь примешивалось настоящее рыцарское лязганье.

Дух зловещего маркиза Грогуса наверняка следил за мальчишками с черных зубчатых стен. Вспоминал свое детство...

Сперва воевали как на поле боя — стенка на стенку. Потом решили устроить поединки. Каждый, хихикая, придумывал имя прекрасной дамы, за которую собирался сражаться.

— Звенит! — сказал Авка, дождавшись очереди.

— Что звенит? — не поняли остальные.

— Имя такое — Звенит!

— Ух ты... — с уважением заметил Томчик Вавага.

А не склонный к тонким чувствам Тит Минутка хихикнул:

— Звенит, гремит, брякает...

За это он в первой же схватке был повергнут Авкой на песок. И лишился железных штанов, которые Авка забрал в качестве трофея.

И вообще Авке нынче везло. Он одерживал победу за победой и постепенно возвращал себе все части доспехов. Наверно, потому, что Звенка была с ним словно бы совсем рядом. Он даже чувствовал касание ее волос (как тогда, в гравитоплане).

Только с Гуськой сражаться Авка не стал. С лучшими друзьями не сражаются даже из-за прекрасных дам. И шлем остался на Гуське...

Когда все выдохлись, появился на пустыре Данька Белоцвет. В белых брюках с красной заплатой, в синем мундире с золотыми пуговицами и с большущим желтым барабаном. Всё это добро только что бесплатно выдали Даньке в дворцовой кладовой по приказу его величества. Данька весело подмигнул Авке: я, мол, все знаю.

Даньку поразглядывали, повосхищались им, и ратные упражнения начались снова. Потому что всем же хочется посражаться и помаршировать под настоящий барабан!

Наверно, дворцовый устав запрещал использовать барабаны Императорской гвардии для уличных игр. Но ведь на всех материках и во всех пространствах известно, что «если нельзя, но очень хочется, то немножко можно»...

Рыцарские дела так увлекли мальчишек, что никто и не

помнил о страхах, тревогах и слухах. О том, что киты куда-то тащат несчастную Тыквогонию и прилегающие к ней страны.

Но остальные люди, особенно взрослые, помнили. На улицах и площадях по-прежнему бурлили всякие разговоры. И так продолжалось несколько дней.

Через неделю на деревьях и фонарных столбах появились большущие жестяные трубы вроде духовых контрабасов. Из них раздавался голос монарха Тыквогонии Валериуса Третьего. Это заработали десятки наскоро изготовленных тыквофонов. Техническая новинка так изумила подданных его величества, что они даже не сразу вникли в смысл записанной на гладких тыквочках речи. Но потом привыкли к новинке, вникли и стали успокаиваться. Ведь император утверждал, что «все будет хорошо, даже прекрасно». А кому же верить, если не императору.

Находились, правда, и такие, кто говорил: «Ха-ха, слушайте его больше!» Но их было не много.

Скоро, однако, появились новые слухи-страхи. Потому что взрослых тыквогонцев мужского рода стали призывать в армейские казармы для всяких военных упражнений. Зачем? Давным-давно такого не бывало!

— Просто так, для традиции, — уверяли императорские чины. — Ведь у каждого из вас есть рыцарский герб, а рыцари должны помнить, как надо держать оружие.

Чиnam никто не верил, конечно. Неужели собираемся воевать? С кем? И почему на побережье восстанавливаются древние укрепления? Зачем предписано увеличить урожай разрывных тыков оборонного значения? И для чего к императору приезжали военный министр Северного Тыкворепа, командующий морскими силами герцогства Караутана и начальник туземной гвардии Диких областей?

«Они приезжали для переговоров о всеобщем разоружении», — уверяла главная столичная газета «Тыквенный лист». Но газета «Чистая правда, вам говорят!» утверждала, что все наоборот...

Эта же газета первой оповестила тыквогонцев о настоящей причине военных приготовлений. Новость была «тыквопотрясная», как выразился Авкин брат Бума. Оказывается, киты плывут не просто так, а на сближение с какой-то неведомой землей! О которой раньше никто «ни тыквой, ни укропом»!

И как репортеры прознали такой секрет? Впрочем, всякая тайна когда-то раскрывается...

Это что же будет-то, а? Жили-жили, забот не знали, и вот вам!

Гулкие трубы тыквофонов произнесли новую императорскую речь. О том, что да, в самом деле, мы постепенно сближаемся с неизвестным ранее материком. Но это вовсе не причина для паники. Наоборот! Скорее всего, контакты с новым для нас миром принесут Тыквогонии радость всяких открытий и ознаменуют начало еще одного этапа развития цивилизации. И в любом случае долг каждого — сохранять спокойствие...

Но спокойствие не сохранялось. Кипели споры. Все давали друг другу советы. Пожилое население склонялось к тому, что на всякий случай следует укрыться в джунглях Диких областей, туземцы не выдадут. Но школьникам очень хотелось поглазеть (хотя бы издалека!), какие там неизвестные берега и что на них интересного. Кадеты, студенты и старшеклассники устраивали шумные сходки и шествия. «Да здравствует новая география!» «Да здравствуют новые порядки!»

Молодой и бородатый Симус Какалоша — председатель студенческого союза «Вольные магистры» — на собрании в Императорском театре заявил:

— Пускай случится что угодно, лишь бы не прежняя жизнь! Мы заживо гнием от скуки! Нам осточертела наша кислотквенная цивилизация, которая даже не цивилизация, а вчерашняя каша без соли! Да здравствует союз с неведомым, но прекрасным миром!

Симусу Какалоше хлопали с криками и топотом.

В ответ выступил Валериус Третий. Он сказал, что орать на митингах гораздо легче и веселее, чем тыквы сажать. Но от этого еще никто не стал сытым. А в прекрасном неведомом мире, куда так стремится небритый Какалоша, наверняка так же, как и здесь, не терпят лодырей. Особенно таких, которые третий семестр подряд не могут сдать зачет по тыквогонскому праву. И велел капитану императорской охраны оштрафовать Какалошу на две недельных стипендии — за выражение «кислотквенная цивилизация». Какалоша начал рвать бороду и кричать о нарушении свободы слова. Ему объяснили, что штраф — не за свободу, а за хамство. Студенты завопили. Тут же создали комитет в защиту своего председателя. Император плюнул. Тем более что оштрафовать бородатого оратора все равно было нельзя — стипендию он не получал. Из-за провалов на экзаменах...

А киты между тем не снижали равномерной скорости (она была уже вычислена — сорок шесть миль в сутки), и Звенкин

материк был все ближе. Это Авка знал, что он — Звенкин. Да еще Гуська, император и Данька. Остальные же ничего пока про новую землю не знали. Некоторые (особенно старики и бабки) теперь поговаривали: «Чего раньше сроку боимся-то? Может, ничего там и нету...»

Но такая неизвестность продолжалась недолго. Скоро земли сблизились так, что капитаны парусников и тыквоходов стали различать в дальних плаваниях чужие берега. Между тыквогонским и никалуцким берегами начали снова быстроходные суда государственных служб. Так оно и бывает. Населению ничего еще не известно, а государственные службы уже начинают всякие разведки и переговоры — в предвидении неизбежных контактов.

Стало известно наконец, что республика Никалукия и другие страны «черепахово-слонового» континента настроены дружелюбно. Хотя кто их знает.

Появились новые слухи. Говорили, что кто-то из моряков видел не только дальние берега, но и стоявших на черепахе гигантских слонов. И что слонов этих зовут Пузо, Грузо и Бутузо. От тех же моряков стало известно, что юго-восточные берега чужого континента в точности повторяют очертания северо-западного края нашей всем известной земли. Только шиворот-навыворот. Где в Тыквогонии полуостров, у Нукалукии залив. И наоборот. Слово два материка составляли когда-то одну землю, а потом раскололись и разъехались. Может, оно так и было в незапамятные времена...

Среди всех этих шумных событий почти незамеченным остался скандал с баронессой фон Рутенгартен. Какая-то бзяка все-таки донесла начальству, что ее сиятельство неправильно воспитывает посылаемых к ней школьников. То есть никак не воспитывает, а только развлекает всякими байками и зубоскалит над педагогами.

Гордая баронесса не стала отпираться и заявила, что ее метод воспитания — самый лучший. Он основан на доброте и понимании детских душ. Ну какие чиновники вынесут подобные речи? Баронессу уволили и лишили пенсии. Однако император тут же назначил ее директором училища, где юные тыквогонцы постигали премудрости звукозаписи и почти каждый день изобретали новые аппараты.

А однажды случилось вообще невероятное. К Авке пришел барабанщик Данька Белоцвет и шепотом сказал:

— Пошли со мной. Тебя зовет император.

— Зачем? — перепугался Данька.

— Он сказал мне по секрету, что ему все осточертело. Хочет развестись и сыграть в чопки. А с кем? Не звать же министра церемоний!

— Давай тогда еще Гуську возьмем! Вчетвером — в самый раз!

— Давай...

Проникли в лаз под стеной (Данька был, конечно, без формы). Потом Данька долго вел их запутанным ходом (кажется, в толще стены и под землей). Вышли прямо из-за книжного шкафа в кабинете императора. Его величество потирал руки. Потом сказал виновато:

— Устал я, господа, от всей этой свистопляски. Хочется хоть пару часов пожить по-человечески. В прошлый раз, когда играли с Авкой, я был просто счастлив. Будто опять наследный принц десяти с половиною лет...

Снова разложили на столе золоченые кнопки. Авка стал искать по карманам: что бы поставить на кон? Случайно вынул стеклянную ласточку.

— Вот ее и ставь! — обрадовался Валериус Третий. — Даю за птичку тридцать чопок!

— Нет, ее нельзя! — И Авка выставил полдюжину оловянных рыцарей, которых прихватил из дома.

Гуська положил на стол полдюжины стеклянных кубиков. И потрогал клетчатый карман, в котором сидел стеклянный зайчонок: «Тебя — ни за что...»

Данька Белоцвет вытащил из кармана десяток блестящих пуговиц от своего прежнего, пажеского костюма — теперь-то можно!

Делать первый ход предложили Гуське — самому младшему. Но он сказал, что ради справедливости надо посчитаться. Считать полагалось самому старшему. И Валериус Третий начал:

Мальчик девочку искал
Среди сосен, среди скал...

— Простите, государь, но это девчоночья считалка, — перебил Данька.

У императора обиженно поползли вверх колючие усы.

— Как это девчоночья? Мы раньше всегда так считались! Я, по-твоему, кто был? Девочка?

— Нет, но...

— Это общая считалка, — примирительно сказал Гуська. — В ней и про девочку, и про мальчика. Нету никакой разницы. Считайте, ваше величество.

Потом пошла игра. Сначала вроде бы спокойно, а через полчаса уже дым коромыслом: шум и споры. Один раз Валериус Третий даже назвал Авку бзякой-зажимакой. Но сразу извинился. Потому что Авка вовсе не зажимал проигранного рыцаря, а лишь хотел обменять его на пять Данькиных пуговиц, чтобы расплатиться по частям.

Его величество оказался азартным игроком. Проиграл Гуське серебряную шпору с левого сапога и очень огорчился — шпора была еще дедушкина. Предложил выкупить за пятьдесят монет. Но брать за чопки деньги считалось неприличным (бзяка-торговака!). Император куда-то сходил и принес пригоршню золоченых колокольчиков — раньше такие цепляли к своим форменным платьям императорские фрейлины. Гуська поделился колокольчиками с Данькой и Авкой, те были в проигрыше...

Потом императору пришла пора идти на дворцовый ужин (в дверь стучали несколько раз). Валериус Третий проводил гостей за шкаф, к потайной двери.

— Ваше величество, а почему вы в прошлый раз спускали меня из окна? — спросил Авка. — Здесь такой удобный путь.

— Дверца была замурована. Вчера мы с Даней отковыряли своими руками, специально для вас...

На прощанье император сказал, что скоро материки сойдутся совсем близко, но полностью соединиться они не смогут. В прибрежных водах маленькая глубина, и киты сядут на мель, если чересчур близко сунутся к чужой земле.

— Будет пролив мили полторы шириной. Оно и хорошо. Водная граница на всякий случай не помешает.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА БЕРЕГУ

Все случилось, как предсказал его величество. Через несколько дней киты начали замедлять ход, а на океанском горизонте стали вырастать незнакомые берега. Они медленно приближались и наконец замерли.

В самом деле, образовался пролив мили в полторы. Даже простым глазом различимы были рыжие глинистые обрывы,

башни большого города. А в подзорные трубы хорошо видно было мельтешение пестрого народа.

С этой стороны, на тыквогонском берегу, людей собралось тоже видимо-невидимо. Не только приморские жители, но и множество народа из столицы. Хотя от столицы до побережья была добрая сотня миль!

Конечно, мама и папа сперва не хотели отпускать сюда Авку. «С ума сошел! Один в такую даль! Ты там потеряешься! Тебя задавят в толпе!.. А где будешь есть и спать?» Но все в конце концов решилось великолепно! Отец Тита Минутки сказал, что поедет на берег на своем тыквокате, возьмет с собой сына и может прихватить нескольких его приятелей. Там в рыбацкой деревне есть у него двоюродный брат, который может поселить мальчишек в лодочном сарае («Только не вздумайте баловаться со спичками!»).

Вот это была удача!

Кроме Тита и Авки поехали Томчик Вавага, кучерявый Бастик Каталка и его приятель Кир Очкарик. И, конечно же, Гуська!

Звали и Даньку Белоцвета, но оказалось, что он едет на берег с императорскими барабанщиками. Те будут участвовать в торжественной встрече императора Тыквогонии, президента Никалукии и всяких других правителей с обоих материков — герцогов, губернаторов, вождей и премьеров.

Многие тыквогонцы готовы были не дожидаться официального торжества, а попрыгать в лодки, на плоты или даже оседлать специальные надувные колбасы и поскорее кинуться к дальнему берегу. Знакомиться с неизвестным народом! Кое-кто припас уже всякие товары для торговли и обмена. Однако пограничная стража с копьями и тыквами-вонючками плотно оцепила побережье. Всем нетерпеливым говорили одно и то же:

— Нечего соваться вперед императора! Успеете! Сначала его величество обо всем договорится с никалукускими властями, а потом уж будем пускать всех желающих. Только с особой печатью в паспорте.

На чужом континенте, видимо, рассуждали так же: ни одна лодка с той стороны не пристала к здешнему берегу. Если не считать, конечно, катеров и пышных галер со всякими правительственными курьерами — они готовили предстоящую встречу.

У мальчишек никаких паспортов, разумеется, не было. Но Авка и Гуська рассуждали просто: в пограничном оцеплении

все равно найдется дырка. Надо только не соваться в самую гущу народа, который будет глазеть на торжества. Надо отойти по берегу подальше, дожидаться сумерек, тихонько сесть на плот, и — погребли!

Плот они вдвоем соорудили заранее — из остатков старого забора, которые нашли в зарослях дубняка за деревней. Другим ребятам ничего говорить не стали. Зачем лишние люди, если ты собираешься на свидание!

Гуська опять был в своих необъятных белых штанах — выстиранных и поглаженных ради торжественного случая. Авка сперва тоже хотел надеть парадный костюм, но потом решил:

— Я лучше надену доспехи.

Это ведь здорово, если он предстанет перед Звенкой в костюме юного рыцаря! Уж тогда она обязательно остановит на нем восхищенный взгляд. Если даже... если даже сейчас уже и не помнит о нем...

Гуська, однако, мыслил более здраво:

— А если булькнешься с плота в этом железе? Никакие киты тебя не спасут.

— Не булькнусь! Плот вон какой большущий, не опрокинется! Мы на нем переедем как на корабле!

— Ладно, переедем. А где там искать Звенку? — сказал опять трезвомыслящий Гуська.

Авка и сам думал про это. Сперва казалось: едва они переправятся, и Звенка тут как тут. Но... как она узнает, где именно надо ждать Авку? Да и будет ли ждать? Может, и не думает о нем. А он как ее отыщет среди многотысячной толпы?

А может быть, Звенки и не будет в толпе? Вдруг она скажет: «Больно мне надо толкаться там! Все ноги пообступают...» И останется дома...

А дома — это где? В своей столичной квартире или... Она же любимая дедушкина внучка! А дедушка смотритель маяка! Она часто живет у него. И она знает, что Авке это известно!

Авка попросил у Тита Минутки дядюшкину подзорную трубу. С ней Авка и Гуська опять убежали на берег — в «свой», привычные уже заросли дубняка. Обшарили трубою весь дальний берег. Много интересного было там — и чудные дома с треугольными башнями, и зеркальные купола, и разноцветные паруса у пристаней, и толпы на длинных набережных. Но Авка торопился (Тит дал трубу лишь на полчаса). И мельком глянув на чужую жизнь, Авка стал искать главное.

— Не туда смотришь, — сказал догадливый Гуська. — Маяк, он во-он где! На правом мысу. Простым глазом видно.

И Авка увидел маяк. На высоком каменном выступе. Бело-черная круглая башня со стеклянной надстройкой. В трубу все показалось очень близким. Было видно, как полощется выстиранное белье на веревке, протянутой от башни к приземистому домику. На крыльце сидел кудлатый пес. Ходили куры...

А людей не было. И все же Авка всем сердцем ощутил: это то самое место!

Так он и сказал Гуське.

Гуська опять остудил его:

— Может, тебе просто кажется.

— Нет! Я чувствую! — И все же Авка засомневался.

Гуська (ох, что бы Авка без него делал?) деловито предложил:

— Давай узнаем точно, Звенкин это маяк или нет.

— Как?!

— Птичка-то у тебя зачем?..

Гуська забрал у Авки желтую искрящуюся ласточку. Выдернул из подола Авкиной рубахи нитку. Обвязал ею скользкую стеклянную птичку.

— На, держи... Да не качай, пусть висит спокойно.

Ласточка повисла на нитке, зажатой в Авкиных пальцах.

— Ну и что? — грустно сказал Авка.

— Подожди... Смотри, куда повернулся клюв!

Стеклянная головка смотрела на дальний маяк.

— Гуська, это, может, случайность...

— Сам ты случайность! — И Гуська крутнул птичку. Она повертелась и опять замерла клювом к маяку.

— Ура... — тихонько выдохнул Авка. И толкнул желтую ласточку сам. И снова она, покачавшись, указала головкой туда.

И так было много раз. И Авка радовался все больше, даже приплясывал. И уже не смотрел на Гуську. А тот стоял рядом и держал на ладони зеленого зайчонка. Авка наконец заметил это и почему-то смутился. А Гуська сказал тихонько:

— Он стал очень теплый...

Торжественная встреча назначена была на завтра. На вечер. Чтобы можно было с двух сторон запустить роскошный фейерверк. А сейчас плотники с разных берегов сколачивали

посреди пролива две обширные платформы со столбами, перилами и бархатным навесом. Одну — для глав государств, другую — для почетных гостей и оркестров. Никалукские мастера все были в желто-черных клетчатых жилетах. В трубу можно было увидеть, как они угощают мешковатых тыквогонских работников чем-то из блестящих бутылок.

Но в конце концов глазеть на пролив и дальний берег надоело. Вся компания побежала за ближний мыс, чтобы искупаться без помех. Потом решили поиграть в галки-обгонялки, трое на трое.

Гуська быстро глянул на Авку и начал расчет:

Мальчик девочку искал
Среди сосен, среди скал,
Среди людей и среди зверей,
Среди зажженных фонарей.

Звал ее на берегу,
А девчонка — ни гугу!
«Все равно тебя найду
И с собою уведу!»

Удивительное дело, никто не заспорил, что считалка — девчоночья. Авка же понял: Гуська совершил еще одно маленькое колдовство, в дополнение к колдовству с ласточкой.

Вечер пришел светло-синий, с пухлой луной, которая отражалась в спокойном проливе. По всему берегу горели костры. И за проливом по всей береговой кромке тоже мерцала оранжевая россыпь огоньков. И переливались огни города. Доносилась незнакомая музыка. У здешних костров тоже играли на тыквогусях и крутили мелодии на маленьких переносных тыквофонах.

Авка и приятели посидели у костра. Поели ухи, которую приготовила тетушка Тита Минутки («Титовая тетушка!»). Улеглись в сарае на старых парусах, от которых пахло смолой и водорослями. И долго болтали о том о сем. Гуська наконец сонно засопел у Авкиного плеча. А тот еще долго лежал с открытыми глазами и видел в темноте Звенку...

Новый день был длинный, опять с купанием, играми и веселой беготней среди береговой толпы. Но много рассказывать об этом не стоит. Потому что главным для Авки были не эти дела, а его нетерпение. Да и для Гуськи тоже.

Наконец солнце съехало к дальнему берегу и стало прятаться за никалуцкие шпили и купола. Тит Минутка сказал, что пора двигать на берег — к тому месту, откуда лучше всего будут видны платформы и вся церемония. Это примерно в миле от деревни.

— Нас там всех переплющат в толпе, — вздохнул осторожный Кир Очкарик и заранее спрятал в карман очки (а что он увидит без них?).

— Мы заберемся на деревья, — решил Тит. Хотя как раз ему-то лазать по деревьям было труднее всех.

Чем дальше, тем больше становилось у воды людей. Скоро уже мальчишки еле пробирались. Авка взял Гуську за руку, они отстали от компании. Потом скажут: потерялись в толпе. А на самом деле — назад в деревню. Торжественная встреча государственных лиц пройдет как-нибудь без них. А их курс — на маяк!

Авка в сарае покидал в мешок гремучие латы, Гуська подтянул штаны, и оба — за деревню, в дубняк.

Здесь было тихо, пахло листьями, соленой пеной и песком. Кусты подступали к самой воде. Плот почти целиком прятался в ветках, но был уже на плаву. Только оттолкнуться самодельным веслом — и поехали.

Солнце спряталось, небо над головой начало синеть по-вечернему. Проступила в нем круглая луна.

Авка с Гуськиной помощью застегнул на себе доспехи. Только шлем надевать пока не стал.

— Нельзя сейчас плыть, — озабоченно сказал Гуська. — На воде нас тут же сгребут...

— Подождем...

Вдали уже играли оркестры. Но было еще очень светло. «Да и будет ли темнее-то? При такой луне...» — досадливо думал Авка.

Они с Гуськой сидели на песчаном пятачке среди кустов, и делать было нечего. И от этого ничегонеделанья в Авке опять зашевелились тревоги и сомнения. «А вдруг это не тот маяк... А вдруг Звенки там нет... А вдруг она и не помнит...» И неизвестно, до чего довели бы несчастного Авку эти мысли, если бы...

Хлоп! Шмяк!

— Ой-й... — Это прямо из воздуха, из пустоты плюхнулся незнакомый встрепанный мальчишка. — Ой, мама... — Он

сел, раскинув ноги в перемазанных белых брюках, и взялся за поясищу.

Авка и Гуська упали навзничь. Потом тоже сели.

— Привет, — сказал мальчишка. И вытер нос порванным рукавом с кружевами.

— П-привет... — Авка мигал. — Лучик! Это ты?

— Я! Не узнал?

— Ты... какой-то не такой...

— Тощий, да? Посиди-ка целый месяц на одних кочерыжках! Зато теперь без труда влез в черную воронку на пустыре. И вот! — Он артистически развел руками.

Мой друг, я вновь перед тобой!

Хотя немножко больно. Ой...

Потому что этот дурак выплюнул меня сюда вместе с иканьем. Он подцепил эту заразу у Ноздри, у бывшей БЧП. Ну, я и треснулся...

Но боль моя, она пройдет!

Зато я здесь, пред вами. Вот!

Да, без сомненья, это был Лучезар Окрыленный!

— Авка, я сразу вас узнал! Обоих! — заявил он. — Хотя Гуська мне известен лишь по твоим рассказам, а сам ты в железном одеянии. Откуда такое?

— Императорский подарок... Да подожди ты! — взвыл наконец Авка. — Откуда ты свалился-то? Как? Зачем?

— Отвечаю в обратном порядке: чтобы увидеться с вами; через черную межпространственную воронку; с пустыря за рынком.

— А кто тебя выплюнул?

— Мой друг Леонпупо Номер Два. Шароглот.

— Через воронку?

— Да нет же! Через воронку я сам! Но она доставила меня только на остров посреди болота, к сухому дереву с дуплом. А Леонпупо Номер Два самостоятельно проник за мной. Я ему говорю: «А где же тут Авку-то искать?» А он отвечает: «В пределах одного пространства я могу тебя доставить куда угодно. И к кому угодно. Только представь в своем воображении этого «кого-то» как можно отчетливее. Вот я тебя и представил... Авка, а почему вы не там, где всеобщее торжество?

— Да ну его, это торжество! Нам надо поскорее на тот берег! Поплывешь с нами?

— Разумеется! Я почти закончил поэму «Любовь и киты». Надеюсь, Звенке она понравится.

— Я тоже, — сказал Авка. Вежливо, но с уколом ревности.

— Тогда поплыли?

— Светло еще. Стража спаает.

— Тогда позволь мне примерить твои доспехи! Думаю, сейчас они мне будут в самый раз. Я так давно мечтал хоть на краткий миг стать похожим на рыцаря!

Авка закряхтел. Расстегивать и стаскивать, а потом надевать опять множество железных причиндалов, конечно, не хотелось. Но еще меньше хотелось обижать Лучика. Вон в какую даль примчался, чтобы повидаться!

— Гусь, помоги...

Гуська, сопя, начал помогать. Он-то понимал Авку. Но он стеснялся незнакомого поэта и потому молчал. И лишь когда они с Авкой закончили обрядить Лучика, Гуська спросил:

— Скажите, пожалуйста, как ваш шароглотный друг... Леонпопо пролез за вами в воронку? Авка говорил, что он громадный.

— Леонпупо Номер Два. Для него это раз икнуть. Он способен деформироваться как угодно. Может сделаться тоньше сосиски...

— А сейчас он там, на Щетинистом острове?

— Нет, он обещал догнать меня. Возможно, скоро познакомитесь.

Гуська повел плечами. Не был он уверен, что ему хочется знакомиться с шароглотом.

— Авка, может быть, нам пора?

— Светло еще.

— Да, но...

В этот миг из кустов прыгнули на песок двое. В расшитых камзолах и съехавших набок белых париках. Ухватили Лучика за налокотники.

— А, вот вы где! Еле нашли вас! Почему же вы не вместе со всеми? Вас ждут на церемонии!

— Зачем?! Я не хочу! — завопил поэт Окрыленный.

— Но вы же главный виновник торжества! Ведь это вы придумали сблизить материка! Вас должны чествовать!

— Это не я!

— Это не он! — вмешался Гуська. Но Авка наступил ему на ногу.

— Как же не он?! Как же не вы?! — закудахтали люди в

камзолах. — Императорская разведка доложила, что вы в рыцарских латах! Эти люди знают все! Идемте, идемте! Это приказ министра церемоний!

— Но здесь ошибка! Путаница!

— Не слушайте его, — громко заявил посланцам министра Авка. — Он просто стесняется! — А Лучику сказал быстрым шепотом: — Выручай! Ты же привык выступать! А мне надо к Звенке...

— Но я же...

— Лучик, пожалуйста!

Он был настоящим товарищ — Лучезар Окрыленный.

— Хорошо, — кивнул он посланцам. — Но если вы ошиблись, вся ответственность ляжет на вас!

— На нас, на нас! Мы не ошиблись! — И они под руки потащили Лучика сквозь кусты. Он погромыхивал. Потом крикнул издалека:

— Леонпупо пускай ждет меня здесь!

Гуська догнал его и отдал шлем. Потом вернулся.

— Будет скандал, — уверенно сказал он.

— Будет. Но потом. А теперь надо плыть. А то разберутся и поймают.

Гуська не спорил. Он был рад, что Авка без доспехов, — меньше риска. А Звенка узнает его и так!

...Забегая вперед, следует сказать, что скандала не было. На церемонии торжественной встречи мальчик в рыцарских латах с большим артистическим даром прочитал стихи:

Ура счастливому моменту!

Мы к вам приплыли по воде!

Сближенье наших континентов —

Сближенье разных всех людей!

На нашей великанской тылке

Должны мы жить без всяких драк!

А кто к сей мысли не привыкнет,

То он — простите, — он дурак!

Мощные тыквоусилители разнесли эти слова над водою, и они достигли обоих берегов. Массы народа притихли, потрясенные простотой и глубиной только что прозвучавшей поэтической мысли.

В этой тишине толстый белобородый президент Никалукии спросил у императора Валериуса Третьего:

— Воевать не будем?

— Мы — ни за что на свете! Бзяка с отпадом буду! — Его ве-

личество куснул мизинец с перстнем и отбросил в сторону руку. Президент поступил так же! Потом они обнялись. Следом стали обниматься герцоги, премьеры и туземные вожди обоих материков. Народ закричал «ура!». В небе заметались лучи дальнобойных сигнальных фонарей. Взлетели охапки разноцветных ракет. Оркестры заиграли заранее отрепетированный марш. Юные барабанщики, мешая им, радостно лупили по гулкой коже...

До песчаной проплешины среди дубняка этот шум долетал приглушенно. А фейерверк виден был прекрасно, только Авка и Гуська почти не смотрели. Они с пыхтеньем пытались сдвинуть с места плот. Оказывается, он подзастрял.

Авка по колено вошел в воду и тянул причальную веревку. Гуська, стоя на плоту, толкался веслом. Раз!.. Два!.. Десять!.. Двадцать!..

— Поехали! — Авка прыгнул на бревна.

— Поехали, да не туда! — Из кустов шагнул стражник в медной шишкастой каске. Копьем с крючковатым наконечником он зацепил плот и подтянул обратно к веткам. — Я смотрю, умелые вы парни!

И откуда взялся?!

— Вам жалко, что ли?! — в сердцах заорал Авка.

— Не жалко, а служба, — добродушно разъяснил пограничник. — Делаем, что велено.

Авка от досады совсем потерял голову:

— Я пожалуюсь императору! Он... мой друг!

Стражник и тут не потерял спокойствия:

— Император — он наш всеобщий друг. А приказ этот как раз от него. Чтобы никто из его друзей раньше срока на тот берег ни-ни. А то начнется такая дружба...

Авка плюнул, прыгнул с плота на берег. Они с Гуськой отошли от воды и сели на остывший песок. Спорить было бесполезно. Тем более что рядом со стражником появился еще один, с тыквометательной пращей. Как шархнет тыквой-глушилкой, не оклемаешься до утра...

— Справились с маленькими, да? — пробубнил Гуська.

Тот, что с пращей, отозвался неласково:

— Я гляжу, маленькие, да удаленькие. Не отправить ли на заставу, а то ведь не доглядим, уплывут.

— Пожалуй, отправим, — согласился который с копьем. — Ты побудь здесь, а я сведу... — И шагнул к Авке и Гуське, которые вскочили. — Ну-ка, голубчики... Ай!.. Эй! Вы кто? Еже-

ли с того берега, то здесь пока нельзя!.. И нечего пасть разевать, мы пуганые...

Это он уже не мальчишкам. У тех над головами повис большущий, сажени две в поперечнике, светлый шар. С глазами и широким ртом. Он вбирал в себя отблески ракет, свет фонарей, лунные лучи и сам казался луной из театральной сказки.

— Видать, заморское чудо, — осторожно сказал тот, что с копьем. — Вы, ребятки, не бойтесь. Ежели он чего, то мы его... того...

Но ребятки и не боялись. По крайней мере, Авка.

— Леонпупо Номер Два!

— Он самый... — Голос у шароглота был как у пустой бочки, которая слегка простудилась. — Лучезарчика... ик... не встречали?

— Встречали! Он просил, чтобы вы подождали его здесь! — Авка подпрыгивал от радости. А Гуська жался к нему.

— Эй... — опять неуверенно донеслось от стражников.

Тогда Гуська оторвался от Авки. Задрал треугольный подбородок.

— Господин Леонпопо...

— Леонпупо Номер Два!

— Да-да! Господин... Номер Два... Не могли бы вы нам помочь?

— В чем... ик... дело?

— Дело в том, что мы друзья Лучезара... а вон те вредные люди к нам пристают... Не могли вы их...

— Куда? — гулко и деловито спросил шароглот.

— На остров с осокорем! Где вы были недавно! — опять подскочил Авка.

— Ик... делов-то... — выдохнул шароглот и облизнулся.

— Э... — заговорил стражник с копьем. — Вы не это... а то мы это... А-а!

Леонпупо Номер Два выплеснул длинный язык и унес патрульного в пасть. Вместе с копьем. Сделал глотательное движение. Второй патрульный тонко завопил и бросился вдоль воды. Но стремительный язык догнал и его...

— Вот, — сыто выговорил шароглот. Облизнулся снова. — Оба уже под деревом. Как огурчики. Только малость осипшие с непривычки... Ах ты, нечистая сила, глотку уколел копьем... Ладно, зато, кажется, избавился от иков... Что-нибудь еще?

— Большое спасибо, — торопливо сказал Гуська. — Теперь мы поплывем. На ту сторону...

Но в этот момент из-за ближнего мыса появилась длинная лодка. Целый патрульный взвод — дюжина черных копий над светлой водой.

— Тыква-ать, тыква-два! — командовал кто-то гребцами.

— Тьфу ты! — чуть не заплакал Авка. Даже застонал ти-хонько.

— Опять неприятность? — гулко озаботился шароглот.

— Конечно! Вон их сколько! Всех ведь не переглотаешь. Да еще с копьями...

— С копьями затруднительно... хотя можно. Только зачем? Давайте я лучше самих вас — куда надо...

— Ой... а можно?! Вон туда, к маяку! — За проливом вдали от городских огней равномерно вспыхивала зеленая мигалка.

— Авка, не надо, — слабым шепотом сказал Гуська.

— Гусь, да ты чего? Это же один миг!

— Авка, я боюсь... — И стало понятно, что боится он нестерпимо. Иначе бы не признался.

— Ну... тогда... беги по берегу к ребятам, постарайся найти их. Или дождись в деревне...

И тут же Авке стало стыдно. Ужасно стыдно! Почти так же, как тогда, на Щетинистом острове, когда он ни за что обругал Гуську.

— Гусенок, я пошутил! Прости! Я же знаю, что ты меня не бросишь!

— Да... Но я очень боюсь...

— Нет! Ты боишься не очень, обыкновенно. Зажмурься и прижмись ко мне...

— Значит, мы вместе?!

— Конечно... ой... Господин Леонпупо Номер Два, вы можете нас вместе? А то Гуська немножко не привык...

— Делов-то... — опять отозвался шароглот, и Гуська накрепко обхватил Авку. И... на этот раз и правда — один миг.

МАЛЬЧИК ДЕВОЧКУ НАШЕЛ...

Авка мягко опустился в колоски незнакомой травы. На четвереньки. Рядом приземлился Гуська — тоже на колени и ладони.

Постояли так, глянули друг на друга. По Гуськиному острому лицу пробегали зеленые отблески. Это высоко над ними

загорался и угасал маячный фонарь. Не ярко. Маяки только издали кажутся яркими, а вблизи — как настольная лампа.

Колосок попал Авке в ноздрю, и он чихнул.

— Это... что ли, уже все? — недоверчиво сказал Гуська.

— Да. А ты боялся...

— Не так уж я и боялся... Ой... — И Гуська попятился. Потому что перед ним и перед Авкой возник лохматый пёс.

— Гуська, не бойся! Это, наверно, Кактус!.. Ты — Кактус?

Пес пошелестел хвостом по колоскам.

— Ты хороший... — Авка безбоязненно притянул за косматые щеки голову Кактуса. Лбом коснулся мокрого собачьего носа. — Ты знаешь, где Звенка? Ты отведишь нас к ней?

Кактус опять пошелестел хвостом. Повернулся. Оглянулся на Авку (и на Гуську): «Пошли?»

И они пошли. Вверх по тропинке, среди шуршащих колосков. Было очень светло — главным образом от разбухшей белой луны. Ну, еще и далекий фейерверк доносил цветные сполохи.

Перед Кактусом вышли на тропинку два большущих кота. Деловито зашагали впереди.

— Это Фонарь и Плюха, — шепотом сказал Авка. Сердце у него стучало.

— Мр-р... — отозвался один из котов.

А Гуська ничего не сказал. Он с частым дыханием шагал сзади, и трава шуршала по его штанинам.

Тропинка привела к домику, что стоял вблизи башни. Рядом с домиком подымалось корявое дерево. В двух шагах от него торчал столб. Между столбом и деревом висела доска на веревках — качели. На качелях сидела Звенка. В белом светящемся платице.

Авка сразу понял, что это она. И сразу сказал:

— Звенка...

— Ой... — Она прыгнула с доски и шагнула к Авке, запнувшись за кота. И, чтобы не упала, Авка поймал ее за руки.

— Авка, это ты? — И звук «а» знакомо растянулся в ее голосе.

— Это я... А это Гуська... — Авка оглянулся.

— Здравствуй, Гуська.

— Ага... здравствуй... — Гуська нагнулся и обнял за шею Кактуса. Видимо, он перестал бояться собак.

— А я думала, что ты там, — сказала Звенка Авке (он все еще держал ее за руки; она стала шевелить сандалеткой траву).

— Где — там?

— Где встреча. Сказали, что ты должен выступать там с речью.

— Кто это сказал?! — старательно возмутился Авка.

— Диктор. Трансляция же идет!

— Кто идет?

— Не кто, а что. Передача по магнитному волноводу, на репродукторы... Ты читал там стихи. Только мне показалось, что голос не твой.

— Да не я это! Я... попросил знакомого поэта. А сам сюда...

Тогда Звенка сказала:

— Какой ты молодец... — И покачала его ладони в своих. —

А как ты догадался, что с ю д а?..

— Ну... догадался...

— А я... тоже догадалась. Не пошла с папой на церемонию. Он так настаивал, рассердился даже. «Неужели, — говорит, — тебе не интересно поглядеть вблизи на настоящего императора?» А я говорю: «Не-а...» А он: «Твой знакомый мальчик тоже будет там...» А я...

— А ты? — тихо спросил Авка.

— Я подумала: «Больно я ему там нужна...»

— Я же не там, а здесь, — совсем уже тихонько сказал Авка.

— Да... ты молодец...

И оба замолчали от смущения, которое накрыло их как пушистым платком. А луна горела все пуще, а цветные взмахи света всё пролетали по траве и по башне. Музыка вдали играла «Вальс трех китов».

Наконец Авка спросил (чтобы хоть что-то сказать):

— А кто твой папа? Раз он там, на встрече...

— Ох... — Звенка вынула руки из его ладоней. Низко наклонила голову. — Ты только не сердись на меня...

— За что?

— Я в тот раз не сказала... Папа вице-президент Никалукии.

— Ну и что?

— Некоторые думают... если дочка важного лица, то вся такая воображала...

— Ты же не такая!

— Не... Да я не столько папина дочка, сколько дедушкина внучка. Все так говорят.

— А где твой дедушка?

— Наверху, у фонаря. Смотрит в трубу на все это представление... Хочешь наверх?

— Ага... потом...

— А с папой я тебя тоже познакомлю. Он вовсе не какой-то там солидный чин и генерал. Наоборот. Ты не бойся...

— Да я и не боюсь. Чего такого! — расхрабрился Авка от смущения. — Мы недавно играли в чопки с самим императором. Гуська, скажи! — И опять оглянулся на Гуську.

Тот стоял теперь поодаль. Вместе с лохматым Кактусом. И не только с ним. Рядом была еще девочка. В таком же, как у Звенки, платьице, тонкая, ростом с Гуську. Белоголовая (луна искрилась в ее волосах).

— Кто это? — шепотом удивился Авка.

— Лютик. Внучка дедушкиного друга, в гости приехала...

Гуська что-то показывал на ладони девочке с мальчишечьим именем Лютик (а может, и не с мальчишечьим; может, здесь так принято). Загорелась на миг зеленая искра. Гуська засмеялся негромко и переливчато. Он редко так смеялся — лишь тогда, когда было ему очень-очень хорошо.

«Ну вот и славно, — подумал Авка. — Вот и... просто чудесно». И с души скатился последний камушек.

Он опять взял Звенку за руки — теперь уже смело — и повел к качелям. Сели рядышком. Между ними бесцеремонно протиснулся растрепанный кот. Заурчал. Можно было различить, что он рыжий.

— Это Фонарь?

— Это Плюха. А Фонарь вот, погладь его.

Авка нагнулся и погладил черно-белого Фонаря. Тот начал елозить пушистым боком про Авкиной ноге, словно хотел стереть с нее густые царапины.

Гуська опять засмеялся в отдалении. И девочка Лютик тоже...

— Тебе сильно влетело за тот полет? — осторожно спросил Авка.

— Не сильно. Средне. Конечно, ругали, но и радовались: вернулась живая-здоровая. А гравитоплан заперли на семь замков.

— А учебник пригодился?

— Не очень. Никто не поверил, все говорили, что чья-то шутка. А потом начальник секретного комитета спрятал его в сейф.

— Бзяка!

— Да... А правда, что это ты заставил ваших китов сдвинуться с места? — Звенка наклонила к нему голову. К самой щеке.

— Какие у тебя волосы... щекотательные... — вздохнул Авка.
 — Ну, скажи. Про китов...
 — Я не заставлял, а попросил. И не я даже, а профессор Уко Двуполовинкус... Двуполовинус то есть... Там была такая куча приключений. Ты и не поверишь..

— Я поверю! Расскажи!
 И Авка стал рассказывать. Всё по порядку. От путешествия к сухому осокорю и до того, как Леонпупо Номер Два переправил его и Гуську к маяку.

Звенке все понравилось. Особенно про шароглогов.

— Попроси Лучика, пусть он подружит тебя с каким-нибудь шароглотом. Тогда сможешь бывать здесь, когда захочешь.

— Ага, я попрошу... Знать бы про них заранее! Можно было бы не беспокоить китов.

— Нет, что ты! Все равно хорошо, что земли сошлись!

— Да, пожалуй... Это называется «исторический прогресс».

В стороне опять засмеялись Гуська и Лютик. Над «прогрессом»?

Авка и Звенка покачались. Авка наклонился и глянул Звенке в лицо. У нее в глазах зажигались зеленые точки. Вроде той искорки на ладони у Гуськи.

— Ты чего? — стесненно спросила Звенка.

— Так просто...

«Почему я думал, что некрасивая?» И качнулся сильнее.

Луна была похожа на белую тыкву. Вокруг нее наконец высыпались звезды. Тыквенные семечки!.. Две звезды сорвались и упали на огороды за рыбачьей деревней.

— Авка, я знаешь что подумала? — Звенка пушисто засмеялась.

— Что?

— Вот они упали на вашу тыквогонскую землю, и вдруг из них вырастут заколдованные тыквы!

— Или... шароглоты! — осенило Авку. — Они ведь похожи!

— Да! И не такие, как сейчас, а сверхволшебные. Чтобы с ними путешествовать среди звезд...

— И по разным пространствам...

...Тогда они еще не знали, что со временем так и будет. Добродушные толстощекие шароглоты станут расти на грядках и получают научное название — «биокапсулы дальней свя-

зи». А ведущий специалист по изучению многослойных пространств Август Головка будет получать выговоры от жены:

— Почему наши дети опять прогуливают уроки? А этот круглый дурак Тимоша Номер Семь вместо того, чтобы доставлять их из школы для выполнения домашних заданий, полагает им болтаться в неизведанных областях Вселенной!

— Но, ласточка моя, какой смысл болтаться в *изведанных* областях?

— Да, мамочка, *какой?* — ласково встревал в разговор непричесанный младший сын по имени Гуська. И осторожно двигался к двери, за которой ждал его Тимоша Номер Семь.

— Ты куда? А уроки? Марш назад, я кому сказала!.. Ну, только вернись домой!.. Это всё ваше воспитание, господин академик!

— Ну... наверно, и ваше немножко, сударыня, — осторожно напомунал академик Головка. — Вспомни себя в двенадцать лет. Как ты верещала от восторга, когда Леонпупо Номер Одиннадцать перенес нас в Заоблачный город. У меня до сих пор в ушах... з-звенит...

— Еще и дразнится... — прятала улыбку супруга академика (надеюсь, вы догадались, какое у нее имя).

Но все это будет потом, в новом веке. Пока же Авка и Звенка сидели рядышком, а с лунного неба падали все новые звезды. Вдали играла музыка. Гуська и Лютик развеселились и вместе с Кактусом носились в шуршащей траве. Потом к ним присоединились коты...

Здесь мы вполне можем расстаться с нашими главными героями, поскольку повесть подошла к концу. Но есть, пожалуй, смысл сказать несколько слов о других персонажах.

Лучик сделался, разумеется, знаменитым поэтом. В школах изучают поэму Лучезара Окрыленного «Любовь, ты и киты».

Даниил Белоцвет стал в конце концов полным генералом музыкальной службы и командовал всеми юными барабанщиками Тыквогонии и сопредельных государств.

Авкин брат Бума дослужился до капитана сторожевой службы. Но потом он вдруг ушел в отставку и занялся живописью. Широко известно его громадное полотно «Встреча континентов» и портрет изобретателя первого тыкволета Густава Дыха.

Император Валериус Третий со временем сильно постарел, светло-рыжая прическа совсем поседела. Ядовитая газета «Чистая правда, вам говорят!» однажды написала, что его величест-

во перестал управлять страной, впал в детство и часто играет в чопки с дворцовыми барабанщиками и пажами. Государь, однако, не растерялся. Через газету «Соединенные земли» он ответил злопыхателям статьей, полной достоинства и логики. «Во-первых, — писал он, — император имеет право заниматься всем, на что будет его желание, поскольку он самодержец всея Тыквогонии. А во-вторых, всякий монарх тем лучше, чем он меньше вмешивается в государственные дела. Особенно когда дела эти идут прекрасно! Государь должен быть подобен капитану судна — тот не появляется на мостике, если плавание благополучно».

Большинство тыквогонцев одобрило статью императора, а барабанщики выбрали его своим почетным командиром.

Кошка Заноза в те полные приключений дни, когда сблизились материки, родила пятерых серых котят. Авка раздал их друзьям-приятелям, а самого пушистого подарил Звенке. Котенок Микрочих подружился с Фонарем и Плюхой, и Звенкин дедушка говорил, что скоро Маячный мыс придется переименовать в Кошачий. Но это он так, шутя...

У Матильды тоже появилось дитя — рыжая ласковая телочка Виолетта. Авка очень полюбил ее и даже пустил слезу. Когда мама сказала, что Виолетту пора продавать. Здесь на выручку пришла соседка тетя Анилина Дых. Она решила, что купит Виолетту для себя и для Гуськи.

Видите, как всё хорошо кончается!

Да, надо еще объяснить, почему черепаха Мукка-Вукка в последние дни перед сближением континентов была такая сонная и не желала помогать Авке. Скоро выяснилось, что в развилке шеи у нее набухает болезненный бугорок. И в конце концов стало ясно: это растет третья голова!

Двухголовые черепахи — они хотя и редкость, но явление, известное науке. А вот про трехголовых до той поры никто не слыхал! Про небывалое событие стало известно Всемирной Черепахе, которая держала на себе слонов и вместе с ними — Звенкин материк. Всемирная Черепаха официально назначила Мукку-Вукку своей советницей, и теперь они целыми днями вели беседы на своих биомагнитных волнах.

А что касается стоявших на черепахе слонов, то их звали вовсе не Пузо, Грузо и Бутузо, а Митя, Андрюша и Шурик. И они... Но нет! Про слонов — это совершенно другая повесть. Впрочем, и она кончилась благополучно.

КОЛЕСО ПЕРЕПЁЛКИНА

Почти сказочная история

Первая часть

НЕ ТА ЛЕСТНИЦА

СОКРОВИЩЕ

Вася рыдал.

Он лежал на постели поверх смятого одеяла, бил мокрым лицом скомканную подушку и вскрикивал:

— Отдай!.. Отдай!.. Отдай!..

— Прекрати истерику! — вскрикивала в ответ мама. — Сию же минуту! Или я...

— Отдай!..

— Прекрати, я сказала!.. Стыд какой! Парню почти девять лет, а он....

— Не почти! Не девять! Отдай!.. Ну куда ты его девала!

— Спрятала в кладовку... Утром получишь, а теперь спать!

— Не утром! Сейчас!.. Сейчас же! — Вася заколотил ногами, выгнулся, ударил кулаками по одеялу, зарылся в подушку лицом. Промычал измученно: — Ну отдай же...

— Чтобы ты опять засунул эту ржавую дрянь под подушку?!

— Не буду под подушку! Рядом положу, на пол! Только отдай!!

— Перестань скандалить! Или я немедленно позвоню отцу! А утром... мы отправим тебя в интернат, вот!

— Хоть на каторгу! Только отдай! — Рыдание трянуло Васю короткой судорогой. Он выговорил измученными толчками: — Отдай... Ну, по-жа-луй-ста...

В последнем слове была такая тоска, что мама беспомощно заглядывалась. И тогда забренчал в прихожей звонок.

— Вот видишь! Кажется, ты разбудил своими воплями соседей... — Мама поспешно пошла из комнаты, а в спину ей с новой силой ударило отчаянное «отдай!».

За дверью и правда оказалась соседка. Пожилая и грузная тетя Тома.

— Яночка, извини, что поздно. Я к тебе за... О-о! А что это с Василием? — Она будто лишь сейчас услышала неуправляемый плач и вскрики.

— Я не знаю! — Мама уже сама чуть не рыдала. — Он сегодня будто с ума сошел! Днем учинил скандал с завучем, убежал с уроков, всполошил всю школу... А потом притащил с помойки грязную железяку и, когда улегся спать, сунул ее под подушку. На этой ржавчине миллиарды микробов... Я отобрала, а он устроил скандал и рев!.. — Мама судорожно оглянулась на дверь. «От-дай!..» — опять слышалось из комнаты.

Тетя Тома покачала головой.

— Яночка, но если уж так ему это надо... Ты послушай, какое в нем горе... Верни игрушку. Может, для него она сейчас важнее всего, бывает такое...

Мама прижала кулачки к вискам.

— Господи, да если бы я знала... Сказала ему, что спрятала этот утиль в чулан, а на самом деле кинула в мусоропровод. Думала, к утру забудет... А сейчас разве найдешь? Контейнер наверняка уже увезли...

Мама думала, что ее сдвоенный голос Васе не слышен за его шумными слезами. Но Вася как раз притих в тот миг — бывают в долгих рыданиях такие судорожные перерывы.

Контейнер!.. Его, конечно же, не увезли! Машина за мусором приходит лишь рано утром!

Камнем, пущенным из рогатки, метнулся Вася через прихожую. Мимо мамы, между косяком и отшатнувшейся тетей Томой. Холодные бетонные ступени заколотили по голым пяткам. С четвертого этажа до подъезда — две секунды! Грудь — о наружную дверь...

Сизые майские сумерки были зябкими. Наплевать! Зато контейнер — рядом. Лишь бы не случилось, что о н о застряло в трубе мусоропровода! Лишь бы...

От контейнера пахло ржавым, согревшимся за день железом. Всклипывая, Вася напряг все жиденькие мускулы, отвалил похожую на люк подводной лодки крышку. В умытое следами лица ударил помойный запах. Вася подпрыгнул, лег животом на режущий край, расцарапал сквозь майку живот.

От светившей у подъезда лампочки падали слабые лучи. Контейнер был полон на две трети, и Вася сразу увидел то, что искал. О н о лежало поверх тряпья, пустых бутылок и жестянок.

Вася вскрикнул еще раз и схватил маленькое старое колесо от трехколесного велосипеда. Толчком прыгнул назад, на ас-

фальт. Прижал колесо (вернее, Колесо) к груди. Втулка твердо и радостно впечаталась под сердце. От нее вливалось в тело острое тепло.

«Я тебя нашел!»

«Дзын-нь...» — внутренним неслышным звоном отозвались твердые спицы.

«Больше я тебя никогда... никуда...» — пообещал Вася с еще одним, «остаточным» вскриком.

«Дзын-нь, да...»

То тепло, которое вливалось в Васю от колеса, было не просто тепло. Оно было счастье. И это счастье заполнило Васю, как заполняет резиновую грелку вливаемая через воронку горячая вода. Вася готов был теперь забыть все беды, простить всем свои обиды. Он любил в этот миг всех и всё на свете. И поздние неуютные сумерки, и подслеповатую лампочку над дверью, и грязный контейнер, и черные железные столбы с веревками для белья, и желтые окна девятиэтажного дома, что громадной буквой «П» огораживал вытоптаный квадратный двор, и столпившиеся в дальнем краю двора гаражи...

— Вы хорошие... — шепотом сказал он всему, что было вокруг. — ...И ты хороший, — сказал он бесшумно пришедшему из-за контейнера тощему коту. Кот-бродяга учуял идущую от мальчишки доброту, потерял боком о его ногу, тихо муркнул. Вася присел на корточки, уперся нижним краем Колеса в колени, а на верхний положил подбородок. И стал гладить кота по свалывшейся шерсти. И даже не кота, а весь окружающий мир... Но от подъезда уже спешили к нему мама и тетя Тома.

Дело в том, что, кинувшись за Васей, они решили догнать его на лифте и там на минуту застряли. И теперь были перепуганы: вдруг не найдут! Вдруг он пропал навсегда!

— Яночка, да вот он!

— Сумасшедший мальчишка! Ты сведешь меня в гроб!

Кот, конечно, сиганул во мрак. Вася вскочил, вновь прижал Колесо.

— Не дам!

— Да оставь ты себе свое сокровище! Господи, помчался раздетый... Схватишь чухотку!

Васю привезли на лифте к дверям. Тетя Тома шумно вздыхла и покачивала головой. Мама беспомощно опустила руки.

— Ну вот, добегались. Дверь я захлопнула, а ключи-то не взяла...

— Идемте ко мне. — Тетя Тома обрела решительность. —

Я поищу ключи. Помнишь, зимой вы оставляли мне запасные, когда мастер проверял газовые плиты...

Все оказались в передней у тети Тома, где пахло лекарствами от заставленного склянками подзеркального столика. Тетя Тома стала шарить в выдвинутом ящике. Вася переступал на сплетенном из тряпиц половике и по-прежнему притискивал Колесо к груди. Мокрыми глазами поглядывал исподлобья на маму. А она смотрела на свое тощее всклокоченное чадо — босое, с чешуйками ржавчины на коленях и на обвисшей, как платъице, майке, с грязными полосками на треугольном зареванном лице (словно и не мылся недавно!). Чтобы не зареветь самой, она собрала последние «педагогические» силы:

— Хватит цепляться за этот металлолом. Никто не отберет... Только не вздумай больше укладывать такую жуть с собой в постель...

Тетя Тома тем временем нашла ключи, крутила их на пальце. И тоже смотрела на несчастного соседа.

— Яночка, их обоих нельзя таких в постель... Ну-ка, пошли... — Она вдвинула Васю в ванную, сдернула с него перемазанную майку — оказалось, что и под ней, на животе, ржавые следы. Тетя Тома жесткой горячей мочалкой вымыла Васе живот, колени, щеки. Затем той же мочалкой, под тугой струей отмыла колесо. Пыльная резиновая шина заблестела как новенькая. На ободке проступили следы голубой эмали, на втулке — остатки никелировки.

Вася тянул к своему сокровищу пальцы.

— Подожди. Где-то есть у меня подходящая тряпица... — Тетя Тома достала из шкафчика старую наволочку. — Вот, будет твоему колесу одежда. Ну-ка, толкай...

Упакованное в наволочку Колесо Вася опять прижал к ребристой груди. Тетя Тома тяжелой, как ватная подушка, ладонью провела по его торчащим белобрсым прядкам.

— Горюшко ты луковое... Можешь укладывать свою радость хоть под одеяло, хоть под подушку. Нету на нем теперь ни одного микроба.

Мама до этой минуты молча и виновато смотрела на сына и на тетю Тому. А сейчас спросила:

— Тамара Петровна, может быть, еще в целлофановый пакет?

— Нет! — вскинулся Вася. — Пакет же не пропускает воздух! Как оно будет дышать?

Мама в тихой панике глянула на соседку. Тетя Тома свела брови: не спорь.

— Иди спать... — со стоном выдохнула мама. — Постой, я отопру дверь...

Она осталась в коридоре — излить мудрой Тамаре Петровне свои тревоги и жалобы, а Вася выключил свет, забрался под одеяло, всхлипнул самый последний раз и уложил завернутое Колесо под подушку. Пошупал сквозь ситец прямые твердые спицы.

«Тебе хорошо там?»

«Дзын-нь... да. И тебе пусть будет хорошо. Больше не плачь...»

«Не буду...»

Вася стал засыпать. В пушистой темноте закрытых глаз побежали радужные пятна, стали склеиваться в картинки... Но за дверью опять слышались шум и голоса. Это вернулся с дежурства папа.

Сначала мама и папа о чем-то вполголоса говорили на кухне. Впрочем, понятно о чем. Потом папа осторожно шагнул к Васе, за ширму.

— Он спит, — поспешно сказала мама.

Но папа постоял, помолчал и догадался, что Вася не спит. И сел на краешек Васиного кресла-кровати. Вася прерывисто вздохнул. Он по-прежнему был счастлив от того, что колесо здесь, с ним, но теперь уже примешивались и другие чувства. Царапалась тревога из-за всего, что случилось в школе (что будет завтра?). А главное — стыд за недавние отчаянные слезы.

«Но если бы не слезы, как бы я вернул тебя?» — сказал он Колесу.

«Дзынь... Ты не виноват. Ты молодец...»

Но все же виноватость не ушла, поэтому Вася тихо дышал и молчал.

— Давай мы не будем сейчас говорить долго, — вполголоса сказал папа. — Ты, конечно, настрадался сегодня, я понимаю. Но все же скажи мне честно: куда ты подевался в школе, когда поднялся на верхний этаж?.. Только не рассказывай то, что днем. Будто отсиделся в кладовке, а потом незаметно сбежал. Никакой кладовки там наверху нет...

Вася посопел несколько секунд. Он и не собирался ничего скрывать. Потому что теперь было все равно...

— Кладовки не было... Был люк в потолке, а к нему вела

приставная лесенка. Может быть, завхоз лазил на чердак и оставил. Ну, забыл, наверно... Я забрался в люк, лесенку втянул за собой, а крышку запер изнутри. То есть заложил...

— А дальше?

— А с чердака выбрался на крышу. Потом вниз по пожарной лестнице...

Папа молчал с полминуты. Вася дышал тише прежнего. Папа сказал, словно через силу:

— Если бы ты сорвался... Ты думал тогда, что будет с нами? С мамой и со мной...

Вася вздохнул опять. Длинно-длинно. И ничего не ответил. Потому что там, на крыше, он думал. Именно об этом. Или даже не сам он думал, а будто кто-то сидевший внутри нашептывал ему: «...И все тогда пожалеют. И никто не станет больше ругать, никогда... Это ведь быстро. И совсем не страшно. Раскинешь руки и...» И неизвестно, что было бы сейчас, если бы не желтая бабочка... Может быть, уже абсолютно ничего бы не было...

Папа посидел еще, подержал ладонь на Васином плече. Встал. Сказал еле слышно «спи» и вышел.

Вася лежал совсем не дыша. Жаль ему было папу. И маму жаль. (И себя тоже.) Может быть, вскочить, прибежать к ним, приткнуться и заплакать опять? Но уже не громко, а тихонько, с просьбой о прощении? Но с кухни долетели голоса — негромкие, однако раздраженные. Родители опять спорили. Скорее всего, из-за него. Но какая бы ни была причина, а когда мама с папой ссорились, подходить к ним не хотелось. Потому что все нервы делались натянутые и дрожащие.

Вася нащупал под подушкой обод с твердой резиновой шиной.

«Не бойся, — отозвалось колесо. — Они сейчас перестанут. А ты засыпай. Пора уже...»

И Вася стал засыпать снова. Скоро все тревоги ушли, замелькали опять цветные пятнышки, и среди них самое яркое, желтое — как та бабочка.... И сон, который пришел к Васе, был, несмотря на недавние горести, хороший. Вася видел его уже несколько раз. А теперь — снова, с самого начала.

Снилась весна. Не нынешняя, поздняя, с молодой зеленью тополей, а начальная. Такая, когда оседает талый снег, синеют среди сугробов первые лужи, а с карнизов часто и звонко сыплются капли.

Вася видел, будто он не пошел в школу из-за какой-то легкой хвори. Она, эта хворь, была такая пустяковая, что ничуть не мешала радости неожиданного отдыха. Позднее мартовское утро сияло за окном голубизной и лучами. Лучи были такие теплые, что нагрели широкий подоконник, как печку. Вася придвинул к окну стул, откинулся к спинке, подвернул до колен спортивные штаны и положил на подоконник голые ступни. Солнце сразу взяло их в пушистые ладони. Вася жмурился и радовался весне.

Но пришла мама, сказала, чтобы Вся убрал ноги с подоконника.

— Хочешь добавить себе болезни? Там дует в щели.

— Ничего не дует! Наоборот, тепло, как из печки!

— Я кому сказала! Сгинь от окна!

Вася не стал обижаться (такой хороший день!). Убрал ноги с подоконника, сунул ступни в тапки, но сам придвинулся со стулом ближе к окну. За стеклом густо летели вниз искристые капли, стеклянно бились о жестяной подоконник. Наверно, они срывались с сосулечек, висевших высоко под крышей, над девятым этажом. Как они ухитрились, пролетая пять этажей, не задеть косяки и балконы? Впрочем, это ведь сон....

Серые тополя и грязно-песочная стена изогнувшегося углом дома теперь были ярко-рыжими от солнца. Где-то весело кричали воробьи. На миг налетела серая тень (откуда, ведь облаков-то нет?!). «Сгинь!» — велел Вася, и тень тут же исчезла. А капли выбивали хрустальную мелодию: динь... динь... «Динькающий день», — подумал Вася. И под мелодию капли у Васи стали складываться слова:

День — динь!

Капель капель — с крыш...

Тень — сгинь!

День, стань от солнца рыж...

Наяву Вася никогда не сочинял никаких стихов (за исключением двух строчек в письме, о котором речь пойдет позже). Но эта песенка не пропала из памяти даже тогда, когда сон кончился. И мотив запомнился. Простенький такой, но славный. И Вася порой напевал эту песенку, если было хорошее настроение.

Надо сказать, Вася любил музыку. Всякую. И такую, где гитары, саксофоны и блестящие синтезаторы, и такую, где могучие оркестры, которые называются «симфонические». Пото-

му что в этих оркестрах были замечательные инструменты. Просто дух захватывало, когда на экране их показывали крупным планом! Поющие густым голосом виолончели; похожие на коричневых от загара девчонок быстрые скрипки; сияющие золотом, волшебным изогнутые трубы; торжественно гремящие тарелки, гулкие литавры и барабаны... А каким удивительным, загадочным был черно-белый ряд клавишей под косяком вскинутым крылом рояля!..

Вася не запомнил ни названий музыки, ни тех, кто ее сочинил. Но бывало, что во время музыкальных передач замирал в кресле и умоляющим шепотом просил папу не переключать на футбол. И однажды папа сказал:

— А может быть, у Василия талант? Не просмотрели ли его детсадовские педагоги?

Мама на сей раз не заспорила. Вспомнила, что сын и правда часто напевает себе под нос. Вдруг он будущий Чайковский или Иосиф Кобзон? И повела его (совсем недавно, в апреле) к знакомому музыканту. Вернее, к знакомому своей знакомой (та договорилась об этой встрече). Вася не противился, даже обрадовался. Кто знает, вдруг он и правда сумеет овладеть тайнами колдовских инструментов, которые завораживали его с экрана?

Похожий на седого Дон Кихота преподаватель музыкального училища встретил маму и Васю приветливо. Нажал несколько клавишей рояля и попросил Васю повторить их звук голосом. Покивал, почему-то вздохнул. Потом предложил Васе спеть песенку. Какую-нибудь попроще и всем знакомую. Вася застенялся, но пересилил себя, стал по стойке смирно и запел: «Не слышны в саду даже шорохи...»

— Спасибо, — сказала седой музыкант. И обратился к маме: — Видите ли, уважаемая Яна Феликсовна...

Оказалось, что музыкальный слух у мальчика ну, прямо скажем, не очень. Да, конечно, мальчику нравится музыка, но любить ее — это одно, а учиться на музыканта — совсем другое, здесь необходима определенная сумма природных данных.

— Яна Феликсовна, у вас замечательный сын, это видно сразу. Однако таланты его лежат, видимо, в каких-то иных сферах, не музыкальных. Я уверен, что они не замедлят обнаружить себя...

Мама была очень огорчена. Вася тоже, но все-таки меньше мамы. И главное, музыку любить он не перестал, хотя теперь стеснялся при всех «прилипать» к экрану, когда выступали

оркестры. Приснившуюся музыку капелю он не забыл и по-прежнему напевал ее в хорошие минуты. Тем более что мартовский день с капелю снился ему еще не раз, словно напоминал о чем-то...

Вот и теперь Вася опять видел этот сон. А потом и его продолжение, про дождик...

И пока Вася спит, есть время о многом рассказать по порядку.

КОЕ-ЧТО ПРО ЖИЗНЬ

В школе Васю звали только по фамилии. С первого дня — «Перепелкин» да «Перепелкин». Виновата в этом Инга Матвеевна. Ну, может быть, и сам Вася виноват, но она все-таки больше.

Первого сентября высокая учительница с длинным красивым лицом и немигающими глазами стала знакомиться с первоклассниками. Отчетливо сказала, что будет вызывать каждого по списку и каждый вызванный должен вставать и говорить «я». И началось:

— Аннушкин Петр!

— Я!

— Барбарисова Наталья!

— Я...

— Вовченко Валерий!

— Я-а-а...

— Не «я-а-а», а твердо — «Йя»!

— Ага. Йа-а-а...

— О Господи... Гришина Вероника!..

...Вася уже хорошо знал алфавит. И терпеливо ждал буквы «П». И вот:

— Панченко Маргарита!

— Я...

— Пере... палкин Василий!

Никто не отозвался.

— Что такое? Я сказала — Перепалкин! Нет такого?

Вася подумал и нерешительно встал.

— Может быть, Перепелкин? Тогда это я.

— Ты — Василий?

— Конечно, Василий, — разъяснил он непонятливой Инге Матвеевне. — Только не Перепалкин, а Перепелкин. А если

там написано «Перепалкин», тогда это не я. Посмотрите, пожалуйста, дальше, может быть, там есть еще и настоящий я?

— Никого больше нет! Перепалкин Василий! Значит, это ты.

— Да, но только я не...

— Я поняла! Видимо, здесь перепутались буквы, вот и все. Невелика разница. Сядь.

Вася не сел.

— Нет, разница очень велика, — терпеливо разъяснил он, потому что любил ясность. — Фамилия «Перепалкин» — это, видимо, от слова «перепалка». То есть когда люди спорят и ссорятся. А «Перепёлкин» — от слова «перепёлка», птица такая. Перепелки живут в полях и лугах. Если птенцам перепелки грозят опасностью, она притворяется раненой, бежит под носом у охотника или зверя и уводит его от гнезда, нам про это еще в детском саду рассказывали.

Инга Матвеевна приоткрыла рот и наконец мигнула. И сообщила, что здесь не детский сад, а школа (которая скоро станет гимназией) и словесные перепалки между учеником и учителем тут непозволительны. Пусть Перепал... Перепёлкин сядет и не мешает дальнейшей проверке состава класса по утвержденному списку.

Вася хотел объяснить, что вовсе не устраивал перепалку, а только пытался рассказать о разнице между ссорой и птицей, но его соседка Маргарита Панченко (умная девочка) потянула его за подол нового пиджачка. Шепнула:

— Сядь, Перепёлкин. А то хуже будет...

Вася не понял, что должно быть «хуже». Но послушался. Потому что Инга Матвеевна вызывала уже первоклассников на другие буквы: Раскатов... Уткина... Юдин... Ярцева... И ничью фамилию больше не перепутала. Впрочем, и Васину фамилию она теперь всегда говорила правильно. И отчетливо. Других она чаще называла по имени (а по фамилии — если только сердилась), Васю же всегда: «Пере-пёлкин». Васю это не то чтобы огорчало, но удивляло. Однажды он поднял руку и спросил:

— Инга Матвеевна, скажите, пожалуйста, почему другим мальчикам и девочкам вы говорите «Петя», «Саша», «Лена», а мне обязательно «Перепёлкин», а не «Вася»?

Инга Матвеевна посмотрела, не мигая, и сухо сказала:

— Потому, Перепёлкин, что у нас в классе еще три Васи. Я не хочу, чтобы вы запутались.

— Но ведь Копейкину, Мохову и Сергиенко вы говорите «Вася», а мне никогда.

— Дело в том, что эти Васи не рассуждают так много, как ты. Сядь, пожалуйста. Все слушайте домашнее задание...

Вася не сел сразу. Хотел еще разъяснить Инге Матвеевне, что он вовсе не рассуждает «так много», это во-первых, а во-вторых, имя человека и любовь к рассуждениям никак не связаны друг с другом, потому что... Но Маргарита Панченко привычно дернула его за полу.

— Сядь, Перепёлкин. Опять скребешь на свою голову...

Все ребята в первом «Б» тоже звали его по фамилии, как учительница. Видимо, сперва брали пример, а потом привыкли...

В конце сентября состоялось родительское собрание. Васины мама и папа пришли на него вдвоем. Инга Матвеевна стала рассказывать родителям, как обстоят дела в первом «Б»: кто как себя ведет, кто учится старательно, а кто не очень. Про Перепёлкина сказала:

— Неглупый мальчик, да. Но то и дело пытается рассуждать. Где надо и где не надо...

— Простите, но семилетнему мальчику, наверно, еще трудно разобраться, где рассуждения нужны, а где нет, — осторожно заметила мама.

Инга Матвеевна ответила, что «если трудно, незачем этим заниматься вообще; главная задача первоклассника — сидеть и внимательно слушать учительницу».

— Но мне казалось, что способность к рассуждениям — одно из свойств, которые школа должна прививать своим питомцам, — осторожно сказал папа.

— Это свойство они обретают самостоятельно. Причем слишком рано и в больших количествах, — сообщила Инга Матвеевна. — А как быть учителю? У меня в классе двадцать восемь человек, и если с каждым я буду пускаться в словопрения, как вести уроки?..

Мамы, папы и бабушки сочувственно загудели: в самом деле — как?

— Взять того же Перепёлкина. Недавно подымает руку и задает очередной вопрос: почему все должны учиться чтению по букварю, если многие дома уже читают толстые книжки? Я говорю: «Потому что такая школьная программа». А он: «Но ведь люди все разные, значит, и программы надо сделать разные». Представляете, какой министр просвещения! Где я

возьму отдельную программу на каждого? Есть утвержденные учебные планы!

— М-да... — негромко произнес папа.

— Я не понимаю: что вы хотели сказать вашим «м-да»? — спросила Инга Матвеевна.

— Я хотел сказать «м-да...» — сухо разъяснил папа.

Дома родители заспорили. Мама сказала, что своим глупым замечанием папа навсегда испортил ребенку школьную жизнь. Учительница станет «отыгрываться» на мальчике.

— Но что я сказал? Одно коротенькое слово!

— Это коротенькое слово обойдется Василию длинными бедами на долгие годы! Она и так-то его не жаловала, а теперь...

— Но разве я виноват, что она такая ду... думает, что детей надо стричь под одну гребенку!

— Это не она, а вся школьная система! Иди со своими претензиями к министру или президенту! А учителя — несчастные люди! У них крохотная зарплата, а в классах каждый второй — дебил!

Папа сказал, что можно он пойдет к президенту завтра или на той неделе? А сейчас он чертовски устал и хотел бы посмотреть передачу «Футбольный клуб».

Мама сказала, что футбол всегда интересовал папу больше собственного ребенка.

Папа сказал, что не всегда, а по субботам. Мама сказала...

— Василий, марш к себе! Нечего слушать, как отец говорит глупости!

Вася ушел за ширму. Там стояло навсегда раздвинутое кресло-кровать с Васиной постелью и письменный столик с лампой под желтым пластмассовым абажуром. Вася сел к столу и стал включать и выключать лампу (за окном синели ранние сумерки). Деревянная ширма (старинная, подарок тети Томи, когда Вася родился) была с окошечками, затянутыми разноцветной бумагой. Тугая бумага усиливала любой звук (называется «резонанс»). Каждое словечко родительского скандала было слышно даже лучше, чем в комнате, хотя мама с папой старались приглушать голоса. Впрочем, Вася и не слушал, он все знал заранее, наизусть.

Эти ссоры, с чего бы ни начинались, раскручивались по одному плану. В конце концов мама обязательно скажет, что «незачем было жениться и заводить ребенка». Папа ответит, что ребенок у него замечательный, а вот мама его (то есть Ва-

сина) «при всех своих положительных качествах» кого угодно отправит на тот свет «своей женской логикой».

Вася знал, что вообще-то логика — это наука о рассуждениях, но «женская логика» — кажется, наоборот.

Наступит момент, когда мама сильно округлит ставшие мокрыми глаза (это не видно из-за ширмы, но Вася знает) и спросит полушепотом:

— Ну почему, почему ты так меня ненавидишь?

А папа скажет «о Господи», уйдет на кухню, сядет на табурет за холодильником и закроется газетой «Спортивный бюллетень»...

Сейчас Вася не стал ждать такого финала. Он скользнул из-за ширмы, оказался в коридоре и позвонил тете Томе.

— Можно я у вас посижу?

— Посиди, посиди, голубчик... Что, опять поругались?

— Можно я посмотрю журнал?

— Посмотри, посмотри... И чего их мир не берет? Культурные люди, с высшим образованием, со стороны поглядишь — сердце радуется, какая пара. А порой... Ну, ты не горюй, помирятся...

— Да знаю я...

Они, конечно, помирятся. И будут улыбаться друг другу, и виновато поглядывать на Васю, и так пройдут день-два или неделя, а потом... И опять надо сидеть у себя за ширмой или ускользать к тете Томе и листать там растрепанную подшивку журнала «Живописное обозрение». Журнал ужасно старинный, достался тете Томе еще от ее бабушки. Читать его трудно, всякие там старинные буквы, однако картинки интересные. Например, есть рисунок под названием «Соперники». Там по бурному морю мчится корабль с белоснежными парусами, а рядом с ним, у верхушек мачт, — старинный самолет с полотняными перепончатыми крыльями — тоже белыми, как паруса. Вот такие были самолеты сто с лишним лет назад, как птицы.

Кто кого перегонит?

Вася был за парусник. А на самолет он смотрел с тревогой. Может, этот легонький аэроплан сперва и окажется впереди, но надолго ли? Ведь корабль может под ветром бежать сколько угодно, а в баке самолетного мотора много ли горячего? Не случится ли, что эта склеенная из реек и ткани птица не дотянет до берега? И тогда — что? Волны-то вон какие...

Инга Матвеевна не стала «отыгрываться» на Васе. Но и не хвалила за успехи. Хорошо, что в первом классе не ставят отметок, говорила она, а то быть бы Перепёлкину сплошным троечником. Лучше бы он не рассуждал по всяким пустякам, а постарательнее думал над задачками... А он больше и не рассуждал. Разве что иногда, редко. Но все равно в классе считалось, что «Перепёлкин у нас шибко умный». Наверно, поэтому и крепкими друзьями-товарищами он не обзавелся. Хотя и ссорился редко. Его почти не задирали и не дразнили, потому что Инга Матвеевна однажды сказала:

— Пожалуйста, не обижайте Перепёлкина, с плаксами надо быть осторожными.

Это было неправильно. Никакой он не плакса. Случилось, правда, что раза два пускал слезу от вредной дразнилки или от крепкого ушиба, но с кем не бывает? Но рассуждать с Ингой Матвеевной на эту тему Вася не стал. Тем более что Маргарита Панченко посоветовала шепотом:

— Не связывайся, плюнь...

В общем, доучился Вася в первом «Б» до летних каникул. Дотянул, как говорится. Каникулы были замечательные. Впервые, очень длинные, во-вторых, очень интересные, потому что Вася с мамой и папой ездил в город Бердянск, на Азовское море, к папиным друзьям. Там прожили среди южного приморского тепла целый месяц. А кроме того, по дороге заезжали в Москву, где Вася тоже насмотрелся много чего интересного. И самое замечательное было то, что родители в поездке почти не ссорились (всего четыре раза).

Домой, в родной город Осинцев, вернулись только в начале августа. Но и здесь Вася не скучал. Было тепло, как на Юге. Можно гулять целыми днями. И Вася гулял.

Осинцев — не очень большой город, но и не очень маленький. Некоторые кварталы его большущие и многоэтажные, как в Москве, но к таким кварталам там и тут жмутся другие — старые, одноэтажные. Рядом с Васиной новой девятиэтажкой тянется заросшая лопухами Луговая улица с бревенчатыми домиками, палисадниками и огородами. Неподалеку много пустырей с чертополохом и полынью. Пустыри пересекает овражек, в котором воркует среди ивняка и осоки ручей. В осоке живут веселые лягушата и пожилые добродушные жабы. Иногда Васе кажется, что обитают в овражке и мелкие ручейковые гномы, хотя ни с одним он пока не встречался.

На пустырях и в зарослях можно играть одному — в путе-

шественика среди всяких неведомых джунглей. А еще среди пустырей попадаются поляны с невысокой ровной травой, где знакомые ребята гоняют футбольные мячи. Вася с ними тоже гонял иногда. Правда, не очень у него получалось и некоторые мальчишки ворчали, что «этот мелкий только путается под ногами». Но шестиклассник Вовка Садовкин — Васин сосед и авторитетная личность — решительно потребовал:

— А ну, кончайте базар! Должен же человек учиться!

И у Васи от благодарности даже зашипало в глазах.

А еще папа брал Васю на работу, в Институт керамики, там бородастые молодые сотрудники учили «коллегу Василия» обращаться с компьютером. Показывали всякие игры. Целую неделю Вася был от этих игр без ума. Уговаривал маму и папу купить хоть самый простенький компьютер, чтобы заниматься с ним дома. Папа обещал подумать, а мама округлила глаза:

— С такими безумными затратами мы до конца дней будем жить в нашем однокомнатном курятнике без телефона и без приличной мебели!

Впрочем, скоро компьютерные забавы Васе приелись. Они были похожи одна на другую. Там все время надо было куда-то бежать, кого-то догонять, в кого-то стрелять, чтобы тебя самого не подстрелили или не взорвали. И Вася наконец почувствовал, что старенький домашний «видик» ему дороже: можно снова и снова смотреть ленты про Буратино, Тома Сойера и Маугли. А еще лучше — читать про этих замечательных ребят книжки. Мама с папой, поругавшись очередной раз, уснут, а ты приткнешься к столику, заслонишь лампу картонкой, чтобы не просвечивала сквозь ширму, и окунаешься с головой в знакомые, но все равно чудесные приключения...

Потом опять пришел сентябрь, и Вася оказался во втором «Б». Но ненадолго. Потому что случился скандал.

Дело в том, что в класс поступила новенькая. Мика Таевская. Славная такая. Когда Вася смотрел на Мику, у него внутри делалось тепло и пушисто. Глаза Мики были похожи на коричневых бабочек. Если Мика взмахивала ресницами, казалось, что бабочки машут крыльями. Конечно, Вася стеснялся своих чувств — и перед Микой, и перед ребятами, и даже перед собой. А Мика на него почти не смотрела. Потому что чего на него смотреть — самый обыкновенный, ни красоты в нем, ни героичности. Тощий, с худым треугольным лицом, с непонятно какими глазами — то ли серыми, то ли жидко-кариными. С белобрысыми длинными прядками. И рот по-

стоянно приоткрыт и округлен, будто от удивления... Вася перед зеркалом сердито сжимал губы и отворачивался от своего отражения. Но про Мику все равно думал постоянно.

На третий день таких мыслей Вася рассудил, что под лежащий камень вода не течет, победил нерешительность и написал письмо:

«Мика ты мне очень нравишься. Давай дружить если ты захочешь. Я могу провожать тебя после уроков домой и носить твой ранец если тебе тяжело. И если тебя кто-нибудь затронит буду за тебя заступаться. Я по правде сказать не очень смелый но все равно буду если надо честное слово. Твой одноклассник Перепёлкин Вася».

А в конце приписал две стихотворные строчки:

Ты хороший человек
Буду я твой друг навек.

В тексте не было запятых и попадались ошибки, но в целом письмо как письмо, не хуже всех тех, что пишут в таких случаях. По крайней мере, понятное и честное, не правда ли?

Вася разыскал в подзеркальном ящике чистый конверт (даже с маркой), запечатал бумагу и потом всю ночь неважно спал от волнения. Назавтра, в классе, он незаметно сунул письмо в Микин ранец. Это было на первой перемене. На других переменах он боялся близко подходить к Мике и смотреть на нее. А на уроках смотрел — на ее затылок с темными кольцами волос и на красный с белыми горошками бант. (Мика сидела на первой парте, а Вася на третьей.) Мика ни разу не оглянулась. У Васи все больше чувствовалась под сердцем нехорошая пустота. И оказалось, что не зря.

В начале четвертого урока Инга Матвеевна достала из классного журнала белый конверт с зеленой маркой, и Вася сразу узнал его. Инга Матвеевна устремила на Перепёлкина взгляд.

— Перепёлкин, это твое сочинение?

Вася понял, что сейчас умрет. Но умирать надо с достоинством — не прячась в заячьей норе, а как на поле боя. Даже если ты «по правде сказать не очень смелый». Это подтвердит вам герой из любой книжки — и Маугли, и Том Сойер, и юный мушкетер Яшка Рыбохвостов, и даже Буратино. Вася встал.

— Конечно, мое. Там ведь подписано. Чья подпись, значит, того и письмо...

— Не рассуждай! Кто тебе разрешил писать такие письма?! Это был глупый вопрос. Даже детсадовским ребятам по-

нятно, что на письма разрешения не спрашивают. И Вася сказал:

— Но я же не вам его написал.

— Да, ты сочинил его для Мики Таевской! Но Мика умная девочка и знает, что о всяких таких глупостях следует сообщать учительнице.

Вася (не забывайте, что он собрался умереть и ему было все равно) бестрепетно глянул в немигающие глаза.

— Вы всё придумали! Никаких глупостей там нет!

— Ах, придумала? Ах нет?! Тогда слушайте.

Громким голосом Инга Матвеевна отчеканила письмо.

Кто-то нерешительно хихикнул. Раз, другой. Мика сидела неподвижно, даже бант ее ничуть не шевелился. И Вася понял, что все кончено. Если даже она теперь глянет на него глазами-бабочками, в душе его ничего не дрогнет. Конечно, Вася не был плаксой, и капли на его ресницах оказались случайно. Он махнул ресницами так сердито, что капли полетели во все стороны. И одна попала на щеку Маргариты Панченко — та сидела рядом.

— По-моему, эта Таевская свинья и ябеда, — тихим шепотом сообщила Маргарита. — Если бы мне написали такое, я бы никогда...

— По-моему, Таевская — свинья и ябеда, — отчетливо сказал Вася, глядя на неподвижный бант с горошками. Бант дернулся. А Инга Матвеевна возвысила голос до небывалого звона:

— Как! Ты! Смеешь! Да я... за это тебя на педсовет! И это письмо... там... всем!..

Вася снова взмахом ресниц сбросил капли — теперь уже с окончательным бесстрашием.

— А чужие письма читать нельзя.

— Учителю можно всё!

— Никому нельзя.

— Кто тебе это сказал?!

— Это все на свете знают. И в книжках написано.

— Я смотрю, ты уж-жасно начитанное дитя!.. Пусть отец и мать сегодня же явятся в школу! А ты... немедленно извинись перед Микой Таевской.

Вася вдруг почувствовал, что он успокаивается. Словно в нем, как в телевизоре, переключили канал — с ужасика на передачу «Спокойной ночи, малыши». Он вздохнул. И выговорил, глядя мимо банта:

— Таевская, извини меня, что я громко сказал, что ты свинья и ябеда и теперь все про это знают. И постарайся больше не делать таких свинств...

Инга Матвеевна задышала, как старый паровоз на запасных путях.

— Вон из класса! И без родителей в школу ни шагу!..

Второклассники учились во вторую смену. Поэтому дома Вася не долго томился один, почти сразу пришли с работы мама и папа. Вася собирался гордо и прямо рассказать про школьный скандал. Потому что ни в чем он не виноват! Ведь не замуж идти предлагал он этой Таевской, а просто подружиться по-человечески. Вот папа, например, говорил, что у него еще в детском саду была любимая подружка (правда, не мама).

Но гордого рассказа не вышло. Едва мама вошла и глянула на Васю, как сразу спросила:

— Что с тобой случилось?

И Вася расплакался. Вздохнул. И всю историю с письмом рассказал сквозь громкие всхлипы и отчаянные слова, что в школу больше не пойдет.

— Ну и дела... — сказал папа, когда Вася наконец успокоился (не совсем, а слегка).

— Что значит «ну и дела!» — возмутилась мама. — Твои пустые восклицания здесь не помогут!

«Сейчас опять поругаются», — тоскливо подумал Вася.

Но мама и папа на этот раз не поругались. Они дали Васе холодного молока (хорошее средство от слез) и пошли в школу.

Вернулись родители не скоро, часа через два. Оказалось, что в школе они угодили прямо на педсовет. Он был не из-за письма, конечно, а просто очередной, но тут речь сразу пошла о Перепёлкине. Подробностей Вася никогда не узнал (незачем школьникам знать педсоветовские разговоры). Но все же мама проговорила, что Инга Матвеевна негодовала: «Что будет, если с восьми лет школьники начнут крутить романы, а не заниматься учебным процессом!» А другая учительница, пожилая Полина Аркадьевна, сказала: «Господи, да что было, то и будет, как во все времена...» А потом предложила Васиным папе и маме: «Знаете что, давайте мне вашего Перепёлкина в мой класс. Я не боюсь тех, кто рассуждает, сама такая. И место как раз есть, Юрий Ромкин уехал с родителями в Канаду...»

И на следующий день Вася пошел во второй «А».

Полина Аркадьевна была спокойная и не сердитая. И ребята были не вредные, не хуже, чем в прежнем классе. Правда, и здесь Васю стали называть только по фамилии — видимо, эта привычка переташилась сюда из второго «Б», и ничего с этим не поделаешь. Лишь Полина Аркадьевна иногда спохватывалась и говорила «Вася» (и даже «Васенька», если получал пятерку).

Васиным соседом по парте оказался Шурик Кочкин (раньше с ним сидел уехавший Ромкин). Шурик был хороший, добрый, одна только беда — он ужасно увлекался шахматами и почти ни о чем другом не мог говорить. А Вася в шахматы играл еле-еле. Понятно было, что большими друзьями с умным очкастым Шуриком они не станут. И все же, когда на перемене подошла Маргарита Панченко и спросила: «Ну как ты себя чувствуешь на новом месте?», Вася бодро ответил:

— Лучше всех!

Ему и в самом деле было неплохо. Про Мику Таевскую он почти не вспоминал (больно она нужна!), за окнами стоял чудесный, по-летнему жаркий сентябрь, а Полина Аркадьевна никогда никого не ругала.

Однажды на уроке чтения на скамейке между Васей и Шуриком завозилось что-то непонятное. Живое. Вася глянул и обмер. Там сидела и умывалась передними лапками крыса! Конечно же, Вася понял, что сейчас завопит и кинется прочь. Но... Шурик почему-то не кидался и не вопил. Он посадил жуткого зверя себе на клетчатые форменные штаны и шепотом сказал:

— Не бойся, это Вовчик, он добрее всякой кошки. И старый. Почти все время спит...

Однако сейчас этот зверь по имени Вовчик не спал, а поглядывал на Васю. Вася проглотил комки страха, сжал в себе противную дрожь и попытался рассуждать здраво. Конечно, с одной стороны, это настоящая крыса — с острой усатой мордой и противным голым хвостом. Но с другой... ясно, что ручная. И не кусачая. И выражение на мордочке вполне славное, дружелюбное даже.

— Хочешь познакомиться? — шепнул Шурик.

Вася не был уверен, что хочет. Но Шурик сгрел Вовчика и усадил его на Васиные брючки (такие же клетчатые; Вовчик, наверно, и не заметил разницы). Вася опять вздрогнул: теплый кожаный хвост змейкой скользнул по голой коленке. «Мамочка...» Но что делать-то? И Вася сделал то, что полага-

лось. Дрожащим мизинцем погладил серо-коричневую шерстку на крысиной спинке. Вовчик снова сел на задние лапки, стал принахиваться к пуговке на клетчатой безрукавке. Вася вздохнул и погладил опять...

— Ну вот. Опять ты притащил с собой несчастное животное... — Оказалось, что к парте подошла Полина Аркадьевна. — Сколько раз я объясняла, что здесь у нас не живой уголок...

— Да не тащил я его! — взмолился Шурик. — Сам забрался в рюкзак! Он всегда так: спрячется в какую-нибудь сумку, чтобы поспать, а потом вылезает, где не надо!

Все оживились, завытягивали шеи. Но без лишнего любопытства. Оказалось, что с добродушным крысом Вовчиком в классе все знакомы давным-давно. И никто его не боялся, даже самая писклявая девчонка Марина Бусина.

— Спрячь сейчас же, — велела Шурику Полина Аркадьевна. — И пусть спит дальше. А ты иди рассказывать стихотворение... А если еще раз принесешь Вовчика на уроки, я вас обоих отправлю к Валерьяну Валерьяновичу.

— Валерьян Валерьяныч тут же помрет, — подал голос с задней парты самый языкастый ученик второго «А», Дима Шерстнев. — Он боится всех зверей мышиной породы, даже электронных.

— Кто тебе сказал такую глупость? — удивилась Полина Аркадьевна.

— Брат сказал, он в девятом классе учится. Валерьян Валерьяныч даже в компьютерный класс никогда не заходит, потому что там тоже мышки, с хвостатыми проводами...

Все развеселились. Но никто не поверил, что Валерьян Валерьянович боится мышей. Он был очень строгий и, значит, — бесстрашный. Конечно же, он никого не боялся, а его боялись все.

...Видите, автор этой повести никак не может добраться до истории с Колесом — что это за штука и откуда. Но без рассказа о Валерьяне Валерьяновиче ничего не будет понятно. Поэтому сначала — о нем.

ДЖУНГЛИ

Валерьян Валерьянович Игупкин был завуч. Эту должность можно сравнить вот с чем. На кораблях бывают капитаны, они руководят плаванием, а у капитанов есть старшие по-

мощники, старпомы, — они ведают порядком на корабле. А в школе, у директоров, такие старпомы — завучи. Поэтому завуча иногда боятся даже больше, чем директора. Ведь именно завуч отвечает за дисциплину и знает всех ее нарушителей. И всегда следит за выполнением школьных правил.

Валерьян Валерьянович очень любил школьные правила. Но считал, что у этих правил есть большой недостаток — их мало. Время от времени он придумывал дополнительные. Например, что сменная обувь должна быть только на кожаной подошве (чтобы резина не пачкала паркет). Или что виновные в курении старшеклассники должны платить штраф, а потом еще писать сочинение на тему «Почему никотин вреден для моего здоровья и здоровья окружающих меня людей». Один девятиклассник написал такое сочинение в стихах:

Иду я в школу поутру
И вижу — дохлая скотина.
Она сказала мне: «Мой друг!
Погибла я от никотина.

Меня предупреждал Минздрав,
Но я, смеясь, кривила губки.
Теперь я вижу, как был прав
Известный всем В.В.Игупкин».

Ох, я сказать чуть не забыл
От имени скотины бедной:
Для окружающих кобыл
Куренье наше тоже вредно.

Валерьян Валерьянович очень рассердился и снизил авто-ру оценку за поведение, хотя в сочинении все было написано правильно.

А еще Валерьян Валерьянович требовал, чтобы девочки не носили больших сережек и не ходили на каблуках выше трех сантиметров, а мальчики не красили волосы и не появлялись в школе без галстуков. Правда, командовать старшеклассниками у него не всегда получалось (ну их, а то опять сочинят что-нибудь неуважительное). Зато в младших классах наводил он ох какой порядок. Здесь боялись его не только ученики, но даже учительницы — из тех, что помоложе...

В горно завуча Игупкина ценили и ставили в пример. В конце прошлого учебного года (когда Вася был первоклассником) Валерьяна Валерьяновича с учительской делегацией отправили на две недели за границу, в Англию. Школы Бри-

танского королевства поразили завуча из Осинцева. И, вернувшись, он стал в своей школе наводить такие же порядки (тем более что с будущего года школа должна была сделаться гимназией с углубленным изучением Шекспира и Диккенса).

Мальчикам всех возрастов было предписано сделать себе гладкие прически с проборами. А когда из этого ничего не вышло, Валерьян Валерьянович придумал для младших классов особую форму. Девочки должны были носить кофточки из крупноклетчатой рыже-зеленой с черным ткани и такие же юбочки. Мальчикам полагались жилетики из той же материи. В холодную погоду им следовало ходить в темных отглаженных брюках (и никаких там джинсов, бананов и модных пиратских штанов с карманами у шиколоток!), а в теплую надевать брючки до колен, из того же «шотландского» материала.

Родители взвыли: столько расходов! Но куда деваться? В другую школу? Там свои завучи и свои порядки, да к тому же денег за обеды требуют больше...

Правда, зимой было не до формы. Гимназия задолжала плату за отопление фирме «Осинкалорифер», и часто приходилось на уроках сидеть в свитерах, а то и в пальто и куртках. Но зима кончилась бурным таянием снегов, пришел май с неожиданно жарким, как в июле, солнцем, и Валерьян Валерьянович опять начал наводить в школе блеск и порядок.

Мама достала из шкафа «шотландские» брючки и безрукавку.

— Ну-ка надень. С декабря не носил, может быть, уже вырос из них...

Оказалось, что не вырос. Но все равно Вася морщился, как от больного зуба.

— Не кривись. Очень славный костюмчик. Не правда ли, Олег? — Мама глянула на отца.

— Правда, — хмыкнул папа. — Только в этой клетчатой униформе дети похожи на узников Синг-Синга.

— На кого?! — обрадовался Вася.

Папа объяснил, что в давние времена была не то в Англии, не то в Индии знаменитая тюрьма с таким названием. Там заключенные носили робы в крупную клетку.

Мама сказала, что для любителей безответственной болтовни такая тюрьма — самое подходящее место.

Вася поддержал папу:

— Клетки такие, что, когда сидишь в этих штанах, кажется, будто на твердой решетке.

Мама пообещала нарисовать ему дополнительную решетку, ремнем. Тогда он вообще не сядет долгое время. Вася только вздохнул: пустые слова. Сроду его так не воспитывали. Если он был в чем-то виноват и мама бралась его прорабатывать, папа тут же заступался. Если сердился папа (что бывало реже), вступалась мама. И кончалось тем, что они начинали спорить между собой. Иногда Вася тоскливо думал: «Уж лучше бы отлупили, чем ругаться друг с дружкой...» Но, чтобы отлупить виноватого сына, между родителями должно быть согласие, а здесь — как?

Правда, иногда мама пыталась продемонстрировать такое согласие. Грозил: «Еще одна двойка, и мы с папой договоримся отправить тебя в детдомовский интернат!» Вася привычно вздыхал. Сдать человека в такой интернат можно только, если он сирота или если его отец и мать лишены родительских прав. А у него-то, слава Богу, не лишены...

Мама послала папу в магазин за фасолью и майонезом, а Васе велела снять костюм: «Надо погладить».

И тут судьба сделала Васе подарок.

Пока мама возилась с утюгом и доской, Вася решил повесить у себя за ширмой пластмассовую модель самолетика (старинного, как на картинке в журнале). Для этого надо было прибить к стене специальный угольник. Вася решил прибить повыше. Поставил стул на диван-кровать. Стул качался, но Вася решил, что это ничего. Забрался, потянулся вверх с молотком и гвоздем. Стул вывернулся из-под ног. Трах!..

— А-а-а...

Мама влетела за ширму.

— Что с тобой?! Ты живой?!

— Живой... только ой... — Вася, сидя на полу, держался за локоть и за лоб.

— Что? Очень больно?

Было не так уж больно, однако Вася мужественно втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Страдаю, мол, но я не плакса. А на самом деле он коварно тянул время — потому что учуял запах дымка. Мама-то запаха не чуяла, она в панике ощупывала чуть не погибшего сына. Помогла ему подняться. И тогда Вася наконец сказал:

— Кажется, там что-то горит...

— А-а-а! — взвыла в свою очередь мама.

Через минуту она скорбно держала на весу дымящиеся клетчатые останки.

- Посмотри, что случилось из-за твоих глупостей!
- Зато сам я целехонек, — утешил маму Вася.
- Но в чем ты пойдешь в школу в такую жару!
- Можно в «сафари»...

Так назывался костюм песочного цвета, который купили прошлым летом в Бердянске. Тогда он был малость великоват, а к этому году стал в самую пору. Вася нынешней весной уже несколько раз надевал его, когда оставался дома один и устраивал игру в джунгли. Потому что в такой одежде он делался похож на африканского путешественника. Рубашка была с погончиками и с черной ленточкой на груди — на ленточке золотились вышитые буквы «SAFARI». Это, как известно, означает «африканская охота». Стрелять львов, носорогов и всяких других симпатичных зверей было жаль, но Вася нашел выход. Охотился с фотоаппаратом. Воображал, что делает большие разноцветные снимки и потом развешивает эти трофеи у себя за ширмой...

Эх, ему бы еще пробковый шлем, как у англичан в кино про Тарзана, были бы настоящие приключения на экваторе!

Но пробковые шлемы в Осинцево не продавались. Зато продавались панамы. Вроде как у южных пограничников, только не зеленые, а желтовато-серого цвета, почти как костюм. В общем, тоже вполне африканские. И Вася не раз просил маму: «Ну, купи, пожалуйста». Но мама говорила, что до лета еще далеко, что денег кот наплакал, а за квартиру не плачено уже два месяца...

Мама открыла окно, чтобы прогнать дым, и достала «африканский» костюм.

— Тебя в таком виде и близко к школе не подпустят.

— Можно нарисовать клетку, — посоветовал только что вернувшийся папа. Порой у него (не всегда к месту) прорезалось чувство юмора.

Мама посмотрела на папу долгим взглядом, дождалась, когда он закашлялся (не от дыма), и отчетливо объяснила, что вопрос не в клетках, а в карманах.

— Вам, по-моему, известно, как в школе относятся к лишним карманам.

Относились отрицательно. Валерьян Валерьянович считал, что чем больше карманов, тем больше ученик может принести в школу ненужных и опасных предметов: спички, жвачки, мя-

чки для пинг-понга, фишки для запрещенной игры в «думки», пишалки, стрелялки и даже тьюбики с клеем «Момент». На клетчатой форме разрешался лишь один карманчик — нагрудный, для платочка.

А на «сафари» карманов полным-полно — и накладные, с пуговицами, и внутренние, с молниями... А на шортах, кроме того, широкие отвороты, за которые тоже можно прятать всякие мелкие вещицы.

Вася сказал, что «ну, не съедят же, в конце концов, и не прогонят же».

Мама сказала, что могут и прогнать и «будут совершенно правы».

— Не-е... Мама, купи панаму, а? Ты обещала к лету, а уже почти лето...

— Однако к лету зарплату почему-то не прибавили... И кроме того, сегодня воскресенье, магазины закрыты.

— А киоски на площади открыты!

— Но денег от этого не стало больше!

Вот она, женская логика. Вася посмотрел на папу. Тот укоряющей глянул на маму и развел руками: мол, сам понимаешь... Вася понимал. И мысленно махнул рукой: ладно уж, а то опять поругаются.

И все-таки мама купила панаму!

В понедельник, в полпервого, она, как обычно, «забежала» с работы домой, чтобы проводить сына в школу.

— Уроки сделал?

— Ага...

— Не «ага», а «да»! Завтрак съел?

— Да я обед уже съел, суп и сосиску! Только что! — похвастался Вася, ловко уходя от вопроса о завтраке.

— Кроссовки вычистил?

— Да я их еще вчера вычистил!

— Ну, молодец. Тогда держи... — Мама протянула сверток.

— Ой... Ура!

Панамы была в точности под цвет рубашки и штанов. И с черной ленточкой, как на кармане. Вася подпрыгнул, чмокнул маму в щеку и закрутился на пятке перед зеркалом в прихожей. Потом подхватил рюкзачок.

— Мама, я пошел!

— Куда? До уроков целый час!

— А я не спеша! Прогуляюсь!

Конечно, он решил не просто прогуляться, а устроить экспедицию в джунгли.

Была середина мая, а солнце жарило по-июльски. Деревья и кусты стояли совсем зеленые, набирали цвет яблони и сирень. На пустырях вблизи овражка, среди молодых сорняков и прошлогодних сухих репейников слышалось жужжание всякой крылатой мелочи. В ручье звонко вякали лягушата. Это были африканские лягушата в зарослях у реки Конго. А всякие вредные колочки были крокодилами...

Вася щелкал фотоаппаратом. Это был игрушечный пластмассовый аппаратик — такой, из которого при нажатии кнопки выскакивает на пружине клоунская рожица. Но Васе и не нужен был другой. Для придуманных зверей годится любая фотокамера.

Вася прокрался сквозь чащу к поляне, где паслись жирафы и зебры. Щелк... На ветках одинокого пузатого тополя (как баобаб) он снял вертявых мартышек. Затем вплотную придвинулся к пыльному косматому льву. Дождлся, когда тот распахнет разовую с белым частоколом зубов пасть. Щелк... Лев разинул пасть еще шире и утробно рыкнул.

— Да брось, — сказал Вася. Он во всей своей охотничьей красе отражался в круглых львиных глазах. — Мы же давно знакомы. — И начал выбирать из львиной гривы сухие репы. Лев смущенно посапывал и шевелил кисточкой на хвосте...

Была еще встреча с носорогом, который оказался не столь воспитанным, как лев. Пришлось уносить ноги. По желтой от одуванчиков и мать-и-мачехи канаве Вася примчался на самый край пустырей. Совсем рядом была своя многоэтажная улица. А еще ближе, за сухим серым бурьяном, краснело длинное кирпичное строение. Это был недавно построенный склад для торговли мебелью. У стены что-то делали двое рабочих. А может, не рабочие, а диверсанты?

Вася притаился за шуршащей чащей. Дядьки в синих робах бетонировали фундамент. Совковыми лопатами брали с носилок густую серую кашу и размазывали по земле вдоль нижнего ряда кирпичей. Впрочем, они уже кончали работу. Очень скоро прихватили носилки с лопатами и ушли за угол... А слева от

Васи что-то зашуршало. Он по-охотничьи обернулся и увидел тощего серого кота.

Возможно, это был тот самый кот, который завтра вечером встретится Васе у мусорного контейнера. Но в этот момент ничего такого Вася знать не мог. Сейчас это был леопард, вышедший за добычей.

Вася навел на хищника объектив — шелк! Зверь пренебрежительно дернул хвостом и трусцой двинулся прочь.

— Эй... кис-кис...

Конечно, леопардов так не окликают, но надо было задержать его, чтобы охота не кончилась так быстро. Кот, однако, рассуждал иначе. Когда Вася двинулся следом, этот «леопард» перешел на крупную рысь и помчался к свежей бетонной полоске. Пересек ее по диагонали. На бегу брезгливо тряхнул лапами и скрылся за дощатой будкой, пристроенной к павильону.

Когда Вася подбежал к фундаменту, он увидел на загустевшем бетоне отчетливые следы растопыренных лап.

«Ну вот, — сразу подумал Вася. — Это на целую вечность». Потому что крепкий домина простоит, наверно, лет сто или двести, бетон сохранится столько же. И кота давным-давно не станет на свете, а следы будут все такие же...

Задумчивая грусть мягко щекотнула Васю, прогнала прежнюю веселость. Он оглянулся — нет ли кого поблизости? — сдернул с левой ноги кроссовку и носок и осторожно вдавил ступню в сырой мягкий бетон, рядом с дощатым поребриком. Зачем? Он и сам не мог объяснить. «И меня уже не будет, а след сохранится...»

Вася постоял с минуту, глядя на отпечаток с круглой пяткой и слегка оттопыренным большим пальцем. Особой печали он не чувствовал, но задумчивость не уходила. Потом Васе показалось, что сзади зашуршали сухие стебли. Он быстро обернулся. Никого не было.

Вася торопливо натянул носок и башмак и заспешил на Луговую улицу — самую короткую дорогу к школе. Наверно, уже пора... На перекрестке Луговой и Савельевской Вася глянул на большие часы над аптекой. Какое там «пора»! Уже «сверхпора»! Вот это поохотился!

До школы оставался квартал, но времени уже — ни полминутки. Вася помчался. Царапины на ногах зудели, но некогда было почесаться.

ЛЕСТНИЦА

Он опоздал. По часам в школьном коридоре было видно, что уроки начались две минуты назад. Ну ладно, Полина Аркадьевна скажет «больше не опаздывай», только и всего. Вася сдернул панаму, сунул ее под погон и бросился к лестнице.

— Стоп, козявка! — На нижних ступенях возник дежурный. Здоровый такой парень из девятого или десятого. Лицо его было похоже на свежий каравай с проткнутыми пальцем дырками. — Куда это ты, такой красавчик?

— Пусти!

«Каравай» не пустил. Для того дежурные и поставлены (и даже специально освобождены от уроков), чтобы разбираться с нарушителями.

— Как твоя фамилия?

Подумаешь, испугал! Пусть записывает!

— Перепёлкин моя фамилия, из второго «А». Пусти!

— Ну какой же ты Пере-пёлкин? Ты еще не «пере...», а «недо...». Недо-пёлкин, — снисходительно разъяснил «Каравай».

— Сам такой, — сказал Вася. Потому что понимал: драться здесь этот тип не посмеет. Пусть попробует, Вася такой крик поднимет — все школа сбежится!

Но дежурный благожелательно разъяснил:

— Я не такой. Я как раз «пере...». Пере-верзев. Не слышал?

— Не слышал. Пусти, мне в класс надо.

— В класс надо приходиться вовремя и в форме, — с удовольствием сказал большущий Переверзев. — А ты с такими карманами. Не знаешь закона? — Он приготовился было скучать сорок минут, а тут вдруг развлечение. — Ну-ка, что у тебя там? Сигареты? Наркотики? Валюта? — И дежурный потянулся к оттопыренному карману на штанах. Там был пластмассовый аппаратик.

«Отберет! Скажет — посторонняя вещь...»

Известно, что Вася не был храбрецом. Но постоять за свои права он все же умел.

— Не лезь! Не имеешь права обыскивать!

— Суслик, — ласково сказал Переверзев. — Это не обыск, а досмотр. Уяснил?

— Все равно не имеешь права! Ты не милиция! Пусти!..

Но «Каравай» ухватил его за плечо.

Вася присел, вырвался и бросился в другой конец коридора, там тоже была лестница. И дежурного на ней не оказалось.

— Стой, бактерия, хуже будет! — вопил вслед «Каравай». Но Вася понимал: хуже не будет. Пусть этот тип только сунется за ним в класс, Полина Аркадьевна ему покажет!

Ах, кабы знать! Когда Вася с разбега взлетел на второй этаж, он чуть не врезался в самого Валерьяна Валерьяновича!

Можно сказать, что вот здесь и берет начало история с колесом (вернее, с Колесом). С этого момента начался путь, который свел вместе Колесо и Перепёлкина. Но тогда Вася ни о чем не догадывался. Он просто остановился с размаха, как пришибленный к месту. И ослабили коленки.

Длинный и худой Валерьян Валерьянович с высоты устремил взгляд на нарушителя.

— Извините... — пробормотал Вася.

— Любопытно. За что же я должен тебя извинить?

— Ну... что быстро бежал.

— Вот как. А почему же ты так бежал?

— Потому что в класс опаздываю... — Вася печально смотрел на узкие блестящие туфли завуча.

— Хорошо. Но, поскольку ты уже опоздал, задержишься еще немного и ответь на такой вопрос...

В этот миг возник рядом запыхавшийся Переверзев.

— Валерьян Валерьяныч! Это Перепёлкин из второго «А»! Мелкий, а такой нахальный! Я говорю: «Почему без формы?», а он...

— Кстати, в самом деле: почему ты не в установленной одежде?

— Сожгли уютюгом. Нечаянно, — вздохнул Вася. — Вчера вечером. А новую ведь сразу не закажешь. И денег нет, и вообще... никакого расчета. Скоро каникулы, а за лето я вырасту. Дети летом быстро растут, особенно руки и ноги... — И Вася для убедительности покачал согнутыми в локтях руками. Длинным рассуждением он рассчитывал смягчить завуча.

А тот... непонятно, смягчился или нет.

— Ну что же, в твоём объяснении есть некое рациональное зерно. Однако мне хотелось узнать о другом. Почему ты поднялся не по той лестнице?

Ох... Вася опять обмяк. В самом деле, он ведь нарушил строжайший закон! Еще зимой, после новогодних каникул, Валерьян Валерьянович всем предписал подниматься на этаж только по правой лестнице, а спускаться только по левой.

Чтобы не было на ступенях лишней суеты и опасных столкновений. Такое правило полагалось выполнять даже учителям. Но с них-то не спрашивали строго, а если нарушит ученик — ох какой скандал сразу!

Может быть, в таком законе и было «рациональное зерно». Однако это если на шумных переменах. А если пусто в коридорах...

— Я торопился... А на той лестнице стоит вот этот... и не пускает. Говорит, досмотр какой-то. А разве он имеет право?! — Вася ощутил в глазах нехорошую сырость, но уже не опускал взгляда.

— Права дежурных оговорены школьным уставом, — уклончиво сообщил Валерьян Валерьянович. — А что касается тебя, Перепёлкин, то нарушение следует исправить. Сейчас ты спустишься на первый этаж, поднимешься, как положено, по той лестнице и после этого ступай к себе в класс. Можешь сказать Полине Аркадьевне, что я просил не наказывать тебя за опоздание.

И только-то?! Вася обрадованно поправил лямки рюкзака. Глянул вниз по ступеням. Почти уже сделал шаг и... не шагнул. Спросил:

— А зачем?

— Что «зачем»? — сдержанно удивился Валерьян Валерьянович. А дежурный Переверзев хихикнул и замигал.

— Зачем спускаться и подниматься, если я уже здесь? И класс мой рядом.

— Затем, что так положено. Ты поступил неправильно и теперь должен исправить то, что нарушил.

— Я не понимаю, — вздохнул Вася.

— Что? Ты? Не понимаешь?

— Не понимаю, что исправлять. Вот если бы я разбил стекло, надо было бы его вставить. Или деньги заплатить. Если бы намалевал что-то на стенке, надо было бы покрасить. А здесь-то что? Спущусь, поднимусь и опять окажусь вот тут. Тогда зачем идти?

— Считай, что это тебе в назидание.

— Как носом в угол, что ли? — тихо спросил Вася.

— Ну... если угодно, считай, что именно так.

Переверзев опять деликатно хихикнул.

Вася почесал кроссовкой изжаленную щиколотку и стал смотреть в сторону. И сказал совсем уже тихо:

— Не пойду...

— Не пойдешь? Вот как?

— Да, — шевельнул губами Вася.

— Можно узнать почему?

— Потому что я не виноват... Я хотел подняться по той... а там вот этот... не пустил... — Ясно, что Васины глаза были совсем уже на мокром месте. Он, кажется, даже чуть всхлипнул. Но упрямо закусил губу.

— Сейчас он не будет тебе мешать, — пообещал завуч. — Можешь идти спокойно.

— Нет...

— Что «нет», Перепёлкин?

— Не пойду... — сказал он через силу.

— Валерьян Валерьяныч, давайте я его за шиворот! Вниз и вверх! — предложил свои услуги Переверзев. — В нем же весу, как в блохе!

— Ни в коем случае! Применение физических мер воздействия запрещено гимназическим уставом. По крайней мере, пока... — (Может быть, завуч Игупкин вспомнил английские школы, где виноватых, говорят, и в наши дни лупцуют линейками по ладоням, и надеялся ввести это правило здесь.)

— Да я легонько, — настаивал Переверзев.

— Отправляйся на свой пост. А Перепёлкин пойдет по лестницам сам. Он это должен.

— Почему я должен? — уже открыто всхлипнул Вася.

— Потому что тебе приказывает завуч школы.

Вася проглотил комок. Подумал.

— А если вы прикажете мне с крыши прыгнуть, я тоже должен?

— Ты рассуждаешь дерзко и неумно! Педагоги не отдают таких нелепых приказаний. Ты считаешь, что я глуп?

Вася так не считал. В общем и целом. Но сейчас приказание завуча было глупым. А главное — обидным.

— Не пойду...

— В таком случае ты будешь наказан гораздо сильнее. А пока я снимаю тебя с уроков. До беседы с родителями. Можешь отправляться домой.

Вася страхнул с ресниц капли и пошел вниз по ступеням.

— А кто будет говорить «до свиданья»? — напомнил вслед Валерьян Валерьянович.

— Никто... — буркнул Вася. Впрочем, тихонько, под нос.

Дома, конечно, никого не было. Вася хотел было пойти к тете Томе и все ей рассказать. Тетя Тома всегда его понимала. Выслушает, пожалеет, а потом еще перед мамой и папой заступится. А пока он просто отведет душу (а может быть, и от непролитых слез освободится, перед ней не стыдно). Но сначала Вася решил немного полежать. Потому что чувствовал себя ужасно вялым, обессиленным. Скинул кроссовки, прилег на диван-кровать, и...

Васю разбудили нервные голоса в прихожей — это пришли мама и папа. А будильник рядом с лампой показывал половину седьмого.

Мама возбужденно восклицала:

— ...А если его нет дома?! Если он куда-то сбежал и... Я сойду с ума!

— Да вот его рюкзак, — перебил ее папа. — Василий, ты дома?!

— Дома... — сипло отозвался Вася и сел.

Они разом вдвинулись за ширму — так, что чуть ее не опрокинули.

— Немедленно рассказывай, то ты натворил в школе! — Это, конечно мама.

— Только спокойно и по порядку... — Это, разумеется папа. Он тискал пальцами треугольный, как у Васи, подбородок.

— А чего рассказывать... — Вася кулаками уперся в постель и стал смотреть за окно. И засопел. — Вам и так уж, наверно, все рассказали...

— Да! Нас обоих по телефону вызывали к завучу! — сообщила мама. Так драматически, словно их вызывали по крайней мере в администрацию президента.

— И Валерьян Валерьянович изложил нам все события, — подтвердил папа. — Но нам хотелось бы услышать, так сказать, твою версию...

— А зачем? — сквозь застрявший в горле комок выговорил Вася. — Вы же все равно скажете, что он во всем прав, а я во всем виноват.

— А ты хочешь сказать, что виноват он? — звонко вознегодовала мама. — Валерьян Валерьянович культурнейший человек и замечательный педагог. Один из лучших в городе! А ты... ты дерзкий мальчишка и глупый скандалист. Мало тебе истории в начале года с твоим нелепым письмом, тебе захотелось еще! Чтобы о тебе говорила вся школа!..

Конечно, надо было сдержанно возмутиться и с достоинством

вом объяснить, как было дело. Вася так и хотел. Но одно дело хотеть, а другое... попробуйте удержать слезы.

— Ну и отдайте меня в интернат... если я... такой...

— Нет, подожди, — заволновался папа и чуть не свихнул подбородок. — Давай рассуждать здраво. Возможно, с одной стороны, ты прав...

— А так не бывает, что с одной стороны прав, а с другой фиг! — выдал со слезами Вася. — Я вам не железный рубль, где орел и решка. Чтоб меня вертеть... Вместо того, чтобы заступиться!..

— Но подожди же! — стискивая локти, воскликнула мама. — Ты думаешь, мы не заступались? Мы сказали Валерьяну Валерьяновичу, что ты справедливый мальчик и что, если ты спорил, у тебя были, наверно, основания, и что... — Она уже забыла, что полминуты назад называла его дерзким мальчишкой и глупым скандалистом.

Вася подтянул к груди колени и уперся в них подбородком. Сырыми глазами по очереди посмотрел на мать и отца.

— Тогда. Почему. Вы. Ругаете. Меня?

Мама сказала очень проникновенно:

— Тебя никто не ругает! Но пойми. У Валерьяна Валерьяновича есть свои принципы. Что будет, если он станет от них отступать перед каждым второклассником? И он требует совсем немного: чтобы завтра ты спустился по одной лестнице и поднялся по другой. Это такой пустяк!

— Не пустяк, — со всхлипом сказал Вася. — Я ему кто? Заводная игрушка, что ли?

— Ты не игрушка, а ученик, который нарушил правила! — Мама опять стала накаляться. — И ты должен...

— Я не специально нарушил! Зачем там этот дурак стоял? Почему он не виноват, а я виноват?!

— Дело не в том, что кто-то виноват, — начал опять папа. — Дело в том, что вступили в противоречие школьная система и личность... Яна, подожди... Василий, давай поговорим, как мужчина с мужчиной...

— А я не хочу, как мужчина! Почему ты не можешь как отец с сыном?! — вырвалось у Васи.

— Здравая мысль, — вмешалась мама. — В самом деле! Парню скоро девять лет, а ты его ни разу не выдрал, как полагается отцу. И вот результат!

— Я, по-твоему, такой же садист, как твой Валерьян Ва-

лерьянович?! — Папа хлопнул ладонью о стол. — Я не привык издеваться над детьми!

— А я, выходит, издеваюсь над собственным ребенком? — Накал в мамином голосе достиг высоких градусов. — Прекрасно! Я могу больше вообще не заниматься его воспитанием! Посмотрим, что из него выйдет, когда наступит переходный возраст!

Вася мелко подумал, что при такой жизни до переходного возраста он не дотянет. Стиснул пальцами скользкие от слез коленки и перестал слушать. Начал мысленно считать до ста, двухсот... И перестал, когда родительский скандал дошел до финала. До коронной маминой фразы:

— Почему ты меня так ненавидишь?!

Но папа на сей раз не стал прятаться за газетой. Видать, у него накопело больше обычного. Папа вздохнул и сказал:

— Очевидно, есть на то причины...

И стало очень тихо.

— Вот как... — слабо выдохнула мама. — Ну что же... Тогда я немедленно уезжаю к тете. И живите тут как хотите...

Тетя была сестра маминой мамы, Васина двоюродная бабушка. Она жила на Сахалине, и Вася не видел ее ни разу в жизни. Да и мама — раза три, не больше. Но в самые напряженные моменты мама заявляла, что уедет к тете. Просто больше ехать было не к кому.

— Да живите как хотите, — жалобно повторила мама. — А я завтра же... Нет, почему завтра? Сегодня же. Сейчас...

Вася понимал, что никуда она не уедет. По крайней мере, сейчас. Как это — не уволившись с работы, не заказав заранее билеты (дорога-то о-го-го какая дальняя, с пересадками). И папа это понимал. И все-таки папа сделался каким-то потерянным. Стал искать в нагрудном кармане очки, которые надевал в самых редких случаях. Друг на друга родители не смотрели. Васе стало горько жаль их обоих. И себя. Вернее, это была смесь жалости и злости на нелепую жизнь. Вася откинулся к стенке, вдавил в мохнатый плед кулаки.

— Ну, хватит вам! Ну, ладно! Если вам так надо, поднимусь я по этой проклятой лестнице! Только не ругайтесь вы, ради Бога! Ну, по-жа-луй-ста...

На следующий день мама с утра отпросилась с работы. Видно, боялась оставлять Васю одного. Сказала, что принесла ему домашние задания, специально звонила из своей конторы

Полине Аркадьевне, чтобы узнать их (ведь вчера-то Вася не был на занятиях).

— Полина Аркадьевна сказала, чтобы ты не волновался и не переживал...

Вася только плечом повел.

Мама осторожно смотрела, как он готовит уроки. Осторожно попросила помочь вымыть посуду. Она вела себя так, словно хотела погладить Васю по голове и не решалась.

Вася решал задачу и примеры, писал упражнение старательно и молча. Так же молча, со сжатыми губами, вымыл три тарелки и два стакана.

Мама приготовила для него вместо рубашки «сафари» белую сорочку с черным галстучком — чтобы он выглядел больше «по-гимназически», хотя и без формы.

«Как для приношения в жертву», — подумал Вася. Он видел историческую передачу про древнюю Америку, там пленников, назначенных для убийства на алтаре, обряжали в роскошные одежды.

Но маме Вася ничего не сказал.

— Почему ты все время молчишь?

— А что говорить?

— Помни, ты дал мне и папе слово сегодня не спорить с Валерьяном Валерьяновичем и делать все, что он скажет.

— Я дал слово, что поднимусь по этой проклятой лестнице.

— И без капризов...

— Без... Совершенно молча.

— Ох, до чего же ты трудный человек... Иди почисти штаны. Где ты вчера успел их так потрепать?

— В Африке, — буркнул Вася.

В коридоре он охлопывал штаны свернутой газетой и думал, что, может быть, завуч уже забыл про второклассника Перепелкина и его оставят в покое.

ВВЕРХ И ВНИЗ...

Сначала казалось, что и правда оставят. Перед занятиями никто ничего Васе не сказал, только Шурик Кочкин спросил:

— Почему тебя вчера не было?

— Горло болело... — Оно ведь и правда вчера болело. Вернее, в нем царапало, от слез...

Четыре урока прошли нормально, а на математике Вася да-

же получил четверку за решенный на доске пример. И он совсем уже успокоился. Ведь урок-то последний! Вот-вот раздастся звонок и можно будет помчаться домой... Но за минуту до звонка Полина Аркадьевна, глядя поверх голов, сухо сказала:

— После урока никто не разбегается. Все берем свои вещи и организованно идем на первый этаж, будет линейка вторых и третьих классов.

У Васи что-то ухнуло под сердцем и обмякло все тело.

«Не пойду!»

«Ты же слово дал...»

«Так не договаривались, чтобы при всех!»

«Никак не договаривались. А слово дал. Упрешься — еще хуже будет...»

«Куда уж хуже-то! Все будут глядеть...»

«Да, может, линейка-то не из-за тебя...»

Но последняя мысль была такая слабенькая, что и не надежда, а так...

Второклассники вереницей пошли по коридору второго этажа, вниз по лестнице. Вася двигался на жидких ногах, будто на казнь.

На первом этаже уже стояли пестроклечатыми шеренгами лицом к лицу два третьих класса и второй «Б». Второй «А» в две линии пристроили рядом. Вася оказался во второй шеренге. Но от этого было не легче.

— А для чего нас построили-то? — шепнул Васе Шурик Кочкин. Он ничего не знал, конечно. Вася закусил губу.

Учительницы во главе своих классов стояли молча и важно, как генералы. Чего-то ждали. Наконец по левой лестнице сошел в нижний коридор завуч Валерьян Валерьянович. Тоже с генеральским достоинством (хотя и тощий). Остановился в начале шеренг. Его черная гладкая прическа блестела, как туфли.

— Дети, — сказал Валерьян Валерьянович громко, но мягко. — На улице прекрасная погода, и можно гулять, играть и радоваться близким каникулам. Но я вынужден задержать вас, чтобы решить один неприятный вопрос. Это касается вашего товарища... Перепёлкин Вася из второго класса «А», подойди ко мне...

На него заглядывались. Юлия Терехина, стоявшая впереди Васи, испуганно отодвинулась. И... что ему было делать-то? Увязая в стыде, как в липкой каше, Вася побрел к завучу. И все

смотрели, как он бредет с головой ниже плеч. И тугой, как резина, воздух забивал ему уши.

Вася подошел. Стал смотреть на кончики блестящих туфель. В них отражались лампы — они горели, несмотря на солнце за окнами.

Завуч легонько взял Васю за рюкзачок и поставил к себе спиной.

— Надо, чтобы все тебя видели и ты видел всех... И не опускай лицо. — (Но Вася все равно опустил. Странно, что глаза оставались сухими.) — Вчера Вася Перепёлкин отличился тем, что за две-три минуты множество раз нарушил дисциплину. Опоздал на уроки. Нагрубил дежурному старшекласснику. Отказался выполнить его требования. И — это самое скверное — нарушил строжайшее правило передвижения по школе. Обругав дежурного, он бросился наверх по лестнице, предназначенной исключительно для спуска. Такое не позволено никому, даже выпускникам. А когда я остановил Васю Перепёлкина и потребовал спуститься обратно и пройти по той лестнице, по которой следует, он заупрямился самым невольительным образом. Казалось бы, что особенного? Да, ошибся, сгоряча нарушил правило, так будь добр хотя бы исправить ошибку... Однако каприз этого второклассника зашел так далеко, что он мне... нет не нагрубил, но отчетливо дал понять, что распоряжение завуча — г л у п о е...

Вася слышал эту речь, как сквозь ватные пробки. Но все же различал слова. И понимал, что вранья в речи больше, чем правды, но это его не задевало. Он смотрел исподлобья в пространство между клечатых шеренг, на ступени дальней лестницы. «Проклятой лестницы»... И стоял он, кстати, не «как положено». Съежил плечи, сдвинул носки кроссовок, суетливо мял отвороты на шортах. Вот удивительно — как ни чистил штаны, а за отворотами остались сухие семена прошлогодней полыни с пустыря. Вася ощущал их чуть заметный горький запах...

— И все же Вася Перепёлкин не столь уж плохой мальчик, — продолжал завуч. — Мы поговорили с родителями, с учительницей и выяснили, что он не отпетый хулиган, не двоечник и раньше у него не было серьезных нарушений дисциплины. Поэтому решили не наказывать Васю за вчерашние капризы. Мы уверены, что он все поймет и исправится. Васе Перепёлкину остается только одно: исправить вчерашнюю главную ошибку. Сейчас он поднимется по той лестнице, по

которой не захотел идти вчера. Потом он по второму этажу пройдет к лестнице для спуска, вернется сюда, и мы встретим его... с пониманием, что он осознал свои ошибки. И не будем сердиться, что потеряли из-за него несколько минут... Ступай, Вася Перепёлкин... — Валерьян Валерьянович легонько толкнул его в плечо.

И Вася — с горящими ушами и будто замороженными ступнями — пошел.

«Как сквозь строй...»

Он не смотрел по сторонам. Смотрел только на свои кроссовки — они медленно, непослушно ступали по длинным желтым половицам. Стуканье подошв пробивалось через тугую глухоту в ушах. Васе некуда было девать руки, и он то сжимал, то разжимал пальцы. Потом вцепился в лямки рюкзака...

«Когда же это кончится?»

Коридор был словно километр... И все-таки он закончился (через целую вечность). Вася увидел первую ступеньку и деревянно шагнул на неё. И... глухота в ушах сразу исчезла. Понимался звон. На второй ступеньке звон рассыпался на короткие ноты:

День — динь...
Тень, сгинь...

Знакомая песенка. Она словно утешала Васю. Но не только утешала. Звуки стали твердыми, как стальные шарики. «Вася, держись...» И еще: «Вася, п о к а ж и м...»

А что показать?

Однако он уже понимал ч т о...

«Но ты же слово дал!»

«Я дал, что п о д н и м у с ь! Я не обещал спускаться!»

Наконец — второй этаж. Надо повернуть в коридор, пойти к другой лестнице — и вниз... Но Вася пошел выше. Все быстрее, быстрее... Потому что возвращаться т у д а, к н и м, было сверх сил. Уже и не стыдно даже, а просто противно, тошно. Он не вернется н и к о г д а!

Вот и последний этаж, четвертый. Совсем пустой коридор. Длинный ряд чистых, недавно вымытых окон... Ну пусть хоть одно окно будет открыто! За ним, снаружи, наверняка есть какой-нибудь карниз. По нему, наверно, можно добраться до водосточной трубы. Опасно? Ну и наплевать! О н и сами довели его до этого. Если ч т о-т о случится, о н и и будут отвечать...

Но все окна были заперты. Вася торопливым шагом, а потом бегом двинулся вдоль подоконников. Подпрыгивал и дергал ручки на рамах. Глухо... Он ссадил кожу на ладони, ободрал о батарею колено, сухо всхлипывал. Отчаянно оглядывался. Снизу доносились беспорядочные крики... Наконец Вася оказался в самом конце коридора, за лестничной площадкой. Здесь был полутемный закуток. Свежим деревом светилась сколоченная из брусков и реек лесенка. Верхний конец ее упирался в край чердачного люка. И Вася бросился по ступенькам! Он понимал, что люк, скорее всего, заперт, но знал, что пробьет крышку головой, а вниз не вернется.

Люк неожиданно легко откинулся от удара ладонями, ухнул. Вася рванулся в сумрак, зацепился о раму люка уже ободраным коленом, заплакал и глянул вокруг мокрыми глазами.

Было не очень темно, пробивались откуда-то лучи. Пахло мусором, сырой фанерой и ржавчиной. Шум внизу нарастал. Вася — и откуда хватило сил в руках («цыплячьих», как говорила иногда мама) — потянул лестницу вверх. Втащил ее всю, перехватывая рейчатые ступеньки! Уронил. Захлопнул неожиданно оттяжелую крышку люка. Дальше что? Неподалеку Вася разглядел железную бочку. Она оказалась пустая, только с потеками цемента. Вася ударом тела опрокинул ее, закатил на люк. Придавил сверху концом лестницы (она пахла смолой). Отдышался... Всё. Теперь не достанут. Если и догадаются про люк, сразу сюда не доберутся. А если и доберутся, можно отсидеться в каком-нибудь дальнем уголке...

Ну а потом что? Вася не знал. Главное, что он у ш е л. Он был теперь как узник, бежавший из Синг-Синга и спасшийся от стражи.

Да, надо было искать самое темное убежище, но Вася почему-то пошел на свет. Чердак был громадный и пустой. Под ногами хрустел шлак. Иногда путь загораживали облепленные трухой балки. Вася переваливался через них на животе. Рюкзачок норовил съехать со спины.

Наконец за сплетением нескольких балок Вася увидел солнечное окошко. Это, конечно же, был выход на крышу! Вася подбежал, рванул на раме шеколду. Вдохнул запахи лета и выбрался на громыхающие кровельные листы.

Вот это да! Весь город Осинцев, окутанный майской зеленью, раскинулся перед Васей Перепёлкиным. Дело даже не в

высоте, почти такая же высота была и у Васиной квартиры, но там за окнами виднелись только стены с окнами и верхушки ближних тополей, а здесь Васю охватил простор. До горизонта! Над горизонтом висели в синеве пухлые желтые облака. От облаков летел сюда теплый тополиный ветер.

Вася подставил ветру ладони.

Мягкий воздух сдул с ладони и колена саднящую боль, высушил лицо. Заполоскал на тощем Перепёлкине просторные штаны и перемазанную пылью рубашку, затеребил на груди галстучек. Вася сдернул галстучек и сунул в карман. Подошел про гулкому железу к самому краю крыши.

Дальше была пустота. Были и перильца, но жиденькие и низкие, чуть выше колен. Прогнулись, когда Вася коснулся теплых железных трубок ногами. Не удержат, если что...

А что?..

Высота не пугала. Если раскинуть руки, падение будет, наверно, не очень быстрым. И не страшным. Похожим на полет. А в полете всегда есть восторг (это знает каждый, кто летал во сне!). И теперь этот восторг жутковатым крылышком коснулся Васи. Но... была в этом восторге и печаль. Ведь Вася помнил, как о й путь привел его на крышу. А как этот путь кончится, чем?

Может быть, и правда вот так — качнуться еще дальше и...

Засвистит воздух, помчится навстречу трава школьного сквера... и никто уже не станет ругать Васю Перепёлкина, никто не пошлет сквозь строй к дурацкой «правильной» лестнице. Забегает в панике завуч Игупкин (ведь придется отвечать!)... И мама с папой, наверно, уже не поссорятся ни разу, потому что некого будет больше любить, кроме как друг друга...

Вася рывком качнулся назад. Лезет же в голову чушь! Никогда он не сделает т а к о г о... Но кто-то другой — будто не сам Вася, а сидевший у него внутри мохнатый хитро-ласковый человечек — опять пощекотал его неслышным шепотом: «Это же не страшно... Зато знаешь, как потом пожалеют?..»

Вася снова стал наклоняться вперед. Тонкая трубка перил сильно вдавилась в кожу над коленками и выгнулась пуще прежнего. Рюкзачок уже не тянул назад плечи, а сдвинул тяжесть вперед, будто подталкивал.

«И ничего не будет... Только т о т след на бетоне...»

В этот миг словно кусочек солнца взорвался у него перед глазами. Это заметалась перед Васиным лицом желтая бабочка. Большая и отчаянная. Она хлестнула Васю крылышками

по носу, по щекам. Он замотал головой и... будто проснулся. А бабочка не унималась. Налетала снова, снова. Моргая, Вася попятился от перил. Бабочка облетела его вокруг, метнулась в сторону, примчалась опять, затрепетала недалеко от плеча. Словно звала куда-то.

Может, правда звала?

Вася шагнул к ней раз, другой. Бабочка полетела неторопливо, и Васе даже показалось, что она оглядывается, хотя он, конечно, не видел ее крохотной головки. Так они миновали вдоль железного гребня всю длинную крышу. И там, у торца здания, Вася увидел, как над кромкой водосточного желоба изгибаются две железные дуги. Это были перила пожарной лестницы. Вася тут же ухватился за них и нащупал подошвой верхнюю перекладину...

Пока Вася спускался, бабочка кружилась над ним. Лестница не достигала земли, не хватало метров двух. Вася повис на последней ступеньке, зажмурился и разжал пальцы. Крепко стукнуло по подошвам, он упал. Посидел, зажмурившись, потом открыл глаза. Бабочка прощально облетела Васю и скрылась за дощатым забором.

Забор огораживал задний школьный двор с сараем и гаражом. Одна доска в заборе была наполовину сдвинута. Вася, пригибаясь, подбежал, протиснулся в щель. Там, за досками, тоже был двор, но уже не школьный. В глубине его стоял деревянный двухэтажный дом с пустыми окнами. В нем давно никто не жил. Старшие ребята (и даже некоторые второклассники) иногда бегали сюда на переменах, чтобы покурить или подышать клеем «Момент». Но Вася никогда там не бывал. И сейчас он глянул на дом лишь мельком. Васе не нужно было туда, нужен был выход на улицу!

За домом снова был забор — с кривыми воротами и сорванной калиткой. Вася бросился к ней через молодые, но уже большущие лопухи. Еще пять шагов — и вот она, спасительная улица Луговая. Вася готов был выскочить в проем калитки. Но что-то остановило его. Будто тихий оклик. Вася огляделся.

Неподалеку от выхода лежала грудахлама.

Ну, обычный хлам. Такой, что выбрасывают, когда накопится в кладовках и сараях. Кривая спинка железной кровати, разошедшийся бочонок, дырявые кастрюли, рваное сиденье кресла с ключьями поролона, остатки футбольного мяча, дра-

ные картонные коробки, тряпье и всякий другой утиль. А чуть поодаль валялось в цветущих одуванчиках колесо.

Оно словно сбегало из кучи, не желая иметь дела с помойной рухлядью.

Маленькое колесо, размером чуть крупнее тарелки для супа. Видимо, от детского трехколесного велосипеда, причем не переднее, а боковое (потому что без педалей). С тонкой пыльной шиной, с грязными спицами и облупленным ободом, с трубчатой втулкой. Бесполезное, никому не нужное...

Ни в тот момент, ни в другие времена Вася так и не мог объяснить себе, почему подошел и поднял колесо. Может быть, потому, что оно было о д и н о к о е? Как он сам...

Да, он поднял его. Покрутил в руках, как руль-баранку. Вздохнул. Ни к чему ему было это колесо. Но вот так взять и отбросить его он уже не мог. Это будто погладить беспризорного котенка, а потом отпихнуть.

«Ладно, пойдем со мной», — шепотом (или даже мысленно) сказал Вася. И показалось, что колесо отозвалось тихим тихим звоном спиц: «Пой-дем-м...»

Да, разумеется, показалось. Но Васе вдруг стало тепло и спокойно, словно все горести остались где-то в другой стране, за прочной, запертой границей.

Продолжая держать колесо, как штурвал, Вася выбрался через калитку. И «порулил» к дому. Встречные могли подумать: не маленький уже, а играет «в машину», как детсадовский малыш. Но Васе было все равно. Колесо ласково теплело в ладонях.

«Ты хорошее», — с последней слезинкой в горле шепнул ему Вася.

«И ты...» — отозвалось колесо пощекотавшим ладони шепотом.

И так они вдвоем «прикатали» к Васиному подъезду.

СОЗВУЧИЕ

Дома никого еще не было.

Вася сбросил в прихожей кроссовки и рюкзачок. Сдернул с себя перепачканную пылью и трухой рубашку, обтер ею колесо (все равно в стирку). Бросил рубашку под вешалку и с колесом в руках ушел к себе за ширму.

Сел. Несколько раз глубоко вздохнул. Поставил колесо се-

бе на колени и сверху лег на него подбородком. Пальцами прошелся по спицам. Спицы были не такие, как у настоящего велосипеда. Там они звонкие, как натянутые струны, а здесь — тонкие железные палочки. И все же они опять отозвались тихим звоном:

«З-здесь живешь, да?»

Наверно, это был даже не звон, а эхо в мыслях у Васи. Но очень явное эхо. Вася не удивился. Погладил литую твердую шину.

— Здесь живу...

«У тебя хорошо. Не то что на чердаке...»

— А ты жило на чердаке?

«З-з... да... Долго. Недавно чердак стали чистить и все выбрасывать. И меня...»

Тут Вася все-таки спросил:

— А ты по правде разговариваешь? Или мне кажется?

«З-з... да. По правде. Только не разговариваю, а мысленно отз-ываюсь».

«А как ты научилось?» — спросил Вася тоже мысленно.

«Я потом расскажу. Еще ведь будет время... Ты меня не выбросишь?»

«Да ты что!» — Вася крепче вцепился в обод с шиной. Железо и резина затеплели. Вася благодарно улыбнулся... Однако, несмотря на ласковое тепло, твердая шина сильно давила колени. Вася снял колесо, прислонил к боку под локтем. Шина оставила на коже оттиски резинового узора. Вася помусоленным пальцем потер четкие розовые отпечатки полосок и треугольничков.

«Колесо...»

«Что?» — щекотнуло оно сквозь майку Васиного ребро.

«А ты, наверно, не очень много ездило по земле. Шина у тебя совсем не стертая...»

«Совсем не много... Я не успело... Давным-давно меня купили мальчику Саше. Маленькому, меньше тебя. То есть не меня купили, а целый велосипед, с тремя колесами. Мальчик Саша сел и сразу поехал со двора. Там был тротуар из досок, он вел под горку. Саша еще не умел управлять, потерял ногами педали, заплакал, отпустил руль. Нас, все три колеса, пронесло под уклон, и мы вместе с мальчиком сорвались бы с досок на дорогу, а там ехал грузовик. Тогда я... я толкнуло себя в щель между досками. Так, чтобы мальчик слетел с седла, но не в сторону дороги, а к забору. Он и слетел...

«Значит, ты спасло мальчика Сашу», — благодарно сказал Вася и покрепче прижал колесо локтем.

Колесо отозвалось с ощутимым вздохом:

«У него даже ни одной царапинки не оказалось, только рубашку порвал на локте. А велосипед не спасся... Я-то сорвался с оси и застряло в щели, а все остальное... весь велосипед... он вылетел на дорогу прямо под машину... Я даже не знаю, куда его потом девали. А я осталось одно, и меня закинули сперва в кладовку, а потом на чердак... Хорошо хоть, что не на помойку».

«На чердаке, наверно, тоже радости мало», — посочувствовал Вася.

«Мало... Я там запыхалось и поржавело... Ты меня не выбрасывай», — снова сказала колесо.

И Вася ему опять сказал:

«Ну что ты!»

Тут Васю стала окутывать мягкая сонливость. Он ей не стал противиться. Лег головой на подушку, а колесо положил у груди, накрыл ось ладошкой. Но прежде, чем заснуть, Вася задал еще несколько вопросов:

«Колесо... ты все понимаешь и ты разговариваешь. Значит, ты... живое?»

«Ну, не з-знаю... — донеслось до Васи сквозь ладонь (и сквозь дремоту). — Скорее всего, да... Наверно, все вещи живые, потому что понимают и разговаривают...»

«А почему тогда люди их не слышат?»

«Потому что вещи разговаривают не голосами, а мыслями. Вернее, они излучают незаметные волны, вроде как радио. Но у этих волн не такая длина, как у человеческих мыслей. Только очень редко эта длина совпадает. И тогда получается такое... созвучие...»

«У нас с тобой созвучие?» — догадался Вася.

«Да... У вещей между собой созвучие бывает часто, а между вещами и людьми очень редко...»

«Нам повезло».

«Очень повезло...»

«Колесо, а как тебя зовут?»

«Вот странный вопрос! — удивилось оно. — Так и зовут: Колесо.

«Но ведь колес много! Можно спутать!»

«Но ведь и Вась много, а тебя все равно зовут Вася...»

«В самом деле... Ну... тогда ты будешь Колесо с большой буквы».

Колесо, кажется, обрадовалось:

«Ладно!»

Потом уже начался сон. Вася увидел себя и Колесо не на постели, а на подоконнике. По стеклам звенел крупный солнечный дождь. В каждой капле горела искра. Или даже огонек. Листья тополей отбрасывали зеленые лучи. Даже сквозь стекло пахло свежей тополиной листвой. Капли, словно буенчики вызванивали знакомый мотив:

День — динь...

И сейчас у Васи сочинилось продолжение песенки:

Днем — гнем

Радугу, словно лук.

Ог-нём

Солнце звенит по стеклу...

Это потому, что над мокрыми тополями и вправду зажглась радуга. Очень яркая, из семи чистых красок.

«Радуга похожа на часть колеса, — возбужденно шепнуло Колесо. И даже шевельнулось под локтем у Васи. — Только ее колесо — громадное...»

«Радуга тоже живая?»

«Да...»

«А у тебя с ней есть созвучие?»

«Есть... немножко. Но радуга не разговаривает, а поет. Вернее, излучает музыку. Ведь в музыке семь нот, а в радуге семь красок. Похоже... Вася, ты любишь музыку?»

«Люблю. Только у меня нет слуха...»

«Как это нет, если любишь?» — удивилось Колесо.

«Не знаю...»

«Кто тебе сказал такое, про слух?»

«Один музыкант, профессор».

«Да ну его! Ты все равно... люби».

«Ага. Я все равно...»

«Я тоже люблю. У нас на чердаке был старый репродуктор. Он мне играл много-много музыки. Всю, какую запомнил за свою жизнь...»

«У тебя с ним тоже было созвучие?»

«Еще какое! Самое полное!.. Наверно, потому, что мы оба круглые и у него по краю железный обод...»

«А у нас с тобой... какое?» — осторожно спросил Вася.
 «Что «какое?»
 «Созвучие. Тоже полное? Или...»
 «Самое полное! Как с репродуктором! Хотя ты и без ободка... Вася...»
 «Что?»
 «А какую это песенку ты сейчас мурлыкал?»
 «А это она у меня сама собой сочинилась!»
 И поскольку дело было во сне, Вася не стал стесняться. Звонко спел для Колеса оба куплета.

Колесо сказала, что песенка замечательная. И хотело сказать что-то еще, но испуганно примолкло. И оба они с Васей опять оказались на постели, а в передней слышались голоса.

И все было почти как вчера. Мама и папа возникли над Васей, чуть не уронив ширму.

— Ну, вот он, голубчик! Никуда не делся! Я же говорил!
 — Это я говорила! А ты ударился в панику!
 — Это ты ударила! Чуть не в обморок...
 — Не мели чепуху!.. Василий, где ты был? Нам с папой позвонили на работу, опять вызвали в школу! Куда ты сбежал с линейки? Ты всех там поставил на дыбы! Учителя хотели звонить в милицию!..

«Так им и надо», — подумал Вася. И сказал, не отрывая щеки от подушки:

— А что я сделал? Уроки кончились, я пошел домой...
 — Ты издеваешься, да? Ты должен был спуститься по лестнице! — пуще прежнего возмутилась мама.
 — Ничего я не должен, — буркнул Вася. И вытер о подушку нос.
 — Ты дал нам слово, — напомнил папа.
 — Я дал слово, что поднимусь по лестнице! А что спущусь обратно, не давал! — Вася быстро сел. И оперся о Колесо локтем. — Зачем? Чтобы снова сквозь строй, что ли?! — И вновь заскребло в горле.
 — М-да... — сказал папа.
 — Что ты хочешь сказать своим постоянным «м-да»? — опять взвинтилась мама.
 — Я хочу сказать «м-да»... И еще хочу спросить сына: куда он все-таки исчез после того, как поднялся по лестнице?
 «Скажи, что прятался в кладовке», — локтем ощутил Вася.
 — Я спрятался в кладовке. На четвертом этаже. А когда все разошлись, ушел потихоньку...

— Ты чудовище!.. А что в кладовке, мусорная свалка? Почему ты так извожился и ободрался? Господи, руки, ноги, щеки... «Еще рубашку не видела», — вздохнул про себя Вася.
 — А где ты взял эту ржавую дрянь? Тоже в кладовке?
 — На улице...
 — Тащишь в дом всякий утиль! Выбрось немедленно! Вася опять притиснул Колесо к груди.
 — Это не утиль, а... — Он чуть не сказал «мой лучший друг».

Но понял: мама сразу решит, что сын свихнулся. Небось врача вызовет. — Не утиль, а очень нужная вещь.

— Убери эту «нужную вещь» с кровати! — Мама дернула Колесо, положила на пол, а Васю поволокла в ванную. Принялась умывать и отскабливать, мазать какой-то жгучей шипучкой ссадины. И при этом сообщила:

— Завтра сразу же пойдешь к Валерьяну Валерьяновичу и попросишь прощения.

Отплевывая мыло, Вася сказал:

— Можешь утопить меня прямо в этой ванне. Все равно не пойду.

— Тебя исключат из школы!
 — Пусть... Тьфу! Ну, щиплется же!
 — Олег, ты слышишь, что он говорит?!
 — А? М-да... Яночка, мне надо снова в институт. Ведь меня этим звонком сорвали с дежурства, сегодня во второй лаборатории эксперимент...
 Мама сказала, что все это — эксперимент над ее нервами. Папа тихо исчез.
 — Значит, не будешь извиняться? — спросила мама, энергично вытирая Васиные щеки жестким полотенцем.
 — М-м... Мама, я есть хочу, — вдруг понял Вася.
 — А по-моему, ты хочешь моей смерти.
 — Не-е! Я тебя люблю, — искренне сказал Вася, потому что учуял в мамином голосе слабинку.

Мама, сжав губы, дала ему молока с мягким калачом.

После еды Вася опять почувствовал, что хочет спать. Побрел к себе. Взял колесо, погладил, уложил его под подушку. Сбросил мятые пыльные штаны и забрался под одеяло, хотя за окнами еще всю светилосолнце.

И сон опять навалился на Васю — плотный и ласковый. Снилось что-то непонятное, но не страшное, даже веселое. И так, наверно, было бы до утра, если бы не одно обстоятель-

ство. Это обстоятельство (после большой кружки молока) заставило Васю проснуться и побрести в туалет.

— Вычисти зубы, — сказала в закрытую дверь мама. — Все люди, даже преступники, чистят зубы на ночь.

Вася не спорил. Тем более, что не был он преступником.

Вернувшись в постель, Вася сунул руку под подушку: «Колесо, ты спишь?»

Колеса там не было!

— Мама, где оно?!

— Что с тобой? Что ты так кричишь? Какое «оно»?

— Колесо!!

— Ты меня с ума сведешь!.. Зачем ты затолкал эту грязь под подушку?

— Это не грязь! Мама! Куда ты его девала?!

— Перестань вопить...

— Куда ты его девала?! — Васю стиснули страх и отчаяние. — Отдай!!

— Я... спрятала его в кладовку. Завтра получишь...

— Нет! Сейчас!

— Прекрати немедленно!

...Ну а что было дальше, уже известно.

ДВА СЛЕДА

Утром никто не вспоминал про вчерашнее. Только мама один раз не выдержала:

— Боже мой, во что ты превратил свою белую рубашку!

Но про то, что Вася должен извиняться перед завучем, ни слова.

После завтрака мама дала Васе его вновь почищенный и отглаженный костюм «сафари» и быстро ушла в свое Аптекоуправление. А папа в Керамический институт — продолжать эксперимент в лаборатории номер два. Вася тут же вытащил из-под подушки Колесо.

«Привет!»

«Дз-з... привет».

Ночью и рано утром Вася дважды просыпался от страха: а вдруг ему просто приснилось, что Колесо — живое и говорящее? Он стискивал обод и шину и слышал (вернее, чувствовал) сонный ответ: «Дз-з, спи. Не бойся...»

И теперь он уже не удивлялся «колесному» волшебству, а только радовался.

«Давай играть!» — предложило Колесо. Конечно, оно ведь было от детского велосипеда, значит, и само по себе с ребячьим характером.

«Давай! — обрадовался Вася. — А как?»

«Садись на пол. Будешь толкать меня от себя, я стану стучаться о стену, отскакивать и катиться обратно!»

Вася послушался. Сел у двери, раскинув ноги, начал хлопать ладонью по шине. Колесо резво убегало, упруго ударялось о стенку над плинтусом и спешило Васе в руки. Но не всегда точно в руки. Порой тыкалось в его ступню или вскакивало на колено с засохшей вчерашней ссадиной. Кажется, оно баловалось. Радовалось резвому движению после долгой неподвижной жизни на чердаке и на свалке.

Простенькая игра, но и Васе, и Колесу было весело. Касаясь шины, Вася ощущал на миг тихий «дзенькающий» смех Колеса.

Наконец Вася толкнул Колесо так неточно, что оно укатилось под батарею и оттуда — не к Васе, а под стол. Побренчало там и легло набок. Вася кинулся к нему.

«Ты почему не туда уехало?»

«Потому что ты не туда меня направил. Я ведь отталкиваюсь по закону».

«По какому закону?»

«По физическому. Угол падения равен углу отражения».

«Но никакого же падения не было», — осторожно напомнил Вася (может, Колесо обиделось?).

«В физике стуканье о стенку — все равно что падение на пол...»

«Мы про такое еще не учили, во втором классе физику не проходил. А ты откуда все это знаешь? Ведь на чердаке школы нету...»

«Я же тебе говорило! У меня был друг, старый репродуктор. Он за свою жизнь столько всяких радиопередач проговорил! В том числе и научных. И всё помнил. И рассказывал мне... Делать-то все равно было нечего, кроме как разговаривать».

«А где он сейчас, этот репродуктор?»

Вася ладонью ощутил похожее на вздох щекотанье:

«Не знаю. Наверно, его выбросили, как и меня, только в другое место. Связь оборвалась...»

Кажется, Колесо загрузило. «Ну, не горюй, теперь я твой

друг», — хотел сказать Вася, но постеснялся. И вместо этого предложил:

«Пойдем играть на улицу!»

«Пойдем!» — обрадовалось Колесо.

Вася подскочил и брякнулся макушкой — он забыл, что сидит под столом. Брякнулся не больно, потому что был в панаме. И к тому же от этого «бряка» в голове вспыхнула конструкторская мысль. Вася вытащил из-за шкафа метровый кусок толстой проволоки, который припрятал там на всякий случай еще осенью. Просунул конец в колесную втулку. Пыхтя от усилий, загнул его плоскогубцами и молотком. А другой конец выгнул так, что получилась удобная рукоятка — держи и кати Колесо перед собой!

«Прекрасно придумано!» — оценило Колесо.

Вася и сам понял, что прекрасно! Ведь слова Колеса он ощутил через проволоку. Значит, чтобы разговаривать, не обязательно держаться за обод или спицы, можно и за рукоятку!

«Поехали!»

Утро было такое же солнечное, как вчера. Пахло молодой травой, липкими листиками тополей и политым из шланга асфальтом. Вася с удовольствием посмотрел на себя в лужицу — он опять был как африканский путешественник. А Колесо радостно вспорол воду и принялось печатать на асфальте свой шинный узор — три тонкие линии, а между ними крохотные треугольники...

Миновали двор, деревянный переулок Цветоводов и оказались на лужайке с россыпью цветущих одуванчиков. И двинулись напрямик. Мохнатые солнечные головки мягко чиркали Васю по щиколоткам, а Колесо по спицам. И тому и другому это было приятно.

«Здорово придумано!» — весело звенела проволока.

Потом начались лопухи и всякие чертополоховые джунгли. Костюм «сафари» опять обретал потрепанный (как и положено одежде путешественника) вид. Но это мелочи! Зато Колесу здесь нравилось. И Вася рассказывал ему про свои игры, про фотоохоту на африканских зверей. Колесо много знало про Африку и ее обитателей — из географических передач и сказок о докторе Айболите, которые оно слышало от репродуктора.

Вася рассказал про вчерашнего кота-леопарда и тут же вспомнил про следы на бетоне.

«Эх, жалко, что бетон уже застыл! А то бы и твой след можно было отпечатать!»

«Да, хотелось бы, — взволнованно отозвалось Колесо. — А может быть, он еще не совсем застыл?»

«Боюсь, что совсем... Ну, посмотрим!»

Они стали пробираться через лопухи и бурьянный сухой. И Вася знал, как а я тревожно-печальная мысль появится там (она и теперь уже шевелилась): «Могло случиться, что след сейчас был бы, а меня уже не было...» Однако все вышло по-другому.

Да, бетон сделался словно камень, это неудивительно. Удивительно другое — рядом с Васиным следом четко виднелся еще один!

Можно подумать, что вчера Вася встал на бетонную полоску двумя ногами. Но этого же не было! На двух ногах он провалился бы в незастывшую кашу по косточку. И к тому же... да, след не Васин! Отпечатанная босая ступня была чуть поменьше.

Вот загадка! Ну, прямо как с чужим следом в книжке о Робинзоне.

— Ну и фокус... — пробормотал Вася.

Колесо сразу сообразило, в чем дело. И откликнулось бодро:

«Это же тайна! С тайнами интереснее!»

С ними, конечно, интереснее, но Вася ощутил не азарт, а беспокойство. Словно кто-то следил за ним из сорняковых зарослей. И... заросли эти вдруг зашуршали. Вася рывком оглянулся.

Ну кого угодно он мог ожидать, даже настоящего льва или гориллу! Только вот не это вредное существо!

Из чащи шагнула Мика Таевская.

К ее клетчатой юбке и к белой футболке с разноцветной птицей на груди пристали репы. Такой же сухой репей прицепился к скрученному в кольцо локону. В ушах блестели крохотные (не запрещенные в школе) зеленые сережки. Смотрела Таевская не на Васю, а, кажется, на свои плетеные сандаlette.

— Здравствуй, Перепелкин...

— Здравствуй, — неуверенно хмыкнул Вася. Нельзя сказать, что встреча его обрадовала. Он давно уже не испытывал к

Таевской никаких чувств, с того самого дня. И даже не глядел на нее, когда встречал в школьном коридоре или буфете. Чего на нее глядеть!

А что ей сейчас-то надо? Небось скажет: «Зачем тебе эта дetsадовская игрушка?» Хорошо бы ответить как-нибудь по-суровее...

Но она спросила про другое:

— Перепёлкин... то есть Вася... Можно я сразу скажу, что хотела? — Махнула на него глазами-бабочками и опять уставилась вниз.

— Ну... скажи... — А что еще он мог ответить? Не гнать же, если уж появилась тут.

— Я... Ты меня извини за то, что тогда осенью... Понимаешь, я была очень-очень глупая...

— А сейчас, что ли, поумнела? — опять хмыкнул он. И опять как-то нерешительно.

— Да... наверно... — кивнула Мика, словно отгородившись от насмешки. — Я тогда... была еще вся такая... очень послушная. Бабушка все время учила: «Ты должна всё-всё рассказывать учительнице. И если к тебе кто-то пристает со всякими глупостями...»

— Разве я к тебе приставал?

— Ну, я же говорю: глупая была... — тихо объяснила Мика. — А потом...

— Что «потом»? — бормотнул Вася, потому что надо было что-то сказать.

— Потом я так... ну, горевала, что ты в другой класс ушел. Даже до слез...

— Надо же... — сказал Вася и покатал по траве туда-сюда Колесо.

— Конечно, ты сейчас меня, наверно, ненавидишь... — прошептала Мика и отлепила от футболки репей. И стала катать в пальцах.

— Да вот еще... — Вася глядел вверх Микиной головы, на дальние деревья. — Я уж и забыл про все... — И это была правда.

Они надолго замолчали и по-прежнему не смотрели друг на друга.

«Кто она такая?» — вдруг почувствовал Вася через проволоку вопрос Колеса. Кажется, в вопросе была нотка недовольства.

— Потом расскажу, — вслух откликнулся Вася.

— Что? — вздрогнула Мика.

— Ничего. Это я не тебе... Ты как меня тут разыскала? — И подумал: «Сейчас соврет, что случайно».

Мика не стала врать:

— Потому что я... ходила за тобой несколько дней. По пятам...

— Для чего? — насупленно сказал Вася.

— Чтобы все тебе сказать... наконец.

«Придумала какое-то кино...» — чуть снова не хмыкнул Вася. Но почему-то не посмел. И в тот же миг догадался:

— Значит, вчера ты за мной тоже следила? Вот здесь!

Мика виновато закивала опущенной головой — так, что репей на локоне закачался туда-сюда.

— И ногу рядом с моей... это ты отпечатала?

Она опять закивала, глядя на сандалетки.

— А зачем?

Мика шевельнула плечом. Прошептала:

— Если тебе... это противно, можно выколупать. Молотком или ломиком.

Васе не было противно. «Мне все равно», — хотел сказать он. Или даже сказал? Потому что Колесо вдруг спросило с легкой ехидцей:

«А может, не совсем все равно?»

Вася не обратил внимания на иронию. Он думал: «А что дальше-то?» Если бы Мика ушла, все, как говорится, встало бы на свои места. Но Мика не уходила. Мало того, она сбивчиво выговорила:

— Вася, а теперь... может быть, если ты...

— Что? — сказал он.

— Ну... если ты не очень сердисься... может быть, еще можно?

— Что? — опять сказал он и посмотрел Мике в лицо.

Она часто замигала, но не отвела глаз.

— То, что в письме... Подружиться...

Вася тоже замигал.

Он был незлопамятный. Необидчивый. Кроме того, похоже, что Мика Таевская в самом деле поумнела. А глаза-бабочки, они стали даже еще как-то... крылатее, что ли. И теперь к тому же на крылышках-ресницах блестели влажные искры.

Вася подумал еще чуть-чуть, вздохнул и сказал:

— Ну, ладно. Давай...

Мика заулыбалась и оказалась рядом. И они бок о бок по-

шли через ломкий старый бурьян и мягкие свежие лопухи. И как-то само собой вышло, что взялись за руки. Вася правой рукой держал проволоку-каталку Колеса, а левой — теплую Микину ладошку.

— Ты здесь часто играешь? — спросила Мика.

— Когда тепло... Я в джунгли играю. Вчера на кота охотился, будто он леопард. Там на бетоне есть его следы.

— Я видела. Я и кота видела, и тебя. Только окликнуть побоялась...

— Какая боязливая, — сказал он с ненастоящей насмешкой. — Почти целый год ходила вдальеке, боялась подойти. Мы ведь могли бы давно уж... помириться.

— Да, я боязливая, — покаянно согласилась Мика. — А вчера на линейке решила изо всех сил: подойду обязательно. Нельзя же быть такой трусихой, если ты такой смелый.

— Ох уж, смелый! С чего ты взяла?

— Конечно! Ты так гордо шел... А главное, как ты Валерьяна Валерьяныча оставил в дураках! Все так переполошились, а он больше всех! Бегал по этажам... Вася, а куда ты там подевался?

— Долгая история. Потом расскажу, а сейчас не хочется вспоминать.

— Ладно, — не обиделась Мика. — Тогда знаешь что? Пойдем, я покажу, где я живу!

И они пошли на улицу Титова, к Викиному пятиэтажному дому. Колесо прыгало перед Васей на асфальтовых бугорках.

— Это твоя любимая игрушка? — уважительно спросила Мика.

Вася строго сказал:

— Вовсе не игрушка. Это... все равно что друг.

— Я понимаю. У меня тоже есть такой друг. Старый мячик с нарисованным львенком. Львенок почти стерся, но мячик все равно любимый. Я его под подушку на ночь укладываю и рассказываю ему... ну, всякие свои тайны.

«Небось и про меня?» — чуть не спросил Вася, но не решился. И сказал:

— Значит, у тебя с ним созвучие.

— Да, — понимающе кивнула Мика.

А Колесо передало через проволоку Васе свою мысль:

«Кажется, она не совсем глупая...»

У Микиного подъезда еще поговорили. Вася сказал, что, наверно, пора домой, готовить уроки.

— Каникулы на носу, а задают целую кучу.

— А нам совсем мало задают. Зря ты из нашего класса ушел...

— Все равно наша Полина Аркадьевна в тыщу раз лучше вашей Инги.

— А в третьем классе у нас Инги Матвеевны не будет. Она уходит в декретный отпуск.

— В какой отпуск?

— В декретный. Ну, не понимаешь, что ли? Она ждет ребенка.

— А! Я понимаю. Только не знал, что он так называется. Сказала бы «в отпуск по беременности».

— Это одно и то же... В школе увидимся, да?

— Увидимся. Пока!

И Вася с Колесом поскакали по асфальту. На углу Вася оглянулся. Это было не обязательно, однако он знал, что Мика смотрит вслед, и решил помахать рукой. И они помахали друг другу. И Вася свернул в Кольцовский переулок — тот, что вел вдоль овражка с ручьем, на пустыри.

ПЕДАЛИ

Вася решил возвращаться к дому прежней дорогой, через «джунгли». Вдруг случится что-то еще интересное. Но случилось обыкновенное. Вася почувствовал, что ему очень надо в укромное место, сделать одно дело. В общем-то все места здесь были укромные — вокруг никого, кроме бабочек и невидимых трескучих кузнечиков. Но все-таки он пролез подальше в гущу высокого белоцвета, а Колесо оставил на краю лужайки, чтобы не цеплялось в зарослях.

«Не бойся, я сейчас вернусь...»

Когда дело было кончено, Вася услышал позади громкий шелест. Ай! Неужели Мика вздумала опять пуститься следом? Он торопливо одернул шорты. Но сзади была не Мика. Это, вихляясь и застревая, пробиралось меж стеблей и листьев Колесо! Само по себе! Проволока волочилась за ним, как хвост.

Вася стремительно сел на корточки. Схватился за спицы.

«Как это ты? Будто совсем живое!»

«Тебя долго не было, я испугалось. Вдруг ушел без меня...»

«Вот глупое, разве я тебя брошу! Да я не про то! Как ты научилось двигаться?»

«Не знаю... Во мне появилась какая-то сила. Двигательная...»

«Энергия?»

«Ну да! Может, от солнца, а может... от тебя. Передалась через проволоку, как через антенну... Я, кажется, могу еще быстрее...»

«Ну-ка попробуй!» — И Вася отпустил Колесо.

Оно покачалось, встав на ребро. Двинулось. Проехало у Васи между ног. Покатило через белоцвет, быстрее, быстрее. Вася кинулся следом. Выскочил за Колесом на лужайку. Оно зигзагами заматалось среди мелких ромашек и клевера. Иногда приостанавливалось, подпускало Васю, но, когда он хотел схватить проволоку, снова пускалось вскачь. Играло. Или... дразнило?

Вася плюхнулся в траву и сел, раскинув ноги. Колесо описало широкую дугу, подкатило, ткнулось в Васино колено:

«Ты чего?»

«Ты меня загоняло».

«Обиделся?» — испугалось Колесо.

«Нет. Но теперь больше не бегай, домой пора. Давай на улице я буду держать тебя за каталку, а то прохожие от удивления падают».

И они чинно двинулись по переулку Цветоводов — мальчик и обыкновенное игрушечное колесо. Хотя внутри у мальчика кувыркалась и прыгала смешанная со счастливым удивлением радость: «Вот какое чудо есть у меня!»

«Колесо, а много в тебе энергии?»

«Кажется, много! Если бы меня опять приладили к велосипеду, я могло бы работать, как мотор. Катало бы тебя сколько хочешь!»

«Велосипеда у меня нету. И мал мне уже трехколесный-то... А давай сделаем самокат! Я найду доску и еще какое-нибудь колесо. Его приделаем спереди, будет рулевое, а ты — сзади! Толкательное!»

«Ну... давай», — согласилось Колесо. Правда, без большого энтузиазма. Видимо, не верило, что Вася сумеет смастерить самокат.

Дома Вася, забыв про уроки, начал искать по всем углам подходящую доску. Но где ее возьмешь-то? Колесо можно выпросить у тети Томи — от старой хозяйственной тележки (она, то есть тележка, все равно сломанная), а с доской был полный провал. Вася обшарил все углы в комнате, в кухне и на антре-

солях, перевернул все старые вещи в кладовке. И — ничего! А заняться самокатом прямо сейчас хотелось нестерпимо. Он даже решил было отпилить ножовкой полосу от крышки столика, на котором в прихожей лежали мамины журналы мод и зонтики (что потом скажут мама и папа, можно пока не думать). Но сообразил, что там не дерево, а прессованная стружка.

Колесо во время поисков неотступно каталось за Васей и время от времени тыкалось в ноги. И ткнувшись в очередной раз, предложило:

«Не надо никакого самоката. Можно сделать проще...»

«Как?» — уныло спросил Вася. Он не верил, что можно проще.

«Надо только найти прочную ось, чтобы вставить в мою втулку...»

«И что дальше?»

«Увидишь».

Вася поскреб под панамой затылок. Вспомнил, что в кладовке видел никелированный стержень толщиной в палец. Кажется, это была стойка от какой-то давно развалившейся настольной лампы.

Стержень нашелся под корзиной с зимней обувью. Длинно он был сантиметров тридцать, чуть побольше диаметра колеса. С винтовой нарезкой на двух концах. И оказалось (вот удача-то!), что его толщина — в самый-самый раз. Вася вынул каталку, с натугой втолкнул в железную муфту стержень, и Колесо прочно село на оси. Обратно и не вытащишь, сколько ни дергай.

«Можно выколотить молотком», — виновато сказал Вася.

«Не надо ничего выколачивать. Слушай и запоминай. Сейчас я встану прямо, а ты становись обеими ногами на ось. С двух сторон».

Колесо выскользнуло из Васиных пальцев, скакнуло на пол и ловко встало на ребро.

«Я же грохнусь!»

«Может, и грохнешься разок, не беда. Скоро научишься. Я помогу... Не трус!»

Вася вовсе не собирался трусить. Но как встать на ось сразу двумя ногами? Прыгнуть? Тогда уж точно брякнешься. Вставать по очереди левой-правой? Но Колесо опрокинется...

«Давай так...»

Вася подкатил Колесо под край стола. Лег на стол животно. Нащупал концы стержня кроссовками. Встал на шаткой

оси, держась за кромку столешницы. Ох, как шатко!.. Он все же оттолкнулся от стола. И сразу...

Вася, постанывая, поднялся с половиц, Колесо осью ткнулось ему в ногу.

«Ну тебя! У меня, кажется, сотрясение мозга!»

«Ты стукнулся не головой, а... Там сотрясения не бывает. Попробуй еще».

«Я тебе кто? Цирковой артист?»

«Как знать. Может, у тебя талант».

«Ох уж, талант...» — Вася потер сзади штаны. Но делать нечего. Пришлось делать новую попытку.

«Только последнюю», — предупредил он Колесо. Опять лег животом на стол и нащупал ногами ось.

«Подожди, — вдруг остановило его Колесо. — Ты, когда начнешь выпрямляться, скажи считалку:

Та-та-та и ду-ду-ду!
Никогда не упаду!»

Вася успел, сказал эти слова, отрываясь от стола. И, наверно, поэтому сразу не упал. Закачался, замахал руками, балансируя на шатком Колесе. А оно тихонько поехало и спиной вперед откатило Васю от стола метра на три. Там он, конечно, вновь оказался на полу.

«Теперь уж точно сотрясение! — мысленно простонал он. — Вот тебе и «ду-ду-ду»...»

«Но ведь уже получается! Давай!»

...Получаться стало не сразу, а только через час, когда Вася сбился, считая синяки и шишки. Да все и не сосчитать, потому что некоторые были на том месте, которое не видно. Зато Вася наконец-то сумел объехать комнату по кругу. Как цирковой артист арену! Правда, при этом он все еще отчаянно качался и махал руками, но уже не упал.

А потом он выписал на полу восьмерку! Как-то незаметно он научился делать повороты, нажимая на ось то левой, то правой ступней.

«Вот видишь! Получается!» — радовалось Колесо. Оно без устали бегало под Васей. Видно, энергии в Колесе было полным-полно.

Вася тоже радовался. Представлял, как будет гонять на любимом Колесе по улицам и парковым дорожкам. Одно только неудобно: ось больно давит на ступни сквозь мягкие подошвы

кроссовок. И крутится под ними к тому же. Очень скоро прогрет их насквозь. И тогда: «На тебя не напасешься обуви!»

Вася сказал про это Колесу.

«Надо придумать какие-то педали», — озаботилось Колесо.

Вася отыскал в кладовке кусок толстенной, в десять миллиметров, фанеры. С большущим трудом выпилил из него не очень-то острой ножовкой два прямоугольника — размером с большую плитку шоколада. Затем отыскал в ящике со всякой железной мелочью пять толстых гвоздей.

Самое трудное было сделать из гвоздей скобки. Пришлось отгрызать кусачками шляпки, выгибать гвозди молотком, затачивать у скобок напильником концы. Потом вколачивать скобки в крепчайшую, как броня, фанеру. Кто имел с такой фанерой дело, поймет, что это за труд! Вася оставшимся гвоздем пробивал в самодельных педалях отверстия и вколачивал в них концы железных петель. Если бы кто-то сказал Васе раньше, что он справится с такой работой, он бы не поверил!

Дважды Вася пускал слезы, попадая молотком по пальцам. Но потом сцеплял зубы и бил снова. Потому что, несмотря на боль и досаду, все равно в нем пританцовывала радость:

Та-та-та и ду-ду-ду!
Никогда не упаду!

Наконец самодельные педали были готовы. Вася скобками надел их на ось. Отыскал в железной рухляди две подходящие гайки, туго навинтил их плоскогубцами на концы стержня — чтобы педали не срывались. А чтобы они не съезжали близко к втулке, Вася намотал на ось толстые муфточки из синей изоленты.

Теперь ездить стало не в пример удобнее! Подошвы плотно стояли на фанерках, и Вася уже сохранял равновесие, как настоящий цирковой артист. Даже руками почти не махал. Может, выручали педали, может, набрался опыта, а может, помогало ему своей загадочной энергией Колесо.

Эта энергия была послушна Васе. Его мысленным командам. Колесо ехало, куда он хотел, останавливалось и давало задний ход тоже по малейшему Васиному желанию. Стало казаться даже, что он и Колесо — одно существо.

«Вот видишь, — сказало Колесо (то есть пощекотало сквозь педали и кроссовки). — А ты хотел какой-то самокат!»

«Так в тыщу раз лучше! — радостно согласился Вася. — Зачем нам какое-то второе колесо!»

Он догадался наконец, что его Колесо не хотело соперника. Вдруг Вася с тем, вторым колесом тоже подружился! Кажется, Колесо было ревнивым существом (если, конечно, колеса умеют ревновать).

«Пошли на улицу, погоняем по асфальту!» — весело предложило Колесо.

«Пошли!.. Ох, нет! — Вася глянул на часы. — На улицу потом, вечером. А сейчас придет мама... Давай-ка я спрячу тебя». — И он укрыл Колесо в закутке между изголовьем кровати и стенкой. Накинул на него тети-Томину наволочку. И пришла мама.

— Господи, откуда у тебя на лбу новая шишка?!

— О косяк стукнулся. Подумаешь...

— Почему дети всех моих знакомых никогда не стучаются о косяки?

— Потому что они «нормальные мальчики и девочки», а я «сплошное недоразумение»...

— Вот именно. Ты обедал?

— Сейчас пообедаю.

— Несчастье мое, до школы меньше часа! Уроки сделал?

— На сегодня не задавали, — бодро соврал Вася (а что ему оставалось?).

— Тебя послушать, так вам вообще никогда ничего не задают.

— Ну конец же учебного же года же!

— Ты достукаешься, что новый учебный год снова проведешь во втором классе! Садись к столу. И чтобы весь суп съел до доньшка! Не ребенок, а фильм Диснея «Танец скелетов»...

Вася на табурете бодро подъехал к столу. На душе было весело, хотя все еще болели отбитые молотком пальцы. Правда, где-то в глубине души скребло опасение, что в школе могут начаться придирки и допросы из-за вчерашнего, но... может, и не начнутся. А если он слопочет двойку за неготовые задания, ну и что? На второй год теперь все равно уже не оставят!.. А главное то, что есть Колесо! И день совершенно летний и безоблачный! Ну и... с Микой вот такая встреча. Это ведь тоже неплохо...

Никаких разборок в школе не случилось. Наверно, потому, что не было Валерьяна Валерьяновича. На первом уроке Полина Аркадьевна сказала классу:

— Что-то вы сегодня расшумелись, голубчики. То ли близкие каникулы почуяли, то ли узнали, что Валерьян Валерьянович сегодня уехал в Москву на учительскую конференцию и некому держать вас в настоящей строгости... — При этом она во все не смотрела на Васю.

И ни одной двойки Вася тоже не получил. Да и уроков-то было всего два: физкультура и рисование, а потом оба вторых класса пошли на экскурсию в городской парк, где недавно открылись летние аттракционы.

Вася и Мика ходили по парку рядом и время от времени брались за руки. И разговаривали про всякие дела: про Микину кошку Василису, у которой скоро будут котята («А теперь декретный отпуск?» — хихикнул Вася); про книжку «Гномы из синего колодца», про старинный автомобиль, который восстановил из утиля осинцевский мастер Модест Кириллович Брошкин и по выходным бесплатно катает вокруг стадиона ребят. Рассказал Вася и про Колесо. Но только о том, как научился на нем кататься. А про то, что Колесо живое и разговорчивое, говорить не стал — это была их с Колесом тайна... А на «железной дороге», где глазастый паровозик таскал по ухабам разноцветный поезд, они сели на одну вагонную скамейку. Видя такое дело, Маргарита Панченко почему-то надула губы и сказала:

— Пфы...

После экскурсии Вася проводил Мику до ее дома. Правда, ранец ее он тащить не стал, постеснялся предложить, хотя обещал это раньше. А Мика не напонила. Но им и так было хорошо вместе.

Только у подъезда Мика слегка загрустила:

— Совсем уж скоро каникулы...

— Ну и что? Это же хорошо!

— Может, и хорошо, только меня увезут в деревню. На все лето...

— Жалко, — огорчился и Вася. — А это далеко?

— Не очень. Поселок Цаплино, двадцать километров на электричке. Но ведь ни тебя, ни меня не отпустят одних, чтобы ездить в гости друг к другу...

— А может, приедешь с родителями? Хоть на денек?

— Родители уедут сперва в Одессу, а потом по путевке в Египет. А детей туда не берут. Я буду с бабушкой и дедушкой, а они домоседы, в город не ездят.

— А Василиса с кем останется? — вспомнил Вася про кошку.

— С собой возьму. Буду котят воспитывать, пока не подрастут. А потом придется раздавать соседям.

— Ну, с котятками ты не соскучишься, — утешил Вася.

— Ты тоже не соскучишься... Со своим колесом.

И Вася опять обрадовался, что есть Колесо. А Мику утешил снова:

— Ничего! До каникул еще целая неделя!

Колесо ждало Васю с нетерпением.

«Наконец-то! Прочему так долго не шел?»

«У нас экскурсия была».

«А потом небось еще с этой самой... Микой гулял», — прощательно заметило Колесо.

«Совсем немножко. Только проводил до дома... Ну, идем на улицу?»

В этот момент появились родители.

— Мама, папа! Смотрите, как я умею! — Вася выписал на полу два круга и восьмерку. Родители вжались в угол.

Мама сказала, конечно, что Вася непременно свихнет шею. Папа посмотрел на положение дел более деловито:

— Тебе нужны кожаные наколенники, как у тех мальчиков, что катаются на досках с роликами. А то вон уже какая плямба на ноге.

— Это еще раньше, вчерашняя плямба! А с Колеса я уже не падаю!.. Мы пошли гулять, ладно? — И Вася с Колесом выскочил из комнаты, слыша спиной мамины «только осторожно!», «только не далеко!», «только не долго!».

...Последняя школьная неделя пролетела будто уже не школьная. Потому что главными в ней были не уроки, а лихие поездки на Колесе по окрестным улицам и асфальтовым садовым дорожкам. А еще — встречи с Микой...

Ложась спать, Вася пристраивал Колесо рядом. Теперь, снабженное педалями, оно не влезало под подушку. Вася укладывал Колесо тети-Томиной наволочкой и укладывал между подушкой и стенкой. Мама каждый раз возмущалась:

— Неужели нельзя держать это в кладовке или хотя бы под кроватью?

— Оно не это, а мой друг! — защищал Колесо Вася.

Мама сжимала губы и поднимала глаза к потолку. А однажды со сдержанной горечью сказала папе:

— Боюсь, что нашего ребенка придется показать врачу.

— Ну что ты выдумываешь, Яночка! Мальчик просто играет.

— Это для тебя все просто! А у Василя, возможно, зачатки психического отклонения...

— О-о-о! Если и есть отклонение, то не у него!

— Что-о?!

— Оно скоро заведется во мне. От таких разговоров.

— А мне показалось, что ты имел в виду меня!

— Упаси Господь!

— Нет, если тебе кажется, что у меня признаки шизофрении, ты так и скажи!

— Ну, хватит вам! — взвыл за ширмой Вася. — Если не перестанете, я заболел ангиной! Или аппендицитом!

Мама и папа разом примолкли. Если Вася заболел, они делали тихими, заботливыми и забывали про ссоры. Но ведь каждую неделю болеть не будешь, так никакого здоровья не хватит...

Однажды после очередного спора с Васей мама горько поджала губы.

— Ты в последнее время совершенно перестал меня слушать. Это все из-за твоего колеса. Видимо, его ты любишь больше, чем маму.

Вася только вздохнул. Ну что она такое говорит! Маму (да и папу тоже) он любил больше всех на свете. Несмотря ни на что! Но ведь к маме не приделаешь педали и не будешь лихо носиться на ней по тротуарам и аллеям! И — это главное — не засунешь ее на ночь между стеной и подушкой и не станешь до полуночного часа шептаться и делиться тайнами. Тем более что есть и такие тайны, которые ни одному человеку, даже маме, не расскажешь.

Например, как он подобрался недавно к часовне Святой Екатерины, что в конце Рябинового бульвара, посидел у ее задней стены в лопухах, огляделся, поставил на кирпичный выступ свечной огарок и, ломая от волнения спички, зажег фитилек. Войти в часовню один, без взрослых, Вася не смел, а здесь он был незаметен. Встал коленями в траву, тронул лбом прохладные кирпичи и прошептал: «Господи, пусть они перестанут ссориться. Или пусть не так часто. Ладно? Я очень прошу...» В этот миг за спиной появилась какая-то бабка: «Ах ты, террорист! Поджигатель!..» Вася опомнился только через пять кварталов от часовни и потом до вечера не выходил из дома.

«Колесо, ты как думаешь, считается моя молитва или нет, если меня прогнали?»

«Конечно, считается! Ты ведь успел ее сказать...»

Или еще тайна, совсем свежая. Вчера вечером у подъезда Мика тихо и строго сказала:

«Мы ведь завтра надолго разъедемся. Закрой глаза».

Вася забоялся, но послушно закрыл. И Мика чмокнула его в щеку сухими губами. Васю словно обмахнуло горячим ветром. Он стыдливо и радостно засопел. И Мика тоже. Потом она быстро сказала: «Пока...» — и убежала за дверь.

Эту тайну Колесо почему-то выслушало вежливо, но без должного сочувствия, только спросило:

«Она правда завтра уезжает?»

«Да», — вздохнул Вася.

Вечером тридцать первого мая Вася проводил Мику (а также ее маму и кошку Василису) на электричку, вскочил на педали и покатил домой. На этот раз Колесо мчалось особенно резво. И началось лето.

Вторая часть

СКАЗКИ НЕЗНАКОМОГО ГОРОДА

КРЫЛЬШКИ НА ПЯТКАХ

Первые дни каникул проскочили кувырками. Один день — один кувырок. Так чудилось Васе. С утра до вечера носился он на Колесе, а вечером падал в постель и укладывал Колесо рядом. За день сильно уставали ноги. Колесо — это ведь не велосипед с седлом. Попробуйте-ка с утра до вечера балансировать на шатких педалях! Вася, лежа на спине и постанывая, сгибал то одну, то другую ногу, растирал исцарапанные, успевшие загореть икры, мял пальцами колени, постукивал о кровать пятками. Надо сказать, что усталость не была мучительной, в ней даже пряталось некоторое удовольствие. Это ведь приятно, когда тяжкое утомление тает и вытекает из мышц, оставляя лишь сладковатую вялость...

После такого массажа Вася зарывался щекой в подушку, и начинались их с Колесом разговоры. Иногда просто так, о всяких пустяках. А бывало, что Вася пересказывал Колесу любимые книжки и фильмы. А Колесо в ответ — то, что слышало от репродуктора: всякие передачи, старинные радиопостановки и рассказы о школьниках давних времен. Потом Вася незаметно засыпал, и ему казалось, что он опять мчится на Колесе, помахивая руками, — среди цветущих заморских деревьев, причудливых скал, пухлых желтых облаков и сверкающих, как хрустальные кубики, звезд.

Звезды звенели:

Динь-дон!
Это длинь-длинный сон.
Где дом?
Мчится вдаль Колесо...

Но Вася не боялся, что дом остался за звездами и облаками. Он знал, что доброе надежное Колесо к утру обязательно вернет его домой.

А утром снова:

— Мама, папа, я пошел гулять!

Мама была «в полном трансе». Потому что летние планы «летели в тартарары». Не было денег, чтобы всей семьей поехать «куда-нибудь, как нормальные люди». То есть можно было «наскрести по сусекам», но тогда «мы еще полвека будем обитать в этой однокомнатной конуре без телефона».

— Самое ужасное, что даже ребенок вынужден все лето дышать городской пылью!

Папа не мог допустить такого ужаса. В институтском профкоузе он «выбил для ребенка» льготную путевку в летний лагерь. Но «ребенок» встал на дыбы:

— Что я там буду делать?! Это все равно что интернат! И на Колесе не дадут кататься!

— Почему я в тот вечер не выкинула его подальше!

— Не говори так! — Вася прижимал Колесо к груди.

— В лагере нормальное питание и режим. А здесь ты ничего не ешь! Посмотри на себя! Ребра торчат сквозь кожу!

Мама, как всегда, преувеличивала. Вася и ел нормально (если хотелось), и ребра почти не торчали, и пыли в городе не замечалось. Осинцев был зеленый город, без крупных заводов, с большущими тополями, березами и липами на улицах и во дворах, с высокой травой и ромашками вдоль тротуаров. А на площади перед городским музеем недавно соорудили обширный восьмиугольный бассейн с фонтанами. Струи били из каждого угла! Мальчишки и девчонки сбегались сюда со всех окрестных улиц и плескались в бассейне с утра до вечера. И никакие взрослые, даже постовые милиционеры, что всегда дежурили неподалеку, не запрещали купанье.

Первые дни июня выдались знойными. Было жарко даже в летнем «сафари». Вася гулял в зеленых трусиках с белыми лампасами и белой просторной футболке с зелеными крупными звездами. В таком костюме можно было не раздеваясь плюхаться в бассейн. Оттолкнулся от педалей, прыг через барьер — и вот она, полная визга и брызг радость! Бултыхнулся с головой два-три раза — и снова на Колесо. Вперед! Упругий воздух мчится навстречу! И смотришь, через полминуты широкая футболка уже высохла от ветра. Полощет за спиной, как звездный флаг...

В двух кварталах от музея была еще одна площадь. Посреди нее стояла похожая на старинный замок водонапорная башня. А кругом — асфальтовый простор. Почти везде асфальт был

ровный, но по краям встречались и горки с пологими подъемами и спусками. И с трамплинами. Здесь, на Водопроводной площади, собирались любители покататься на всяких колесных устройствах. На досках с роликами, на самокатах разных конструкций, на велосипедах. Разные ребята — от дошколят до совсем уже больших старшеклассников. Носились кругами, выписывали всякие фигуры, взлетали на горки и трамплины. И честно старались не мешать друг другу, а если сталкивались, то не сильно и не обидно.

Вася с Колесом вполне вписался в эту пеструю компанию.

Скоро слух о «Перепёлкине на колесе» широко разнесся среди любителей катания. Понятное дело! Катались на всяких приспособлениях с колесами, но чтобы мальчишка ездил на одном-единственном колесе — такого до сей поры не было!

Конечно, к нему приставали с расспросами:

— Как это у тебя получается?

Вася пожимал плечами:

— Ну как... учился, тренировался — и вот...

Не будет же он выдавать тайну, что Колесо живое и с энергией внутри!

— А как ты набираешь скорость? Ведь педали-то не крутятся!

— Шевелю ногами незаметно, вот оно и едет...

— Дай попробовать!

Сначала Вася не хотел давать. Мало ли что! Но Колесо посоветовало:

«Не бойся, пусть попытаются. У них не выйдет. А если не дашь, скажут, что жадина...»

«А если сломают или утащат?»

«Я крепкое... А если украдут, я все равно к тебе убегу».

И Вася стал давать Колесо всем, кто просил. Но скоро такие просьбы прекратились. Потому что себе дороже — ничего, кроме синяков и шишек, на этом перепёлкинском колесе не заработаешь. Видать, у него у одного такой талант.

А Вася наращивал мастерство. Теперь он уже умел ездить ну прямо как настоящий цирковой велофигурист. По-всякому! И впрыскаду, и спиной вперед, и даже иногда вставал на педали руками и на скорости делал стойку. Ему аплодировали. Старшие снисходительно говорили: «Во пацан! Любому гонщику вставит фитиля!» Младшие смотрели, почтительно приоткрыв рты.

Васино сердце радовалось. Еще бы! В школе-то его нико-

гда так не уважали. По правде говоря, совсем не уважали. Подумаешь, Перепёлкин какой-то (а то и «Недопёлкин»)! А здесь он был мастер и знаменитость.

Но Вася не очень гордился. Он понимал, что все его умение и слава — это заслуги Колеса. И вечером благодарно глядел твердую, уже изрядно стершуюся шину.

«Ты самое лучшее на свете Колесо...»

«Да ладно тебе... — смущалось Колесо и (как чудилось Васе) тихонько посапывало. — Дело не в том, кто лучший...»

«А в том, что у нас созвучие, да?»

«Ну да...»

Это и правда было главное. Вася знал: если Колесо даже сломается, перестанет катать его, все равно они останутся друзьями. Лишь бы не разучилось говорить! Лишь бы можно было вот так по вечерам шептаться и секретничать. Чтобы оно понимало Васю...

И все же иногда Вася с тревогой спрашивал:

«Ты правда нисколько не устаешь? И в тебе ничто не дребезжит?»

«Не-а! Я ведь железное, крепкое. Малость шина стирается, но ее хватит еще надолго».

«А когда совсем сотрется, найдем другую!»

Надо сказать, что в те кружащиеся пестрой каруселью дни Вася почти не вспоминал Мику. А если и вспоминал, то на полминуты. В такой миг появлялись в памяти глаза-бабочки, и крылышками касалась души легкая грусть. Но почти сразу Вася оглядывался на Колесо. «Пора, да?»

Теперь Вася не просто гонял по площадям и улицам. У него появилось важное дело!

Однажды, когда он вылез из бассейна и обтекал на солнышке, подошла остроносая девушка в очках.

— Мальчик, это ты Перепёлкин с колесом?

Оказалось, что он очень нужен для выступления в городском летнем лагере. Девушка (ее звали Элла Максимовна) заведовала там театральным кружком, и кружок этот ставил комедию, которую сочинил десятиклассник Кирилл Староконцев. Этакая смесь старинных греческих мифов и нынешней школьной жизни. Конечно, про любовь. А Васю просили сыграть роль крылатого письмоносца. В виде бога-мальчишки по имени Меркурий.

— Ты так лихо выскочишь на сцену на своем колесе! Это будет замечательный драматический эффект!

Вася почесал совсем побелевшую от солнца макушку и согласился. Отчего не согласиться, если люди просят. К тому же интересно. Страшновато, правда (как это — быть артистом!), но ведь другие-то выступают, и ничего, живы... Да и роль оказалась небольшая. Элла Максимовна сказала — «эпизодическая». Вася даже и не очень разобрался в содержании пьесы, у него-то дело было минутное. Вылететь из-за кулис, сделать несколько виражей вокруг плачущей от сердечного страдания старшеклассницы Елены, помахать свернутой в трубку бумагой и звонко прокричать:

Ну-ка встань и не реви!
Я принес письмо любви!
Ты от этого письма
Будешь рада без ума!

Вася решил, что справится. И репетиции это подтвердили.

Сперва решили, что Вася должен выглядеть как настоящий Меркурий — в одном только шлеме с крылышками и в набедренной повязке. Но оказалось, что Васины спина, грудь и живот еще не очень загорели по сравнению с руками-ногами и шеей. Помощница Эллы Максимовны, пожилая тетя Люба, которая ведала театральным хозяйством, сказала, что нету у нее столько коричневого грима «для покраски этого почтальона от горла до пупа». И добавила шепотом: «Да и шибко уж костлявый...» Тогда договорились, что пусть он появится на сцене в своей футболке со звездами.

— Это будет даже оригинально, — рассудила Элла Максимовна. — Такой космический посланец!.. А крылышки мы пришьем к твоей панаме.

Крылышки вырезали из ватманской бумаги. И такие же, только поменьше, прикрепили к Васиным кроссовкам, на пятках. Полагалось бы к сандалиям, как у настоящего Меркурия, но их не нашлось. Решили, что сойдет и так...

И сошло!

Спектакль состоялся на открытой театральной площадке в парке «Юность». Вася все сыграл как надо. Даже лучше, чем он сам ожидал! Зрители Васю проводили с эстрады шумными хлопками, а Элла Максимовна после спектакля вручила ему грамоту. Там было напечатано, что «ученик 3-го «А» кл. шк.

№ 2 Перепёлкин Вася награждается за активное участие в самодеятельности городского летнего лагеря».

Кстати, в дни репетиций и спектакля Васю вместе с другими артистами кормили в лагерной столовой, хотя путевки у него, конечно, не было. «Может, хоть немного поправится мальчонка», — вздыхала тетя Люба и незаметно подкладывала ему еще одну котлету. Вася котлету с благодарностью съедал, но не было заметно, чтобы поправился. Да и не очень-то хотел.

А грамоте Вася радовался от души! И Колесо радовалось. Ведь это была и его грамота. Вася на ней после своего имени поставил «птичку» и черным шариковым стержнем вписал сверху: «с Колесом». И лишь после этого приклеил грамоту к обоям, над диваном-кроватью.

Но больше всех радовалась Васиной награде мама. Ведь оказалось, что ее сын не только «носится неизвестно где, рискуя свернуть голову», но и принял участие в полезном деле. Может быть, у мальчика артистический талант?

Но проверить, есть ли талант, не удалось. Смена в летнем лагере закончилась, а когда началась вторая, драмкружка там уже не было.

А Васе хотелось выступить снова. Пусть не в прежней роли, но хоть как-нибудь! Не то чтобы его манила театральная слава, но появился азарт. Потому что до недавней поры был он ничем не знаменитый (кроме скандала в школе) второклассник Перепёлкин, и даже немного плакса, а тут все ему хлопали, все хвалили...

И Вася устроил еще одно выступление. На этот раз для ребят, которые катались на Водопроводной площади.

Старая водонапорная башня давно не работала. Раньше внутри ее были высоченные решетчатые столбы, на которых держался громадный бак, была винтовая лестница, что вела к площадке с насосами. Но потом это все разобрали, а для чего приспособить башню, городское начальство не придумало. Вот и стояла она пустая, как великанский стакан. Внутренние стены были ровными. Цементный пол утыкался в них не горизонтально, а скругленно (ну, будто специально для циркового номера).

Попасть в башню было проще простого — дверь-то выбита. Но заходили туда редко. Что делать в этой гулкой высоченной пустоте? Однако Вася придумал что-то!

Конечно, он не сразу решил выступить с таким трюком.

Сперва долго советовался с Колесом. Потом выбрал время, когда у башни почти не было народу, проник внутрь.

Нельзя сказать, что здесь было уютно. Падавший в верхние окна свет казался каким-то далеким. Влажный воздух разбежался по коже мурашками. И пахло «не очень». Дело в том, что некоторые мальчишки иногда забегали сюда по известной надобности.

Но... Вася передернул плечами и начал тренировку...

Оказалось, что дело не такое уж хитрое. Сперва просто погонял по кругу, потом — по наклонному соединению пола и стены. И наконец решился — на полной скорости взлетел на стену.

Центробежная сила прижала его с Колесом к вертикальной стене, будто к обычной ровной дороге. Кирпичная поверхность помчалась под Колесо бесконечной, размазанной в воздухе лентой. И было почти не страшно.

«Держись, Вася!» — подбадривало Колесо.

«Я держусь! Я...

Та-та-та, ду-ду-ду,
Никогда не упаду!»

И правда, не упал ни разу. Да и нельзя падать на такой скорости. Что было бы! В лучшем случае, как сказала бы мама, «сплошная коллекция синяков и шишек».

На следующий день Вася скромно объявил знакомым роллерам, самокатчикам и велосипедистам, что может показать гонки по вертикальной стене. Не верите? Пожалуйста, проходите в башню!

Человек пятнадцать прошли и встали кучкой в центре.

И Вася показал класс!

Он сделал по стене кругов десять. Потом лихо съехал на пол, затормозил, спрыгнул с педалей и раскинул руки. Как артист на арене! Но тут же, чтобы не подумали, будто хвастается, шмыгнул носом и потер под ним тыльной стороной ладони. Сказал негромко:

— Ну вот. Я же обещал...

Раздались аплодисменты. Почти как тогда, на спектакле. Потом Васю хлопали по плечам, говорили «ну, ты даешь!», «Кио-мио акробат!» и «поступай, Перепёлкин, в цирк!». Вася смущенно улыбался и поглаживал Колесо.

Никто на своих колесах и роликах не решился повторить Васин трюк. Но никто и не завидовал. Вернее, почти никто.

Была среди ребят на Водопроводной площади компания из трех человек — двое на скейтах, один на маленьком складном велосипеде. Все трое класса из седьмого. Поглядывали на Васю издали, ухмылялись между собой и никогда не подходили. Ну и понятно! Чего им не ухмыляться и не поглядывать, если один был в точности как тот школьный дежурный Переверзев! С таким же дырчатым лицом-караваем, только ростом поменьше. Наверняка брат! И наверняка знает про «Недопёлкина»! Конечно, хотел бы с друзьями сделать Васе какую-нибудь пакость. Но пусть попробуют! Другие не дадут в обиду, здесь народ Перепёлкина уважает. Да и не догнать Васю, если он на педалях!

Впрочем, никто к Васе не приставал...

Иногда Вася и Колесо заскакивали на работу к папе. Там Васю добродушно встречали бородатые лаборанты-аспиранты. Давали посидеть у компьютера, показывали «игрушки». Вася интересовался, нет ли среди «игрушек» чего нового. Новое было, но всё «новое-старое». Стрелялки и гонки среди чудовищ. Появилась, правда, игра о приключениях в Африке, но там надо было тоже стрелять — в носорогов, львов и горилл. Кто поубивает побольше, переходит на новый уровень, охотиться за другими зверями. Васе оно зачем, такое дело? И он опять вскакивал на педали — мчаться к башне, к бассейну или отыскивать в городе Осинцеве неведомые раньше интересные места.

Таких мест было немало. Например, у древнего, похожего на могучую крепость с башнями Крестовоздвиженского монастыря (его в ту пору ремонтировали, золотили купола и кресты). Или на высоких берегах реки Таволги, по которой бежали катера и даже ходил речной трамвай. Или в запутанных переулках Камышинской слободы, что начинается за вокзалом. В тихих переулках множество причудливых домов с мезонинами и узорчатыми водосточными трубами, а плиточные тротуары круто взбегают на заросшие подорожником и сурепкой пригорки.

Колесо тоже резво взбегало на пригорки. Без всяких усилий! Ленивые желтоглазые псы удивленно глядели из-под ворот на непонятного, пролетающего мимо пацана в чем-то вроде короткого трепещущего платяща с зелеными звездами. И забывали гавкать.

Бумажные крылышки на кроссовках тоже трепетали от встречного воздуха. Дело в том, что Вася не стал их отцеплять

после спектакля. На панаме крылья тоже остались, но Вася не надевал ее (неудобно в ней нырять с ходу в бассейн), а с крылышками на пятках так и гулял. Казалось, что они придают ему и колесу дополнительную легкость. Ребятам на площади Вася объяснял, что «это стабилизаторы для управления». А прохожие на улицах ничего не успевали разглядеть — промчался мальчик, и след его простыл.

Но к тому дню, когда случилось несчастье, крылышки истрепались и оторвались... А несчастье случилось, да. Наверно, потому, что не бывает в жизни одних только счастливых дней. А может быть, как раз потому, что не стало крылышек. Это могло оказаться дурной приметой, накликать беду.

ЗЛОДЕЙСТВО

...А с утра ничто не предвещало беды. Вася, как всегда, покатался у башни, а в полдень примчался к бассейну. Оставил у гранитного барьера Колесо и, даже не сняв кроссовок, прыгнул в воду. Бултых! Брызги, струи, прохлада! Плеск и визги! Радуги на ресницах, счастье!

И длилось-то это счастье не больше минуты, но... Когда Вася высочил из бассейна, Колеса не оказалось.

Васино сердце ухнуло куда-то вниз! В темный ужас! Вася заметался вокруг бассейна. Он заглядывал под скамейки и, мокрый, отчаянный, пугал людей, когда подскакивал с криком:

— Колесо! Вы не видели моего Колеса?

Незнакомые люди отшатывались и мотали головами, не понимали. А знакомые ребята, которые понимали, только пожимали плечами:

— Мы же купались, не смотрели...

Вася бросился к милиционеру, который стоял на посту недалеко от входа в музей.

— Товарищ старшина! У меня украли Колесо!

Милиционер был высок, усат и поначалу внимателен. Согнулся над пацаненком в раскисших кроссовках на тощих, как ореховые прутья, ногах и в облепившей его футболке со звездами:

— Стоп. Перестань всхлипывать и сообщи внятно. Какое колесо?

Вася всхлипнул еще раз и сообщил внятно:

— Мое Колесо! Я на нем катался! Потом искупался, вылез, а его нет! Кто-то утащил!

— Да что за колесо-то? Самокат?

— Не самокат! Просто колесо с педалями! Я на нем ездил!

— Не слышал о таких колесах. Какой марки этот аппарат?

Где куплен?

— Да не куплен! Я нашел его на свалке! Оно от трехколесного велосипеда! Я сам приделал педали, из фанерок!

— Постой! Значит, оно не имеет материальной ценности?

— Да как же не имеет! Оно для меня самое лучшее!

— Для тебя-то может быть, — согласился старшина. — Но милиция не может искать колеса со свалки. Посуди сам. Что-бы угнанные машины отыскивать, не хватает времени, а ты говоришь «колесо»...

— А что же делать?!

— Ну, что... Ищи сам.

Вася смотрел на старшину снизу вверх сквозь мокрые ресницы. Тот стоял уже совсем прямо и, казалось, подпирал головой поднебесье.

— Но вы же... обязаны! — Вася вскрикнул с новой силой. — Ваш начальник недавно выступал по телевизору! Говорил, что милиция должна помогать всем!

— Да? Ну ладно, попробуем... — Старшина взялся за рацию в кожаном футляре, она висела на груди. — Внимание! Всем постам! Если заметите подозрительных лиц, скорее всего подростков, с колесом от детского велосипеда, снабженным самодельными педалями, задержите и доставьте в ближайшее отделение. — Потом он опять глянул с высоты на Васю. — Вот так. Теперь надо ждать. А ты не теряй время, сам тоже поищи.

И Вася пошел прочь. Он прекрасно видел, что милиционер не нажал кнопку вызова, говорил в невключенную рацию. И, кроме того, не спросил у Васи адрес, чтобы сообщить о находке.

Никакой помощи не будет. Да и в самом деле — что для милиции мальчишкино колесо, если украденных автомобилей найти не могут...

Вася побрел к дому. Было непривычно, что он не катит на педалях, а шагает вот так на ослабевших от горя ногах. Он шел и заранее ужасался тому, что его ждет.

Его ждала тоскливая неизвестность, мучительное ожидание.

Колесо обещало, что, если его украдут, оно сбежит и вер-

нется к Васе. Да! Но воры, они ведь тоже не дураки. Они наверняка сообразили, что Колесо не простое, иначе зачем бы стали красть! Запрут на всякий случай, чтобы не укатило само собой и чтобы не увидел его кто-нибудь из Васиных знакомых... Значит, надежда, что Колесо вернется, — самая крохотная.

Но совсем без надежды жить нельзя. Дома Вася уселся на балконе и стал смотреть вниз. Было видно крыльцо подъезда и ведущий к нему асфальтовый тротуар. Если Колесо прикатит, Вася заметит сразу. И помчится вниз, потому что по ступеням оно едва ли допрыгает до четвертого этажа...

Вася сидел и ждал, ждал, ждал. А что оставалось делать? Иногда он опять всхлипывал, а иногда каменел, сцепив зубы. Ждал час, второй, третий, четвертый... Наконец пришли мама и папа. И, конечно, с порога:

— Вася, ты обедал?

Он не ответил. Мама тут же появилась на балконе. Пригляделась.

— Батюшки, что случилось?! Ты опух от слез!

Вася не стал отбрыкиваться, заплакал опять и сказал сразу:

— Украли Колесо...

— Боже мой... Но нельзя же так убиваться! Олег, скажи ему!

Да, скажи! Скажите оба! Посоветуйте что-нибудь! Вы же мама и папа! Вася мотнул головой, разбрызгивая слезы. Папа появился рядом. Взял Васю за локоть.

— Послушай... Можно ведь найти другое колесо. А я раздобуду настоящие педали. Будет еще лучше...

Вася убрал локоть. Как им объяснить? Если станешь говорить про с о з в у ч и е, сразу: «Ну вот, новая фантазия...»

Мама постояла над Васей и неуверенно спросила:

— Может быть, ты все-таки поешь?

Вася возмущенно дернулся и... вдруг понял, что да, он хочет есть. Вот ведь какое дело. Голод не оставляет человека, не смотря на горе.

— Только я здесь, на балконе. А то вдруг оно появится в эти самые минуты...

Мама и папа, кажется, переглянулись.

— Ну хорошо, хорошо, — торопливо сказал папа. — Можно и здесь

Мама принесла сосиски с пюре, хлеб и молоко, поставила на табурет. Вася жевал, запивал молоком. И неотрывно смотрел вниз.

Тени стали длинными, потом солнце ушло за дом.

— Может быть, ты полежишь? — с прежней осторожностью спросила мама.

Что она говорит! Он никуда не уйдет, будет сидеть всю ночь! Но... вязкая усталость вдруг навалилась так, что сами собой склеились ресницы. Вася толчком поднялся и побрел к постели. Он решил, что полежит совсем немножко и вернется на свой пост. Как раз наступят сумерки, и, скорее всего, тогда-то Колесо и возвратится. Сумерки — самое подходящее время для побега. А полной темноты не будет, потому что лето. И к тому же у подъезда зажгут лампочку.

Вася лег ничком поверх покрывала. Уткнулся в подушку. Пришла мама и осторожно укрыла его зимним пушистым платком.

Потом, за ширмой, она сказала папе:

— Боюсь, что все-таки потребуется врач...

— Ну что ты говоришь, Яна! Ребенок потерял любимую игрушку, это для него беда, а не болезнь.

— Она сл и ш к о м любимая. Он горюет о своем чертовом колесе, как о живом. Это какой-то с и н д р о м.

— Не говори чепуху!

— Ну да, ну да! Я всегда говорю чепуху! Тебе только бы поменьше хлопот! Поэтому когда надо вести его в поликлинику или сидеть с ним с больным, у тебя или дежурство, или командировка! А я...

Папа сказал негромко, но твердо:

— Яна, давай не будем х о т я б ы с е й ч а с...

Это было последнее, что расслышал Вася. Он провалился в глухой и беспросветный сон, где не было ничего. До утра.

Утром Вася проснулся без всякой памяти о случившемся. Просто с ощущением: вот утро. Машинально сунул руку за подушку, чтобы потрогать Колесо и сказать «привет». Не было Колеса... И тугими черными толчками к Васе стали возвращаться воспоминания — про все, что случилось.

Он так и лежал — под маминым платком, в ссохшейся звездной футболке. И лицо, кажется, тоже было ссохшимся — от вчерашних слез... Что же теперь делать-то, как жить?

Но утренний луч отразился от дальнего стекла на дворе, проник в комнату, в щель на ширме и щекотнул Васин затылок. Утро — время надежд. Время, когда человек понимает: надо что-то делать. Искать, стараться, спорить...

Вася встал.

Он умылся и вычистил зубы. Он под маминым и папиным осторожным наблюдением съел гречневую кашу и яйцо всмятку (потому что понадобятся силы).

— Как ты себя чувствуешь? — опасливо спросила мама.

— Вполне... — буркнул Вася.

— Я рад, что ты ведешь себя как мужчина, — бодро заметил папа. Вася промолчал. Он вел себя не как мужчина, а как мальчик Вася, который решил во что бы то ни стало найти Колесо. Своего друга...

— Какие планы на день? — с прежней осторожностью поинтересовалась мама.

— Всякие. Гулять буду...

— Приходи в институт, — предложил папа. — В секторе «Б» поставили новый компьютер. В обеденный перерыв можно поиграть.

— Не хочу. Компьютер новый, а игры все те же. Мордобой... — с ненастоящей капризностью сказал Вася. Этим своим тоном он убедил родителей, что «вошел в нормальное русло». Мама взяла с Васи слово, что с часу до двух он будет дома. «Тетя Тома приготовит что-нибудь горячее, чтобы ты пообедал, как все нормальные дети. А у меня сегодня семинар по фармакологии». И родители ушли.

Вася стал готовиться к поискам. Он понимал, что поиски будут долгими. Может быть, на все лето. Но пока ищешь, надежда не умирает. Он будет расспрашивать знакомых и незнакомых людей, проникать во все осинцевские дворы, следить за всякими подозрительными типами. В какой-то старой песенке поется: «Кто ищет, тот всегда найдет»...

Вася надел «сафари». Этот костюм охотника и путешественника лучше всего годился для предстоящих разведок и опасностей. А в том, что опасности встретятся, Вася не сомневался. Надел он и панаму, оборвав с нее бумажные крылышки...

Прежде всего Вася решил пойти на Водопроводную площадь. Может быть, знакомые ребята что-то знают про Колесо? Что-то видели, слышали?

Снова он почувствовал, как неловко двигаться пешком. Привыкшие к педалям ноги теперь, без Колеса, казались отяжелевшими, даже заплетались. В квартале от площади Вася присел на скамейку в крохотном скверике. Дело было не толь-

ко в непослушных ногах. Вася понял, что ему стыдно идти к ребятам. Словно следы от слез все еще не смылись со щек... Ну, ему посочувствуют, конечно. Может быть, постараются помочь советами. Но смотреть на него как на «Перепёлкина с Колесом» уже не будут. Потому что кто он без Колеса-то? Неподёлкин, вот и все! Ноль без палочки...

Вася раньше слышал такое выражение от папы — про какого-то бездельника в институте. Но теперь казалось — это про него, про Васю. Хотя если сравнивать точно, то на ноль было похоже как раз Колесо, а на палочку-единицу — Вася. Но это внешне. А по сути Вася как раз и есть круглый ноль, пустое место. Весь авторитет у него был только благодаря Колесу.

«Да не надо мне никакого авторитета! Лишь бы он о было рядом!»

«Это ты сейчас так говоришь. А как найдешь — сразу вскочишь на педали!»

«А вот и нет! Я буду с ним просто разговаривать!»

«Это ты сейчас так говоришь...»

Вася приготовился долго спорить сам с собой, как это бывало у него уже не раз (он, как известно, любил порассуждать!). Но спохватился: надо ведь идти, искать! Не хочется, но надо!

И в этот момент кто-то негромко сказал:

— Перепёлкин...

Сбоку от скамейки стоял мальчик лет семи. Со скейтом под мышкой, в велосипедном шлеме из кожаных колбасок, в большущих пухлых наколенниках. Вася его помнил. Это был самый маленький любитель роликов на площади у башни. Звали его как негритенка в старом фильме про моряков — Максимка. Правда, по виду он совсем не был негритенком — веснушчатый и с розовыми круглыми ушами.

Максимка облизал пухлые с трещинками губы.

— Перепёлкин, я знаю, кто украл твое колесо...

— Кто?! — Вася рванулся со скамьи и откинулся опять. — Максимка, кто?..

— Это три дружка. Шурка Переверзев, Мишка Гвоздев и еще один, его зовут Цыпа. Может, ты их помнишь, они всегда вместе...

Вася кулаками врезал по коленкам.

— Я так и знал, что это они!

Ничего он такого не знал, не думал. Вчера почему-то и в

голову не пришло, что воры — та самая тройка с вечными ухмылками на рожах. Но теперь стало ясно как дважды два: больше некому!

— Спасибо, Максимка! Я их найду! — Вася снова вскочил. И в ногах уже не было вязкой усталости.

— Перепёлкин, а ты знаешь, где они живут?

— Нет, но я найду!

— Это довольно далеко, — обстоятельно разъяснил Максимка и вновь облизал губы. — Это на Партизанской улице, напротив магазина «Ананас». У них двор с зелеными воротами.

— Спасибо, — с чувством повторил Вася. — Максимка, а как ты узнал, что это они?

— Да все говорят. Могли еще вчера тебе сказать, но боятся этого... Переверзи. И его брата. Говорят, он крутой...

«А я боюсь? А вот фиг вам, ничего я не боюсь!» И Вася приготовился мчаться на близкую Партизанскую улицу.

— Перепёлкин, знаешь что... Если можно, ты не говори, что это я тебе про них рассказал. Ладно? — Максимка, нагнувшись, машинально почесывал наколенник. И виноватыми желтыми очами глядел из-под кожаного ободка.

— Я никому! Самое честное!..

— Нет, ну если будет очень важно, то скажи. А если не очень, то лучше не надо. А то как поймают... Они такие гады...

— Максимка, я никому ни звука! Не бойся! — И Вася помчался на Партизанскую.

Эта улица лежала за городским рынком. Рынок Вася пересек на полной скорости, напрямик — от главных ворот до выхода в Базарный переулок. Орала вслед сердитые продавщицы и покупательницы. Гневная толстая тетя швырнула ему вслед помидор и попала между лопаток (наплевать!). Горбоносый продавец, у которого Вася чуть не сбил с прилавка груды винограда, жалобно вопил:

— Ай, какой мальчик! Нехороший мальчик!

Вася не оглядывался. Он думал только о Колесе!.. Хотя нет, не только. Позади этой главной мысли прыгала в такт бегу еще одна. О том, какой замечательный человек этот веснушчатый лопухий Максимка! И как он, Вася, Максимке благодарен. Если даже... даже случится самое плохое и он не найдет Колеса, благодарность все равно останется. И, может быть,

они с Максимкой подружатся. Ну и что же, что маленький? Всего-то года на два младше, наверно. Пустяк!

Партизанская улица начиналась в квартале от Базарного переулка. И здесь Вася перешел на медленный шаг. Не потому, что запыхался, а для осторожности. Надо быть внимательным и скрытным, когда ты в разведке.

Вася пошел не по тротуару, а ближе к дороге, вдоль плотных кустов желтой акации. В случае чего можно сразу нырнуть в перистую зелень. Но пока никакой опасности не замечалось. Взрослые прохожие не обращали на мальчишку в панаме внимания. А ребята не попадались вовсе.

Так Вася добрался до магазина «Ананас». Несмотря на необычное название, это была просто овощная и фруктовая лавка. Старинный кирпичный домик с двумя окнами и дверью посередине. У «Ананаса» полоса кустов кончилась, и зеленые ворота с высоким некрашеным забором были отлично видны через дорогу. Наблюдать необходимо было из укрытия, и Вася вошел в магазинчик. Здесь пахло капустой и яблоками.

Вася стал смотреть на ворота и забор сквозь стеклянную дверь. Ворота и калитка рядом с ними выглядели такими прочными, что было сразу ясно: заперты наглухо. Высокий забор из серых досок был тоже плотным и глухим. Вася приуныл.

— Мальчик, ты зачем пришел? Покупать или что? — сказала из-за прилавка недовольная жизнью продавщица. — Если в прятки играть, то иди играй на улице.

Вася вышел. Воробьято огляделся, перебежал брусчатую мостовую. Крадучись пошел вдоль забора. Высоченные занозистые доски стояли отвесно и неприступно — не допрыгнешь, не перелезешь. И ни единой щелки... Но забор наконец кончился. Вернее, круто повернул налево, в узкий, заросший репейником проход. И Вася вмиг приободрился: он по опыту знал, что в таких местах обязательно бывают в заборах проходы (или «пролазы»).

К репейным джунглям Васе было не привыкать. Он пробирался, как опытный африканский разведчик, почти без шуршанья. И ощупывал доски, которые стали теперь более хлипкими и низкими.

И вот Васе повезло второй раз (первый — это с Максимкой). Он увидел, что одна доска болтается только на верхнем гвозде, можно отодвинуть. Судя по всему ее и отодвигали не раз — репейник здесь оказался изрядно примят. Разведчик Перепёлкин оттянул доску в сторону, глянул в щель.

И здесь судьба третий раз наградила Васю везеньем. Он увидел просторный двор, а посреди двора — тех троих. Они возились с прислоненным к невысокому столбу велосипедом. Да наплевать на этих гадов! Главное — что на вбитом в столб крюке висело Колесо!

Васино родное Колесо! Самое дорогое на свете!

ВОЙ НА ПАРТИЗАНСКОЙ

Впору было заплакать от счастья и горечи. Вот оно, невредимое! Но как достать?

Столб служил, конечно, для бельевых веревок. Сейчас веревок не было, и большущие железные крючья торчали, как когти. Колесо висело на самом верхнем. Конечно, само оно соскочить не могло, но можно было с разбега допрыгнуть, сбить!

А потом что?

А потом — налево, к воротам и калитке! Калитка на засове, но можно сдвинуть его одним отчаянным рывком. За калиткой же — на педали, и попробуйте догнать, ворюги проклятые!

Если сейчас нырнуть в щель, промчаться через двор быстрее ветра, враги не успеют опомниться!

«Решайся, Перепёлкин!»

«А чего решаться-то! Все равно другого пути нет...»

«Ну так что же ты?»

«А чего я... Я сейчас... Только сосчитаю до трех...»

Он изо всех сил вздохнул и сосчитал. Снял панаму, скрутил и сунул в просторный карман на шортах. И, зацепившись погонном рубашки за доску (и оторвав его), рванулся в щель! И помчался!

Казалось, что бежит он долго-долго, по бесконечному полю. Высокие головки подорожников хлестко шелкали по ногам. А встречный воздух был плотный, как вата, и его приходилось расталкивать грудью... И все же Вася добежал. И за это время ни один из троих врагов не успел взглянуть на него. Вася рванулся вверх, ударил снизу по Колесу, как по волейбольному мячу. Колесо подскочило и прыгнуло к Васе в руки. И он кинулся к калитке!

И тогда-то сзади раздалось:

— Шухер, братва!

— Это Недопёлкин! Держи паразита!

Вася знал, что не задержат! У него — удача! Все случилось справедливо, как надо!

Все случилось бы как надо, но... Из дощатой будки в дальнем углу двора кинулся наперерез кудлатый грязно-бурый волкодав!

Зверь мчался с хриплыми рыками, а над ним скользила по натянутой над двором проволоке длинная цепь. Вася понял, что не успеть к калитке. Рванулся еще левее. Там, у высоченной кирпичной стены, была сложена длинная березовая поленница. Двухметровой высоты. Как на нее Вася сумел взлететь (с Колесом в руках), он и сам потом не мог сообразить. Но взлетел в одну секунду! И отчаянно глянул сверху.

Пес бесновался, поставив на торцы поленьев когтистые лапы. Сипел от непрерывного лая. Вася вообще-то не боялся собак. Особенно больших (у них в черепной коробке мозгов больше, чем у мелких скандальных мосек). Если такие псы гавкают, но при этом машут хвостами, ничего страшного. Их можно уговорить ласковыми словами, а потом и погладить. Но этот не мотал хвостом. А с морды срывалась мутная слюна. И глаза были тоже мутные.

Вася левой рукой сжимал Колесо. А правой он схватил полено и бросил в собаку. Оно чиркнуло по кудлатой спине. Волкодав тьякнул как-то по-щенячьи, отскочил метра на три, сел в подорожники и загавкал снова. Но уже без прежней уверенности.

Трое дружков стали в двух шагах от поленницы. Переверзя задрал лицо-каравай.

— Ты чё собаку обижаешь, гнида? Она тебе чё сделала?

— А я вам что сделал?! Украли Колесо да еще собакой травили!

— Нехорошо говоришь. Не украли, а взяли покататься, — вежливо поправил Васю цыганистый курчавый Цыпа.

— Ворюги!

— Щас будешь извиняться, — пообещал тонкошей и длиннорукий Мишка Гвоздев. И сделал неосторожный шаг к поленнице.

Вася пустил над его головой полено. Так ловко, что чуть не чиркнуло по волосам! Гвоздев присел и на короточках отбежал на несколько шагов. Сказал оттуда:

— Псих...

Переверзя и Цыпа тоже отскочили. Цыпа снисходительно объяснил:

— Это ты псих, Штырь. Сам подставляешь свою глупую башку. Надо взять мальчика аккуратно...

Гвоздев-Штырь воспринял критику с пониманием.

— Больше не буду... А как взять-то?

— Да, как? — злорадно спросил Вася. И ухватил другое полено. Сердце у него колотилось глухо и часто, но он не боялся. То есть, может, и боялся, но страх этот сидел где-то очень спрятанно, а главными чувствами были злость на трех негодяев. И боевой азарт. Пусть, пусть подходят! Увидят, что Перепёлкин — не ноль без палочки! Он сумеет защитить друга!

— Замочу гада, — неуверенно пообещал Переверзя. Он был, видимо, самый главный, но и самый тупой.

Вася покачал в ладони полено.

— Только суньтесь, бандерлоги недожденные! — Это Вася вспомнил книжку про Маугли.

— Как нехорошо выражается, — покачал головой Цыпа. — Надо сказать мамочке, чтобы отшлепала.

— Скажите, скажите! — радостно откликнулся Вася. Его осенила счастливая фантазия: — Мама скоро придет! И папа! Они ведь знают, куда я пошел!

— Пусть приходят, — захихикал Штырь. — Калитка заперта, щеколда крепкая. А дыру они ни в жисть не найдут. Мамочки и папочки не лазят по бурьянам.

— Они придут с милицией!

— На фиг милиции всякие мамини недопёлкины. Им с бандитами-то разбираться некогда, — лениво заявил Переверзя.

Вася вспомнил вчерашнего старшину и понял, что Переверзя прав. Тупой, а рассудил здраво.

Цыпа пообещал Васе:

— Все равно куда не денешься, воробышек.

Деваться и правда было некуда. Если спрыгнешь — спадают сразу. Да еще зверюга эта. А сзади гладкая кирпичная стена высотой в два этажа.

В небе резво бежали маленькие клочковатые облака. Через солнечный двор косо пролетали их тени.

— Штырь, ты вали слева, а ты, Цыпа, с другого фланга, — распорядился Переверзя. — А я прямо. Будем брать с трех сторон.

Не получилось у них ни с флангов, ни прямо. Три полена свистнули друг за дружкой. Вася пустил их почти не целясь,

но удачно. Цыпа, правда, — увернулся, но упал носом в крапиву, а Штырь захныкал и запрыгал, держась за ногу: под обрезанной джинсовой штаниной появилась во-от такая ссадина. Переверзя же сидел и громко икал — березовый кругляк угодил ему под дых, в майку с портретом какой-то волосатой поп-звезды.

Вася пустил в три стороны еще по одному полену — как предупреждение. Три приятеля быстро-быстро отбежали на недоступную обстрелу дистанцию. И там стали громко обсуждать дальнейшую Васину судьбу. Все речи сводились к тому, что «Недопёлкину не жить».

— А поленьев здесь много! — сказал им издалека Вася.

— А и пусть много, — решил Переверзя. — Небось когда-нибудь кончатся. И поленница станет ни-изенькая. И Барсик тебя стащит оттуда за ж...

Волкодав с ласковым именем Барсик утвердительно гавкнул.

— Молодец, Барсик. Ты притащишь его нам, — радостно дополнил Цыпа. — И мы ему сперва пооткручиваем ноги...

— Против часовой стрелки, — уточнил Штырь. — Если против, то больнее.

— Да... А потом мы... — начал добавлять подробности Цыпа и наговорил такое, что слушать было стыдно и противно.

— А после этого отвинтим голову, — подвел итог Переверзя.

Штырь опять уточнил:

— Против часовой стрелки. Так больнее...

Вася не выдержал. Набрал воздуха и громко сказал, кто они и какие. Такими словами сказал, которых до этого момента не говорил ни при ком на свете и даже один на один с собой (и краснел, если слышал от других). Но сейчас ярость была сильнее стыда. И нужна она была, чтобы поддержать в душе боевой дух, потому что он понемножку уже угасал.

Переверзя, Штырь и Цыпа, сидя в траве, одинаково раскинули ноги и приоткрыли рты.

— Братва, а он не совсем лох, — задумчиво произнес Цыпа.

Переверзя поскреб пухлую щеку и спросил:

— А чё, Перепёлкин, хочешь домой?

Вася подумал и честно сказал:

— Да. Хочу.

— Тогда давай так. Спустишься, отдашь нам колесо и покажешь, как с ним обращаться. А мы тебя отпустим. Честно!

— И колесо отдадим. Через неделю, — пообещал Штырь. — Вот гад буду, отдадим!

— Ага. Обязательно, — кивнул Вася.

— Согласен?! — Переверзя подскочил, как надутая резиновая шина.

— Сейчас! Только надену новые тапочки и возьму разбег с Потёмкинской лестницы! — Так любил выражаться один лаборант в Керамическом институте, одессит Сеня Трускин.

Почему-то эти слова ужасно оскорбили Переверзю. Что он такое в них усмотрел! Даже взвыл тихонько. Вскочил, прыгнул и пошел к поленнице.

— Ты чё сказал, гнида! Ты это мне сказал, да? Я тебя, сьвака, за это... щас... — Он шел, скрючив руки, словно готов был растерзать ими Васю, поленницу и весь белый свет.

Тут Вася впервые по-настоящему испугался. Но стиснул зубы. Для прочности встал на дрова коленками, взял еще один деревянный снаряд, а зажатый в левой ладони Колесом уперся в плоское полено. Ладонь была горячая, и ее что-то сильно щекотало. Что?.. И Вася наконец понял, что ему в кожу, в нервы, в голову бьется неслышимый вопль Колеса:

«Да слушай же ты, наконец! Ты слышишь или нет?! Балда глухая! Я с кем говорю! Очнись, дубина!» — Наверно, Колесо давно уже пыталось вот так «докричаться» до Васи.

«Что?!» — встрепенулся он.

«Проснулся, тетеря! Делай, что велю!»

«Что?!»

«Сними с меня шину!»

«Зачем?»

«Делай, не болтай! Сними и надень на шею! Быстро!»

Вася метнул в Переверзю полено (опять удачно) и, ломая ногти, начал сдирать тугую резину с обода. Та никак не хотела сниматься. Будто приклеилась!

«Ну что ты такой слабосильный!»

Это было как пинок! Вася выстрелил сквозь зубы воздух и рванул изо всех сил! Резиновое кольцо вырвалось из цепкой железной канавки. Вася накинул его на шею.

«Ну?»

«Поставь меня на проволоку!»

Вася понял сразу. Проволока для собачьей цепи проходила над самой поленницей. И была намотана концом на вбитый в кирпичи железный костыль. А дальний ее конец тянулся к верхней кромке забора за конурой.

Вася поставил обод-желобок на проволоку. Она затряслась.

«Теперь прыгай на педали!»

Вася давно уже умел прыгать на педали сразу двумя ступнями. Но это если на земле. А здесь-то...

«Я же обязательно сорвусь!»

«Я тебе сорвусь! Прыгай немедленно!» — Колесо сердито качало педалями. Вася знал: у Колеса характер гораздо крепче, чем у него, железный. Раз велит — надо. Зажмурился на миг и скакнул...

И дальше все случилось в две секунды. Колесо пронесло его по гудящей проволоке над зеленью двора, воздух засвистел в ушах. Вася не успел бы упасть, если бы даже захотел. Звякнуло под ободом кольцо собачьей цепи, твякнул изумленный Барсик, мелькнули три раскрытых рта... Колесо ударилось о край забора, и Вася полетел на улицу, в жесткую и упругую акацию.

Колесо врезалось в листья рядом с ним.

Вася первым делом вцепился в Колесо. И тут же мысленно ошупал себя: цел?.. Да, цел! Кусты — они всегда смягчают удар. Только локоть саднило да на коленях через втертую берестой белизну проступал алый бисер (мельком вспомнились Максимины наколенники, вот пригодились бы!). Вася сплюнул прилипшие к губам листики.

«Надевай шину! — нетерпеливо зудело Колесо. — Надо бежать!»

Но Вася понял, что надеть шину не успеет.

Три злодея оправились от изумления очень быстро! Перемахнули через забор следом за Васей! Шарили глазами по кустам! Увидели! И оставалось одно — уносить ноги, рванув, как с низкого старта.

Они мчались по пятам!

— Ну, гнида!

— Ну, Недопёлкин!

— Стой, зараза, а то убью!

И хоть бы кто-нибудь умный и сильный попался навстречу, крикнул бы: «Что пристали трое к одному! А ну прочь!» Но только тетушки с тяжелыми сумками шарахались в стороны и орали вслеп всем четверым: «Милиции на вас нет! Шпана проклятая!»

Вообще-то Вася бегать умел — легонький, длинноногий. Но сейчас враги почему-то не отставали, хотя и грузные, особенно Переверзя. У Васи уже кололо в боку. Да еще Колесо

мешало. Его приходилось держать на отлете, чтобы педаль не была по колену.

Выиграть хотя бы десять секунд! Чтобы надеть шину!

Не было ни секунды. Тяжкий топот бил в спину.

— Не уйдешь... Недопупкин... Недописькин...

Беспомощно трепыхался за плечом оторванный погон.

Ведущим под уклон переулком Вася выскочил на заросший берег. Мелькнула совсем уж безумная надежда: вдруг у воды какая-нибудь лодка! Вскочить, оттолкнуться.

Но никаких лодок не было. Тем более что здесь не река, а старица. Когда-то Таволга двумя руслами огибала узкий песчаный остров, но потом левое русло перекрыли дамбами — чтобы при половодье в него не входила вода, не заливала прибрежные улицы. И получился очень длинный пруд. Постепенно он зарос камышом, в котором по вечерам весело орали лягушки. А о прежней речной жизни напоминал только ветхий колесный пароход, приткнувшийся к той земле, что раньше была островом. Такой старый, что сквозь него проросла береза.

И все же это был не беспризорный пароход. Говорили, что на нем до сих пор служит сторож — хмурый старик с берданкой. Не пускает к себе ни рыбаков, ни купальщиков... Ну пусть хмурый, пусть сердитый! Но не зверь же! Бывают сердитые, но справедливые! Вот вышел бы на палубу да увидел бы, как гонят ни в чем не виноватого Перепёлкина, да как шарахнул бы из берданки!..

Вася бежал у самой воды, по заросшей тропке. Он поравнялся с пароходом. От борта над водой тянулся к этому берегу тонкий проволочный трос. Был примотан к торчащему у тропинки столбику.

— Давай! — приказало Колесо.

Вася и сам видел — это единственное спасение. Поставил Колесо желобком на трос. Прыгнул на педали. Его пронесло над водой в пять секунд. Колесо стукнуло в ограждение борта. Вася полетел на щелястую носовую палубу. Колесо уткнулось ему в бок, Вася схватил его...

А дальше было как он мечтал! Появился обросший серебрястой шетиной старик. Не рассердился. Глянул на берег, на Васю, поднял его. От полосатой вязаной кофты крепко пахло табаком. Старик сипло сказал:

— Что, загоняли журавлика?

— Да... — с первой слезинкой выдохнул Вася.

Трое озадаченно переминались на берегу.

— А постой-ка... — Старик ушел в каютную надстройку и тут же вернулся с ружьем небывалой длины. Опять глянул на берег. — А ну, брысь от водного объекта!! — гаркнул он уже без всякой сиплости, так что пригнулись камыши. Вскинул ружье одной рукой и грохнул вверх из похожего на черную трубу ствола.

...Когда Вася открыл глаза, над палубой клубился синий дым, а на берегу никого не было. Вася потрогал уши. Глянул вопросительно. Старик улыбнулся заросшим ртом с редкими желтыми зубами. В этот миг в дверном проеме возник низенький рыжебородый дядька в перемазанной красками тужурке.

— Чего салютуешь, Акимыч?

— Порядок наводил... Гляди, Филя, какую к нам занесло птаху... — И осторожно взял Васю за локоть. — Малость ободрал перышки. Не осталось ли у нас, Филя, в аптечке капельки спирта?

— Что ты, Акимыч, откуда... — виновато отозвался рыжебородый. — Да ведь можно и йодом...

— Оно и правда. Не сообразил как-то...

Вася и бородатый Филя смотрели друг на друга. Филя улыбнулся и сощурил ярко-голубые глазки:

— А мы вроде бы знакомы?

— Да, — чуть виновато улыбнулся и Вася. — А вы... нарисовали тогда желтый лист?

— Конечно, — значительно сказал Филя. — И картину почти сразу купили. А вскоре я написал вторую, почти такую же.

— И ее тоже купили?!

— Что ты! Я оставил ее себе... На ней тот же город, только в углу не кленовый лист, а мальчик в красной куртке... Как тебя зовут, мальчик?

РЯБИНОВЫЙ БУЛЬВАР

Эта история с картиной случилась прошлой осенью. Был конец сентября — зябкое такое время с дождиками и серыми облаками. Но иногда облака разрывались и через них пробивалась чистая синева и умытое солнце. Луи отбрасывали солнце тонкими лучами. В лужах плавали разноцветные листья.

В тот раз второклассник Перепёлкин пошел из школы не прямой дорогой, а по Рябиновому бульвару. Так ему захоте-

лось. Поскольку бульвар — Рябиновый, то, разумеется, рябин там немало. Тяжелые гроздья алых ягод горели в засохшей коричневой листве. А еще здесь было много кленов с лимонными разлапистыми листьями, которые то и дело падали на аллею. Пахло горьковатой корой, сырым песком и увядшей травой. Но среди этой травы кое-где еще белели ромашки и храбро желтела высокая сурепка. Все это нравилось Васе.

А еще Васе нравилось, что вдоль аллеи были выставлены на садовых скамейках картины художников. На продажу. На картинах чего только не было! Корабли в бурном море (и в спокойном тоже), кувшины и вазы с яркими букетами, городские и деревенские пейзажи, синие озера с водопадами, кошки и собаки разных пород и полнотелые тетеньки (в таком виде, будто у них не хватило денег на одежду). Ну и еще много всего... Кроме картин здесь продавались изделия из камня и стекла, красно-зеленые корзинки, узорчатые шкатулки из бересты, янтарные бусы и серьги и множество рамок всяких размеров.

Художники и мастера стояли рядом со скамейками, переступали с ноги на ногу и бывало, что украдкой доставали из карманов плоские бутылочки, делали глоток-другой. Сами понимаете — постой-ка весь день на холоде...

Надо сказать, покупателей было немало. То и дело разные дяди и тети уносили под мышкой то упакованные в желтую бумагу живописные полотна, то всяческие вазочки и стеклянные статуэтки... Лишь одному художнику совершенно не везло. Может быть, потому, что он был стеснительный и стоял поодалу от других, в самом конце торгового ряда. А может, потому, что был он очень невысокий, хотя и широкоплечий (говорят, к низкорослым людям удача приходит гораздо реже, чем к высоким). И, несмотря на то что лицо у художника было симпатичное — с густой желтой бородой вокруг щек и подбородка и с ярко-голубыми глазами, — прохожие не задерживались у его картины (кстати, единственной).

Прохожие — они личности с ясным пониманием. Они знали, что береза должна быть похожа на березу, корабль на корабль, кошка на кошку, а красавица на красавицу. А здесь, на полотне метровой ширины, вечернее солнце высвечивало черт знает что. Какие-то клочки синей краски, белые и разноцветные треугольники и кубики, зеленые извилины... Люди лишь на миг задерживали на картине взгляд, пожимали плечами и шли дальше. Художник смотрел им вслед равнодушно и неза-

висимо. Однако на душе у него было пакостно. Он уже думал, не достать ли еще раз из внутреннего кармана стеклянную фляжку, чтобы хоть как-то утешиться. И вдруг услышал голосок:

— Знаете, в чем дело? Кажется, у вас тут чего-то не хватает...

Перед картиной стоял мальчик в вязаной шапке с помпонами и новенькой красной курточке. Курточка была мальчику велика, лямки школьного рюкзака комкали ее пухлые плечи. Из широкого ворота торчала голая тонкая шея. Одна джинсовая штанина была заправлена в синий резиновый сапожок, а другая висела поверх голенища. Мальчик наклонил набок голову и смотрел на художника серо-желтыми внимательными глазами.

Художник не обиделся и не рассердился. Он помнил, как сам был мальчиком, и к ребячьему народу относился с пониманием. Большим пальцем художник почесал в бороде, спросил с интересом:

— И чего же у меня, по-твоему, не хватает?

— Знаете, почему никто не видит ваш город?..

— А ты видишь?!

— Конечно! А все люди спешат, им некогда взглянуться... Вы нарисуйте снизу в углу, вот здесь, что-нибудь яркое. Ну вот, например, кленовый лист. Человек сперва зацепится за него глазами, а потом начнет скользить взглядом вверх, наискосок. Вон туда, где флюгер на башне. И тогда город сам станет выстраиваться в глазах...

Художник встал рядом с мальчиком. С минуту они оба молча разглядывали пестрое полотно. Художник снова покопался большим пальцем в бороде. Потом тихо сказал:

— Спасибо, братец... Ты уникальный ребенок...

Он вытасил из-за картины и стал открывать плоский фанерный чемодан, который называется этюдник. Потом оглянулся. Но «уникального ребенка» уже не было.

Вася не стал дожидаться, когда художник начнет выполнять его совет. Нехорошо лезть под руку, если человек работает. Посоветовал и гуляй дальше...

Через несколько дней Вася снова увидел художника. Только уже не на бульваре, а рядом, на Каменном спуске. С этюдником на широком ремне художник бодро шагал по ступеням. Вася хотел набраться смелости, догнать и спросить: как дела с картиной. Но навстречу шла девушка в желтом плаще и с непокрытой головой — светлые волосы взлетали на ветерке.

— О, Филипп! — сказала девушка певуче. Остановилась и заулыбалась ярким широким ртом. Художник тоже остановился. Затеребил ремень этюдника (это все Вася видел метров с пяти, чуть придержав шаги).

— Здравствуйте, Оля...

— Здравствуйте, Филипп! Как хорошо, что я вас встретила. Мне надо с вами посоветоваться... — Она взяла рыжебородого Филиппа под руку, и они пошли вниз по заваленным осенними листьями ступеням. На Васю не обратили внимания.

...А город на той картине был интересный. С причудливыми домами и башнями, с запутанными улицами, где могло случиться множество приключений; с крутыми мостиками над ручьями; с густой зеленью, что цепко карабкалась на каменные стены. Хорошо, наверно, было бы жить в таком городе. Он Васе даже снился несколько раз. Но потом — среди множества всяких дел и забот — Вася забыл и город на картине, и рыжебородого художника.

И вот — новая встреча...

Вася быстро сделался на пароходе своим человеком. Его, можно сказать, зачислили в экипаж. Экипаж, правда, был невелик. Кроме Васи — старик Вячеслав Акимович да художник Филипп.

Вячеслав Акимович (или попросту Акимыч) с молодых лет служил на пароходе «Богатырь». В ту давнюю пору, когда Таволга еще не обмелела, по ней ходили такие вот двухэтажные пароходы с гребными колесами. Акимыч был сперва матросом, потом старшим матросом, плотником и наконец шкипером, то есть ответственным за все судовое имущество.

Однажды, когда старица была еще речным руслом, капитан «Богатыря» решил провести здесь свое судно — чтобы не тесниться на главном фарватере. Стоял разлив, для прохода вроде бы хватало глубины и ширины, однако бестолковый рулевой промахнулся и посадил пароход на отмель у острова. А буксиры сюда соваться боялись: недолго, мол, и самим окатиться на мели.

Капитану крепко влетело. Его перевели вторым помощником на «Октябрьскую революцию», а вода к тому времени стала убывать, и «Богатырь» оказался почти на суше. Был он в ту пору совсем уже стар, и его решили не стаскивать — рассыплется. А вскоре это русло отгородили. Пароход оказался на

местной стоянке. Однако он все еще числился в списках речного флота, потому что чиновники в Речном управлении забили подписать вовремя какие-то бумаги. Уж и судоходство на Таволге почти прекратилось, и разобрали на дрова и металл всех ровесников «Богатыря», а он в разных конторах все еще считался «плавсредством».

Ну а раз есть плавсредство, должен быть и экипаж. Или хотя бы сторож. Таким сторожем и сделался Акимыч. Был старик этой должности очень рад. Он всю жизнь прослужил на «Богатыре», ходил на нем по разным рекам и считал, что провести на родном судне остаток дней — самое правильное дело.

Жили где-то в разных городах дети Акимыча и внуки. Акимыч по ним иногда скучал. Но уезжать отсюда не хотел. Как это он бросит «Богатыря»-то? В береговой конторе платили Акимычу кой-какую зарплату, ее вместе с пенсией хватало на жизнь.

Почти все оборудование было с «Богатыря» снято, в пустых каютах ветер гонял мусор и трепал рваную обшивку диванов. Но одну каюту Акимыч по-хозяйски оборудовал для жилья. Поставил здесь железную печурку, соединил ее коленчатую трубу с главной трубой парохода. Так что вросший в береговой песок «Богатырь» часто пускал в небо вполне настоящий дым.

Паровая машина, конечно, заржавела и давно не работала, поэтому не было электричества. Но Акимыч наладил несколько керосиновых ламп. Окно его каюты ярко светилось по вечерам.

Всяких пьяниц, беспризорных личностей и вредных пацанов Акимыч на борт не пускал. А соваться без спросу желающих не было — все знали про могучую пищаль старика. Года три назад какие-то хулиганы с топорами и факелами полезли на пароход, чтобы подпалить его назло Акимычу. И главарь их получил в мягкое место заряд крупной соли (ох и вой стоял!). Милиция признала действия сторожа справедливыми, и большие никакие пираты на судно не совались.

Лишь одному человеку, кроме себя самого, Акимыч позволил поселиться на пароходе. Художнику Филиппу. Весной они познакомились на рынке, где покупали картошку, и понравились друг другу. Дело в том, что старик вообще любил художников. Он читал много книг про живопись, собирал и хранил в папках вырезанные из журналов копии картин и лю-

бил порассуждать о Врубеле, Пикассо и Чюрленисе. А на пароходе с кем поговоришь?

У Филиппа не было квартиры, он обитал у своей одинокой тетушки, а тетушкин характер был не самый подходящий для совместного проживания. Узнав про такое дело, Акимыч предложил Филиппу жилплощадь на «Богатыре». Тот обрадовался. Устроился на лето в рулевой рубке, похожей на квадратный домик с плоской крышей.

В рубке сохранился штурвал с рукоятями — ну прямо как на старинном паруснике. А снаружи на стене был привинчен узорчатый кронштейн, на котором висел судовой колокол. С надписью «Богатырь». Размером с небольшое ведро. Этот колокол Акимыч не отдал чиновникам из пароходства, которые забирали с «Богатыря» всякое уцелевшее имущество и предметы из цветных металлов.

— Как же судно может без сигнального колокола? Вы спятели, господа-товарищи начальники? Только сухопутные люди могут рассуждать так, без всякого понятия!

— Да зачем сигналы, Вячеслав Акимович, если вверенное вам плавсредство мертво сидит на мели?

— Сидит или не сидит, а в списках числится. И потому колокол есть его неотъемлемая принадлежность!

Чиновники махнули рукой.

Каждое утро Акимыч начищал колокол пастой и суконкой. Бронзовые бока отражали солнце с такой силой, что сияние видно было с берега за целую милю. В петлю на чугунном «языке» колокола старик вплеп специальный пеньковый трос для дерганья. На флотском языке он называется «рында-буйль».

По вечерам Акимыч и Филя сходились в каюте, грели на керосинке чайник и разговаривали о художниках и просто о жизни. Днем старик наводил на пароходе порядок (хотя и бесполезное это дело), ходил на рынок за продуктами, варил супы и каши или читал книги про живопись. А Филя на верхней палубе писал этюды. Иногда он вздыхал, откладывал кисть и смотрел в заречные дали. Его небольшие, но очень яркие глаза туманились...

Вот с такими людьми и подружился Вася Перепелкин, когда Переверзя, Штырь и Цыпа загнали его на пароход.

Оказалось, что люди замечательные. Уже через полчаса Вася чувствовал себя на «Богатыре» как дома. Он сидел по-турецки на стариковой койке и, растопырив коричневые от йода

колени и локти, макал в кружку с очень сладким чаем черный сухарь. Жевал и рассказывал Акимычу и Филиппу про свои приключения.

Вася ничего не скрывал. Ведь эти люди спасли его, значит — хорошие. А к хорошим людям Вася всегда относился с доверием. Он и про Колесо выложил все как есть. И в доказательство своей правдивости покатался перед стариком и художником по палубе, а потом лихо проехался на берег и обратно по тросу (шину приходилось то натягивать, то опять снимать; Вася это делал уже без большого труда). Акимыч покачивал головой, Филипп чесал бороду. Оба уважительно поглядывали на Колесо. Правда созвучия с Колесом у них не получилось, и, трогая обод, они не слышали никаких слов. Но верили, что Вася слышит.

— А у нас, видать, просто длина мысленных волн другая, — понимающе сказал Филипп. — Зато у меня одна кисточка есть, с ней у нас созвучие, как у тебя с Колесом. Я этой кисточкой как раз того мальчика рисовал, на второй картине с городом.

Вася спросил, где теперь эта картина.

— Сейчас... — отозвался Филипп.

Вася и Акимыч вернулись в каюту, а Филипп взбежал к себе в рубку и вернулся с натянутым на подрамник холстом. Поставил картину на табурет, прислонил к стенке. Солнце из квадратного окна широко падало на холст. Вася сразу узнал тот город. Замечательный город! Но...

— Дядя Филипп! Вы же говорили, что мальчик в красной куртке, а здесь он совсем как я сейчас...

— Во-первых, я не дядя, а просто Филипп. А во-вторых... гм... в самом деле...

Тонкогий и тонкошей мальчик, что стоял в углу картины спиной к зрителю, был в рубашке и штанах песочного цвета. В одной руке он держал скомканную панаму, в другой колесо с педалями. Ярко блестели белобрысые прядки.

Филипп уставился на холст и дергал себя за бороду, словно хотел вырвать клоч. «Притворяется!» — подумал Вася.

— Это вы сейчас нарисовали! Того закрасили, а этого раз-раз! Да?

— Когда бы я успел? За полминуты!.. Да и потрогай — краска сухая...

Вася недоверчиво потрогал. Сухая...

— Это, судя по всему, моя кисточка постаралась, — нако-

нец решил Филипп. — И не сейчас, а вчера-позавчера. Видать, что-то чуяла заранее...

— Разве так бывает?

— С ней еще и не такое бывает, — задумчиво отозвался

Филипп. — Но хотелось бы зн а т ь: зачем это она?

— Чудеса... — вздохнул Акимыч. Но так, что было ясно: он встречал в жизни чудеса и поудивительней, чем это.

Скоро совсем перестали удивляться. Если есть волшебное Колесо, почему бы не быть и волшебной кисточке? И почему бы ей не сделать в картине поправки? Тем более что Филипп говорит — это не впервые...

Наконец Вася собрался домой. Ловко укатил по тросу на берег, там снова надел на Колесо шину. Встал на педали и, балансируя, помахал Акимычу и Филиппу.

— Прилетай еще, птаха! — сипло крикнул Акимыч.

— А можно завтра?!

— Можно!! — разом ответили Акимыч и Филипп.

МАЛЬЧИК И МУЗЫКА

Вася стал приезжать на пароход почти каждый день. Лишь по выходным он ходил с папой на речной пляж или с мамой на рынок за помидорами и капустой или с ними обоими в городской парк, где аттракционы (но прогулки втроем он не очень любил, потому что в конце их мама и папа обязательно начинали спорить). А в обычные дни Вася вскакивал с постели, катил на Колесе в булочную за батоном, пылесосил половик в прихожей (это были его постоянные обязанности) и спешил на «Богатырь».

На площади у башни он теперь почти не появлялся. Не потому что боялся Переверзи, Штыря и Цыпы (пусть попробуют догнать!), а просто на пароход было интереснее. Лишь один раз Вася заехал на Водопроводную площадь — чтобы сказать спасибо Максимке. И сказал. И подарил ему пластмассовую модель старинного самолетика. Веснушчатый круглоухий Максимка заулыбался большими потресканными губами.

— Вот хорошо... Мы его в нашем сарае подвесим, к потолку.

— А что за сарай?

— Ну, мы там с ребятами из нашего дома собираемся. Оркестр устраиваем...

— Максимка, значит, ты музыкант?

— Не-е! Я только немного пробую. На губной гармошке! — И укатил на своем скейте, подняв самолетик над плечом.

Ну что же, у каждого своя жизнь. Кому оркестр, кому старый пароход...

На «Богатыре» Васю всегда встречали радостно. Даже непонятно, отчего он так пришелся по душе старику и художнику... А может, и понятно! Старик, наверно, скучал по внукам (где-то в Хабаровске жили десятилетние близнецы Толик и Сережа). А Филипп был благодарен Васе за совет насчет картины. Да и вообще что удивительного, если трем хорошим людям интересно друг с другом. Бывает, что разный возраст при этом ни чуточки не мешает...

Акимыч, Филипп и Вася подолгу пили в стариковой каюте чай с твердыми, как деревяшки, сухарями. Очень вкусными! И разговаривали о самых разных вещах: о книжках, о космосе, о кино про мушкетеров, об удивительных живописцах, которые называются «импрессионисты»; об очередной комете, которая летит из глубины Вселенной и целит прямо в Землю (все равно промажет!), о способностях некоторых вещей к созвучию с людьми, о породах африканских и американских крокодилов...

Иногда рассказывали друг другу о своей жизни. Акимыч говорил о плаваниях, о всяких интересных случаях на пароходах, о бурях и приключениях. Он утверждал, что на реках случается ничуть не меньше всяких опасностей, чем на морях и океанах. И после его историй становилось ясно, что так оно и есть. Взять хотя бы случай с пиратами!

— Было это лет сорок назад, за пристанью Кривые Столбы... Уж не знаю, кто они были на самом деле — то ли браконьеры, то ли ворюги всякие и местные хулиганы, только догнали нас на двух катерах, и на одном катере черный флаг с костлявой рожей, ну впрямь как у Флинта или Сильвера. А на лицах черные чулки — видать, насмотрелись голубчики про Фантомаса... И орут: «Стопорь машину, а то враз пустим шукам на корм!» Шуки, надо сказать, в ту пору водились тут вот такие... И еще орут: «Всем пассажирам выйти на палубу, вынуть кошельки». Ну, капитан Константин Яковлевич пассажирам велел не высовываться, а сам вышел на мостик. И я с ним. У него дробовик был двуствольный, Тульского завода, а у меня та пищаль, что нынче. Ка-ак ахнули с трех стволов!.. Этих флинтов и след простыл. Со следующей пристани дали

мы сигнал в милицию, да та, как водится, не почесалась вовремя. А жалко. Просмотреть бы, что это были за фантомасы...

Порой казалось, что старый щелястый пароход от разговоров Акимыча начинает поскрипывать и дышать. Будто вот-вот не выдержит, снимется с места и пустится в рейс. Конечно, это он лишь мечтал. Куда пустишься, если в корпусе дыра на дыре и его насквозь — от днища до верхней палубы — пробил прямой белый ствол, а над рулевой рубкой шелестит березовая верхушка (Акимыч звал березу «моя невестушка»)..

Филипп любил вспоминать про студенческую жизнь, как он учился в художественном институте. А еще — как ради ярких впечатлений (они пуще всего необходимы художникам) путешествовал по разным краям с помощью системы «Авто-стоп», без денег. И таким путем даже оказался за границей, добрался до Италии. Из Рима и Венеции привез два альбома рисунков и акварелей.

— Потом в местном Союзе художников была выставка, в газетах писали. И даже дали диплом. Правда, не за итальянские работы, а за пейзаж «Вечер в Ольховке». Ольховка — это село, где жила моя мама...

Вася тоже говорил про свои дела, не стеснялся. И про лестницу рассказал, и как спасся через крышу, и как делал педали для колеса и учился ездить. А еще вспомнил свой сон про «динькающий» день и попробовал напеть песенку, которая сочинилась в этом сне. Но певец он был, как известно, без таланта и смутился:

— Нет, не могу. Я внутри себя слышу, а передать мотив не получается.

— Ну, почему же не получается, — сказал Филипп. — Я, кажется, уловил.... — Он сходил в рубку и принес коричневую блестящую гитару. — Давай-ка попробуем... — И стал подбирать на струнах:

День — динь!
Капель капель с крыш...

И песенка получилась! Вася продиктовал все слова и спел их вместе с Филиппом. Вместе-то было легче!

Днем — гнем
Радугу, словно лук....

А старик Акимыч кивал и улыбался заросшим ртом с редкими коричневыми зубами.

Гитара порокотала напоследок и умолкла. Вася благодарно погладил ее.

— Какая красивая. Как виолончель...

— Ого, да ты разбираешься в инструментах!

Вася сказал, что не очень разбирается. Просто знает, как некоторые из них называются. И любит их разглядывать, когда по телевизору показывают большой оркестр. И признался:

— Бывает, что он еще играть не начал, а у меня внутри... ну, уже будто музыка, только непонятно какая...

— Да, Василий Олегович, кажется, на роду тебе написано быть музыкантом, — вставил свое суждение Акимыч.

— Да ничего не написано! У меня же слуха нету!.. А когда вижу оркестр, кажется, будто вокруг тайна какая-то. Откуда она, вся музыка берется...

— Слух у тебя есть, только внутренний, — решил Филипп. — Ну а если он даже не прорежется, это не беда. В музыке семь нот, в радуге семь красок. Красками можно такую картину написать, что будет звучать как симфония...

— Как твой «Незнакомый город»? — сказал Вася (он давно уже был с Филиппом на «ты»).

— Ну... может быть. Не знаю, — смутился Филипп. — А ты считаешь, что он звучит?

— Еще бы!

— Спасибо, порадовал... Но я не о том. Я насчет красок... Может, хочешь попробовать?

— Я... не знаю.

Вася хотел. Было интересно, как это из-под кисти выходят облака, деревья, волны, дома и целые сказочные города. Но... страшновато. Вот не получится ничего, и Филипп с Акимычем станут его утешать.

Филипп, кажется, понял.

— Ну, смотри. Как захочется, скажешь... А я сейчас, с ходу, придумал картину. Будто ты ее нарисовал словами...

— Я же ничего не рисовал!

— Ты сам не заметил... Называется «Мальчик и музыка». Знаешь, что там будет? Вечерняя... нет, даже ночная улица с огоньками в старых двухэтажных домах и с луной за деревьями и облаками. Луна эта все освещает, но не сильно, туманно. А посреди улицы стоит мальчик, спиной к нам...

— Как на той картине?

— Да. Но не совсем так. И он покрупнее...

— А при чем тут музыка?

— Подожди... Он стоит, запрокинув голову, а перед ним в лунной полутьме — громадная, выше домов и деревьев, скрипка. Она видна не очень ясно, размыто, но все же понятно, что это скрипка...

— А громадная, потому что музыка тоже громадная, да?

— Видишь, ты все понимаешь! Да... И мальчик смотрит на нее и будто пытается что-то разгадать. Или прочувствовать до конца... А полумрак и облака слегка клубятся и словно образуют очертания других инструментов. Даже не очертания, а намеки...

— Здорово, — вздохнул Вася. Он будто увидел картину своими глазами. — А когда начнешь?

— Не знаю, надо сперва, чтобы яснее сложилось в голове... Я думаю, что, может быть, это будет немного в манере Марка Шагала... Слышал про такого художника?

— Не-а, — честно сказал Вася.

— Я тебе сейчас покажу его картины, — засуетился Акимыч и начал вытаскивать из-под койки папки.

Конечно, Вася не только торчал в каюте и разговаривал. Он облазил весь пароход. В машинном отделении пахло болотистой водой, и кто-то, кажется, шевелился за обросшими мохнатой ржавчиной котлами и шатунами. В каютах с выбитыми стеклами стоял какой-то особый «древнепароходный» запах — смесь теплого старого дерева, превратившейся в чешую краски и угольного дыма, которым когда-то пропиталось ветхое судно.

Вася бегал по палубам, крутил в рубке у Филиппа штурвал, карабкался по громадным лопастям омертвевших гребных колес, загорал на могучем колесном кожухе с облупленной черной надписью «БОГАТЫРЬ» и вообще резвился как хотел. Только в колокол он ударил всего один раз. И то с разрешения Акимыча. Акимыч относился к этому строго, объяснял, что «просто так не брякают, это неуважение к судну; удар в колокол — это всегда серьезный сигнал».

Колесо в конце концов стало обижаться: «Ты на мне совсем перестал ездить, бросаешь в каюте!»

«Да что ты! Я хочу, чтобы ты отдохнуло!»

«А я не люблю отдыхать. Я не устаю».

«Ну, поехали!» — И Вася начинал гонять на Колесе по паходным коридорам.

Иногда разговоры Акимыча, Филиппа и Васи слушали кот Степан и воробей Крошкин. Они тоже обитали на «Богатыре». Степан жил здесь уже несколько лет, а Крошкин появился нынешней весной. Его загнали сюда сердитые вороны со свалки. Бедняга чуть не попал из огня да в полымя. С размаха влетел в открытое окно каюты, а здесь на него кинулся тощий серый кот. Воробьиные нервы не выдержали, Крошкин брякнулся без памяти — прямо к домашним башмакам Акимыча, сделанным из обрезанных валенок. Акимыч башмаком дал Степану пинка, а воробья взял в ладони и тепло задышал на него. Тот открыл один глаз.

— Ишь ты, ожил! — обрадовался старик. А коту, который сидел в углу, отчаянно махал хвостом и сипел от обиды, сказал: — Ты что это себе позволяешь, террорист недорезанный! Существо прилетело за помощью, а ты...

Потом он долго выхаживал Крошкина, а со Степаном вел ежедневные воспитательные беседы. И у кота, видимо, проснулась совесть. Он перестал думать про воробья как про добычу (да и больно надо, мяса все равно никакого, только перья да кости!). В конце концов они привыкли друг к другу и стали приятелями. Бывало, что даже угощались из одного блюда жареной рыбой или гречневой кашей. Кот подгребал пищу растопыренной лапой, а воробей тут же клевал крошки.

Но иногда они все же ссорились. Начинал обычно Крошкин. Усевшись под потолком, награждал кота сварливым чириканьем.

— Старое поминает, — объяснял Акимыч. Он утверждал, что понимает разговоры воробья и кота. — Говорит: «Сейчас ты ласковый, мур-мур, а помнишь, как мне в спину чуть все зубы не воткнул? У меня с тех пор каждую пятницу сердечные приступы и неожиданная икота. Воробьи пугаются, не могут с одной познакомиться: Вместо «чик-чирик» получается «чир-ик-ик», а это по-воробьиному даже неприлично сказать, что такое...»

Вася, сидя на стариковой койке, от смеха взлягивал ногами.

— Мр-р-мя... — недовольно реагировал на упреки Степан. Акимыч переводил:

— Говорит: «Сколько можно про одно и то же! Ты, — говорит, — влетел без всякого предупреждения, а я что должен? Я же кот, а не мышонок, у меня природный охотничий инстинкт!» А Крошкин ему: «Вот оттого на Земле всякое свинство и случается, что никто не хочет свои инстинкты держать под замком...»

Степан возражал, что никакого свинства не было. Ведь не свинью он хотел сцапать, а воробья. Значит, в крайнем случае — «воробьиство». Крошкин, однако, заявлял, что свинство всегда свинство, независимо от размеров добычи.

— Да ладно тебе, Кроха, — урезонивал воробья старик. — Ведь Степа давно осознал...

Вася однажды вспомнил:

— У нас в классе есть Шурик Кочкин, а у него крыс Вовчик. И этот Вовчик живет дома с котом Тимофеем как брат родной. Даже спят вместе. Потому что Тимофея взяли в дом котенок, когда Вовчик был уже пожилым. Котенок же не будет охотиться на большего крыса, вот и привыкли друг к другу. А теперь Тимофей вот такой зверь, громадный и пушистый. Красавец... — Вася глянул на Степана и торопливо добавил, чтобы тот не обиделся: — Степа тоже красивый...

Но Степан, по правде говоря, вовсе не был красивым. Пыльно-серый обшарпанный кот бродячего вида. Вася иногда думал: уж не тот ли это кот, который повстречался ему сперва в джунглях на пустыре, а потом у мусорного бака? Наконец Вася решился. Рассказал об этих встречах старику и попросил:

— Акимыч, узнайте у Степана: он это или не он? Вы ведь умеете говорить с ним!

Акимыч поговорил и сообщил:

— Степа отвечает уклончиво: может, он, а может, и не он. Такая уж хитрая у котов натура.

Вася вздохнул и почесал у Степана за ухом.

— Мр-мя... — дипломатично отозвался тот.

С Крошкиным было проще, он сразу признал Васю за своего. Садился на плечо и на голову, чирикал что-то неразборчивое, но дружелюбное. Иногда на «Богатырь» залетали и другие воробьи, галдели в листьях березы. Но Крошкина Вася узнавал среди них сразу: у того на затылке торчал хохолок. Видимо, весной перышки как приподнялись от всяких страхов, так больше и не опустились...

Крошкин был на пароходе просто жильцом. А Степан считался на службе. Каждые сутки он нес ночную вахту. Устраи-

вался под судовым колоколом и одним глазом дремал, а другим чутко следил, нет ли злоумышленников. Если кто-то появлялся на берегу и вроде бы хотел переправиться на пароход (вброд или по тросу), Степан когтями дергал рында-булинь: бом-м! И Акимыч просыпался и выскакивал из каюты с заряженной пищалью...

А еще Степан любил слушать, как Филипп играет на гитаре. Садился у него под боком, сладко жмурился и шевелил загнутым кончиком тощего хвоста.

Вася тоже любил слушать гитарные переборы. Но его беспокоило то, что день ото дня струны звучали все печальнее. Вася догадывался, в чем тут дело.

Однажды он оказался в рулевой рубке один (Филипп за чем-то ушел на берег). Там стояли на палубе повернутые к стенке холсты. Филипп не любил, когда смотрят его работы без спросу. Но сейчас Вася не выдержал и повернул к себе ближний холст: вдруг на нем уже готовая (или почти готовая) картина «Мальчик и музыка»?

Но там был портрет.

Портрет девушки. Вася сразу узнал светловолосую Олю, которую видел с Филиппом на Каменном спуске. Оля знакомо улыбалась, и волосы ее будто шевелились.

Все стало ясно.

В тот же день Вася прямо спросил Акимыча:

— А что, Филипп влюбился, да?

Акимыч развел руками:

— Такая вот ситуация. Что поделаешь, парень он молодой, пришла пора...

— А почему грустный-то? Она его не любит, да?

— Непонятная история. То вроде бы встречаются нормально, а то не ладится у них... Филипп говорит: не хочет она, что-то он провожал ее до дома, будто скрывает что-то. Живет она в каком-то Барашковом переулке, в доме номер девять, но ни разу не разрешила, чтобы Филя ее проводил до калитки. Или даже до этого переулочка... Говорит: если хочешь, найди мое местожительство сам, в одиночку...

— Кокетничает, — понял Вася.

— Похоже, что так. А Филя никак этот Барашков переулок найти не может, и никто не знает, где такой... И решил Филя, что он а дразнит его. Не принимает, как говорится, всерьез. «Потому что, — говорит, — я коротышка, а она меня выше на полголовы и красавица. Зачем я ей нужен такой...»

— Зато он талантливый!.. Неужели она такая дура? И никакая не красавица, только волосы красивые...

— То-то и оно... А Филя в свою очередь чем плох? Борода что надо и глаза как у принца. А рост... подумай! Я ему говорю: знаменитый художник Борисов-Мусатов был горбун, а любовь его не обошла, потому что была в нем настоящая душа живописца. А француз Тулуз-Лотрек, великий импрессионист! Совсем уродливой был внешности, а женщины тоже по нему страдали... Разве дело в росте?

— А Филипп что?

— Что-что... — вздохнул старик. — Мается, сам видишь. Последние дни вообще бродит где-то с утра до вечера, а то и не ночует. Или ищет этот окаянный переулок, или просто ходит с головой ниже плеч... Нынче сказал, что опять ночевать не придет. «Пойду, — говорит, — к друзьям-приятелям в общежитие свое горе утешать...» А мне снова одному ночь коротать. Раньше-то мне это было в привычку, а теперь как-то скучно одному...

— Акимыч, а давайте я приду к вам ночевать! — осенило Васю. — Мама и папа как раз уезжают на два дня к знакомым в Кобылкино, хотели и меня взять, да я уперся, потому что они говорят: не надо с Колесом. Значит, их сегодня не будет, а тетя Тома отпустит!

Здесь надо отметить одну деталь, о которой не было случая сказать раньше. Дело в том, что Акимыч и тетя Тома были давние знакомые. В прежние годы тетя Тома была медсестрой плавсостава и несколько лет ходила в рейсы на разных речных судах, в том числе и на «Богатыре». Родителям Вася о своих парихольных знакомствах не рассказывал (потому что будут лишь охи, расспросы, запреты и опасения), а тете Томе однажды признался. Она обрадовалась, когда узнала, что Вася подружился с Акимычем.

— Передавай привет старику. Он человек с понятием, положительный.

Уезжая в гости, мама и папа, как обычно, поручили Васю тети-Томиным заботам, и она, конечно, не спорила, когда он попросился ночевать на «Богатыре».

— Я тебе гостинец дам для Акимыча, баночку земляничного варенья, вечером и попьете чайку.

На берегу Вася появился уже в сумерки.

Лето перевалило на вторую половину, вечера сделались темнее. После полуночи небо становилось совсем черным и густо высыпали звезды. Но и сейчас уже было похоже на ночь. Из-за облака выкатилась улыбочивая луна, раскатала по воде среди камышей серебристо-чешуйчатую дорожку. Этому очень обрадовались лягушки, начали веселую переключку. «Теперь будут орать до утра», — снисходительно подумал Вася.

Сильно пахло осокой, в воздухе висела болотистая прохлада, Вася подышал на ладони, потер локти и ноги. Окно стариковой каюты уютно светилось. Вася представил, как они с Акимычем в тепле будут пить чай, ложками есть варенье и беседовать о всяких жизненных вопросах. Он снял с Колеса шину. Вообще-то у Акимыча была плоскодонка, он и Филипп на ней добирались до берега и обратно. Однако Вася лодкой никогда не пользовался. На Колесе по тросу — это пять секунд (для того, кто умеет, конечно).

На пароходе Вася стукнул костяшками в дощатую дверь и сразу толкнул ее. И удивился. Он думал, что Акимыч один, а Филипп тоже был здесь. Они со стариком сидели у стола с яркой лампой. На шербатых тарелках блестела селедка и огурчики. А особенно ярко блестела четвертинка. Акимыч крикнул и быстро прикрыл ее газетой.

— А я ночевать пришел, — виновато сказал Вася. — Тетя Тома отпустила. Вот, варенье послала...

— Вот и славно, — засуетился старик. — Вот и чудненько... Сейчас я чайку... А мы тут с Филей обсуждаем кой-какие философские вопросы. О смысле жизни, так сказать, и прочие мелочи. Присоединяйся...

— Нет, я не хочу, — вздохнул Вася. Он не стал делать вид, что не заметил четвертинку. — Вы уж обсуждайте без меня, а я погуляю по пароходу. Нынче луна такая... И со Степаном подежурю у колокола. Я давно хотел побывать на ночной вахте. Можно?

— А чего ж, а чего ж... — покладисто откликнулся Акимыч. — Если хочется, можно и на вахте. Только долго-то там не сиди, прозябнешь... Возьми-ка мой бушлат, завернешься в него, и никакая ночная сырость не приймет...

Рыжий от старости бушлат с флотскими пуговицами оказался Васе до пят. От него пахло шерстью, как от жесткого детского одеяла, и крепким табачным зельем.

— Филипп, а если мне спать захочется, можно я у тебя в рубке лягу? Я еще никогда не спал там, где штурвал.

— А чего же! — как и Акимыч, охотно откликнулся Филипп (голубые глазки его при лампе сильно блестели, а борода горела медью). — Ложись, конечно! Не забоишься один?

— Пфы! — сказал Вася так же, как умела это Маргарита Панченко. — Да я и не один, а с Колесом.

Он понимал, что от него избавляются вежливо, но с охотой. Но не обиделся. Оно понятно, не хочется Филиппу при мальчишке изливать душу и мешать горькие мужские слезы с жидкостью из четвертинки.

Вася пошел на верхнюю палубу. Степан был уже на вахте. Лежал под колоколом на специально прибитой полке.

— Добрый вечер, — сказал Вася.

— Мр-р...

— А где Крошкин?

Степан лениво глянул вверх. Там, в листьях березы, слышалось шуршанье.

У рубки стояла решетчатая пароходная скамейка. Вася уселся на нее с ногами, закутался в бушлат, надел на Колесо шину, положил его на колени. Лег на обод шкой.

Веселились лягушки. В городе светились огоньки и порой вскрикивали тепловозы. По недалекому руслу, за бывшим островом протарахтел последний речной трамвай. От нагретого за день парохода несло теплом, оно гладило щеки и забиралось снизу под бушлат.

А луна выбралась на середину неба и сияла всюю.

«Луна круглая, как ты», — сказал Вася Колесу.

«Да, у нее очень правильная форма. Круглая форма — самая совершенная. Поэтому все колеса — очень совершенные сооружения...»

Иногда Колесо любило поважничать, и в таких случаях не следовало спорить. Вася приласкал его, как котенка, погладил по шине.

«Ты самое совершенное из колес».

«Не подлизывайся, — хмыкнуло Колесо. — Я говорю серьезно. Круглая форма самая лучшая из всех, какие придумала природа. Если хочешь знать, на некоторых языках «круглый» и «совершенный, самый лучший» звучит одинаково. Ты слышал названия японских судов?»

«Слышал, конечно! Вчера передавали в новостях: потерпевших бедствие сахалинских рыбаков спас японский танкер «Осака-мару». У них все названия кончаются на «мару»...»

«А что это такое, знаешь?»

«Я думаю, «мару» это «морской». Вот имя Марина означает, например, «девочка с моря», мне одна девочка говорила, моя одноклассница».

«А вот и нет! «Мару» как раз означает «круглый, совершенный, такой, что лучше не надо»...»

«Я не знал... Колесо, знаешь что?»

«Что?»

«А можно я буду звать тебя «Мару?»»

«М-м... вообще-то похоже на «Марусю». Это девчоночье имя».

«А похоже и на «Марика». Это мальчишечье... Но я не буду ни «Маруся», ни «Марик», а просто «Мару»... Можно?»

«Ладно. Только не часто, а... когда вот так, гладишь меня...»

«Ага, а ты опять скажешь, что подлизываюсь!»

«Я пошутило... Вася!»

«Что... Мару?»

«Как ты думаешь, Филипп нашел свою Олю?»

«Думаю, что не нашел. Иначе не сидел бы теперь с Акимычем, не горевал бы из-за своей любви».

«Вась... а что такое любовь?»

«Ну... это когда один не может без другого...»

«Как я без тебя, а ты без меня?»

«М-м... пожалуй. Только не совсем так. У нас с тобой дружба на веки вечные, а у Филиппа...»

«А! У них с Олей такая любовь, от которой потом Оля пойдет в декретный отпуск?» — догадалось Колесо. Видать, оно уже неплохо разбиралось в человеческих делах.

«Вовсе это не обязательно, — с досадой отозвался Вася. — Скажешь тоже... Да и какой там отпуск, если Оля с ним не встречается, а он ее дом отыскать не может. Какой-то дурацкий Барашков переулок... Может, нам с тобой поискать его?»

«Может быть...» — каким-то непонятным тоном откликнулся Колесо.

«Давай завтра с утра!»

«Давай прямо сейчас...»

«Ой... Ты думаешь, это подходящее время?»

«Самое подходящее. Если по правде хочешь помочь Филиппу...» — Колесо говорило уверенно. Васе вдруг почудилось, что поздний вечер дохнул тайнами. Лягушки примолкли, а луна светила так, что лучи ее казались теплыми и грели сквозь бушлат.

«Ладно, — вздохнул Вася. Он понял, что спорить с Колесом не следует. Кажется, оно знало, что делать. Да и покататься по лунным улицам в поисках загадочного переулка — это было похоже на приключение. — Только надо предупредить Акимыча. Или мы скоро вернемся?»

«Когда вернемся, сказать трудно. Однако предупреждать не надо...» — сообщило Колесо.

У Васи — мурашки под бушлатом. Но он сказал громко и храбро:

«Тогда идем!»

«Да... только нужно сперва зайти в рубку, глянем на картину «Незнакомый город»...»

«Зачем?»

«Надо».

Вася встал.

— Степан, мы пошли. Спокойной вахты.

— Мр-р...

Вася знал, где картина с таинственным городом. Оказавшись в рубке, он сбросил у штурвала бушлат и вытащил холст на тяжелом подрамнике из-за других полотен. Прислонил его к стенке. Потом Вася взял с полки электрический фонарик Филиппа и осветил картину.

Свет лампочки был желтый, но в ту же минуту луна словно по заказу выдвинулась из-за края окна у Васи за спиной. Смешала свой голубоватый свет с электрическим. И эта смесь была необычного, сказочно-театрального оттенка. Цветные пятнышки послушно превратились в город, но сейчас он казался не таким, как прежде. Более живым, что ли. Да! Похоже, что зашевелились деревья. И мальчик в углу, кажется, тоже шевельнулся.

Вася стал вглядываться внимательней. Колесо затеплело у него в руке.

«Что?» — напряженно спросил Вася.

«Ничего. Стой и смотри...»

Вася смотрел. Его окутывала сладковатая сонливость (на миг показалось даже, что он не стоит, а лежит на лавке, укрывшись до носа теплым бушлатом), но в то же время все он видел очень четко. Картина словно отодвигалась. И вырастала. Делалась похожей на панорамный киноэкран. Его края начали охватывать Васю с двух сторон, город становился большим, почти настоящим.

«Знаем мы такое дело, — снисходительно подумал Вася. — Это сон, вот и все. Не привыкать...»

С городских улиц долетал пушистый ветерок с запахом незнакомой травы. Эта трава — с перистыми листьями и белым мелкоцветьем — качала верхушками уже у самых Васиных колен. Сквозь нее протянулся узенький тротуар из желтых плиток.

«Ну, давай...» — поторопило Васю Колесо.

Послышалась тихая полужанровая музыка.

Вася поставил Колесо на плитки, прыгнул на педали и въехал в город.

БАРАШКОВ ПЕРЕУЛОК

Сразу стало ясно, что это необыкновенный город. Хотя бы потому, что в Осинцеве была ночь, а здесь солнечное утро. Оно дышало прохладой, но не зябкой, а радостной. И сверкало росой. Пока Вася ехал через траву, его штаны и рубашка вымокли от множества капель, к материи прилипли мелкие листики. Но как только Вася оказался на площади, «сафари» высох и листики осыпались.

Вася стал оглядываться.

Площадь напоминала ту, что в Осинцеве, Водопроводную. Только покрывал ее не асфальт, а ровные разноцветные плиты, которые складывались в узоры. И башня была гораздо выше и красивее — из ярко-красного кирпича, с белыми арками и орнаментами, с множеством узких стеклянных окон. Стекла сверкали от солнца. А еще сверкали фигурные бронзовые стрелки на круглых часах у самого верха башни.

Часы показывали половину девятого. Большая стрелка шевельнулась, и раздался медный удар (казалось, вся башня наполнилась этим звоном). И сразу на площади стали появляться мальчики и девочки — на скейтах, самокатах, велосипедах. Некоторые казались знакомыми. По крайней мере, проезжая мимо Васи, они окликали его:

— Перепёлкин, привет!

— Привет... — отвечал он и думал, что надо их спросить: где тут Барашков переулок? Но ребята проносились очень быстро. И устраивали вокруг башни пеструю карусель. Вася заметил, что все они в звездных футболках — алых, васильковых, желтых, салатных, изумрудных с белыми звездами. Или

наоборот — футболки белые, а звезды на них разноцветные. И он пожалел, что не надел свою — белую, на которой лучистые зеленые звезды.

«Это вовсе даже неважно, — строго сказал он себе. — Ты должен думать о поисках, а не о наряде». Но тут же увидел, что на нем та самая футболка.

Вася не очень удивился. Ему вдруг вспомнилось, что будто бы дома, перед тем как ехать на пароход, он сбросил рубашку «сафари» и натянул вот эту майку.

«И в конце концов, это все равно сон», — сказал себе Вася.

«Не городи ерунду! — строго одернуло его Колесо. — Если это сон, зачем искать Барашков переулок? Как ты приведешь оттуда Олю к Филиппу?»

«А если не сон... то что?»

«Смотри внимательно».

Из башни вышел круглый человечек в удивительной одежде — в зеленом фраке, с пышным белым бантом на груди и в черном блестящем цилиндре. Приставил ко рту ладони, закричал:

— Внимание, внимание и еще раз внимание! Сейчас даем старт большому летнему соревнованию!

Согнувшись до самых плит, толстячок резво засеменял через площадь. За ним тянулась тонкая белая черта. Очевидно, в пальцах толстячка был мел. Достигнув края площади, толстячок поспешил обратно и у середины черты написал на плитах большущие буквы: STARS. Вася стоял неподалеку. И не удержался, громко сказал:

— Извините, но вы ошиблись! Надо написать не «Старс», а «Старт»!

Толстячок обрадовался, будто его похвалили:

— А вот и нет, а вот и нет! Именно «Старс»! То есть «Звезды»! Это состязания звезд — лучших гонщиков нашего города! Видишь, вы все в звездной спортивной форме! Ну-ка, вставай за линию, Перепёлкин!

Все ребята уже шумно выстраивались перед белой линией.

— Но я же не из этого города! — нерешительно заспорил Вася. — Кроме того, я...

— Что за глупости ты говоришь! — звонко обиделся толстячок. — Как это ты не из этого города, если ты здесь! Будь добр, займи свое место!

«Не спорь! — подтолкнуло Васю педалями Колесо. — Так надо!»

Ну, если надо, значит, надо... Вася оказался между худой желтоволосой девочкой в темных пластмассовых очках и мальчиком, похожим на Максимку. Да, многие из ребят казались знакомыми или полужнакомыми. Но похожих на Переверзю, Штыря и Цыпу не было (и слава Богу!). Все выглядели очень славными.

— Ты не знаешь, где Барашков переулочек? — спросил Вася у девочки, балансируя на педалях.

— Конечно, знаю! Это за парком имени Двойной Радуги.

— Мне туда очень надо.

— Вот и хорошо! Финиш гонок как раз в парке, а оттуда до переулочка совсем близко.

Толстячок в цилиндре торжественно встал сбоку от пестрой линии гонщиков. Из-за пазухи он вытащил большущий старинный пистолет со стволом-воронкой. Поднял над плечом.

— Внимание и внимание! Всем полное замирание! Приготовились!.. Ра-аз... два-а... ТРИ!!

Пистолет ахнул, как пушка. С толстячка слетел цилиндр. Дым за клубился лиловой тучей. Это было так здорово, что Вася загляделся и отстал от других. Девочка в темных очках толкнулась вперед на своем самокате, похожий на Максимку мальчик лихо стартовал на скейте. Остальные «stars» (а было их, пожалуй, с полсотни) с веселыми воплями тоже ринулись через площадь.

«Вперед!» — спохватился Вася.

«Не волнуйся! Догоним!»

Вася и не волновался. В конце концов, он и не думал стать чемпионом. Главное, что гоночный путь вел туда, куда надо, к Барашкову переулочку. Скоро Колесо догнало многих ребят. Помахивая ладонями, будто крылышками, Вася мчался в гуще шумной звездной ватаги. Он ничуть не беспокоился о скорости. О ней пусть заботится Колесо. А он, Вася, может пока «на скаку» поглазеть по сторонам.

Поглазеть было на что. Гоночная трасса всех вывела с площади на улицу. По сторонам друг над другом громоздились на склонах пестрые дома и башни. Дома были всякие — крохотные, как киоски, и громадные, как дворцы. С разноцветными крышами и флюгерами, с балконами, колоннами и стеклянными выступами, с хитрыми завитыми лестницами, бегущими с горки на горку. Многие дома соединялись кружевными арками, под которыми висели большущие граненые фонари.

Они, конечно, не горели, но отражали солнце с таким сверканием, что казались зажженными.

Гоночный маршрут был проложен хитро: с поворотами в кривые переулочки, по горбатым мостикам через овраги, вокруг причудливых памятников на маленьких площадях (памятники было не разглядеть на скорости). Но запутаться было невозможно. По обочинам через каждые десять шагов стояли мальчики в ярко-желтых рубашках и красных форменных беретах. Они ловко указывали флажками направление и повороты.

Кроме того, на обочинах, а также на лестницах, крылечках, на балконах (а еще на деревьях и верхом на арках с фонарями) сидело множество зрителей. И маленьких, и больших. Все махали шляпами, беретами и яркими косынками. Вася пожалел, что не взял панаму, — можно было бы красиво помахать в ответ.

С обочины выскочил перед гонщиками и хотел помчаться вместе с ними пухлый дошколенок лет пяти на трехколесном велосипеде. Не сумел. Ноги сорвались с педалей, велосипед опрокинулся, его неудачливый хозяин растянулся на плитках. Заревел, конечно (а кто не заревел бы?).

«Стоп!» — велел Вася Колесу. Потому что какие тут гонки, если с человеком беда. Странно даже, что остальные умчались вперед, будто ничего не случилось! Но сразу же из-за зрителей выскочили две девочки в белых косынках с красными крестами. Подняли мальчишку, стали вытирать слезы и что-то прикладывать к шишке на лбу. А мальчик с флажками подхватил с мостовой велосипед.

«Все в норме, ждем дальше!» — распорядилось Колесо. И они нажали. И скоро опять начали догонять остальных — не только тех, кто ехал в общей массе, но и тех, кто вырвался вперед. Вася понимал: Колесо (с его-то характером!) никому не уступит первого места. И в самом деле, они обогнали светловолосую девочку в темных очках, длинноногого курчавого велосипедиста, двух совсем маленьких, но лихих пацанят на досках с роликами и оказались впереди всех. И так проскочили в громадные стеклянные ворота, выстроенные в виде двойной радуги.

За воротами, на стеклянной, как полукруглый аквариум, эстраде трубил золотыми геликонами и ухал великанским барабаном оркестр. Широкая аллея развернулась перед Васей прямой желтой полосой. Колесо слегка забуксовало в песке, но почти не снизило скорости. Еще полсотни метров — и Вася

своей звездной грудью разорвал бумажную ленту финиша. Под радостный гвалт болельщиков.

Тут же появились два человека в цилиндрах и зеленых фраках — похожие на того, кто давал старт, но не такие круглые. Они ловко взяли Васю под локти и поставили на раскрашенную деревянную тумбу (он едва успел подхватить Колесо).

— Ура чемпиону! Ура Перепёлкину! Да здравствует победитель!

— Ура!! — голосили все, кто был вокруг. И рукоплескали. Даже проигравшие гонщики.

«Это же нечестно! — сказал Вася Колесу. — Это же не я победил, а ты!»

«Сделай, чтобы стало честно», — отозвалось Колесо. С каким-то подчеркнутым безразличием.

Дядьки во фраках принесли украшенную бантом коробку размером с чемодан. Сказали, что это главный приз. Неподалеку вручали призы тем, кто занял вторые и третьи места, но Вася из-за коробки ничего не видел. Она была тяжеленная, и держать ее (к тому же вместе с Колесом) было ужасно неудобно. Вася наконец сообразил: сел на тумбе, свесил ноги и положил коробку на колени.

— Ай!.. — Картонное днище было заиндевевшим. Распорядители во фраках тут же помогли Васе переместить коробку на дощатую площадку, под бок. Вася горячо подышал на чуть не отмороженные колени и развязал бант. И откинул крышку.

О-о-о! В коробке, как гранаты в ящике для боеприпасов, стояли в несколько рядов порции эскимо. В серебряных обертках, с красными пластмассовыми рукоятками!

Вася сразу понял, как сделать, чтобы «стало честно».

— Эй! Подходите все!

Тумбу тут же обступили.

— Получайте!.. Только по очереди! — И Вася начал вкладывать эскимо в протянутые ладони.

Надо сказать, не было ни гвалта, ни беспорядка. Никто не отталкивал других, никто не лез вперед. Выстроились в извилистую очередь, брали аккуратно и даже успевали сказать «спасибо». Хватило всем, даже пухлому малышу с заклеенной пластырем шишкой на лбу (смотрите-ка, прикатил за остальными гонщиками!).

Только Васе не хватило. Он отдал последнюю порцию смуглой девочке в красной с белыми звездами футболке и со вздохом глянул в пустоту коробки.

«Ладно, не унывай», — шевельнулось у него под боком Колесо.

«Я и не унываю, — не очень искренне отозвался Вася. — Тем более что пора заниматься делом. Мы здесь зачем? Пора искать Олин дом».

«Пора... Ох, смотри, какое колесо! Вон там, за деревьями!»

Над вершинами лип вздымалось стометровое колесо обозрения. Оно медленно вертелось. Покачивались голубые и желтые кабинки. Над их краями виднелись головы. Отсюда они казались крошечными, но это лишь подчеркивало громадность колеса.

«Прокатимся!» — азартно дернулось Васино Колесо.

«Да некогда же! Надо искать!»

«А мы с высоты глянем, оттуда все улицы и переулки видны. И Барашков тоже!»

«Да как же мы узнаем, что это именно он?»

«Почувствуем! Ин-ту-и-тив-но! Знаешь, что такое интуиция?»

Вася знал. Мама иногда говорила: «Я не знаю отчего, но интуиция подсказывает мне, что сегодня у нас будут неприятности...» («М-да...» — откликнулся в таких случаях папа.)

«М-да...» — откликнулся Вася, но больше не спорил. Интуиция подсказала ему, что Колесу почему-то очень хочется прокатиться на колесе обозрения. Может быть, ради самолюбия? «Вот я маленькое, а катаюсь на таком большом!» А поскольку и Васе хотелось (он еще ни разу не бывал на такой высоте), то спорить он больше не стал.

«Хорошо. Только скорее...»

У входа на огороженную площадку с великанским колесом висел плакатик: «Стоимость билета 1 рубль».

«У меня нет ни копейки...»

«Пошарь за отворотами. У тебя там всегда целый склад...»

Колесо было право. На Васиных шортах за широкими отворотами штанин то и дело скапливалась всякая мелочь: канцелярские скрепки, фантики от конфет, мелкие гайки и винтики, скорлупа кедровых орешков, яблочные семечки, крошки от сухарей. Попадали и монетки, но крохотные, копеечные. А рубля сроду не было.

Не оказалось его и теперь. Самой неожиданной находкой была мягкая, свернутая вчетверо бумажка. Вроде бы записка.

Вася развернул. И увидел корявые торопливые буквы: «Поселок Цаплино, улица Ясная, дом 6».

— Ой, Ми-ика...

Нельзя сказать, что в эти летние дни (которые, кстати, неслись как сумасшедшие) Вася часто вспоминал Мику. Но иногда все же вспоминал, и каждый раз царапала совесть. Ведь он обещал написать ей. Но как напишешь, если потерялся адрес! При прощании у вагона Мика торопливо нацарапала на листке из маминой записной книжки, где их дача.

— Ты напиши мне обязательно!

— Ладно! А ты мне напиши ответ!

— Хорошо!

Он свернул листок и сунул в накладной карман на штанах. Вернее, мимо кармана, потому что, когда вернулся домой, записки не оказалось. Вася решил, что потерял по дороге. Опечалился, конечно, да что делать? Придется в конце лета оправдываться перед Микой, объяснять... А пошарить за отворотом в голову не пришло.

Теперь-то он напишет! Сразу же, как вернется! Тем более что есть о чем писать — вон сколько всего случилось!

«При чем тут Мика! — негодовало прислоненное к ноге Колесо. — Ты нашел деньги?»

«Не нашел. Придется обойтись без катанья...»

«У тебя всегда так. Всякого барахла полно, а ничего нужного нет...»

«Ну чего ты разворчалось! Я разве виноват? И мы сюда не развлекаться пришли!»

«Ага! Если я тебя вожу, это будто так и надо, а когда я само захотело прокатиться, то фигурки...»

Колесо впервые так сильно капризничало. А Васе ну нисколько не хотелось ссориться. Он сел на корточки, погладил шину:

«Да что с тобой, Колесико? Не сердись... Ну, Мару...»

Колесо присмирело. И словно даже замурлыкало:

«Да я ведь ничего... Я просто уже настроилось на катанье, а тут... Ладно, ты тоже не сердись...»

«Да я нисколько!..»

В этот момент на Васю обратила внимание полная улыбка-вая тетя. Она пропускала к колесу обозрения тех, кто купил билет. Окликнула через головы:

— Мальчик! Ты — Перепёлкин? Подойди сюда!

Вася подошел.

— Что же ты стоишь в сторонке? Ты сегодня чемпион! Чемпиону все аттракционы бесплатно и без очереди. Проходи.

Все, кто ждал у калитки — и взрослые, и ребята, — почти-тельно расступились. Вася со смесью смущения и удовольствия зашагал к площадке, где одна за другой приземлялись кабинки. Вблизи колесо с кабинками казалось таким громадным, что от него веяло чем-то космическим.

«А ведь мы с ним родственники, — гордо заметило Васино Колесо. — Все колеса на свете родственники, не то что люди...»

Каждая кабинка была на четырех человек. Вася волновался и даже не разглядел своих соседей. Машинально сказал «спасибо», когда кто-то застегнул на нем страховочный ремень, и подумал: «Как в самолете», хотя еще ни разу не летал.

Двинулись, начали подниматься очень неторопливо, с останковками (ведь в другие кабинки тоже садились пассажиры), и Вася постепенно привыкал к высоте.

Вообще-то он никогда не боялся высоты, но здесь было совсем не то, что на крыше. И расстояние до земли гораздо больше, и пустота вокруг. Лежавшее у него на коленях Колесо буд-то вздохнуло:

«Вот это да...»

Раскинувшийся на пригорках город был чудесен. Взбегал на склоны, сверкал разными красками и стеклами, топорщился острыми башнями, отражался в голубой извилистой реке, клубился зелеными тучами садов, искрился множеством фонтанов. Сквозь эту пестроту и праздничность проступало иногда и что-то знакомое, осинцевское, но лишь чуть-чуть. Как намек на то, каким бы мог быть Осинцев, если бы все люди в нем (и на всей Земле) жили без бедности, вражды и ссор...

Пахнувший чем-то хорошим и незнакомым (может быть, небом?) ветерок шевелил волосы и футболку.

У края длинного песчаного острова Вася разглядел паром, но был ли это «Богатырь», разобрать с высоты не удалось...

На самой большой высоте Вася вдруг вспомнил:

«А где Барашков переулочек? Что тебе говорит твоя интуиция?»

«Ничего не говорит», — призналось Колесо.

Это безответственное заявление раздосадовало Васю. Но он решил не ссориться. Все равно из кабинки не выскочишь,

не побежишь на поиски раньше срока. Оставалось вертеться, смотреть и радоваться.

«Погляди, какой цирк, — слегка подлизываясь, сказал Колесо. — Вот бы тебе выступить в таком».

Вася и сам видел круглое здание с серебристым куполом. С высоты оно было похоже на космическую летающую тарелку.

«Как это я бы в нем выступил? Скажешь тоже...»

«Очень просто, как в башне. Гонки по вертикальной стене.

Или еще как-нибудь...»

«Да ну тебя. Страшно же».

«Не бойся, я тебя не подведу!»

«Да не в тебе дело. Мне страшно. Кругом толпа, все смотрят. Я сразу кувырком...»

«Я тебя поддержу!»

«Ладно, не заговаривай зубы», — хотел ответить Вася, но сдержался.

Колесо кроме первого, медленного, оборота сделало еще два, побыстрее. А потом началась высадка. И Вася с Колесом в руках наконец выпрыгнул на площадку. Сбежал по лесенке и решительно заявил вслух:

— Все, хватит развлечений! Пора искать!

«Я разве спорю? Поехали!»

А куда было ехать? Вася помнил: девочка сказала, что Барашков переулочек недалеко от парка. Где-то у него на задах. Они по извилистым аллеям пересекли парк в обратном от главных ворот направлении. Там в садовой решетке оказалась распахнутая калитка. Но дальше-то куда? От калитки через пустырь, сплошь покрытый пушистыми одуванчиками, разбегалось пять или шесть тропинок. Летали бабочки, звенел от тишины солнечный воздух, а за пустырем толпились в беспорядке деревянные дома и густо темнели старые березы.

— Чир-р! — вдруг услышал Вася над головой. — Чир-р!

Спикировал и сел на Васину кроссовку взерошенный воробей. Вася разглядел на воробьином затылке хохолок.

— Крошкин!

— Чир-р! — подтвердил Крошкин. Взлетел и закувыркался в воздухе у Васи перед лицом. Словно звал!

— Ура! Кроха, мы за тобой!

И они помчались. По тропинке в одуванчиках, по бревен-

чатому мостику через желтую от лютиков канаву, по гибкому дощатому тротуару... Крошкин с трепыханьем летел впереди. Иногда сильно опережал Васю с Колесом, оглядывался на ленту и возвращался.

Тротуар повихлял среди травы и потянулся вдоль домов с палисадниками. На первых же воротах Вася прочитал: «Барашков пер.». А еще через два дома увидел на бревенчатом торце белую жестянку с черной цифрой 9.

За палисадником с георгинами были три окна, и среднее — открыто. Крошкин сел на створку и постучал клювом в верхнюю застекленную часть окна.

Раздернулись занавески. Показалась девушка со светлыми волосами. Крошкин упорхнул на ворота.

— Мальчик, это ты стучал?

Вася сказал суховато:

— Это стучал воробей. Но ишу вас я.

— О! А зачем? — она заулыбалась.

— Вы Оля, да?

— Да. А откуда ты меня знаешь?

— Я видел вас один раз с Филиппом. И еще видел на портрете, который он нарисовал.

— Вот как! Ты знаком с Филиппом?

— Очень даже хорошо знаком, — прежним тоном сообщил Вася. — И очень многое про него знаю. Знаю даже... как он из-за вас ходит сам не свой.

Оля перестала улыбаться.

— Почему... сам не свой?

— Вы еще спрашиваете! Обещали с ним встретиться, а сами... сами водите его за нос! Да!

— Я?! Да это он! Обещал прийти ко мне и куда-то пропал. А я не знаю, где он теперь. Ходила к его тете, но она тоже не знает...

— А он каждый день ищет ваш ду... — Вася чуть не сказал «дурацкий», — ваш куда-то провалившийся переулочек. Он же не знает, что сюда нужно добираться через картину.

— При чем здесь какая-то картина?! Ой... Неужели я забыла сказать ему, что переулочек называется Барашковым только с вечера до полудня, а днем он Овечкин?.. И надо обязательно следить, чтобы в палисадниках не было петухов.

— Какие петухи? Вы издеваетесь, да? — ледяным тоном сказал Вася. — Я не в детском саду, чтобы верить в сказки.

— А ты в них не веришь? — Оля странно посмотрела на Ва-

сю, потом на Колесо. Оно стояло в густом клевере, и Вася машинально балансировал на педалях.

— Не верю... — буркнул Вася. И тут же опять перешел в атаку: — А вы... если вы не хотите его знать, лучше сразу так и скажите. Или думаете, что раз он маленького роста, значит, можно с ним как с глупым ребенком? А он талант!

— Господи, да знаю я, что талант! Не знаю только, где он сейчас! Ты-то знаешь?

— Конечно! Он живет на старом пароходе «Богатырь», в городе Осинцеве... Только я не знаю, как вы туда доберетесь...

«Ох, а сам-то я как доберусь? — впервые испугался он. — Где она, обратная дорога? Может, Крошкин знает? Но он улетел...»

«Не паникуй, — снисходительно успокоило его Колесо. — Доберемся в два счета».

Да, прекрасно, когда у тебя есть такой друг!

А Оля сморщила лоб.

— Ты как-то странно рассуждаешь, мальчик. Слово мы не в Осинцеве.

— А разве... в нем?

— М-м... по крайней мере, я до сих пор считала, что да...

— И вы знаете дорогу к реке?

— Конечно! Опять же странный вопрос.

— Тогда что же вы сидите! Идите к нему!

— Ой... я боюсь.

— Чего?! Он же вас ждет!

— Я сторожа на пароходе боюсь. Говорят, это очень свирепый старик...

Вася расхохотался от души. И Колесо развеселилось, Вася ощущал его смех через педали.

— Тогда идемте вместе!..

Да, конечно, это был Осинцев. Правда, кое-где по-прежнему виднелись белые башни, но это вполне могли быть осинцевские колокольни, по-особому освещенные веселым солнцем. А причудливый мост за деревьями мог оказаться железнодорожным виадуком, по которому проскакивали ярко-зеленые электрички. Скоро Оля и Вася на Колесе и вправду оказались на совсем знакомой улице Челюскинцев, от которой до старицы с пароходом было рукой подать.

Совсем недалеко от берега рос могучий тополь. Оля вдруг слабо выговорила:

— Ой... постоим немножко. Ты иди, позови его, а я здесь подожду. Ну, пожалуйста... — И стала за толстый ствол.

Вася пожал плечами — девичьи фокусы. Но не заспорил. Подкатил к самой воде. В это время у борта показался Акимыч. Всплеснул руками, сердито запричитал:

— Вот ты где, окаянная душа! Пропал на всю ночь! Я не знал, что и думать, где искать! Нет на тебя крепкого ремня, вот что я скажу!..

— Акимыч, не сердитесь! Было важное дело! Где Филипп?!

— Где-где! Тоже всю ночь не спал! То про тебя спрашивает, то гитару мучает похоронной музыкой! Сплошные с вами недоразумения... Филя! Иди сюда! Смотри, вот она, пропащая душа!

Появился Филипп. Глянул на Васю, а потом будто проглотил что-то горячее. Приоткрыл рот, часто задышал. И смотрел уже мимо Васи. Нагнулся, начал суетливо развязывать веревку, которой была притянута к борту плоскодонка.

Оля торопливо прошла мимо Васи и встала впереди.

«Ну вот и все...» — подумал Вася.

«Поехали домой», — откликнулось на эту мысль Колесо.

Вася всем помахал рукой и покатил с берега без оглядки.

ЛЕГЕНДА О ХИТРОУМНОМ КУЗНЕЧИКЕ

Мама и папа оказались дома. Но Васе не попало. Родители приехали незадолго до него и не знали, что он не ночевал под родной крышей (а тетя Тома его, конечно, не выдала). Они думали, что Вася вернулся с утренней прогулки.

— Вот молодец! А мы боялись, что будешь гулять до вечера! Давай-ка приведи себя в праздничный вид.

— Зачем?

— Здрасьте! — изумилась мама. — Ты забыл, какой сегодня день?

— Какой?

— Потрясающий ребенок... — тихонько вздохнул папа.

Мама подняла глаза к потолку, а потом уперлась ими в Васю:

— Тебе. Сегодня. Девять. Лет.

— О-о... — простонал Вася.

Минуту назад он был счастлив — оттого, что побывал в замечательном городе и помирил Филиппа и Олю. А еще ему

очень хотелось спать. Но сейчас и счастье, и сон разом выскочили из Васи.

— Это что же такое! Значит, сегодня уже первое августа?! От каникул остался всего месяц!

— Ну... еще целый месяц, — утешил папа.

«Надо немедленно написать Мике», — вспомнил Вася. Но ему не дали заняться этим важным делом. Стали торжественно вручать подарки. Папа подарил большую энциклопедию под названием «Всё на свете», а мама новую рубашку.

— Она очень подойдет к твоему парадному костюму. С синим галстучком.

— О-о... — опять сказал Вася.

— Не капризничай. Скоро придут гости, ты должен выглядеть как именинник.

— Как мученик... Я в этом костюме себя чувствую будто футболист в водолазном скафандре.

— Какое образное мышление у ребенка! — восхитился папа. Мама воткнула в него неодобрительный взгляд. Вася понял, что лучше не обострять обстановку, и начал наряжаться в полосато-серый костюм.

Брюки кусали за ноги, твердый пиджак давил под мышками и деревянно топорщил плечи. Лаковые полуботинки жали пальцы, а галстук — шею. Мама проволоочной щеткой разодрала на пробор Васины белобрысые пряди.

— Больно же!.. И это называется «Васенька, у тебя праздник»!

— Прекрати! Хотя раз в году ты можешь выглядеть как красивый мальчик?

Вася считал, что выглядит он не как мальчик, а как жених-недомерок, но сказать об этом не успел. Пришла тета Тома и принесла Васе в подарок шерстяную синюю шапочку с мохнатым белым шариком («Сама вязала!»). Вася вежливо сказал спасибо, хотя шапка была еще одним напоминанием о недалекой осени.

Потом пришел папин институтский начальник Яков Григорьевич с женой Аллой Рудольфовной и семилетней дочкой Светочкой. Они подарили Васе японский калькулятор. Это была стоящая вещь, но и она с намеком на близкие школьные времена («Васенька, он тебе очень пригодится на занятиях по математике»).

Сели за стол, украшенный пышным тортом. Съели по куску, по второму. Поговорили о том, как трудно нынче детям в

школе («Даже таким неглупым, как наш сын»). Тетя Тома незаметно ушла к себе. Папа и Яков Григорьевич занялись плоской бутылочкой с армянским коньяком. Алла Рудольфовна и мама заговорили о новых лекарствах от излишней пигментации кожи, которые разработала германская «Вайскопф». А Васе сказали, что он «должен быть кавалером и развлекать гостей».

Ну, что поделаешь. Вася привел Светочку к себе за ширму, усадил на диван-кровать.

— Хочешь посмотреть новую энциклопедию?

Светочка кивнула большущим белым бантом. Они стали перелистывать разноцветные страницы... И надо сказать, дальше все было хорошо, не скучно. Светочка оказалась очень даже умной девчонкой, хотя только собиралась в первый класс. Посмотрели книгу, пощелкали калькулятором, поговорили о запуске нового космического аппарата к Марсу, о фильме «Приключения Карика и Вали» и о ручейковых гномах, которые водятся в овражке за пустырями (их никто не видел, но все знают, что они есть)... В общем, интересные были беседы, лишь одно слегка портило Васе настроение — досадливая мысль, что он так и не написал Мике письмо.

«Уйдут гости, и сяду писать...»

Но когда гости ушли и Вася освободился от «именинного скафандра», его неумолимо потянуло в сон. Он бухнулся носом в подушку.

— Ты не заболел? — всполошилась мама.

— Я... переутомился от впечатлений... — И сразу пестрой лентой помчались перед глазами воспоминания о чудесном городе...

Проснулся Вася, когда за окошком был зеленый лунный вечер. Первым делом Вася тронул Колесо: на месте ли? Оно было, как всегда, рядом с подушкой.

«Ох и силен ты спать...»

«Я же не спал прошлую ночь. То есть ее просто не было! Ты разве не помнишь? Да еще этот день рождения... От больших порций торта всегда клонит в сон».

«Я тебя поздравляю с девятилетием», — спохватилось Колесо.

«Спасибо».

«Хочешь, я сделаю тебе подарок?»

«Хочу, конечно! А какой?»

«Расскажу историю. Как у людей впервые появилось колесо».

«Ух ты! Говорят, никому не известно, кто его изобрел!»

«Людам не известно, а колеса знают... Это было давным-давно, то ли в конце каменного, то ли в начале бронзового века. На границе дремучего леса и широкой степи жило племя Бака-тутума...»

«А что это значит по-нашему?»

«Точно не знаю... Скорее всего, «Люди топора». Мастера этого племени умели делать очень твердые и острые топоры. Теперь уже трудно сказать: каменные или бронзовые. Но хорошие... Этими топорами рубили деревья, строили из них дома, делали всякую утварь, например сани. На санях возили грузы зимой и летом...»

«Потому что колес еще не было, да?»

«Да... И в этом племени был мальчик по имени Окки-люм. Это означает «Хитроумный кузнецик». Он и правда был похож на кузнецика — маленький, худой, быстрый. Вроде тебя...»

«Не такой уж я маленький...»

«Ну и не большой... Был Окки-люм сирота, отец его погиб во время охоты на какого-то доисторического зверя, мать умерла от болотной лихорадки... В ту пору люди редко доживали до старости... Окки-люм жил то в одной семье, то в другой, то сам по себе в своей крохотной хижине...»

«А почему он хитроумный?»

«Потому что все время придумывал что-нибудь интересное. И полезное. То качели для малышей, то обманную смолу корзину, в которой можно плавать по реке; то деревянную птицу с крыльями из тонкой кожи, которую можно запускать с горы... Люди радовались его выдумкам, особенно ребятишки. Только один человек в племени Бака-тутума не радовался...»

«Небось колдун какой-нибудь!»

«Ты правильно догадался. Главный колдун Ггу-шишима. Всякие шаманы, колдуны и вожди терпеть не могут в своем племени тех, кто умнее их... Он косился на Кузнецика и не раз поговаривал, что очень уж похоже, будто в мальчишке сидит один из мелких злых духов — помощников главного злого духа по имени Гню-гню. Но до поры до времени люди Бака-тутума не обращали внимания на ворчание колдуна, хотя духа Гню-гню все боялись. Они считали своим главным богом го-

рячее Мата-Лао (Доброе Солнце), а Гню-гню был владельцем сумрака, зла и пустых желудков...»

«Черный и мохнатый, да?»

«К тому же горбатый и трехголовый — так утверждал Ггу-шишима... В общем, колдун злился, а Хитроумный кузнецик продолжал изобретать. И однажды придумал пилу — палку, по всей длине которой были крепко вбиты зубчики из твердого камня обсидиана. Оказалось, что этой палкой можно перерезать замороженную ногу добытого на охоте носорога, толстый пук камыша или кусок мягкого известняка. И в конце концов Окки-люм решил попробовать: нельзя ли перепилить бревно?»

«И перепилил?»

«Да... Ему пришлось повозиться, но он был упрямый, и в конце концов бревно толщиной с самого Окки-люма оказалось перерезано. Однако этого Кузнецнику было мало. У него в голове уже вертелась смутная догадка, и он принялся пилить крепкое бревно снова — недалеко от первого среза. И в конце концов получил деревянный диск шириною в ладонь...»

«Это и было первое в мире колесо?!»

«Конечно... Сперва Окки-люм просто катал его, гонял перед собой и радовался, как ловко эта круглая штука прыгает по тропинкам и пригоркам. Потом проковырял в диске середину и вставил в дыру прочную палку. Он становился на эту палку, привыкал держать равновесие и в конце концов научился ездить...»

«Как я? То есть как мы с тобой!»

«В точности так же... Правда, колесо Окки-люма было не такое аккуратное, а дороги для катанья не такие ровные, как нынче, но все-таки у них получалось...»

«А созвучие между ними было?»

«Разумеется! Как у нас с тобой! Они разговаривали... Именно колесо подсказало Кузнецнику, как можно не только развлекаться, но и приносить племени пользу. Посоветовало, чтобы он к концам оси привязал две палки, а на них укрепил плетеную площадку. Получилась тачка. И когда строили на ручье запруду для ловли усатых рыб ши-кулака, Окки-люм легко возил на тачке такие тяжеленные камни, какие с трудом подымали взрослые здоровенные дядьки... И все хвалили Кузнецика, пока не случилась одна неприятность...»

«Наверно, Кузнецик с тачкой налетел на этого... на Ггу-шишигу!»

«Ггу-шишиму... Ты, Вася, догадливый. Только он не нале-

тел, а наехал колесом на большой палец колдунской ноги. Тот все время следил за Окки-люмом, крутился под ногами, ну и вот...»

«Сам же виноват!.. Наверно, заорал, да?»

«Еще бы! Завыл, заплясал, ухватившись за ногу (камень-то на тачке был о-го-го какой!), закричал, что это коварные происки Гню-гню и самого Окки-люма, который спутался со злым духом... Ну, сперва колдуну не очень верили, но он был хитрый, принялся вести разговоры, показывать распухший палец, намекать, что и многие другие неприятности — засуха, лихорадка и недавнее солнечное затмение — тоже из-за Окки-люма. «Вы же видели, как наше божественное Мата-Лао оказалось почти полностью закрыто черным колесом!» Ну, и кончилось тем, что вечером перед хижинной Кузнечика уже приплясывала сотня мужиков и теток. Орали:

Колесо предать огню,
В нем сидит злой дух Гню-гню!»

«Дурни первобытные!»

«Да не дурни, а просто толпа. И не в том дело, что первобытная. В наше время лучше, что ли? Возьми всякие митинги, когда поорут, а потом идут машины переворачивать и витрины бить. Или этих психов-болельщиков на стадионах... Толпа, она всегда толпа, она уже не думает, на чьей стороне правда, ей надо только, чтобы показали, кого топтать и рвать на части... Хотели уже разломать хижину, отобрать у мальчишки колесо и бросить в костер. Но колдун Гту-шишима сказал: «Нет, так нельзя! Надо, чтобы он с а м отправил свою круглую зловредную выдумку в огонь! Чтобы все видели, что он раскался и очистился от зла!»

«А самого Окки-люма не хотели бросить в костер? Вместе с колесом...»

«Ну нет. Тогда были все-таки не нынешние времена. Это сейчас научились стрелять, взрывать и сжигать больших и маленьких без разбора, а в ту пору такое делать еще не смели... Побить, правда, могли, и довольно крепко. Но пока только горланили: «Выходи, гныша-кнуха, а то хуже будет!»...»

«А что такое «гныша-кнуха»?»

«Ну... это, кажется, «сухая какашка». Такое тогда было самое обидное ругательство... А Окки-люм не выходил, страшно же. А главное — жаль колесо. И заступиться было некому. Были бы живы родители, тогда другое дело, отец мог пятерых од-

ним махом раскидать по сторонам, а мама так бы вцепилась обидчикам в волосы!.. А теперь что? Он сжался в углу хижины и плакал, хотя колесо повторяло: «Не бойся...»

«А убежать не мог?»

«Слушай дальше. Наконец ветхий шалаш растрясали и разломали: Кузнечик оказался среди груды палок и сухой травы... И тогда он встал. С колесом у груди. Все примолкли. Он сказал «хорошо...» и пошел прямо к костру. И все расступались. Окки-люм шел все быстрее, потом побежал. Изо всех сил. И вот костер уже рядом... Окки-люм не бросил колесо в огонь! Он сделал отчаянный прыжок и перескочил костер. И помчался дальше... Пламя было высокое, Окки-люм обжег ноги, и по его куцей одежонке из клочка волчьей шкуры забегали искры. Но он не остановился ни на миг... Впереди был широкий, но мелкий ручей. В ручье отражался большой месяц с серебряными загнутыми рогами. От него по воде тянулась дрожащая светлая дорога. Все видели, как мальчик перешел ручей по этой дороге. И никто не кинулся за ним, потому что за ручьем начинался черный лес, куда ночью ходить никто не смел. В лесу водились гню-гню-кохи, мелкая нечисть, детки и внуки большого Гню-гню...»

«А они были на самом деле?»

«В ту пору были... Но Кузнечик вошел в лес, потому что колесо по-прежнему уговаривало его не бояться... Черные мохнатые гню-гнюшата в самом деле мельтешили среди таких же черных деревьев, но близко не совались. А вскоре сквозь темноту от месяца пробился прямо к Окки-люму прямой тонкий луч. Он был похож на серебристый рельс, только тогда люди еще не знали, что это такое. Колесо сказало: «Поставь меня на него. И становись на ось...» Окки-люм послушался. И они помчались к месяцу. И больше никто на Земле не видел Окки-люма. Но про колесо помнили, особенно дети. И, несмотря на запреты всяких гту-шишим, стали делать их все больше и больше...»

Вася помолчал, подышал в подушку.

«Какой-то грустный конец...»

«Ну почему же грустный? Ведь Окки-люм спасся.»

«А что с ним стало?»

«Поселился на Луне... Кстати, до той поры люди всегда видели в небе только рогатый месяц, а когда Окки-люм исчез, месяц стал иногда превращаться в круглую луну. И на ней

можно было различить сидящего на корточках мальчика, который держит перед собой колесо...»

«Скучно же им там...»

«Ну, видишь ли, земным жителям просто чудилось это... А на самом деле, скорее всего, было не так. Окки-люм причался на Луну, и там его очень даже радостно встретило лунное племя. Оно сочло колесо священным предметом, а мальчика кем-то вроде посланца небес. Дело в том, что на Луне очень много кратеров разной величины. Они получаются от падения метеоритов. Метеориты считались там божественными звездами, и поэтому круглую форму кратеров лунное племя тоже весьма почитало. В колесе они увидели как бы воплощение всемирной круглости, а в мальчике — ее хранителя. Ну, и Окки-люм зажил там в почете и уважении...»

«Ты это, наверно, само придумало», — вздохнул Вася.

«Не придумало, а мысленно воспроизвело наиболее вероятный вариант финала всей истории», — сообщило Колесо, будто ученый лектор с трибуны.

«Ладно... Спасибо за подарок...» — Вася погладил Колесо и заснул опять. И увидел, будто он мчится на колесе через громадное звездное пространство по прямому серебряному рельсу. Маленькие горячие звезды чиркают его про щекам и рукавам...

Третья часть

РОГАТКА

СОЛНЕЧНЫЕ РЕЛЬСЫ

Утром Вася спросил у Колеса:

«А ты сумело бы проехать по рельсу?»

«Пфы! — откликнулось оно, как Маргарита Панченко. — Чего тут уметь-то!»

«Но ведь это не то, что по проволоке. Для желоба рельс чересчур широкий. А если с шиной, то можно сорваться».

«Никуда нельзя сорваться! В рельсе тонкое, как струна, магнитное поле, по нему я могло бы скользить, как троллейбусная штанга по проводу!»

«Да где ты видело троллейбусы? У нас в Осинцеве только автобусы.»

«В телевизоре видело!»

«Тогда, может, попробуем? Или боишься, что не получишь?» — хитро подначил Колесо Вася.

«С чего ты взял, что боюсь?.. А где рельсы-то?»

Самые подходящие рельсы были на берегу Таволги, они вели от элеватора к старой пристани. Сейчас поезда там уже не ходили, потому что грузовое судоходство на обмелевшей реке почти закончилось и возить зерно на пристань стало незачем.

Колесо не обмануло. По ржавому рельсу, среди хлещущего по ногам чертополоха оно лихо прокатило Васю от пристанских причалов до ворот элеватора за десять минут.

«Вот это скорость! Наверно, километров двадцать в час!»

«Да уж не меньше», — отозвалось Колесо слегка самодовольно.

«Значит, за час мы вполне можем добраться до Цаплина...»

«Куда-куда? — Ясно было, что Колесо вовсе не обрадовали Васины планы. — Чего мы там не видели?»

Вася сел перед ним на корточки.

«Послушай... Я обещал Мике написать и не писал целых два месяца. Адрес потерял...»

«Потому что растяпа».

«Ну да!.. Если напишу сейчас, письмо когда еще до нее дойдет! А если мы поедем, это р-раз — и там!»

«Р-раз — и под поезд...»

«Да ты что! Поезд же видно издалека, успеем сто раз соскочить и отойти в сторону!»

«Зачем тебе это надо... туда...»

«Она же, наверно, волнуется, что нет ни одного письма. Или злится на меня...»

«Больно ей надо! Наверно, уже и забыла...»

«Что ж... по крайней мере, убедимся, что забыла. Надо съездить хотя бы для этого, — с горькой ноткой сказал Вася. — Давай, а? Ну... Мару...»

«Разве лишь для того, чтобы убедиться...» — сумрачно отозвалось Колесо.

На большой рельсовый путь они выбрались за вокзалом. Плотно тянулось там среди полос густой желтой акации. Она давно отцвела, тонкие стручки ее подсохли и съезжились. Вася заправил рубашку «сафари» в штаны, надел на подбородок тонкий ремешок панамы. Поставил Колесо на левый рельс левой колеи — так, чтобы ехать навстречу движению поездов и вовремя убираться с пути. Прыгнул на педали...

Колесо перестало дуться (если можно так сказать про колесо). Видимо, ему самому было заманчиво прокатиться по такому длинному гладкому пути. И они понеслись!

От встречного воздуха загнулись назад поля панамы. Затрепетали короткие рукава. Прижалась к груди рубашка. Весело зашумело в ушах. Кусты вдоль полотна помчались назад так, что превратились в зеленые полосы. А впереди вспыхнул на металле и помчался горячий солнечный блик — с той же скоростью, что и Колесо. Он скользил по блестящему рельсу, как бумажная «телеграмма» по нитке воздушного змея.

Да, скорость была что надо! Но никакого страха Вася не чувствовал. Колесо мчалось по рельсу настолько ровно, что порой это напоминало полет (вроде тех, что во сне). Вася раскидывал руки, поворачивал ладони навстречу ветру так, чтобы тугие воздушные струи приподнимали их, и руки тянуло вверх, будто крылья самолета при взлете.

Особенный восторг был, когда рельсы пробегали по высоким насыпям. Кругом распахивались поля и маленькие роши, а над простором висели пропитанные солнцем кучевые облака.

Полуденные лучи догоняли Васю и крепко жарили спину и плечи сквозь рубашку. Но иногда солнце оказывалось сбоку. Тогда блик на рельсе исчезал, а рядом с Васей бежала по траве тень мальчишки на колесе. При большой скорости случалось, что тень отставала и сердито махала руками. Вася чуть притормаживал Колесо, и тень опять оказывалась рядом...

Встречные поезда попадались нечасто. Всего три раза Васе пришлось соскочивать и отбегать в кусты или вниз по насыпи. По тому полотну, что тянулось справа, иногда Васю догоняли попутные составы. Конечно, их скорость была выше Васиной, но не так уж намного. Вагоны обгоняли его не быстро, плавно, и Вася видел за стеклами удивленные лица пассажиров (будут потом рассказывать про мальчишку на непонятном колесе).

Между Осинцевом и Цаплином была всего одна станция. Вернее, разъезд Кобылкино. Вася объехал его стороной, по тропинке вдоль плетня, за которым доцветали большие подсолнухи. Потом опять поставил Колесо на рельсы.

«Ты не устал?» — спросило Колесо.

«Ничуть», — храбро соврал Вася.

«Врешь. Я же чувствую, как у тебя ноги гудят...»

«Ну и... пусть гудят. Осталось всего полпути».

Оказалось, что даже меньше, чем полпути. Скоро показалась платформа и коричневый домик с башенкой. Сбоку на домике — белая доска с надписью «Цапино». А поселок виднелся слева, за ярко-желтым лугом, было до него с полкилометра.

Наверняка туда вела тропинка, но пока что Вася ее не видел.

«И не ищи, — ворчливо посоветовало Колесо. — Прыгай с педаль и топай прямо через траву, ноги разомнешь. А то ведь как деревянные...»

Вася не спорил. Ноги и правда еле слушались. Еще бы! Ведь первый раз он с Колесом промчался без остановок такой длинный и стремительный путь!

«Ну и хорошо, — решил Вася. — По дороге обдумаю, что скажу Мике, когда увидимся. А может, она... может, и разговаривать не захочет?»

Вася взял Колесо за педаль и пошел, раздвигая ногами мяг-

кие листья и стебли. Трава была где-то до колен, а где-то и выше. Верхушки — сплошь в солнечных цветах, причем всяких. Были похожие и на львиный зев, и на осот, и на сурепку, и на желтую ромашку. Но больше всего было широких зонтичных соцветий, чьих названий Вася не знал. В городе эта трава росла отдельными кустиками, а здесь заплонила весь луг. Пахла она душисто, но в то же время с примесью горчичного аромата. С верхушек подымалась густая желтая пыльца. От нее щекотало в носу и сладковато кружилась голова. Поэтому никакие связные мысли не лезли в голову. Но огорчения Вася не чувствовал. «Как в незнакомых джунглях», — мелькало в голове.

Когда Вася выбрался к первым дачам, колени и штаны у него были как в раздавленных яичных желтках, в голове стоял комариный звон, а к губам прилипла сладкая пыль. Все это — признаки теплого и доброго августа...

Улицу Ясную Вася разыскал быстро: встречающая добродушная тетушка с полной корзиной груздей показала дорогу. Вася прошагал вдоль зеленого заборчика. Постоял у калитки под цифрой 6, переступил на песке ноющими от усталости ногами, вздохнул.

«Ты чего?» — спросило Колесо. Вроде бы с усмешкой.

«Ничего...» — буркнул Вася и толкнул калитку. И сразу увидел Мику.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Мика в желто-синем купальнике и пестрой косынке на темных локонах-кольцах плетеной хлопалкой лупила повешенный на веревку половик. Спина к калитке. Вася сказал: «Мика», и она обернулась и заулыбалась во весь рот. Она уронила в подорожники хлопалку, а он Колесо, и они сошлись и взяли друг друга за руки, причем из-за спешки получилось, что руки оказались крест-накрест, но это не имело никакого значения.

— Я адрес потерял. Поэтому и не писал. А вчера нашел... Ты сердисься, да?

— Не-а... — И по глазам было видно, что не сердится ни чуточки. — Просто я боялась...

— Чего?

— Вдруг ты руку или ногу поломал из-за своего колеса...

— Что ты! Оно надежное! Никогда не подведет. — Спыхвавшись, Вася уковывлял назад, подхватил Колесо и вернулся к Вике.

«Мог бы и не бросать меня, как ненужную железяку...» — очень равнодушным тоном заметило Колесо.

«Мару, прости! Я нечаянно!..»

«Конечно, нечаянно. Если сразу стало не до меня...»

«Ну, чего ты... Мне всегда до тебя! Просто пальцы ослабли...»

— Ты почему хромаешь? — встревожилась Мика.

— Ноги еле держат, — честно сказал Вася. — Ведь всю дорогу стоял на педалях, да еще равновесие соблюдать надо было...

— Ой! Неужели ты сюда на колесе?..

— А на чем же еще!

— Сумасшедший, — тихо восхитилась Мика. — Ох, а если бы... что-нибудь...

— Да ничего ни «что-нибудь». Только вот ноги...

— Я знаю, как лечить усталость! Пойдем... — Она повела Васю к забору, там среди высоких одуванчиков была вкопана приземистая лавочка. — Ну-ка садись. Вытяни ноги.

Вася послушался.

— Надо обернуть каждую ногу лопухом. Только прохладным, сорванным в тени... — Мика отбежала за кусты рябины, вернулась с громадными, как слоновьи уши, листьями. Одним лопухом стерла с Васиных ног желтую пыльцу, двумя другими обернула их от колен до косточек. Длинными плетями мышинного гороха обвязала листья, чтобы не развернулись.

— Посиди так. Меня этому дедушка научил. Он, когда был такой, как мы, часто играл с мальчишками в футбол. Потом доковыляет до дому еле-еле, сядет на крыльцо, сделает лопуховые голенища и скоро опять скачет... Я себе тоже несколько раз так делала... — Мика присела справа от Васи (слева он держал под боком Колесо, оно пока помалкивало).

— Неужели ты играла в футбол?

— Пришлось. Потому что мальчишек здесь мало, а команду-то надо набирать.

— Но они все-таки есть? Мальчишки-то? — сказал Вася, старательно запрягав ревнивую нотку.

— Были. Олежка Гаврин да два близнеца, Юрик и Саня. Но они уехали. Сейчас только такие, кто в карты дуются да курят все время. И к маленьким пристают... А девочек тоже мало. Я тут больше с дедушкой. В саду возимся, за грибами хо-

дим да на озеро... Да еще с котятками играю. С ними не соскучишься!

— Это какие котятки? Василисины?

— Да! Такие игрушечные! Их было шестеро, но троих мы уже раздали... А тебе, может, тоже надо котенка? Есть белая девочка и два серых мальчика!

— Мне, может, и надо, — вздохнул Вася, — да только что дома начнется! Мама кошек не переносит даже издали. Говорит, что от них запах, шерсть и затраты на еду... И мебель царапают.

— Ой, да никакого запаха, если приучить! А для царапанья можно специальную доску сделать...

— Скажи это моей маме...

— Ну, давай я их все-таки принесу! Посмотреть.

— Принеси.

Мика убежала, а Вася с облегчением подумал, что двухмесячной разлуки словно и не было, разговаривают, будто лишь накануне расстались. Мика принесла в охапке пушистых Василисиных ребятшек. Пустила в траву. Они тут же принялись носиться среди клевера и подорожников, кувыркаться друг через друга. Пришла худая Василиса, дружелюбно потерлась о завернутую в лопух Васину ногу. Котятки стали прыгать и через нее. Смотреть на это было весело, Вася улыбался.

Колесо шевельнулось под боком:

«А что, может, возьмешь котеночка? Маму можно уговорить, если пообещаешь учиться на одни пятерки».

«А когда пятерок не будет, куда его? Брысь из дома?»

«Мама его к тому времени полюбит...»

«Нет уж, — вздохнул Вася. — Нельзя рисковать... Да и зачем мне котенок, если у меня есть ты?» — И он погладил шину.

«М-м... — отозвалось Колесо, стараясь, кажется, скрыть удовольствие. — Вообще-то мне казалось, что я гожусь на что-то большее, чем на роль котенка...»

«Конечно... Но ведь и гладить тебя тоже можно, правда, Мару?» — слегка подлизался Вася.

«М-м...» — И стало ясно, что если бы Колесо и вправду было котенком, то сейчас оно свернулось бы в клубок, уткнуло нос и замурлыкало.

— А ты что делал на каникулах? — спросила Мика. — Ездил куда-нибудь?

— Ездил, конечно! Вот на нем...

— И не надоело?

— Надоело? Да ты что! Знаешь, какие были приключения!..

И Вася стал рассказывать. Про Водопроводную площадь, про цирковое выступление в башне, про коварных Переверзю, Штыря и Цылу, про Акимыча и Филиппа и про то, как нашел Олю. Ну, правда, он не стал чересчур описывать Незнакомый город, чтобы Мика не решила, будто сочиняет напропалую...

Мика распахивала глаза-бабочки, словно смотрела любимой всеми девочками бразильский телесериал «Исабель и Жоао».

— Значит, они помирились?

— Ну само собой!.. И теперь у Филиппа начнется... это... расцвет творческого периода. И, наверно, он возьмется за картину про меня...

— Про тебя?!

— Ну... почти про меня. — И Вася подробно описал задуманное Филиппом полотно «Мальчик и музыка».

— По-моему, это будет замечательная картина, — почему-то с ноткой печали заметила Мика. — Наверно, она очень понравилась бы дедушке... Хотя кто знает...

— Почему «кто знает»? — слегка обиделся Вася, уверенный, что картины Филиппа должны нравиться всем.

— Потому что... может быть, он згрустил бы. Он в детстве хотел стать скрипачом, и все говорили, что у него замечательный талант...

— А... почему не стал? — осторожно спросил Вася, вспомнив свой экзамен у музыкального профессора. — Слуху не хватило?

— Да что ты! У него абсолютный слух... Просто один случай... Вася! А ноги-то как? Им не легче?

Ногам было гораздо легче. Прохладные мягкие лопухи высасывали из них усталость, как промокашка высасывает с бумаги кляксу.

— Скоро будут как новенькие!

— Тогда знаешь что? Надо ими поболтать еще в прохладной воде! В саду у нас бочка для полива, там вода чистая, дождевая...

Вася размотал лопухи, и пошли в сад. За домом он был не виден, а когда повернули за угол, Вася ахнул. Столько здесь было всяких громадных цветов. Многих Вася до этого дня и не видел.

— Как в тропических джунглях! Сплошные орхидеи!

— Это дедушка разводит. Он цветовод высшего класса. И селекционер. Ну, ученый-ботаник. До пенсии учил в институте студентов...

Бочка была врыта в землю почти по кромку. Рядом с ней была тоже низкая лавочка, причем не простая, а буквой Г. Сидеть на такой вдвоем было самое замечательное дело. Мика сбросила сандаlette и первая уселась, опустив ноги в бочку. Вася бодро дрыгнул ногами, кроссовки улетели в траву, и он тоже сел, сунул ноги в воду. Не вода, а лекарство! Наверно, от самых лучших, чистых, переплетенных радугами дождиков!

Посидели тихонько, подождали, когда вода станет совсем гладкой, глянули в нее, нагнувшись. Увидели себя. Неожиданно смутились. Вася вдруг вспомнил отпечатки двух ступней на бетоне, но сказать о них вслух почему-то не решился. А Мика сердито бултыхнула ногой.

— Не люблю зеркала!

— Почему?

— Потому что... все девчонки любят в них смотреться, а я не хочу.

Вася хотел сказать, что смотреться любят лишь красивые и что ей-то, Мике, это в самый раз. Но понял, что никогда не решится выговорить такие слова... Ну или когда-нибудь потом... А она бултыхнула уже двумя ногами. Брызги выше головы!

— Эй, ты что! Тебе хорошо в купальнике, а я в рубашке!

— Ну и что! Закрой глаза...

— Зачем?

— Закрой, закрой. Узнаешь...

Вася с замиранием закрыл. И, конечно же, получил в живот и грудь такой водяной залп, что с воплем кувыркнулся назад.

— Ах, ты так! Без объявления войны! Ну, берегись! — Он присел на корточки, ладонями послал в Мику несколько могучих всплесков.

— Мама-а!! — Она радостно помчалась вокруг бочки. Вася с водой в пригоршнях за ней.

— Это что за праздник Нептуна? — Голос был «пожилой», но бодрый. Рядом с бочкой появился сутулый дядя с профессорской бородкой и в блестящих очках. В старомодной жилетке поверх полосатой рубахи.

— Дедушка! Ура!.. Дедушка, это Вася! Он приехал в гости! Ну, тот Вася, про которого я говорила!..

— Здравствуйте, Вася... — Пожилой господин протянул руку с очень длинными худыми пальцами. Темные, как у Мики, глаза искристо шурились за очками. — А я Сергей Сергеевич, дед вот этой неугомонной особы, которая подвергла вас водным процедурам...

— Он меня тоже!.. Дедушка, ты уже починил качели?

— Да... Надеюсь, вы будете пользоваться ими с полным соблюдением техники безопасности...

— С полным, с полным!.. Вася, идем покачаемся!

Вася сбросил промокшую рубашку, подхватил из травы Колесо (а то опять обидится).

— Минуточку... — Сергей Сергеевич поправил очки и наклонился. — Вася, вы один приехали в наше отдаленное поместье?

— Один.

— И каким путем?

Вася хотел соврать, что на электричке. Но Мика тут же выдала его с головой:

— Дедушка, он на колесе! Вот на этом! Правда-правда! Он знаешь как на нем гоняет! Будто в цирке! Вася, покажи!

Васе куда деваться? В гостях упрямитесь неприлично. Встал на педали, сделал две петли вокруг бочки.

— Поразительно! — изумился Микин дед. — Но это, наверно, не безопасно?

— Да ну, я осторожно...

— Дедушка, у него очень устали ноги. Давай отвезем его обратно на машине! Ты ведь все равно собирался в город.

Сергей Сергеевич сообщил, что сделает это с удовольствием.

— А когда вы, Вася, собираетесь назад? Сегодня? Или погостите у нас несколько дней?

— Я бы погостил. Но дома начнется такой тарарам... — Вася, качаясь на педалях, грустно развел руками.

— Но, надеюсь, часом или двумя вы еще располагаете? Я приготовлю окрошку. Сегодня я сам хозяйничаю, Микина бабушка в гостях у подруги... Как вы относитесь к окрошке, молодой человек?

Вася сказал, что к окрошке он относится с восторгом. Дедушка у Мики был замечательный, Вася его совсем не стеснялся.

Потом Вася и Мика покачались на доске, подвешенной к перекладине между крыльцом и березой. Доска была боль-

шая, сидеть рядышком было удобно, и даже для Колеса нашлось место у Васи под боком.

«Хорошо, что обратно на машине, — подало голос Колесо. — А то у меня, признаться, спицы гудят...»

«Устало? — встревожился Вася. — А говорило, что никогда не устает».

«Мало ли что говорило. Дорога вон какая длинная, а я не железное... То есть железное, но не от большого же велосипеда, а от детского...»

Вася погладил его по шине. А Мике сказал, не удержался:

— Значит, у вас машина. Небось не раз в город приезжали. Могла бы заглянуть ко мне...

— Мы не приезжали! Машина все лето была сломана, дедушка ее чинил. Он ее медленно чинил, потому что рука у него в последнее время опять часто болит. Он говорит: «Эх розового детства»...

— А что случилось в детстве? — осторожно сказал Вася.

Мика сильно оттолкнулась от земли сандалеткой.

— Несчастный случай случился... Они с мальчишками пошли на стройплощадку, набрали там больших стекол, расставили среди кирпичей и давай стрелять по ним из рогаток. Сторож увидел, заорал, они — бежать. И прямо через стекла, потому что назад пути не было, сторож загораживал. Дедушка поскользнулся и рукой прямо на осколок стекла. Ему сухожилие перерезало, и всякие там еще другие повреждения были... Лечили, лечили, а до конца не смогли вылечить. Пальцы потом всю жизнь плохо слушались... Ты, наверно, заметил у него старый шрам вот здесь, выше ладони.

— Нет, не заметил...

— Ну, он есть... Это была такая беда. Дедушка ведь на скрипке учился, а после этого какая скрипка... Дедушка так переживал. Он хоть и был сорвиголова, а скрипку любил больше всего на свете... Потом говорил много раз: «Я бы полжизни отдал, чтобы только вернуться к музыке...»

Помолчали. Покачались еще, уже не так размашисто, как прежде. Сергей Сергеевич с крыльца позвал «уважаемых леди и джентльменов» обедать.

Вася съел две тарелки крошки и чуть не лопнул.

— Есть еще земляника с молоком... — неуверенно сказал Сергей Сергеевич. — Но я боюсь, что такое сочетание с окрошкой не очень благотворно скажется на ваших желудках.

Вася заявил, что его желудку ничего не страшно.

— Я соленые огурцы запиваю молоком, хотя мама говорит, что я самоубийца!

После обеда Вася влез в подсохшую рубашку, Мика обрядилась в вельветовые брючки и полосатую кофточку, а Сергей Сергеевич сменил жилетку на пиджак и выкатил из гаража обшарпанную «копейку».

— Надеюсь, старушка не подведет нас...

Старушка не подвела. По шоссе, что тянулось вдоль железной дороги, докатили до города за двадцать минут. Прямо к Васиному подъезду.

— Сергей Сергеевич, спасибо! Мика, заходи, когда снова приедешь!.. — И Вася помчался домой. Потому что соленые огурцы он запивал молоком без всяких последствий, а вот нынешняя смесь крошки с земляникой и молоком повела себя как-то странно...

Скоро ослабевший, но довольный Вася лежал на диване-кровати и с бледной улыбкой поглаживал живот. Потом погладил Колесо.

«Мару, ну как? Спицы все еще гудят?»

«Дело не в спицах...»

«А в чем?»

«Так, вообще...» — в тоне Колеса явно слышалась меланхолия.

«Что-то случилось?»

«Ничего не случилось... А эта... Мика... она скоро опять появится, да?»

Вася сжал губы и рывком сел (в животе вновь подозрительно булькнуло). Поставил Колесо на колени. Видимо, пришло время решительного разговора.

«Слушай! Да, я подружился с девочкой Микой. Ну и что? Разве не аш ей дружбе это мешает? Они же совсем разные, эти две дружбы!»

«А я ничего и не говорю...»

«Ты не говоришь... но ты ведешь себя как ревнивая бабышня».

«Выбирай выражения», — отозвалось Колесо тоном, очень похожим на мамин. Задергалось и укывляло с Васиных колен за подушку. Вася дотянулся до него.

«Я выбираю. Чего ты... так... Вот если бы у тебя был еще один друг, разве я стал бы обижаться?»

«А не стал бы?»

«Ты спятило, что ли?! Конечно, нет! Никогда в жизни... Если бы это было другое колесо...»

«А если... не совсем колесо?»

«А кто?» — Вася изо всех сил постарался спрятать опасливую нотку.

«Помнишь, я говорил про репродуктор?»

«Помню, конечно! Только... он же потерялся».

«Он нашелся. Я нынче с ним опять установил связь. Когда ехал по рельсу. Рельс-то длиннющий, железный и, наверно, сработал как антенна. Я услышал, как репродуктор зовет меня...»

«А почему я не слышал?»

«Потому что мысли у тебя были о другом. К тому же сигнал Гуревича был тихий, издалека».

«Чей сигнал?»

«Репродуктора. Имя у него такое — Гуревич. Он сам его себе присвоил...»

«Почему?»

«Ну почему, почему... Кому охота жить без имени? Сперва он хотел назвать себя Левитаном, был такой очень известный диктор во время давней войны...»

«Я знаю. А почему не назвал?»

«Постеснялся. Говорит, слишком знаменито. А на городском радио был диктор Гуревич. Ну и вот...»

«А где теперь этот Гуревич? Не диктор, а репродуктор...»

«Там же, где и был. На чердаке. Он спрятан в очень дальнем углу, его не заметили, когда выкидывали другие вещи... Ты можешь слазить и достать?»

«Конечно! Только... давай завтра, ладно? А то послушай, какой у меня опять концерт в кишках».

Колесо послушало.

«М-да, — сказала оно папиным тоном. — Ладно, давай завтра».

МАРШ ДУНАЕВСКОГО

На следующее утро Гуревича освободили из чердачного плена. Без приключений. Вася опасался, что в старом доме могут оказаться курильщики, наркоманы или пьяницы, но в гулких замусоренных комнатах было пусто. Лишь пустые бутылки и всякие запахи напоминали, что временами здесь бы-

вают люди. В коридоре второго этажа Вася увидел лесенку, ведущую к люку. Крышки у люка не было — черная дыра. С Колесом в левой руке Вася забрался в чердачный полумрак, где пахло сухой землей и гнилым деревом. Стало страшновато. Но тут Колесо вышло на связь с Гуревичем:

«Привет, старик! Мы идем!»

Ответы репродуктора были почти не различимы, Вася разбирал лишь отдельные слова:

«Хорошо... рад... слева...»

Видимо, с Гуревичем у Васи не было такого созвучия, как с Колесом.

Колесо руководило поисками. Оно ловило сигналы Гуревича, как локатор. Вася не удержался, заметил:

«С ним ты на расстоянии говоришь, а со мной только при касании».

«Ну... он же радио, у него опыт».

Отыскивали репродуктор в затянутом паутиной беспросветном углу. Он висел на вколоченном в балку гвозде. Отплевывая сухих пауков и чихая, Вася на ощупь снял легонького Гуревича с гвоздя и вынес к лучам, бьющим через щелястую крышу. Щелчками отряхнул с него пыль.

«Благодарю», — скрипуче отозвался Гуревич.

Это был старинный динамик из толстой черной бумаги, в форме очень плоского конуса. Макушку конуса прикрывал железный колпачок со шпеньком. По краям бумагу опоясывало ржавое кольцо. Поперек его была приклепана металлическая линейка с круглой коробочкой посередине. На коробочке — три винта. От двух винтов тянулся мохнатый от пыли крученый шнур со штепсельной вилкой. А сзади у репродуктора была дуга, похожая на половинку узкого обруча, с дыркой для гвоздя.

Такое радио Вася не раз видел в фильмах про войну и ленинградскую блокаду.

Колесо радовалось встрече, аж подпрыгивало у Васиной ноги:

«Теперь опять будем вместе, поболтаем всласть!»

Гуревич продолжал скрипуче благодарить:

«Хорошо-то как, что вы появились! Я боялся, что дом вот-вот сожгут и тогда уж полное выключение...»

Вася понес Гуревича домой, продолжая чистить его и обдывать от пыли. А дома повесил у себя над постелью — вместо маленького трехпрограммного динамика (мама включала его

по утрам, чтобы бодрая музыка помогала Васе собираться в школу).

«Вас включить?» — спросил Вася.

«Сделайте одолжение... кха... Давно не вещал с помощью проводов, не знаю, получится ли...»

Получилось. Раздался голос городской дикторши, сообщавшей сводку погоды:

— ...текущей недели сохранится устойчивая сухая погода с дневной температурой воздуха двадцать четыре — двадцать шесть градусов. Ветер юго-восточный, давление в пределах нормы...

Звук был дребезжащий (наверно, потому, что в середине репродуктора, у колпачка, — дырка), зато сводка хорошая.

— А теперь выдерните шнур, пожалуйста, — попросил Гуревич голосом солидного диктора-мужчины. — Мне хотелось бы попробовать себя, так сказать, в сольном амплуа.

Вася послушно дернул штепсель из розетки. Гуревич откашлялся. И вдруг заговорил голосом Левитана, которого Вася слышал в передачах про давние времена:

— ...В течение последних суток войска Второго Белорусского фронта, преодолев упорное сопротивление противника, перешли в наступление и прорвали вражескую оборону в районах...

Наступило короткое молчание, а потом из репродуктора запел Леонид Утесов:

Ты одессит, Мишка,
А это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка,
А моряк не плачет...

Затем опять молчание, кашель, и наконец:

— ...Сегодня в Кремле открылся слет героев первой послевоенной пятилетки. Бурными нескончаемыми аплодисментами, криками восторга и здравицами делегаты слета встретили появление на трибуне вождя советского народа и всего прогрессивного человечества, гения всех народов, светоча мира и надежду... Кха... Лучше вот так... — И запел ребячий хор:

Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет...

«Чего это он?» — опасливо спросил Вася у Колеса. И подумал: уж не свихнулся ли старик на радостях?

«Он транслирует то, что запомнил в давние годы, когда жил в квартире. Нового-то ничего не знает...»

«А ты расскажи ему про новое. Побеседуйте тут вдвоем, а я сбегаю на пароход. Надо же когда-то двигаться и на ногах, не только на педалях...»

На пароходе были Акимыч и Степан. Старик занимался хозяйственным делом — в ожидании недалекой осени затыкал ветошью щели в каюте. Степан развлекался: прыгал на шевелящиеся тряпки и цапал их когтями.

— Постыдился бы, — увещевал его Акимыч. — Солидное существо, в возрасте, а ведешь себя как бестолковый кошачий детеныш...

Оба они обрадовались Васе. Старик не стал больше укорять его за недавнюю ночную отлучку, не понадобилось никаких объяснений.

— А где Филипп?

— Известно где. Как ушел тогда с Ольгой, больше и не показывается. Дело молодое...

— Акимыч, вы думаете, они поженятся?

— Кто знает. Глядишь, дойдет и до того...

Прилетел Крошкин, принес в клюве длинную прядь пакли. Видимо, свой взнос в конопатку каюты.

Вася принялся помогать Акимычу. Рассказал между делом про поездку в Цаплино, про Мику и про ее деда.

Потом они пили крепкий чай с черными сухарями — самая подходящая еда после вчерашних неприятностей с желудком. Диета, так сказать...

К себе Вася вернулся, когда мама и папа были уже дома.

Мама пожелала узнать, где это он гулял без Колеса.

— Я не знала, что и подумать.

— Я решил, пусть оно отдохнет.

— А что это за экспонат повесил ты на стену?

— Старое радио. Нашел... в одном дворе.

— Ты всегда тащишь в дом всякую рухлядь.

— Это не рухлядь. Оно действующее.

— По-моему, это редкая вещь, — вставил свое мнение папа.

— На этой редкой вещи целые колонии вредоносных вирусов.

— Неправда, я его вычистил! — вступился за Гуревича Вася.
 — Ты себя-то не можешь вычистить! Посмотри в зеркало, на кого похож! Будто лазил по пыльным чердакам! — Мама была проницательна.

— Я не лазил...

— Я устала стирать эту твою африканскую спецодежду. Неужели нельзя надеть ничего другого?

— Я к этой привык.

— А я никак не могу привыкнуть к твоей безалаберности... Снимай штаны и рубашу, я их замочу...

— В сортире? — хихикнул Вася. Мама сделала вид, что хочет дать ему подзатыльник. Вася ускакал.

Вечером Гуревич несколько раз порывался сообщить о положении на фронтах Великой Отечественной войны и успехах тружеников полей в колхозе «Сталинские зори», а потом исполнить хоровую песню «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Вася деликатно прикрутил средний винт — регулятор громкости...

Несколько дней Вася ходил на «Богатырь» — помогать Акимычу. Пешком ходил, потому что Колесо и Гуревич никак не могли наговориться. Затем два дня сидел дома, потому что наступила дождливая погода. Вася читал энциклопедию «Всё на свете» и, хихикая, говорил себе, что с каждым часом становится все образованнее. Слушал старинную радиопередачу «Клуб знаменитых капитанов» в исполнении Гуревича.

А иногда втыкал штепсель и слушал современные передачи. Но они были скучные. Например:

«...В сообщениях, полученных из Генеральной прокуратуры, говорится, что предъявлены обвинения нескольким высокопоставленным военным из структур, близких к силовым министерствам. Генералы обвиняются в действиях, позволивших им оставить на своих личных счетах несколько миллионов долларов. Имена генералов пока не сообщаются в целях сохранения тайны следствия...»

«Зачем им столько денег? — спрашивал у Колеса Вася. — У них же и так все есть. И купить могут все что хотят...»

«А тебе много денег не хочется?»

«Не-а... Хотя нет, пожалуй, хочется. Чтобы двухкомнатную квартиру с телефоном купить. А еще лучше трехкомнатную, чтобы одна комната большая. Тогда можно было бы там рас-

кладывать электрическую железную дорогу, если подарят на Новый год или будущий день рождения...»

«На железную дорогу тоже деньги нужны...»

«Ну, тогда можно без нее... Можно двухкомнатную квартиру и еще старинный морской бинокль. Я его видел в комиссионном магазине, когда там с мамой был...»

Когда снова стало тепло и ясно, Колесо «шепотом» призналось Васе, что слегка устало от репродуктора.

«Понимаешь, у меня-то характер как у школьника, а у него — пенсионерский...»

«А как же ты терпел на чердаке столько лет?»

«Там все равно больше нечего было делать. А сейчас хочется поразмяться. Гуревич славный старик, но... давай сгоняем на Водопроводную площадь!»

Покидая квартиру, они слышали, как репродуктор бодро поет голосом старинного певца Лемешева:

Не найти страны на свете
 Краше родины моей!..

На площади многие обрадовались Васе — давно не видели.

— Как там ваш оркестр? — спросил Вася у Максимки. Тот просиял и показал большой палец.

Переверзя, Штырь и Цыпа тоже крутились недалеко от башни, но к Васе не приближались. Видать, поняли: не по зубам орешек...

К Акимычу Вася наведался только дней через десять, а то и позднее. Спыхватился наконец, что Акимыч может обидеться: «Забыл старика...»

Еще с берега Вася услышал гитару. Филипп играл в рулевой рубке. Мелодия была отрывистая и грустная. Акимыч снаружи рубки натирал суконкой судовой колокол. Бронза сияла, как сплошное счастье, но лицо у старика было озабоченное.

— Чего он так играет? — опасливо спросил Вася и головой показал на дверь.

— А такое вот дело... Что на душе, то и в музыке...

— А... что на душе? — У Васи упало сердце.

— Известное дело что. Любовь — явление непостоянное. Сегодня ура, а завтра дыра... Опять не поладили. Говорит, что теперь уж навсегда...

«Это что же? Зря я мотался по Незнакомому городу?.. И не

будет у Филиппа расцвета творческого периода? И картины «Мальчик и музыка» не будет?»

Вася не пошел в рубку, не стал говорить с Филиппом. Чем он мог ему помочь? Вася вернулся домой и лег носом в подушку.

Гуревич что-то бормотал. Колесо сказало Васе:

«Что поделаешь. Одни несчастья от этой слабой половины человечества... Вот и Мика твоя обещала, а не приехала. Таковы женщины...»

«Само ты женщина! Помолчало бы!» — в сердцах огрызнулся Вася. Колесо глухо умолкло. Ясное дело, обиделось. Но Васе было сейчас не до него. Он погрузился в горестные мысли, как в серую муть. Вернее, даже не в мысли, а просто в ощущение. И с этим ощущением задремал.

Проснулся Вася от голосов родителей.

«Опять спорят, что ли? Или только собираются?»

Мама громко сказала за ширмой:

— Вася, ты дома?

Неужели не видит, что его кроссовки у порога?

— Дома, конечно...

— Ты обедал?

— Обедал, конечно...

— Ты не можешь разговаривать без этого «конечно»?

— Могу, конечно...

Мама пришла за ширму.

— А почему лежишь?

— Устал, вот и лежу. Нельзя, что ли?

— Ты в последнее время стал колючим, как... не знаю кто.

Что с тобой?

— Начинается переходный возраст, — буркнул Вася в подушку.

— Тебе до этого возраста еще как до Луны.

Вася сразу вспомнил сказку про Окки-люма, который убежал на Луну. Может, и ему убежать? Колесо, будто услышало Васины мысли, слегка толкнуло его в бок: я, мол, больше не сержусь. Вася погладил шину и сказал маме:

— Недавно говорила, что этот возраст на пороге, а сейчас — как до Луны. Луна и порог — это разве одно и то же? Тебя не поймешь.

— Олег, ты слышишь, как он разговаривает? Может быть, ты все-таки поговоришь с ним, как полагается настоящему отцу? Пока переходный возраст в самом деле не наступил!

Было слышно, как папа зашелестел газетой (наверняка «Спортивным бюллетенем»).

— Ну конечно!.. Василий, в самом деле! Что с тобой?.. Послушай, а может быть, ты влюбился?

— Конечно! — сумрачно возликовал Вася. — Седьмой раз за это лето! А завтра будет десятый!

— Вот-вот! Слушай, слушай! Он уже и тебя ни в грош не ставит!.. Нет, ну куда это годится! Парню десятый год, а ты еще ни разу не взрел его по всем правилам!

— Видимо, скоро придется, — пообещал папа. Без всякой, впрочем, убежденности.

— Какой мне десятый год! — тихонько взвыл Вася. — Прямо тошно слушать! Мне только-только исполнилось девять!

— Раз исполнилось, значит, уже десятый, — неколебимо заявила мама.

— О-о!.. Папа, ну скажи хоть ты!

— М-да... В этой формулировке, касаемой исчисления времени, есть некоторая натяжка.

— Вот как? — стеклянным голосом спросила мама. — Могу я узнать к а к а я?

Папе бы проявить благоразумие, но он не удержался:

— Это как один пьяница утверждал: «Послезавтра будет уже третий день, как я не брал в рот ничего спиртного»...

Мама шагнула от Васи за ширму, в комнату. К папе.

— Я, — сказала мама, — никогда, — сказала мама, — не имела дела, — сказала мама, — с компаниями пьяниц. У нас в Аптекоуправлении работают исключительно порядочные и трезвые люди. В отличие от некоторых институтов, где постоянные юбилеи и презентации с шампанским и коньяком. И кроме того, рассуждать о пьяницах при ребенке... это... верх морального падения!

— Но, Яночка, падение не может быть направлено вверх...

«Началось», — уныло подумал Вася. Но в этот миг репродуктор Гуревич во всю мощь грянул стоголосым мужским хором:

Распрягайте, хлопцы, коней
Та лягайте почивать!

Мама и папа бок о бок влетели за ширму.

— Что здесь такое?!

— Это не я. Это он... — Вася с беззаботным видом показал на Гуревича. А тот надрылся.

— Выключи немедленно! — велел папа.

— Он выключен.

— Что ты морочишь голову! — Папа схватил шнур. Штепсель заболтался в воздухе. А динамик содрогался. Мама прижала к ушам ладони.

Папа моргал. И старался перекрыть песню:

— Почему он играет?! Там кассета?!

— Папа, ну что ты говоришь! Когда его сделали, кассет на свете не было!.. Гуревич, будьте добры, пойте потише.

Тот запел приглушенно, словно уличный репродуктор на далекой площади.

— Сумасшедший дом, — сказала мама. — Если эта труба будет так орать, я выкину ее на помойку.

— Тогда я тоже пойду жить на помойку. Вместе с ним и с Колесом.

— Пожалуйста, — ледяным тоном разрешила мама. — Если помойка тебе дороже, чем родной дом.

— Там хоть никто не ругается...

Мама посмотрела на папу. «Видишь, какое сокровище растет!» — говорил ее взгляд. И они пошли на кухню, чтобы обсудить неотложные вопросы Васиного воспитания, а потом снова поругаться.

Вася лег на спину и стал смотреть в потолок.

«Ну почему все так плохо? — думал Вася. — А может, правда сбежать? Не на помойку, а, скажем, на дачу к Мике. Или на пароход». Он понимал, что долго не выдержит, заскучает по маме и папе, какие бы они ни были. Но, может быть, за время его бегства они образумятся и станут миролюбивее?

Да, грустно все это было... И музыка, которую сейчас играл Гуревич, была грустная. Тихие скрипки выводили мелодию, от которой щипало в глазах. Вася словно увидел перед собой медленное движение смычков над коричневым лаком инструментов... Но скоро скрипки примолкли. Послышались трубы. Они начали какой-то знакомый марш.

Колесо ткнулось в бок:

«Узнаешь музыку? Это марш Дунаевского из кинофильма «Цирк!»»

«Ну и что?»

«Это любимая мелодия Гуревича!»

«Ну и что?»

«Что, что! Не прозевай момент!.. Надень майку со звездами. Она самая подходящая...»

«Для чего подходящая?»

«Делай, что говорят!»

Вася устал спорить. Пожал плечами, скинул застиранную рубашку «сафари», сдернул со спинки стула белую с зелеными звездами футболку. Тоже полинялую, но все еще красивую. Набросил через голову и снова лег на спину. Вот, мол, я выполнил твой каприз. Что дальше?

Дальше... музыка стала громче. Но была она не резкой, а мягко обнимающей. Репродуктор над головой у Васи стал расти, наклоняться горизонтально. Скоро он сделался большим, как зонтик. И еще больше, и еще. Вася следил за всем этим почти без удивления. То, что происходило, было похоже на слушание с картиной «Незнакомый город».

Значит, опять что-то случится? По правде говоря, не очень-то хотелось. Больше хотелось спать. Но сопротивляться наваждению было лень. И Вася смотрел, как растущий черный купол все расширяется и уходит вверх. Он перестал быть черным, под ним засияли лампы, заблестели никелем всякие висячие перекладки. Потом все пространство коротко прозвенело, встряхнулось. Вася вздрогнул и увидел себя в гуще цирковых зрителей. На твердом сиденье в середине дощатых рядов, кольцами опоясавших ярко-желтую арену. С колесом на коленях.

ПОД КУПОЛОМ СТАРОГО ЦИРКА

Продолжал греметь тот же самый марш. Под звуки труб и звенящих тарелок бодро выходил на арену маленький парад. Маленький не потому, что мало участников, а потому, что маленькие были артисты. Лилипуты.

Васе и раньше приходилось видеть в цирке лилипутов. Они ему не нравились. Вернее, не нравилось, что эти крохотные артисты притворяются бодрыми, счастливыми и словно хвастаются своей бедой. Это же именно беда — родиться и не вырасти. Была какая-то ненормальность, что маленьких, как детсадовские ребятишки, человечков обрядили во взрослые костюмы и вынуждают притворяться солидными людьми...

Когда Васю заставляли надевать парадный серо-полосатый костюм с галстуком, он чувствовал себя таким же лилипутом...

Чтобы не смотреть на арену, Вася стал разглядывать зрителей.

Справа от него сидела молодая женщина в блестящем пла-

тье с высоко поднятыми плечами, завитая и накрашенная. Она чуть отодвинулась, когда Вася возник рядом, но не рассердилась. За ней Вася увидел военного в странной форме — вроде той, что нынче носят на митингах и демонстрациях казаки. Широкая гимнастерка, пристегнутые пуговицами золотые погоны. Только фуражка, которую он держал на коленях, была не казачья, а как у летчиков — с «крылышками».

А слева сидел мальчик. Чуть постарше Васи, темноволосый, в меру курчавый, с пухлыми губами. Слегка похожий на юного Пушкина из книги «В садах Лицея». Он весело глянул на Васю:

- Ты как здесь появился? Я и не заметил!
- Сам не знаю как, — признался Вася. — Случайно...
- На протырку, без билета?
- «Да уж конечно без билета». И Вася честно сказал:
- Ага...
- Не бойся. Раз пробрался, теперь не найдут...

На мальчике была курточка из рыжего потертого вельвета. Поверх нее был выпущен синий матросский воротник. Странно как-то. Никто из Васиных знакомых ребят так не одевался. И вельветовые штаны у мальчика были странные — широкие, как шаровары, с застежками под коленками.

«Колесо, ты куда опять меня затащило?»

«Не я, а Гуревич... У него свои любимые места.»

«Ты не пудри мне извилины!»

«Ничего я не пудрю! Смотри лучше на арену...»

А чего туда было смотреть? Лилипутами командовала грузная, как троллейбус, похожая на цыганку тетя в цветастых юбках. Она заталкивала крошечных мужчин и женщин в красные фанерные сундуки и доставала их из синих, на другом конце арены. Это были фокусы. А еще лилипуты жонглировали, кувыркались и смеялись громким деревянным смехом.

Мальчику-соседу они, кажется, тоже не нравились. Он тронул мизинцем Васино Колесо.

- Это у тебя что?
- Колесо для катанья. Я на нем ездю, — без хитростей ответил Вася. Мальчик был славный, дружелюбный.
- Неужели получается?
- Да. Не сразу только, а после тренировки...
- Надо попробовать сделать такое же.
- Попробуй, — вздохнул Вася и заранее пожалел мальчика.

— А почему ты не смотришь лилипутов? Не любишь?

— Да... Я в цирке только клоунов люблю.

— А Юленьку Вишнякову?! — изумился мальчик. — Разве она тебе не нравится? Я думал, ты из-за нее и пробрался. Все пацаны из-за нее...

— Что за Юленька? — неловко сказал Вася.

— Ты даже не знаешь? Вот это да! Будто с Луны упал!

Вася сразу вспомнил Окки-люма.

— Я не с Луны, а... просто нездешний. Приехал совсем недавно. Ничего еще не знаю...

— А-а... — протянул мальчик. Тогда, мол, простительно не знать Юленьку Вишнякову. — Она будет выступать после гимнастов, перед антрактом...

Лилипуты кончили выступление, раскланялись и убежали за бархатный занавес. Цыганистая тетя несколько раз выгоняла их обратно, чтобы снова кланялись и посылали воздушные поцелуи. Но наконец отпустила их и уплыла сама.

Униформисты в красных мундирах начали расставлять блестящие турники и брусья. Клоун Поликарп Фомич смешно путался у них под ногами. Потом девушки и парни в усыпанных блестящими костюмах ловко летали с перекладки на перекладину, а Поликарп Фомич пугался, падал и убегал, схватившись за поясницу.

Но закончился и этот номер. Дядьки в мундирах лихо разобрали гимнастические снаряды и настелили вдоль барьера ровную деревянную дорожку (Поликарп Фомич снова мешал им и получил от одного униформиста пинок).

— Вот... сейчас... — шепотом сказал Васе мальчик.

Зрители притихли. Лампы поубавили свет. Мужчина во фраке (его звали Петр Федорович), который объявлял все номера, вышел на середину арены. Раскинул руки. Сообщил торжественно, как о выходе королевы:

— Юная эквилибристка на колесах, наша общая любимица Юленька Вишнякова!

Ух, что поднялось! Цирк забушевал аплодисментами. Мальчик-сосед откинулся к дощатой спинке, вскинул обтянутые протертым вельветом колени и хлопал так, что пистолетное шелканье отдавалось в ушах. Потом все стихло. На арену упали светлые круги прожекторных лучей. Оркестр заиграл удивительно живую музыку, и под лучи выбежала девочка. Лет десяти. Длинные золотистые волосы развевались у нее за плечами. («Как у Оли», — с мимолетной грустью подумалось Васе.)

Если бы не эти летучие волосы, Юленька была бы похожа на мальчишку. С озорным курносим лицом, длинноногая, узкоплечая, в матросском костюмчике из трепещущей белой ткани. Она прошлась по арене колесом, встала, вытянулась и раскинула руки. Вот, мол, я, здравствуйте! Опять взорвались аплодисменты, но лишь на несколько секунд. Зрители притихли и ждали.

Униформисты вывели из-за красного бархата небольшой блестящий велосипед. Толкнули на дорожку. И он побежал по кругу, как послушная лошадка. Девочка догнала его, хлопнула по седлу, вскочила на раму, сделала на ней ласточку и так проехала целый круг. Затем ухватилась за руль, сделала стойку на руках, вытянув вверх коричневые ноги в белых башмачках. Упруго толкнулась, перелетела и встала на багажник. А велосипед все бегал по кругу, словно у него был скрытый моторчик. Но Вася-то понимал, что дело не в моторчике. Между девочкой и велосипедом было *с о з в у ч и е*. И когда зрители захлопали опять, Вася захопал тоже. От души!

А девочка и велосипед... что они только не делали! Юленька взлетала над велосипедом, крутила в воздухе сальто и ловко приземлялась ногами на седло. Выгибала мостики. Стоя на раме, жонглировала блестящими кольцами и разноцветными мячиками. Иногда соскакивала и командовала своим двухколесным дружком, как живым. Велосипед послушно вставал на дыбы (на заднее колесо), вертелся в танце, опрокидывался на руль и седло, вращая колесами в воздухе (словно дрыгал ногами). Потом велосипед дурашливо убежал, а Юленька грозила ему пальцем. Велосипед виновато возвращался. Девочка прощала его, и они вдвоем танцевали вальс.

И была Юленька Вишнякова такая тонкая и гибкая, такая... добрая и сказочная, что замирала душа и шипало в глазах. Встречный воздух растрепывал ее невесомые волосы, легонькая ткань матроски трепетала и прижималась к телу. А лучи прожекторов не выпускали ее из столбов голубого, зеленого и розового света...

Юленька снова вскочила на раму и помчалась по кругу. Оркестр затих. Два униформиста бросили девочке скрипку и смычок. Она, изогнувшись, подхватила их, вскинула скрипку к плечу и заиграла.

Вася раньше никогда не слышал такой волшебной мелодии. Она была... ну, как самая ласковая ласка, как самая дру-

жеская дружба, как... такая теплая радость, от которой даже немного печально...

И когда это кончилось, Вася не поверил. Неужели больше он не увидит, не услышит этого волшебства?

Несколько раз еще Юленька под шум и крики зрителей появлялась на арене, тонкая и легкая, как белое перо, кланялась, ладонями посылая всем приветы и наконец убежала насовсем. А Петр Федорович во фраке посмотрел ей вслед, вздохнул и объявил:

— Антракт!

Мальчик-сосед перестал хлопать и посмотрел на Васю блестящими глазами:

— Ну? Что скажешь?

— Да-а... — выдохнул Вася. — Вот это музыка!

— Да что музыка! Главное, как она на велосипеде!.. Словно крылья у нее...

— Да. Но без музыки было бы не так хорошо... — осторожно возразил Вася. Спорить не хотелось, но и уступать не хотелось тоже. Получилось бы, что он дал Юленьку в обиду.

Мальчик слегка пожал плечом.

— Ну да... Но в общем-то мелодия известная. Это Вивальди, совсем не сложная пьеса, ее хоть кто сыграет. А вот велосипед...

Вася не понял, про какое такое «вивальди» мальчишка говорит, и сказал, слегка набычившись:

— Как это «хоть кто сыграет»? Может, и ты?

Мальчик глянул опять своими темными, с блеском глазами. Ответил необидчиво и без хвастовства:

— Ну, и я... А что такого? Да я это уже играл, не раз... — И пошевелил на коленях длинными пальцами. Вася посмотрел на эти пальцы — загорелые, со сбитыми костяшками и очень тонкие. «Вот оно что!» — понял он. Сказал примирительно:

— Конечно, ты умеешь... А я ни за что на свете не смог бы. У меня слуха нету. На Колесе могу почти как она на велосипеде, а скрипку даже не держал ни разу...

Мальчик смотрел стеснительно, словно чувствовал себя виноватым, что у Васи нет слуха, и не знал, что сказать. И в этот миг раздался бодрый клич:

— Ма-ароженое! Ма-ароженое! — По проходу двигалась полная продавщица в кружевной наколке и белом фартуке.

Держала поднос с бумажными стаканчиками, из которых торчали плоские лучинки. — Ма-ароженое! Порция три рубля!..

— Ага. Где их взять-то... — надув и без того пухлые губы, сказал мальчик. То ли Васе, то ли просто так.

Вася вспомнил, что у него есть железный пятирублевик, подарок Акимыча. Недавно Вася по просьбе старика ездил в булочную, привез батоны и сдачу, и Акимыч сказал: «Возьми на мороженое». Вася взял — чего церемониться-то, свои люди... И сейчас он торопливо зашарил про накладным карманом на шортах. Достал монету.

— Дайте, пожалуйста!

Дальше случилось такое, чего он ну никак не ожидал.

Продавщица взяла пять рублей, заморгала. Глянула на деньги, на Васю, опять на деньги. Ее лоб под кружевным кокошником и пухлые щеки гневно зарозовели.

— Да ты что! За дуру меня принимаешь?!

— А... что? — заморгал Вася.

— Ты чего даешь мне старинную денгу! Сейчас тебе что? Дооктябрьская революция? — Она сунула монету Васе в ладонь. — Бери и затолкай подальше, пока не позвала милицию!

— Это же нормальные деньги... — пробормотал Вася.

— Нормальные?! С двуглавым орлом?! Для сопливых буржуев они нормальные, таких, как ты! Ишь, рубаху надел американскую, родители небось в лимитном распределителе отовариваются, в культурных людях значатся, а сынок...

— Да хватит вам, — сказала крашенная женщина справа от Васи. — Что вы пристали к мальчику? Он просто перепутал, думал, наверно, что это полтинник двадцатого года.

— И за полтинник хотел трехрублевую порцию?! Далеко-о пойдет...

— Барышня, успокойтесь, — перебил пышущую тетю сосед крашенной женщины, тот, что в казачьей (или не казачьей?) форме. — Лучше дайте нам три порции... Вот так, благодарю... — Он ухватил стаканчики, один оставил себе, а два отдал женщине и что-то вполголоса сказал ей. Та улыбнулась и протянула стаканчик Васе.

— Возьми, мальчик. Не обижайся на нее, все работники торговли сейчас такие нервные...

— Спасибо, — прошептал Вася. И подумал, что это очень хорошая женщина, хотя от нее чересчур крепко пахнет духами.

Колесо на коленях нервно задергалось:

«Я же тебя предупреждало, будь внимательней, учитывай обстановку...»

«Ничего ты не предупреждало!.. Я домой хочу».

«Подожди до конца представления».

«Ага, затащило неизвестно куда, а теперь подожди...»

Но Вася уже не очень хотел домой. По крайней мере не сию минуту. Надо было съесть мороженое, да и с мальчиком еще не кончен разговор. Вася протянул ему стаканчик:

— Хочешь? Давай по очереди.

— Ага... — заулыбался юный музыкант. — Спасибо. — И охотно зачерпнул закругленной дранкой изрядную порцию. Облизнулся. — А что у тебя за монета? Правда старинная?

— Не знаю. Вот... — Вася протянул пять рублей мальчику.

— Ух ты! Я таких никогда не видел. Где ты ее взял?

— Да нашел случайно, недалеко от рынка, — соврал Вася как можно натуральнее. — Прямо на тротуаре...

— А зачем ты ее продавщице-то дал?

— Не знаю, — опять сказал Вася. — Что-то отключилось в мозгах. Она говорит: «Три рубля», а я подумал: «У меня пять», ну и вот... Ешь еще, а то уже капает. — Ледяная капля из размокшего стаканчика ужалила Васю в колено.

Мальчик зачерпнул и отправил в рот мороженое, но весь его интерес был направлен на монету.

— Это не царская, а Временного правительства, потому что орел без короны. А какой год?.. Ой, что это?

— Что?

— Смотри! Такого года не может быть! Это же будущий век!

— Я и не обратил внимания, — неловко сказал Вася. Надо было как-то выкручиваться. — Может быть... знаешь что? Когда эту денгу отпечатывали на машине, просто ошиблись, поставили не ту цифру.

— Да, наверно... Или... могло еще вот как быть. Белогвардейцы, когда захватили власть, решили всем показать, что она на веки вечные, вот и начеканили свои деньги на много лет вперед!

— Да, конечно... — охотно согласился Вася. Мороженое между тем кончилось, стаканчик бросить было некуда, Вася облизал его и вместе с палочкой затолкал в карман. А мальчик все покачивал на ладони, все разглядывал пятирублевую монету 2002 года. И наконец со вздохом протянул Васе:

— Ты ее береги. Это нумизматическая редкость.

Вася знал, что такое нумизматика.

— Ты собираешь монеты?
 — Я много чего собираю. Монеты, марки, военные значки...
 — Тогда возьми ее себе.
 — Да ты что! — В глазах мальчика зажглась и погасла недочерчивая радость. — Нет. Это же историческая ценность...

— Она для тебя ценность, а мне-то зачем? — убедительно сказал Вася. — Я же не собираю и нашел случайно, мог и не найти...

— Все равно... так нельзя... — В мальчике явно боролись желание и честность.

И Васю осенило:

— Тогда давай на что-нибудь меняться!

— На что? У меня ничего такого нет.

С тревожной догадкой Вася спросил:

— Тебя как зовут?

— Сережка... Сережа...

— А меня Вася... У тебя есть рогатка?

Сережа замигал.

— Рогатка... да, есть. Вот... — Он выволок из просторного вельветового кармана рогатку с распустившейся красной резиной. — Хорошая, дальнобойная. Но все равно же она самодельная. А монета, она же...

— Сережа, я очень прошу, — глядя ему в глаза, сказал Вася. — Давай поменяемся. Мне уж-жасно нужна рогатка и совсем не нужна монета.

— Честное пионерское?

— Что? Ну да... Да! Честное...

— Ну... тогда спасибо... — И вдруг спохватился, как-то ошетинился даже: — А ты что? Хочешь из нее по птицам стрелять?

— Ты с ума сошел? — жалобно возмутился Вася. — У нас так никто... ни один мальчишка... никогда... Мы соревнования устраиваем, по мишеням...

— Тогда ладно...

Смущенно сопя, Сережа стал заталкивать поглубже в карман свое новое сокровище. А Вася — рогатку.

Вокруг стоял обычный, как во всех цирковых антрактах шум. Люди уходили и возвращались, наступали сидевшим на ноги, извинялись, доедали мороженое... Униформисты в это время ставили на сцене высокие стойки с растяжками, налаживали между ними толстую черную проволоку. Свет был приглушен, вразнобой пиликал оркестр. И вот лампы опять

стали яркими. Трубы и скрипки снова сыграли кусочек марша из кинофильма «Цирк». Петр Федорович возник из-за алых бархатных штор и возвестил:

— Канатоходцы Елизавета Краух и Валентин Цибульский!

Вася глянул на Сережу. Тот снова надул толстые губы.

— По сравнению с Юленькой это чухня...

Вася и сам понимал, что зрелище будет не очень завлекательное (а Юленьки больше не будет). Одно только было забавно — клоун Поликарп Фомич опять у всех на арене путался под ногами. И наконец оказался впереди торжественно вышедших канатоходцев.

— Поликарп Фомич, не могли бы вы пока постоять в стороне?! — сделал ему громкое замечание Петр Федорович.

— Ни в коем случае! Мне сегодня обещано выступление! Прежде Елизаветы и Валентина!

— Вот как?! И чем же вы собираетесь удивить наших уважаемых зрителей?!

— Как чем! Я буду танцевать на проволоке! Это мой любимый номер!

— Да разве вы умеете?! По-моему, вы хвастаете!

— Как вам не стыдно, Петр Федорович! Я никогда не хвастаю!

Петр Федорович вопросительно посмотрел на затянутых в костюмы с блестками канатоходцев. Те развели руками (что, мол, поделаешь) и жестами пригласили Поликарпа Фомича подняться по лесенке. Тот снял свой перекошенный полосатый пиджак, пошевелил плечами и полез на площадку, цепляясь за ступеньки огромными башмаками. Зрители восторженно выли (особенно мальчишки). На площадке Поликарп Фомич испуганно покачался и послал зрителям воздушные поцелуи. Бросил вниз свою громадную клетчатую кепку. Раскинул руки. Ступил на проволоку. Стало тихо. Поликарп Фомич сделал два шажка, закачался, громко сказал «ай!».

— Да он притворяется, — шепотом успокоил Сережа Васю. — Он умеет...

Возможно, Поликарп Фомич умел ходить по проволоке. Но сейчас он всячески показывал, что не умеет.

— Ай, мама! — заголосил он, сорвался, ухватился за проволоку и повис, болтая ногами. Один башмак упал на арену, под ним оказался красно-белый полосатый носок. Униформисты подхватили неудачливого канатоходца, поставили на опилки. Зрители бурно веселились.

— Чего они хохочут?! — оскорбленно спросил Поликарп Фомич. Из глаз его ударили две сверкающие струйки слез.

— Вы сами виноваты, — объяснил рассудительный Петр Федорович. — Потому что взялись за дело, которому не учились!

— Да-а! Легко делать то, чему учился! А вот попробуйте сами, если ни разу не ступали на проволоку. А? Ну! Попробуйте!

— Я не буду! — решительно сказал Петр Федорович. — И вам больше не советую. Смотрите, зрители смеются...

— Да! Смеяться легко! А вот пусть попробуют сами! А? Ну! Что, испугались?! Давайте! Кто хочет?!

— Я хочу! — услышал себя Вася будто со стороны.

Он сам не понимал, что с ним случилось. Словно кто-то другой управлял его мыслями, движениями, голосом. Он быстро сдернул с Колеса и повесил на шею шину. Перешагивая через чужие ноги, добрался до лестницы в проходе и быстро зашагал к арене. А в ушах опять была музыка, которая называется «Вивальди». Сквозь эту музыку Вася услышал, как кто-то громко сказал:

— Да это ихний! Их нарочно сажают среди зрителей.

«Наверно, и Сережа решит, что я из артистов», — мелькнуло у Васи. Но это было неважно. Гораздо важнее, чтобы Юленька Вишнякова увидела, что может мальчик в футболке со звездами. Ведь она же наверняка смотрит на арену из-за кулис! Вася лихо перескочил барьер арены.

Петр Федорович быстро подошел к нему. Нагнулся, тихо спросил:

— Мальчик, ты откуда? Зачем? Тебя нет в программе...

— Я могу! Я сейчас... — Он уклонился от растерянного Петра Федоровича и бросился к стойке с лесенкой. Было ничуть не страшно. Было ясно, что для того он, Вася Перепёлкин, и оказался в этом старинном цирке. Сейчас будет коронный номер!

Вася легко взобрался на площадку. Не глядя по сторонам, поставил Колесо желобком на проволоку. Взлетел на педали, выпрямился. Раскинул руки-крылья. Было тихо. Масса зрителей и арена виделись размытыми пятнами. «Вперед!» — командовал Вася. И Колесо покатило по тугому дрожашему тросу.

Оно ехало не быстро. Наверно, чтобы зрители могли как следует разглядеть храброго мальчишку. Оказавшись у другой площадки, Вася подпрыгнул, повернулся лицом в обратную

сторону. Помахивая руками, поехал назад. Раздались хлопки. Громче, громче. Широкие лучи прожекторов охватили Васю теплым тугим светом. Вася перескочил на педалях снова, поехал по проволоке третий раз. И теперь не просто так! Он подпрыгнул, согнулся в воздухе, уперся в педали ладонями и сделал стойку. Стойка вышла отличная, раньше у Васи такая никогда не получалась даже на земле.

Хлопали и шумели теперь изо всех сил. Ветер успеха и славы обвевал Васю теплыми взмахами. Конечно, все это было как во сне (а может, и правда сон!). Однако радость была настоящей. Вася толкнулся руками, снова встал на педали ступнями. Опять выпрямился и раскинул руки. Теперь Колесо не двигалось, Вася стоял, балансируя, посреди проволоки. Быстро глянул на бархатный занавес. Почудилось (или не почудилось?), что между складок мелькнули светлые волосы и блестящие глаза.

«Вперед!» Но в этот миг обрадованно грянул оркестр. Вася вздрогнул. Удар музыки словно встряхнул все пространство. Изменил его природу, сделал не сонным и сказочным, а настоящим. Вася обмер. Он отчетливо увидел тысячи обращенных к нему лиц. Ощутил, какая под ним пустота и как далеко до арены.

«Я же сейчас грохнусь!» Храбрый звездный артист на глазах у всех стремительно превращался в перепуганного третьеклассника Недопёлкина! Вася закачался, нелепо заболтал руками.

«Держись!» — ударил его через подошвы приказ Колеса.

«Я не могу! Я...»

«Держись, тебе говорят! Не смотри по сторонам, смотри вперед и не думай ни о чем!»

Вася широкими от ужаса глазами глянул вперед. Там замерцала зеленая искра. За нее он спасительно ухватился взглядом. Колесо покатило, все быстрее, быстрее. У площадки не остановилось, перелетело ее и помчалось про тонкой серебряной линии. Что это было? Словно еще одна проволока — из белого металла, дрожашая, певучая. Она спиралями огибала пространство над ареной.

Как ни перепуган был Вася, а прежние навыки в нем сидели крепко, сами по себе. Это называется «на уровне инстинктов». Вася вновь обрел равновесие. Да и держать его на скорости было гораздо легче. Лица зрителей размазались в полосы, мельканье ламп превратилось в золотой ручей. Проволока над

ареной виток за витком уходила выше, выше, Вася летел к куполу, и страх сметало встречным ветром. Футболка трепетала так, что, казалось, зеленые звезды срывались и улетали к зрителям.

Куда он мчался, зачем? Вася не думал (ведь Колесо велело: «Не думай!»). Достаточно было, что страха не осталось. Еще немного, и музыка «Вивальди» вспомнится снова... Но темный купол приближался, в нем чернело ночное отверстие со звездами (наверняка это была дырка в репродукторе). Тонкий серебристый путь вел именно туда. И вот мелькнули края люка. Васю выстрелило в звездное пространство. Прокатился мимо и пропал внизу ноздреватый шар Луны. Перепутались и рассыпались яркие созвездия. Васю охватила теплая щекощущая тьма. Скорость стала угасать.

«Где мы?» — наконец решился спросить Вася.

Колесо не ответило. Оно затормозило так резко, что Вася не удержался на педалях. Сорвался вперед, коленями и ладонями упал на плоский камень. Колесо догнало его, тюкнуло ободом в ступню.

Вася постоял на четвереньках, помотал головой и встал.

МНОГО КОЛЕС И ВАСИНО КОЛЕСО...

Сумрак стал реже. Сделался серовато-зеленым. Тихо клубился. Сквозь клубы и медленные завихрения проступали колеса. Да, множество колес. Они были всюду — и самые-самые разные. Одни — размером с донышко стакана, с блюдце, с тарелку; другие — с колесо грузовика, с круглый стол; а еще — с гребные колеса «Богатыря», с музейные куранты, с цирковую арену. Чем дальше, тем громаднее. Васе даже почудилось, что в дальней дали, за слоями редющего тумана, выгибаются под самое небо совсем уже гигантские дуги — очевидно, это были части колес невероятного размера.

Но сначала Вася не приглядывался. По правде говоря, не очень-то было интересно. Было стыдно — за свой недавний страх на проволоке. Как он перетрусил, как чуть не оскандалил при всем народе! И при Сереже. И при Юленьке...

«Ну?» — насупленно сказал Вася.

«Что?» — без особой ласки откликнулось Колесо.

«Вот и я говорю: что? Что дальше-то? Куда нас занесло?»

«А ты погляди вокруг, может, поймешь...»

Вася поглядывался, но не понял. Разглядел только еще больше колес, чем в первый момент. Некоторые висели в воздухе сами по себе, другие были сцеплены друг с дружкой зубчиками, приводными ремнями, всякими шатунами и кривыми рычагами. Одни резво вертелись, другие нехотя поворачивались, а были и такие, что казались неподвижными. А еще Вася услышал звуки, похожие на шелест стрекозиных крыльев и тихую трескотню кузнечиков. Наверно, это стрекотали и часто тикали крохотные медные шестеренки, которые заполняли собой почти весь воздух в промежутках среди более крупных колес. Они крутились очень быстро и поблескивали. Да, поблескивали, потому что сквозь расползавшийся туман пробились лучи. Они были неяркие, словно отраженные от стен, однако сделалось теперь похоже на утро.

За шелестом и стрекотом слышались более «солидные» звуки — урчание и пощелкивание более крупных шестеренок, шорох ремней, шуршание подшипников. А совсем в отдалении — рокот и шевеление непостижимо громадных механизмов. Но все это очень и очень негромко, еле слышно.

Кроме звуков ощутил Вася запахи. Пахло кисловатой медью — словно из потрохов старого будильника. Пахло оплавленной изоляцией. А еще — ацетоном. Точнее, клеем, на котором собирают пластмассовые модели (Вася склеивал им старинный самолетик). Какие-то слишком «технические» запахи. Впрочем, они, как и звуки, были едва различимы.

«Сообразил в конце концов?» — сухо поинтересовалось Колесо.

«Нет...»

«Вообще-то мне казалось, что ты умнее...»

«Не понимаю, почему ты сердишься», — примирительно сказал Вася.

Колесо, кажется, слегка смутилось.

«Не очень-то я и сержусь. Просто обидно...»

«Что тебе обидно?»

«То, что ты... вот так... будто я ни на что не гожусь. Перестал мне верить».

«Ты что?! С оси съехало?!» — жалобно возмутился Вася.

«Сам ты съехал... Задергался на проволоке, как тот теленок из стихов: ох-ох, доска кончается, сейчас я упаду!.. Неужели думал, что я тебя не удержу?»

Вася честно сказал:

«Я про тебя тогда вообще не думал. Увидел, сколько людей вокруг и какая вышотища, вот и растерялся...»

«Вот и плохо. Надо было думать про меня, а не про ту девчонку на велосипеде. Тогда бы ничего не случилось».

«Я про нее не думал вот ни столечко!»

«Врешь...»

«Вру, — понял Вася. — Мне же показалось, что она смотрит из-за кулис».

И он соврал дальше, стараясь быть правдоподобным:

«Я даже и не про нее, а про ее скрипку думал. Музыка понравилась, вот и все...»

«Из-за них всегда одни неприятности... — не оставляло свою тему Колесо. И вдруг срифмовало:

Гули-гуленьки,
Мики-Юленьки!
Как же мне, ответьте,
Жить на белом свете?

«Перестань», — мягко, но твердо потребовал Вася. (Тьфу ты, надо же так написать — «мягко, но твердо»! Но это было именно так.)

«Пожалуйста. Мне-то что, — отозвалось Колесо с равнодушным зевком (если можно так сказать про колесо). — В конце концов, мне все равно. Особенно когда мы здесь».

«Где здесь?! — вскинулся Вася с новой досадой. — Скажешь ты наконец?»

«Это ВПК», — очень значительным тоном сообщило Колесо.

«Что за ВПК? Военно-промышленный комплекс?»

«Сам ты!.. Это Всемирное Пространство Колёс!»

«Зачем?» — слегка обалдело спросил Вася.

«Что зачем?»

«Зачем оно, это пространство?»

«Дурацкий вопрос, — всерьез обиделось Колесо. — Ты же не спрашиваешь, зачем небо, Земля, звезды и вообще Вселенная. Она есть, вот и все. ВПК — это часть Вселенной. Здесь собраны колеса, которые управляют всем-всем на свете, во всех галактиках и мирах. И каждой судьбой...»

Вася чуть опять не спросил «а зачем?», но вовремя тормознул и задал другой вопрос:

«А как управляют-то?»

«Откуда я знаю! Я не философ Спиноза, а левое заднее ко-

лесо от детского велосипеда. Нашел кого спрашивать... Управляют, вот и все».

«А тогда зачем ты... зачем мы тут оказались?»

«Случайно... Надо было тебя спасти, вот я и выбрало первое, что пришло в голову. Чтобы подальше унести ноги...»

Вася вспомнил, что ничего случайного не бывает. Так говорила мама папе и Васе, если они при мытье посуды разбивали блюдец. Но Колесу он сказал не то:

«Я хочу домой...»

«Тебе здесь не нравится?»

А что здесь могло нравиться? Нет, Всемирное Пространство Колес не вело себя враждебно, ничем не угрожало Васе, но и ни капельки гостеприимства в нем не было. ВПК и Вася Перепелкин были совершенно не нужны друг другу.

«Здесь... непонятно», — вздохнул Вася. Он не решился сказать «скучно».

«Домой ты попадешь очень скоро, — пообещало Колесо. — А пока все же погляди вокруг. Пользуйся случаем. Не каждому из людей удастся побывать внутри ВПК. Может быть, ты даже самый первый. Будешь потом вспоминать и удивляться».

«А ведь и правда», — подумал Вася. И стал оглядываться снова.

Они с Колесом находились на круглой каменной площадке — она была как островок среди живущей непонятной жизнью мешанины колес и колесиков. Кое-где среди громадных дисков и колец со спицами возвышались причудливые утесы и разлапистые деревья, но при внимательном взгляде видно было, что и они слеплены из множества колесиков и шестеренок. И даже облака над головой были (Вася это чувствовал) из мелких, как чешуя, колечек и дисков. А в воздухе была рассеяна медная искристая пыль. Вася понимал, что каждая пылинка тоже колесо — меньше, чем самая мелкая шестеренка из самых крохотных дамских часиков. Васе даже показалось, что эти шестеренки щекоют его щеки. Он стал дышать совсем осторожно, чтобы не вдохнуть какое-нибудь колесо-молекулу...

Колесо шевельнулось у Васиной ноги:

«Помнишь, в твоей энциклопедии есть картинка из старой-старой книжки — ученый монах подобрался к самому краю небесной тверди, сунул голову в дыру и увидел другое пространство?»

«Ага! Там тоже колеса... Это и есть ВПК?»

«Да, только в старинном понимании. И монах-то его видел

с краешку, а ты из самой гущи... К тому же он ничего не понял».

«Я тоже», — признался Вася.

«Конечно, тут во всём разобраться трудно. Смотри на главное. Вон там, у горизонта, видишь, еле шевелится колесо с узорчатыми спицами?»

«Вижу...» — Еще бы не видеть! Оно было громадное, как галактика.

«Это колесо истории. От него зависят все события во всех веках... А вон то...»

«Вон то» было еще более великанским. Оно возвышалось над клубящимся горизонтом на две трети и казалось неподвижным. От его втулки расходились два крыла. Очень похожие на ватманские крылышки, которые когда-то Вася прицеплял к своим кроссовкам, только в миллиарды раз громаднее. Они были светло-серые и чуть золотились. Васе подумалось, что все это похоже на шоферскую эмблему космических масштабов. Но услышал совсем другое объяснение:

«Колесо фортуны...»

«Чего колесо?»

«Всеобщей судьбы. Его невидимая ось соединяется со множеством других колес, а через них еще с другими и еще, еще... С колесиком каждого человека. И каждой мошки, каждой былинки...»

«Значит... у меня здесь тоже есть колесико?» — слегка обмерев, спросил Вася.

«А как же!.. Только разве его разыщешь в этом бесконечном пространстве! Да и зачем? Никаких колес касаться нельзя, здесь очень отлаженный механизм...»

Вася подумал. Огляделся еще раз. Насупился.

«А если он такой отлаженный... почему тогда не у всех судьбы счастливые? Или так задумано с самого начала?»

«Конечно, нет! Задумано, чтобы всё у всех было хорошо! Но мешают метеориты!»

«Какие метеориты?»

«Которые пробиваются сюда из других пространств. Бывает, что как врежутся в гущу колес, как устроят там винегрет... Вон, смотри!»

Несколько огненных полосок прочертили зеленоватое небо среди рыхлых облаков. Но куда попали метеориты и случился ли там винегрет, было неизвестно.

«А ведь могут вляпать прямо сюда», — подумал Вася. Но

снова попроситься домой не посмел: не хотелось опять выглядеть трусом. Он только поежился.

А Колесо вдруг попросило виноватым тоном:

«Знаешь что... побудь тут немножко без меня, а? Мне очень надо съездить по одному делу, повидаться кое с кем...»

Конечно, оно сразу почуяло, в какой панике заметалась Васина душа. И пообещало совершенно железно:

— Я вернусь точно через семь минут. Ни секундой позже. А ты пока спокойно любишься...

Чем тут любоваться-то? Правильнее всего было бы вцепиться в обод и взвыть: доставь, мол, сперва меня в родной Осинцев, а потом катись куда хочешь, если тебе приспичило! Но... Вася пожал плечами:

«Гуляй, раз тебе так надо...»

Видимо, Колесо не ожидало столь скорого согласия. Радостно подскочило.

«Я быстро!.. Пожалуйста, надень на меня шину».

Вася, машинально работая пальцами, снял с шеи и натянул на кольцевой желоб резину. И Колесо усвистало с каменной площадки за ближнее нагромождение ободов, спиц и шестеренок. Только педали мелькнули, словно крылышки.

Вася почувствовал, как опять устали ноги. Сел по-турецки и стал ждать.

Сначала он решил считать секунды. Семь минут — это четыреста двадцать секунд. Не так уж много. «Одна, две, три, четыре, пять, шесть...» Но стало вдруг страшно: «Сосчитаю, сколько надо, а оно не появится! Тогда что?» Который раз он глянул по сторонам. Пейзаж ВПК был все тот же — громадный, фантастический и совершенно чужой. Не страшный, но и не нужный Васе. Над головой опять мелькнули полосы метеоритов. «А если они попадут в Колесо?.. А если оно заблудится?.. А если оно... — Тут Васе сделалось стыдно за свои мысли, но избавиться от них он не смог и впервые усомнился в преданности Колеса. — Если оно меня сюда... нарочно... и бросило насовсем?»

«Совсем спятил, да? — сказал он себе. — Если уж не верить Колесу, кому тогда еще верить?»

«Да... но в последнее время оно сделалось какое-то не такое...»

«Какое бы ни сделалось, оно тебя ни разу не подводило!»

«Но если куда-нибудь заносит, случаются неприятности...»

«В Незнакомом городе разве были неприятности?»

«Там не было, но потом Филипп и Оля все равно поссорились...»

«При чем здесь Колесо?»

«А при том, что... все оказалось напрасно. И все приключения, и Барашков переулочек...»

«А в цирке-то чем оно виновато? Ты сам перетрусил! Оно тебя выручило!»

«Ага! И зачем-то принесло сюда!»

«Но здесь-то пока никаких неприятностей нет!»

«Вот именно по к а...»

В том, что неприятности будут, Вася почти не сомневался. И оказался прав.

Нет, Колесо его не бросило в непонятном мире ВПК. Оно появилось довольно скоро. Видимо, в самом деле не позднее, чем через семь минут. Но когда появилось, приткнулось к Васиному боку слишком уж виновато. И сообщило как-то слишком уж безрадостно:

«Нам надо серьезно поговорить. Пора...»

Вася, который до этой секунды держался невозмутимо, сразу обмяк: вот оно...

«Ну, говори...» — И подумал: наверно, забыло дорогу домой.

«Я покажу тебе совсем простую и короткую дорогу, — тем же грустным тоном пообещало Колесо. — Но ты иди по ней один. Мне надо тут... задержаться.»

«Надолго?» — Вася все еще старался казаться спокойным.

«Ну... если честно, то навсегда.»

Вася велел себе: «Только не вздумай пустить слезу». Помедлил. Свел коленки, посадил на них Колесо, как котенка.

«Мару... Это из-за девчонок, да?»

«Ну что ты говоришь, — устало откликнулось Колесо. — При чем тут девчонки? Просто время пришло...»

«Почему?...»

«Потому что пришло... Ты скоро вырастешь. Я тебе буду зачем? Ось не станет выдерживать новую тяжесть. И спицы... Я не смогу тебя катать.»

«Не надо меня катать! Вот глупое... Мне надо просто, чтобы ты было...»

«Быть я могу где угодно. Здесь, например... Здесь мне обещали неплохое место. Среди колес в системе регулировки

магнитных полей. Там одно недавно пострадало от метеорита, вот я на его место...»

«Мару... но это ведь не со мной!»

«Я понимаю. Мне тоже невесело. Но надо думать и о работе. Каждое колесо должно вертеться, пока в силах, а у тебя я вертеться скоро не смогу... И буду как ноль без палочки.»

«Я еще не скоро вырасту! А когда вырасту, мы будем просто дружить. Разговаривать...»

«Разговаривать ты можешь и с Гуревичем.»

«Он просто старый болтун!» — вырвалось у Васи.

«Ну зачем ты так. Он славный старик, беседовать с ним одно удовольствие... А дружить ты будешь с Микой. И с Максимкой. И с Шуриком Кочкиным. Он давно хочет, а ты не замечает, хоть и сидите рядом...»

«Это совсем другое дело. Это... не то...»

«Ну что поделаешь...» — как-то по-старчески отозвалось Колесо.

Вася понял, что сейчас все-таки заплачет. И сдержался не от стыда. Не от гордости. Просто слезы вдруг заморозились от простого понимания: все бесполезно. Если бы можно было что-то изменить слезами, Вася пролил бы их целые реки. С криком, с рыданием! Но... сейчас он ощутил, что все предопределено. История дружбы Васи Перепелкина и Колеса подошла к концу. Именно такой конец определили сцепка и вращение каких-то неведомых колес в равнодушном мире ВПК.

Это как в отснятом раз и навсегда фильме. Можешь смотреть его сколько угодно или не смотреть совсем, но конец изменить невозможно никакими силами. Он сделан заранее и не изменится, хоть разбей головой телевизор...

Вася снял с колен и опустил Колесо к кроссовкам.

«Знаешь что, Вася...»

«Что, Мару?»

«Ты... давай не будем долго прощаться. Ты заплачешь, я тоже... покроюсь ржавчиной.»

«Давай не будем...» — согласился Вася и быстро погладил шину. Ох как плохо ему было, ох как горько. Но и Колесу, наверно, не многим легче. Оно последний раз ткнулось Васе в ногу:

«Я поеду...»

«Ладно... Подожди, а мне-то куда деваться?»

«Да вот же лестница! — Оказалось, что от площадки ведут

вниз широкие бетонные ступени. — Спускайся, и через десять минут будешь дома. Ну, пока!..» — И Колесо отскочило.

— Счастливо, Мару... — сипло сказал Вася ему вслед.

Колесо не укатило, а словно растаяло в воздухе. А Вася стал спускаться.

Сначала лестница широкими изгибами вела все через тот же мир колес. Они крутились, поворачивались и шелкали совсем рядом и поодаль, громоздились у горизонта. Вася на них не смотрел. Он их ненавидел за то, что они отняли у него е го Колесо. Смотрел на ступени и на свои ноги.

И все же на два колеса Вася обратил внимание. Они висели в воздухе у края лестницы, на высоте Васиного локтя. Каждое размером с тарелку. Они сцепились крупными зубцами, как две шестерни в громадном часовом механизме, и пытались повернуться. Толчок, еще толчок... Ничего не получалось. Потому что между двух зубцов попал каменный осколок. Треугольный кусок гранита размером с наконечник стрелы. Скорее всего, он был частицей метеорита. Колеса пытались преодолеть помеху — раздавить или выплюнуть камень. Но тот был тверд и сидел крепко.

«Тук... Тук... Тук...»

Вася остановился. Придержал верхнее колесо, чтобы не мешало. Ухватил двумя пальцами застрявший в зубьях нижней шестерни осколок. Пошатал, дернул. Выбросил... «Тукки-так, тукки-так, тукки-так», — благодарно застучали два колеса. И Васе стало чуточку легче. Хотя, конечно, то, что он сделал, не имело никакого значения...

Скоро мир колес кончился, лестница потянулась в сплошном сером тумане — таком, что едва видны были ближние ступени. Вася шагал машинально. Он не думал, скоро ли кончится этот путь. Колеса не стало, а тревожиться о чем-то еще не было сил.

Может быть, и правда прошло десять минут. А может быть, всего пять. Или час. И наконец туман исчез, а Вася увидел веселой солнечный свет. Солнце падало в высокие окна. Это были окна лестничной площадки. Вася узнал площадку. Узнал и коридор, который начинался от нее. Это был коридор Васиной школы.

В коридоре клетчатыми шеренгами выстроились начальные классы.

«НИ СЛОВА О ДЕДУШКЕ!»

Было очень тихо. Только шелкали по ступеням Васины кроссовки. Они шелкали все реже. Потому что Васины ноги сами собой замедляли шаги. И за пять ступенек до конца лестницы замерли совсем.

Третьи и вторые классы смотрели на Васю испуганно и удивленно. Вася заметил среди ребят Мику — она смотрела так же. Все девочки и мальчики были в форме, и перед каждым учеником лежал школьный рюкзачок или ранец. У Васи мелькнула мысль о десанниках, готовых к посадке в самолет. Но, конечно, никакого самолета не было. А был завуч Валерьян Валерьянович Игупкин.

Валерьян Валерьянович стоял в дальнем конце коридора, на фоне другой лестницы. Там, где Вася видел его последний раз, весной. Волосы его блестели все так же — как черные начищенные полуботинки. Видимо, завуч собирался сказать речь. Но теперь он заметил Васю и слегка изменился в лице.

— О!.. А!.. — сказал Валерьян Валерьянович. — Весьма отратно! Мы видим ученика третьего класса «А» Перепелкина! — Голос у него был громкий и ненатуральный, как у клоуна Поликарпа Фомича. — Прекрасно! Нет сомнения, что Перепелкин решил наконец исправить свою давнюю ошибку и при всех спуститься по лестнице, по которой следует!

Вася оглушенно молчал.

— Только непонятно, почему ты, Перепелкин, без формы и без школьного имущества? — спросил Валерьян Валерьянович. Впрочем, без лишней строгости.

— Зачем? — сказал Вася машинально. Его негромкий вопрос разнесся по коридору почти с той же звучностью, что и голос завуча. Опять было похоже на сон.

— Как зачем?! — удивился завуч Игупкин, и его голос был по-прежнему как у Поликарпа Фомича. — Разве ты забыл, что на линейку тридцать первого августа всем полагалось прийти полностью готовыми к школе?

«Разве уже тридцать первое августа?» — чуть не вырвалось у Васи. Но он представил, как его вопрос опять раскатится по коридору, и сжал губы. Да и не было смысла спрашивать. Выше головы завуча, над лестничной площадкой, Вася увидел большущий (с чемодан размером) настенный календарь. Черное число беспощадно указывало, что сегодня последний день лета.

«Как это могло случиться?!»

Вася глазами опять искал Мику, но теперь не нашел. Зато увидел Шурика Кочкина. Тот, однако, на Васю не смотрел, нагнулся и что-то делал с рюкзачком...

— ...Но, в конце концов, это не самое главное, — снова докатился до Васи голос Валерьяна Валерьяновича. И сейчас в этом голосе были снисходительные нотки. — Главное, что Перепёлкин наконец спустился к нам правильным путем! И давайте поприветствуем Перепёлкина!

Валерьян Валерьянович захолопал, и шлепки его ладоней были похожи на пистонные щелчки. Но больше никто хлопать не стал. И сделалось опять очень тихо.

Липкая густая тоска хлынула на Васю, как смола из перевернутой бочки. Он почти задохнулся. Потому что ничего хорошего у него, у Васи Перепёлкина, не осталось. Колесо его бросило. Лето предательски кончилось. Всё свелось к тому, что судьба привела Васю на лестницу, по которой он не хотел спускаться в мае, а теперь все-таки обьязаны сойти.

Вася повернулся и пошел наверх. Густая смола мешала ему, он еле передвигал ноги. И все же шел.

— Перепёлкин, вернись! — закричал зауч, словно Поликарпу Фомичу наступили на ногу. — Ты опять за свое! Не смей! Ты куда?!

А разве Вася знал куда? Он шел вверх, чтобы не идти вниз. На миг ему подумалось, что, может быть, лестница снова приведет его в туманные миры и там он, измученный до полной потери сил, ляжет на ступени и будет лежать так целую вечность. И ничего не чувствовать. Это был бы самый лучший выход...

Внизу, у Васи за спиной, нарастал гвалт. Валерьян Валерьянович кричал что-то очень тонко и визгливо. Зато Васе стало легче. Он как бы выдернул себя из липкой смолы. Еще шаг, еще, и Вася побежал по ступеням...

Жаль только, что никаких туманных миров не было, а были второй этаж, третий, четвертый... И, как в прошлый раз, Вася устремился по коридору. «Может быть всё получится, как тогда?»

Но на чердачном люке висел могучий замок, и лесенки не было. Вася загнанно оглянулся. Ближнее окно показалось приоткрытым. Вася потянул створку, она отошла. Вася толкнул другую створку, животом прыгнул на подоконник, перегнулся. Снаружи под окном был карниз — шириной почти с Васи-

ну ступню. Он тянулся вдоль всего здания. Вася понял, что если по нему двинуться (осторожно, аккуратно), можно добраться до торца, а там, за углом, — пожарная лестница. Там амааа...

Вася это еще обдумывал, а руки-ноги действовали сами собой, перенесли его через подоконник. Он легко выпрямился на карнизе, сделал два шага вправо, прижался спиной к штукатурке между окнами. Августовский день охватил его теплом и простором. Опять увидел Вася знакомые кварталы Осинцева, блестящий изгиб реки. В густой зелени желтели проплешины. Это клены — они всегда начинают увядать раньше всех.

Пустота начиналась сразу под носками кроссовок. И она не пугала. Мало того, она даже звала к себе. А может быть, не она... Словно кто-то ласковый и пушистый шевельнулся внутри у Васи и шепнул, что дальше идти не надо.

Зачем идти-то? Ну спустишься по лестнице, ну проберешься во двор старого дома... Второй раз Колесо не встретится, оно далеко. Вертит чьи-то судьбы и дела. Наверняка не Васины. Иначе он здесь не оказался бы снова. И зачем так мучиться, двигаться по карнизу, когда ноги гудят от усталости, а там, за поворотом, все равно ничего хорошего... Не проще ли наклониться чуть-чуть?

«Вот забегают-то... — подумалось Васе, как тогда, в мае. — И пожалеют...»

А ноги правда вдруг ослабели, подгибались сами собой. И было так приятно отдаться этой усталости, закрыть глаза и...

Что-то твердое ударило Васю в грудь, уперлось, заставило вжаться спиной в стену. Он распахнул глаза.

Перед ним висело Колесо с торчащими фанерными педалями. И давило, давило грудь шиной. И педали, словно крылышки, дрожали от возмущения.

«Дурак! Ну-ка очнись!»

Вася замигал.

«Посмотри на кроссовки!» — приказало Колесо.

Вася посмотрел.

Прямо от разбитых кожаных носков уходил полого вниз прямой сияющий рельс. Он сперва тянулся над одноэтажными крышами и потом терялся в листве.

«Поставь меня на рельс!»

Вася поставил Колесо на узкий металл. При этом он ниче-

го не чувствовал — ни радости, ни страха, ни удивления. Двигался как заводной.

«Прыгай на педали!»

И Вася прыгнул — сразу двумя ступнями, — как делал это тысячи раз. Привычно взмахнул руками, лоя равновесие. И помчался навстречу зашумевшему воздуху — над домами и заборами, над кустами и травами. Все это замелькало с нарастающей скоростью и наконец — трах, бах!

— Ой, мама-а!!

Казалось, самые кусачие сорняки, самые шипастые колючки произросли в одном месте, чтобы поймать в свою ядовитую гущу третьеклассника Перепёлкина. Вася пробил в них короткую просеку, перевернулся через голову и сел. Колесо тут же приткнулось к его боку.

«Это не мама, — назидательно сообщило оно. — Мама добавит от себя, когда узнает. А это пока от меня. Чтобы в голову не лезла больше никакая дурь».

Вася сразу понял, про какую дурь говорит Колесо. Но надул губы.

«Ничего мне не лезло... Откуда тебя принесло? Сперва лупит под дых, а потом еще швыряет в крапиву...»

«А что было делать? Бабочка на этот раз тебя не спасла бы», — деловито разъяснило Колесо.

«Откуда ты знаешь про бабочку?» — Вася за хмурым тоном спрятал виноватость.

«Ха... — непонятно отозвалось Колесо. И уже с другой, почти маминой ноткой заметило: — Оказывается, тебя ни на минуту нельзя оставить одного».

«Вот и не оставляло бы...» — буркнул Вася.

«Разве я могло догадаться, что ты опять начнешь думать о т а к и х глупостях!.. Не стыдно?»

Васе стало стыдно.

«Я ничего и не думал! Это... как будто внутри меня кто-то завелся и давай шептать...»

«Кто именно? И какой?» — строго спросило Колесо.

«Ну... маленький такой, мохнатый. Хитрый...»

Колесо понимающе вздохнуло:

«Это волосатый мыш-коротыш...»

«Кто?»

«Зловредное такое существо. Заводится в человеке, когда тому плохо, и толкает... ну, сам знаешь куда... Надо его немедленно известить!»

«Как?» — буркнул Вася.

«Вытащить наружу, засунуть в ружье Акимыча и выпалить в небо. Чтобы летел подальше!»

«Как его вытащишь-то?» — хмыкнул Вася, растирая на себе ладонями царапины и укусы. Он не поверил Колесу и говорил с ним, лишь бы говорить. Лишь бы оно не намылилось опять в свое ВПК.

«Вытащить — раз плюнуть. Закрой глаза...»

Вася закрыл.

«Теперь поскреби затылок. Сильнее. Будто хочешь кого-то нащупать в волосах...»

Давно не стриженный затылок был косматым, волосы там перепутались. Вася стал скрести его даже с удовольствием и вдруг среди волос в самом деле зашевелилось, задергалось что-то живое и постороннее размером с крупный орех. Вася сморщился, потянул...

В пальцах у него оказался... ну не поймешь кто. Вроде крохотного, пузатого, обросшего черной щетинкой человечка. Он еле слышно пищал, дергал скрюченными ручками-ножками. Внутри у него что-то пульсировало. Вася чуть не заорал от нестерпимого отвращения. Размахнулся, чтобы швырнуть.

«Не смей! — неслышно взвыло у него под боком Колесо. — Ты не забросишь далеко, он вернется!»

«Но я не донесу до парохода! Противно же!»

«И не надо! У тебя есть рогатка! Забыл?!»

Вася забыл, но сейчас обрадованно вспомнил.левой рукой выдернул из заднего кармана рогатку с намотанной красной резиной. Помахал, чтобы резина распуталась. Засунул запищавшего пуще прежнего мыш-коротыша в широкую кожанку (не выронить бы!), сжал. Вскочил, натянул резину изо всех сил.

«Целься повыше!.. Стреляй!»

Вася с великим облегчением выстрелил. Черный мыш-коротыш сразу растаял в воздухе. Вася передернул плечами. Опять сел в примятые и уже неопасные сорняки.

«Он не вернется?»

«Нет... Старайся только, чтобы не завелся новый».

«Как стараться-то?» — виновато насупил Вася.

«Подумай, может, догадаешься...»

«А ты как догадалось? Ну... что надо успеть на карниз...»

Теперь насупленным и виноватым сделалось Колесо. Пробубнило неразборчиво:

«Так и догадалось. У нас, между прочим, созвучие. Забыл, что ли?»

«Я - то ничего не забыл...» — не удержался от упрека Вася. С горечью вспомнил прощание там, среди колес...

«Ну... и я... Хватит уж дуться-то. Мог бы и спасибо сказать, что я подоспело в самый раз. А то что было бы?»

«Лепешка, — сумрачно признался Вася. И вздохнул: — Спасибо... — И наконец решился, спросил о главном: — А ты совсем вернулось?»

«Насовсем... Тебя разве можно оставить без присмотра? Да и большие колеса сказали...» — Колесо ошутимо засопело.

«Что они сказали?» — радостно спросил Вася.

«По правде говоря... Главный Всемирный Гироскоп сказал, что я дурак...»

Вася обиделся за друга:

«Почему?! Какое он имеет право?! Этот самый... главный, всемирный...»

«...Гироскоп. Он имеет, он отвечает за устойчивость всех миров... Говорит, что каждое колесо должно вертеться на своем месте. Там, в ВПК, и так хватает колес, в том числе и безработных. А у тебя (то есть у меня), говорит, есть свое место — рядом с Перепёлкиным. Мол, от добра добра не ищут...»

Очень осторожно и все же настойчиво Вася спросил:

— Это он так думает. А ты сам-то... как?

Колесо зашевелилось, будто и его куснула крапива. Потом выговорило:

«Вася. Хватит меня воспитывать. Я ведь вернулось».

И Вася сразу сказал:

«Ладно».

Потом они посидели молча. Вася поглаживал потертую шину. Понемногу он соображал, в каком именно месте оказался. Это были пустыри недалеко от овражка — за верхушками бурьяна можно было разглядеть знакомые многоэтажные дома.

Колесо опять повозилось под локтем у Васи:

«А может быть, это и хорошо?»

«Что?» — не понял Вася.

«Ну... что самое главное колесо сказало, что я дурак...»

«Чего хорошего?» — опять надул губы Вася.

«А потому что дурак... он ведь мужского рода. Значит, теперь я тоже могу считаться вроде как пацан. А то надоело — всё «оно» да «оно», ни рыба ни мясо...»

«Ох, верно! — обрадовался Вася. — И твое имя Мару вполне может быть мальчишечьим. Только немного иностранного образца».

«Это неважно, пусть иностранного!»

«Да! Мару, знаешь что?»

«Что?»

«Мне сейчас придумалось такое... будто портрет. Если представить, будто ты мальчик, ты был бы похож на маленького японца. С круглым лицом, с темными волосами и в больших очках! Я такого видел в каком-то мультике. Он был храбрый, веселый такой и всем помогал! И звали его похоже, как тебя, только я забыл...»

«Значит, договорились?»

«Конечно, Мару... — И тут Вася не удержался, хихикнул: — По крайней мере, больше не будешь ревновать меня к девчонкам. Ведь пацаны не ревнуют своих друзей к девичьему роду».

«А когда это я ревновал?!» — возмущенно подскочил Мару.

«Да все время, не отпирайся».

«Просто они чересчур прилипчивые, иногда противно даже... Вон, одна опять бежит сюда, хотя и не звали...»

Из-за стеблей репейника появилась взъерошенная Мика.

— Вася! Еле тебя нашла!

— А как нашла-то? — спросил он слегка насупленно (в угоду Мару).

— Я не знаю. — Она поморгала «бабочками». — Наверно, эта... ин-ту-и-ция. Как ты замечательно опять исчез! В точности как в прошлый раз!

«Не в точности», — подумал Вася. И сказал опасливо:

— Что, большой был скандал?

— Большой. Но не долго...

— Будет еще и долго, — приуныл Вася. — И в школе, и дома.

— Не будет! Потому что про тебя почти сразу же забыли!

Потому что случился другой скандал! У Кочкина из рюкзака вылез Вовчик и пошел по коридору к Валерьяну Валерьяновичу! А тот... ох как он завершал! И — скачками вверх по лестнице! Такой шум поднялся! Кто-то кричит: «Валерьянку Валерьяну Валерьяновичу!» Кочкин схватил крыса, сунул в рюкзак и бегом из школы!..

— Попадет бедняге, — всерьез встревожился за Шурика Вася.

— Может, и не попадет. Валерьян Валерьянович сам виноват. Нельзя так бояться мирных животных.

— Завучи никогда не бывают виноваты, — умудренно заметил Вася. — Вот увидишь. Завтра потащат Шурика к нему в кабинет. Да еще с родителями.

— Завтра никто никого не потащит, — сообщила Мика. — У нас будет еще целая неделя каникул, потому что фирма «Мой-додыр» не закончила ремонт водопровода. Это объявили в начале линейки. А ты опоздал...

— Вот это да! — возликовал Вася. Добрая судьба сжалилась и подарила еще семь дней лета!.. Но все же он сказал озабоченно: — Валерьяныч все равно вспомнит. Хоть через неделю, хоть через месяц...

...Забегая вперед, надо сказать, что Валерьян Валерьянович ничего никому не вспомнил. Он просто-напросто больше не появился в школе. Видимо, почувствовал, что крыс Вовчик полностью подорвал его педагогический авторитет. Говорили, что бывший завуч уехал в город Ялупаевск, где жила его тетушка. И там стал заведовать концертной самодеятельностью в клубе фабрики Канцелярских скрепок. Но так ли это на самом деле, никто не знал. Да и никому не было интересно.

Однако все это станет известно позднее. А пока Вася радовался неожиданному продлению каникул. Впрочем, недолго радовался. Сообразил:

«Мару! А сколько же здесь дней прошло, пока я торчал в этом самом ВПК? Мама с папой, наверно, все милиции обзвонили! Что я им скажу!»

«Мама с папой ничего не заметили. Им казалось, что ты дома. Да и вообще им было не до тебя...»

«Как это не до меня?!» — хотел обидеться Вася, но тут опять подала голос Мика:

— А все-таки как быстро пробежало лето, да? Кажется, будто мы только вчера с тобой встретились в этих местах... и помирились. Помнишь? — Она глянула вопросительно и чуточку кокетливо. — Ну, когда мы рядышком отпечатали ноги...

— Ну и что... ну, помню, — сам не зная отчего смутился Вася. И потому слегка насупился. — Теперь наши следы, наверно, нам уже малы. Лапы-то небось выросли за лето...

— А пойдём посмотрим!

Васе по-прежнему было почему-то неловко. Но Мару толкнул его шиной под коленку:

«Иди, иди...»

Через подсохший репейник и бурьян они выбрались к тыльной стороне кирпичного склада. Бетонная полоса у фундамента обросла по краю сурепкой и мелкой ромашкой. На стебельках искрились капли от недавнего случайного дождика, который пробежался по пустырям.

В двух отпечатках босых ступней тоже блестела дождевая вода. В ней безбоязненно плескались два воробья. Или, возможно, воробей и воробиха. Воробья Вася узнал по торчащему хохолку.

— Привет, Крошкин!

Крошкин радостно чирикнул в ответ, но тут же взерошился, запрыгал боком, завскрикивал скандально. Его подружка — тоже. Потому что в пяти шагах шумно опустилась на бетон черно-серая растрепанная ворона. Мерзко крякнула. Сразу было видно, что у нее с воробьями давние счеты. И сейчас она их сведет!

Разве мог Вася Перепелкин допустить такое «свинство-воробьиство»?

Он выхватил рогатку и прицелился в ворону.

Никакого заряда в кожанке не было, но ворона про это не знала. А с рогатками она, видать, была знакома. В один миг вредная птица взмыла над бетоном, панически заорала и унеслась, кувыряясь в воздухе, как отброшенный комок мусора.

— То-то же... — сказал Вася.

Мика засмеялась:

— Как она перетрусилась!..

Крошкин весело чирикнул на прощанье и вместе с воробьиной полетел прочь.

— Привет Акимычу и Филиппу! — крикнул вслед Вася. — И Степе!.. Сажи, что я скоро приду на «Богатырь»!

Тут же цапапнула его грустная мысль: прийти-то он придет, а будет ли там весело? Небось Филипп опять грустит из-за разлада с Олей... Прав Мару: хлопотная эта штука — любовь...

От досады он махнул рогаткой, как плеткой, шелкнул резиной себя по ноге.

— Хорошая рогатка, — похвалила Мика. — Такая же, как у моего дедушки, когда он был вроде нас. У меня его мальчишеская фотография есть с такой рогаткой...

Конечно же, Вася открыл рот для вопросов! Но Мару снова ткнул его в ногу:

«Ни слова о дедушке!»

«Почему?»

«Ни слова! Потом объясню!»

Ну что же, Вася понимал, что Мару не дает пустых советов.

И быстро сказал о другом:

— Ну, давай померим наши следы!

Он сбросил кроссовку, сдернул носок и вставил ступню в отпечаток — теплая вода выплеснулась наружу. Мика, зачем-то подобрав коротенький клетчатый подол, аккуратно поставила ногу в свой след.

И Васина, и Микина нога вошли в свои отпечатки точь-в-точь! Словно следы на бетоне были оттиснуты лишь вчера!

— Вот это да, — сказал Вася, не зная, радоваться или огорчаться. — Выходит, мы за лето ни капельки не выросли?

— Ну и что? — отозвалась Мика. — А куда нам торопиться?

— А ведь и правда. Тем более что еще неделя каникул...

И знаешь что?

— Что?

— Бетон-то на солнце. От тепла всё твердое расширяется, может быть, и он расширился чуть-чуть. Как раз на наш вырост...

— Может быть, — покладисто сказала Мика. — Вася...

— Что?

— А ты... не мог бы мне когда-нибудь дать попробовать прокатиться на твоём колесе? Показать, как это...

«Мару, можно?» — очень неуверенно спросил Вася и был готов ко всякому ответу. Но Мару отозвался, хотя и без удовольствия, но и без капризности:

«Ладно уж. Куда деваться-то...»

— Ладно, Мика! Ты только не говори «колесо». Его зовут Мару. И оно даже не «оно», а «он». Мальчик!

Мика ничуть не удивилась:

— Ладно!

— Хочешь сейчас попробовать?

— Ой, нет... Мне сейчас надо домой. Приходи к нам после пяти, бабушка будет уже дома. Она про тебя много раз спрашивала после твоего приезда, почему Вася не заходит в гости...

Конечно же, Вася снова открыл рот для множества удивленных вопросов. И опять Мару нервно крутнулся у ноги:

«Ни слова про бабушку!»

«Почему? Я же никогда ее не видел!»

«Потом объясню!»

И Вася послушался вновь.

Мика крутнулась на мокрой пятке и, помахивая снятым белым гольфом и сандалеткой, поскакала прочь.

ОРКЕСТР

«Почему ни слова о дедушке?! Почему ни слова о бабушке?! — вцепился Вася в Мару, когда Мика исчезла. — Что за фокусы?!»

«А вот потому... Ты сейчас пустился бы вспоминать, какой прекрасный дедушка и как вы замечательно доехали до города в его машине. И Мика решила бы, что ты свихнулся от солнечного удара...»

«По-че-му?»

«Сядь сперва... чтобы не упасть».

Вася сердито засопел, но сел сразу. Прямо на бетон, спиной к нагретой кирпичной стене. Чтобы не тратить времени на споры.

«Ну?»

«Дело в том, что на самом деле тебя провожал домой не Микин дедушка, а ее бабушка. И не на машине, а на электричке. Ты Микиной бабушке очень понравился, когда познакомился с ней...»

«Я с ней не знакомился», — набыченно отозвался Вася. Дело явно клонилось к чему-то нехорошему.

«Знакомился... А вот с дедушкой ты как раз не был знаком...»

«Чего ты чепуху-то порешь?...» — уныло сказал Вася, чуя, что Мару говорит правду.

«Вовсе не чепуху... потому что Микиного дедушки уже четыре года нет в живых...»

Вася дернулся, чтобы вскочить. Не вскочил, ослаб. Чуть не заплакал:

«Почему?..»

«Ты же выменял у мальчика Сережи рогатку! Забыл?»

«Не забыл... Ну и что?»

«Будто ты не понимал, что делаешь...»

«Я... ничего не понимал! При чем тут рогатка?»

«Сережа отдал ее тебе. И не пошел стрелять по стеклам. И не случилось беды, не порезал он руку. И значит стал, кем хотел.

Скрипачом. Вернее, альтистом... Альт — это инструмент чуть побольше скрипки. Голос у него такой, чуть бархатистый...»

«Да знаю я! А почему... прочему его... больше нету на свете?!» — взорвался Вася молчаливым криком.

«Сергей Сергеевич Таевский стал очень известным альтистом. Таким же, как Юрий Башмет. Он выступал во всем мире и побеждал во всяких международных конкурсах. Его любили во всех странах, и он летал с концертами из одной страны в другую и был счастлив, потому что сбывлась главная мечта его жизни — быть все время с музыкой...»

«А что же случилось-то?» — обреченно спросил Вася.

«Четыре года назад он полетел из Нью-Йорка домой, и самолет взорвался вскоре после взлета. Над океаном... Ты же знаешь, такие дела случаются иногда...»

«Значит, я во всем виноват...» — безнадежно подвел итог Вася.

«В чем виноват-то? — вскинулся Мару. — В том, что исполнилась его главная мечта? Он же сам говорил: полжизни отдам, лишь бы не расставаться с музыкой...»

«Все равно... Что мне теперь делать-то?»

«Теперь — ничего, — как-то удивительно спокойно отозвался Мару (круглолицый темноволосый мальчик в больших очках). — Что было, то было. Это не ты, а... всемирное движение колес... А тебе пора домой. А то и правда хватятся.»

Вася подумал и встал. И тихо пошел через пустырь в переулок.

Он брел, а Мару ковылял рядом, то и дело чиркая по ноге педалью. Прыскали в стороны кузнечики. Вася пытался понять, что у него в душе. И наконец подумал с виноватым вздохом: «Что же теперь... В самом деле: что было, то было...»

А может быть, что-то просто приснилось? Придумалось? Например, Микин дедушка-ботаник?..

Он еще долго так размышлял бы на ходу, но посреди переулка его окликнули:

— Вася! — сразу два голоса.

Он оглянулся. Сзади шли Филипп и Оля.

Они шли рядышком, и у Оли шевелились в теплом воздухе волосы, а в бороде Филиппа горели медные искры. И глаза у них у обоих были счастливые.

Вася глянул, мигнул. И сказал в упор не улыбаясь и требовательно:

— Вы что? Выходит, все-таки помирились?

— Да! На веки вечные! — радостно призналась Оля. А Филипп сдержанно улыбнулся:

— Теперь уж насовсем...

Вася подумал. И спросил о главном:

— Значит, ты теперь напишешь картину «Мальчик и музыка»?

— Я уже написал! Приходи на «Богатырь», увидишь... И знаешь, там случилось маленькое чудо!

— На картине?

— Да!.. Я нарисовал мальчика в рубашке с погончиками, вроде той, что ты носил тогда. А утром смотрю — на нем футболка с зелеными звездами, как сейчас на тебе... Кисточка распорядилась.

«Все равно эта картина не про меня, — подумал Вася. — Она про Сережу Таевского». А вслух сказал:

— Разве там можно различить на одежде звезды? Ты же говорил, что на картине сумерки...

— Сумерки и лунный свет. Звезды при нем проступают вполне отчетливо... А скоро я напишу картину «Незнакомый город новым летом».

— Как это? — не сдержал любопытства Вася.

— Там будет все тот же город, только... по одной из улиц идем Оля и я. Или почти Оля и я... И всюду солнце. И оно будет блестеть и сиять от счастья так... нет, даже не блестеть, не сиять, а... не могу подобрать слово...

— Оно будет рвать от счастья, — серьезно сказал Вася. И быстро глянул в голубые глазки Филиппа.

Глазки стали темно-синими глазами.

— А ведь правильно... — сказал Филипп с выдохом. — Это да... правильнее всего.

И, кажется, все разом увидели на миг чудесный город в сияющих брызгах обильных счастливых слез. В радугах и влажном сверкании. И то, что было там богатство солнца, понятно. А то, что слезы... Ну, наверно, не бывает настоящего счастья без слез.

Филипп чуть обогнал Васю, встал перед ним.

— Да... Помнишь, я говорил тебе, что, если не совладаешь с загадкой семи музыкальных нот, я научу тебя управляться с семью красками радуги?

Вася неловко кивнул, он помнил.

— По-моему, тебе это не надо, — задумчиво сказал Филипп.

— Почему? — огорчился Вася.

— По-моему, ты будешь владеть другой загадкой — словами. Ты умеешь находить самые нужные слова. И, скорее всего, станешь сочинять сказки. Это одно из самых хороших дел на Земле.

— Ну... я не знаю, — пробубнил Вася и стегнул себя по ногам рогаткой. — Вообще-то я хотел быть путешественником...

— Одно другому не мешает, — серьезно сказал Филипп. А Оля объяснила полупрошепотом:

— Про сказки в себе сначала никто не знает. А потом такое просыпается однажды...

Она потрепала Васю по волосам, и Филипп тоже потрепал его и сказал «увидимся у Акимыча», и они пошли вдоль по перулку, и Вася смотрел вслед, пока Мару не толкнул его:

«Это они тебе должны говорить спасибо».

«Почему?» — опять насупился Вася.

«Потому что им было предназначено поссориться навсегда. Но ты между делом освободил два колеса от каменного осколка. И вот...»

«Значит, это были их колеса?!»

«Да. И в этом удивительное совпадение. Поразительная случайность, что именно они попались тебе на пути... Знать про такое заранее невозможно».

«Жаль, что невозможно, — вздохнул Вася, потому что теперь опять вспомнил о доме. — А то бы...»

«Что а то бы?» — осторожно спросил Мару.

«Найти бы такие колеса, чтобы мама и папа не ссорились. Вытащить бы из их зубцов камни... А то я тогда поставил свечку, а это не помогло. Наверно, потому, что не внутри, а снаружи...»

«Отчего ты решил, что не помогло?»

«Ну, ругаются же, как и раньше!»

«Они уже две недели не ругались. И больше не будут. И никакого колеса тут не надо, есть другая причина...»

«Какая?» — сразу испугался Вася.

«Ну... достаточно важная».

«Какая?! Хорошая?»

«Н-не знаю. Это тебе решать...»

«Мару, не вертись! Отвечай прямо!» — перепуганно взвыл Вася (если можно взвыть мысленно).

Мару неловко хихикнул:

«Как не вертись, если я колесо...»

«Говори, что случилось!»

«Они тебе сами скажут прямо... когда придешь. Это ваше дело, семейное...»

«Разводятся!.. — панически ахнул Вася. — Доссорились!..»

Он вскочил на педали:

— Вперед!

Мама и папа были дома. Они о чем-то весело разговаривали, без спора. Ну и понятно! Теперь-то чего спорить, когда все решено...

Вася посреди комнаты соскочил с педалей и встал, часто дыша.

— Во герой! — радостно сказал папа. — Прямо юный укротитель львов среди саванны...

Вася и правда был похож на укротителя. Решительный, с насупленными бровями, он стоял, широко расставив кофейные искусанные сорняками ноги, и помахивал, как плетью, длинной рогаткой. В упор смотрел то на отца, то на мать.

— Не хватает лишь любимой африканской панамы, — согласилась мама с папой. — Кстати, где она?..

— Не заговаривайте зубы, — сумрачно отозвался Вася. — Я все знаю.

Мама с папой переглянулись.

— Любопытно, — сказал папа, — откуда ты мог это узнать. Поделись...

Вася не стал делиться. Он поглядел в упор на мать, на отца и решительно сообщил:

— Имейте в виду. В таком случае я не останусь ни с кем из вас. Я уйду жить к Акимычу на «Богатырь».

Мама и папа переглянулись снова. Папа поскреб недавно выбритый подбородок. Мама вдруг осторожно присела перед Васей на корточки.

— Ты что? Боишься, что нам будет тесно? Не бойся. Мы еще поднакопим денег и скоро купим двухкомнатную квартиру.

Вася обалдело мигнул:

— Зачем?

Папа напомнил:

— Мы же давно хотели такую. С телефоном...

Вася обмяк.

— А вы... разве не разводиться?

Мама (видимо, от удивления) выпрямилась. Посмотрела на папу.

— М-да... Яночка, разве мы разводимся? — сказал папа и опять поцарапал подбородок. — Я что-то не слышал про такое...

— Это было бы не совсем кстати, — задумчиво сообщила мама. — Да. Это было бы даже совсем не кстати... Вася, откуда ты это взял?

Мару, кажется, хихикнул у Васиной ноги.

— А... почему вы тогда перестали ссориться? — пробормотал Вася и огрел себя рогаткой по ноге (а заодно и Мару).

— М-да... — Папа посмотрел на Васю, на маму и на ширму (за которой неутомимый Гуревич негромко, но бодро транслировал песню о красном маршале Ворошилове). — Видишь ли... Все вопросы, о которых можно было спорить, мы наконец обсудили и пришли к общим соглашениям. И теперь нам ссориться больше ни к чему, это даже опасно. Вредно для мамино здоровья...

— Да, — подтвердила мама. И глянула на Васю со странной лаской. — Ты лучше скажи, кого бы ты хотел, сестренку или братика?

Вот оно что!

Васе почудилось, что все пространство вокруг чуть качнулось и сделалось другим (а Гуревич заиграл вальс из балета «Щелкунчик»). Вася понял, что на лице у него беспомощно-счастливая улыбка.

— Вот это да... Ссорились, ссорились и вдруг... Когда вы успели-то?

Мама глянула на Васю уже без ласки. А потом на папу.

— Послушай рассуждения нашего дорогого сына! Какое болтун! А все потому, что парню почти десять лет, а ты до сих пор его так ни разу не...

— Да-да! — часто закивал папа. — Это придется исправить в самое ближайшее время.

Все еще улыбаясь, Вася снисходительно сообщил родителям:

— Да ладно вам. Может, вы еще расскажете, что новорожденных покупают в аптеках? Откуда берутся дети, нам объясняли в детском саду... Мама, а ты скоро пойдешь в декретный отпуск?

— Еще не очень скоро, — сухо вато отозвалась мама. — Ты не ответил на вопрос: кого тебе больше хочется?

— Разве это зависит от меня? — хмыкнул Вася.

— Ну... все-таки.

Вася старательно наморщил лоб. Кто лучше? Сестренка вроде Мики (или Юленьки Вишняковой) — это совсем неплохо. Братишка — скажем, вроде конопатого Максимки — тоже здорово. Но ведь это когда еще будет! Надо, чтобы они выросли. А грудные младенцы, они все одинаковы... Вася вежливо предложил:

— Мама, ты на всякий случай постарайся, чтобы получились сразу двое. Тогда никаких вопросов...

— М-да... — озадаченно сказал папа.

Мама покусала губы.

— Я постараюсь. Но, сами понимаете, друзья, гарантировать ничего не могу...

— Ладно. Главное, не болеей и не нервничай, — серьезно сказал Вася. Он понимал, что у него начинается новая жизнь.

Но и с прежней жизнью расставаться не хотелось. И отчаянно потянуло Васю на улицу, под яркое, еще совсем легкое солнце. Он поставил попряме Мару и вскочил на педали.

— Мама, папа! Я еще покатаюсь!

— Стой! А кто будет заниматься делами? — привычно заспорила мама. — Завтра учебный год, а у тебя ничего не готово!

— У нас еще свободная неделя! — И Вася, взмахнув руками, как крыльями, вылетел на Колесе через порог.

По лестнице Вася, конечно, проскакал вниз на своих ногах, а у подъезда опять хотел вскочить на педали. И... неожиданная неловкость остановила его.

«Мару...»

«Что?»

«Мне как-то... Не знаю... Пока ты был Колесо, я на тебе ездил... А сейчас ты мой друг Мару. Ты совсем как... человек. Тебе, наверно, обидно...»

Еще Вася хотел сказать, что нельзя же ездить верхом на круглолицем темноволосом приятеле-мальчишке в очках. Получается неравноправие.

Мару все понял в один миг.

«Не бойся! Все правильно! Я катаю тебя, потому что умею! Такая моя природа! А ты... ты ведь тоже часто носишь меня на себе, в руках, под мышкой... Давай так! Когда мы будем с то-

бой разговаривать про разное... про жизнь, ты думай, что я мальчик в очках. Когда ты гладишь мою шину, думай, что я черный котенок с белой грудкой. А когда я несу тебя на педалях, считай, что я вроде Конька-Горбунка. Или такая лошадка пони с темной челкой и в больших человеческих очках...»

«Ладно! — обрадовался Вася. Все решилось самым лучшим образом. — Мару! А когда я вырасту и стану тяжелым, ты будешь катать моего брата или сестренку?»

«Обязательно! А если будет двое, то по очереди!»

Вася засмеялся и привычно прыгнул на стертые педали-деревяшки.

Скоро Вася и Мару оказались в переулке, который назывался Береговой спуск. Здесь блестели на траве капли, сверкали на асфальте лужицы, в палисадниках отражали солнце мокрые листья. Потому что, пока Вася объяснялся с мамой и папой, над городом Осинцевом опять пробежался короткий солнечный дождик. Дышалось удивительно легко, тополями пахло, как в июне.

«Ну, куда мы?» — спросил Мару.

«Не знаю... Наверно, на «Богатырь». К Мике еще рано...»

Они неторопливо поехали вдоль травянистой обочины, где вторым цветом желтели поздние одуванчики. И все было хорошо, но на самом донышке души у Васи все же скреблась тревога.

«Мару... а вот приду я сегодня к Мике, а там ее бабушка. Она будет со мной как со знакомым, а я ее даже не знаю...»

«А ты напрягись, постарайся вспомнить... как ехал с ней в электричке. Попробуй!»

Вася постарался... и вспомнил!

«Да!.. Но, значит, Микиного дедушки на даче не было?»

«Ну... не знаю, — грустно откликнулся Мару. — Теперь как хочешь, так и думай...»

«По-моему, он все-таки был, — насупленно решил Вася. — Никуда не денешься... И все равно я, наверно, виноват, что он не дожил до нынешнего дня».

«Вася...» — сказал Мару тоже угрюмо.

«Что?!»

«Я не хотел говорить... но раз уж ты снова об этом, я должен сказать...»

«Что?!» — Вася чуть не сорвался с педалей.

«Микин дедушка... он все равно не дожил бы до нынешнего дня».

«Почему?!»

«Я не хотел говорить... — виновато повторил Мару. — Но раз уж ты... Дело в том, что, когда дедушка и Мика отвезли тебя домой и возвращались на дачу, их машина... Ну, знаешь, как говорят: водитель не справился с управлением, и автомобиль вынесло на полосу встречного движения, по которой двигался «КамАЗ»...»

Сумрачно стало. Почти темно. Вася соскочил с педалей. Постоял. Сел на краешек тротуара. Мару приткнулся рядом.

«И... значит, всё?...» — словно увязая в темноте, спросил Вася.

«Да...»

«И... Мика?»

«Она тоже...»

Вася рванулся, чтобы помчаться к Мике! Чтобы ничего этого не было!

«Да и не было ничего... — эхом откликнулся Мару. — Не бойся. Мика сейчас дома и старается укоротить на себе форменный клетчатый жилет. За это ей попадет от мамы и бабушки, но не очень... Но представляешь, что было бы, если бы ты там, в цирке, не выменял рогатку...»

Вася представил на миг. И больше не захотел представлять. Нисколько! Он замигал, чтобы влажный солнечный день вернулся к нему. И день стал возвращаться. С зеленью мокрой травы, запахом тополей, золотой россыпью одуванчиков...

«Спасибо Гуревичу, — виновато сказал Вася. — Это ведь он придумал цирк... А мы сегодня с ним даже не поздоровались...»

«Да, подзабыли мы старика, — признался Мару. — Ну, ничего. Сегодня вечером будем с ним беседовать долго-долго. И попросим его устроить концерт по заявкам. Он это ужасно любит...»

И, словно эхо от слов о концерте, рядом ударила музыка!

Это была беспорядочная музыка самодельного оркестра. Оркестр состоял из семерых пестро одетых мальчишек помладше Васи. Они маршировали по тротуару и старательно извлекали мелодию из чего только можно. Один брякал друг о дружку кастрюльными крышками. Другой лихо водил поварешкой по оцинкованной стиральной доске. Третий дудел в картонный контрабас. Четвертый лупил по тугому полиэтилену, натянутому на жестяной бачок. Но были в оркестре и на-

стоящие инструменты: пластмассовая флейта, крохотная скрипка и сверкающая губная гармошка.

На гармошке играл Максимка!

Скрипка, гармошка и флейта выводили настоящую мелодию, которая приводила в порядок и заставляла поддерживать дисциплину в жестяном лязганье и барабанном уханье. И мелодия эта показалась Васе знакомой. Очень знакомой, хотя и непонятно откуда.

Вася встретился с Максимкой глазами. Максимка на миг оторвал сияющую гармошку от губ, сам просиял и крикнул:

— Мы празднуем лишнюю неделю каникул!

Вася вскочил. Вернее, его пружинисто толкнула вверх музыка. Вася прыгнул на педали и спиной вперед поехал впереди оркестра. Взмахнул руками и начал дирижировать музыкантами! Скажи ему раньше кто-нибудь про такое, он бы ни за что не поверил. Но теперь он дирижировал, ничуть не стесняясь и как бы сливаясь с озорной музыкой Максимкиного оркестра. И самые строптивые, самые самодельные инструменты слушались Васю Перепёлкина, когда он, стоя на педалях, командовал маршем «Веселые каникулы», в котором лишь очень глубоко пряталась еле приметная грустинка.

А по асфальту и одуванчикам рядом с Васей двигалась на кружевном колесе тонкоорукая тень-дирижер.

И скользила над травой тень музыки.

И город Осинцев, сверкающий после теплого дождика, делался все больше похожим на разноцветный Незнакомый город.

2001 г.

СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ

Роман-сказка

Часть первая

СТЕПКИН ЗУБ

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ЁЖИКА

1

Учительница географии Анна Львовна была молодая. Или, правильнее сказать, молоденькая. Симпатичная и добрая. В Малые Репейники она приехала прошлым летом и в школе работала первый год. Все ее любили. А особенно — пятый «Б», где она преподавала не только географию, но и «Основы искусств». Поэтому Ига Егоров, увидев, какая у нее большущая сумка с книгами, сразу сказал:

— Анна Львовна, давайте помогу дотащить!

— Ой, спасибо, Игорек!.. Да ведь у тебя самого рюкзак вон какой!

Школьный рюкзачок пятиклассника Егорова в самом деле был тяжеловат. В нем лежали полученные в библиотеке учебники для шестого класса — вместо прежних, с которыми «покончили мы счеты». Но Ига храбро тряхнул спиной:

— Не привыкать!

— Давай я возьму сумку за одну ручку, а ты за другую. И можешь только до автобуса. А на моей остановке меня встретит... один знакомый.

«Тоже мне знакомый, — подумал Ига. — Мог бы и здесь встретить, на рассыпался бы небось...» Но, конечно, ничего не сказал.

Они вышли на теплое от солнца крыльцо.

Уже отцвела черемуха (кстати, без обычных в такую пору холодов), и теперь в школьном сквере буйной пеной кипела белая сирень. В этой пене слышались тонкие и храбрые вопли первоклассников. Те играли в «скройся-умойся». Это что-то вроде пряталок, только с высовываньем и перекличкой. То и дело мелькали в зарослях поцарапанные локти и круглые оттопыренные уши. Уши были розово-коричневые. У здешних пацанов и девчонок они загорают раньше, чем руки-ноги, ли-

ца и шеи. В начале июня кромки ушей уже шелушатся и с них можно снимать похожие на папиросную бумагу кожурки.

Но сейчас еще был май. Последние школьные деньки!

Ига и Анна Львовна прошли через сквер и двинулись по улице Солнечных Часов. Эти часы — на площадке перед старинной кирпичной аптекой под названием «Не болейте!» — показывали точно полдень. Сквозь бугристый асфальтовый тротуар там и тут пробивались лопухи. Ига старательно шагал в ногу с Анной Львовной, чтобы сумка не дергалась на ходу. Он шел по краю асфальта, у заросшего кювета, который густо пестрел одуванчиками (такими же солнечно-желтыми, как Игина футболка с дурашливой надписью «Wsjo budet khogosh»). Два раза Ига заметил в одуванчиках похожие на капли кнамя шарики. Однако останавливаться и нагибаться было неловко. Ладно, пусть повезет другим. Хотя бы тем тонкоголосым первоклассникам, которые порезвятся в сирени и побегут по этой улице домой.

Сумка плавно покачивалась, Анна Львовна сперва молчала, а потом неуверенно сказала:

— Ига, я хочу посоветоваться...

— Про что?

— Скоро праздник в честь окончания учебного года. Будет концерт. Надо устроить его поинтереснее. Не правда ли?

«Знаем мы это дело», — подумал Ига.

— Анна Львовна! Я же не умею ни плясать, ни стихи читать!

Она рассмеялась:

— Я не о том. У меня есть один знакомый. Замечательный артист-фокусник. То есть иллюзионист. Умеет показывать удивительные вещи. Посмотришь, и сразу ясно: фокусы — такое же искусство, как, скажем, балет или симфоническая музыка... Вот я и думаю: не пригласить ли его?

— Пригласите, конечно, — вздохнул Ига. И насупленно замолчал.

— Ты что вдруг приуныл? А? Ну-ка говори! Только честно.

Ига сказала честно:

— Знаем мы такое искусство. Уговорит вас этот артист замуж и увезет куда-нибудь из Репейников. Это и будет фокус...

— Игорек! Никто меня не уговорит!.. По крайней мере в ближайшее время. А если и уговорит, то никуда не увезет. Хотя бы до той поры, пока я вас не выпущу из одиннадцатого класса.

Ига глянул искоса:

— Правда?

— Честное лопухастое, — отозвалась Анна Львовна здешней ребячьей клятвой. И в знак ее прочности подняла левую руку, сцепила в колючку большой и указательный пальцы.

Оба посмеялись. Ига — с облегчением. Надо бы извиниться за нахальные слова, но это было стыдно. Ига чувствовал, что Анна Львовна понимает его неловкость. Поэтому лишь посопел.

Остановка была недалеко, на Коленчатой улице. Автобус подкатил почти сразу. Ига втащил сумку в переднюю дверь (водитель терпеливо ждал), устроил ее рядом с Анной Львовной на сиденье и выскочил на тротуар. Помахал вслед автобусу. Огляделся. И подумал, что возвращаться к школе и топать домой привычной дорогой не имеет смысла. Ближе — вниз по Коленчатой, потом через Полынные переулки (Прямой и Кривой) и наконец через Ярушинский овраг с речкой Говорлинкой.

Оба Полынных переулка были сплошь в молодой траве. От нее пахло ромашками, хотя самих ромашек не было видно. Машины здесь не ходили. Ходили в основном гуси — вереницами, по тропинкам, протоптанным в свежих лопухах и клевере от калитки к калитке. Самая длинная вереница попалась Иге в Кривом Полынном. Тяжелые гогочущие птицы проследовали поперек переулка величаво, как эскадра парусных линейных кораблей. Ига терпеливо переждал. А когда он собрался шагать дальше, на тропинке показался еще один гусь.

2

Этот крупный пыльно-белый гусак с длинной шеей и шишкой на лбу был известен всем. Звали его Казимир Гансович. Он был ничей. Иногда Казимир Гансович примыкал к той или иной гусиной компании (чтобы подкормиться) и проживал с нею на каком-нибудь дворе или в сарае, но хозяев не признавал. Да и со своими соплеменниками близкой дружбы не заводил, держал, так сказать, дистанцию.

У него было врожденное чувство собственного достоинства.

Но несмотря на это чувство (а точнее, благодаря ему), Казимир Гансович со всеми был вежлив, ни на кого не шипел, с собаками и котами не ссорился, ребят за ноги на щипал и порой даже вступал в беседу.

Ига сразу узнал Казимира Гансовича по кожаному бантику-бабочке, который неизменно красовался на гусиной шее.

— Добрый день, Казимир Гансович!

Гусь гоготнул и остановился.

— Не скажете ли, какая погода будет в ближайшие дни?

Казимир Гансович умел предсказывать погоду лучше, чем губернская метеостанция. Тем он и был знаменит среди жителей Малых Репейников. Если он говорил «га-га», значит, и прогноз был «га-гадостный». А если сообщал, что «о-го-го», значит, и дни ожидалось «о-го-го» — теплые и солнечные.

Сейчас Казимир Гансович произнес, как и ожидал Ига, «о-го-го», но вид у него был грустноватый. Даже потерянный.

— Вы чем-то расстроены?

Казимир Гансович шевельнул кончиком крыла. Так машет ладонью уставший от неприятностей человек. Потом он обошел Игу на тропинке и двинулся к дальней калитке, ковьяля сильнее, чем обычно.

— Может, вам чем-то помочь? — сказал Ига вслед.

Гусь уходил молча. Ига вздохнул, пожал плечами и пошел своей дорогой. Но тут же услышал:

— Ига-га...

Оглянулся.

Гусь смотрел на Игу виновато. Потом сбивчиво забормотал. Можно было только различить «ге-ге-ге», но о чем это — непонятно.

— У вас боли в ноге? — на всякий случай спросил Ига.

Казимир Гансович досадливо мотнул головой. Вытянул вверх шею, встал на цыпочки (если так можно сказать про гуся), развернул во весь размах крылья, словно собрался взлететь. Но не взлетел, а только тряхнул одним крылом и уронил с него длинное перо. Обмяк, опять сказал «ге-ге» и подвинул перо к Иге перепончатой лапой. Потом заковылял прочь, уже без оглядки.

Видимо, он решил подарить перо Иге. Зачем?.. Ну да ладно, подарки критиковать не принято. Ига сказал гусю вслед спасибо, скинул рюкзачок, вынул новенький учебник биологии, вложил в него перо, как закладку (конец остался торчать). Снова затолкал книгу в рюкзак. Натянул на плечи лямки. Да, нелегко ты, груз наук. Хорошо, что дом уже недалеко.

Кривой Полынный переулочек обрывался на берегу Ярушинского оврага. Склоны были крутые. Местами их укрывала кленовая поросль, а кое-где они были травянистые и в бурьяне.

Даже здесь, наверху, слышалось, как журчит и бурлит на дне речка Говорлинка. Она то пряталась в кустах черемухи, ольхи и смородины, то выскакивала на зеленые и глинистые пропелшины, швыряла в воздух солнечные осколки.

Ига по деревянным ступенькам — наверно, таким же старым, как сам город Малые Репейники, — спустился под откос. Внизу пахло речной водой, осокой и мокрой листвой, но солнце пекло, как и на улицах. Вверху, по краям оврага, цвели над прогнувшимися заборами густые яблони. От них стекал по откосам свой, яблоневый запах и у Говорлинка смешивался с речным.

К воде вела от лестницы по мелкому разнотравью тропинка.

Воды сегодня было больше, чем обычно.

Вообще-то Говорлинка даже не речка, а просто большой ручей. Можно перескочить его с разбега в любом месте. И главное, что глубина и ширина в нем почти всегда одинаковые — даже при весеннем снеготаянии и бурных дождях. Какие-то хитрые подземные стоки регулируют уровень речки, и она никогда не разливается. За очень редкими исключениями. Но сейчас, видимо, было именно такое исключение. Вода шумела громче обычного, и до другого берега сделалось метра четыре. Разве перепрыгнешь! Да еще с рюкзаком. Конечно, можно перебросить рюкзак отдельно, да лучше не надо: чего доброго, не долетит, такой увесистый, булькнется, сушй потом новенькие учебники. Да и самому немудрено булькнуться... А до мостика шагов триста по глине и оскоке.

Ладно, можно и вброд. Ига расшнуровал и сдернул новенькие кеды, затолкал в них носки, перебросил обувь через воду. Поддернул повыше обрезанные и растрепанные над коленками джинсы. Оглянулся: не валяется ли поблизости какая-нибудь палка, чтобы на ходу ощупывать дно? Палки не было, но зато...

Вот удача-то! Неподалеку, на пятачке подсохшей глины, был отпечатан среди редких травинок след босой ноги. Не простой след, а большущий, полметра длиной!

Ига подбежал. Осторожно встал обеими ногами в след. Потер о глину ступни.

Помоги мне, дядя Жора,
Чтобы стал я нетяжелый!
Сосчитаю я до двух —
Буду легонький, как пух!
Два — раз!
Раз — два!
Подо мной не гнишь, трава!..

Такое колдовство помогало не всегда. Но на этот раз могло (такой был хороший день!). Ига ощутил, как ноги его стали пружинистыми, а по телу разлилась легкость. Почти невесомость. Даже рюкзак весил теперь, как кулек с макаронами. Ура!

Ига разбежался и перелетел Говорлинку, будто подхваченный ветром воздушный шарик.

И приземлялся он, как сгусток тополиного пуха, замедленно. Это и спасло малюсенького растяпу-кнама.

Ига заметил его в последний момент. Падая на четвереньки, чуть не прихлопнул малыша ладонью! В последний миг Ига извернулся, вздернул руку, упал на бок. Кнам перепуганно присел в травинках на ногах-спичках, приоткрыл крохотный, как игольное ушко, рот.

— Ты спятил, да?! — плаксиво взвыл Ига. Ведь чуть не исколечил мелкого дурня. А то бы и совсем в лепешку... Мучайся потом всю жизнь! — Ты что здесь делаешь?

— Извините... — комариным писком отозвался кнам.

Видимо, он был из породы одуванчиковых кнамов — в перистой зеленой одежонке, с белой пушистой головкой. И, судя по всему, пацаненок. Взрослые травяные кнамы обычно ростом с указательный палец большого дядьки, а этот — с Игин мизинец. И без бородки.

Ига навис над ним.

— Здесь же тропинки и брод! Разве ты не знаешь, что у тропинок гулять опасно... — Он чуть не добавил «козьявка недо-развитая», но сдержался. Такое было бы оскорбительно даже для кнамьего малыша. Тот и так натерпелся. Ига на миг представил себя на месте крохи. Пробираешься среди травинки, и вдруг сверху на тебя валится что-то громадное, как живая туча!

— Ладно, не дрожи... Ты где живешь?

— У старой черемухи, в корнях. Там наш хутор... — пропищал кнам.

— Небось удрал из дома без спросу?

— Я больше не буду...

— Гляди в следующий раз... Дорогу назад помнишь?

— Помню... Я по запаху найду.

— Вот иди и нюхай. А дома скажи, чтобы тебе уши надрали... Ох, да у вас же нет ушей.

— У нас есть, только маленькие, не торчат, — пропищал кнам уже не так боязливо. Словно даже с юмором, с намеком.

— Брысь...

Кнам исчез.

Ига постоял на четвереньках, помотал головой, прогоняя остатки испуга. Встал, поправил рюкзак — он по-прежнему был почти невесомый. В ногах и теле тоже не исчезала легкость. Поэтому и хорошее настроение вернулось в ту же минуту. Ига хотел уже двинуться вприпрыжку к ведущей наверх лесенке (такой же, по которой спустился). И увидел, что там спускается по ступенькам второклассник и начинающий поэт Генка Репьёв.

3

Генка Репьёв был в Малых Репейниках весьма известен. По крайней мере, не меньше, чем Казимир Гансович. Ребята хвалили его за то, что он удачно придумывал всякие считалки и заклиналки. А по местному радио не раз исполняли Генкину песенку. Он ее прошлой осенью сочинил, чтобы открывать передачи «Ключик для репейных сказок». Для такой песенки был объявлен среди школьников конкурс, и Генкина оказалась лучше всех.

Вот она.

Тум-бурум! Девчонки и мальчишки!
Мы себе придумали закон:
Если мы на лбу набили шишки,
То запрячем слезы под замком!

Тум-бурум! Андрюшки, Вовки, Ленки!
Надо всем запомнить навсегда:
Не беда разбитые коленки
И синяк под глазом — ерунда!

Если ищешь ты заветный ключик,
То в колючей чаще не дрожи!
Не бывает сказок без колючек —
Это знают дети и ежи!

Про ежей в песенке упомянуто не зря. В окрестностях Малых Репейников они водились в немалом количестве, и все их любили. У Генки был даже друг-ежик. Его так и звали — Ёжик, — и был он говорящий. Поэтому второкласснику Репьёву многие завидовали, но без досады, по-доброму.

Генка Репьёв — человек жизнерадостный и дружелюбный, это знали все. И потому Ига слегка встревожился, заметив,

что у Генки грустный вид. Генкино колено было забинтовано, однако это, как известно, не беда, и причина грусти явно была в другом. Но неудобно так сразу лезть человеку в душу. Ига сказал:

— О! Репивет! — Это означало «привет» по-репейному.

— Репивет, — вздохнул Генка.

— Куда шагаешь?

— К воде. Буду в ней бродить... — ответил Генка без утайки, но непонятно.

Ладно, хочет человек бродить в речке, значит, ему это зачем-то надо. Ига только сказал:

— Бинт не намочи. А то залезет в колено какая-нибудь зараза...

Генка досадливо вскинул торчащие, как спички, ресницы.

— Ну какая в Говорлинке зараза! Здесь вода самая чистая.

— Это в обычное время чистая. А сегодня смотри, как разлилась. Может, из каких-то мастерских спустили отходы. Случается иногда...

— Ничего не спустили. Ручейковые квамы ниже по течению запруды сделали, мальков ловят для своего питомника. К вечеру разберут.

— А я чуть зеленого кнама не раздавил, — признался Ига. — Вот такого... Скакнул через речку, а он прямо подо мной! Я еле извернулся. До сих пор в животе что-то ёкает, как вспомню...

— Заёкает тут, пожалуй... — посочувствовал Генка. И вежливо не поверил: — Неужели ты через речку при таком разливе прыгал?

— Да! На том берегу Жорин след есть, я потоптался! Еще и сейчас как на крылышках...

Всякий нормальный человек в нормальном настроении тут же начал бы расспрашивать: где след? И кинулся бы туда! Но Генка вздохнул снова:

— Повезло тебе...

Тогда Ига не выдержал:

— Ты зачем в речке-то бродить вздумал? Найти что-то хочешь? Вода еще холодная...

— Вот и хорошо. Скорее простужусь.

Ига сказал осторожно:

— Генчик, что случилось?

Начинающий поэт Репьёв уронил с ресницы каплю, похожую на кнамий шарик. И сипло сказал:

— Лекарство надо. Ёжик простыл, горячий весь лежит. Ему

только антибрёдин помогает, а он дорогой, бабушка денег не дает... Я реветь пробовал, но с бабушкой это не проходит. Двести рублей надо...

— С ума сойти!

— Вот и она так же говорит. И не верит. Мол, ежики не болеют простудой, даже говорящие. Лечи, говорит, если хочешь, аспирином, я сама всегда им лечусь. А у него на аспирин аллергия...

— А родителей просил?

— Они уехали на три дня в Бубенцы. Ёжик может не дотянуть... А дедушка в доме отдыха. Он-то уж точно бы не пожалел денег...

— А для тебя бабушка не пожалеет? Вдруг начнет, если простынешь, припарками лечить? Или «Скорую» вызовет?

— Все может быть, — прошептал Генка. — Но попробовать-то я *должен*. Какой еще выход?

Ига не знал, какой выход. Но сказал:

— Ты все-таки не рискуй так. Может случиться, что и Ёжика не вылечишь, и сам... Ты лучше иди, посиди с ним, а я что-нибудь придумаю.

— А что? — Генка опять встопорщил ресницы, уже без капель.

Ига понятия не имел *что*. Но он считал себя удачливым человеком и сейчас надеялся: какой-нибудь выход найдется.

— Ты иди. А я, как что-то получится, к тебе прибегу.

— Ладно. — Генка повеселел. Видимо, получать простуду, даже ради друга, ему не очень-то хотелось... — Только ты скорее.

— Постараюсь... Постой! Тут еще такое дело. Сейчас я встретил Казимира, он тоже какой-то невеселый. Что-то бормотал, а потом подарил мне перо. Надо тебе гусиное перо? Говорят, стихи ими лучше всего пишутся.

— Конечно, надо! Я как раз такое перо у Казимира три дня назад просил. Но он не дал, разозлился, даже обозвал меня «го-го-гуга». И много еще чего наговорил. Наверно, у него были неприятности...

— А ты что, так хорошо его понимаешь?

— Я с Ёжиком был, он всех животных понимает, переводит... — Сказав о Ёжике, Генка снова приуныл.

Ига постарался отвлечь его:

— Казимир говорил «ге-ге-ге». Может, он и хотел, чтобы я

перо тебе отдал? В тот раз обругал тебя, а потом совесть замутила. Он вообще-то неплохой гусь.

— Да, наверно! — опять обрадовался Генка. И опять забеспокоился: — А ты обязательно достанешь антибредин?

— Буду стараться изо всех сил!

4

Ига понимал, что теперь ему деваться некуда. Крайний способ — натянуть черную маску и проникнуть в аптеку «Не болейте!» с пластмассовым пистолетом навскидку. Вот был бы шум на весь город. Таких историй в Малых Репейниках не случалось уже давным-давно. Был, конечно, и более простой путь — объяснить все родителям и попросить деньги на лекарство. Но беда в том, что и отцу, и маме второй месяц не платили за работу.

С такой вот озабоченностью Ига выбрался из Ярушинского оврага и теперь шагал по Земляничному проезду. Почему он Земляничный, никто не знал, сроду здесь не росла земляника. Да и не проезд это был, а проход, потому что машины в нем никогда не появлялись. Среди глухих заборов тянулся шелестящий деревянный тротуар. Над заборами в Земляничном проезде, как и всюду, цвели яблони. Домов с окошками не было вовсе, лишь торчали кое-где среди заборных досок стены глухих сараев и бревенчатых банек.

И стены, и заборы почти доверху были укрыты репейниками — и сухими, прошлогодними, и свежими, с буйно раскинувшимися лопухами.

Репейники в Малых Репейниках были совсем не малые. Могучие. А слово «Малые» в названии появилось из-за небольших размеров самого городка. Дело в том, что неподалеку располагался в давнюю пору город Большие Репейники. Но потом это название сочли несолидным и переделали в Ново-Груздев (почему — неизвестно; может быть, он славен был когда-то груздями, которые солили по новому для тех времен рецепту). А Малые Репейники так и остались с прежним именем. Правда, одно время они назвались Красноармейском, потому что в полуразрушенном Вознесенском монастыре стояла военная часть. Но потом времена изменились, военных куда-то перевели, в монастыре опять поселились монахи, а городку вернули прежнее имя.

Ново-Груздев от Малых Репейников был совсем недалеко.

Но очень от них отличался. Там блестели стеклами многоэтажные кварталы, дымили заводы, тысячами носились по улицам автомобили, ездили троллейбусы и сияла по вечерам реклама «Кока-колы» и «Самсунга». А здесь, как в заповеднике, мирно дремала старина. Правда, был район построенных недавно желтых девятиэтажек, недалеко от монастыря, но на большинстве улиц чувствовал себя хозяином неторопливый и тихий девятнадцатый век. С двухэтажными кирпичными особняками, с узорчатыми наличниками деревянных домов, с затейливыми крылечками и с огородами почти в каждом дворе. И надо сказать, что большинству жителей это нравилось — сами себе хозяева, с огородом не пропадешь ни при каких реформах. А кому хочется хлебнуть шумной современности — садись на автобус или трамвай. Всего-то сорок минут, и вот тебе все прелести большущего города — с его витринами, бензиновой гарью, модными ресторанами и автомобильными пробками... Многие жители Малых Репейников работали в Ново-Груздеве, но вечером с облегчением спешили в родную тишину.

Большой и малый города соединяет дамба. По ней проложена трамвайная одноколейка (с разъездом на полпути), а рядом с путями — шоссе для машин. Дамбу с северной стороны омывает озеро Журавлиное — широченное и синее. Слева лежат обширные болота, которые называются Плавни. В Плавнях множество крохотных, как тарелки, озер, тростниковых зарослей и трясин. Воды Плавней и Журавлиного никогда не смешиваются, хотя за городом дамба кончается и болота с озером примыкают друг к другу.

Малые Репейники лежат на обширном выпуклом острове, который называется Большой Лопуховый. Его, как и дамбу, с одной стороны охватывают Плавни, с другой — просторы Журавлиного озера. В озере и в Плавнях кроме Большого Лопухового хватает и других островов — и крупных, и мелких: Малый Лопуховый, Индюк, Березовый, Катамаран, Кошкин Пуп... А у тех, что помельче, названий нет. Особенно много безымянных островков на обширных пространствах Плавней. Сколько точно, никто и не ведает. Рыбаки и охотники пытались составить карты, да ничего не получалось. Плавни местами совсем непроходимы. В дальние места пробраться можно только зимой, когда все застыло (но кому это надо, по морозу-то!), или по речке Гусыне. Речка петляет по Плавням, иногда разбиваясь на протоки, и впадает в Журавлиное озеро. На пути она

часто сливается с мелкими озерами или совсем теряется в камышовых и ольховых джунглях, а потом опять выскальзывает под солнце... Впрочем, про Плавни, острова и речку Гусыню рассказ еще впереди. А пока...

Пока озабоченный Ига шагал по тропинке вдоль ветхого забора. В одном месте над забором, над лопухами и тропинкой нависала козырьком крыша сарая. Здесь на Игу упал с высоты утюг.

ДАВАЙ ТВОЮ ЛАПУ. . .

1

Ну, по правде говоря, утюг упал не совсем на Игу. Если бы точно на него, дальше и рассказывать было бы не о ком. Увесистый снаряд свистнул чуть впереди и врезался в лопухи прямо перед Игиными кедами. Ига замер. Он сразу увидел, что это утюг. Литой, чугунный, старинный. Ига побыл в замершем состоянии три секунды, потом вскинул голову.

Над ним на козырьке крыши стоял... стояла... стояло существо лет восьми-деяти. С прямыми, торчащими, как лучинки, волосами. В просторных шортах из полинялого трикотажа, в желтой, как у Иги, футболке, только изрядно замызганной. Лицо на фоне яркого неба было не разглядеть.

— Ты что? Того, да? — Ига крутнул пальцем у виска.

— Я не нарочно, — отозвалось сверху существо. Тонко и в меру виновато, однако без большого испуга.

— А ну иди сюда, — велел Ига. Он был уверен, что виновник покушения тут же слиняет с крыши, только его и видели. Но тот послушно перебрался с сарая на верх забора и оттуда прыгнул в лопухи. И встал перед Игой. Вот, мол, я, делай что хочешь.

А что с ним было делать? Если бы настичнуть убегающего, то можно и пинка дать вдогонку. А с виноватым и беззащитным как быть...

— От меня ведь мокрое место могло остаться, — все еще звонким от перепуга голосом сказал Ига (и понял, что все время помнит крохотного кнама с пушистой головой). — Я тебе что сделал-то?

— Я не нарочно, — опять объяснило существо. Смотрело

исподлобья и дергало на себе перекошенные шорты. — Я тебя не видела...

Ага, все-таки не *видела*. Хотя лицо вполне мальчишечье — скуластое, нос сапожком, губы в трещинах. И в коричневых глазах не только виноватость, но и хмурое, не девчоночье упрямство.

— Не видела она... — буркнул Ига. — А зачем вообще с крыши утюги кидать? Вон какой тяжеленный! — Ига поднял утюг из лопухов. Прочитал на нем выпуклую надпись: «Чугунолитейный завод бр. Алексеевых. 1877 г.». (Вот старинато!) Покачал и уронил. — Пять кило, не меньше. Тренируешься, что ли?

— Не тренируюсь, а... разве не видишь? — Она сердито поднесла ко рту большой палец. Из-под верхней губы спускался обрывок суровой нитки.

К ручке утюга тоже была привязана нитка, длинная.

Ига догадался сразу:

— А! Зубодерством занимаешься!

— Ну да... — Она шмыгнула сморщенным носом.

— Другого способа, что ли, нету? На Кирилловской улице детский зубной врач, бесплатный.

— Зубных врачей я боюсь пуще смерти, — сумрачно сообщила девчонка. — Забавно, да?

— А вот так, утюгом, не боишься?

— Тоже боюсь. Но это хоть быстро... Только нитка оказалась слабая. Забавно, да?

— Уж куда как забавно, — хмыкнул Ига. — А что, сильно болит, да?

— Не очень. Надоел сильно. Качается и ноет...

— Ну-ка, открой...

— Что? — Она округлила глаза.

— Открой пасть! — приказал Ига.

Она тут же широко развела толстые обветренные губы.

Ига выдернул из-под ремешка футболку, подолом вытер пальцы и решил, что этого достаточно для гигиены. Два пальца сунул в девчонкин рот, ухватился за зуб с ниткой. Потянул без рывка, но решительно. Зуб не стал сопротивляться...

— Вот и все дела. На... — Ига протянул зуб девчонке.

— Ой... Как это ты? — В глазах ее было боязливое восхищение.

— Обыкновенно. Просто надо знать, как тянуть. Я у себя

так несколько штук выдернул... Он ведь у тебя молочный. Наверно, последний, засиделся. Тебе сколько лет?

— Скоро девять... Забавно, да?

— Чего забавного? Всем когда-то было девять. Или будет...

— Ага...

«Ну и всё», — подумал Ига. Надо было сказать «ладно, пока» и отправляться по своим делам. Добывать антибредин. Ига не ушел. Поглядел, как она качает на коротенькой нитке зуб, и спросил:

— Тебя как звать-то?

Она перестала качать.

— Стёпка...

— Че-го?.. Слушай, ты, в конце концов, кто? Мальчик или девочка?

— Конечно, девочка! Не видишь, что ли?

«В том-то и дело, что не вижу». Ига пожал плечами.

— Смотри, у меня сережки. — Она зубом качнула рядом с ухом, в котором блестел зеленый камешек.

— Ну и что? Пацаны тоже иногда носят сережки.

— Да, но у них простые колечки, без украшений.

— Ну... ладно. А тогда почему ты Степка?

— Потому что полное имя Степанида. Так мою прабабушку звали, которую я никогда не видала. Вот и меня. Забавно, да?

Ига уже не откликнулся на это «забавно, да?», понял, что у Степки такая привычка. А она вдруг сказала:

— Степкой меня папа всегда называл...

Это «называл» тревожно царапнуло Игу. И он быстро спросил:

— А еще тебя как-нибудь называют?

— Бабушка и дедушка говорят «Стеша». Но «Степка», по моему, лучше.

«По-моему, тоже», — усмехнулся про себя Ига. И подумал опять, что пора идти. А вместо этого стоял и смотрел на Степкины уши с сережками.

— Ты, наверно, не здешняя?

— Я недавно приехала к бабушке и дедушке, из Ново-Груздева. А как ты узнал, что не здешняя?

— По ушам. Они у тебя прижатые. А у здешних ребят у всех уши оттопыренные, лопухастые. Потому что мы живем на Лопуховом острове. Такая примета. Если будешь здесь долго жить, у тебя тоже оттопырятся.

— Я, наверно, долго... А это обязательно, чтобы оттопырились?

— Совершенно обязательно. Да ты не бойся. Когда подрастешь, это пройдет. У взрослых уши делаются обыкновенные.

— А у девочек и мальчиков у всех-всех такие, как...

— Как что?

— Ну... как у тебя?

— У всех, — с удовольствием сказал Ига. — Мы же не кнамы и не квамы. Это у них ушей почти незаметно...

— У к-кого незаметно?

— Ох, сразу видно, что ты здесь недавно... Это здешние жители такие. Ростом с палец. Живут в зарослях и у воды. Те, что в траве, называются кнамы, а те, что в норах по берегам, — квамы. Кнамы бывают одуванчиковые, ежевичные, лютиковые и всякие другие. А квамы — ручейковые, камышовые, озерные... А еще бывают книмы, но они живут далеко в болотах и под землей, их почти никто не видит. Говорят, они похожи на гномов, с бородами и большие, мне до пояса...

Степка опять округлила коричневые глаза.

— Это ты по правде или... просто так?

— Просто так по правде. А что?

— Это же сказка...

Ига пожал плечами со снисходительностью старожилы.

— Конечно, сказка. Здесь сказок с давних пор полным-полно... Вот у моего знакомого, Генки Репьёва, говорящий ежик живет. Многие тоже не верят: сказка, мол. А он все равно есть... Посторонних он стесняется, а при своих болтает не хуже нас с тобой...

Степка посопела.

— Жалко, что я посторонняя. А то послушала бы тоже.

Ну вот, теперь и не отвяжешься так сразу.

— Может, и познакомишься... когда-нибудь.

— Хорошо бы. А когда?

— Не знаю. Сейчас Ёжик болеет, с температурой лежит...

«Ох, надо ведь добывать антибредин!» Лучше было поспешить, пока легкость в ногах и теле не растаяла совсем. Но... как его достать, надо еще придумать. А думать-то можно в любом месте, куда бы ни шагал.

— Степка, а есть еще сказка! Могу хоть сейчас показать. Сразу поверишь!

— Что за сказка?

— Иногда в сумерках по городу бегают белые ноги. Боль-

шушие, вот такие. Говорят, лет двадцать назад перед стадионом стоял на возвышении гипсовый дядька со штангой. Его все звали «атлет Жора». А потом такие статуи из гипса начали везде ломать и его тоже сломали. А ступни от кирпичной подставки никак не могли отломать. Они там долго оставались, а потом им надоело, они ушли сами и стали бегать по темным улицам... — Ига передохнул и добавил: — Забавно, да?

Степка не заметила ехидства.

— А ты сам их видел?

— Сам не видел. Но видел следы. Ноги вроде бы тяжелые, а бегают совсем бесшумно и невесомо. Будто в них... антигравитация какая-то. И в следах она есть. Потопчешься в них и сам делаешься как невесомый. Я вот совсем недавно... А след до сих пор там, на берегу...

— Ой... правда, можно посмотреть?

Ига быстро прошелся по ней глазами — от растрепанной макушки до растоптанных сандалет. Вдохнул, но не вслух, а про себя. Сбросил рюкзак и затолкал его в чашу у забора. Туда же бросил (с натугой) и уют.

— Ладно. Давай твою лапу.

Она дала без задержки.

И так, держась за руки, они пошли к оврагу.

2

Конечно, прежде всего Ига думал о лекарстве.

«Может, попросить в аптеке взаймы? Сказать, что мама сильно заболела... Нельзя, накаркаешь еще. А про говорящего ежика кто поверит... А что, если забежать домой к Анне Львовне и рассказать все как есть? И попросить двести рублей до родительской полочки? Она-то наверняка поверит и даст. Хотя сроду такого не было, чтобы школьники занимали деньги у своих учительниц. Ужасно неловко... Наверно, это можно только в самом крайнем случае...»

А позади таких мыслей прыгали другие. Про Степку. И про него, про Игу.

Вот полчаса назад они совсем не знали друг о друге, а теперь топают рядышком, сцепившись ладонями. «Забавно, да?» Что же такое с ним, с Игой, случилось? Ну помог бедняге избавиться от зуба. А дальше?

Почему не ушел сразу? «Давай твою лапу...» Смех, да и только! Зачем ему эта замурзанная малявка?.. Хотя не такая уж ма-

лявка, во втором классе, наверно, как Генка Репьев, но все равно... Что в ней такого? Нос, как у настоящего Степки, дырка от зуба да пыльно-желтые волосы, торчащие вниз от макушки, будто у Страшилы из «Волшебника Изумрудного города»...

Чувство у Иги к Степке было сейчас такое же, как при мыслях о маленьком кнаме, — смесь жалости и тревоги. Хотя, казалось бы, что похожего? Ведь не он чуть не прихлопнул Степку, а наоборот...

А она небось думает, что подружилась с мальчишкой всеерьез (хотя даже имени его еще не знает). Ха! Вот это была бы дружба!

По правде говоря, о настоящем, крепком-крепком друге Ига мечтал часто. Но такого пока не было. Хороших приятелей полным-полно — и в классе, и на улице. А вот самого верного, чтобы всё пополам и чтобы никаких тайн друг от друга... Ну не каждому в жизни так везет. Хотя есть счастливики. Например, у них в пятом «Б» три друга по прозвищу Пузырь, Соломинка и Лапоть. Вот уж кого водой не разольешь! Ига им тайно завидовал и даже думал: не приклеиться ли как-нибудь к их компании? Но... не каждой тройке мушкетеров нужен свой д'Артаньян. А если и нужен, то не всякий. А навязываться Ига не привык.

А Степка — что за личность? Интересно, какие у нее дед и бабушка? Хотя бы умыться как следует заставили внучку...

Он покосился на нее и сказал:

— Меня зовут Игорь. Или Ига...

Степка благодарно подышала у его плеча. И вдруг предложила:

— Ига, хочешь я подарю тебе свой зуб?

— Зачем?

— Так просто. Или... бывает, что он для чего-нибудь нужен. Помнишь, Том Сойер на свой зуб выменял у Гека Финна клеца?

— Ты читала про Тома Сойера?

Она удивилась бесхитростно:

— А ты разве не читал?

«Я-то читал! А от тебя не ожидал...» Но ведь не скажешь так. И он отозвался дипломатично:

— А про кого ты еще читала? Какие книжки?

— Ну, разве я все вспомню! Про страну Оз, про Мюнхгаузена, Каштанку, Робинзона, царя Салтана, Королевство Кри-

вых Зеркал... Это которые недавно... А, еще вспомнила! Про Гарри Поттера! Четыре книги!

— Ну и как? Про Гарри...

— Интересно. Только... как-то уж много там всего. Волшебные дела в голове перепутываются. А ты читал?

— Угу...

— Нравится?

— Ну... в общем да. Хотя иногда думаешь: чего уж они так своими чудесами хвастаются. У нас здесь тоже бывают...

Степка кивнула:

— Ну да! В той книжке ни кнамов, ни квамов нет. И гипсовых ног тоже...

Ига опять покосился на нее. Да, Степка была умнее и симпатичнее, чем на первый взгляд. Он даже подумал: не сказать ли ей это? Но сказал другое:

— Ладно, Степка. Давай мне твой зуб. А я тебе тоже что-нибудь потом подарю. Например, кнамий шарик.

— А это что?

— Кнамы их из утренней росы делают. Трогают капли волшебными волосками, и те твердеют, как стекло. Или как лед, только летающий... Такой шарик знаешь как полезен! Если он в кармане, тебя комары не кусают, колочки не жалят и даже дома почти не ругают, если загулялся на улице...

Ига спрятал Степкин зуб в глубокий карман и снова взял ее за руку. А Степка вдруг подпрыгнула:

— Ига, смотри! Будто змея-анаконда свернулась!

Посреди заросшей дороги лежала в лебедé могучая шина. То ли от «КамАЗа», то ли от колесного трактора. В общем, великанская. Ига подбежал, вскочил, попрыгал на круглой пружинистой резине. Легкость все еще сидела в нем. Степка тоже вскочила. Тоже попрыгала. Сначала они скакали каждый сам по себе, потом посмотрели друг на дружку и... протянули руки. Длины вытянутых рук хватило как раз, чтобы, стоя напротив друг друга, сцепиться кончиками пальцев. Сцепились и со смехом запрыгали вместе.

Если бы совсем недавно кто-то пообещал Иге, что он, как резвый дошколенок, будет плясать на брошенной шине — посреди улицы, с малолетней девчонкой! — он бы... да, он бы только пальцем покрутил у виска. А теперь — вот! И главное, совсем не стеснялся!

Наконец они спрыгнули внутрь шины. Степка сказала, весело дыша:

— Откуда тут эта штука? Здесь и машин-то не бывает.

— Наверно, кто-то где-то нашел и покатил к себе. А потом бросил, потому что надоело...

— А зачем она нужна?

— Иногда большие парни такие шины зажигают на лужайках вместо костра. Одной хватает на всю ночь. Сидят вокруг и голосят под гитару. Или танцуют под магнитофон...

— А еще она — чтобы прыгать вот так! Да?

— Да!

— А сейчас она ничья?

— Конечно! Раз валяется...

— Давай тогда укатим ее в наш двор, чтобы не сожгли. А потом еще попрыгаем!

— Думаешь, справимся?

— Ну, попробуем! А?

Не очень-то нужна была Иге эта резиновая громадина. Но огорчать Степку не хотелось. После того, как только что дружно плясали вдвоем... «Назвался груздем...»

3

Самое трудное было поставить шину на ребро. Ига отыскал в репейниках оторванную от забора доску. Подтолкнул один конец под тугую резиновый бок «анаконды». Другой конец поднял до пояса.

— Степка, присядь, поддержи плечом. Это не тяжело, потому что рычаг...

Степка — молодец, все сделала как надо. А Ига упал рядом с шиной, сунул плечо под приподнявшийся край. Уперся в травянистую землю ладонями, поднатужился, встал на четвереньки. Степка бросила бесполезную теперь доску, сунула свое плечико рядом с Игой.

— Уйди, тебя раздавит! — (И опять вспомнился кнам-одуванчик.)

— Не, я сильная...

Вдвоем они подняли чудовище. В стоячем положении удерживать его было нетрудно. А вот катить... В переулке был небольшой уклон — к оврагу, — а толкать шину полагалось в другую сторону, к Степкиному двору.

— Ну, взяли, — скомандовал Ига. И подналег. Шина была ростом выше, чем он. Степка пристроилась рядом. Но вдруг отчаянно завопила! Отпрыгнула! Ига с перепугу отпустил ши-

ну. Степка, согнувшись, прыгала на правой ноге, а за левую держалась двумя ладонями под коленкой. И подвывала.

— Что с тобой?!

— Ужалил кто-то! Ы-ы-ы... Ой, держи! — Она вытянула руку.

Оказалось, что шине надоело стоять без поддержки. Но она решила не падать, а не спеша двинулась вниз по переулку. Ига секунды две смотрел обалдело. Что делать? Чудовище ловить или Степке помогать?

— Лови! — заголосила Степка. Но было поздно. Могучее резиновое колесо поднабрало ход. Сзади хватать — бесполезно, не удержишь. Спереди — себе дорожке, сомнет в лепешку. И свободная от ловцов шина резво (несмотря на вес!) запрыгала по Земляничному проезду.

Ну и прыгала бы, леший с ней! Но ведь неприятности всегда одна к одной. Из калитки в заборе выдвинулась в проход тетьа необъятных размеров. Неторопливая и уверенная в себе. Сделала несколько шагов на дорогу. Шину она не видела.

— Берегись! — в два голоса взвыли Ига и Степка.

Тетьа наконец заметила опасность. И вот ведь ненормальная! Ей бы сделать два шага назад — время еще было, — так нет же! Остановилась, подняла руки к щекам и завизжала так, что прогнулись ближние заборы. «Капут», — с ужасом понял Ига.

Но шина оказалась умнее толстой тети. Или просто не вынесла сирены. Она вильнула, пронеслась в полуметре от раздутаго визгом бока и помчалась дальше.

Но сворачивать еще раз шина не хотела. А Земляничный проезд не очень-то прямой. Шине взять бы левее, и тогда открытый путь к оврагу. Но она неслась по прямой, пока не грянулась о изогнутый дугою забор. За этим забором стояла приземистая банька. Шина с маху повалила доски забора на баньку, взлетела по ним, как по горке, на двускатную крышу, а с нее, будто с трамплина, сиганула в огород.

В баньке мылся ее хозяин — ветеран и член союза «Наши силы» Капитон Климентьевич Калашный. Услыхав могучий удар и ощутив сотрясение, как от бомбы, он решил, что — наконец-то! — и в этом тихом краю началась война. Теперь можно будет свести счеты с внешними и внутренними врагами. Натянув бязевые кальсоны пехотного образца, Капитон Климентьевич выскочил наружу. Но в безоблачной синеве не было никаких летательных аппаратов, не пахло ни тротилом, ни гексагеном.

— Провокация! — громко сказал в пространство оскорбленный ветеран.

Шину он не заметил. Потому что ее уже и не было. Прыгнув с крыши, она аккуратно прокатилась между помидорными грядками, не задев ни одного растения, затем в дальнем конце огорода сшибла плетень и ухнула в овраг. Там она домчалась до Говорлинки и наконец улеглась, решив отдохнуть в прохладных струях.

Там она и лежит до сих пор.

В первый день ее не было видно под водой, но скоро квамы разобрали плотину, уровень понизился и черное тугое колесо заблестело на солнце. Квамы сразу приспособили его к делу. Внутри, где застаивалась теплая вода, оборудовали купальный бассейн для малышей. А снаружи устраивали на резиновом кольце круговые гонки на самокатах. Конечно, это делалось по ночам, когда рядом не было никого из великанского человеческого племени...

Впрочем, все это Ига и Степка узнали гораздо позже. А в тот момент, когда шина вильнула на дороге, Ига скомандовал: «Ноги!» — и они вдвоем рванули вдоль по Земляничному проезду, а потом за угла, в Утиный переулок. Отдыхались только через два квартала, у киоска, где принимают пустые бутылки (называется он «Стекляшкина будка»).

— Эта тетка — известная во всем Заовражье скандалистка, — выдохнул Ига. — И, наверно, она меня узнала...

— Попадет?

— Не исключено, — буркнул Ига. Хотя знал, что сильно не попадет.

Степка вдруг опять ойкнула, всхлипнула, ухватила поджатую ногу.

— Что случилось-то? — вспомнил Степка.

— Пчела, наверно...

— Покажи. — Он присел.

У Степки под коленкой был черный игольчатый прокол, а вокруг набухла розовая опухоль.

— Похоже, что не пчела, а оса... — Ига озабоченно свел брови. Среди ос попадались «га-гадостные», как выражался Казимир Гансович. Они были не местные, а прилетали иногда издалека, от Ново-Груздева. С такими шутки плохи, если нет в кармане кнамьего шарика.

— Сильно болит?

— Ага...

— Пойдем! Тут недалеко одна бабка живет, она поможет...

Бабка Анастасия Ниловна жила в сотне шагов от Степкинкой будки. Занималась тем, что собирала и сдавала пустые бутылки да еще помогала хворым соседям всякими снадобьями и ворожкой. Был у бабки сострадательный характер, никому не отказывала. Пенсионерам смягчала радикулитные страдания и денег не брала. Ребятам охотно лечила шишки и ссадины. При этом, правда, говорила: «Уж не знаю, что получится. Я ведь не то что моя знакомая Ядвига Шишковна, у нее высшее образование, а я самоучка...»

Три окна вросшего в землю домика нижними краями пряталась в траве. Ига постучал в левое. За стеклом отдернулась занавеска. Створки разошлись.

— Кого Бог послал?

— Баба Настя, добрый день! Девочку оса клюнула. Нога распухает...

— Ох вы, сердешные. Ну-кось, лезьте сюда. — Бабка расправила окошко пошире.

Ига, цепляясь за цветастую занавеску, проворно перебрался через подоконник, помог Степке (она похныкивала, но сдержанно).

Комнатка после яркого света улицы казалась полутемной. Поблескивали в углу иконы. Пахло пустырником и полынью. По всем стенам висели гирлянды из сухих трав и ягод, на полках громоздились бутылки. Хозяйка по виду была добродушная толстенькая бабушка. И голос добрый. Она включила яркую лампу с рефлектором, направила свет на Степкину ногу, нагнулась с крихтением.

— Ишь ты, как впиалась, злыдня окаянная... Ладно, сейчас мы это мигом... Конечно, лучше бы, если бы Шишковна лечила, да где она теперь...

Бабка выпрямилась, отыскала на дощатом столе плоскую склянку, плеснула из нее на ладонь. Потерла припухшее место. Степка ойкнула.

— Неужто больно? Потерпи, сейчас пройдет.

— Уже не больно. Щекотно только...

— Потерпи, потерпи. Сейчас... — Анастасия Ниловна опять шагнула к столу. На досках лежала большущая пухлая книга, придавленная чугунным утюгом. Бабка убрала утюг, достала из книги сушеный травяной лист, приложила к смазанному месту.

— Ну-ка, придержи, голубушка. — Из кармана клетчатого

фартука вынула моток бинта, ловко примотала лист к Степкиной ноге. — Погуляй так до вечера, и все забудется...

Ига, как увидел, сразу вспомнил Генку Репьева с повязкой на колене. И все остальное! Ох, балда! Пляшет, развлекается, а Ёжику-то какво!

— Баба Настя! У вас не найдется антибретина? Или другого похожего лекарства? У Генки Репьева, ну, у того, который стихи сочиняет, Ёжик заболел, с жаром лежит.

Анастасия Ниловна сокрушенно развела руками.

— Нету, голубчик. И как ежиков лечить, я не обучена. Его бы к ветеринару. Да я даже и не знаю, есть ли он у нас в Репейниках. Надо, наверно, в Ново-Груздев...

Ига только головой мотнул. При чем здесь ветеринар! Ёжик-то не простой, говорящий.

— Ладно, спасибо, баба Настя. Мы пойдем...

Степка тоже сказала спасибо. И покачалась на забинтованной ноге. Боль, видно, совсем прошла.

— На здоровье, голубчики. Заходите, ежели чего...

— Обязательно. Мы вам бутылок принесем, — пообещал Ига.

— Добрая ты душа, Игорек, — сказала бабка. Надо же! Оказывается, помнит, как его зовут.

Анастасия Ниловна, поднатужившись, подняла утюг и опять придавила им книгу. А Степка шепнула Иге:

— Смотри, такой же, как тот.

Анастасия Ниловна уловила, что речь об утюге. Покивала, погладила чугунную ручку.

— Славный утюжок, для здоровья полезный. Я им спины грею, у кого позвоночная болезнь остеохондроз. Всегда помогает. Долго такой искала, а потом смотрю: продается в лавке, где железный мальчонка в окошке. У Валентина Валентиныча. Ну, наскребла денюжат, и вот...

Степка приоткрыла было рот. Ига толкнул ее локтем. Степка понятиливо хлопнула губами.

На улице Ига сказал:

— Я знаю, ты хотела спросить, не нужен ли бабе Насте еще один утюг.

— Ага. А что? Мне-то он совсем ни к чему, зуба уже нету. А она меня вон как за одну минутку вылечила! — И Степка опять подскочила на ужаленной ноге. — Забавно, да?

— Забавно. Только у нее утюг уже есть, а этот... если он тебе по правде не нужен, давай отнесем в лавку, где торгуют ста-

ринными вещами. Называется — антикварный магазин «Два рыцаря». Может, утюг там купят, и будут деньги на лекарство для Ёжика.

Степка подпрыгнула вновь:

— Давай!

КИНОКАМЕРА «MEFISTO»

1

Игин рюкзак снова оставили в лопухах. Никто его здесь не увидит. А если и увидят, не возьмут. Жулики в Малых Репейниках не водились. Разве что изредка появлялись пришлые, но такие в лопухах не шарят...

Утюг надели на палку, которую Ига подобрал в канаве. Взяли ее за концы, чтобы нести тяжесть вдвоем. Конечно, Ига сдвинул утюг поближе к себе — принял главную нагрузку. Степка шагала впереди и этого не заметила.

Ига насвистывал. Славно, когда есть надежда на хороший исход трудного дела. Степка двигалась вприпрыжку. Не оглядывалась, но даже со спины было видно, что она рада быть участницей такой важной операции. И что ловкий, умелый, храбрый Ига принял ее в товарищи!

Дорога была не близкая, на Кожевенную улицу, это почти в самом центре. Ну, ничего, дошагали.

Антикварный магазин «Два рыцаря» располагался в первом этаже двухэтажного кирпичного особняка с чугунными балконами и башенками на углах (таких домов в городке было немало). Давным-давно здесь жил богатый купец Тягушинский, а сейчас не жил никто. Вверху находилась страховая компания «Камышовый кот», а на первом этаже торговал всякими старыми предметами владелец магазина Валентин Валентинович Клин.

Фамилия Клин вызывает представление о чем-то длинном и остром. Но Валентин Валентинович был кругловат, невысок и добродушен лицом. Да и характером тоже. В душе он всегда оставался коллекционером, а не коммерсантом. Поэтому и к магазину своему относился скорее как к музею, а не как к месту, где получают прибыль. Бывало, что уговаривал покупателя, пожелавшего купить что-то интересное:

— Голубчик, да зачем вам эта рухлядь?.. Ну и что же, что

восемнадцатый век? Смотрите, здесь трещина, тут позолота облезла. Поверьте, эта вещь совершенно не украсит ваш современный интерьер. А здесь она на своем месте. Люди приходят, смотрят...

Посмотреть в магазине «Два рыцаря» было на что. Стояли на полках столетние граммофоны с гигантскими трубами разных форм, тикали и вскрикивали кукушкиными голосами часы в резных деревянных шкафчиках, блестели статуэтки фарфоровых дам и кавалеров, ветвистые подсвечники, причудливые письменные приборы, стеклянные и фарфоровые вазы. Чернели чугунные Дон Кихоты, вздыбленные лошади и бюсты знаменитостей. Светились таинственной розовой глубиной заморские раковины. К стене был прислонен древний велосипед с двухметровым передним колесом, а в углу стояла могучая алебарда городского стражника шестнадцатого века...

Валентин Валентинович не очень любил продавать, но покупать старинные вещицы любил очень. Окрестные мальчишки это знали. Они то и дело несли к «Двум рыцарям» медные печати и монеты, чугунные купеческие весы-коромысла, массивные стеклянные чернильницы, фигурные бронзовые ручки от дверей и всякие другие находки с пустырей и овражных осыпей. Валентин Валентинович загоревшимися глазами осматривал принесенную диковинку, кричал и честно расплачивался, если продавец не заламывал лишнюю цену. А если заламывал, владелец «Двух рыцарей» торговался, но тоже честно, без обиды для хозяина находки.

К юным жителям городка Валентин Валентинович относился с пониманием и симпатией. Позволял им подолгу окопачиваться в магазине, разглядывать и брать в руки всякие редкости — например, подзорные трубы нахимовских времен или оловянных солдатиков, которыми играли прадедушки.

Только на одну просьбу он всегда отвечал отказом — если кто-то из лопухастых посетителей хотел надеть на себя стоявшие в витрине рыцарские латы. Даже шлем примерить не дал ни разу.

Латы не были старинными. Валентин Валентинович смастерил их из жести, кусков алюминия и оцинкованной круглой канистры. Как он сам говорил — «для создания романтической атмосферы, пушшего привлечения посетителей и оправдания вывески». Выглядели доспехи впечатляюще, хотя и были не взрослого размера, а ростом со школьника вроде Иги. Валентин Валентинович поместил этого пустотелого рыцаря-маль-

чишку в низко расположенном окне с широким стеклом. А чтобы жестяной пацан не скучал, позади него установил высокое зеркало. С улицы казалось, что рыцарей двое.

Однажды пришел в магазин энергичный режиссер детской театральной студии «Семеро козлят». Просил дать латы на пару дней для спектакля «Синяя борода и рыжий хвост». Но и ему хозяин отказал.

— Понимаете, голубчик, сооружение непрочное, к переноске не приспособленное. Да к тому же... отражение в зеркале будет скучать, если его товарища куда-то унесут.

Режиссер вытарашил глаза.

— Но позвольте. Какое отражение, когда доспехи из витрины уберут? Оно тоже исчезнет!

— Как знать, как знать... — Валентин Валентиныч развел руками. — В Малых Репейниках случается всякое...

Вот в такое интересное заведение и шагали Ига и Степка с утюгом на палке.

В «Двух рыцарях» в тот час никого не оказалось. Кроме хозяина. Ига сказал «здрате, Валентин Валентиныч» и без долгих предисловий поинтересовался, не нужен ли магазину великолепный старинный утюг чугунного литья братьев Алексеевых одна тыща восемьсот семьдесят седьмого года.

— М-м... Позвольте взглянуть... Да, вещь без подделки. Ну и сколько вы хотели бы получить за сей раритет?

— Двести рублей!

Валентин Валентиныч присвистнул.

— А чего? — жалобно сказал Ига. — Вон ведь какой тяжелый...

— Голубчик! Вы же не металлолом на вес сдаете! Там, кстати, вам дали бы два рубля. А я предлагаю сорок.

— Не... Нам надо двести.

— Сударь мой. К лицу ли сыну уважаемого инженера Егорова устраивать столь недостойный торг? Я даю настоящую цену, уверяю вас! — Валентин Валентиныч знал многих ребят: кто, чей и как зовут.

— Мы же не для себя, — вдруг храбро пискнула Степка.

— Вот как? А для кого, позвольте полюбопытствовать?.. Кстати, кто вы, сударыня? Я вас раньше никогда не встречал.

— Это Степка. То есть Степанида, — сумрачно разъяснил Ига. — Мы с ней тащили эту тяжесть через весь город, чтобы раздобыть деньги на лекарство...

— Ах вот какая ситуация! А кто заболел?

— Генки Репьева Ёжик заболел. Весь в жару. Ему антибредин нужен и больше ничего. А это как раз двести... — Ига стал смотреть в угол намоченными глазами.

— Минутку, минутку! Значит, вопрос упирается в этот медицинский препарат? У меня есть почти целая облатка! Я использовал всего две таблетки, когда месяц назад неосторожно посидел на сквозняке и схватил ангину...

Вот удача-то! Ига просиял.

— Спасибо! А мы потом достанем деньги и принесем!

— Как вам не стыдно, молодой человек! Я торгую антиквариатом, а не лекарствами! Медицинскую помощь я всегда готов оказать без-воз-мезд-но... Особенно славному Ёжику, с которым давно знаком, так же, как и с его другом, юным поэтическим дарованием. Между прочим, Геночка зимой сочинил про мой магазин весьма недурные стихи. Вот... — Валентин Валентиныч встал в позу тещи на сцене.

В редкостях приятно рыться
В магазине на Кожевенной,
Где стоит в окошке рыцарь
Рядом с храбрым отражением...

Я даже одно время использовал эти строчки в рекламном объявлении, которое рыцарь Витя держал в своей железной перчатке... Это я его так зову — Витя. А отражение — Митя... А Геночке я весьма обязан и почитаю своим долгом... Да! Но где же антибредин? — Валентин Валентиныч сменил позу и стал обычным растерянным старичком, который что-то суетливо ищет на столе.

Длинный, на массивных точеных ногах стол был одновременно и прилавком. С краю стоял кассовый аппарат (как и всё здесь — старинный), а по всей дубовой поверхности были раскиданы бумаги, толстые книги в кожаных корках, шкатулки, театральные бинокли и еще много чего. В общем, порядок такой же, как на столе у Иги. Валентин Валентиныч торопливо перебирал все это хозяйство. В магазине было темновато — зеркало в окне загораживало уличный свет — и над прилавком светили две лампочки. Они яркими зайчиками отражались в лысине хозяина магазина. Тот поднял черный ящичек с круглым стеклом и рычажками. Под ним наконец обнаружилось лекарство.

— Ага! Вот! Прошу...

Ига, благодарно сопя, сунул пакетик с таблетками в карман.

— Валентин Валентиныч, а утюг вы все-таки возьмите, ладно? Чтобы нам не тащить обратно. В нем, наверно, полпуда...

— Гм... А если я попрошу вас отнести его совсем недалеко?

— Куда? — сказал Ига и охнул про себя.

— Совсем-совсем рядышком! В городской музей, к Якову Лазаревичу Штольцу. У меня-то, по правде говоря, этого добра достаточно... — Владелец «Двух рыцарей» зажатый в руке черным ящичком показал на полки.

— А в музее разве такого нет? — несмело удивилась Степка.

— Есть! И предостаточно! — словно обрадовался Валентин Валентиныч. — Но если вы принесете данный экспонат и скажете, что в дар от меня, это будет как бы... ну, скажем, этаким жест. Да! Милейший Яков Лазаревич упрекает меня, что я давно уже ничего не жертвовал музею, хотя должен делать это, как давний житель и патриот Малых Репейников. Во-первых, он не совсем прав, а во-вторых... не могу же я передать музею половину товарного фонда! Я все-таки коммерсант!.. Ну и вот... А утюг — это своего рода политический ход и в то же время... как это? Под... под...

— Подначка! — догадался Ига.

— Именно! Именно! С одной стороны — это никакая не историческая ценность, а с другой — весьма увесистый дар!

«Да уж, увесистый», — мысленно согласился Ига, глядя на лежащий у ног утюг бр. Алексеевых. Но не отказываться же! Особенно когда антибредин в кармане...

2

Всем было известно, что два старых холостяка — Клин и Штольц — вечные друзья-спорщики. Дружили они со школьных лет, а спорили из-за предметов старины. Старину любили оба. Но Яков Лазаревич заведовал Краеведческим музеем и на всякие антикварные вещи смотрел как на экспонаты. Валентин же Валентиныч был, как известно, торговец — хотя и не очень оборотистый, но со своим интересом. Порой он отдавал в экспозицию кое-что из магазинного фонда и даже (ходил такой слух) завещал передать музею после своей кончины все имущество. Но пока он, несмотря на преклонный возраст, покидать наш грешный мир не собирался. И директор Штольц этого (упаси Господи!) и не хотел. Но он, директор, хотел, чтобы родной музей делался все интереснее (и даже переплюнул

бы ново-груздевский!). И потому он время от времени заводил в магазине такие вот разговоры:

— Валечка, ну зачем тебе этот портрет неизвестного художника, где такой несимпатичный бородатый тип?

— Не тип, а почетный гражданин Малых Репейников, купец первой гильдии Климентий Фомич Тягушинский, который, кстати, двести лет назад построил этот самый дом.

— Ну и построил. Ну и что? Сейчас-то он здесь зачем? А в музее он был бы на самом подходящем месте. Там галерея почетных граждан, и он стал бы ее украшением!

— А ты знаешь, во сколько обошлось мне это «украшение»?

— Ну и во сколько?.. Ну и что?.. По-моему, ты пока не похудел от голода...

— Ты намекаешь на мою комплекцию? Это свинство! Если я не такой костлявый Дон Кихот, как некоторые, это не значит, что...

— Валечка, извини, я не намекаю! Я только хотел сказать, что, в конце концов, если портрет очень тебе понадобится, я ведь могу и вернуть. Я...

— Ага, от тебя дождешься!

Директор Штольц — худой, с козлиной бородкой и сияющими очками — выпрямлялся:

— Сударь, я, по-моему, ни разу не имел случая дать вам повод для упреков в нечестности. Вы... господин Клин... злопыхатель!

— А вы, господин Штольц, скан-да-лист!

— А вы... вы... я не побоюсь это слова — сквалыга! Да!

— Это после того, как я снабдил экспонатами целый зал девятнадцатого века!

— Ха. Ха. Ха! Зал! Закуток! Я сегодня же верну эти экспонаты в вашу лавку старьевщика!

— В вашем чахлом музее нет грузовой машины!

— Я притащу их на себе! Принципиально! Пусть весь город видит, какой барышник содержит свою торговую точку на одной из центральных улиц! А эта заплесневелая парсуна — которая мне вовсе не нужна, тьфу! — пусть висит здесь и спрашивает тебя укоризненными глазами: «Что вы имеете в душе, господин Клин? Совесть или кассу?»

— Если у меня в душе касса, то у вас, господин директор... Да забирай ты, забирай этот окаянный портрет!.. Скоро я поставлю специальную электронную систему, чтобы не подпускала тебя к магазину на мушкетный выстрел.

— А каким способом определишь дистанцию? У тебя среди товаров есть мушкеты?

— Не надейся, не покажу... И как я терплю тебя шестьдесят с лишним лет?!

— Между прочим, я тебя терплю ровно столько же... Поможешь упаковать?

— Успеешь...

Валентин Валентиныч запирает дверь и вешал на перчатку рыцаря Вити табличку: «Извините, закрыто на санитарный час». Потом вел слегка смущенного школьного друга в заднюю комнатку. Доставал из шкафчика плоскую бутылочку с этикеткой «Репьевская классическая» и две рюмки из розоватого стекла.

— Между прочим, — не мог удержаться он, — знаешь, что за рюмки? Из посудного набора местного предводителя дворянства Ивана Аполлинарьевича Штандарт-Полуспинова!

— И ты используешь их для какой-то современной бормотухи!

— Сам ты бормотуха! Репьевскую только из таких и пить...

— Все равно! Им самое место не здесь, а в витрине «Предметы дворянского быта времени нашествия Бонапарта».

— Если не перестанешь, не дам ни глотка.

— Изверг...

Ну и так далее.

А сейчас Валентин Валентиныч решил, судя по всему, по-приятельски похихикать над директором музея. Он поскреб лысину уголком черного ящичка и посоветовал:

— Вы не слушайте, какие слова он будет просить передать мне, а сразу попрощайтесь и быстро-быстро шагайте домой.

— Ладно... А что это у вас в руке? — не сдержал любопытства Ига. — Старинный фотоаппарат?

— Не фото! Это кинокамера! — тут же оживился владелец «Рыцарей». — Уникальная вещь. Марка «Мefисто», французское производство, двадцатый год прошлого века! Вот, извольте взглянуть!

3

На передней стенке камеры, повыше маленького объектива, была оттиснута на металле фигурка художого черта и надпись «Mefisto», а пониже — «Paris 1920». И еще какие-то мелкие, уже неразборчивые буквы. Степке, видать, было так же ин-

тересно, как Иге. Она с любопытством дышала у его уха. Потом вскинула глаза.

— Разве тогда делали такие маленькие?

— Представьте себе! Уже в ту пору было немало кинолюбителей. Особенно за границей. Правда, техника была еще не очень... Эта камера снимала на широкую пленку, как для больших фильмов. Узкоплёночных аппаратов в те годы, видимо, не было. Кассеты сюда помещались маленькие, вот... — Валентин Валентиныч откинул крышку, показал два жестяных цилиндрика. — Одной кассеты хватало всего на пятнадцать секунд, приходилось то и дело перезаряжать. Ну и тем не менее! Снимали, оставляли, как говорится, память для времен грядущих...

— А вам эту камеру продали уже без пленки? — спросил Ига.

— А мне, голубчики, ее не продали. Это не товар, а можно сказать, память детства.

Ига замигал. Валентин Валентиныч Клин был стар, но не настолько же!

Тот засмеялся:

— Нет, когда ее сделали, меня еще не было. А вот в сороковом году... Да и тогда эта самая «Мefисто» принадлежала не мне, а ребятам, которые были постарше. Помню, что они многие свои дела снимали на кинопленку. Очень дружная тройка была, так их и звали — «три мушкетера». Боря Соловейко, Вилька Аугенблик и Юрик Рубашкин. Все из одного класса. Они вечно что-то затевали, что-то мастерили — то модель самолета, то воздушных змеев, то паровую машину из самовара и противогазных трубок. Шуму было, когда она лопнула!.. А потом затеяли строить корабль из автомобильных камер. С парусом. Хотели отправиться в путешествие по Плавням. По протокам Гусыни...

Степка опять вскинула глаза:

— А вы тоже были с ними? — и почему-то быстро глянула на Игу.

— Увы, я с ними не был. Им было по двенадцать, а мне семь. Я всей душой желал подружиться с «мушкетерами», но они, конечно, смотрели на меня сверху вниз. Не прогоняли, если крутился рядом, даже давали иногда подержать нитку змея или разрешали пнуть по футбольному мячу, но к серьезным делам не допускали... Видели во мне малявку. Да я и в самом деле был таким... Могу даже показать. Хотите?

Ига понимал: надо бы скорей бежать к Генке и Ёжику. Но...

ведь одна минута! Только взглянуть! Неужели Валентин Валентиныч был когда-то семилетним Валькой? И сейчас его — такого! — можно будет разглядеть? В этом вдруг почудилась тайная связь времен. А может быть — разных пространств. Та самая, что иногда ощущалась в Конструкции (если за окном проезжала машина или хлопала дверь, маятник вздрагивал и начинал тикать громче). Сейчас вдруг сердце затюкало громче. Степка часто дышала рядом — тоже ждала...

Валентин Валентиныч с полки, где стояли граммофон и покрытая мозаикой шкатулка, достал выпиленную лобзиком рамку. В ней — фото размером с открытку. На фото испуганно раскрыл глаза и сжал губы пацаненок лет семи-восьми. С тонкой шеей, узенькими голыми плечами, с редкой белобрысой челкой, у которой торчала вверх одна прядка. Снимок был пожелтелый, но четкий. Виднелись даже чешуйки шелушащейся кожи на кромках ушей. Уши круглыми крылышками торчали по сторонам узкого, с треугольным подбородком лица.

«Господи, неужели это он? И... неужели я когда-нибудь буду такой, как он сейчас?... А уши у него теперь какие?»

Ига не выдержал, глянул украдкой. Уши были обыкновенные, взрослые. Слегка сморщенные от старости.

Валентин Валентиныч заметил Игин взгляд.

— Да, голубчик, и я был когда-то лопухастым... И те трое тоже. Жаль только, никаких фотографий с ними у меня нет.

— А в путешествие по Плавням они ходили? — сказал Ига, слегка краснея.

— Увы, не успели. Началась война, стало не до того...

— А они... теперь живые? — шепнула Степка у Игиной щеки.

— Боря Соловейко зимой сорок пятого, шестнадцати лет, сумел попасть на фронт и погиб где-то под Берлином. Юрий Рубашкин умер в семьдесят первом от белокурой, он облужился на каких-то испытаниях. А про Вилю Аугенблика не знаю. Осенью сорок первого всю их семью отправили куда-то в ссылку. Хотя, казалось бы, куда еще можно сослать дальше нашей провинции...

— А почему их отправили? — насупленно спросил Ига.

— Ну, они же были немцы. Хотя все родились в России и сроду не видели никакой Германии, а все равно... Тогда всех немцев отправляли куда подальше, мели общей метлой. Едва ли Вилька выжил в северной глуши, в голоде...

Валентин Валентиныч взял фотоснимок. Глядел на него и скреб пухлый (совсем не треугольный!) подбородок. Надо бы-

ло идти. Но просто сказать «до свиданья, мы пошли» Ига почему-то не решался. Вместо этого неловко сказал:

— А камера... она как к вам попала?

— Мне подарили ее родственники Юрика Рубашкина, когда перебирались из нашего города в Подмоскovie. Лет десять назад... Раньше-то Юрий с родителями жил в Москве, отец его работал в Комиссариате иностранных дел, часто ездил за границу, оттуда и привез эту штучку сыну в подарок. А в тридцать седьмом его отправили в концлагерь, сказали: раз бывал в буржуйских странах, значит, шпион. Такие вот были времена, вы, наверно, про это слыхали... Хорошо еще, что жену не посадили, выслали с сыном, с Юриком, в наш город... Так и камера здесь оказалась... Жаль, что ни одна отснятая кинолента не сохранилась. А то как здорово было бы взглянуть на них снова, на живых... Да и я там, возможно, мог бы промелькнуть... Ну, ладно, кажется, ко мне идут покупатели. Привет Якову Лазаревичу. И — бегом к Ёжику...

ТРОЕ С «РЕПЕЙНОГО БЕРКУТА»

1

И опять Ига и Степка — с утюгом на палке — зашагали по Малым Репейникам. Музей находился не столь уж близко от «Двух рыцарей». Они миновали вновь отстроенную Никольскую церковь, старинные торговые ряды, где теперь блестели стеклами современные киоски, протопали мимо трехэтажной Городской управы с курантами и свернули на Историческую улицу.

Здесь, в двух шагах от музея, Ига и Степка встретили трех друзей. Только их звали не «мушкетеры», а Пузырь, Соломинка и Лапоть...

Надо сказать об этих людях несколько слов.

Понятно, что свои прозвища они получили от героев известной сказки. Но в сказке эти персонажи дружить не умели и кончили плохо: соломинка сломалась, лапоть утонул, а пузырь лопнул от хохота. А нынешним друзьям из пятого «Б» такая судьба не грозила — они были горой друг за друга.

Славка Пузырев и Коля Соломин дружили с первого класса. И тогда их никто еще не называл Пузырем и Соломинкой. Потому что Славка не был пухлым и надутым, а Коля длин-

ным и тонким. Оба они были обыкновенные. Оба одинаковой толщины, оба, как положено, лопухастые и даже похожие друг на друга — рыжеватые и со вздернутыми носами (только Славка с прической-ежиком, а Коля — длинноволосый). Стасик присоединился к ним позже. Кстати, он был не Лаптев и даже не Башмаков или, скажем, Обувкин, а Полуэктов, сын известных в городе художников-реставраторов (они восстанавливали фрески в главном соборе Вознесенского монастыря).

Прозвище он заработал позапрошлой весной. Тогда в третьем «Б» заболела учительница Ольга Ивановна, и на ее место прислали другую — Лилию Кузьминичну. Пригласили с пении (а что было делать?). Громкоголосая, крупных размеров Лилия не была похожа на добродушную пенсионерку. Она тут же принялась наводить порядок. («Хотя бы к концу учебного года сделаю из вас людей!») Начала она «очеловечивание» почему-то с того, что запретила кроссовки с застежками-липучками.

Был уже теплый (как в нынешнем году) май, почти все мальчишки ходили на уроки в кроссовках. Новенькие кроссовки не всегда плотно держались на ногах, приходилось иногда на ходу их застегивать потуже. Липучки — тр-р-р, тр-р-р... Это нравилось. Случалось, что и на уроках: спустит заскучавший от математики третьеклассник руку под парту, дотянется до хлястика и давай потрескивать.

Лилию Кузьминичну этот треск выводил из себя (наверно, у нее был такой сорт аллергии, а кнамьего шарика не было; к тому же взрослым шарик не всегда помогают). Наконец она заявила:

— С завтрашнего дня — никаких кроссовок. Кто явится в них еще раз, пойдет домой с двойкой по поведению в дневнике!

Класс, где мальчишек было две трети, забузил:

— А в чем ходить-то?!

— А если больше ничего нет?!

— В чем угодно! Только не в этом трескучем безобразии! — И Лилия Кузьминична с размаха припечатала к столу крепкую ладонь. Народ боязливо притих, но кто-то все же пискнул в тишине:

— Хоть в лаптях?

— Хоть в лаптях!

Назавтра пришли кто в сандалиях, кто в полуботинках, кто в кедах. А Стасик Полуэктов...

Народ восторженно ахнул. Стройный большеглазый Стасик — этакий образцовый третьеклассник в отглаженном летнем костюмчике с белым воротничком и черным бантиком — оказывается, воспринял слова строгой учительницы буквально. Его тонкие ноги были до колен обмотаны белоснежными вафельными полотенцами, а полотенца крест-накрест перехвачены мочальным лыком. На ступнях красовались новенькие желтые лапти. Небольшие, хотя для Стасика и великоватые (слегка хлюпали).

Стасик невозмутимо пошел в класс. Одноклассники двинулись следом, замирая от догадок: чем это кончится?

Кончилось тем, чем полагается. Лилия Кузьминична увидела третьеклассника Полуэктова еще в коридоре, и внутри у нее забурило. Она устремилась к лаптям палец:

— Это! Как! Понимать?!

— Но вы же сами вчера сказали...

Она ухватила Стасика за плечо и повлекла к директорскому кабинету. Шлепая лаптями о паркет и придыхая, Стасик заявил:

— Будьте добры, отпустите, пожалуйста, мое плечо. Школьников нельзя хватать и толкать, это запрещено Конституцией...

— Я... тебе... покажу... Конституцию! — Она рванула дверь и впихнула несчастного Стасика в кабинет. — Вера Евгеньевна! Вот! Видите?!

Директор Вера Евгеньевна аккуратно воздвигла на лоб очки. Она работала в Малореппёвской школе номер два сорок лет и привыкла ничему не удивляться. Седая, похожая на пожилую актрису, она вздохнула:

— Здравствуйте, Лилия Кузьминична.

— Здравствуйте!.. И взгляните... на это!

— Это, по-моему, Стасик Полуэктов из третьего «Б». Здравствуйте, Стасик...

— Здравствуйте, Вера Евгеньевна...

— Но разве вы не видите, что у этого *Стасика* на ногах?!

— По-моему, лапти... Стасик, что это ты вдруг так обулся?

— Извините, но в кроссовках нельзя, а больше ничего нет.

Лилия Кузьминична сама вчера сказала, что можно в лаптях! — Но нельзя же так идиотски воспринимать гиперболу! — взвинулась его наставница.

— Гм... третьеклассники, по-моему, еще не проходили гиперболы... А собственно, в чем проблема?

— Отправьте его немедленно домой!

— Но, Лилия Кузьминична, скоро урок. И к тому же... я не имею права. В школьном уставе не сказано, что нельзя ходить в лаптях. Да и что такого? Пусть ходит, если нравится. Дело вкуса...

— Но если все начнут...

— Все не начнут, — успокоила Вера Евгеньевна. — Лилия Кузьминична, задержитесь еще на минутку, а ты, Полуэктов, иди на урок...

Всю последнюю неделю мая Стасик Полуэктов ходил по школе в лаптях. Все привыкли к этому довольно быстро. Наградили Стасика прозвищем «Лапоть» и больше не обращали внимания. Только Славка Пузырев и Коля Соломин продолжали поглядывать на Стасика с уважительным интересом. Иногда задавали вопросы:

— Где ты их взял-то?

— У папы в коллекции. У него там много всякого: прялки, решета, туески из бересты, скалки... Вот и лапти нашлись, новенькие, — охотно объяснял Стасик.

— И папа разрешил?

— Сказал: носи, раз такая ситуация. Оботрутся — станут похожи на старинные...

— А мама?

— Мама сказала: Ломоносов в Москву тоже в лаптях пришел, и ничего, человеком стал...

— Мама с папой у тебя что надо, — пришел к выводу Коля. А Славка добавил:

— Ты сам — тоже. Хочешь с нами строить автомобиль на воздушной подушке?

Стасик хотел...

Когда учебный год закончился, Лилия Кузьминична вздумала снизить ученику Полуэктову оценку по поведению за четверть. Но педсовет это решение не утвердил. А Стасик, в заключение всей истории, в своих лаптях занял первое место в беге на шестьдесят метров — на спартакиаде младших классов, посвященной началу каникул. Когда Стасика поздравляли и расспрашивал корреспондент школьной газеты, тот честно сказал, что накануне увидел на озерном берегу след атлета Жоры и натер песком из следа лапти. Вмешалась судейская коллегия, хотели отменить результат. Мол, такое колдовство — все равно что допинг. Но и участники, и болельщики возмутились. Во-первых, как оказалось, Жорин след использовал не один Стасик Полуэктов. А во-вторых, где это сказано, что натирание ступней песком (пусть даже не простым) запрещено!

Летом лапти Стасика выпросил руководитель театральной студии «Семеро козлят». Не совсем, а для спектакля «Сказка о Балде» в детском лагере «Тополята». Спектакль занял первое место в губернском конкурсе. А потом Стасик — с папиного согласия — отдал обветшавшие лапти в школьный музей. Там они висят на стенде и сейчас — рядом с указкой учителя Павла Акимовича, который никогда не ставил двоек, и обломком летающей тарелки, который отыскал в Ярушинском овраге первоклассник Ванечка Лабужинский. А под лаптями — табличка, на которой написано про лапти все: их история и заслуги...

Весь июнь Славка Пузырев, Коля Соломин и Стасик Полуэктов строили «воздухомобиль». К сожалению, испытания не удалось: не хватило мощности. В двигателе было всего три велосипедных насоса и волейбольная камера, на которую — предварительно надув ее — все садились с размаха. Получался «толкательный выброс», но слишком слабый. Неудача не обескуражила. К машине приделали педали, превратив ее в «веломобиль». На этом сооружении катались по Колиному двору и ближним переулкам, пока не потерпели аварию в канаве (никто не пострадал). Потом занялись раскопками в овраге и нашли несколько медных монет времен Павла Первого. А в августе на стареньком Колином компьютере с принтером взялись выпускать газету с фантастическими рассказами про НЛО и храброго квама по имени Речная Ставрида. В этой же газете были напечатаны первые стихи Генки Репьёва, который жил по соседству с Колей (и был тогда еще дошкольником):

Пузырь, Соломинка и Лапоть,
Они друг с другом заодно.
А кто протянет вражьи лапы,
Тех сразу выкинут в окно!

Вражьи лап к друзьям никто не протягивал, но стихи понравились своей мужественной энергией. И после этого газету «Три с плюсом» переименовали. Так и назвали: «Пузырь, Соломинка и Лапоть». Прозвище Соломинка сперва не очень радовало Колю Соломина, казалось девчоночьим, но скоро он привык.

В школе к коллективному прозвищу трех друзей тоже привыкли. Хотя вместо «Соломинка» иногда говорили «Солома» — так короче...

Сейчас неразлучная тройка двигалась навстречу. Пузырь и Солома тащили растопыренную клеенчатую сумку (как недавно Анна Львовна с Игой). В сумке звякал металл. Наверно, друзья опять что-то строили — судя по их «мастеровому» виду. Пузырь любил солидность, был он в просторной рубаше с карманами и мешковатых джинсах до пят с проделанными на коленях дырами для вентиляции. Солома солидность тоже ценил, но иную — научную. Поэтому часто надевал профессорские очки с простыми стеклами. И теперь на нем были эти очки, а еще — лиловые трусики и похожая на полосатое платье тельняшка с прорехой на пузе. А как там выглядит Лапоть, было не понять — он двигался позади и тащил надетую через плечо надутую автомобильную камеру. Не такую большую, как недавняя шина, но все же «о-го-го» (как сказал бы Казимир Гансович). Стасика она скрывала почти целиком. Этакий великанский черный бублик на поцарапанных ногах в сандаликах и аккуратных желтых носочках с мультяшными лягушатами.

Ига остановился (и Степка). Три друга тоже остановились. Те и другие были рады передохнуть.

— Репивет, — с удовольствием сказал Ига. Хороших людей встретить всегда приятно (хотя виделись не так уж давно, в классе).

— Репивет, Ига, — сказали Пузырь и Соломинка. Лапоть высунул из-за надутого калача голову в растрепанных локонах:

— Здравствуй, Ига!

Все трое со сдержанным любопытством смотрели на Степку. Ига и она опустили в траву палку с утюгом. Степка встала к Иге поближе.

— Это Степка, — сказал он, ощутив ее локоть. — То есть Степанида. Она приехала сюда недавно. Мы сегодня познакомились, и вот... сразу куча общих дел.

— Репивет, Степка, — кивнул Пузырь, незаметно поддернув штаны с дырами.

— Репивет, Степка. — Соломинка интеллигентно поправил очки.

— Здравствуй, Степа, — сказал из-за пухлой резины самый вежливый, Лапоть. — Какое у тебя впечатление от Малых Репейников?

Степка тихо, но без робости ответила, что впечатление хорошее, только она еще не совсем привыкла.

— Ее оса ужалила, — объяснил Ига. — Пришлось к бабке Насте идти...

— Как это оса ужалила? — очень удивился Лапоть. — Разве у тебя, Степа, нет кнамьего шарика? Ты походи по траве, обязательно найдешь. Он от всяких укусов защищает.

— Мне обещали подарить...

— Дареные не помогают, — объяснил Лапоть. — Надо, чтобы человек сам нашел...

Степка быстро глянула на Игу, но он отвел глаза.

Степка помолчала и чуть улыбнулась:

— Наверно, оса сразу разглядела, что я не здешняя. Уши не лопухастые.

Трое деликатно, без лишней пристальности, глянули на Степкины уши.

— Дело поправимое, — успокоил Пузырь.

— К середине лета станут как надо, — утешил Степку и Соломинка. Лапоть же посоветовал:

— А если хочешь скорее, подгибай их, когда ложишься спать, и прижимай к подушке. То одно, то другое. В прошлом году у нас в классе появился новичок, и он поступал именно так. Уши стали нормальными буквально через неделю.

Два его друга и с ними Ига покивали: чистая, мол, правда.

— Я попробую, — по-прежнему тихонько пообещала Степка. — А сережки снимать надо?

— Если не мешают, не снимай, — сказал Пузырь. И подбородком показал на утюг. — Это у вас что? В смысле зачем?

Ига не стал вдаваться в подробности.

— Валентиныч попросил отнести в музей, в подарок директору.

— Музей закрыт, — равнодушно сообщил Пузырь и снова поправил штаны. — Мы только что туда заходили... по одному делу.

— Написано «Смена экспозиции», — уточнил Соломинка.

— А директор уехал на три дня в Ново-Груздев, — добавил подробностей Лапоть. — Нам сказала это его заместительница Моника Евдокимовна.

— Еще не легче... — сказал Ига.

Пузырь сел на корточки (колени с любопытством высунулись из дыр). Потрогал утюг, прочитал надпись.

— В музее таких — целый склад. Зачем в нем еще один? Отдайте лучше нам.

— А вам зачем? — удивился Ига.

— Вместо якоря. Мы у соседей старую плоскодонку выпросили, теперь корабль оборудуем...

— Да якорю-то острые лапы нужны!

— Такая штука и без лап удержит, своей тяжестью, — разъяснил Соломинка и тоже присел над утюгом. Тоже потрогал, с уважением.

Лапоть наконец сбросил упругую камеру и сел на нее верхом (и оказался голым по поясу, опоясанным, как юбочкой, снятой зеленой майкой; на груди его была нарисована зубной пастой крючконосая птица с растопыренными крыльями). Он сказал:

— Лапы можно приделать, деревянные, как на древних якорях... Давай, Ига, поменяемся. Вы нам утюг, а мы... что-нибудь интересное. А?

Ига поскреб кудлатое темя.

— Нет, ребята, нехорошо. Мы же обещали...

— Оно конечно... — как-то по-старинному вздохнул Пузырь. А Степка вдруг дернула Игу за футболку.

— Ига, давай отдадим. У нас в кладовке еще один такой есть. Никто не отличит.

— А тебе не попадет?

— Он же никому не нужен...

— Ладно, магелланы, забирайте, — решил Ига. С облегчением. Потому что переть чугунный груз опять в Земляничный проезд не очень-то хотелось.

— Мы вас прокатим на корабле! — пообещал Соломинка. Наверно, он был капитаном (недаром в тельняшке). — Он будет называться «Репейный беркут».

— Хорошее название, — одобрил Ига. — А вы вот еще что сделайте... Генка Репьев ведь рядом с вами живет? Мы доставим лекарство для Ёжика, отнесите его, ладно? Вам по пути, а мы уже умотались...

— О чем разговор! — Пузырь бережно уложил антибретин в нагрудный карман. Потом они с Соломинкой опять ухватили сумку, а Лапоть влез в резиновый калач. Кроме того, Пузырь и Лапоть взяли за концы палки с утюгом, а Соломинка помахал свободной рукой.

Когда они ушли, Степка нерешительно глянула на Игу:

— А они точно отнесут лекарство, не забудут?

— Да ты что!

Наконец они добрались до Мельничной улицы. Это было совсем рядом с Земляничным проездом.

— Вот он, мой дом, — сказал Ига. — Я пошел... А ты... заходи, если что. — О том, что надо будет нести в музей другой утюг, он уже забыл. — У нас квартира четыре, второй этаж...

— Ага...

Стало почему-то неловко. Но Степка вдруг повернулась и побежала не оглядываясь, быстрая, похожая на мальчишку. Только бинт мелькал да дергались под желтой футболкой лопатки.

КОНСТРУКЦИЯ С МАЯТНИКОМ

1

Двухэтажный дом на Мельничной улице, в котором жил Ига, построили полсотни лет назад. Он был деревянный, оштукатуренный и в меру облезлый — как и те, что по соседству. Зато чем хороши старые дома, так это большими комнатами, высокими потолками и просторными кухнями.

В квартире Иги кухня была такая, что мама сумела там выгородить угол для своей мастерской — с электропечкой и большим, крытым фанерой столом. В этом углу мама лепила из глины кукол. Красавиц в пышных юбках и кокошниках, разудалых парней с гармошками, мальчишек с рогатками, девчонок с кошками на руках. А еще — кнамов, квамов, книмов и прочих обитателей репейных мест. Она обжигала их в печке, покрывала специальными белилами, а затем раскрашивала. Готовые игрушки мама сдавала в лавки, что на рынке в Малых Репейниках, и в художественный салон Ново-Груздева. Туристы и прочие любители сувениров покупали такой товар охотно.

Мама была довольна своей работой. Во-первых, ей нравилось лепить и разрисовывать (недаром окончила факультет народных промыслов), а во-вторых, это дело не заставляло ее надолго уходить из дома. Дому (то есть квартире), где обитают двое безалаберных мальчишек, требуется, говорила мама, глаз да глаз. Кто был одним из безалаберных мальчишек, понятно сразу. А вторым — папа. Это несмотря на его профессорские

очки, бородку и солидную должность главного инженера водозаборной станции.

Когда Ига наконец явился домой, мама разрисовывала толстенького чернобородого книма ростом с огурец. На малиновом комбинезоне рисовала желтые пуговицы. Мама поставила книма на ладонь и показала Иге:

— Ну как?

Ига показал большой палец.

— Как настоящий!

— Кто их видел, настоящих-то, — вздохнула мама. — Сейчас даже травяные кнамы и то редкость...

— Ох уж редкость! Я сегодня одного чуть-чуть не раздал! — вспомнил Ига. И сразу опять огорчился. — Я не виноват. Прыгнул через ручей, а он откуда-то прямо под руку. Я еле увернулся...

— Где это ты и зачем прыгал через ручей? — слегка обеспокоилась мама.

— Помог Анне Львовне дотащить сумку до автобуса, а оттуда домой через овраг...

Мама поставила книма на фанеру.

— Кстати, об Анне Львовне. Как это она пускает тебя на уроки, такого обормота?

— Почему это я обормот? — оскорбился Ига.

Мама была, конечно, права. Но не совсем. Потому что Ига если и выглядел обормотом, то не больше других. Он так и сказал. Мама же сказала, что про других не знает, а вот ее горячо любимый и единственный сын...

— Не школьник, а найденыш из лондонских трущоб. Посмотри, чучело, на себя в зеркало.

Ига не стал смотреть (чего он там на видал?).

— А что делать, если мы такие? Это в Ново-Груздевском лицее все ходят в галстучках, а мы лопухастые... А ты тоже была лопухастая двадцать лет назад! Сама говорила! Ага? И папа...

Мама сказала, что она все же не ходила с репьями в волосах, а папа — в измочаленных штанах с бахромой.

Ига, шипя и морщась, вытащил из похожих на перепутанные стружки волос два репья. А про бахрому объяснил, что нынче такая мода.

— А грязь на майке тоже мода, хиппи ты мой ненаглядный?

Ига скосил глаза. Ух ты, в самом деле...

— Но это уже после школы!

— Когда героически спасал несчастного кнама?

— Нет. Наверно, когда мы со Степкой поднимали шину. Мы нашли ее посреди проезда...

— Кстати, о шине! Значит, это ты чуть не отправил на тот свет бедную Маргариту Геннадьевну? Я встретила ее полчаса назад в овощном магазине, она и говорит: «Ах, голубушка, мне очень неприятно сообщать вам это, но ваш сын недавно пустил на меня тяжеленное колесо от какой-то громадной машины. Я еле увернулась, при моей комплекции это непросто. Я узнала вашего Игоря, хотя он с сообщником спешно удалился с места происшествия». Отвечай честно: было?

Ига честно взвыл:

— Я нарочно, что ли? Мы поставили шину ребром, а тут оса ее как клюнет! Она как взвоят!

— Шина?!

— Да не шина! Степка!

— А почему «она»? Если Степка...

— Потому что девочка! Степанида... Шина поехала вниз, а эта башня вдруг выплывает ей навстречу!

— И-горь...

— Ну, не башня... дама. То есть Маргарита Геннадьевна... Ей бы шагнуть назад, а она встала и верещит... А сбежали мы со Степкой, когда увидели, что никто не пострадал.

— И слава Богу, что никто... Ты должен пойти к ней и как следует извиниться.

— Ну, мама! Ну... как-нибудь потом, ладно?

— Она, бедная, призналась, что после этого случая будет икать от ужаса до конца своих дней...

— Ох уж... Да если бы шина и попала в нее! Все равно что бубликом по водокачке.

— Игорь, как тебе не стыдно!.. Кстати, о водокачке. Папа приходил обедать и рассказал, что у них на станции ЧП.

— Небось опять трубу разорвало?

— Не о том речь! В систему очистки попали два ручейковых квама! Этакие мореходы-путешественники! Надумали в лодке из сушеной тыквы отправиться по озеру на Малый Лопуховый остров, к друзьям! Не рассчитали силы, течением их затянуло в приемный шлюз, они застряли у первого фильтра. Пришлось выключать насосы, доставать...

— Вот растяпы! А дальше что?

— А дальше ничего интересного. Отругали, отвезли вместе с лодкой к ручью, велели больше не соваться на открытую воду...

— Кстати, о воде, — быстро сказал Степка, чтобы мама не вспомнила об извинениях. — Квамы запрудили Говорлинку. А на берегу я встретил Генку Репьева. Он хотел бродить в речке, да я отговорил...

— Ты его как-нибудь приведи к нам. Вместе с Ёжиком. Я их вылеплю. Будет сувенир: «Юный поэт из Малых Репейников и его говорящий Ёжик».

— Ладно! Только позже, когда Ёжик выздоровеет. У него то ли пневмония, то ли ОРЗ. Мы со Степкой бегали, искали лекарство...

— Кстати, что это за Степка? Я такой личности в кругу твоих приятелей не помню.

— Она недавно приехала, к деду с бабкой. Случайно познакомились, когда... — он чуть не брякнул «когда она уронила на меня утюг», но представил мамины большие глаза, — ...когда я шел по Земляничному проезду.

— Вот так шел и познакомился? Весьма отратно.

— А... прочему отратно?

— Значит, растешь, раз появился интерес к девочкам...

— Ой, да какой там интерес! — опять взвыл Ига. — Она малюшка, ей девяти лет нет! У нее еще не все зубы выросли!

— Это неважно. Знакомство с девочкой всегда облагораживает мальчика.

— Ага, она облагородит. Вот ты увидишь, когда придет. Она еще больше чучело и «найденыш», чем я... Мама, а что у нас есть в холодильнике?

— Борщ и котлеты. Сейчас разогрею... Или сам?

— Я не хочу есть!

— Ты никогда не хочешь есть. А кто обещал соблюдать режим?

— Кто бы это? — Ига поднял глаза к потолку.

— Молодой человек, вы сейчас получите по загривку.

— Но режим же нужен в учебное время, а сейчас почти каникулы!

— «Почти» не считается.

— Считается, считается! Мам, а соку случайно нет?

Мама внимательно посмотрела на неисправимого «найденыша».

— Сок случайно есть. Апельсиновый. Возьми в холодильнике коробочку. Но не забудь, что тебе надо извиниться перед Маргаритой Геннадьевной.

— Ну, ма-а... Потом, ладно? Когда она перестанет икать... А сок с трубочкой?

— С трубочкой, несчастье ты мое, с трубочкой...

2

Тонкие пластмассовые трубочки для «сокососания» Ига собирал где только мог. Это был строительный материал. Ига уже целый год сооружал из трубочек ни на что не похожую конструкцию. Он так и называл это свое создание — «Конструкция».

Ига просовывал в трубки тонкие проволоочки, скручивал их, выгибал кольцами и спиралями. Бывало, что он соединял трубочки каплями сосновой смолы, которую находил на пахнущих лесом поленицах (в Малых Репейниках было еще немало домов с печками). Иногда спаивал проволоочки оловом, а пластмассу склеивал ацетоном. Получалось что-то невообразимое. Вначале Ига изготовил нечто напоминающее модель решетчатого подъемного крана с тонкой башней и длинной стрелой. Потом, почесав кудлатый затылок, задумчиво изогнул башню дугой, а стрелу свил спиралью. Укрепил их в таком виде на дощатой подставке. Это стало основанием Конструкции. После того Ига стал наращивать хитрые ответвления, всякие детали из ажурных пирамид, кубиков и конусов, соединял их плавными трубчатыми дугами и плетеными мостиками.

Зачем он это мастерил? Ига не знал. Нравилось, вот и все. По какому плану строил Конструкцию? Да без всякого плана! Как говорится, по наитию. Наверно, вот так сочиняют свои сонаты и симфонии композиторы — прислушиваются к своим внутренним мелодиям и, нащупав самую хорошую, начинают обрадованно молотить по клавишам. Что-то внутри подсказывало Иге: именно здесь надо изогнуть разлапистую ветку этого решетчатого дерева, именно сюда пристроить склеенную из трубок фигуру, похожую на морскую звезду...

На краю доски Ига укрепил воротца из толстой алюминиевой проволоки. И повесил под ними маятник от старых часоводиков, который нашел в мусоре за сараем. Для чего? Ига опять же не знал. Но, видимо, маятник был нужен Конструкции. Когда Ига удачно приращивал к ней новую деталь, маятник сам собой принимался качаться. Будто под часами. И (можете не верить, но это правда) в тишине слышалось отчетли-

вое «такки-так», хотя, казалось бы, «такать» было совершенно нечему.

Папа присматривался к работе Иги с интересом и молча. Но однажды не выдержал:

— А какова все-таки у этого сооружения функциональная нагрузка?

— Че-во? — сказал Ига.

— Проще говоря, какая от этой штуки польза?

— А! Она помогает мне думать...

И папа отошел с уважительным пониманием, чуть не на цыпочках.

Конструкция и правда странным образом помогала Игным размышлениям. Не всяким, а серьезным. О времени, о пространствах, о четвертом, пятом и всяких других измерениях. Такие мысли приходили чаще всего перед сном. Ига лежал на узкой тахте, смотрел на Конструкцию и пытался разгадать то одну, то другую тайну Вселенной. Или скорее даже не разгадать, а почувствовать кончиками нервов (иногда жутковато и сладко замирала душа). Например, какая природа у бесконечности?..

Некоторые люди не могут понять, что это такое — бесконечность. А Ига понимал. Наоборот, он не мог представить, что у Вселенной могут быть какие-то границы. Как это: мчишься, мчишься в космосе миллиарды миллиардов световых лет, а потом хлоп — и граница? Какая? Стенка, что ли? Чувшь, да и только... Некоторые говорят: всемирное пространство замкнуто. Ну, вроде бы оно как необъятного диаметра внутренность шара. Летишь по нему, и кажется, что движешься по прямой, а на самом деле — по кольцу. И в конце концов можешь вернуться в то место, откуда стартовал. А через какое время вернешься-то? Через бесконечное?.. А что, если во время такого полета резко свернуть в сторону? Упрешься в оболочку «шара»? А можно ее пробить? А если пробьешь, за ней что? Другая вселенная? Ну, и выходит — опять нет конца.

Да, что у бесконечности конца нет, было понятно. Неясно другое — было ли у нее начало? И во времени, и в расстояниях. Ученые решили, что мир возник после того, как взорвалась материя, сжатая в крошечную точку. Допустим. А откуда взялась эта точка? А что было до нее? Или она была *всегда*? А где она находилась? Существовала только *внутри себя* или все же висела в каком-то пространстве? В каком?..

О природе пространства Ига тоже размышлял немало. Он

понимал, что не бывает пустоты. Нигде, даже там, где нет ни звезд, ни галактик, ни всяких энергетических волн и полей. Оно, пространство, очень такое... пронизываемое, да, и все же в нем есть какая-то структура. Вроде как в удивительно прозрачном кристалле. И если разгадаешь эту структуру, можно ее перестраивать, раздвигать и проникать в миры уже совсем других пространств...

Да, размышлять про такое порой было страшновато, но и заманчиво. Словно смотришь вниз с громадной высоты. И порой казалось, что вот-вот откроется какая-то загадка. И... даже приоткрывалась, но только на миг... А Конструкция в свете крошечного ночника отбрасывала на стену фантастическую тень и словно шевелилась. Что-то подсказывала.

Ночник на седьмой день рождения подарили Иге родители (в ту пору он еще побаивался спать без света). Папа сделал электрическую схему, а мама вылепила и раскрасила румяного большеротого клоуна, который держал зеленый зонтик над лампочкой. С той поры прошло больше четырех лет, Ига давно не пугался темноты (по крайней мере дома), но иногда все же не выключал ночник. Именно ради тени от Конструкции. Порой казалось, что это тень многих соединенных вместе мировых пространств. Да и сама Конструкция в зеленоватом полусвете казалась выросшей и более загадочной, чем днем.

Иногда оживал и начинал шелкать маятник...

Кроме Конструкции ночник освещал на покрытом прожженной клеенкой столе раскиданные учебники, мотки изоляции и проволоки, карандаши, кусачки, ножницы, паяльники и прочее Игино хозяйство. Прямо скажем, порядка там не наблюдалось. Но Ига знал, что порядок есть.

В квартире было две комнаты. Мама с папой обитали в угловой, а Ига в большой, которая называлась «гостиная». Здесь у Иги был свой угол со столом и постелью. Прямо скажем, этот угол не давал возможности сделать гостиную совсем такой, чтобы «не стыдно принять гостей» (мамина мечта). Но что поделаешь? Ига не был вредным и капризным (разве что изредка), но некоторые свои права отстаивал отчаянно. Раньше случалось, что и до слез. Например, он не позволял ничего трогать на своем столе. Мало того! Если он где-то оставил молоток, отвертку, плоскогубцы, которыми что-то мастерил, или книгу, которую читал (пускай даже в туалете), то убирать их тоже было нельзя, пока сам не положит на место. («Ну по-

жа-луй-ста, не трогайте, а то я их никогда не найду!») Папа даже сочинил по этому поводу стихи. Хотя он как поэт и уступал в таланте Генке Репьёву, но на этот раз получилось неплохо. И главное — в точку.

Мы живем под игом Иги —
Снисхожденья не проси.
Инструменты или книги
Трогать — Боже упаси!

Мама в конце концов махнула рукой. Она была человеком искусства и понимала, что творчество единственного сына важнее вылизанной гостиной. Маме казалось, что Ига создает полную вдохновения скульптуру в творческой манере, которая называется «конструктивизм». Может быть, в ребенке зреет будущий гениальный художник авангардного направления вроде Эрнста Неизвестного или Вадима Сидура!

Но сам Ига знал, что его Конструкция — не скульптура, хотя и требует вдохновения. Скорее уж она модель каких-то неведомых миров. Хотя каких именно, Ига еще не понимал.

...Сейчас Ига, присев у стола, прищуренно оглядывал Конструкцию, облизывал с губ выпитый сок и прикидывал, не следует ли новой трубкой подтянуть «морскую звезду» к внешнему изгибу пологой ажурной спирали. Кажется, общий вид сооружения стал бы от этого более законченным. Более уверенным, что ли... Ига поскреб в завитках волос на темени. Маятник одобрительно качнулся. Но тут же замер. Потому что в прихожей переливчато задергался колокольчик.

Ига услышал, как мама шагнула из кухни к двери, открыла. Кто-то что-то тихо проговорил. Мама ответила. Потом появилась в гостиной.

— Сокровище мое, это к тебе. Судя по всему, та самая Степка. Хотя она, вопреки твоим описаниям, вовсе не чучело...

3

Степка теперь и правда не выглядела чучелом. Умытая и причесанная. В зеленом платьице с рисунком из белых загогулин, с такой же зеленой ленточкой на лбу и волосах — вроде мальчишечьей «банданы». В новых сандалетках и белых гольфах. Один гольф соединился с бинтом на колене, и получилось, будто нога в белом чулке. «Степпи Длинныйчулок», — хмыкнул про себя Ига. Потому что, несмотря на праздничный

вид, в Степке при внимательном взгляде была все же заметна прежняя решительность и угловатость — как у известной сказочной Пеппи.

— Ты прямо как именинница, — снисходительно заметил Ига. И дальше она должна была ощутить вопрос: «А зачем пожаловала-то?» Хотя нельзя сказать, что Ига был раздосадован. Скорее... наоборот.

— Игорек, ты пригласил бы девочку в комнату, — особенным «гостевым» голосом сказала из-за двери мама.

— Ага... проходи...

— Я на минутку. — Степка глянула озабоченно. — Я тебя ждала там, у лопухов, а тебя все нет...

— А зачем ждала-то?

— Тебе разве не нужен твой рюкзак?

— Великая Конструкция! — Ига хватил себя ладонью по лбу. Он совсем забыл про рюкзак с учебниками. (Вот что значит близкие каникулы!) — Бежим!.. Хотя можно и не бежать. Кто его там возьмет...

— Никто, — согласилась Степка. — Я спрятала его на всякий случай. Хотела принести тебе, а потом думаю: вдруг тебя дома нет... А потом снова подумала: ты придешь за рюкзаком, а он куда-то девался... Вот и пошла к тебе. Чтобы сказать... — Она зацарапала сандалеткой половицу.

— Да зачем его было прятать-то?

— Там какой-то мальчишка ходил, белобрысый такой, в пятнистой одежде. Не просто так, а с видеокамерой. Будто что-то снимал и вынюхивал. А потом у него что-то запищало. То ли в камере, то ли в кармане. Он оглянулся и убежал. А я понесла рюкзак домой, в кладовку.

Ига кивнул. Про мальчишку с камерой и в камуфляже он слышал от ребят и раньше. А один раз даже видел. Станный тип. Явно не из местных. Появился недавно (и уши не оттопыренные). В такую погоду зачем-то жарился в камуфляжном комбинезоне. Камеру старался носить скрытно, в таком же, как костюм, маскировочном мешке. Что-то снимал издалека или из-за угла, ни с кем не знакомился. Если окликали, быстро уходил. Мальчишки задумали было поймать и допросить: вдруг шпион какой-то, снимает что-то секретное. Да потом опомнились: какие секреты в Малых Репейниках? Охота человеку развлекаться одному, ну и пусть.

— Может, боится, что камеру отберут, — сказал кто-то из ребят, когда про «шпиона» говорили в пятом «Б».

— Он что, ненормальный?

— Ну, не здешний же, не лопухастый...

— Наверно, в разведчиков играет, оператор из секретной службы...

— Или в пиратов, — хихикнул кто-то. — Снимает места, где могут быть зарыты разбойничьи клады...

— О-пиратор... — сказал известный своим юмором Костик Андрюхин.

Так и приклеилось к незнакомцу в камуфляже прозвище — «О-пиратор».

... — Про этого деятеля с камерой все знают, — сказал Степке Ига. — Он странный, но в общем-то безобидный. Нравится человеку снимать свое кино, вот и пусть изводит пленку... «Трем мушкетерам» тоже нравилось, помнишь, Валентин Валентиныч рассказывал?

— Ига... — как-то виновато отозвалась Степка. Опять зацарапала половицу. — Я помню. Я потому и пришла, а не только чтобы про рюкзак сказать...

Он почему-то сразу встревожился:

— Степка, что-то случилось?

— Ага, случилось... Я, кажется, нашла их кино. На ленте. Я принесла рюкзак в кладовку, а там на меня с полки упала железная банка, круглая. Ну, не совсем на меня, на пол. Стукнулась и открылась. А в ней моток черной ленты. Я стала смотреть, там маленькие картиночки. Не очень хорошо видно, мелко, но все же заметно, что там ребята. Я сразу подумала, что это те самые...

— Почему?

— Потому что они ведь давно снимали. И там, в кладовке, все вещи старинные, вроде того утюга. Значит, и банка старая. А еще знаешь что? В том доме, где мы сейчас, раньше жили Рубашкины. Как Юрий Рубашкин. Забавно, да?

— А где эта кинолента?

— Там, в кладовке...

— Идем! Нет, подожди... — Ига метнулся в комнату, схватил со стола большую лупу с рукояткой. — Мама, я немножко погуляю со Степкой!..

— А обедать?!

— Когда приду! Я скоро!.. — Лишь бы опять не вспомнила про толстую Маргариту...

«ГДЕ ЖЕ МЫ?..»

1

Степке, видимо, самой непривычен был ее праздничный наряд. Шла она рядом с Игой как-то слишком чинно. А потом зашпешила, потянула Игу за руку, словно испугалась: вдруг он передумает, не пойдет к ней? Даже смешно стало...

Степкин двор выходил в Земляничный проезд боковым краем, а дом смотрел окнами на Серпуховскую улицу, что тянулась параллельно Мельничной. Был дом кривой, осевший одним углом, но обширный, в полтора этажа. Когда-то, наверно, он выглядел солидно. Полуподвальный этаж — из кирпича (кое-где совсем замшелого), а верхний обшит досками. Серые от старости доски местами полопались и поотрывались, открыв щелястые бревна. Узоры на карнизах верхних окон потоваливались.

Было у дома парадное крылечко, но Степка повела Игу не к нему, а к перекошенной калитке рядом с такими же косыми воротами. Когда-то ворота были красивыми — на деревянных башенках сохранились остатки кружева из ржавой жести.

— Смотри, Ига... — Степка вздернутой головой показала вверх.

На левом столбе, пониже башенки, виднелась бурая табличка с облезлыми черными буквами: «Домъ А.А. Рубашкина». Степка обстоятельно разъяснила:

— Дед и бабушка купили этот дом десять лет назад. Он уже и тогда был совсем старый, но они решили, что на их век хватит. Зато Рубашкины эти продавали его совсем дешево, им надо было скорей уехать...

Они вошли на широкий двор с поленицей и кленами у забора. В боковой стене дома была дощатая дверь. За дверью оказалась полутемная лестница, пахло пылью и пересохшим деревом. Поднялись по визгливым ступеням. За другой, обитой войлоком, дверью оказался коридор с двумя оконцами. И все тот же запах ветхого дома.

— Тихо как... — сказал Ига. Почему-то шепотом. — Никого нет дома?

— Дед, наверно, в своей комнате, табак крошит. Он его сам готовит. А бабушка где-то по хозяйству... А кладовка вон там.

Дверь в кладовку была в конце коридора. Удивительная дверь. Неизвестный давний мастер зачем-то украсил ее вы-

пуклыми резными узорами: листьями, цветами, завитками... Степка сунула руку за косяк, достала ключ. Он тоже был удивительный — из тусклой меди, с узорчатым колечком, словно от сундучка с сокровищем. Степка сунула его в скважину. Ига вдруг решил, что сейчас раздастся звякающая музыка. Но ключ повернулся бесшумно. И дверь открылась без скрипа.

— Входи, Ига, — выдохнула Степка. А когда он шагнул, вдруг спросила ему в спину: — А «репивет» — это по-здешнему «привет»?

— Конечно!

— Я догадалась...

Оглядевшись, Ига понял, что тесное помещение не всегда служило кладовой. Это был закрытый балкон. Этаким граненый выступ на стене, который называется «эркер». В стенках эркера обычно делают узкие окна с хитрыми переплетами и цветными стеклами. Теперь окна были заколочены, загорожены полками. Степка плотно прикрыла дверь. Щелкнула выключателем. Желтый свет лампочки смешался с бьющими в щели лучами. Лучи проникали между всякой всячиной на полках.

Здесь было то, что и должно быть в чулане старинного дома. Керосиновые лампы с узкими стеклами, полинялые шелковые абажуры, пыльные кипы забытых журналов, патефон со стопкой пластинок на крышке, побитые фарфоровые статуэтки, мятые шляпы, шкатулки, бронзовые часы без стрелок, треснувшие кувшины... Валентин Валентиныч Клин нашел бы тут немало интересного... Игин рюкзак лежал на нижней полке, рядом с помятой кастрюлей, из которой торчал детский подшитый валенок. А под боком у него поблескивала жестью круглая коробка. Вроде банки, в которых продают маринованную салаку.

— Вот она... — шепнула Степка. И сколупнула ногтями крышку. В банке чернел плотный рулон. Небольшой, меньше, чем сама банка. Ига взял его на ладонь. Тяжелый...

— Ты много тут смотрела? — шепнул он.

— Не-а, только самое начало... Давай сядем.

Рядом с дверью стоял сундук, покрытый ветхим, плетеным из лоскутков ковриком. Сели на него рядышком. Ига потянул ленту. От нее пахло по-особому, целлулоидом, какого теперь уже, кажется, не делают. А еще (кроме привычного уже запаха старого дома и ненужных вещей) пахло чистым Степ-

киным платьицем и ее волосами, которые щекотнули Игину ухо.

— Подвинься, — сказал Ига с неловкой сердитостью. Она быстро шевельнулась. Ига вытащил из кармана лупу. У стены напротив, на полке, стояло торчком (очень удачно!) фаянсовое блюдо с отбитым краем. Отражая лампочку, светилось белым овалом. Кинокадрики на его фоне смотрелись на просвет ярко и отчетливо.

...Трое мальчишек на дворе с поленицей (возможно, на этом самом) перебрасываются волейбольным мячом. Вот мяч во весь кадр — наверно, чуть не влетел в объектив! Вот портрет узкоголового светловолосого пацана в тубетейке (подумалось почему-то: наверно, Вилька Аугенблик)... Другой мальчишка — курчавый, в майке, в штанах на лямках — бежит, вскинув над головой воздушный змей. Видно, что из газеты...

Степка опять шевельнулась. Ига, подавив досаду, протянул ей лупу:

— На, взгляни...

И они стали смотреть по очереди, слаженно дыша рядышком.

Ига воткнул в середину рулона поднятую с пола ручку-вставочку (такими писали в давние времена). Получилась катушка. Ига высоко держал ее в левой руке, а правой, в которой лупа, не спеша, метр за метром, сматывал вниз киноленту. То перед собой, то перед Степкой. Лента щекочуще скользила по Игиным ногам и кольцами ложилась на пол. Чтобы не растоптать ее, поставили пятки на сундук. Степкино забинтованное колено забелело совсем рядом. Бинт был еще свежим, от него пахло аптекой. «Ну, как нога, не болит?» — хотел спросить Ига, но тут же забыл. На киноленте двое мальчишек в газетных треуголках сражались деревянными шпагами. Мушкетеры! Третий, видимо, снимал...

Но кое-где они появлялись и втроем — наверно, снимали со штатива или просили кого-то. Вот они, тощие, в широких черных трусах, ныряют с мостков. Брызги столбом и белые вспышки солнца в брызгах! Вот раскидали на траве автомобильные камеры, сколачивают из досок каркас, мастерят корабль. Надутые камеры — такие же, как та, которую тащил недавно Лапоть... Ига вдруг поймал себя на ощущении, будто смотрит кадры не с давними пацанами (которых уже и на свете-то нет), а с нынешними — Пузырем, Соломинкой и Лаптем!

Тайная связь времен?

Шевельнулась почему-то память о хрупкой Конструкции с чутким маятником. «Такки-так...»

А вот опять крупные планы. Портреты. Теперь уж не спутаешь, кто из них кто. Потому что над плечом у каждого, на досках забора, — нацарапанные мелом буквы. «Вилька-Арамис» (это и правда тот, светловолосый). «Борька-Атос» (это курчавый). А вот еще один, веснушчатый, в сидящей на ушах военной фуражке, «Юрка-Портос». Портосу полагается быть упитанным и крепким, а этот с тонкой шеей, узкими плечами. Что поделаешь, толстого в компании не нашлось. Как и д'Артаньяна. Вместо него мелькнул пару раз босой пацаненок в полосатой рубашонке и бескозырке с надписью «Марат». То на качелях, то по шиколотку в луже. Пригляделись, и стало ясно — семилетний Валька Клин...

— Вот Валентин Валентиныч обрадуется!

Степка спросила:

— А как ты думаешь, у него есть аппарат, чтобы посмотреть это кино? Чтобы все двигалось...

— По-моему, есть. Кажется, я видел на полке старинный кинопроектор. Похоже на смесь швейной машины и подзорной трубы...

— А давай пойдем к нему сейчас!

— Ну... давай сперва досмотрим до конца.

На последних кадрах опять был корабль из камер, а еще — большая, размером с газету, бумага с непонятными рисунками. Трое разглядывали ее, сдвинувшись головами. А потом головы раздвинули, и бумага — во весь кадр. Похоже, что самодельная карта. После этого — еще портрет Юрки-Портоса, похожие на бурых медуз пятна, и всё, конец...

— Пойдем? — опять сказала Степка.

Вот неужемная! У Иги после всех хождений постанывали ноги.

— Степка, мы ведь обещали Валентинычу, что отнесем утюг в музей. Неудобно соваться, пока не отнесли...

— Да вот он, утюг-то, рядом с самоваром!

— Но музей-то закрыт!

— Значит, мы не виноваты! Так и скажем!

— Оправдываться нехорошо. Будто все равно виноваты. Лучше подождем, когда вернется директор. Всего-то три дня...

Степка хотела, кажется, заспорить, но вдруг будто спохватилась. Кивнула:

— Хорошо. Но через три дня обязательно, да?

— Честное лопухастое! — Ига сложил пальцы колючком.

Степка засмеялась и сказала почему-то, что через три дня даже лучше.

— Я люблю ждать, когда что-то приятное. Забавно, да?

Ига стал сматывать шуршащую киноленту. Степка спросила:

— А длинное это будет кино?

Ига прикинул в уме высоту кадрика, длину всей ленты (метров тридцать), вспомнил, что в старых аппаратах скорость была шестнадцать кадров в секунду (читал в «Занимательной технике»).

— Нет, совсем короткое, минуты две... Наверно, у тех ребят были и другие отснятые пленки, а сохранилась только эта.

— Жалко...

— Но все равно интересно!

— Ига...

— Что?

— Если хочешь, возьми пока это кино с собой. Пусть будет у тебя. Если тебе нести тяжело, я могу сама...

«Тяжело! Ну скажет же...»

Он чуть не ответил «ладно, спасибо». Можно будет дома, без спешки, посмотреть кадры еще раз. Но спохватился. Возьмет, а Степка начнет переживать: вдруг, мол, он отправится в «Два рыцаря» без нее?

— Нет, пусть лежит, где всегда лежало. А потом я приду, мы возьмем и вместе пойдем.

— Только сперва утюг, да?

— Ох... да.

2

Они уложили коробку и спустились на двор. Степка виновато посопела и спросила, что, если не надо нести киноленту, можно она пойдет с Игой просто так? Проводит его до дома. Потому что делать ей все равно нечего. Ига сказал, что можно, конечно. В самом деле, жалко, что ли? Даже веселее.

И они пошли. Но через несколько шагов Степка сказала «ой!».

— Рюкзак-то мы опять забыли! Забавно, да?

Ига снова, как дома, огрел себя по лбу.

— Ну что со мной сегодня! «Забавно!» Не голова, а дырка!..

— Пошли, это же быстро!

По лестнице взлетели одним духом. А в коридоре... там остановились. Навстречу шла старуха в темном длинном платье. Высокая, со сморщенным неласковым лицом.

Ига даже испугался. А Степка вроде бы нет. Быстро взяла его за руку.

— Баба Катя, это Ига. Игорь то есть. Мы играли, а потом забыли здесь его рюкзак. Забавно, да?

Баба Катя кивнула без удивления. То ли Иге, то ли вообще.

— Ну, коли забыли, возьмите, дело нехитрое.

— Ага... Он там, в кладовке.

— В какой кладовке-то?

— Да вон в той!

Лицо бабы Кати стало добрее. Она чуть улыбнулась.

— Ох и выдумщица ты, Стешенька. Все бы тебе сказки-фантазии.

— Почему... сказки?

— Ну, никакой же кладовки там нету, сама небось знаешь.

— Как это нету? А дверь...

— Дверь давно заколоченная. Когда-то была за ней верандочка, чтоб чай там распивать, да снесли давным-давно, Рубашкины рассказывали. А дверь забили и оставили просто для виду, потому что вон какая узорчатая...

— Баба Катя! Ну зачем вы...

— Ох ведь упорная... Коли спрятала мешок у мальчика, так отдай уж, побаловалась. А голову-то ему не морочь.

— Но я же... Ига, скажи!

— Она ведь правду говорит, — сказал Ига отчего-то ослабевшим голосом.

— И ты в тот же сусек!.. Ну иди, иди сюда, погляди, какая ее правда...

В трех шагах от двери, в той же стене, было оконце. Старуха толкнула наружу створку. Опять оглянулась на Игу.

— Иди, посмотри... Кабы за дверью была кладовка, то снаружи какая-то пристройка, без нее никак. А там что?

Ига высунул в оконце голову: что?

Ничего.

В том месте, где в коридоре дверь, снаружи — плоская, обшитая серыми досками стена. Если даже распахнешь дверь сквозь стену и шагнешь — в пустоту вниз головой!

— Степка... — обмирая, позвал он.

Она сунулась рядом. Поморгала. Подышала шумно. Прощептала:

— Мамочка... Когда ее успели убрать?

«Ты еще скажи: забавно, да?»

Степка сказала другое. Бабушке.

— А зачем тогда ключ висит за косяком?

— Как при Рубашкиных висел, в давнюю пору, так и висит. Мы тут старались обычаев не менять. В старых домах перемены заводить — грех, они того не любят... Ну, чего? Будешь еще дружка своего сказками угощать?

Степка, она, оказывается, умница. Сказала покладисто:

— Не-а, я пошутила... Баба Катя, а можно я этим ключом поиграю? Просто так...

— Да играй, милая, не жалко. Только потом не забывай на место вешать... — И пошла старуха из коридора по своим делам, заскребла по полу шлепанцами.

Ига все это слышал краем уха. Вернее, затылком. Потому что все еще смотрел наружу. Мысли прыгали: «Что это было? Сон, бред? Да нет же, по правде!.. А как теперь добывать рюкзак? Никто не поверит!..»

В самом деле, в Малых Репейниках видали чудеса, но все же не *такие*. Тут — мозги свихнешь... Великая Конструкция, как это может быть?

Степка осторожно потянула его за футболку:

— Ига, пойдем. Я открыла...

Ига машинально сделал несколько шагов. Дверь была растворена. В кладовке горела яркая лампочка.

3

Степка, с ключом на пальце, оглянулась на Игу и шагнула через порог. Оглянулась снова. А он рванулся было назад, к окошку: посмотреть, видно ли Степку *там*? И если видно, то *как*? Может, она повисла в пустоте? Но тут же он замер. Слово кто то шепнул: «Не надо. С *этим* не шутят...»

А идти за Степкой *надо*? А что, если они там сейчас исчезнут, растворятся в непонятном *нигде*?

«Но раньше-то не исчезли!»

«Но раньше-то мы *не знали*!».

Но стоять, не идти — это значит постыдно трусить. Перед маленькой Степкой. И вообще...

Прощаясь с жизнью, Ига шагнул *туда*. Отчаянно, широко,

даже дальше Степки. А она обернулась и плотно прикрыла дверь. И... стало Иге вдруг спокойно. Не страшно.

На дворе, за щелястой стенкой, Жизнерадостно прокричал петух. От этого сделалось еще спокойнее. И даже... да, немножко смешно. В самом деле, как они могут раствориться, где? «Вот же мы, живые, настоящие. И я, и Степка...»

Степка глянула блестящими глазами. Волосы ее опять были растрепаны, и вновь на макушке торчала кисточка, будто у соломенного Страшила из книжки.

— Давай посидим еще... — И она уселась как прежде, с пятками на сундуке.

Ига так же устроился рядом. Помолчали, слаженно дыша.

— Забавно, да? — сказала Степка.

— Что?

— Кладовка. И есть, и нет... Разве так бывает?

— Значит, бывает... — Поскольку Ига успокоился (почти), то и мысли стали ровные (тоже почти), рассудительные.

— Знаешь, Степка, тут, наверно, какие-то хитрости энергетических полей...

— Чего?

— Ну, говорят, есть такие в природе... Они иногда могут менять время, соединять разные пространства. Этих пространств множество. Называются «параллельные». Иногда из них прилетают НЛО...

— Я знаю, такое кино есть! Но это же фантастика. На самом деле не бывает...

Ига вспомнил Валентина Валентиныча:

— Как знать. В Малых Репейниках случается всякое... — И добавил от себя: — Особенно в старых домах.

— А почему... в старых? — Степка шевельнулась и села рядышком поудобнее. Ига каким-то глубинным нервом ощутил, что Степке не столько важна сама тайна, сколько другое: то, что они сидят вместе и она говорит о тайне именно с ним, с Игой... Хотя, наверно, это чушь! Он сказал слегка назидательно:

— Старые дома вроде этого так привыкают к людям, что сами как бы делаются живыми. Я читал... У них появляется душа. И память... Этому дому, наверно, не хотелось расставаться с верандой, то есть с кладовкой. Вот он и сохранил ее в своей памяти. В прошлом времени...

Степка посопела и возразила очень рассудительно:

— Ига. То, что у кого-то в памяти, другим не видно. А нам почему видно? И даже как по правде...

— Ну... — Игу вдруг осенило. — Может быть, дом тебе доверяет! Как хорошему другу. Вот и решил открыть!..

— А может, он... захотел подарить нам кино про тех ребят? Чтобы их не забывали.

«Умница какая», — опять подумал Ига.

— Может быть...

— Ига...

— Что?

— А если кладовка... если она теперь не в теперешнем времени, а раньше, значит, и мы там? В том *давно*? Забавно, да?

По Иге холод прошел от затылка до пяток. Он дернул плечами, потер покрывшиеся пупырышками икры. Но сказал храбро:

— Не исключено.

— А вдруг и снаружи, на дворе, тоже *не сейчас*?

— Не исключено... Степка, у вас на дворе есть петух?

— Не-а...

— А слышала, он кричал?

— Ага... Ига, давай поглядим!

Они, мешая друг другу, сняли с полки мятый самовар, стащили на пол чемодан со старыми калошами, животами легли на прогнувшиеся доски. В стене светилась горизонтальная щель шириною в два пальца. Прильнули к щели.

Двор за щелью был явно *не тот*. И время явно *не то*. Скорее всего, август. На рябинах краснели гроздья, лебеда у забора тоже была красноватая. Но тепло... Вместо поленицы был виден бревенчатый домик с двумя распахнутыми окнами и с крылечком. По траве ходили пестрые куры и медно-огненный петух с повисшим набок гребнем. Петух остановился, распустил крылья и опять весело поорал. Ветер топорщил на нем перья.

«Репивет», — мысленно сказал петуху Ига.

Неподалеку от крыльца дядька в синей майке, с бугристыми мышцами на плечах и руках чинил мотоцикл. Издалека не разберешь, какой марки. На подоконнике умывался чернобелый кот. Коты, они одинаковы во все времена. Может, крикнуть в щель: «Дяденька, какой нынче год?» Если и услышит, решит, что кто-то дразнится или спятил. Да и вообще... наверно, *это* нельзя...

— Ига, это, наверно, те дни, когда мальчики снимали кино.

— Скорее всего...

Но оказалось, что совсем не те...

На крыльцо вышла девочка лет десяти. Ветер трепал на ней синий сарафанчик и дергал в косичках синие ленты. Девочка держала газетный кулек.

— Цыпы-цыпы-цыпы... — позвала она. Куры сломя голову кинулись к крыльцу. Петух, не роняя достоинства, двинулся за ними. Девочка стала разбрасывать корм. Куры загалдели и принялись толкаться. Петух, все так же не теряя спокойствия, раздвинул их и при этом клюнул ближнюю хохлатку. Девочка погрозила ему пальцем. Кулек выскользнул у нее из руки, ветром его отнесло в лебеду, развернуло. Девочка всплеснула руками, кинулась следом. Но развеянную крупу разве соберешь! А кусок газеты взмыл, полетел — и прямо к щели, в которую смотрели Ига и Степка. Слово кто-то нарочно постарался! Бумага прижалась к доскам, затрепетала, закрыла наполовину щель. Ига высунул пальцы, втянул внутрь газетный клочок.

— Степка, смотри...

На газетном краешке выше мелкого текста было напечатано: «Вечерний Ново-Груздев. № 211. 19 августа 1960 г.».

— Вот какое там время.

Степка вдруг сказала шепотом:

— Это папин день рожденья. Он, конечно, в другой год родился, позже, а число то самое...

И какая-то другая она сделалась, будто затвердевшая. Но ненадолго, на несколько секунд. А потом опять зашевелилась и шумно прошептала:

— Ига, а если выломать доску и вылезти *туда*? Значит, мы окажемся в *том году*?

По Иге снова пробежал озноб.

— Степка, не вздумай!

— Почему?

— Потому что мы не знаем. Как там и что... Всякое же может быть...

— А что?

— Ну... это же не наше время. Вдруг прыгнем туда и пропадем. Или не сможем вернуться... Или сделаем случайно что-то такое, чего потом никто не расхлебает. Есть такой рассказ, про бабочку...

— Какой рассказ? — спросила она с ноткой недовольства.

— Будто один человек на машине времени поехал в давнее прошлое, к динозаврам. Ну, как турист. Ему велено было: за

очерченный круг не ступать, ничего-ничего там не трогать. А он, дурак, раздавил бабочку... А когда вернулся, оказалось, что в его времени все не так, гораздо хуже...

— Из-за бабочки?

— Из-за пустяка может многое случиться. Есть еще басня про гвоздь. Кузнец, когда подковывал коня, случайно взял плохой гвоздь, и подкова скоро отлетела. А случилось это на войне, во время боя. А на коне сидел маршал. Он с коня слетел, его затоптали. Солдаты увидели, что главный командир убит, — и бежать. Враг ворвался в столицу, потом захватил всю страну...

Степка молчала.

«Какой ты рассудительный, — словно сказал кто-то внутри Иги. — Просто трусишь, вот и все...»

И все же он не просто трусил. Он боялся разрушить что-то хрупкое, вроде своей Конструкции на столе, если вдруг нечаянно заденешь локтем. А если он и боялся за *кого-то*, то не столько за себя, сколько вот за нее... которая виновато посапывает рядом.

Иге захотелось оттащить Степку от щели. Но она вдруг отодвинулась сама, вздохнула, словно ей вмиг надоело подглядывать за жизнью в чужом времени.

4

Степка снова уселась на сундуке. Ига сел рядом.

«Интересно, почему я не удивляюсь этому чуду с кладовой? Может, потому, что я *внутри него*?»

А Степка вдруг сказала:

— Интересно, *где мы*? Ига, а может, нам все это просто кажется? Или мы спим? Или...

— Что «или»? — надулся Ига.

— А вдруг нас нет на свете? Ведь кладовки-то нету... Может, мы уже умерли?

Игу опять щекотнуло мурашками.

— Щипни себя, и узнаешь, живая или нет, — буркнул он.

— Я сама себя щипать боюсь. Лучше ты меня... — Она локтем вперед протянула к нему голую руку. Тошенькую, беспомощную. Ига понял, что не дотронется до нее.

— Нет уж, лучше ты меня... — И придвинул к ней ногу. Степка несмелыми пальчиками попыталась ущемить его икру.

— Не-а, у тебя мускулы крепкие, не щипаются...

— Ох уж, крепкие! — Ига с непонятной злостью ущемил пальцами кожу. — Уй-я... Нет, Степка, мы еще живые.

Она вдруг заливисто засмеялась.

— Тихо ты. Услышат...

— Да никто не услышит! Кладовки же *нет на свете*... Я теперь понимаю, почему бабушка меня ни разу не нашла, когда я здесь пряталась.

— А... зачем пряталась?

— Если все надоедало...

— *Что* надоедало? — спросил он с неожиданной тревогой.

— Ну, вообще... Дед с бабушкой...

— Они тебя обижают?

— Не-а... Наоборот. Притворяются, что любят.

— С чего ты взяла, что притворяются? Может, правда любят.

— Не-а. Я же знаю. Я им ни к чему... И сама я тоже притворюсь, что люблю их. Так и живем. Забавно, да?

— А почему ты тогда у них? Зачем здесь оказалась?

Степка сказала со взрослой умудренностью:

— Всякие обстоятельства... У нас там рядом с домом завод, от него дым всякий день, а у меня бронхиальная астма случилась. Еще и сейчас остатки есть, хрипы внутри. Послушай, если не веришь. Приложи ухо к спине... — И повернулась к Иге острыми, обтянутыми зеленым платицем лопатками.

Иге что делать-то? Осторожно приложился щекой к платицу. Ощутил расплюснутым ухом острый позвонок. Хрипов не слышал, потому что громко стучали два сердца — Степкино и его. Но сказал с сочувствием:

— Кажется, похрипывает. Немного.

— Ну вот... А здесь климат хороший.

Малые Репейники и правда отличались замечательным климатом. Казалось бы, близкие болотистые Плавни должны нагонять всякую сырость и малярийные хвори, но ничего подобного не было. Комары, правда, иногда резвились, но в меру. И ни разу никому не попало ни одного энцефалитного клеща, хотя вокруг недалекого Ново-Груздева их было полным-полно.

— Значит, ты всегда будешь здесь жить?

— Не знаю. Наверно, долго. Пока совсем эта астма не пройдет...

— А родители... Они с тобой не смогли поехать?

— Мама не смогла. У нее там... ну, в общем, никак не смог-

ла. Вот и отправила к деду и бабушке. А я их раньше совсем не знала...

«А отец?» — конечно же, закрутился в голове у Иги тревожный вопрос. И конечно же, Степка его ощутила. И сказала тихо:

— А папы уже нет. Его убили на войне.

Ига окаменел, словно в игре «скройся-умойся», когда ведущий командует: «Замри!» Даже дышать стало трудно от холодного прилива всяких чувств. Здесь и щемящая жалость к Степке. И страх. И виноватость за свою благополучную жизнь, в которой молодые, здоровые мама и папа, которым (тьфу-тьфу!) ничего не грозит...

Да, где-то в южных областях гремели бои, где-то террористы устраивали взрывы, где-то наемные мерзавцы стреляли из укрытий в неугодных кому-то людей. Но все это не касалось ни Иги, ни его приятелей и знакомых. Все это было за пределами тихого доброго городка Малые Репейники, на который сейчас надвигалось теплое лето с цветущими тополями, с желтыми и коричневыми бабочками, с беззаботными каникулами...

Иге вдруг показалось, что недавно, на берегу Говорлинки, он не сумел вернуться, раздавил малыша-кнама...

Он встряхнулся. Спросил тихо:

— А давно это случилось?

— Два года назад...

— На Юге, да?

— Ага, под Харакутом... Но его не южане убили.

— А... кто?

Степка шмыгнула носом, заговорила холодным шепотком:

— Он был командир батареи самоходных гаубиц, старший лейтенант. А у него был еще начальник, полковник Буханов... Он напился однажды, какой-то праздник у него был. И ему показалось, что из ближней деревни кто-то выстрелил по его палатке. И он велел папе: навести на деревню гаубицы и открыть огонь... Папа сказал: «Не буду, там же мирные жители, детей много!» Полковник снова приказал, а папа снова: «Нет»... Полковник тогда кинулся на него, и другие, кто пил с полковником, кинулись. Стали бить ногами, пока он не потерял сознание... А потом он попал в госпиталь, но там его вылечить не смогли. Потому что у него были еще другие ранения, раньше...

«А что стало с полковником?» — чуть не спросил Ига. И прикусил язык. Что бы там ни стало с полковником, Степке было уже не помочь. Ничем. Иге захотелось придвинуть Степ-

ку к себе, прижать, погладить по голове, сказать: «Эх ты, кроха...» Так делала с Игой мама, когда он, маленький еще, вздрагивал от слез после какой-нибудь беды. Но все вместе Игины беды было не сравнить с одной Степкиной...

Снаружи опять прокричал петух. В 1960 году...

Степка повозилась, спустила с сундука забинтованную ногу.

— Болит? — сказал Ига. Просто чтобы не молчать.

— Не-а. Ни капельки не болит. Только сперва болело, когда оса ужалила. Будто ядовитая кобра... Ига, а здесь водятся змеи?

— В болотах иногда попадают. Но ядовитых мало... Да они и не страшны, если есть кнамий шарик.

— У меня ведь нету...

— Я же обещал подарить.

— А те мальчики сказали, что дареные не считаются. Надо самой найти...

— Мальчики не всё сказали... Если шарик подарит хороший друг, он действует как надо...

— А твой... он будет действовать, да?

Ига решительной ладонью обнял ее за цыплячье плечо, качнул, прислонил Степку к своему боку. Потом той же рукой взъерошил ей волосы. Торчащая кисточка при этом упруго прижалась к ладони.

— Эх ты... Степка.

Они посидели рядом еще несколько минут.

Степка спросила, не возьмет ли Ига все-таки банку с кинолентой себе.

— А то вдруг кладовка больше не откроется?

— А ты спрячь банку куда-нибудь в другое место. Себе под подушку...

— Ладно! — Степка, видимо, осталась довольна таким решением.

— А сама в кладовку лишний раз не суйся. Мало ли что...

— Без тебя не буду, — пообещала Степка. Так пообещала, что он сразу поверил: и в самом деле не будет.

Часть вторая

ТРЕТИЙ ЯЩИК

ФОКУСЫ ДОМБИ-ДОРРИТОВА

1

Наконец Ига и Степка отнесли тяжеленный утюг в музей...

Краеведческий музей города Малые Репейники располагается в длинном здании девятнадцатого века. В давние времена его построили для госпиталя ветеранов Русско-турецкой войны. Дом одноэтажный, но высокий. Он изгибается плавной дугой. Посредине — широкий вход со ступенями и колоннами. Над входом белеет башенка с курантами — похожими на те, что на городской управе.

Перед домом зеленеет широкий двор, его отделяет от улицы садовая решетка, отлитая много лет назад все на том же заводе «бр. Алексѣевыхъ». Посреди двора — круглый бассейн фонтана с двухметровым каменным постаментом в центре. К сожалению, фонтан уже много лет не работает, и никаких скульптур на постаменте нет.

Ига и Степка пришли сюда утром. Пахло цветущей по краям двора сиренью, пахло яблонями (хотя и не так сильно). А еще пахло свежей тополиной листвой от двух могучих деревьев перед решеткой и теплым дождиком, который недавно пробежался по асфальту и ничуть не испортил погоду.

Неподалеку от бассейна рыхлили клумбу директор Яков Лазаревич и его пожилая помощница Моника Евдокимовна. Оба распрямились и заулыбались навстречу посетителям.

Однако, узнав о причине визита, Яков Лазаревич перестал улыбаться.

— Утюг... гм. Ну, что же, весьма благодарен Валентину Валентиновичу за щедрый дар. Хотя нельзя сказать, что сей предмет — большая редкость. Впрочем, дареному коню... то есть утюгу... ну ладно. В любом случае спасибо вам, молодые люди, за старание. Не сочтите за труд, поставьте этот экспонат пока вон туда, на край бассейна...

Ига со Степкой так и сделали. Яков Лазаревич и Моника Евдокимовна доброжелательно смотрели на них через очки. Высокий тощий директор при этом опирался на тяпку и левой рукой трогал поясницу.

— Давайте мы вам поможем, — сказал Ига.

— Благодарю вас, но мы уже закончили. Осталось высадить рассаду, но эту ответственную работу Моника Евдокимовна не доверяет никому, даже мне... А не хотите ли посетить музей, осмотреть экспозицию?

Ига не очень хотел, он бывал в музее не раз. Но Степка вдруг заинтересовалась:

— А правда, что там есть скелет мамонта? Мне дедушка говорил...

— Есть! Знаменитый на всю губернию скелет! А также немало других весьма интересных экспонатов. Вы, сударыня, судя по всему, приезжая? Вам тем более будет любопытно. А молодой человек все покажет и расскажет, он, как я помню, здесь не первый раз...

— В музее сейчас пусто, но, надеюсь, вы не заскучаете, — добавила седая Моника Евдокимовна, приглядываясь к Степке.

Степка в своем зеленом платье и белых гольфах выглядела примерной девочкой (несмотря на упрямую кисточку волос). Она чуть присела и сказала «спасибо». И добавила:

— Мы там ничего не будем трогать...

Яков Лазаревич развел руками (в правой тяпка):

— Да отчего же не трогать? Трогайте на здоровье! Здесь не Эрмитаж, а собрание предметов обихода малорепейных жителей не столь уж давнего прошлого. Вещи даже в музее должны иметь возможность чувствовать себя живыми, а для этого ощущать касание человеческих рук... Одна просьба (мальчик догадывается!) — не дергайте за хвост скелета Мотю. А то, знаете ли, имеются среди лопухастых посетителей такие несознательные личности. Мотя обижается и уже дважды обещал уйти из музея в Плавни...

— Правда? — как-то слишком серьезно спросила Степка.

— Шутка. Однако в каждой шутке... Ну-с, не будем. Приятной экскурсии...

Скелет стоял в самом большом и высоком зале. Громадный, под потолок. Весь из похожих на бурые коряги костей, с пустыми глазницами великанского черепа. С пятиметровыми,

загнутыми почти в кольца бивнями (куда там нынешним слонам!). Весь такой нездешний, отрешенный от нынешнего мира.

Ига и Степка, взявшись за руки, молчаливо обошли скелет со всех сторон.

Хвост скелета состоял из позвонков, нанизанных на проволочный трос. Конец троса висел не очень высоко — можно допрыгнуть.

— Ига, а зачем его дергают? — шепотом спросила Степка.

— Говорят, примета хорошая. Если загадать желание, дернуть и сказать: «Мотя, Мотя, не будь жмота, помоги в моей работе»... Но мы не будем, раз обещали...

— Ага... Забавно, да?

— Что?

— То, что его так зовут... А почему?

— Ну, иногда говорят «Мамотя», от слова «мамонт». А «Мотя» — это сокращенно...

— Ига... — Степка опять перешла на шепот. — А я вот что думаю... Не только сейчас, а вообще... Когда от кого-нибудь живого остается только скелет, он совсем-совсем ничего не чувствует? Или в нем что-нибудь такое, от жизни все-таки есть? Ну, хоть капельку?

Ига ощутил, какой прохладный, даже зябкий в музее воздух и как пусто вокруг. Чуть не сказал Степке: «Чего тебе всякий бред лезет в голову?» Но... что-то понял, кажется. Ответил осторожно:

— Живая душа остается. Это многие ученые теперь говорят. Но едва ли она сидит в скелете...

— А где?

— В каких-нибудь параллельных пространствах... Степка, пойдем, я тебе наконец след штангиста Жоры покажу. А то обещал и все не собрался.

След был в соседней комнате. Вернее, слепок с этого следа. У стены, между окон, лежала на могучем пне гипсовая плита, из которой выпирала полуметровая босая ступня.

— Ух ты... — тихонько сказала Степка. Вопросительно оглянулась на Игу (можно?) и потрогала мизинцем гипсовую пятку. Потом подняла голову: — А это он сам?

В простенке висел большой фотоснимок. На нем — скульптура перед воротами стадиона. На кирпичном постаменте стоял белый большущий (наверно, метра три высотой) парень в плавках, он держал над головой штангу. Мускулы парня выглядели вздутыми, весь он напрягся, но на лице его —

если приглядеться — была не страсть к рекордам, а какая-то улыбчивая задумчивость. Словно парень вовсе не чувствовал тяжести и мечтал о свидании с девушкой...

— Ига, а почему его разбили?

— Ну, такое время было, давно еще. Какое-то начальство решило, что гипсовые скульптуры — это не настоящее искусство, а подделка. Халтура, в общем... Ну и в одну неделю расколотили в городе всех гипсовых спортсменов, мальчишек-горнистов, шахтеров с отбойными молотками, пограничников с собаками... Может, какие-то и правда были уродливые, а некоторых жалко. Вот этого Жору, говорят, все любили. А еще ребят на здешнем фонтане...

— На каком?

— Помнишь бассейн перед музеем? Ну вот, посреди его, вверху, стояли три девчонки, мяч над собой держали, вроде глобуса. А на стенке бассейна был целый хоровод, будто первоклассники на переменке. Держатся за руки и пляшут. И они все были не белые, а раскрашенные, в разноцветном. Говорят, как живые... Их тоже... Это еще когда меня на свете не было, но я видел на старой фотокарточке...

— Жалко...

— Да... Ладно, идем дальше.

Дальше было много всякого. Кремневые наконечники, ржавые мечи и кольчуги, изрытые оспинами пушки на колесах, как у телег, могучие кожаные книги за стеклом, портреты бородатых знаменитостей, старинный глобус, модель деревянной крепости, что когда-то стояла на Большом Лопуховом острове, коллекции местных минералов, сундуки с коваными замками и множество расписных глиняных свистулк и кукол — продукция народных промыслов (в том числе Игиной мамы). Степка смотрела на это без скуки, но и без большого интереса. Иге казалось, что она все еще думает про скелета Мотю. Или про отпечаток Жориной ноги.

Настоящий интерес появился у Степки, когда она увидела «гостиную в доме среднего городского чиновника XIX века». В темноватом зале был отгорожен просторный угол с мебелью, лампой и очень похожими на живых людей фигурами. У стола сидел похожий на Чехова мужчина и, отодвинув от очков газету «Губернскія вѣсти», беседовал с улыбчивой внимательной женщиной — видимо, с женой (у нее были белые манжеты на темных рукавах, кружевной воротничок и гладкая прическа с валиком на затылке). Два мальчика — один в гим-

назической курточке, другой в матроске — устроились на изогнутом диванчике с блестящей полосатой обивкой. Склонились над большой книгой. Тот, что в матроске, был с торчащими непослушными волосами, как у Генки Репьева, а другой — с прической-ежиком (видимо, в гимназии длинные волосы были запрещены). Они сидели, сдвинувшись плечами. Сразу видно — дружные братья. А ближе всех к зрителям сидела на полу девочка лет семи — в розовом платье с бантами и оборками, с длинными золотистыми волосами ниже плеч, круглощечкая и пухлогубая. Возилась с разложенными на половицах куклами.

Ига заметил, что Степка смотрит на девочку с грустной ласковостью. Может быть, завидовала про себя этой не ведавшей горя дочке и сестренке...

Ига по-хозяйски шагнул через плюшевый шнур-ограждение, подошел к невысокому комоду, где вздымал граммофонную трубу-рупор коричневый ящик с диском. Умело закрутил ручку.

— Ига, не надо, попадет... — выдохнула ему в спину Степка. Он только плечом повел: ты же, мол, слышала, что здесь — можно. И опустил на пластинку головку с иглой. Игла зашипела, и труба вдруг взревела жестяным басом:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный.
Он царит во всей вселенной!
Тот кумир — телец златой...

Степка аж присела. Приложила растопыренные пальцы к ушам (еще плоским, нездешним).

Ига позволил граммофону допеть куплет, снял с диска мембрану и важно разъяснил:

— Это знаменитый певец Шаляпин, он больше ста лет назад жил. Ария Мефистофеля...

— Кого?.. — не опуская рук, пискнула Степка.

— Мефистофеля. Был такой черт, вредный, но остроумный... Помнишь, он на кинокамере отпечатан? Она так и называется — «Мефистó».

— Помню... Ига, давай пойдем сейчас к Валентину Валентинычу. Только возьмем дома киноленту.

— Сегодня же воскресенье! Это музей по выходным работает, а «Два рыцаря» на замке. Валентиныч небось копается нынче на грядках в своем огороде...

— Ну, тогда завтра!
 — Завтра пойдем. Только после обеда. С утра у нас в школе праздник «Последний звонок».

2

Утром пришлось надеть отглаженные светло-серые брюки, голубую рубашку и синий в белый горошек галстучек. Накануне Анна Львовна попросила:

— Постарайтесь хоть раз в году выглядеть цивилизованными людьми...

Это относилось к мальчишкам с их украшенными бахромой штанами и потрепанными футболками. Девочки — те всегда «цивилизованные».

Ради Анны Львовны на что не пойдешь! Особенно в последний школьный день. Ига перед зеркалом со стенаньями разодрал гребнем свои каштановые космы. На косоу проробор...

Потом стал ждать Степку.

Степка не была пока записана ни в какую школу. Перед отъездом с прежнего места ей заранее выдали свидетельство об окончании второго класса. И, чтобы она не скучала, Ига вчера сказал:

— Пойдем к нам на «Последний звонок». Будет интересно.

Степка поежилась:

— Все будут разглядывать, хихикать: кто такая, незнакомая...

Ига в сердцах сказал:

— Где ты раньше жила? С дикарями, что ли?.. Кто будет хихикать, зачем? Пришла девочка со знакомым пацаном, что такого? Скажут «репивет»...

— У меня уши нездешние, не лопухастые.

Ига пообещал почти всерьез:

— Я тебе их надеру сейчас, и сразу станут какие надо.

Она тут же согласилась пойти. Только сказала, что не знает, пустит ли ее бабушка.

— Она говорила, что, может быть, мы с утра на рынок пойдем. Если велит, пойду, помогать-то надо...

— Тогда я к тебе забегу после школы.

— Ага...

Степка не пришла. Видать, не отпустила бабушка. Это слегка царапнуло Игу, но не встревожило. Пошла внучка с бабкой на рынок, что страшного...

Праздник устроили в просторном сквере перед фасадом

школы. Сперва все шло по давно заведенному порядку. Лопухастые первоклассница и первоклассник, сидя на крепких плечах выпускников, позвонили в украшенный бантом колокол (он висел над крыльцом). Потом директор Вера Евгеньевна пожелала выпускникам удачи на экзаменах, а остальным радостных и бесконечно долгих каникул. Все размашисто, от души, хлопали ладонями. А гусь Казимир Гансович хлопал белыми крыльями. Он сидел на решетчатом заборе сквера. Казимир Гансович любил общественные мероприятия на открытом воздухе и старался их не пропускать.

Школьный хор слаженно спел посвященную выпускникам кантату:

День этот светел, но с капелькой грусти,
 Мы не забудем его никогда.
 Кто-то учиться пойдет в Ново-Груздев,
 Кто-то в другие совсем города...

Потом все расселись на вытасенных из школы скамейках и стульях. Начались концертные номера. Танцевальная группа «Репейчата» сплясала перед школьным крыльцом танец «Рыжик и кнамы». Ребята из студии «Семеро козлят» показали сценку «Вовочка и медсестра». В конце ее медсестра, вооружившись громадным шприцем, повела Вовочку за ширму. Оттуда раздался очень натуральный визг, некоторые даже заерзали...

Потом на крыльцо поставили стул, а на него скакнул начинающий поэт и второклассник (вернее, уже третьеклассник) Генка Репьев в апельсиновом костюме с вышитой на боковом кармане крылатой лошадей. Скакнул смело и ловко, хотя все еще был с бинтом на колене. Почесал большим пальцем под носом, провел пятерней по торчащим волосам и проговорил:

— Вот. Новые стихи. Про сегодня...

Раньше шел я в школу с неохотой,
 А сегодня бег не чуя ног,
 Потому что вот он, вот он, вот он —
 Наш последний школьный наш звонок!

Наступили радостные сроки:
 Дни каникул летних — в гости к нам!
 Не пойду я больше на уроки,
 Буду жить, как беззаботный кнам.

Все засмеялись, зааплодировали (и Казимир Гансович — очень шумно). И Генкина учительница Ирина Петровна захлопала. Она знала, что Репьев в общем-то не лодырь и про

свою лень придумал специально для стихов. Чего не сочинишь ради рифмы!

А Генка задумчиво поболтал над стулом забинтованной ногой и доверительно сообщил:

— А еще такое. Это я только сейчас... дополнение... — И опять покачал ногой. — Вот...

Мне плясать от радости не может
Помешать ни бинт, ни жгучий йод,
Потому что выздоровел Ёжик,
Он со мною радуется тоже
И сейчас вам песенку споет...

Опять раздалась шумные хлопки, а Генка сбегал за дверь, вернулся с корзинкой и взял из нее на руки своего усыпанного иголками друга. Приподнял на ладонях, что-то прошептал. Добавил погромче:

— Ну, пожалуйста. Я же обещал. Не стесняйся...

Все притихли. Ёжик пошевелился, вытянул мордочку, и... раздался дребезжащий голосок:

Лучше негу ничего
Лопухастых островов.
И на улицах, и в Плавнях
Очень много сказок славных.

Кнамьи шарики в меже
Для ребят и для ежей —
Надо только постараться,
Чтоб с находкой оказаться.

Здесь большие лопухи
Шепчут Генкины стихи,
А ногами по дороге
Скачут гипсовые ноги.

Удивляет целый мир
Гусь наш мудрый Казимир.
Я и сам чуть-чуть волшебный,
Раз пою так душевно...

Ёжик помолчал и добавил:

— Всё.

Тут грянули такие аплодисменты, раздалась такие восторженные крики, что Генка на всякий случай прижал певца к груди. Казимир Гансович с забора прилетел на крыльцо и хлопал крыльями так, что Генкин апельсиновый костюмчик трепетал, будто флаг.

Когда шум стих, Генка погладил Ёжика по иголкам и сказал:

— Это не я, это он сам сочинил.

И снова раздалась аплодисменты.

Среди зрителей были, правда, отдельные недоверчивые личности, которые говорили, что поет не Ёжик, а сам Репьёв. Мол, есть такое искусство — чревовещание, — когда человек может говорить и петь, не разжимая губ. Но большинство хорошо знало Ёжика и его способности. А про Генку знали, что он тоже очень способный, но не в чревовещании, а в стихах.

После Генки и Ёжика на сцене появилась Анна Львовна. Ига сразу понял: будет тот самый сюрприз с фокусником. И правда...

— Дорогие ребята! Гена и Ёжик выступили замечательно. А сейчас вас ждет встреча с настоящим артистом. Это очень талантливый демонстратор фокусов — а правильное сказать, ил-лю-зи-о-нист — Чарли Афанасьевич Домби-Дорритов! Встречайте! — И она плавным жестом показала на школьную дверь. Дверь медленно, с многозначительным скрипом отворилась. На крыльце возник иллюзионист Домби-Дорритов.

3

Это был невысокий мужчина, похожий на музыканта. В черной фракной паре, белой манишке и с белым же галстуком-бабочкой. Его черную прическу украшал спереди завитой хохолок. Ига подумал, что похоже на Хлестакова из телеспектакля «Ревизор». Но в общем-то артист производил приятное впечатление.

У него было улыбочное лицо и быстрые красивые движения. Изящную фигуру иллюзиониста немного портили животик и другая часть тела, сзади. Они слегка выпирали под тугим фракком и брюками. Впрочем, это было не очень заметно.

Домби-Дорритов провел в воздухе ладонью, и в пальцах его оказалось нечто вроде черной тарелки. Тарелка щелкнула и превратилась в блестящую шляпу-цилиндр. Иллюзионист начал доставать из цилиндра пестрые воздушные шарики и отпускать в небо (все захлопали). Домби-Дорритов надел цилиндр и благодарно поулыбался. Дождлся тишины. И начал неожиданно тонким голосом:

— То, что вы видели, — это суший пустяк. Такие фокусы показывают много веков подряд. Они незатейливы и просты в

исполнении. А я вам сегодня продемонстрирую нечто совсем иное. Принципиально новое... Но сначала позвольте представиться. Вам, наверное, показалось несколько странным мое имя?

Два-три голоса вежливо отозвались, что да.

— Объясняется просто. Во всем виновата моя бабушка. Она очень любила писателя Диккенса и настояла, чтобы меня назвали в его честь, Чарльзом. Папа, Афанасий Иванович, сперва не соглашался, но бабушка... О, надо было знать мою бабушку!.. Правда, полное имя ко мне не привилось, все говорили «Чарли». Так я и во взрослую жизнь шагнул с именем Чарли. Будто знаменитый Чаплин... А фамилия моя — самая простая, Мишечкин. Артистический псевдоним Домби-Дорритов тоже в честь бабушки. Точнее, в честь Диккенса. В его романах есть персонажи — торговец Домби и девушка Доррит (бабушка говорила «Доррит»). По-моему, звучит оригинально. А?

Народ деликатно пошумел, что да, неплохо.

— Благодарю вас!.. А сейчас — к делу!.. Почтеннейшая юная и взрослая публика! То, что я вам покажу, это уже не ловкость рук и не технические фокусы, а истинное научное чудо. Это результат моего открытия, связанного с изучением структуры межпространственного вакуума. Объяснять сущность этих крайне сложных физических явлений сейчас я не буду. По правде говоря, они и самому мне еще не всегда ясны. Однако эксперименты прошли на «ура». И я готов первую публичную демонстрацию устроить перед вами. Вы — дети двадцать первого века и достойны быть свидетелями не дешевых балаганых фокусов, а настоящего проникновения в тайны мироздания....

Домби-Дорритов оглянулся на дверь и сделал приглашающий жест. Появился учитель труда Андрей Андреевич. Он вытащил за собой парту. Установил ее рядом с артистом. Затем вернулся в школу и вынес большущую коробку из-под телевизора. Поставил на парту.

— Душевно вам благодарен, — сказал Домби-Дорритов. Андрей Андреевич кивнул. Внимательные люди могли заметить, что кивок был суховат. А люди не только внимательные, но и кое-что знающие, легко объяснили себе такую суховатость.

Знающим людям было известно, что Андрей Андреевич неравнодушен к Анне Львовне. Но, во-первых, он был лет на десять старше, а во-вторых, слишком скромнен. К тому же не

очень-то красивый: слишком худой, с редкой рыжеватой бородкой и большим носом, на котором сидели круглые очки. Сквозь толстые линзы очков Андрей Андреевич поглядывал на Анну Львовну издалека и вздыхал. И то, что сейчас Анна Львовна смотрит на иллюзиониста с чересчур большим интересом и улыбчивостью, Андрею Андреевичу, конечно, было досадно.

Андрей Андреевич что-то сказал двум выпускникам. Те резво выволокли еще одну парту и отнесли ее шагов на десять от крыльца, под школьные окна. Там водрузили на парту второй картонный ящик — такой же, как на крыльце. Чарли Афанасьевич изящно кланялся и благодарил, прижимая к манишке ладони. Затем он развел на уровне плеч руки — вновь просил внимания.

— Почтеннейшие зрители! Еще одно короткое объяснение! Многие из вас, конечно, слышали, что во Вселенной существует не только наше пространство, но и множество других, параллельных. Они разделены так называемым межпространственным вакуумом. Его еще называют «гиперпространство». Если научиться проникать в гиперпространство, можно любые, самые дальние расстояния превращать в ничто. От звезды до звезды — один миг. Авторы фантастических романов немало писали про это явление. Но то, что увидите вы, — уже не фантастика. Ваш покорный слуга, — Домби-Дорритов скромно поклонился, — нашел способ использовать гиперпространство для переброски материальных тел и путешествий в нашей реальной жизни. Пока на небольшие расстояния. Сложность в том, что на месте финиша должен находиться приемный контейнер. Так же, как на месте старта — пусковой. Если забросить такой контейнер на Луну, на Марс, на Альфу Центавра, то добираться туда будет проще простого. Однако пока такая заброска — дело сложное. А вот в небольших пределах продемонстрировать свойства гиперпространства можно уже сейчас. Здесь!..

Народ слушал без шума, но с вежливым недоверием. Нечего, мол, на уши нам репьи цеплять. Всякий фокусник хвастается связью с космосом, а на самом деле весь секрет в двойных стенках ящика.

Но Домби-Дорритова ошутимое в воздухе недоверие не смутило (тем более что Анна Львовна, стоя в двух шагах, смотрела почти что с восхищением).

— Еще минута внимания, господа! Эти два картонных ящи-

ка в данном случае и есть контейнеры. Не смущайтесь их примитивностью. Дело не в технической оснастке, а в особом сгущении энергетических полей, которое я создаю с помощью этого прибора... — Чарли Афанасьевич помахал чем-то похожим на сотовый телефон. — Набираю нужную комбинацию цифр, и...

Домби-Дорритов снял цилиндр, поместил его в коробку, закрыл картонные клапаны. Снова помахал в воздухе прибором-пультом.

— Вот и все!.. Молодой человек, вон там на скамейке с краю! Не считите за труд, достаньте из *того* контейнера мою шляпу!

Игин одноклассник Илья Железкин охотно подскочил к коробке под окнами. Вытащил цилиндр. Жестом парижского франта надел его на белобрысую прическу и так, на голове, доставил артисту. Раздались хлопки, но довольно жидкие. А кто-то в задних рядах сказал:

— Да эта шляпа там сразу была спрятана...

— Да? Но куда же девался цилиндр из этого ящика? — Домби-Дорритов перевернул коробку на парте набок, откинул клапаны.

Конечно, цилиндра там не было. Зрители снова похлопали, но совсем уже слабенько. Анна Львовна, кажется, смутилась.

— Понимаю, — с достоинством кивнул Домби-Дорритов. — На месте любого зрителя я реагировал бы с тем же скепсисом. Кого нынче удивишь фокусами со шляпой и коробками! Но... можно усложнить эксперимент! Можно отправить в путешествие через гиперпространство какое-нибудь живое существо!.. Например, симпатичного ежика, которого держит на коленях мальчик в первом ряду!

— Ну уж фигурки! — звонко от испуга отозвался Генка Репьев.

— Гена! — ахнула Ирина Петровна. — Извинись сейчас же!

— Извините, — сказал Генка. — Но все равно фигурки. Он не захочет. Он... после болезни.

— Ну хорошо, хорошо. Я понимаю. Но... может быть, найдется кто-то другой? Кот, собачка, голубок...

— Га-га!.. — На крыльцо опять шумно спланировал Казимир Гансович. И, вскинув голову, глянул на артиста. А тот, разглядев на покрытом перьями горле кожаный галстучек, сразу понял, что имеет дело не с простым гусем.

— Рад вас приветствовать! Следует ли мне понимать вас так, что вы готовы стать участником эксперимента?

— У-гу-гу, — ответил Казимир Гансович.

— Весьма польщен... Господа! Сейчас эта замечательная птица станет первым в мире пернатым существом, которое пересечет межпространственный вакуум! Прошу вас! — Чарли Афанасьевич откинул картонные клапаны. Гусь важно проследовал в коробку. Клапаны закрылись. «Го-о...» — послышалось из-за них, что, видимо, означало «я готов».

Домби-Дорритов снова сделал плавное движение пультом. Потом изящными прыжками кинулся к другому ящику и распахнул его.

— Га-га! — Казимир Гансович вылетел и сел на край картонной стенки, опрокинул своей тяжестью коробку, но не потерял достоинства. Он кланялся и чиркал по траве раскинутыми крыльями, словно старинный кавалер. полами плаща.

Теперь аплодисменты были не в пример прежним! Чарли Афанасьевич взбежал на крыльцо и кланялся, прижимая к лацканам фрака ладони. Анна Львовна сияла, словно сама проделала удачный эксперимент с гусем. Только Андрей Андреевич у школьных дверей сохранял спокойствие. Прислонился к косяку и скрестил на груди руки.

Наконец Домби-Дорритов красивыми взмахами ладоней вновь попросил тишины.

— Это была, господа, своего рода прелюдия. То есть вступление. Теперь же мне хотелось бы перейти к главному. Я предлагаю любому желающему испытать самому перемещение через гиперпространство! А затем этот смельчак поделится с вами впечатлениями!.. Хотя особых впечатлений не будет. Он войдет в один контейнер, а выйдет из другого, ничего не почувствовав. Я сам неоднократно совершал такое путешествие и уверяю вас — это совершенно безболезненно и абсолютно безопасно!.. Я не приглашаю взрослых, они не поместятся в контейнере. Но я уверен, что среди зрителей семи-двенадцати лет найдутся личности не менее смелые, чем эта почтенная птица! — Домби-Дорритов сделал плавный жест в сторону Казимира Гансовича, который топтался у крыльца.

— Га-га-го... — подбодрил гусь личностей семи-двенадцати лет.

Те, однако, не спешили.

Нельзя сказать, что лопухастые жители Малых Репейников отличались робостью. Но в любом человеке (даже упомянуто-

го юного возраста) начинает что-то сопротивляться, если ему предлагают стать подопытным кроликом. Ну, или гусем, какая разница... Да и, по правде говоря, кто его знает, это гипер-супер-пупер-пространство. Тем более что все видели, как Андрей Андреевич шагнул к Домби-Дорритову и стоявшей рядом Анне Львовне. Что-то сказал вполголоса. А те, кто в первом ряду, даже слышали: «Я бы не советовал...»

— Но это же совершенно безопасно! — горячим шепотом отозвалась Анна Львовна.

Она блестящими глазами смотрела на ребят. Неужели со временем выступление прекрасного артиста? Неужели среди ее питомцев не найдется ни одного смельчака?! Ну, что же вы!..

Ига сидел в первом ряду, через два человека от Генки с Ёжиком. Он встретился с Анной Львовной взглядом. И ощутил всю умоляющую силу ее глаз. Ну что же...

Пока Ига делал несколько шагов до крыльца (и слышал шум и громкие хлопки), ему вспомнился почему-то маленький кнам. Тот, которого Ига чуть не придавил ладонью. А еще вспомнился скелет-мамонт Мотя, и захотелось дернуть его за хвост (Ига мысленно дернул). А еще Ига пощупал в кармане брюк твердый кнамий шарик — он его сегодня переложил туда из старых штанов. А вчера он такой же шарик подарил наконец Степке, она приняла его серьезно, озабоченно даже... Жаль, что Степка сегодня не пришла. Если бы сейчас она смотрела ему вслед, было бы не страшно... Хотя чего бояться-то? Обыкновенный фокус. Через минуту Ига весело раскланяется перед вопящей от восторга лопухастой аудиторией...

Домби-Дорритов Игу встретил на крыльце, раскинув руки. Слово хотел обнять. Но не обнял, а засуетился:

— Благодарю вас! Вы молодец... Вот, пожалуйста сюда... — Он помог Иге вскочить на парту и шагнуть в коробку. Стенки ее были Иге почти до пояса. Ига встал в коробке и, слабо улыбаясь, помахал зрителям ладонями. Зрители не заметили слабости в улыбке. Бурно заплодировали.

Ига подпернул на коленках отглаженные брюки и сел на короточки. Прямоугольные клапаны один за другим зашлонили от него небо. Стало совершенно темно. В коробке пахло бумажной трухой и клеем. Было уже совсем не страшно, хотя сердце тюкало невпопад. Ига глотнул и подумал: «Ну, скоро ли?»

Зрители тоже так думали. И ждали с замиранием.

Домби-Дорритов пультом описал над картонным ящиком

дугу. И... толкнул его с парты. Ящик легко слетел на крыльцо и раскрылся. В нем никого не было.

Никто не захолопал, ждали: что дальше?

Домби-Дорритов приглашающе вытянул руки к дальнему ящику у окон:

— Молодой человек, прошу вас! Путешествие закончено, пожалуйста наружу!

«Молодой человек» не отзывался, картонный ящик не шелохнулся. У Чарли Афанасьевича кругло открылся рот. Он взмахнул растопыренными ладонями, будто крылышками, слетел с крыльца и бросился к «финишному контейнеру». Откинул крышки. Замер в неудобной позе. Ящик был пуст.

ТРЕТИЙ ЯЩИК

1

Ига летел в пустом черном ужасе. Ледяные тиски межпространственного вакуума стиснули его со стальной неумолимостью. Ни вздохнуть, ни крикнуть, ни даже шепотом позвать: «Мама...» Ни заплакать. Потому что слезинки тут же превращались в твердые прозрачные шарики. Вроде кнамьих. Только помочь эти шарики не могли. Мальчик был в миллионах световых лет от Земли. И мчался в никуда.

...Это было не по правде. Это мгновенно представилось Анне Львовне, когда она увидела, что оба ящика пусты. Она не помнила, как оказалась рядом с артистом. С минуту смотрела на голое картонное дно, потом выдохнула:

— Чарли Афанасьевич... Что это значит?

— Одну минуточку... Одну... самую полминуточку... — Он суетливо нажимал кнопки на пульте. — Возможно, я... Бывают, знаете ли, некоторые накладочки...

Понажимал кнопки еще. В ящиках никто не появился — ни в том, ни в другом. Испуганная тишина зрителей постепенно превращалась в недоуменное гудение. Чарли Афанасьевич снял цилиндр и почесал пультом затылок.

Анна Львовна удивительно звенящим (от страха и отчаяния) голосом потребовала:

— Господин Домби-Дорритов! Потрудитесь немедленно вернуть на место моего ученика Игоря Егорова!

Чарли Афанасьевич загнанно оглянулся. Выдал улыбку.

Надел цилиндр и, снова взмахивая руками, словно крыльшками (что в данном случае было весьма неуместно), взлетел на крыльцо.

— Господа! Небольшая заминка, вызванная, очевидно, легкой неполадкой в пульте управления. Одну секундочку... Не найдется ли у кого-нибудь отверточка?

Отверточка тут же нашлась у Андрея Андреевича. Он без слов достал из-за пазухи карманный набор инструментов.

— Одну минуточку... — Домби-Дорритов нацелился стальным жалом на головку шурупа, завертел... — Одно мгновение!.. А пока, может быть, кто-то еще захочет почитать стихи? Или... споет? Как наш славный Ёжик... хе-хе...

Ни декламировать, ни петь никто не захотел. Все, вытянув шею (а на задних рядах — встав с сидений), смотрели, как иллюзионист копается отверткой в пульте. Анна Львовна стояла от него в двух шагах и стискивала щеки. К ней подошли Вера Евгеньевна и Андрей Андреевич.

Андрей Андреевич что-то негромко говорил Анне Львовне. Наверно, утешал.

Утешать и уговаривать людей не терять надежду было ему не привывать. Многие знали, что раньше учитель труда служил священником. А кое-кто знал даже, почему он из священников ушел. Об этом однажды рассказал одноклассникам Коля Соломин (то есть Соломинка или Солома). У Соломы было интересное свойство: он очень много знал про жителей Малых Репейников. Откуда и почему, никто не мог понять. Может быть, оттого, что в будущем Николай Соломин собирался стать журналистом и с детства оттачивал умение собирать и запоминать всякую информацию. При этом он вовсе не был болтуном и сплетником. Никаких гадостей никогда ни про кого не говорил. Но время от времени мог удивить приятелей чем-нибудь интересным. И вот однажды поведал Пузырю, Лаптю и еще нескольким ребятам, что оказались рядом, такое:

— Он же ничего плохого не сделал, когда был попом. Его уволили отсюда, потому что он отказался благословлять танки. Обрызгивать святой водой...

— Какие танки? — удивился Пузырь. — Они же в церковь не ходят!

— Перед отправкой эшелона. Солдат отправляли на южную границу, и с ними несколько танков. Молебен был. Потом начали танки обрызгивать. А наш Андрееч говорит: эти

машины есть орудие смертоубийства, и тратить на них святую воду — дело, не угодное Богу, потому что в Библии написано: «Не убий». Не убивай то есть... Конечно, случился скандал. Вызвали отца Андрея на их церковный совет, и архиерей, или кто там у них главный, давай упрекать: «Как же тебе не стыдно! Покаяйся! Ты отказался выполнить свой долг! Другие пастыри (священники то есть) всегда поддерживают в ратниках боевой дух, бывают в окопах и даже прыгают с парашютом на боевые позиции, а ты...» А он в ответ: «Ну и допрыгаются... Мы и так уже допрыгались с этой войной...» Ну, ему и говорят: «Ступай, не достоин ты...»

Священного сана у Андрея Андреевича теперь не было, но прежняя душевная мягкость и готовность помочь в беде никому да не девались. А уж если помощь нужна человеку, который тайно дорог твоему сердцу... И Андрей Андреевич говорил тихо, но убедительно. Все, мол, наладится очень скоро, не надо предаваться унынию...

Чарли Афанасьевич тем временем привинтил крышку пульта, зачем-то поднес его к уху (будто и вправду сотовый телефон), помигал, неуверенно описал злополучным прибором круг в воздухе и...

— Ура-а-а!! — дружно завопили зрители.

Слегка встрепанный, но живой-здоровый Ига Егоров стоял в ящике под окнами. Послушал радостные крики, помаhal руками, подернул на коленях брюки и перелез через картонный край. Домби-Дорритов подскочил к нему. Спросил быстрым шепотом:

— Где ты был?

— Как где? Там. В коробке...

— И ничего не почувствовал?

— Я? Не-а...

— И не показалось, что долго?

— Не-а...

Чарли Афанасьевич за руку поташил его на крыльцо. Там, не отпуская Игу, он стал раскланиваться и рукой с пультом посылать приветствия зрителям. Ига тоже неловко поклонился (а что делать-то, надо играть роль до конца). Публика рукоплескала. Казимир Гансович, снова оказавшийся у крыльца, тоже рукоплескал (точнее, «крылоплескал»).

На этом концерт окончился. Вера Евгеньевна еще раз пожелала всем счастливых каникул, и народ начал разбегаться.

Ига снова уверил Анну Львовну и обступивших его одноклассников, что ничего не испытывал и задержки не заметил. Мол, всего-то одна секунда...

Наконец его оставили в покое. Он пошел к выходу из сквера.

2

На улице, где садовая изгородь делала изгиб, чтобы не мешать расти высоченному тополю, Ига увидел Пузыря, Соломинку и Лаптя. Они удерживали в углу тощего мальчишку в камуфляже и с видеокамерой. Звали их пленника, если вы помните, О-пиратор. Трое друзей вели допрос О-пиратора. Без лишней грубости, но настойчиво. Тут же был Генка Репьев с Ёжиком в корзинке. Возможно, Генка оказался рядом по случайности. Но раз уж оказался, то принял участие, подавал реплики:

— Он не только сегодня! Он еще и вчера крутился с камерой, когда мы над оврагом змея запускали! И вообще...

— Чего это вы, ребята, делаете с человеком? — удивился Ига.

Генка объяснил бодро, хотя, кажется, с внутренней неловкостью:

— Вот, шпиона поймали...

О-пиратор отозвался со слезинкой, но дерзко:

— Никакой я не шпион! Нельзя, что ли, снимать где хочешь?

— А зачем ты снимаешь секретно? — вредным голосом спросил Пузырь. — Притаился в лопухах и через решетку... Наверно, весь концерт отснял скрытой камерой.

— Ну и нельзя, что ли? Это же концерт, а не военный завод! — совсем как тонким голосом огрызнулся О-пиратор. Он прижимал к камуфляжу маленькую старую камеру и хлопал белыми ресницами.

— Вы чего, лопухастые? Спятели, да? — сказал Ига. — Мы в свободном городе живем, не в зоне. А вы поймали и допрашиваете. Может, еще пинков надаете, как ново-груздевские бабуины?

— Да кто его ловил! — Пузырь возмущенно поддернул широкие штаны (новые, без дыр на коленях). — Мы его от Казимира спасали!

— Да, Ига, ты же не знаешь всей ситуации, — вмешался деликатный Лапоть (Стасик Полуэктов). — Этот мальчик сни-

мал у решетки, а Казимир подкрался сзади да как налетит! И погнался! И загнал сюда, в угол. Мы его еле отбили, а потом уже стали расспрашивать...

Взъерошенный Казимир ходил неподалеку и всем своим видом показывал, что не считает себя виноватым.

Ига помигал. Ну и дела! Интеллигентный гусь Казимир сроду ни на кого не нападал.

— Казимир Гансович, вы не заболели?

Гусь возбужденно загоготал. Генка наклонился к корзинке:

— Ёжик, что он говорит?.. Ребята, он говорит, что Казимиру показалось, что у этого... у О-пиратора... скверные замыслы...

«Ну и гусь!» — чуть не сказал Ига (конечно, про О-пиратора), но это оскорбило бы Казимира. Ига только помотал головой. И спросил у мальчишки с камерой:

— А на самом деле у тебя какие замыслы?

— Да никаких! Снимаю хронику про здешние места, вот и все!

— А почему украдкой-то?! — вскинулся Генка, чья поэтическая натура всегда требовала ясности помыслов.

Лапоть добавил:

— Пришел бы на концерт нормально, тебе бы удобное место дали.

О-пиратор опять махнул белыми ресницами.

— Ага... а если камеру отберут?

Ёжик в корзинке нерешительно хихикнул. Мальчишки переглянулись.

— Ну, нездешний житель... — сказал с виноватостью за приезжего Соломинка.

Под пятнистой курткой О-пиратора вдруг что-то запикало. Он вздрогнул.

— Меня домой зовут! Пустите...

— Да иди, пожалуйста, — пожал плечами Лапоть. И все посторононились. И с полминуты смотрели вслед странному владельцу видеокамеры. Казимир Гансович тихо и недовольно гоготнул.

— Это пейджер пищал, — объяснил Соломинка, который все знал. — Тетушка в своем племянничке души не чаёт, вот и подарила такую штучку, чтобы все время сигналить по телефону: «Мальчик мой, не отходи далеко от дома... Пора кушать... Пора спать...»

— Что за тетушка? — подал голос из корзинки Ёжик.

— Да ее все знают! Толстая Маргарита из Земляничного проезда!

«О-о-о...» — у Иги сразу испортилось настроение. Он вспомнил, что надо извиняться перед могучей Маргаритой Геннадьевной, едва не пострадавшей от шины. Что поделаешь, раз обещал маме... Правда, не очень твердо обещал. К тому же неизвестно: может быть, Маргарита все еще не перестала икать...

Все пятеро (плюс Ёжик в корзинке) не спеша двинулись по улице Солнечных часов. Казимир Гансович отстал. Сперва молчали, потом пронизательный Солома сказал:

— Ига... А вот если совсем по правде... то ты во время фокуса в самом деле ничего не испытал?

Это были надежные ребята. По крайней мере других, более надежных, Ига не знал. А союзники все равно понадобятся. Ига на ходу похлопал на коленях брюки, разогнулся и вздохнул:

— По правде — испытал...

3

Было вот что.

Иге показалось, что сидит он в коробке слишком долго. Даже поясница заныла. Он осторожно приподнял над собой картонные отвороты. Неба над головой не оказалось. Был потолок с трехрожковой люстрой. Ига обалдело выпрямился. «Великая Конструкция! Куда меня занесло?»

Впрочем, сразу стало ясно, что занесло в чей-то дом. В чей? И почему?

Ига поморгал и прислушался к себе. Кажется, он не очень боялся. Сердце стучало даже ровнее, чем там, на крыльце. И удивлялся он не очень. В конце концов, про всякие теории параллельных пространств Ига немало знал еще и до лекции Домби-Дорритова. И это приключение было ничуть не сногшибательнее того, что с кладовкой.

Скорее всего, у артиста что-то замкнуло в пульте.

Ладно, поглядим...

Ига выбрался из коробки.

Комната была похожа на профессорский кабинет. Две стены сплошь закрывали полки с книгами. Между окон — заваленный бумагами письменный стол. В углу блестел большу-

щим экраном компьютер. На кресле, укрытом зеленым искусственным мехом, дремал рыже-черно-белый кот. Он глянул на Игу одним глазом.

— Кис-кис...

— Мр-р... — дружелюбно отозвался кот и спрятал морду под лапу. Ну и ладно. Все равно не скажет, «где эта улица, где этот дом...».

Ига шагнул к окну, отодвинул пеструю штору. Увидел знакомую двадцатипятиэтажку губернского управления. Ну ясно, он в Ново-Груздеве. Не так уж далеко от дома. Правда, в карманах парадных брюк — ни копейки, да ладно, можно на дамбе проголосовать попутке — водители, живущие в Малых Репейниках, охотно подвозят лопухастых земляков. Правда, пройдет не меньше часа. Там, у школы, будет немало волнений. И больше всех перепугается, конечно, Анна Львовна. Тревога за Анну Львовну была сильнее остальных беспокойств. Хотя позади тревоги мелькнула и такая мысль: «А вот будете знать, как знакомиться с подозрительными фокусниками...» Но, конечно, это было неблагородное злорадство, Ига тут же мысленно дал себе подзатыльник.

Но все-таки к кому его забросила неведомая сила? Ига глянул вокруг внимательней. Над письменным столом висела в рамке большая черно-белая фотография. Круглощекий мальчишка лет восьми сидел на ковре, скрестив пухлые ноги, и жонглировал белыми шариками. Волосы у мальчишки были темные, гладкие, а спереди торчали завитым хохолком. Было что-то очень знакомое в этот хохолке. А также в выражении глаз и уверенной, не детской какой-то улыбке.

Неужели?..

Но фотография — слабое подтверждение. Нет ли чего точнее? Ига шагнул столу. Поверх всяких бумаг и конвертов лежала стопка тонких, похожих на школьные тетрадки брошюр. Прежде всего Ига увидел крупно напечатанное имя автора: Ч.А. МИШЕЧКИН...

«Он же говорил: настоящая фамилия Мишечкин! Вот я, значит, где! Ну, ясенько! Он случайно переключил излучение не на тот ящик!.. Халтурщик, вот вы кто, господин Мишечкин Ч.А.! Непонятно, почему на вас женщины заглядываются!.. А в книжке что?.. Научное описание фокусов с гиперпространством? Но при чем тут Малые Репейники?»

Вот что было на сизой ворсистой обложке:

Для служебного пользования
 Научно-исследовательский институт использования
 территорий для испытаний оружейной техники
 «НИИТЕРРОР»

Лаборатория прикладной геофизики

Кандидат паратехнических наук
 Ч.А. МИШЕЧКИН

**Проект реконструкции и развития
 города Малые Репейники
 и прилегающих к нему территорий**
Тезисы доклада и реферат

На правах рукописи

«Чего-чего?» — мысленно сказал Ига. И посмотрел на фотопухлого мальчика с шариками. Малец значительно улыбался. Ига открыл первый лист.

«Вступление.

Прежде всего автор считает необходимым уведомить слушателей данного доклада и читателей реферата, что излагаемый ниже проект одобрен в первом чтении специальной комиссией губернского парламента и заслужил в основном положительную оценку губернатора Ново-Груздевской губернии...»

Ига не силен был в чтении научных текстов. Но все же кое-что понял с первых двух страниц. А когда пробежал глазами еще с десятков, волосы его (с таким трудом расчесанные утром) встали дыбом. Сравнение, конечно, не новое, но они встали именно так. Великая Конструкция!.. Или, как сказала бы Степка: «Забавно, да?»

Было так «забавно», что впору мчаться домой, не теряя ни минуты! Ига глянул на дверь. И в этот миг за дверью послышались шаги. Ига поддернул штанину, сунул брошюру под резинку высокого носка (так иногда для игры в футбол делают шитки из старых тетрадок). Кот встал и вздыбил шерсть. Дверь отошла. Показался рослый пятнистый бульдог. Кот зевнул и улегся снова. Бульдог поглядел на Игу, поднял верхнюю губу, показал клыки.

— Я тут случайно, — убедительно сказал Ига. — Это твой хозяин виноват, а не я...

Не убирая клыков, бульдог пошел к Иге.

Ига выхватил из кармана кнамий шарик. Показал псу.

— Только сунься, зверюга!

Пса отнесло к двери. Там он жалобно взвыл, прочно уселся у порога и опять показал зубы. Мол, все равно не выйдешь. Мой собачий долг сильнее твоего шарика.

За дверью опять послышались шаги. На сей раз — явно человечьи. Конечно, это не мог быть Домби-Дорритов (то есть Ч.А. Мишечкин). Значит, кто-то незнакомый. Увидит чужого мальчишку — и в крик (здесь ведь не Малые Репейники): «Жулик, обокрасть квартиру хочет!» Тем более что под брючиной в самом деле краденая брошюра. Ига вмиг сообразил, что единственное спасение — картонная коробка. Если его увидят в ней, он скажет: «Сам ничего не понимаю! Меня засунули в нее на школьном дворе, а оказался здесь! Такой фокус!» И это будет правда!

Ига прыгнул в ящик, захлопнул над собой картонные клапаны. Замер. И почти сразу в щелях засинело небо. Ура! Ига вскочил. Услышал радостные голоса...

ТРЕВОГИ

1

Сидели во дворе Коли Соломина (Соломы). Здесь за сараем, среди сирени, была уютная лужайка. Устроились на траве тесным кружком (только Ёжик бродил неподалеку, под молодыми лопухами).

Брошюра была прочитана. Если отбросить всякие длинные научные абзацы и мудрёные выражения (вроде «...опираясь на изложенные выше экономические выкладки, а также исходя из фактора отсутствия разного рода негативных геомагнитных аномалий...»), суть этого сочинения можно изложить так.

Город Малые Репейники должен быть коренным образом перестроен. Деревянные кварталы со старинными домами следует снести. Овраг засыпать. Косогоры срыть. На освобожденных местах будут построены многоэтажные офисы и отели. В отелях будут жить иностранные гости. Эти гости станут приезжать на Ежегодную ярмарку новейшей военной тех-

ники (ЕЯНВТ), чтобы купить для своих стран выставленные в павильонах прыгающие танки, самонаводящиеся гаубицы, истребители с пилотами-роботами и скачущие мины с компьютерным управлением. Павильоны будут поражать зрителей своей архитектурой: стеклянные купола, разноцветная пластмасса, бетон фигурного литья. А то, что внутри, будет поражать посетителей и покупателей инженерной хитростью и военной мощью, способной сокрушить любого противника.

Чтобы эти хитрости и мощь проявлялись со всей наглядностью, запланированы всякие испытания и стрельбы — на прилегающих к городу полигонах. Полигоны великолепно размещаются на обширных Плавнях, которые для этого следует осушить. «Процесс осушения» будет совсем не сложен. Оказывается, под Плавнями, в толще земной коры, есть множество обширных пустот («тектонических емкостей», по выражению Ч.А. Мишечкина). Надо только в подходящем месте пробурить скважину, и вся вода из Плавней раз и навсегда уйдет в глубину! Не станет ни болот, ни озер, ни речных протоков. На сухих пространствах, в безопасной дали от городских кварталов, станут безвредно лопаться мины, снаряды и ракеты разного радиуса действия — все новейших образцов. Восхищенные иностранные гости кинутся занимать очередь, чтобы поскорее купить эти образцы. Деньги бурным потоком хлынут в казну государства и в кассу «НИИТЕРРОРа».

А жителей Малых Репейников ждет новая радостная жизнь! Строительство павильонов и небоскребов даст им громадное количество рабочих мест. Кроме того, понадобится множество людей для обслуживания иностранных деловых представителей и туристов. Хозяева прежних деревянных построек совсем за небольшую цену переселятся в благоустроенные квартиры и больше не будут гнуть спину в садах-огородах, а займутся современной цивилизованной деятельностью. Их грядущему благополучию можно позавидовать...

— Ни фига себе... — произнес Лапоть (впрочем, он сказал не «ни фига», а покрепче, что в общем-то не характерно для лопухастых жителей этого городка и уж совсем несвойственно таким воспитанным школьникам, как Стасик Полуэктов). — Вы представляете, что это будет?

Представить было нетрудно. Вообще-то не столь уж великая радость колупаться с тяпками на картофельных грядках или полоть землянику, когда хочется бежать на озерный пляж. Но сейчас каждый чувствовал, что все они с тяпками наперевес

встанут на защиту этих самых огородов, где между грядок до сих пор можно откопать монеты времен Петра Великого, печати старинных купцов, бронзовые канделябры и серьги красавиц восемнадцатого века. На защиту старых яблонь за косыми заборами и заросших переулков, где летними сумерками закипают игры в «скройся-умойся» и в Тарзана. На защиту музея с курантами, косогоров и речки Говорлинки...

— Они же, паразиты, повыведут всех кнамов и квамов! — булькая от негодования, выговорил Ига.

— А в пустотах под плавнями живут подземные книмы! — вспомнил Генка Репьёв. — Их затопят, что ли?

— А в Плавнях болотные книмы водятся, — подал голос из травы Ёжик. — Они без воды не смогут. А еще там есть чуки и шкыдлы. Хотя шкыдлы вредные...

— Хоть и вредные, а без них нарушится биологический баланс, — вмешался Солома, который все знал.

— Чем вы недовольны? — сладким голосом спросил Пузырь. — Снарядики будут хлопать совсем негромко. Пук, пук... Зато каждый может подработать лифтером в двадцатиэтажных офисах этой «ЕЯНВТ». «Мистер, вам на девятнадцатый этаж? Пожалуйста!.. С вас десять центов на чай...»

— Пусть они засунут эти центы себе в задн... в задний карман, — сказал деликатный Лапоть.

— А Казимир-то, наивная птичка, принял за шпиона пятиного О-пиратора, — вздохнул Соломинка. — Не понял, бедняга, что главный шпион — этот самый... фокусник Чарли. Притворяется артистом, а сам вынюхивает, как скрыть наши Репьи...

— Но он и фокусник сильный, — возразил Ига. — Вон как перебрасывает людей из города в город. Хотя и по ошибке...

— Вот именно, что по ошибке. Такие способности для дурака — страшное дело, — угрюмо заметил Пузырь.

— А если не для дурака — еще хуже, — вставил Соломинка. — Если он возьмется использовать их для военных целей...

— А он, наверно, возьмется, — нерешительно заметил Генка. — Раз он в этом в террорном институте...

Лапоть грустно сказал:

— И чего это Анна Львовна в нем нашла?

Пузырь поддержал друга:

— Андреич, такой симпатичный мужик, вздыхает по ней, а она только на этого Чарли глядит...

У Иги созрел простой и честный выход:

— Надо Аннушке все рассказать. Тогда она его коленом в... по заднему карману...

— Надо всем рассказать, — уточнил Лапоть. — Сделать материал достоянием гласности. Тогда весь город возмутится!

— У меня дедушка в газете работает, — сказал Генка. — Завтра он вернется из отпуска. Давайте эту книжку отнесем ему. А он про все про это и напечатает, и на телевидение сообщит!

— Давайте! — подскочил Ига. — Только надо копию снять. Я к папе на работу съезжу, у них ксерокс есть. А книжку вернем Домби-Дорриту. А то получается, что я ее украл... Можно вернуть при Аннушке, пусть знает...

С Игой отправился Солома. Нельзя отпускать человека с таким важным документом одного, без охраны.

...Большой Лопуховый остров по форме напоминает ковш с изогнутой ручкой. Ручка эта длиной километра два (почти такая же узкая, как дамба для связи с Ново-Груздевом). У основания «ручки» стоит на острове старинный монастырь. Еще в не очень давние времена в полуразрушенном монастыре располагалась военно-инженерная часть, а теперь там снова налаживали хозяйство монахи. Над обителью празднично золотились церковные кресты.

Когда Ига и Соломинка оказались на берегу, у монастырского пирса, там возились в моторке два молодых дядьки с бордками, в черных колпаках и длинных подрясниках.

— Господа монахи, простите за беспокойство, — сказал Соломинка, вежливо поправляя очки. — Не подбросите ли нас до водозаборки? Очень срочное дело!

Водозаборная станция стояла на самой оконечности «ручкятки ковша».

Монахи разом глянули из лодки.

— Вообще-то, господа лопухастые, нам в другую сторону... — сказал один.

— А что, правда шибко важная надобность? — спросил другой, в очках.

— Во! — Ига чиркнул ребром ладони по горлу.

— У него там папа работает, — уточнил Соломинка.

— Ну, ежели папа... Заводи, брат Константин, — решил тот, что без очков. — Ибо сказано: будьте как дети...

Моторка домчала их до станции за три минуты.

— Храни вас Бог, — искренне сказал монахам с пристани Ига, хотя вообще-то не был силен в вере.

2

Игин папа был понятливый человек. Брошюру проглядел очень быстро и тут же кликнул двоих сослуживцев: маленького лысого Степа и худого бородатого Матвеича. Те тоже посмотрели. Тоже присвистнули.

— Не было печалей в нашем тихом краю... — сказал Степа.

— Видать, за грехи наши... — вздохнул Матвеич.

— Надо искупать грехи-то, — подвел итог главный инженер Егоров, Игин папа. — Включайте аппарат, коллеги...

Занялись ксероксом. Быстро печатали один брошюрный разворот за другим. Было тихо, только урчали за стенкой насосы. Ига и Соломинка нетерпеливо переминались.

Отпечатали две копии. Одну папа оставил для себя: чтобы показать «широкой общественности». Другую отдал Иге.

— Это вам... для служебного пользования. А книжку верни фокуснику. Чтобы не было разговоров о незаконном изъятии...

— Ага!

— Надо же! Губернатор их поддерживает, иродов... — проворчал, почесывая бороду, мастер Матвеич.

Лысый техник Степа сказал про губернатора что-то неразборчивое.

Ига и Соломинка пустились в обратный путь.

Попутной моторки у пристани не оказалось. Пришлось двигать пешком. Тропинка была узкая, местами заросшая. Там и тут подымалась молодая, но уже густая крапива. Соломинка был в своей постоянной тельняшке и лиловых трусиках (парадный костюм успел скинуть дома). Ига самоотверженно тащил бедолагу через крапиву на закорках. А что оставалось делать? В конце пути Соломинка, виновато блестя очками, проговорил:

— Да, ты надежный парень, Егоров. С тобой можно идти в разведку.

Сказано это было с дурашливой ноткой, но Иге все равно стало приятно. Чтобы скрыть смущение, он ответил:

— Надо теперь злодея Чарли искать. Вот это будет разведка... Я ведь не знаю ни дома, ни улицы, хотя и был у него.

Соломинка рассудил, что самый резон пойти к Анне Львовне. Ей наверняка известен адрес Домби-Дорритова.

— А заодно и расскажем ей про все!

— Едва ли она обрадуется... — заметил Ига.

Соломинка возразил, что горькая правда лучше сладкого обмана.

Анна Львовна жила недалеко от городского рынка, на углу улицы Умельх Токарей и Приозерного спуска. В длинном одноэтажном доме, где у каждой квартиры было свое крылечко. У ближнего к калитке крыльца возилась с граблями известная всему пятому «Б» квартирная хозяйка тетя Варя.

— Дома, дома, — сказала она. — Входите. Только постучите там, она не одна.

«Кто это у нее? — недовольно подумал Ига. — Не помешал бы...»

Вошли в пахнущие березовыми вениками сени. Постучали в обитую клеенкой дверь.

— Заходите, не заперто! — весело откликнулся знакомый голос.

Ига и Соломинка шагнули в кухню. Из комнаты улыбалась в открытую дверь Анна Львовна. А из-за ее плеча смотрел на гостей (вот не повезло! или повезло?) сам Чарли Афанасьевич Домби-Дорритов.

— Мальчики! Вот молодцы, что пришли! А мы тут с Чарли Афанасьевичем пьем чай и вспоминаем приключение на концерте!.. Я Чарли Афанасьевича слегка побранила. Знаете, в чем он признался? Оказывается, заминку с фокусом он устроил специально, чтобы поволновать зрителей! Не знал, что у нашей Веры Евгеньевны большое сердце... — Анна Львовна погрозила артисту розовым маникюром.

Домби-Дорритов улыбнулся с милой смесью виноватости и плутовства.

— Игорь, Коля, да проходите же в комнату! — Но поскольку они стояли как прибитые к половицам, Анна Львовна сама шагнула к ним, в кухню. Домби-Дорритов шагнул следом и развел руки, словно собираясь обнять обоих мальчишек. Он по-прежнему был в блестящем фраке и манишке с бабочкой.

— Я очень-очень рад видеть участника нашего эксперимента и одного из неравнодушных зрителей. Очень-очень приятно!

Иге захотелось домой. Он не любил скандалы. От нехорошего ожидания у него тяжело холодело в желудке, словно туда

положили замороженное гусиное яйцо. Но Ига помнил и то, что он «надежный парень», с которым «можно идти в разведку».

«Ну, держись», — сказал он себе.

А Домби-Дорритову сказал:

— Это ненадолго.

— Э... простите, что?

— Ненадолго, что вам очень-очень приятно, — вздохнул Ига. — Скоро будет наоборот. Когда увидите вот это. — И он протянул брошюру.

Чарли Афанасьевич кругло приоткрыл рот и заморгал.

— В чем дело... Егоров? — неуверенно сказала Анна Львовна.

Ига почуствовал, что уже не робеет.

— Дело в том, что во время фокуса я на несколько минут оказался в кабинете у... этого господина Мишечкина. И нашел вот эту книжицу!

— Не может быть! Нет!.. И... чужие вещи брать непозволительно! — взвизгнул Чарли Афанасьевич. — Тем более здесь написано: «Для служебного пользования»!

— Вот поэтому мы вам и возвращаем брошюру, — объяснил Соломинка. Он стоял рядом с Игой и ничуть не волновался. По-журавлиному поджал ногу и чесал снятыми очками коленку. Медные волосы упали на глаза.

— И все-таки... — Анна Львовна поднесла к подбородку тоненькие пальцы. — Коля, Игорь, Чарли... Афанасьевич! Что случилось?

— Случилось, что этот... господин Домби-Дорритов совсем не артист, а... шпион и сочинитель вредного плана! — выдал Ига звонко и совсем уже бесстрашно. — Чтобы превратить наш город в армейский полигон!

— Игорь!..

— То есть он, наверно, артист, но только по совместительству, — невозмутимо поддержал Игу Соломинка. — А главным образом он лазутчик. Явился к нам под видом фокусника, чтобы все разведать и подготовить.

— Егоров и Соломин! Вы должны немедленно и как следует извиниться перед Чарли Афанасьевичем! — решительно известила своих учеников Анна Львовна. — А потом... сейчас... я... вы...

— Вы сначала прочитайте книжицу, — угрюмо посоветовал Ига. — А потом уж решайте: извиняться или нет... А если не даст, скажет, что секретная, то вот вам копия... — Ига акку-

ратно выложил на кухонный стол оттиски. — А мы пойдем... До свиданья...

— До свиданья, — сказал и Соломинка, поправляя медные волосы и укрепляя на носу очки.

На пороге Ига оглянулся. Не выдержал:

— Анна Львовна, вы, конечно, у нас всего год. Для вас наш город, может быть, просто так... А мы здесь живем всегда... Если одного кнама случайно чуть не раздавишь, потом целую неделю вздрагиваешь. А они хотят всех... Здесь всё живое, а они...

И ушел. Вместе с Соломинкой.

Но у калитки Соломинка придержал Игу за рукав.

— Давай подождем...

— Чего?

— Чего-нибудь... вон там... — И потянул его в кусты сирени у забора. Тети Вари не было видно, никто не помешал.

Они сидели в сирени, смотрели на крыльцо и ждали (чего?). Соломинка — хладнокровно, Ига — сумрачно. Потом на крыльце распахнулась дверь. Послышался громкий голос Анны Львовны, слова были неразборчивы. По ступеням сбежал Чарли Афанасьевич. Сбежал как-то странно, растопырив локти и оглядываясь. Следом вылетела плоская черная шляпа. Она ударилась о столбик навеса и со шелчком превратилась в блестящий цилиндр. Тот покатился по траве за хозяином, словно умолял: не бросай меня! Домби-Дорритов оглянулся. Поднял цилиндр. Подул на него. Надел. Оглянулся на крыльцо. Пожал плечами и с достоинством направился к калитке. Звякнула шеколда.

— Вот теперь всё, — сказал Соломинка. — Можно идти домой.

Ига глянул на свои электронные часики.

— Великая Конструкция! Уже вечер! Будет мне дома...

3

Дома ему и правда «было». Но не очень. Главным образом за брюки.

— Во что ты их превратил! Новые, чистые... Неужели нельзя было прийти и переодеться, прежде чем гонять чертей по репьям?

— Мама, ну некогда же было! Потому что там такое... Даже к Степке до сих пор не смог забежать! Ух, разобидится...

— Кстати, о Степке! Разве ее не было с тобой на школьном празднике?

— Не... не было! Она сказала, что, наверно, пойдет с бабушкой на рынок! Я так и думал! А что?

— Не ходила Степка на рынок. Бабушка ее приходила к нам, спрашивала, не гуляет ли она с тобой. Я думала, что она у вас в школе, успокоила...

— Не было ее!

— Бабушка сказала, что ее не оказалось дома с самого утра. Проснулись, а ее нет... Ты правда ничего не знаешь?

Ига тяжело помотал головой. И ощутил, как на него надвигаются новые события. Опять нехорошие.

— Ма-а, я к ней сбегаяю! Я быстро!

— Стой! Переоденься сначала! И поешь! От тебя одни глаза остались!..

Ига все сделал одновременно. Натягивая старые штаны с бахромой и футболку, сжевал тут же кусок пирога (не заметил с чем), сунул в прежний карман кнамий шарик, снова крикнул маме: «Я скоро!» — и махнул на улицу.

До Степкиного дома он домчался за минуту. Влетел на двор, дернул дверь. Часто дыша, поднялся по лестнице. Постучал. Ни звука. Потянул ручку, оказался в коридоре. Тишина была какая-то... чересчур.

— Степка... — слабо позвал Ига. Ни звука.

— Есть кто-нибудь?! — крикнул Ига уже без робости, но и без надежды. Но, конечно же, никто не отозвался.

Ига пошарил за косяком, где всегда висел ключ от кладовки. Не было ключа. Ига, не дыша от тяжелой догадки, потянул дверь. «Не открывайся, не надо!» Дверь легко отошла.

Ига постоял секунду и шагнул через порог.

Он увидел то, о чем догадался еще, когда бежал к дому (или сейчас казалось, что догадался). Вещи с нижней полки были убраны, одна доска выломана внутрь. Широкая была доска, и пролом оказался большой (откуда у Степки силы взялись?). Солнце (совсем не вечернее) входило в дыру свободно и ярко. Кричал петух.

Дверь за спиной у Иги медленно закрылась сама собой.

Ига понял, что если подумает хотя бы три секунды, то ни за что не решится на... на то, что совершенно необходимо. И никогда не отыщет Степку. Ощущение, что он опять падает на крохотного кнама, обожгло его. Ига животом упал на полку, подтянул себя к дыре. За ней был тот двор, со старым доми-

ком, которого нынче *не было*. Ига, сжав зубы, придвинулся к пролому, перевалился через дощатый край. Повис на руках (где, в каком пространстве?). И разжал пальцы.

РАЗНЫЕ ПОЛОВИНКИ ЛУНЫ

1

Земля крепко стукнула Игу по ступням. Ига не удержался, ладонями упал в лебеду.

Лебеда была поздняя — с покрасневшими листьями. Изнанку листьев покрывала серебристая пыльца, она осталась на ладонях. Ига, подымаясь, вытер их о колени. «Наверно, конец августа или начало сентября, — подумал он. — А какой год?» И еще подумалось боязливо: «А сумею ли вернуться?» Он тут же прогнал трусоватые мысли. Потому что в любом случае не «сумею», а «сумеем». Степку надо найти обязательно. «А потом я ей задам...»

Воздух чужого времени (и чужого пространства?) был обыкновенным воздухом позднего лета. Пахло все той же лебедой, старыми лопухами, теплыми от солнца досками пристройки и сырватými дровами от близкой поленицы. «Нет, все-таки начало сентября», — решил Ига. Потому что от калитки к одноэтажному домику шагал через двор школьник. Видимо, первоклассник. Он чиркал по траве большущим новеньким портфелем, от блестящих замков которого отлетали солнечные блики. Был первоклассник в синем беретике, сдвинутом на лопухастое ухо, в сером пиджачке и таких же брючках до колен. «Начало шестидесятых», — сообразил Ига. Вспомнил старую кинохронику: там пацанята в такой вот школьной форме приветствовали Гагарина, который недавно вернулся из полета.

— Репивет... — неуверенно окликнул мальчишку Ига.

Тот остановился без испуга. Заулыбался — шербатый и конопатый.

— Репивет! — Видно сразу: все-таки свой человек.

— Слушай, ты не видел девочку?... — Ига запнулся. Какие Степкины приметы назвать? Он ведь не знает, как она была одета. — Ну, такая, чуть побольше тебя, у нее волосы на макушке кисточкой торчат... И нет переднего зуба!..

Конечно, шансы были «никакие». Степка, выбираясь из

дыры, наверняка следила, чтобы поблизости не оказалось зрителей.

Но мальчик сказал без удивления:

— Видел. Она с зеленой ленточкой на волосах, да?

— Ну... наверно. Да!

— Она спросила: «Где тут ближняя школа?» Я показал. Потому что она, сразу видно, не здешняя...

— А куда она пошла?

— К школе и пошла. Вон туда, через овраг, на Колхозную...

Ига сморщил лоб. По его понятию, ближняя школа должна была стоять на улице Солнечных Часов, а про Колхозную он не слышал. Открыл было рот для расспросов, но первоклассник опередил. Он оглядел Игу от макушки до пят и сказал уважительно:

— Ты стилияга, да?

Ига вспомнил, что в давние годы стилиягами называли тех, кто подражал иностранцам. Почему-то считалось, что это ужасно скверно.

— С чего ты взял? — насутился Ига.

— У тебя майка заграничная... Слова какие-то не по-нашему...

— Это по-нашему! — Ига пальцем провел по желтому трикотажу на груди. — «Всё будет хорошо», вот. Только английскими буквами, для смеха...

— За такой смех могут к завучу отвести, — умудренно заметил первоклассник. Видать, уже познакомился со школьными правилами. — Ты лучше переодень шиворот-навыворот, если к школе пойдешь...

Совет был от души, и потому Ига тут же послушался. Сдернул футболку и надел наизнанку. И подумал, что, может быть, это даже добрая примета — если обещание хорошего конца приключений будет ближе к груди.

— А давно ты ее видел? Эту девочку...

— Совсем только что. Шел сюда от оврага и встретил. Ты беги, догонишь, может быть...

Ига вскинул над плечом левую растопыренную ладонь — «спасибо и до свидания». Первоклассник ответил так же (да, свой человек). Ига помчался со двора.

Серпуховская улица и Земляничный проезд были почти такие же, как в Игины времена, привычные. Только вместо могучего тополя, что стоит на полпути к оврагу, рос теперь не-

высокий тополек. Да заборы казались поновее... А у оврага началась чертовщина.

Вместо деревянной лестницы Ига увидел перекинутый через овраг узкий, дугою выгнутый мост. И, не раздумывая, взлетел на него с разбега. Мост был из тонких металлических реек и кровельного железа. Он струнно загудел, задрожал под бегом. «Хлипкая конструкция...» — мелькнуло у Иги. (И отозвалось тревожным эхом: «Конструкция?» Но эхо это тут же угасло в гуле железа.)

Ига бежал, бежал, а мост не кончался. Наконец сбилось дыхание. Ига остановился, колотилось сердце — и оттого, что запыхался, и от испуга. Что же это? Овраг не может быть таким широченным! И... овраг ли это?

По сторонам от моста клубились зеленые массы. Не то вершины выросших в овраге высоченных деревьев, не то пахнувший влажной листвою туман. Ига опасливо подошел к перилам. Грудью и коленями уперся в холодные железные полоски, глянул вниз. Зеленая неразбериха неслышно вспучивалась там и расходилась неторопливыми волнами. Ига передернул плечами: материя футболки впитывала пахнущую травяным соком влагу. Холодная морось покусывала ноги. На ресницах заискрились зеленые капли.

«Может, все это сон?»

Но разве бывают сны с такими отчетливыми чувствами? Вон как резко давят на ребра и колени тонкие звенья ограждения! Вон как по-настоящему пахнет ржавчиной от верхней планки перил!.. Но пустота и загадочность — и вправду как в тревожном сне, когда вокруг не привычный и добрый мир Малых Репейников, а что-то незнакомое. Никого не было вокруг. Совсем никого... Хотя...

Да, справа от Иги — рукой можно дотянуться — сидел на перилах крупный, ростом с банан кнам (или квам?) неизвестного племени. В салатном комбинезончике, в круглой, как макушка огурца, шапочке. С похожей на мох бородкой. Болтал напоминающими стручки гороха башмачками. На Игу не смотрел.

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста... — начал Ига, но кнам не оглянулся и прыгнул вниз. Почти сразу над ним раскрылся похожий на половинку арбуза парашют. — Невежа, — сказал вслед ему Ига. И досадливо вышел на середину моста. И увидел старушку.

Старушка сидела на ящике из-под яблок. Перед ней был

другой ящик, на нем лежали пучки морковки и укропа. Ясно, что старушка торговала (но где покупатели?).

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, здесь не пробегала девочка с зеленой лентой на волосах?

— Конечно, пробегала! — Старушка подняла похожее на грецкий орех лицо. Бледно-голубые глазки заблестели. — Недавно совсем проскакала, пичуга. Про школу спрашивала. Я говорю: «Вон туда тебе надо, милая, за мост и направо, на Колхозную... Возьми, — говорю, — морковку на дорогу...» Да куда там! Умчалась, только платянице желтое, как бабочка, замелькало...

«Ага, значит, она в желтом, как я... А что ей надо в школе-то?»

— Спасибо! — Ига метнулся было вперед.

— Да подожди, милый! Возьми морковку!

Нельзя было обижать бабку. Но...

— Денег нету...

— Да какие деньги, голубок! Угостись так! На дорожку!

Ига опять крикнул «спасибо», схватил пучок тонких морковок с ботвой и бросился по мосту. Снова загудели железные листы. Но скоро кончились. Под ногами оказалась гранитная брусчатка. Ига увидел, что он уже не на мосту, а посреди густой аллеи. Наверно, здесь ходили нечасто. Между камнями брусчатки стояли одуванчики с пушистыми головками и рос подорожник. С двух сторон подымались заросли ольхи и рябины, в них белели гипсовые фигуры. Очень разные! Это были и китайские драконы (с какой стати они здесь?), и добродушные, похожие на котов львы, и старинные пограничники в островерхих шлемах и с присевшими рядом узкомордыми овчарками. Но больше всего было спортсменов с мячами и веслами, прилежных девочек с книжками и длинноногих пацанов в галстуках-косынках и с поднятыми к губам сигнальными трубами...

А Колхозной улицы все не было.

Ига уже начал приходить в отчаяние, но в конце аллеи увидел косо врытый некрашенный столб, а на нем белую фанерную стрелу с красной надписью: ШКОЛА.

Уф! Значит, он идет правильно!

Однако правильный путь — не значит короткий. Ига оказался в переулке с могучими старинными воротами и с домами, от земли до чердаков украшенными хитрой деревянной резьбой. Настоящие терема. Такие дома изредка встречались в

Малых Репейниках, но чтобы в одном месте и в таком количестве — этого Ига не видал. Он замедлил шаги и шел, вертя головой. За крайним теремом открылась просторная лужайка. По краям цвел шиповник, а в середине краснела вымощенная кирпичом площадка. В центре был круглый бассейн, и на его низком ограждении танцевали, взявшись за руки, дюжина гипсовых ребятишек. Они были, конечно, неподвижны, однако если не приглядываться внимательно, казалось, что и правда скачут как живые — так здорово они были вылеплены. А в гладкой воде бассейна отражалась бледная дневная луна.

Ига отыскал глазами луну в небе. «Великая Конструкция!..» Луна была... может, и не луна вовсе? Ее разделяла на две половинки — светящуюся и темную — четкая граница. Половинки казались неодинаковыми (светлая больше), но граница тем не менее была совершенно прямая, словно проведенная по линейке. Так не бывает на луне! Было похоже, словно кто-то изготовил шар из тонкого матового стекла и налил в него больше, чем наполовину, светящуюся жидкость, потом заставил ее затвердеть, повернул шар набок и в таком виде поместил под бледно-голубой небесный купол. Стало опять страшновато. Но Ига сказал себе, что, если будет вздрагивать от всех здешних странностей, он никогда не догонит Степку.

«К тому же, — рассудил он, — такая луна обещает удачу. Ведь светлая половина у нее крупнее! Хорошая примета...»

И правда — опять удача! Кто-то нарисовал на кирпичках мелом стрелу и написал коряво, но разборчиво: «Школа».

2

Однако школы по-прежнему было не видать. Причудливые улицы, кривые переулки и густые аллеи опять старались запутать Игу. Гудели под ногами горбатые железные мостики над ручьями, разбитые каменные лестницы изгибами взбегали на усыпанные ромашками склоны. Среди привычных домов из бревен и кирпича вдруг подымались то зубчатые крепостные башни, то изогнутые эстакады «американских горок» (по ним проносились похожие на разноцветные капли вагончики).

Игу почти не удивляли такие сюрпризы незнакомого пространства. Тем более что в этой незнакомости чудилось что-то... знакомое. Словно вспоминался давно забытый сон. А самым главным было в Иге желание догнать Степку.

Наконец он оказался (сам не понял как) на улице Солнеч-

ных Часов. То есть не точно на ней, но очень похожей. Все было привычно, только часы располагались не перед аптекой, а посреди мостовой. Ну и ладно, какая разница! Зато школа — совсем недалеко! Ее не было еще видно за деревьями, но слышался переливчатый звонок, а по тротуарам и прямо по дороге весело топали навстречу Иге ребятишки из младших классов.

Здесь опять можно было бы удивиться. Потому что явно смешались разные времена. Некоторые мальчишки были в полувоенных блузах с бляхами на ремнях и в фуражках с лаковыми козырьками (такое обмундирование носил Игин дедушка — Ига видел на фотографии). Были и пацанята в костюмчиках, как у встреченного на дворе первоклассника. Были и в синей, с погончиками и алюминиевыми пуговицами форме, которую отменили только в конце прошлого века. Лишь девочки выглядели почти одинаково — в коричневых платьицах с черными или белыми фартучками. На шеях у многих атели повязанные узлом косынки... Впрочем, хватало мальчишек и девчонок без всякой формы. И Степка, если бы она оказалась здесь, не очень выделялась бы в толпе.

Но не было Степки. И никаких знакомых не было... Хотя... Ига мигнул и замедлил шаги. Навстречу независимо шагал пухлый мальчишка лет девяти с зачесанным вверх черным хохлом. В тесном жилетике из синего вельвета и таких же штанишках с латунными пуговицами по бокам, в тугих клетчатых гольфах и новеньких желтых ботинках.

«Репивет», — чуть не сказал Ига от неожиданности, но вовремя прикусил язык. А мальчишка лениво глянул на Игу похожими на маслины глазами и прошагал мимо. И почти сразу Ига услышал:

— Чарли! Ну что же ты! Бабушка сходит с ума от беспокойства, а ты все не идешь!

Ига не спеша и будто случайно оглянулся. Сухонькая старушка в парусиновой шляпке и круглых очках стягивала с пухлого внука ранец.

— Дай, бабушка понесет. Это же с ума можно сойти, сколько тяжестей заставляют таскать детей на уроки... Не упрямясь!

Чарли и не упрямясь, отдал ранец. Но капризно сказал:

— Зачем ты опять! Я же велел: не ходи, не встречай! Никого в третьем классе не встречают!

— Я и не встречала специально! Я пошла тебя поторопить,

потому что приехала Ядвига Кшиштовна и хочет с тобой по-видаться...

— Опять эта баба-яга...

— Чарли, не говори глупости! Это моя тетья, значит, твоя двоюродная прабабушка! И она тебя очень любит...

— Ага! Как глянет через свои очки с рукояткой...

— У нее университетское образование! Она строгая внешне, но очень добрая в душе. Этим она похожа на мисс Бетси Тротвуд из «Дэвида Копперфилда». Ты же любишь Диккенса! Значит, должен любить и прабабушку.

Чарли не пощадил бабушкиных чувств:

— Это ты слюни пускаешь над Диккенсом, а я его терпеть не могу. Ты мне этими романами всю плешь проела!

— Чарли! Если ты будешь так говорить, я тебя... отшлепаю! — И было ясно, что она и мизинчиком не затронет любимого внука.

Ига слушал этот разговор, двигаясь сзади в нескольких шагах. Надо было бы спешить к школе, искать Степку, но он пошел за Чарли и бабушкой, словно кто-то уверенно сказал ему: «Не зевай, эта встреча не случайна». Бабушка раза два подозрительно оглянулась. Видно, ей не нравился мальчишка в «хулиганских» штанах с бахромой у колен и в надетой наизнанку футболке. Но Ига сунул руки в карманы и независимо глядел в небо: мне, мол, дела нет до вас, иду сам по себе.

Так они свернули в переулок, который вел вверх по склону. Здесь стояли одноэтажные, но обширные дома с высокими окнами и парадными крылечками. На одно такое крыльцо и поднялись бабушка с внуком. Но у дверей Чарли заупрямился снова:

— Ты иди, а я посижу тут...

— Но Чарли!..

— Иди, я сказал! Я отдохну. Может человек отдохнуть после четырех кошмарных уроков?

— Только не долго, прошу тебя. Там Ядвига Кшиштовна...

Чарли повел круглым плечом: потерпит, мол, двоюродная прабабка. Бабушка с тяжелым ранцем скрылась за украшенной завитушками дверью. Чарли через плечо глянул на Игу — тот с рассеянным видом шагал мимо крыльца. Не по тротуару, а по дороге, вдоль травянистого кювета. Потом он не совсем натурально споткнулся, упал и, держась за ногу, пошел через дорогу. Сел там в траву у палисадника и стал прикладывать

кусок лопуха к будто бы ободранному колену. И поглядывал: что будет делать Чарли?

Тот громко хихикнул над упавшим незнакомым мальчишкой, потом прыгнул с крыльца и вытащил из-под ступеней высокие консервные банки. Зачем-то показал их издалека, через дорогу, Иге. Банки были пустые, без крышек. Чарли поставил их на крыльцо, далеко друг от друга. Сел. Повозился и достал из кармашка на бедре два белых шарика — видимо, мячики для пинг-понга. Умело пожонглировал ими, снова глянул на Игу: «Умеешь так? Не умеешь!»

«Подумаешь!» — всем своим видом отозвался Ига.

Чарли снова повертел в руках банку и опустил в нее шарики. Перевернул, пошелкал по звонкому доньщику, шариков в банке не оказалось. Чарли дотянулся до другой банки, достал шарики оттуда, показал Иге.

«Знаем мы это дело», — подумал Ига. Но Чарли-то не знал, что незнакомый мальчишка «знает это дело». Он громко сказал с крыльца:

— Ну, что? Умеешь так?

— Подумаешь! — с той же громкостью отозвался Ига. Однако сразу, чтобы не рассердить вредного Чарли, спросил самым мирным тоном: — Скажи, пожалуйста, ты не видел у школы девочку в желтом платье и с зеленой лентой на волосах?

Чарли, видимо, не был совсем уж вредным. Отозвался охотно:

— Конечно, видел! Она там всех спрашивала, где пятый «А»! Потом примазалась к ним, к пятиклассникам, и пошла с ними в кино! У них культпоход!

— А в какое кино?

— В какое, в какое! В «Красную пирамиду», конечно! Куда нас еще в культпоходы водят!

— А где эта «Красная пирамида»?

— Ты что, с Луны упал?

Ига вмиг вспомнил луну с неодинаковыми половинками. И подумал: «Знал бы ты, откуда я упал!» Но решил миролюбиво соврать: недавно, мол, приехал. Однако не успел. Переулок наполнился гулом и сотрясением. Занимая всю ширину дороги, вверх тяжело ехал великанский автокран. Стрела — как решетчатый мост, желто-красная кабина — как вагон, колеса — ростом с двадцатитонный самосвал. Куда там шине, которой Ига и Степка чуть не сшибли несчастную Маргариту

Геннадьевну! Колес было восемь, а девятое, запасное (ну и громадина), покачивалось на боковой стене вагона-кабины.

С ревом и чадом сооружение продвинулось вверх по перелуку и стало удаляться. Гул, однако, не утихал. Ига чихнул от дыма и глянул на крыльцо. Чарли стоял и негодуя морщился. Потом отвернулся, пожал плечами, стал бросать в дверь и ловить шарик, когда он отскакивал. Ига ждал. Повторять вопросы в таком гуле было бесполезно.

У Чарли, кажется, что-то не ладилось с шариком. Чарли разгневался. Бросил шарик о дверь изо всех сил. Тот ударился о завиток деревянного узора, взмыл и по крутой дуге улетел на дорогу. Чарли сердито бросился за шариком.

Дорога была травянистая, ездили по ней, видать, нечасто. Чарли сидел в колее на корточках и раздраженно искал шарик в примятых автокраном листьях и стеблях. Переулок все еще вздрагивал от гула. Поэтому Чарли не слышал, как на него едет сверху сорвавшееся с кабины исполинское колесо. И конечно уж, не видел!

Ига заметил колесо краем глаза. Колесо, набирая скорость, катилось прямо по колее. Ига толкнулся обеими ступнями. Он не побежал, а пролетел над дорогой, как пушенный из лука. Ухватил Чарли за плечи, рванул, смёл его в кювет, упал сверху. Гигантская шина чиркнула по его подошвам, Ига запоздало поджал ноги. И так лежал, пока далеко внизу не раздался тяжелый звон и грохот. *Что* там натворило колесо, Ига никогда не узнал (надеялся потом, что ничего страшного). Только представилось на полсекунды, как далеко отсюда, на столе в его комнате, вздрогнула и зашаталась конструкция из пластмассовых трубок...

Ига встал и поднял под мышки увесистого Чарли.

— Дурак сумасшедший, — хныкнул тот. — Чего кидаться на людей?

— Кретин! Смотреть надо, когда суешься на дорогу! Знаешь, какой блин из тебя получился бы!

Чарли хныкнул громче:

— Чего пристал! Я сейчас бабушке скажу!

У Иги внутри все тряслось. Чтобы унять эту дрожь, он деловито расшнуровал и снял правый кед, за шиворот повернул к себе спиной безмозглого Чарли и сделал то, что обещала, но никогда не делала бабушка: резиновой подошвой от души вляпал юному фокуснику ниже поясницы. На синем вельвете отпечатался пыльный след. Чарли басовито заревел. Не от боли,

конечно, а, скорее всего, от испуга — понял наконец про колесо.

Громкость рева ровно нарастала. Ига сообразил, что сейчас на этот сигнал появится бабушка. И, конечно, кроткая интеллигентная старушка превратится в гневную мстительницу.

Ига бежал. Это было не малодушие, а трезвый расчет сил: разве можно что-то растолковать бабушке, у которой обидели ненаглядного внука? К тому же надо было искать Степку. Прыгая на левой ноге, Ига натянул и зашнуровал кед.

3

— Скажите, пожалуйста, где кинотеатр «Красная пирамида»? — это он подскочил к тетушкам, которые у края тротуара торговали зеленью (вроде бабки на мосту).

— Ох, милый, да это же под куполом, далеко... — отозвалась крайняя.

— Под каким куполом, где?!

— Не тутошний, видать? — неторопливо посочувствовала другая. — Во-он туда беги, по Большой Казачьей...

Большая Казачья была похожа на Историческую в Малых Репейниках (то, что здесь не Малые Репейники, Ига давно уже понял). Но сходство было не полное. Улица вдруг привела к извилистой гранитной лестнице, которая спускалась, огибая стоявшее на склоне круглое строение из кирпича. И терялась в какой-то слишком сумрачной чаще деревьев. Ига понял, что сбился с пути. Двинулся назад. В левую щеку жарко светило солнце. Высоко впереди висела здешняя луна с неодинаковыми половинками. Ига заметил, что хромает. Колено, которое он разбил понарошку, теперь болело по-настоящему. Ига поглядел — оно было такое, словно им проехали по терке. К подсыхающим царапинам приклеились белые чешуйки — вроде осколков яичной скорлупы. Видимо, остатки пластмассового шарика.

Ига, нагнувшись, подул на колени. Где он так ободрался? Наверно, когда сбрасывал с дороги бестолкового Чарли... Ладно, заживет! Кнамий шарик спасает от всякой заразы...

Лестница привела почему-то не на Большую Казачью, а на травянистый бугор с редкими кустами желтой акации. Посреди бугра подымалось церковное строение — вроде круглой часовни с узкими окнами и очень большим крестом над серебряным чешуйчатым куполом. На кресте горел золотой блик.

Ига порядком измучился. Уже почти не верилось, что найдет Степку. Самое время было обратиться к высшим силам. Ига неловко оглянулся. Пусто было вокруг, только солнце сбоку да луна в высокой синеве. Лениво цвиркали кузнечики. Ига неумело перекрестился на крест-великан. Потом подумал: «Наверно, лучше зайти внутрь и там попросить — пусть Степка отыщется! Пусть с ней не случится плохого!» Пошел по щекочущей траве вокруг часовни. Но нигде не было дверей, только окна. Зато Ига увидел в траве тропинку. Надо было куда-то идти, вот он и пошел по тропинке — так, чтобы солнце светило в спину. А что было делать? Не к лестнице же возвращаться...

Тропинка пошла под уклон, привела к полуразрушенной кирпичной стене. В стене была арка — вход в какой-то полутемный коридор. Ига вошел. Сразу стало зябко. «Что я здесь делаю, куда иду?.. Ах да! Надо кого-нибудь встретить, спросить, где кинотеатр «Красная пирамида». А кого здесь встретишь?..»

Пахло сырыми кирпичами, под ногами горбатились неровные плиты. Откуда-то сверху сочился жидкий свет. Не вернуться ли? Но туннель сделал плавный поворот, впереди замелькали огни. Что там?

Ига вышел на широкую улицу.

Сперва показалось — ночная улица. Но нет, не ночная, а под странной крышей. Между пятиэтажными домами были перекинута балки, на них был, видимо, сделан настил. Наверно, сверху его засыпали землей: в щели среди досок спускались длинные косматые корни. Балки тоже были косматые, сразу видно — очень старые. Все это было удивительно и... не страшно. Даже уютно как-то. Сквозь пробоины в этой высокой крыше пробивались веселые лучи. А на перекрестках так же весело горели на витых столбах граненые фонари — кое-где разноцветные. Светились высокие окна с частыми переплетами. Дома были красивые — с галереями вдоль тротуаров, арками и узорчатыми балконами, которые поддерживали диковинные звери и бородатые дядьки-атланты...

Тревога у Иги слегка улеглась. Да, он помнил, что надо спешить, но чуял и другое: в этом его появлении на подземной улице есть неслучайный смысл. Что-то знакомое ощущалось в ней. Вроде и дома тут, каких до этой поры не видел, и неведомая раньше подземная скрытность, и касание странной тайны... и в то же время такое чувство, будто бывал здесь рань-

ше. Бывал, а потом все забыл и теперь смутно вспоминаешь заново... И хочется свернуть в полузнакомые переулки, снова понять загадки причудливых домов и площадей, впитать в себя воздух этого полусна-полусказки. А в уголке сознания шевелится память о самом удачном фрагменте конструкции — из плавных изогнутых пластмассовых трубок зеленой и лиловой раскраски с золотыми шариками из фольги...

Эх, если бы не Степка, как славно было бы бродить здесь, все угадывая и узнавая...

Но и сейчас Ига невольно замедлял шаги. Ему бы спросить прохожих (а их было немало — и взрослых, и ребят): «Где «Красная пирамида»?» А он глазел на чугунное литье балконных решеток, на чудовищные хвосты корней под крышей, на широкие витрины со старинными глобусами и моделями кораблей...

В одной витрине сидело перед большущими песочными часами бородатое существо ростом с полено. В очках и соломенной шляпе. Скорее всего, болотный или подземный кним. Он внимательно глянул на Игу из-за очков, перевернул часы и отчетливо произнес (зеркальное стекло не мешало звуку):

— Судя по всему, ты поспешил, друг мой.

— Куда поспешил? Почему? — Ига пробормотал это с загадкой, что кним в чем-то прав. Но в чем? — Я, наоборот, опаздываю... за Степкой...

— Речь идет не о Степке. О другом. Нельзя творить *такое*, пока не нащупал свою нить. И не совместил ее с *Меридианом*.

— С чем... не совместил?

— Вот видишь. Ты даже не понимаешь простых вещей. Ступай и подумай на досуге... — Кним опять перевернул часы и перестал смотреть на Игу. И стало ясно, что спрашивать его о Степке бесполезно.

Ига отошел от витрины с таким чувством, будто ему напомнили давнюю, но не совсем прощенную вину.

«А в чем я виноват? Да только в том, что хожу разинув рот, за Степкой не спешу!»

Ига снова бросился бегом. Кого бы спросить? Но прохожие разом куда-то исчезли. Ига с разгону выскочил на площадь. Здесь крыша была очень высокой, под ней звездно мерцали фонарики. Посреди площади стояла белая церковь. По углам ее сверкали маковками и крестами фигурные башенки, а главная башня упиралась в крышу и терялась в ней.

Ига вдруг понял: это и есть *купол*! А башня проходит сквозь

него и там, наверху, выглядит как часовня посреди холма! Он словно увидел вновь большой блестящий крест в синеве. И заторопился, мысленно повторил свою просьбу: «Пусть Степка отыщется! Пусть с ней не случится плохого!»

Рядом с Игой остановились двое. В незнакомой форме, но сразу видно, что постовые (милиция здесь или полиция?). С полосатыми жезлами, с черными радиотелефонами на груди. Один склонился над Игой:

— Вы что-то ищите, молодой человек?

— Я... да, ищу! Кинотеатр «Красная пирамида»! Туда пошли пятиклассники и с ними девочка в желтом платье! С зеленой лентой... Вы не видели?

— Разумеется, видели! Дети вошли в кинотеатр, и девочка была с ними. «Красная пирамида» вон там. Поспешите, скоро начало сеанса... А может быть, вас проводить?

— Спасибо, я сам! — Ига увидел на краю площади высокий фасад с горящими алыми буквами названия.

— Тогда торопитесь! — в один голос посоветовали постовые. По площади шуршали автомобили, но постовые махнули жезлами, и машины стали. А перед Игой протянулась цепочка зеленых светофорных огоньков.

— Спасибо! — Он помчался под огоньками. И через несколько секунд оказался у широкого освещенного входа.

Слева от дверей подымался трехметровый рекламный щит. На нем был мужчина в серой форме с витыми погонями и в рогатой каске. Он положил руки на перекладину большого меча. Головка рукояти была у его лица, он уперся в нее подбородком.

Несмотря на форму и оружие, лицо мужчины не было жестоким. Скорее — задумчивым. Правда, в задумчивости не ощущалось жалости. Пожалуй, была скука. С этой скукой он и смотрел с высоты прямо на Игу. Ига отвел глаза. Внизу афиши чернело название фильма: «Последний выбор». Ига потянул на себя большущую медную ручку двери. В кассовом зале никого не оказалось. Двери в вестибюль стояли распахнутыми. «Ох, а кто меня пустит без билета?» — запоздало испугался Ига. Но контролера у дверей не было. Ига боязливо шагнул.

В просторном вестибюле тоже никого не было. Только доносилась из-за стены глуховатая музыка динамиков. Ну, понятно, сеанс уже начался!

Прямо перед Игой на стене белели изогнутые стрелы указателей. Налево — «Синий зал», направо — «Зеленый зал». А в

каком зале ребята и Степка? По звуку не различишь, в котором идет кино (а может, сразу в двух!).

Ига шагнул к дверям Зеленого (как Степкина лента! — надо же как-то выбирать). Потянул дверь. Из-за нее ударил в глаза яркий свет экрана.

«А где я ее тут найду?» — мелькнуло у Иги. Однако ноги сами шагнули через порог...

ФАНЕРНЫЙ ВЫБОР

1

Чего угодно ожидал Ига, но только не такого...

Некого здесь было искать. Зал был совершенно пуст. Яркое мерцание панорамного экрана освещало ряды, и над спинками стульев не было ни одной головы. Да и динамики гудели так, как бывает это лишь в безлюдных помещениях.

А фильм шел!

Это был черно-белый фильм с тяжелой сумрачной музыкой. И на экране все было сумрачно. Под пасмурными облаками уходило к горизонту поле с редкими корявыми деревьями без листьев. Оно вздрагивало и качалось, будто перед глазами устало бегущего человека. Сквозь музыку Ига слышал, как хрустят под ногами сухие стебли.

Ига попятился. Но на экране все вздрогнуло, и ошарашенный Ига увидел Степку. Ее лицо! Громадное, во весь кадр! Оно придвинулось вплотную. С измученными глазами, с полосками слез на грязных щеках, с капелькой крови на нижней губе...

— Степка... — выдохнул Ига. — Степка!! — заорал он, потому что лицо исчезло.

Но Степка не пропала совсем. Просто она стала очень маленькой и теперь бежала по полю. Ее видно было со спины. Порой она совсем скрывалась за прямыми высокими стеблями, потом показывалась опять и убегала, убегала к горизонту.

Ее вообще-то желтое платьице было серым в этом бесцветном кино...

Или не в кино?

Музыка заглохла, слышен был только хруст.

Ига всхлипнул и, совсем потеряв голову, бросился к экрану.

Проход между рядами был длинный, Ига бежал долго. Наконец ударился грудью о похоее на сцену возвышение. Подпрыгнул, оказался на помосте. Бьющие через пустоту зала лучи проектора упруго толкнули Игу в спину. И, конечно же, должна была возникнуть на экране его тень. Но не было тени! А полотно экрана дышало глубиной, которая пахла сухой травой и гарью. И... это было не полотно, а пространство.

И по этому пространству убегала вдаль Степка!

Ига бросился следом...

Вместо досок помоста под подошвами оказались комья земли и трескучие стебли высохшего тростника.

— Степка, подожди!

Стебли ломались на половине своей высоты. Из них вылетали хлопья пыли. Пыль была пепельная, но Ига знал, что на самом деле она горчичного цвета. Едко скребло в горле — уже не покричишь.

— Степ... ка... — прокашлял Ига. Она мелькала далеко впереди. Ясно было, что так ее не догнать. Но и остановиться Ига не мог — казалось, что в тот же миг порвется фильм и Степка сгинет без следа.

Справа, слева, впереди стали подниматься столбы взрывов — от снарядов или от мин. Они были беззвучные, только вздрагивала земля. «Лишь бы не в Степку...» Некоторые взрывы вставали совсем близко — тогда по лицу туго бил горячий воздух, над головой пролетали комья земли и горящие тростинки...

И вот что-то взорвалось прямо перед Игой! Белое пламя, черный дым! Хлестнуло по лицу, швырнуло назад! Ига, раскинув ноги, сел в травяном сухостое. Пыль и дым взрыва быстро осели. А за ними... над тростником стоял трехметровый рекламный щит. Почти такой же, как у входа в «Красную пирамиду», только не цветной, а словно громадное черно-белое фото.

Человек в каске смотрел прямо на Игу.

Потом человек шевельнулся. Убрал подбородок с рукоятки меча. Снял каску и вместо нее надел блестящий цилиндр — как у Домби-Дорритова.

Ига мигал.

Человек чуть улыбнулся. Но это была никакая улыбка — просто движение губ. Затем он стал уменьшаться, словно отодвигался. И наконец сделался ростом с обыкновенного мужчину.

Ига смотрел почти без удивления. Ждал.

Человек в цилиндре шагнул с рекламного щита. Выволок за собой и аккуратно положил в тростник длинный меч. Разогнулся. Позади него на фанерной афише осталась дыра в форме человеческой фигуры (с цилиндром!).

Человек присел в двух шагах от Иги — видимо, там оказался в стеблях камень ростом с табурет.

Неподалеку опять выросли два бесшумных взрыва, но ни Ига, ни человек в цилиндре не обратили на них внимания. Длинное лицо странного человека было бесстрастным, а голос бесцветным. Этим голосом он сказал:

— Ну вот, Игорь, ваш кросс по пересеченной местности закончен.

— Нет! — Ига быстро встал. — Мне надо ее догнать! Степку...

— Вы не сможете.

— Почему?

— Таковы объективные законы данного пространства. На этом поле никого нельзя догнать... По крайней мере, пока не сделаете выбор.

— Какой выбор?.. — У Иги от пыли першило в горле и слезились глаза.

— У каждого он бывает свой. Сейчас объясню... — Человек шевельнулся, и тут Ига разглядел, что он — плоский. Как та фанера, на которой нарисован! Это почему-то очень испугало Игу.

— Вы кто? — шепотом сказал он.

— Я и есть Выбор. Главный Выбор, Необходимый Выбор, Последний Выбор — как угодно. Или, поскольку в данном случае я нарисован на фанере, Фанерный Выбор. Так и можете меня именовать...

Ига глянул за плечо Фанерного Выбора. Далеко-далеко все еще мелькала среди сухих стеблей Степкина фигурка.

— Она бежит на одном месте, — разъяснил Фанерный Выбор. — И не станет ни дальше, ни ближе, пока вы, Игорь, выбираете...

Ясно стало, что у законов здешнего черно-белого мира — стальная безжалостность.

— А что мне надо выбирать... господин Фанерный Выбор?

— Один раз вы уже выбрали. Не очень разумно. Там, в переулке, когда выдернули из-под колеса мальчика Чарли. Мальчик вырос и теперь угрожает вашему городу — может быть, единственному городу на планете, где еще сохранились нор-

мальные законы природы и нравов... Мальчика не следовало спасать.

— Вы рехнулись? — звонко сказал Ига. — Его бы... на- смерть...

— Именно. Вы поддались мгновенному движению души. И теперь Чарли Мишечкин сроеет насмерть Малые Репейники...

— Но... господин Фанерный Выбор... можно же, наверно, что-то сделать...

— Хотите вернуться в тот переулок, где колесо? Так ска- зать, переиграть ситуацию?

— Нет! — Ига притиснул к футболке сжатые кулаки. — Нет! Я... все равно...

— Понимаю, что «все равно». Отсутствие логики — основа человеческой природы. Впрочем, вернуться все равно невоз- можно: что сделано, то сделано...

— И... как тогда быть?

— Я же говорю: делать выбор.

— Но какой?! — отчаянно сказал Ига.

— Вы можете вернуться домой. Начать борьбу против пла- нов «НИИТЕРРОРА». Не гарантирую обязательного успеха, но шансы есть. В чем главный расчет проектировщиков? Они по- пытаются найти старую скважину. Ее на острове Одинокий Петух пробурили почти до конца еще в начале сороковых го- дов прошлого века. Тогда входила в моду борьба за укрощение рек и осушение болот. И осушили бы, но помешала война...

«Хоть какая-то польза от войны», — буркнул про себя Ига.

— Да... Чтобы заново проводить поиски, испытания, буро- вые работы, у авторов проекта не хватит ни техники, ни денег. А с готовой скважиной все просто — спустили туда заряд взрывчатки, пробрили породу, скрывающую пустоты, — и го- тово. Вода сама собой пойдет в подземные резервуары...

— А я-то... а мы-то... — (Ига сразу вспомнил ребят) — ...как можем этому помешать?

— Можете найти скважину раньше, чем они. И каким-то образом закупорить ее или скрыть от посторонних глаз...

— Легко сказать!

— Да, сделать труднее. Но, повторяю, шанс есть. Только...

— Что?

— Вы можете вернуться домой, но больше не должны ис- кать девочку. Иначе не успеете.

— И... что тогда с ней будет?

— Не знаю. Честно говорю, не знаю. Боюсь, что ничего хо-

рошего. Вы же видите, каково́ здесь. И едва ли она выберется отсюда...

— Тогда — нет! Я побежал!

— Я предвидел этот ответ. Но посмотрите вокруг, Игорь. Когда-то здесь тоже были Плавни. Озера, болота со всякой жив- ностью, реки и луга. Их осушили и сделали полигон. Непода- леку стоял город. Пыль и засуха съели его...

— Но почему? — Игорь, кажется, заплакал. — Зачем вы так? Что я... что мы вам сделали?

— Я! Честное слово, я ни при чем. — Кажется, впервые в голосе Фанерного Выбора мелькнуло сочувствие. — Я же не человек. И даже никакого не существо. Я всего-навсего олице- творение закономерности того пространства, в которое вас за- несла судьба.

— Я вас не понимаю, — со злыми слезами сказал Игорь.

— Я — выбор. Ваш собственный выбор. Вы сами должны решить, кого спасать: ваш город или вашу подружку. Не сле- лайте ошибку, как с мальчиком Чарли...

— Не было никакой ошибки, — всхлипнул Ига. И опять почему-то вспомнил, как в прыжке через речку падал на ма- ленького кнама.

— Видите, вы опять рассуждаете чисто по-человечески...

— А как я должен рассуждать?!

— Ну да, ну да... Однако выбирать придется. Это не зави- сит ни от меня, ни от вас.

— Но так нельзя!! — Ига собрал для этого крика все отчая- ние. — Это несправедливо!

— Что здесь несправедливого? Наоборот...

— Нет, не наоборот! Так... нечестно! Должно быть что- то еще!

— Что? — удивился Фанерный Выбор. Но не очень уве- ренно.

— Третий вариант! — нашелся Ига. И глянул сквозь мок- рые ресницы с ощущением удачного шахматного хода.

Фанерный Выбор снял и отбросил цилиндр. Заблестела гладкая рыжеватая прическа с прямым пробором.

— Вы правы. Я не мог сказать вам этого сам, но раз вы до- гадались... Третий вариант есть. Видимо, потому, что я нари- сован на трехслойной фанере. И этот третий слой... Едва ли вам будет легче.

— Будет... — угрюмо сказал Ига.

— Судите сами. Да, город сможет бороться, и не исключе-

но, что выстоит. И девочка, скорее всего, вернется домой. Полной гарантии нет, но много шансов «за»... Однако вы, Игорь, в этом случае не вернетесь домой никогда.

— П-почему?..

— Отказавшись от первого и второго варианта, вы перестали быть участником выбора. Понимаете, *перестали быть*. Следовательно, должны исчезнуть.

— Куда?.. Как?

— В прямом смысле. Извините, Игорь, но я вынужден буду убить вас.

— Вы... не имеете права, — стремительно слабея, сказал Игорь. Он сразу понял, что это правда. И что Фанерный Выбор *имеет право*. И обязательно сделает это.

На лице Фанерного Выбора опять мелькнуло сочувствие.

— Вы же знаете: это не зависит ни от меня, ни от вас. Вы по собственной вине оказались здесь, и теперь выхода нет...

— В чем я виноват-то?! Я хотел найти Степку!

— Я не об этом, а о том, что раньше... Впрочем, сейчас уже ничто не имеет значения. Исчезнете вы, исчезнет и вина.

Ига оглянулся: куда бежать?

— Бесполезно, — понимающе сказал Фанерный Выбор. — Путь нет... Пожалуй, кроме одного. Вы мне чем-то симпатичны, и я могу дать вам шанс. Очень крошечный, почти никакой, но все же это искорка надежды. С ней легче умирать... Хотите поединок?

2

— Что? — Ига часто замахал сырыми ресницами.

— Мы будем драться, — разъяснил Фанерный Выбор. — Холодным оружием. Кто кого. Вполне честно...

— Ничего себе честно! — У Иги и правда забрезжила надежда. — У вас вон какой меч! А у меня что?

Фанерный Выбор встал. Повел над сухими верхушками рукой. Среди тростника выросли несколько шпаг, сабель, мечей. Закачали перед Игой рукоятками.

Ига взял наугад одну рукоять, вытянул на свет лезвие. Оружие показалось подходящим. Удобно лежало в руке. Зеркальный плоский клинок был прямым и заостренным на конце — можно колоть, можно рубить. И по весу — в самый раз. Показалось, что все это игра. Вроде рыцарских состязаний в ов-

раге, на берегу Говорлинки. Только там клинки были деревянные...

Фанерный Выбор стоял, держа двумя руками свой длинный меч. Ига сказал чуть капризно:

— Конечно, у вас вон какой громадный.

Фанерный Выбор покладисто кивнул прической с пробормом. Отбросил клинок, взял из тростника легкую трехгранную рапиру. Острую как игла. У Иги — мурашки вдоль позвоночника.

— Все равно нечестно, — ежась, выговорил Ига. — Я живой, а вы... Разве можно убить фанеру?

— Отчего же нельзя? Если отсечете голову или пробьете то место, где сердце, все будет кончено.

— И тогда... что?

— Тогда не знаю. Откровенно говорю — не знаю... — Фанерный Выбор пожал плечами с витыми погонями. — Такой вариант никогда не рассматривался даже теоретически. Потому что — я должен это повторить — шансы ваши чрезвычайно ничтожны. И, учитывая данный фактор, я предлагаю последний раз: вы еще можете вернуться к первому или второму варианту.

— Нет! — крикнул Игорь. Потому что понял: еще полсекунды, и он скажет «ладно». Крикнул и кинулся в бой. Размахнулся. Плоский клинок его палаша звонко ударился о трехгранный клинок рапиры.

Сперва казалось, что все кончится хорошо («vsjo budet khorsho»). Потому что Фанерный Выбор сразу стал пятиться. У Иги не было никакого фехтовального опыта (махание деревянными мечами — это не считается), но он брал свое за счет яростного напора. Раз! Раз-раз! Дзынь!..

Фанерный Выбор, кажется, был тоже не очень умелый боец. К тому же не такой напористый. Он отмахивался, увертывался, еле успевал защититься. Он виделся Иге то спереди, то как бы сбоку, то даже со спины и в то же время оставался плоским, — это было заметно все время. И если рубануть с размаха по тонкому краю шеи (ведь не живой же, фанера!), наверно, сразу конец поединку... Но рубануть пока не удавалось. Зато Ига колющим ударом просадил фанеру навывлет. Жаль только, что не там, где сердце, а рядом с нарисованной пряжкой ремня. И отскочил.

Фанерный Выбор закачался. Лево́й рукой потрогал дыру.

Потом заговорил (рот просвечивал насквозь так же, как пробоина):

— Кажется, это сильно повышает ваши шансы. Поэтому пора кончать. Извините... — И не успел Ига мигнуть, как свистящий круг стали опоясал его клинок, ударил, рванул... Палаш, вертясь пропеллером, высоко взлетел и упал в тростники. Ига обалдело стоял с растопыренными руками.

— Извините, — повторил Фанерный Выбор. Взял рапиру за конец, а рукоятью несильно толкнул Игу в грудь. Ига повалился в ломкие тростники, сел, раскинув ноги. Смотрел на Фанерного Выбора снизу вверх. Тот опять взял оружие за рукоять, глянул вдоль клинка. Пальцем потрогал острие.

«Вот и все», — понял Ига. Это в неполные-то двенадцать лет! Заплакать бы. Но слез теперь не оказалось. И было даже не очень страшно. Горько только. И сердце сильно толкалось под ребрами. Ига посмотрел на грудь. На футболку с вывернутой внутрь надписью-обещанием, что все будет хорошо. «Вот тебе и хорошо... Не надо было выворачивать...» То место, где сердце, при каждом ударе заметно толкалось под желтым трикотажем. «Наверно, он прямо сюда...»

На Фанерного Выбора Ига не смел взглянуть. Когда сидишь так и не смотришь, можно подумать, что ничего не случилось. Что нет никакого врага, а ты просто бегал, играл и присел отдохнуть... Ига дотянулся, отколупнул от колена сильно присохший кусочек мячика. Как давно это было: Чарли, колесо... А может, приснилось? Может, и Фанерный Выбор приснился?

Но тот напомнил о себе:

— Прошу прощения, Игорь. Вы готовы?

Ига вскинул глаза. Фанерный Выбор стоял над ним. Он сильно вырос. И теперь не казался фанерным. Просто высокий человек в сером мундире и с длинным помятым лицом. Ига откачнулся, уперся сзади ладонями. Фанерный Выбор совсем по-человечьи мигнул.

— Поймите, я не испытываю к вам никакой антипатии. Просто я обязан...

— Да замолчите вы... — измученно сказал Игорь. И подумал: «А дома-то что будет...» Но эту мысль смыло волной усталости.

— Я понимаю, — кивнул Фанерный Выбор. — Я... постараюсь сделать это быстро и не больно. Закройте глаза...

Веки опустились сами, как свинцовые. Было слышно, как

хрустит под ветром тростник. Ига тоскливо ждал. Ждал, ждал... Потом открыл глаза.

Фанерный Выбор сидел на старом месте, на камне. Стискивал обтянутые сукном колени. Рапиры не было.

— Ну что же вы! — дерзко сказал Ига. Было уже все равно.

Фанерный Выбор отозвался, не поднимая лица:

— Не знаю... Не могу...

— Отчего же? — Это прозвучало уже с капелькой насмешки. Потому что у Иги проснулась надежда. И ощущение, что враг теперь не так опасен, как прежде.

— Не знаю, — опять сказал Фанерный Выбор. — Может быть, оттого, что я все-таки немножко человек?

Иге полагалось бы вскочить и давай Бог ноги. Но он зачем-то продолжал дразнить судьбу.

— Люди разве не убивают? — усмехнулся он. — Только этим и занимаются. По всей планете...

— Видимо, я не из таких... несмотря на мундир.

«А из каких?» — чуть не вырвалось у Иги.

— Наверно, я из тех, кого однажды спасли...

— Как это?

— Едва ли я в самом деле был человеком. Вдруг вспомнилось, что был березой. Деревом... — Фанерный Выбор говорил, не меняя позы и не поднимая лица. Звук теперь шел, как от радио. — Однажды березу, маленькую еще, надломило ветром. У края дороги... Проходили мимо дети, мальчик и девочка, выпрямили, перебинтовали ствол, надлом затянулся. Береза жила потом долго... Через много лет, когда расширили дорогу, деревья на обочине спилили, отправили на завод, где выпускают фанеру... И вот, у меня третий слой как раз из той березы...

— Занятно... — Это прозвучало развязно, нехорошо, хотя Иге было слегка жаль Фанерного Выбора. И, чтобы загладить неловкость, он спросил (уже совсем без страха):

— Ну а дальше-то что?

Надо было не ждать ответа, а мчаться за Степкой. Теперь никто не помешает! Но Ига все же помедлил секунду. И услышал:

— Не знаю. Совсем не знаю...

В этот миг близости опять взметнулся бесшумный взрыв. Горячим воздухом пригнуло тростники, рвануло Игины волосы. Он опрокинулся на спину и быстро сел снова. У Фанерного Выбора горело плечо. Теперь снова было видно,

что он из фанеры, огонь быстро растекался по ней — не спасти. Плоская фигура была неподвижна. Видимо, фанере не больно, если даже она «немножко человек». И все же Ига зажмурился. А когда глянул опять, Фанерный Выбор горел уже не перед ним, а на экране.

Ига сидел перед экраном на первом ряду. А рядом, за твердым поручнем, виновато сопела съезженная Степка. Ига нагнулся, глянул ей в освещенное экранным пламенем лицо. Оно было все то же — измученное, с полосками слез. Ига откинулся к спинке и молча притянул Степку к себе. Волосы ее зашекотали Игино ухо. «Эх, Степка ты, Степка...»

Экран погас. Под потолком стал нарастать ламповый свет. По сторонам от экрана сами собой распахнулись двери, впустили солнце. Ига и Степка молча вышли из кинотеатра. И оказалось, что вышли не из «Красной пирамиды», а из старенького кинотеатра «Звезда» на улице Юных Садоводов.

Перед «Звездой» был маленький сквер. Пустой, только бабочки летали да гаддели воробьи. Грело вечернее солнце. Ига только теперь вспомнил про свои часики, взглянул. И увидел, что здесь все то же время, когда он проник в кладовку. Он взял Степку за холодные пальцы и повел к решетчатой скамейке. Сели.

3

— Ну? — сказал Ига.

— Что? — прошептала Степка.

— Говори.

— Что говорить? — Степка посопела.

— Сейчас получишь... — неуверенно пообещал Ига.

— Я правда не знаю, что говорить. — Степка совсем опустила голову. — Ты... спрашивай по порядку.

— Спрашиваю по порядку. Зачем тебя понесло из кладовки в ту дыру?

Она покачала стоптанной, надетой на босу ногу сандалеткой.

— Если кнамий шарик... если он хорошо помогает, когда его подарил друг... то отцу, наверно, тоже помог бы. Если подарить... Ведь дочь для отца не меньше, чем друг...

— Ты... что ли, хотела найти там отца? — совсем уже другим тоном спросил Ига. Виноватым.

— Ага...

— Там же шестидесятые годы, как при первых космонавтах. Твоего папы тогда на свете не было...

— Было... То есть был. Там всякие годы, когда как. На том дворе радио слышно, из окошка, там говорят: «Доброе утро, сегодня второе июня тыща девятьсот семидесятого года...» Или восьмидесятого, или еще по-всякому. Я часто слушала...

— Ты же обещала, что не будешь одна ходить в кладовку.

Степка повела плечом. Кажется, без виноватости.

— Я не утерпела... не могла утерпеть... А в тот раз, рано утром, сказали: «Поздравляем школьников с началом учебного года. Сегодня первое сентября...» И год, когда папа пошел в пятый класс...

— И ты хотела найти его, пятиклассника?

— Ага... Спросила бы: «Кто тут Витя Развилкин? А потом отдала бы шарик. Сказала бы: «Мальчик, ты храни его всю жизнь, даже когда большой станешь. Он тебя спасет...»

«От пули и от человеческого зверства не спасет», — чуть не сказал Ига. Сдержался. Но Степка, видимо, его поняла.

— Я хотела, чтобы от змеи спас... Папа в той батарее, где его... ну, где этот полковник... он там случайно оказался. Он должен был уезжать в отпуск, а его укусила змея. Он попал в госпиталь, неделю лежал, вовремя не уехал. И тут его попросили: в соседнем полку офицер заболел, вы покомандуйте за него, пока не поправится, а потом мы вам эти дни добавим к отпуску. Он и согласился... Ничего бы не было, если бы не змея...

Ига молчал, отковыривая от ноги последнюю белую скорлупку. Что он мог сказать?

— Степка... Но ты же говорила, что папа учился не здесь, а в Среднекамске.

— Я думала, что как-нибудь доберусь. Пролезу в поезд... А потом оказалось, что я уже в Среднекамске, сразу... Я стала спрашивать, где школа номер восемь...

— И не нашла его... Витю Развилкина?

— Конечно, нет, — еле слышно отозвалась Степка. — Там... все не такое. Все перепутанное, как во сне... Я бы не выбралась, если бы не ты...

— А зачем ты с ребятами в кино-то отправилась?

— В кино? Ига, я не помню... Я ходила, искала, искала. Кругом какие-то лестницы, мосты, я поняла, что заблудилась. А потом поле, где все кругом взрывается... Да, кино я вспомнила! Но ведь там ребят не было, только ты...

— Степка, ты больше не делай так... — попросил Ига.

— Ага, я больше не буду. Все равно там все не то, чего ищешь. Запутанное...

— Потому что в прошлое так просто, через дыру в стенке, не попадешь... А когда попадешь, ничего, наверно, не изменишь. Если уж что-то было, значит, было...

Это были горькие слова, но их следовало сказать. Не только Степке, но и себе.

Потом они сидели несколько минут просто так. Молчали. Наконец Степка пообещала снова:

— Больше не полезу.

— Честно?

— Ага... Да и не получится. Кладовка больше не откроется.

— Почему?

— Ты же закрыл за собой дверь, когда полез в ту дыру?

— Она сама закрылась...

— И защелкнула замок. А я потеряла ключ. Там... Без ключа не открыть.

— Может, и хорошо...

— Кто знает, — со взрослым вздохом сказала она.

— Ох, Степка... А кинолента осталась в кладовке?

— Нет! Я же ее унесла, спрятала под подушку. Забавно, да?

— Ты молодец!

Она улыбнулась наконец. Ига сказал:

— Идем домой.

У колонки на перекрестке он заставил Степку умыться. И умылся сам. Вдохнул:

— Все равно мы как пугалы... Будь готова, что тебе влетит от деда и бабки по первое число. Скажут: «Где тебя черти носили с самого утра?!»

— Не-а, не влетит. Я совру, что заблудилась в этом городе. Я же еще плохо его знаю. Пошла гулять; и вот... А ты меня нашел! Забавно, да?

Так они и сказали на Степкином дворе, когда бабушка выскочила навстречу и сердито запричитала. Дед вышел следом и молча дымил у дверей трубкой. Потом дед и бабка несколько раз говорили Иге спасибо и звали пить чай (не очень настойчиво, правда). Но Ига спешил домой.

Дома Ига услышал от мамы, какое он несуразное создание.

— Посмотри в зеркало! Вышел из дому на полчаса и в кого себя превратил! Тебя что, по колючей проволоке таскали? По

мусорным кучам? Даже майку ухитрился надеть навыворот! С завтрашнего дня я за тебя возьмусь...

Ига сказал, что не надо. С первого дня каникул он и так станет «образцовым ребенком». Таким, что мама сможет выступить в телепередаче «Проблемы подросткового возраста» и поделиться с другими родителями опытом воспитания. Он будет четыре раза в день чистить зубы и мыть уши, добросовестно полоть грядки, не просить вместо пшенной каши крошку, без всяких напоминаний ходить в булочную, два раза в неделю читать учебники для шестого класса и... и добьется того, что маме за него за одного дадут медаль «Мать-героиня»... Так он молот языком, чтобы заглушить горечь и тревогу недавних событий. Пока мама не сказала:

— Ты лучше бы извинился перед Маргаритой Геннадьевной.

— Ну, ма-а!.. Она еще не перестала икать.

— Сгинь, чудовище!

Ига сгинул в свою комнату. Здесь он сел к столу и начал очень аккуратно разбирать Конструкцию. Ровненько, трубка к трубке, колечко к колечку складывал детали в коробку из-под ботинок.

Он прекрасно помнил, где какая деталь должна стоять, и в случае чего мог бы выстроить Конструкцию снова. Может быть, когда-то и выстроит. Но... потом. И, наверно, не так. Что там сказал к ним с песочными часами? «Нельзя творить такое, пока не нашупал свою нить. И не совместил ее с Меридианом...»

Он, может быть, и нашупал в себе нить, но что за Меридиан? (Слово это явно звучит как написанное с большой буквы.) Где он?

Только алюминиевые воротца с маятником Ига не убрал. Пожалел. Может, потому, что маятник, пока Ига работал, качался у его локтя как живой. Словно одобрял: «Такки-так, такки-так...»

Потом Ига сказал, что погуляет, встретит на улице отца. А заодно он думал побродить по кюветам: не найдется ли в траве кнамий шарик? Чтобы подарить Степке. Когда прощались, она, растяпа, призналась, что свой прежний шарик потеряла, как и ключ.

— Хорошо, найду тебе снова, — пообещал Ига, потому что у Степки блеснули слезинки.

— Ига, а бывают шарики, чтобы выполняли самые-самые желания? — вдруг шепотом спросила Степка.

— Не знаю. Нет, по-моему... — виновато сказал Ига. — А какое у тебя желание? Самое-самое... Секрет?

— Ага, секрет... Это чтобы мама приехала поскорее. Она обещала навестить, а все не едет...

Ига шелкнул Степку ногтем по кисточке волос и пообещал:

— Шарик найду. А желание... ты жди, и оно исполнится. Само...

А что он еще мог сказать?

СКВАЖИНА И ЖРЕБИЙ

1

Отец, когда пришел с работы, рассказал, что копии брошюры «этого прохвоста Мишечкина» уже посланы в редакцию местной газеты, на губернскую студию телевидения, а также розданы «разным авторитетным людям». Скоро поднимется «большой тарарам».

— Конечно, эти «еянветисты» легко не отступятся, потому что дело пахнет колоссальными барышами. Да и у нас в Репейниках найдутся дураки, которые их поддержат. Но, думаю, в итоге они получат шиш... А скажи-ка, свет Игорь Игоревич, где ты раздобыл эти сенсационные материалы? Днем впопыхах ты ничего толком не объяснил...

Ига честно рассказал, как попал в кабинет к Домби-Дорриту. Папа молча качал головой. Мама заметила:

— Ох и фантазия у нашего чада... — А потом все же сказала: — Прошу тебя, не суйся больше в такие приключения.

Ига обещал.

Утром он побежал к Степке. Степкина бабушка на дворе устало колотила хлопалкой по развешанным на веревке половикам. Она сказала, что Степка еще спит.

— Намаялась вчера, гуляющая душа. Я уж не стала будить, хотя могла бы она и помочь бабке...

— Давайте я помогу!

Но бабка только отмахнулась: иди, мол, гуляй...

Это даже хорошо, что Степка пока дрыхнет. Есть другие дела...

Ига отправился к Соломинке — надо было обсудить вопрос о скважине. Может, план какой-то придумается?

Трое друзей были здесь, на дворе. И Генка Репьев. Такой же ярко-желтый, как вчера, но уже не парадный, а изрядно помятый. И без бинта. Этим снятым с ноги бинтом конопатили щель в днище перевернутой плоскодонки. И заодно красили днище в кирпичный цвет...

— Репивет, лопухастые! — сказал Ига от калитки.

— Репивет! — отозвались все. И, кажется, обрадовались, особенно Соломинка.

— Есть разговор, — сообщил Ига. Сели на чурбаки (а Генка в траву, по-турецки, и посадил в ногах Ёжика). Ига рассказал про скважину. Мол, есть в Плавнях остров Одинокий Петух, на котором когда-то велись буровые работы. Ну и так далее...

— Откуда ты это знаешь? — спросил Пузырь.

Ига не стал рассказывать про вчерашнее путешествие. Не то чтобы специально делал из него тайну, а понимал: эта история отвлечет от главного вопроса. Объяснил коротко:

— Вчера гуляли со Степкой по городу, встретили одного человека, знакомого. Разговорились. О том о сем, ну и про этот «НИИТЕРРОР» тоже. Слухи-то уже ползут... Этот знакомый и вспомнил, что слышал о скважине еще в детстве... Если фокусник Чарли про нее знает, дело скверное...

— А что он сможет? И вся эта ихняя лавочка, — усомнился Пузырь. — Там для окончания работ надо много всяких приспособлений. Даже если найдут остров, как туда доберутся с грузами?

— Раньше-то как-то добирались, — напомнил Лапоть.

— Раньше денег не считали, потому что изо всех сил побеждали природу, — объяснил Соломинка, который все знал. — А сейчас все фирмы трясутся над каждой копейкой. Туда придется гонять вертолеты, а каждый рейс представляете сколько стоит?

— Да и сыплются эти вертолеты, как переспелые груши с дерева, — сумрачно сообщил Пузырь. — У меня дядюшка еле уцелел, когда прошлым летом летал с геологами... — Он плюнул на торчащее из прорехи колено и вытер его обшлагом.

Ига сказал, что вертолет этим злодеям потребуется только один раз. Когда «еянтеvistы» разведают (если уже не разведали), где остров Одинокий Петух, фокусник Чарли отвезет туда на вертолете «финишный контейнер», а потом через свое дурацкое «гипер-супер-пупер-пространство» начнет перебрасы-

вать со двора «НИИТЕРРОРА» или с собственного балкона все, что надо для последнего взрыва.

Пузырь опять потер замызганным обшлагом колена и подвел итог:

— Да, здесь выходит поганое дело...

— Если мы будем сидеть обалдело, — со вздохом срифмовал начинающий поэт Генка Репьев.

— И ни фига не делать, — заметил Ёжик. Вообще-то он был интеллигентный и воспитанный, не хуже, чем Стасик Полуэктов (Лапоть), но в напряженные моменты допускал резкие выражения...

— А что делать? — сказал Ига.

— Ты же сам говорил! — вскинулся Генка. — Надо найти скважину и заткнуть ее! Или замаскировать!

— Любопытно, какой способ затыкания ты готов предложить? — сказал Лапоть. — Или посоветуй, как маскировать.

— Сперва как найти, — хмыкнул Пузырь. — В Плавнях сотня островов — и почти все без названия. А у которых они есть, те перепутанные.

— Карту надо! — сообразил Генка.

Соломинка застенчиво глянул из-под медных волос и сообщил:

— У меня есть брат. Он все-все понимает в компьютерах и в Интернете, хотя учится не на программиста, а на биолога...

Все понятно закивали. Про брата было известно — очень талантливая и много понимающая личность. Соломинка им гордился, но никогда не хвастался, и если вспоминал, то всегда к месту.

— Недавно он обшарил весь Интернет, искал карту здешних Плавней. И не нашел. В Интернете есть все на свете, а уж если нет, значит, нет нигде...

— Ёлки-палки в треугольном колесе! — возмутился Пузырь. — Двадцать первый век на дворе, а есть еще неоткрытые места! И не где-нибудь в Африке, а под носом! Так не бывает!

Но все понимали, что бывает. Брат Соломинки не бросал слов на ветер.

— Слушай, Солома, а ты уверен, что он искал карту именно наших Плавней? — с последней надеждой спросил Лапоть.

— Уверен. Потому что он писал курсовую работу... Сейчас вспомню название... Вот: «Чуки и шкыдлы. Симбиоз и его значение... в этом... в биологическом балансе болотных пустошей Малорепейного региона».

Это было веско и убедительно. Помолчали. Потом Генке стало интересно:

— А что это такое... сим... бим... воз?

— Дружное сожительство, — разъяснил Соломинка.

Пузырь фыркнул губами так, что полетели брызги:

— Дружное! Они живут как имперские волонтеры с южными террористами в Саида-Харе.

— Чушь на палке! — опять подал голос воспитанный Ёжик. — Милые бранятся — только тешатся... — Он проворно перекатился через Генкины ноги и пошел бродить под лопухами.

— Симбиво́з тебе в хвост! — взвыл Генка, махая в воздухе перемазанными суриком ногами. — Осторожнее надо, колючий же!

— Извини, пожалуйста, — отозвался уже издалека деликатный Ёжик. И стало слышно, как он напевает в траве:

Ни жара мне не страшна, ни мороз.
Потому что есть на свет симбиво́з...

Все посмеялись, кроме Иги. Иге слова Пузыря про южную границу напомнили о Степке.

Да что значит «напомнили»? Он и не забывал. Страшный Фанерный Выбор с его рапирой-иглой сегодня почти не вспоминался (может, не такой уж и страшный, фанерный все-таки), а Степкины тоскливые глаза так и застряли в уголке памяти, хотя порой их заслоняли другие заботы.

— Солома, можно я поищу тут на дворе кнамий шарик? Трава подходящая...

— Ищи на здоровье... А что, у тебя разве нет? Потерял?

— Степка потеряла, растяпа. Придется снова дарить. Сама она искать еще не умеет...

— А что, ты теперь, значит, ее крепкий друг? — поинтересовался прямолинейный Пузырь.

— Ну... значит, — сказал Ига. Потому что, если уклониться от ответа, шарик действовать не будет.

Деликатный Лапоть посмотрел на Пузыря с укором. А Генка Репьев спросил:

— Почему ты ее с собой сюда не привел? Друзья всегда ходят вместе.

— Спит потому что. Вчера заблудилась, я ее еле нашел...

Кнамий шарик отыскался среди стеблей мелкой городской ромашки. Он был размером с крупную ягоду смородины. Из чистого стекла с чуть голубоватым отливом. Внутри дрожала крохотная искорка.

— Хороший экземпляр, — заметил Соломинка. — Скажи ей, чтобы не теряла больше...

— Скажу... Ребята, а не слышал ли кто-нибудь: может, есть на свете шарики, которые выполняют очень важные желания?

Все заперглядывались. Никто о таких не слышал.

— Не... их не бывает, — сказал Пузырь почему-то с виноватой ноткой... А мудрый Ёжик подал голос из лопуховой чащи:

— Тогда слишком простой у всех жизнь была бы: нашел — загадал — исполнилось...

Он был прав, колючий шарик.

Соломинка глянул из-под медных волос. Он был здесь для Иги приятель больше, чем все остальные. Он спросил осторожно:

— А что, Ига, у тебя есть такое желание? Которое *очень*... — Мол, я понимаю, что речь идет не о новом компьютере, не о мопеде «Легенда»...

— Да не у меня! Опять же у нее, у Степки... — Ига поморщился от неловкости и жалости. — Вчера вечером вдруг заговорила: мама долго не едет. И спросила про такой шарик... для желания...

— Не бывает таких шариков, — со вздохом сказал Генка (его мама однажды тоже ездила в долгую командировку).

— А далеко живет ее мама? — поинтересовался Лапоть.

— Вообще-то рядом, в Ново-Груздеве. Но когда привезла сюда Степку, уехала за тридевять земель, в Улан-Удэ, по делам своей фирмы. — Так сказал Ига, а сам подумал (уже не впервые): «Знаем мы эти «фирмы» и командировки, куда уезжают мамы, у которых нет мужей и которые оставляют детей бабушке и деду...» Не совсем же ребенок он был, кое-что понимал в жизни. Хотя бы благодаря телевизору...

Генка Репьев достал из торчащих волос репей, подбросил его на ладошке, обвел друзей-приятелей глазами.

— А если попробовать *лунное желание*?

Все вопросительно уставились на Генку. А Пузырь сказал:

— Что это за фигня?

— Это, наверно, не фигня, — обстоятельно разъяснил на-

чинающий поэт. — Я про него слышал от Валентина Валентиныча и от Якова Лазаревича. Я однажды пришел в музей по одному делу... ну, чтобы спросить, нет ли там старинной ручки для писания стихов. Хотя бы не насовсем, а на недельку... А они там сидели и разговаривали про свое детство. И пили чай. И меня позвали...

— А ручку-то дали? — перебил Пузырь.

— Дали. Деревянную, со стальным перышком. Только бесполезно, все равно лучше писаться не стало. Другое дело — перо от Казимира, которое Ига мне дал...

— Ты говори про желание, — нетерпеливо сказал Ига.

— Я и говорю. Они там вспоминали всякие считалки и заклиналки, которые у них в детстве были. И про лунное желание вспомнили... Если кому-то что-то очень-очень хочется, надо выловить из воды отражение круглой луны, перелить его в бутылку и разболтать. Получатся светящиеся чернила. Ими надо написать желание на бумажном листе. Лучше не простым пером, а гусиным. Потом надо сделать из листа кораблик и пустить его в какой-нибудь ручей. И сказать вслед заклиналку.

— Какую? — придиричиво спросил Пузырь.

— Любую. Какая придумается, лишь бы в рифму...

— Ну, ты сочинишь, ты специалист, — хмыкнул Пузырь.

Генка не обиделся на хмыканье.

— Сочиню. И луна нынче как раз круглая...

— И перо у тебя есть, — напомнил Лапоть. И погладил в вырезе майки нарисованного белым репейного беркута.

— Есть... Только лунное отражение поймать очень трудно. Чтобы ловить руками, оно должно быть рядышком, перед тобой. А для этого надо, чтобы луна светила совсем с верхней точки неба, то есть из зенита. А она там почти никогда не бывает. Поэтому отражение видно только со стороны. Не дотянешься...

— Можно зацепить удочкой, — предложил Пузырь. Не поймешь, по правде или с подначкой.

Генка мотнул головой.

— На крючок оно не цепляется. Валентин Валентиныч и Яков Лазаревич... ну, когда были такие, как мы... они привязывали к длинной палке поварешку и старались зачерпнуть луну издалека...

— И зачерпнули? — нетерпеливо спросил Лапоть.

— Зачерпнули, хотя и с трудом. И все сделали как надо.

Я даже их заклиналку знаю, они ее до сих пор помнят. Только нам она не пригодится, для каждого раза нужна новая...

— А какая у них заклиналка была? — спросил Лапоть.

— Вот такая:

Эй, кораблик из газеты,
Для тебя препятствий нету!
Ты плыви в ночные дали,
Сделай то, что загадали...

— Ну... и *она* сделало? — спросил Ига и почему-то смутился.

— Не знаю. То есть они не знают. Они ведь не для себя загадывали, там было несколько человек. И вот они для одного мальчика... А он очень скоро уехал, потому что это было во время войны с фашистами и он был не здешний, а... как это? Э-ва-ку-ирный...

— Эвакуированный, — сказал Соломинка, который все знал.

— Да! То есть вроде беженца. В те дни его город как раз освободили, и он уехал с мамой...

— Наверно, загадывали, чтобы отец вернулся с войны, — насупленно сказал Ига.

Все промолчали, потому что были согласны.

Потом Пузырь все-таки счел нужным посомневаться:

— А может, ты, Генчик, все это сочинил своим фантастическим воображением? Знаем мы вас, поэтов. Придумаете, а потом сами верите....

— Нисколько не сочинил! Ёжик может подтвердить, он там был со мной... Иди сюда, только больше не колись... Помнишь историю про лунное желание?

Ёжик проворно приковывлял и сказал, что помнит. И картавым голоском повторил заклиналку про ночные дали.

— Тогда надо попробовать, — решил Соломинка. — Между прочим, у нас дома есть подходящая поварешка. Почти волшебная. Наша бабушка рассказывала, что эту поварешку ее бабушке в детстве подарила одна колдунья, которая была родом из Польши, а потом приехала сюда. Ее звали Ядвига Кшиштовна. То есть Крестовна, но у поляков «эр» часто говорится, как «ша»...

«Великая Конструкция!.. Тьфу, Конструкции больше нет. Но все равно...»

— Эта Ядвига была прабабкой Домби-Дорритова!

Все приоткрыли рты.

— Ты откуда знаешь? — недоверчиво выговорил Соломинка.

Пришлось соврать:

— Чарли обмолвился, когда расспрашивал меня, что я чувствовал в ящике. Сказал: «Клянусь прабабушкой Ядвигой Кшиштовной, старой колдуньей, это удивительно...»

Вранье проглотили. А рассказывать о вчерашнем Ига по-прежнему не хотел. Пока...

— Значит, поварешка и правда колдовская, — с удовольствием подвел итог Соломинка. — Недаром вся такая старинная, из черного дерева, с узорами... Хорошо, что я не утащил ее в музей. Спросил у бабушки, можно ли, а она меня черенком по макушке... А я хотел на ту штуку выменять у директора старый лодочный мотор, который валялся на дворе.

— Мотор нам и так отдали, — вставил Лапоть.

— Да! Но я же не знал, что отдадут... А теперь поварешка пригодится. Уж из такой-то, колдовской, луна не ускользнет.

— Не ускользнет, — кивнул Генка. — Только обязательно надо, чтобы вода была гладкая. И чтобы ловить луну в чем-то круглом: в тазу, в бочке. Чем шире это круглое, тем лучше...

— Остается сожалеть, что нет воды в бассейне у музея, — заметил Лапоть.

А Ига сразу вспомнил:

— Можно ловить внутри шины, которой я чуть не брякнул тетушку О-пиратора! Она до сих пор лежит в речке!

— Тетушка? — сказал Пузырь. Но юмор не поддержали. И решили, что место в самом деле подходящее. Внутри большого резинового кольца вода совершенно спокойная, и речка для бумажного кораблика тут же. И никто не помешает в сумерках среди оврага...

Но у Иги появилось новое сомнение:

— А что, человек, для которого загадывают желание, обязательно должен быть там? Я брюсь, что если Степка придет, а желание не исполнится, ей еще хуже сделается...

Генка сказал, что не обязательно. Он слышал от хозяина «Двух рыцарей» и директора музея, что мальчика, для которого колдовали они, рядом тоже не было.

— Но обязательно надо, чтобы собралось шесть человек. Такое правило, — добавил он. — Потому что... этот... радиус... он укладывается по кругу шесть раз. Тех ребят тоже было шестеро.

— Не по кругу, а по окружности, — сказал Лапоть. — Впрочем, это несущественно...

— Если Степка не придет, где брать шестого? — спросил

Соломинка. — Постороннего не хотелось бы... — («А я, значит, уже не посторонний!» — обрадованно подумал Ига.) — Ненадежный человек может проговориться, пускай даже не нарочно, это дойдет до девочки, она расстроится.

— Можно взять Ёжика! — подпрыгнул Генка. — Он совсем как человек! И думает, и говорит! Даже поумнее некоторых! Только с колючками, но это же неважно!

Пузырь оттопырил губу:

— Все-таки он еж. Вдруг не получится оттого, что не человек!

— Я постараюсь! — заверил Ёжик.

— Как ты постараешься-то? Из ежиной шкуры, что ли, вылезешь? — пробурчал неделикатный Пузырь.

— Не знаю. Но я постар-раюсь!

И все (даже Пузырь) поняли, что если отказаться, это значит очень-очень обидеть Ёжика. Вдруг еще заболит снова от огорчения. Да и Генка расстроится, потеряет, чего доброго, свой поэтический талант, никакие перья не помогут. Все посмотрели на Игу, словно от него зависело последнее слова.

— Ладно, — сказал Ига.

3

Казалось бы, всё решили, как надо. Но снова вмешался Пузырь. На этот раз весьма серьезно:

— Слушайте, лопухастые, что-то мы не о том думаем. Не про то желание. Мать у Степки никуда не денется, приедет все равно, днем раньше, днем позже. А нам бы загадать желание, чтобы те психи отступились от города. Уж если колдовать, то по-крупному...

Было о чем задуматься! Каждый сразу почувствовал, что в словах Пузыря немало правды. Но почему-то никто не решался первым сказать ни «за», ни «против». И друг на дружку не глядели. Пока не отозвался Генка:

— Нет. Наверно, это не получится. Даже точно, что не получится. Потому что лунное желание, оно для чего-то такого... ну, для одного человека. А дело с городом совсем другое... вот такое. — Генка развел перед собой ладони.

— Крупномасштабное, — уточнил Лапоть.

Ига почувствовал облегчение. Но Пузырь сказал:

— Тогда можно загадать, чтобы нашлась карта. С Одиноким Петухом...

— Как же она найдется, если ее нет, — слегка сварливо заметил Соломинка.

Лапоть пожал плечами:

— Вот и следует поколдовать, чтобы появилась.

— А разве нельзя поколдовать два раза? — сказал Ига. — И для Степки, и ради карты?

— Нельзя, — веско сообщил Генка. — Лунное колдовство действует только раз в году.

— Ну появится карта, а дальше что? — хмуро спросил Ига.

— Как что?.. Доберемся туда на нашем «Беркуте» и на месте будем смотреть *что*, — разъяснил Лапоть. И опять погладил на груди нарисованную зубной пастой птицу. — У нас мотор почти готов, доплывем по протокам...

— И заткнем скважину пивной пробкой. Наглухо, — сказал Соломинка. Ига понял: он сказал так ради него, Иги. И ради Степки. И благодарно опустил глаза.

— Главное — успеть раньше *тех*, — уточнил Пузырь. — Они ведь небось тоже не знают, где тот остров... Если успеем, то сможем так замаскировать — никто не слышит. В общем, что-нибудь придумаем, впятером-то.

«Впятером! — обрадовался про себя Ига. — Значит, меня берут в экипаж!»

— Вшестером, — придиричиво уточнил Генка Рельёв. — Я без Ёжика не поеду.

— Генчик, а тебя отпустят в экспедицию? — осторожно спросил Лапоть.

— Отпустят... наверно. В крайнем случае можно зареветь, тогда мама с папой точно отпустят. Но... — Генка в чем-то засомневался, однако его перебил Пузырь:

— Можно попросить там болотных книмов, чтобы помогли со скважиной-то. И подземных. Они не откажутся. Ведь ради себя стараться будут, не просто так пуп надрывать...

— Их, наверно, не дозовешься... — усомнился Лапоть. — Они же нелюдимы...

— Можно дозваться, — возразил Соломинка. — Брат, когда бывал далеко в Плавнях, с книмами общался, он знает специальную заклиналку... Только нехорошо это...

— Что нехорошо? Книмов тревожить? — удивился Лапоть. — Но ведь Пузырь правильно сказал: это ради их же спасения!

— Да не про то я... — Соломинка убрал со лба медную чел-

ку. — Получится, что мы Степку обманули. Сперва решили загадать про ее маму, а потом про другое...

— Степка все равно ничего не знает. А это *другое* — ради всех нас, — веско сказал принципиальный Лапоть. — Значит, и ради Степки, раз она теперь тоже здешняя.

— Все равно нехорошо, — тихо, но твердо сказал Соломинка.

«Не хватало еще поссориться!» — мелькнуло у Иги.

Но ссориться не стали. Видать, у троих друзей — Пузыря, Соломинки и Лаптя — был немалый опыт решения споров. Пузырь делано зевнул:

— Тогда чего? Надо голосовать.

«Что за жизнь пошла! Опять делать выбор!» — зацарапали Игу досада и совесть. Потому что и за город страшно, и в экспедицию хочется, а в то же время — Степка. Вот как вспомнишь ее тоскливые глаза...

— А что будет, если получится три на три? — решил уточнить Соломинка.

— Как это? Нас же пятеро! — удивился Пузырь.

— Ёжик же еще, — напомнил Соломинка.

— Ёжику нельзя голосовать, — сказал Лапоть.

— Желание загадывать можно, да? А голосовать нельзя, да? — совсем по-мальчишески обиделся Ёжик.

— Почему это ему нельзя? — обиделся и Генка.

Лапоть уверенно разъяснил:

— Потому что он несовершеннолетний. Ему же нет шести лет, значит, дошкольник. В колдовстве это неважно. А в голосовании есть такое правило: возрастной ценз. Мы все школьники, значит, и он должен... А если нет, значит, нет...

— Тогда и загадывать не буду, — капризным голоском сообщил Ёжик.

Генка сказал со вздохом:

— Не спорь, Стасик верно говорит, надо по правилам. В колдовстве неважно, сколько лет, а в голосовании важно...

«Наверно, боится, что, если будет спорить, могут не взять в плавание, — мелькнуло у Иги. — Как маленького Валентиныча не брали «мушкетеры»...» (Потом ему было неловко за эту тайную мысль.)

— Ну, давайте, — хмуро поторопил Пузырь. — Кто за карту, кто за... Степку? Я — за карту.

— Я тоже, — сообщил слегка виновато Лапоть.

— Я за Степку, — вздохнул Соломинка и мельком взглянул на Игу.

Ига молчал. Не все ли равно? Сейчас Генка скажет: «Я за карту», и все будет решено.

Генчик почему-то встал (Ёжик откатился). Генчик одернул желтый костюмчик с вышитой на шортах крылатой лошастью по имени Пегас.

— Я... все-таки за Степку. Вот. Потому что Соломинка правильно сказал: сперва будто пообещали ей, а потом... И желание про карту может не исполниться, потому что мы отменим то, которое раньше, а это нечестно...

Пузырь неуверенно проворчал:

— Почему нечестно? Мы же открыто голосуем. Ты подумай своей поэтической головой...

Лапоть сказал:

— Пузырь, когда голосуют, агитировать нельзя.

— Я и не агитирую, а просто... Ига, ты как?

Ига... он почему-то встал как Генка. Одернул новенькую клетчатую рубашку (любимую футболку пришлось вчера кинуть в стиральную машину). Почесал правым кедом левую щиколотку.

— Я... я воздерживаюсь.

Все неловко молчали. Наконец Лапоть проговорил:

— Ига, так ведь нельзя. Получается напололам... Да ты не бойся.

«Но я не знаю... Я не боюсь, но я правда не знаю! Опять нужен выбор, а я не могу...»

— Ребята, знаете что?! Давайте жребий!

В самом деле, если человек не может выбрать, пусть решает судьба! Конечно, это не очень-то храбрый, но единственный выход.

Пузырь почему-то обрадовался:

— Давайте! У кого подходящая монетка есть?

— У меня... — Ига зашарил в кармане старых штанов. Там с давних пор лежала вместе с кнамьим шариком железная денежка — Сто рублей! Такие монеты отчеканили во время инфляции (когда деньги были очень дешевые), а потом отменили. Теперь такой сторублевик только и годился, чтобы играть в «орла-решку».

— Если орел, значит, карта. Если решка, то... наоборот, — сказал Ига. — Идет?

— Кидай, — решил Пузырь.

— Кидай ты. — Ига бросил ему монетку.

Пузырь ловко поймал. Поразглядывал сторублевик. Затем подышал на него с двух сторон, вытер его о торчащее сквозь дыру колено... И швырнул далеко назад, через плечо.

— Не надо жребия, — хмуро сказал он. — Генка правильно сказал: будет нечестно, если мы... в общем, надо загадывать для девчонки. А про остров будем узнавать по-другому.

Все молчали. Никто не спросил: «Как по-другому?», не такой был момент. А Ига вдруг увидел, что редкие веснушки Пузыря — золотистые, как Генкина рубашка. Пузырь глазами встретился с Игой. Поскреб мизинцем переносицу.

— Я твою денежку закинул. Не бойся, я найду...

— Да ну ее! Она мне ни к чему!

ЛУННОЕ ЖЕЛАНИЕ

1

Днем Ига навестил Степку. Она была уже ничего, бодрая. Обрадовалась Иге, но сказала, что гулять сегодня не пойдет: надо помочь бабке.

— А то она ворчит. Некому, говорит, дома прибраться да грядки полить...

Про вчерашнее они не вспоминали, как по уговору.

— У меня сегодня тоже куча дел, — сказал Ига. — Я побегу. До завтра!

— А завтра пойдем к Валентинычу с киноплёнкой! Да?

— Обязательно!

Дома Ига отпросился у родителей в гости к Пузырю, Соломинке и Лаптю.

— У них в сарае кают-компания оборудована! Мы будем там ночевать! Пить чай и рассказывать интересные истории.

Мама сперва сказала, конечно, что дело кончится пожаром, обрушением сарая или другой «интересной историей», которые случаются, если мальчишки остаются одни. Но папа Игу поддержал. Потому что в юном возрасте сам любил ночевать с друзьями во всяких «каютах» и «вигвамах». Мужскую солидарность мама преодолеть не смогла и пошла лепить статуэтку «Зеленый квам с самоваром».

А Ига побежал на двор к Соломинке.

Там они вшестером (считая Ёжика) почти до полуночи ве-

ли беседы про скважину и остров Одинокий Петух (брат Соломинки слышал такое название, но координат не знал), про всякие легенды о колдовстве, про Ядвигу Кшиштовну, которая в старые времена числилась местной бабой-ягой...

— Оказывается, она и с бабкой Настей была знакома! — вспомнил Ига. — Та говорит: «Шишковна»!

— А почему она здесь оказалась? Если она из Польши... — недовольно спросил Пузырь. — Своих баб-яг тут, что ли, не нашлось?

Соломинка объяснил (опять же со слов брата), что будто бы дед Ядвиги был польский повстанец и его при каком-то царе отправили сюда в ссылку. Со всем семейством. А Лапоть справедливо рассудил:

— В колдовстве государственные границы роли не играют. Каждая баба-яга ищет лес, где ей лучше...

Без четверти двенадцать двинулись в овраг. Полной темноты не было, ночи на границе мая и июня — светлые. В конце улицы не угасал бледный закат, на нем четко рисовалась старинная Спасская церковь с башнями, похожими на шахматные фигуры. Но все же вдоль заборов лежали синими пластами сумерки. Большая луна (не совсем, правда, круглая) уверенно желтела в сиреновом небе. Пахло сиренью и дымом — где-то жгли собранную в мусор прошлогоднюю траву.

Прохожих в переулках не было. Только встретился лохматый знакомый пес Бумсель, дружелюбно обнюхал корзинку с Ёжиком, которую нес Генка, помахал репыстым хвостом и затрусил дальше.

Пузырь нес на плече легкий трехметровый шест. Соломинка по-дирижерски помахивал поварешкой Ядвиги Кшиштовны. На голове у Лаптя красовалась большущая пластмассовая воронка, а за широким ремнем торчала, как граната, пустая четвертинка. Ига в левой руке держал дощечку для резки овощей, а в правой — фонарик. Был фонарик сейчас вовсе не нужен, и все же Ига то и дело включал его — для пушшего приключенческого настроения. Когда широкий луч попадал на Генку, тот в своей желтой одежде загорался, как настольная лампа, а в волосах его вспыхивало белое перо, воткнутое поиндейски.

Все были уверены, что колдовство принесет удачу.

И все расстроились, когда увидели неожиданную помеху. В овраге стелился белесыми слоями туман.

— Елки-палки в треугольном колесе, — сказал Пузырь. — Приехали... Вот вам и лунное отражение.

— Может, все-таки спустимся, поглядим? — неуверенно предложил Генка. — Может, она все же просвечивает?

Лапоть грустно возразил:

— Если и просвечивает, едва ли это даст нужный эффект.

— Есть идея! — воскликнул Соломинка (без большой, правда, уверенности). — Там, на берегу, можно помахать шестом с привязанной поварешкой. Может быть, туман развеется. Она же волшебная все-таки...

«Жди, развеется он», — подумал Ига. Но ничего не сказал. Потому что идти вниз все равно было надо. Не отступить же. Глядишь, найдется какой-то выход.

— Идем, — решил Пузырь.

Стали спускаться по дощатым ступенькам. Гуськом. Пузырь со своим шестом ушел далеко вперед. За ним двигался Лапоть. Потом Ига. За Игой спускался Генка с бормочущим что-то Ёжиком. Позади всех топал Соломинка, он сказал:

— Сейчас будем хлебать туман бабы-Ядвигиной поварешкой...

Шаг, шаг, шаг — Ига погрузился в туман по колено, по плечо, по плечи, с головой. И сразу будто ослеп. Включил фонарик. Впереди светлым парусом заколыхались просторные бермуды Лаптя. Ига выключил фонарик, иначе получалось несправедливо — он со светом, а остальные вслепую. «Надо было идти впереди, балда, чтобы для всех выбирать путь... Теперь уж поздно». Туман казался теплым и пушистым, ласковым таким. Но лучше бы не было этой ласковости. Сильно запахло речной травой и сырм песком.

Наконец спустились. Тогда Ига все же сказал:

— Давайте я пойду вперед с фонариком. Правда, от него мало толку...

Фонарик хотя и слабо, но все же освещал тропку. Она привела к берегу. Пошли вдоль воды. Сейчас, в тумане, Говорлинка журчала особенно звонко. Наконец расходящийся конусом луч высветил посреди воды большущее черное кольцо. А над головой — серо-сизая мгла. Никакого намека на луну.

— Может, все-таки привяжем поварешку, помажем? — неуверенно сказал Соломинка.

Он и Пузырь привязали поварешку к концу шеста специально припасенным шнурком (Пузырь недовольно сопел). Соломинка помаhal шестом над головой. Все чувствовали,

что ему неловко за это глупое занятие. Туман, конечно, не шелхнулся.

Ёжик картаво сказал из корзинки:

Хоть маши, хоть не маши,
Будут нам одни шишй...

Никто не отозвался на это сочинение. Подумаешь, набрался стихоплетных способностей от друга Геночки! Не до юмора сейчас... Ёжик ощутил неодобрение и виновато захрюкал в корзинке.

— Ну что, лопухастые, побредем обратно? — сказал Пузырь. — Может, добудем круглый таз да половим в нем...

— Это, конечно, вариант... — неуверенно отозвался Лапоть. Все понимали, что вариант хилый. С жестяным тазом какое колдовство...

На темном кольце шины вдруг замаячило с краю светлое пятно. И раздался картавый (почти как у Ёжика) голосок:

— Репивет. Чего бродите среди ночи, люди добрые?

2

— Репивет! — обрадовался Ига. В одну секунду сбросил кеды, шагнул в воду, к самой шине. Там в свете фонарика проясвился крупный речной квам — ростом с большой огурец. В шляпчонке из травы, в одежде из белесых листьев, с зеленой растрепанной бородкой. Глазки блестели, как икринки.

— Ищете чегой-то? — поинтересовался квам.

— Ищем, да туман не дает, — признался Ига. И добавил со всевозможной вежливостью (со взрослыми квами и кнами только так и надо): — Скажите, пожалуйста, вы не могли бы нам помочь развеять его? Хотя бы немного, чтобы проглянула луна?

— Сейчас обмозгуем, — сказал квам. Сел по-турецки и стал обмозговывать. Вся компания тем временем вслед за Игой вошла в воду. Кроме Пузыря (ему лень было подворачивать свои драные джинсы, и он стоял на берегу, опираясь на шест, как рыцарь на копье). Окружили шину и ждали.

Квам наконец выговорил:

— Разогнать можно. Только не машите без толку своей палкой. Надо придумать считалку-заклиналку.

Все взоры — и фонарь! — вмиг обратились к начинающему

поэту Репьёву. Он опять засветился, как лампа. Поставил на шину корзинку с Ёжиком, заложил руки за спину и выдал почти без раздумья:

Ох туман ты, растуман,
Стань дыряв, как мой карман,
Чтоб в дыру, как из окна,
Показалась нам луна!

— Годится, — одобрил квам. — Если только твой карман по правде дырявый.

— По правде... Но не на этих штанах, а на старых...

— Это неважно, годится, — опять сказал квам. — А вы, значит, луняшку-отражение словить задумали? Для желанья?

— Ну да, — сказал Ига. От квама чего скрывать? Вреда от квамов не бывает, а польза случиться может.

— Ну дак сейчас разоидется, — пообещал квам. Встал, помахал над головой травяной шляпчонкой, побормотал.

Туман вокруг и над головами сразу стал таять. Через минуту в небе открылась не дыра, а обширное чистое пространство. Большая луна сияла в сиреневой высоте, словно только что вымытая шампунем «Хрусталь».

— Чтоб увидеть отраженье, ступайте на бережок, — посоветовал квам.

— А мне уже видно, — похвастался с берега Пузырь.

Все кинулись к нему.

— Эй, а я-то! — завопил забытый на шине Ёжик. Генка виновато бросился назад. Споткнулся, плюхнулся всем телом в журчащие струи. Его в несколько рук выдернули обратно, а Ига прихватил с шины корзинку.

— Нашел время купаться, Александр Сергеич, — в сердцах сказал Пузырь.

Размокшему поэту помогли стянуть облепившую его одежду, Соломинка дал ему свою тельняшку.

— Пошевеливайтесь, — нервничал Пузырь. — А то опять затянет. Или луна уйдет.

— Не затянет, не уйдет, — успокоил всех квам. — Я слежу...

Отражение луны безмятежно плавало в гладкой воде, в середине шины. Пузырь и Соломинка ухватили шест, протянули поварешку к «луняшке». Длины шеста хватило в самый раз, но он вздрагивал, бабы-Ядвига поварешка прыгала, плюхалась рядом с отражением, а подцепить не могла.

— Не суетитесь, лопухастые, — сказал квам. — Дайте-

ка... — Он обхватил черенок поварешки, дождался, когда успокоится вода, аккуратно опустил поварешку, подвел ее под отражение. Приподнял над водой. Отражение оказалось в круглой деревянной чашке! Оно колыхалось в ней, как маленькая светящаяся медуза.

— Тяните. Только осторожно, — велел квам.

Шест потянули, аккуратно перебирая пальцами. И вот поварешка с горящей золотом добычей оказалась перед охотниками (теплые блики прыгали по их лицам). Пузырь проворно разматал шнурок. Соломинка взял поварешку за черенок и аккуратно наклонил над вставленной в четвертинку воронкой. Огненная струйка побежала в воронку, свет заполнил бутылку, она превратилась в лампу. На ней просвечивал красно-зеленый квадрат наклейки: «Репьёвская натуральная».

— Ну, как там у вас? — подал голос квам. — Получилось?

— Получилось! — крикнул Ига.

— Тогда всем репивет! — крикнул квам. Прыгнул на причаленную к шине половинку тыквы и быстро поплыл по течению.

— Репивет!.. Пока!.. Спасибо! — запоздало понеслось ему вслед.

Луна продолжала светить ярко и празднично. Соломинка сел на песчаную проплешину, как египетский писец из учебника «История Древнего мира». Положил на колени дощечку для резки овощей. Расправил на ней слегка помятый бумажный лист, который выдернул из-под резинки на поясе.

— Генчик, дай перо.

Генка дал (он слегка постукивал зубами).

Соломинка обмакнул перо Казимира Гансовича в светящуюся жидкость. Начал водить по листу:

«Мы очень хотим, чтобы к девочке Степке поскорее приехала мама...»

— Так? — спросил он.

Все (даже Ёжик) в голос ответили, что так. Соломинка расписался: «Николай Соломин». За ним аккуратно расписались остальные: «Вячеслав Пузырев», «Станислав Полуэктов», «Игорь Егоров», «Геннадий Репьёв». Потом Генка написал еще раз: «За Ёжика — Репьёв Г.»

Соломинка помахал бумагой, чтобы лунные чернила (а вернее, не «чернила», а «светлила») высохли. И они высохли, но светиться не перестали. Соломинка очень аккуратно сделал из листа кораблик. Глянул на стучавшего зубами Генку.

- Ну? Давай напутственную заклиналку.
 — С... сейчас... — (Стук-стук.) — Чего-то не придумывается.
 — Вот как макнем снова, сразу придумается, — пообещал Пузырь. Конечно, он это просто так, но Генка заторопился:
 — Минутку... сейчас... вот:

Плыви, кораблик, по теченью
 И наших слов неси свеченью.
 Тебе вослед пусть машут квалы,
 А к Степке нусть приедет мама...

- М-да, не фонтан... — заметил прямолинейный Пузырь.
 — Сочиняй тогда сам, — сказал Генка (стук-стук).
 — Да ладно, все правильно, — заступился за начинающего поэта Соломинка. — Все, что надо, сказано. Генчик, скажи еще раз, чтобы мы запомнили. Потом повторим хором, и я отпущу кораблик...

Так и сделали.

Хоровая декламация получилась, правда, сбивчивой, но зато громкой. В ответ заквакали, заголосили по всему оврагу веселые репейные лягушки. Под их радостный гвалт кораблик со светящимися словами и уплыл по лунным зигзагам. Когда лягушки наконец поубавили громкость, Иге послышался сквозь нее частый негромкий писк.

- Что это? Будто чей-то пейджер сигналит!
 — Это, наверно, у квамов сигнализация пищит, — сказал Пузырь. — От лягушат. Чтобы они в питомник для мальков не прыгали...

3

Обратно возвращались, как армия победителей. Пузырь нес на шесте мокрый Генкин костюм с вышитым Пегасом — словно знамя торжествующей Поэзии. Луна освещала дорогу... У Иги, правда, шевелилось сомнение: ему казалось, что луна не совсем круглая. Как бы это не повредило колдовству. Но сомнение было не сильное, и он не стал делиться им с друзьями — чтобы не сглазить удачу.

Генка в тельняшке до колен был похож на маленькое полосатое привидение. Это ему нравилось. И он, дурачась, говорил, что возможна встреча с другими привидениями.

— Вот выплывут из-за кустов и скажут: «Ага, попались, лопухастые!»... Ой, смотрите...

Все замерли посреди дороги. А по обочине, обгоняя мальчишек, бесшумно прошли большущие белые ноги. Ступни. Они приминали траву. И уходили дальше, дальше...

— Жора, репивет... — Неуверенно сказал им вслед Лапоть. И показалось, что в ответ дохнуло ветерком: «Репивет, лопухастые...»

— Первый раз увидел их в натуре, — выдохнул Пузырь после общего почтительного молчания. — Следы-то встречал сколько хочешь, а вот так еще не приходилось...

И каждый в свою очередь признался, что «мне тоже...».

...Четвертинка из-под «Репьевской натуральной» продолжала гореть, как лампочка. И она разгоняла сумрак расположенной в сарае кают-компании, когда друзья укладывались на застеленных старыми одеялами топчанах.

Поболтали еще немного, вспоминая коварный туман и доброго квама. Все были убеждены, что колдовство даст хороший результат. Потом заснули разом, как по команде.

Утром вода в бутылке уже не светилась. Зато ярко светились щели в стенах. Все еще спали, когда Ига открыл глаза. Он не стал никого будить, выскользнул из сарая и помчался домой. На углу Серпуховской и Земляничного проезда он увидел Степку. Степка в новом оранжевом платице двигалась навстречу. Вприпрыжку.

- Ига, репивет! Ко мне ночью мама приехала! Забавно, да?
 — Очень забавно, — с удовольствием сказал Ига. — Поздравляю.

— Ига, ты возьми это себе! — Степка протягивала круглую жестяную коробку. — Мама нашла ее под подушкой, чуть не выбросила. «Зачем, — говорит, — прячешь в постели всякий утиль?» Забавно, да?

Ига взял тяжелую жестянку.

— Ты только не ходи без меня к Валентинычу, — попросила Степка. — Я сегодня буду весь день с мамой, завтра, наверно, тоже, а потом пойдем. Ладно?

— Ладно, — вздохнул Ига. А Степка светилась, ну прямо как четвертинка с лунной жидкостью. — Беги к маме... Постой! Вот тебе новый шарик...

Дома Ига начал снова просматривать киноленту через лупу. Дошел наконец до кадров, где «мушкетеры» разглядывают большой белый лист. Да, несомненно, самодельная карта.

А что, если... карта Плавней? Ведь «мушкетеры» собирались в путешествие именно туда!

Были заметны пятнышки островов и букашки-буквы названий, но, чтобы прочитать их, не хватало увеличения. Нужен был большой экран!

«Ох, прости меня, Степка», — мысленно сказал Ига. Потому что понял: не сдержит он обещания, не станет дожидаться Степку и помчится к Валентину Валентиновичу сегодня же! Прямо к моменту открытия «Двух рыцарей!» Только сначала забежит к друзьям в кают-компанию...

КИНО ПРО КИНО

1

В магазин «Два рыцаря» двинулись впятером. Каждому хотелось узнать поскорее: что за карта на кинолентке? Неужели вчерашняя «лунышка» исполнила сразу два желания?

Генкин высохший костюм выгладили прямо в сарае — припасенным для якоря литым утюгом (разогрели его на походном примусе). Пузыря убедили надеть штаны без дыр. Соломинка сменил обвисшую тельняшку на белую футболку. В общем, компания обрела вполне пригодный для делового визита облик. Ёжик с друзьями не пошел. На маленьком самокате с электродвигателем он укатил на опушку загородного леса, к своим колючим родственникам.

Валентин Валентинович встретил гостей приветливо. Но было заметно, что он чем-то расстроен. Так заметно, что Лапоть осторожно спросил: не случилось ли чего-то нехорошего?

— А вы разве не обратили внимание? Вити-то в витрине нет!

— Украли?! — ахнули все разом. Такое злодейство в Малых Репейниках было немыслимо.

— Да если бы украли! Тогда исчез бы и Митя! То есть Витино отражение! А он-то, голубчик, торчит внутри зеркала как ни в чем не бывало!

Все шумно выкатились наружу. В самом деле! Жестяного рыцаря не было, а его отражение красовалось в зеркале само по себе!

Валентин Валентинович сокрушенно объяснял:

— Я давно опасался чего-то подобного. Говорю Дмитрию:

«Признавайся, куда девался Витя?» А он в ответ: «Пошел совершать рыцарский подвиг! С драконом сражаться или еще что-то такое... К вечеру обещал вернуться». Они доведут меня до инфаркта!.. Я опять говорю: «Иди тогда куда-нибудь и ты! Это же просто неприлично, если фигура в витрине отсутствует, а ее отражение тут как тут». А этот негодник заявляет: «Не могу! Рыцарский долг не велит нам покидать пост вдвоем, один должен быть на страже!» Каково! А?..

— Да чего такого? К вечеру-то вернется, — постарался успокоить владельца магазина Пузырь.

— А если не вернется? И вообще что это за манера: уходить без спросу!.. И где, скажите на милость, он возьмет дракона?

— В Плавнях, говорят, еще водятся, — подал голос Генка.

— Только мало и очень мелкие экземпляры, — уточнил Соломинка.

— Вот именно! Мелкие и редкие! Их надо всячески оберегать, а не сражаться с ними!

— Едва ли они позволят себе поединок до крови, — утешил Валентина Валентиновича Лапоть. — Помахаются так, для вида, скажут «репиветик» и разойдутся.

— Но это же неприлично! — опять воскликнул Валентин Валентинович. — И вы... вы посмотрите вот на того красавца. Он делает вид, что его ничего не касается!

Рыцарь Митя (ростом с мальчишек) и правда был в глубине зеркала невозмутим. Только жестяные пальцы на перекладине дюралевого меча слегка шевелились.

Валентин Валентинович не мог успокоиться:

— Сейчас пойдут покупатели, увидят эту картину! Начнет-ся нездоровый ажиотаж!..

— А чего такого? Лишняя реклама, — сказал Пузырь.

— Реклама — это когда Гена Репьев сочиняет мне хорошие стихи, — веско возразил хозяин «Двух рыцарей». — А когда в наличии нарушение законов материального мира, это не реклама, а скандал! Люди столпятся у витрины. Внутрь заходить не будут, покупать ничего не станут, а начнут снаружи судачить и раздувать сенсацию...

— Тогда вот что! — сообразил Ига. — Завесьте стекло одеялом! Напишите на нем: «Переоформление витрины». Никто ни о чем не догадается!

— Мальчик! У тебя светлая голова!..

Все вместе они помогли Валентину Валентиновичу закрыть витрину, Ига мелом сделал надпись на одеяльном сукне.

— Вы меня спасли, — приговаривал Валентин Валентиныч. — Не знаю, как и благодарить. Пожалуйте в заднюю комнату, угощу чайком... Кстати, вы ко мне просто так или по делу?

— По делу, — сказал Ига. И, когда оказались в комнате у стола с самоваром, поведал историю с кинолентой.

Конечно, Ига не стал говорить о таинственной кладовке. Просто сообщил, что Степка нашла кинолентку в захлапленном чулане. И она, эта кинолентка, *та самая!* «Трех мушкетеров»!

Ух, как разволновался Валентин Валентиныч! Даже чай налил мимо чашки!

— У вас ведь есть старые киноаппараты! — сказал Ига. — Давайте посмотрим прямо сейчас! Как раз и окно занавешено!

— Да! Несомненно! Давайте! Да... но... пожалуй, не сейчас...

Валентин Валентиныч слегка успокоился.

— Видите ли, к этому делу надо подходить осторожно. Вы не учитываете один факт. Кинолентка-то старинная. Следовательно — горючая. В те времена безопасных пленок делать еще не научились. Бывало, что во время киносеансов они вспыхивали, как порох, я сам помню один такой случай на вечернем сеансе в городском парке. Показывали «Девушку моей мечты», и вдруг... Да... Поэтому есть смысл все подготовить с учетом техники безопасности. А то... может случиться, что рыцарь Витя вернется к пепелищу...

Никто не хотел такого жуткого финала. И все согласились, что есть смысл перенести просмотр на вечер. В сумерках можно крутить фильм на дворе, без риска сжечь магазин.

«И можно будет позвать Степку», — подумал Ига. Но потом решил не звать. Вдруг мать не отпустит ее, Степка расстроится. А отложить сеанс будет уже нельзя...

2

Темнело поздно, поэтому собрались в магазине у Валентина Валентиныча в десять вечера. Владелец «Двух рыцарей» был радостно возбужден: Витя вернулся! Оказалось, что около шести часов он возник в витрине как ни в чем не бывало. Его алюминиевый панцирь был слегка помят. Витя гордо поведал, что побывал на минном поле и дрался на мечах с каким-то фанерным дядькой. Поединок закончился вничью, но все же

Витя сумел сделать в фанере пробоину. «Рядом со старой, которая уже была» — уточнил он. Ига поехался. Не знал, радоваться или огорчаться, что Фанерный Выбор, оказывается, жив...

Валентин Валентиныч жил в квартале от магазина, в бревенчатом домике с палисадником. Он повел друзей к себе. По дороге тревожился:

— А вам не попадет дома за такую позднюю прогулку? Помню, что мне в свое время влетало...

Его успокоили. Во-первых, время не позднее, а самое подходящее для летних приключений. А во-вторых, все опять собиравались ночевать в кают-компании.

Позади домика был обширный двор с огородом и густыми рябинами. Оказалось, что здесь уже стоит на садовом столике старинный кинопроектор (тот самый, похожий на швейную машину с объективом). К нему из окошка тянулся электрошнур. К ножке столика был прислонен портативный огнетушитель. Метрах в пяти от проектора белела натянутая на заборе скатерть.

Валентин Валентиныч сказал, что киноаппарату почти сто лет. Он сделан на американском заводе в городе Чикаго.

— Но работает отменно, я проверял. Вот, извольте... — Валентин Валентиныч двинул на аппарате рычажок. На кожухе засветились щели, на скатерти появился яркий прямоугольник шириной в полтора метра. Валентин Валентиныч завертел ручку, аппарат затрещал, прямоугольник сделался ярче.

Надо сказать, что сумерки были жиденькие. Солнце зашло совсем недавно, в небе золотисто горели облака. Но все-таки здесь, в тени забора и рябин, экран светился уверенно. Валентин Валентиныч потерял ладони.

— Ну-с, пора приступать... — Он откинул на проекторе кривые рычаги, надел на них плоские катушки: на нижний — пустую, на верхний — с намотанной киноленткой. Умело протянул ленту через медные ролики. — Надо сказать, друзья мои, у меня был большой соблазн: посмотреть это кино еще раньше, но я честно ждал вас...

— Спасибо, — серьезно отозвался Лапоть.

— Да... Признаться, я волнуюсь. Это для меня шаг в свое детство...

«А мы-то как волнуемся, — мысленно сказал Ига. — Для вас шаг в детство, а для нас судьба экспедиции...»

Вся компания уселась в траве поближе к экрану (только Ёжика не было, он еще не вернулся от родственников).

— Ну-с, — опять сказал Валентин Валентиныч сзади, у столика. — Начали?

— Начали! — разом откликнулись пять голосов.

Опять засветилось полотно. Замелькали пятнышки, побегали похожие на дождь полоски. И... началось настоящее кино! Да, настоящее, хотя не цветное и без звука.

Впрочем, звук был! Дикторский текст вполне заменяли восклицания Валентина Валентиныча:

— Надо же! Это они! Я даже мячик тот помню! И змей... Это Боря и Юра! Ух, как лихо сражаются!..

«Мушкетеры» в газетных треуголках сражались и правда лихо. Умело. Куда там Иге в его поединке с Фанерным Выбором!

— Ах, а это на озере, на Песчаном мысу! Там были тогда мостки для нырянья!.. А это они строят свой корабль! Я помогал им клеивать шины, и мне досталось от бабушки за перемазанную резиновым клеем майку!.. Батюшки мои, Вилька!

Появился портрет во весь кадр. Светловолосый тонколицый Вилька Аугенблик (Арамис) глядел на всех живыми глазами с искорками, мигал и чуть улыбался. Несмотря на мельтешение царапин, кадр был удивительно четким. Видны были даже чешуйки облезавшей от загара кожи на лопухастых ушах... А у Борьки-Атоса — застрявшие в кудряшках репьи...

— Пузырь, смотри. Как на тебя похож! — сказал Соломинка, возбужденно махая снятыми очками. В самом деле, Юрка-Портос чем-то напоминал нынешнего Славку Пузырева. Наверно, веснушками и упрямым взглядом...

— Боже мой, это же я! — закричал Валентин Валентиныч. В кадре весело мотался на качелях пацаненок в бескозырке. Потом он же бесстрашно прошагал босиком через лужи — брызги взлет!

— Боже мой, Боже мой! — восклицал бывший Валька, не переставая, однако, равномерно вертеть ручку. В кадре Вальку сменили три сдвинутые головы, потом они разъехались (как лепестки распустившегося цветка), и весь экран занял разрисованный извилинами и пятнами, пестрящий надписями лист.

— Карта... — выдохнули пятеро.

Но карта исчезла, опять возник на две секунды похожий на Пузыря Портос, и — всё. Мельканье, пятна, голый свет...

— Валентин Валентиныч, давайте назад! — закричал Ига.

— Охотно, охотно, друзья мои... — И кино завертелось назад.

Карту снова не успели как следует рассмотреть, но кадры

не останавливались. Задом наперед бежал через лужу Валька, смешно махали молотками строители корабля, вылетали вперед ногами из воды на мостки ныряльщики... Пятясь, пересек двор курчавый Атос со змеем...

— Валентин Валентиныч, еще раз! — это закричали уже все.

— Да! Да! Я могу смотреть это сколько угодно!

Опять поединок, опять ныряльщики...

— Я, кажется, разглядел надпись «Одинокий Петух», — громким шепотом сказал Генка.

— И я! — отозвался Соломинка.

А когда карта появилась в кадре снова, эта надпись почудилась и нетерпеливо дышащему Иге. Но... опять конец.

Ига вскочил.

— Валентин Валентиныч! А можно сделать, чтобы кадр остановился?! Там, где карта! Это очень важно!

— Что?.. Да! Разумеется!.. Сейчас...

Фильм опять слегка пробежал назад, карта появилась и замерла.

Все так вытянули шеи, что в нижней части экрана возникли тени пяти лопухастых голов.

— Не торчите! — велел Пузырь. И в этот миг...

В этот миг случилась жуть!

В центре кадра возникла дыра с коричневыми краями. Она стремительно выросла, съела весь кадр, он вспыхнул белым огнем.

— А-а-а! — тонко закричал Валентин Валентиныч. Экран погас. Заполыхали оранжевые отблески. Валентин Валентиныч, путаясь ногами в оборванном проводе, плясал у горящего проектора, поливал его из огнетушителя. Но пенная струя не могла сбить шумное пламя. И оно злорадно гудело, пока не сожрало фильм до последнего кадрика.

На оси катушки остался лишь комок расплавленной пластмассы.

— Не сработала заслонка, — тихо сказал Валентин Валентиныч. — Ей полагается наполовину прикрывать горячую лампу, когда лента останавливается, а она... Почему? Я же проверял...

И опять наступило молчание.

...Сколько времени они стояли так у обугленного аппарата, трудно сказать. Наконец Пузырь угрюмо выговорил:

— Ну, чего ж теперь...

— Извините нас, пожалуйста, — спохватился Лапоть. — Из-за нас пострадал ваш аппарат...

— Да наплевать на аппарат! У меня еще два таких! А пленка!.. Это же невосполнимая потеря! Да! И во всем виноват я!..

— Да что вы, никто не виноват, — через силу утешил его Ига. «Виноват я. Не надо было смотреть без Степки... Что я ей теперь скажу?»

А владелец сгоревшего проектора держался за виски и горестно рассуждал:

— Конечно, это судьба. Она решила, что не следует позволять человеку слишком глубоко погружаться в свое детство. И вот, я взглянул лишь одним глазком...

«А мы одним глазком на карту...» Ига понял, что вот-вот пустит слезу. И незаметно для других дал себе подзатыльник.

Минут пятнадцать еще горевали, утешали (из вежливости) Валентина Валентиныча — хорошо, мол, все-таки, что сумели посмотреть хотя бы два раза... А потом — что еще делать-то? — побрели домой.

Включили под потолком сарая лампочку и в самом похоронном настроении расселись по топчанам.

— Ну что же, зато приключение... — попытался подвести философский итог Соломинка. Но это никого не утешило.

Лапоть сказал:

— Кажется, я заметил, что Одинокий Петух лежит к норд-осту от слияния речки Гусыни с каким-то ручьем. Это все-таки зацепка...

— С каким ручьем-то? — хмыкнул Пузырь. — И масштаба карты мы все равно не знаем...

Почарапался в дверь вернувшийся от родственников Ёжик. Генка посадил его рядышком. Вздохнул:

— Вот кому хорошо. Без карты путешествует где хочет...

— Слушайте! — вдруг подскочил Соломинка. — Но если с той поры сохранилось это кино, может быть, сохранилась и сама карта? Ига, а что, если поискать в Степкиной кладовке?!

— Да где она теперь, кладовка-то... — вырвалось у Иги. И он даже замычал тихонько.

— То есть как это где? — вредным голосом сказал Пузырь. — Растворилась в воздухе, что ли?

— Можно сказать, что так... Степка потеряла ключ, а без ключа туда не попасть.

Лапоть нервно не согласился:

— Но есть же иные варианты! Можно отыскать ключ или подобрать новый!

— Нельзя. Потому что эта кладовка... она с одной стороны есть, а с другой ее нет...

— Как это? С одной, с другой? В каком смысле? — продолжал не верить Лапоть.

— В прямом! Со стороны коридора открывается дверь, за ней помещение. А снаружи, из окна, глянешь — там голая стенка, никакой пристройки. Выходит, она, кладовка эта, в каком-то другом пространстве. Хитрости старого дома... Не верите, что ли?

Самое интересное, что Иге поверили. Ну, если не на сто процентов, то почти.

— Елки-палки в треугольном колесе. И никак теперь туда не попасть? — огорчился Пузырь.

Ига сказал, что никак. Судя по всему, злополучный чулан захлопнулся навеки.

— А может, не навеки? — осторожно спросил из-под бока у Генки скромный Ёжик.

— Не знаю... Только знаю, что карту там все равно не найти. А вляпаться в неприятности можно запросто... — («Пока не научишься сопрягать свою нить с Меридианом», — словно кто-то добавил ему на ухо.)

— В какие неприятности-то? — обыченно спросил Пузырь.

— Ну... подробности я потом расскажу, ладно? Мне теперь главное — придумать, как быть со Степкой. Она мне поверила, а я... — По правде говоря, Ига даже всхлипнул.

И никто не знал, что сказать ему.

А тут еще, будто для пушей печали, застучал о тесовую крышу дождик (и откуда взялся?).

А потом кто-то постучал в дверь. Тихонько так.

Что за новость! Если кто-то из Соломкиных родных, то ведь знают — не заперто.

— Кто там? — удивился Соломинка. И сразу: — Входите!

Дверь отошла, впустила пахнущий дождем воздух, и на пороге возник... О-пиратор.

Он возник — в балахонистом своем камуфляже, усыпанный бисером дождя, с пятнистым мешком под мышкой — и сказал:

— Только вы не ругайте меня, ладно?

Голова его была непокрыта, белобрысы гладкие волосы блестели от капель. Все молчали, переглатывая изумление.

Наконец Соломинка — на правах хозяина — сказал:

— Входи... Кто тебя будет ругать? Зачем?

— Ну, вдруг скажете опять, что шпион... — И он сделал шаг.

— Мы никогда не делаем необоснованных заявлений, — успокоил его Лапоть.

— Ага... а тогда, после концерта...

— Это сгоряча, — объяснил Ига. Он вдруг почувал, что О-пиратор явился неспроста. Что скоро случится *что-то*. — Это Генка. Он поэт, а поэты не всегда сдерживают чувства...

Генке бы возмутиться от души! Но он... тоже что-то почувал. Он (до чего догадливый!) встал, затеребил, как провинившийся дошкольник, желтые шортики с Пегасом и пробубнил почти серьезно:

— Да, я сгоряча. Извини, пожалуйста... — (Ёжик в корзинке хихикнул, но незаметно.)

О-пиратор сделал еще шаг.

— А драться... тоже не будете? А то я не умею... драться в ответ...

Пузырь помотал головой.

— Больной человек... Тебя здесь, в Малых Репейниках, кто-нибудь задевал хоть пальчиком?

— Да, задевал... Тот самый, Казимир...

— Казимир Гансович хотя и умная особь, но все-таки гусь, — терпеливо разъяснил Лапоть. — Мы не можем нести ответственность за рассерженного представителя пернатых. Хотя... если хочешь, можем извиниться и за него.

— Не надо...

— Казимира можно понять, — вдруг сказал Соломинка, котрый все знал. — У него в жизни такие неприятности...

— Какие? — это спросил не О-пиратор, а Ига. И Генка.

— Драма всей жизни. Станешь тут рассерженным... Он мечтает летать, как дикие гуси, чтобы осенью с ними отправиться в южные края, белый свет повидать. Несколько лет подряд тренируется, а на дальние перелеты ему не хватает дыхания...

— Я-то при чем? — неуверенно обиделся О-пиратор. — Ни на кого не бросается, а за мной погнался...

— Потому что ты его испугался, — заявил прямолинейный Пузырь. — Здешние жители его не боятся, а ты малость вздрогнул. Он почувал чужого, ну и вот...

— Я же не виноват, что чужой... — выговорил О-пиратор с опущенной головой. И добавил сразу, без всякого перехода: — Я пришел, потому что спас ваше кино.

— Что?! — это разом воскликнули все шестеро (считая Ёжика).

— Да... — О-пиратор стал развертывать пятнистый мешок. — Я... ну, это, играл в разведчиков... ну, и заметил, что на дворе у Валентина Валентиныча готовится что-то интересное... и решил поснимать из укрытия. Света еще хватало. А когда началось на экране, то совсем хорошо...

— И всё сумел снять?! — радостно взвыл Ига.

— Всё... Одну прокрутку я экран в полный кадр снял, от начала до конца... — Он достал из мешка видеокамеру.

— Можно посмотреть?! — это снова хором. Вернее, наперебой. И обступили О-пиратора, только Ёжик подпрыгивал на топчане, стараясь глянуть через головы.

— Можно. Только камера старая. У новых есть откидной экран для просмотра, а у этой надо через видеоискатель... если здесь нет телевизора.

Телевизора не было. Но ладно, пусть через глазок видеоискателя! Только бы убедиться, что фильм сохранился на видео-плёнке!

Сперва засуетились, каждому хотелось глянуть первому. Даже не заметили, как пытаются выхватить включенную камеру друг у друга. Первым спохватился Соломинка:

— Люди, мы кто? Лопухастые или бабуины?

Пузырь мигом перехватил инициативу. Распорядился, чтобы смотреть по очереди, каждый двадцать секунд. И начинать надо с младшего, как на флоте.

— Генчик, смотри.

— Тогда и Ёжик должен!

Дали глянуть и Ёжику. «Классно-потрясно», — прохрюкал он (нахватался словечек там, у своих диких родичей).

Хотя кадрик видеоискателя небольшой, все было видно прекрасно! Настоящее «кино про кино»! О-пиратор ухитрился снять и то, как Валентиныч готовит аппарат и натягивает скатерть, и то, как собираются ребята, и все прокрутки ленты. При последней скатерть с экраном заполнила весь кадр, и получилось, будто «мушкетерские» давние съемки сделаны прямо видеокамерой... И сцена с пожаром была тоже!

Теперь эта «огненная драма» никого не печалила. Жаль, конечно, киноленту, но ведь все, что было на ней, — вот оно!

И главное, что карта оказалась различима отлично! Даже в окошке видеоискателя!

— А на большом телеэкране будет во как! — Пузырь всем показал большой палец с коростой на суставе. — О-пиратор, ты гений!

Лапоть успокоил Пузыря взглядом. А О-пиратора спросил:

— Скажи, пожалуйста, а как тебя звать? По-настоящему...

О-пиратор посопел.

— По-настоящему Власик... Смешное имя, да? Но другого нет, а придумывать не хочу...

— Отчего же смешное? — сказал Лапоть. — Обыкновенное имя.

— А полное как? Влас, да? — сунулся Генка.

— Полное Владислав. Но мама с самого детства говорила не Владик, а Власик, так и повелось.

— Власик, ты можешь оставить нам камеру и кассету до завтра? — спросил Соломинка. — Мы утром сделаем копию. А потом... у брата в институте есть лаборатория, они там на компьютере восстанавливают попорченные фотоснимки и старую кинохронику. Цифровым способом. Он все кадры так отреставрирует, можно будет любую букву разобрать! — Это Соломинка уже не только Власику, а всем.

— Мы гарантируем сохранность, — пообещал Лапоть.

— А все остальное, что у тебя там на кассете, смотреть не будем. Честное лопухастое, — сказал Ига.

Власик чуть улыбнулся:

— Да, я оставлю. Смотрите, если хочется, хоть всю пленку, там же никаких секретов нету... Там как в футбол играют на Полинной улице да как в «скройся-умойся» в кустах у озера. Да еще тот концерт в вашей школе и фокусник. И гусь, пока он не погнался... А еще всякая трава да речка. Я хотел там человечков поснимать, ну, которые кнамы и квамы. А они почему-то не получаются, будто их не было...

— Квамы и кнамы ни на видео-, ни на фотопленке почему-то не отпечатываются, — разъяснил Соломинка. — Брат говорит, что для такой съемки нужны специальные фильтры, но никто не знает какие... Наверно, это и хорошо. А то была бы сенсация и всякие ученые затоптали бы город и окрестности...

— Да, я оставлю, — повторил Власик. — Хоть на сколько дней... — Посмотрел вверх, где по-прежнему слышалось стуканье капель о доски. — А еще... можно я сам останусь тут до утра? Если найдется место...

Пока другие удивленно моргали, Соломинка быстро сказал: — О чем разговор! Вон свободная лавка, и одеяло есть. Если не боишься по-походному.

— Я хоть как... А то не хочется идти под дождем...

— А тетушка... то есть Маргарита Геннадьевна тебя не хватится? — осторожно спросил Ига.

— Она уехала до утра к своей знакомой. В деревню Бубенцы. Первый раз решила оставить меня одного... Сейчас, наверно, будет напоминать, чтобы ложился вовремя...

И точно, после этих слов запищал в кармане у Власика пейджер. Власик вытащил аппаратик.

— Я же говорил... — На экранчике светились мелкие строчки: «Власик, хватит читать, пора в постель. Выпей на ночь молока. Целую, тетя Рита. Я приеду завтра в десять, не скучай».

— Раз тетя велит, надо ложиться, — рассудил Пузырь. — Давайте, лопухастые, баю-бай...

— Сначала чаю поьем, — решил Соломинка. — А то наш гость мокрый и дрожащий... Хотя ты теперь уже не гость, а... будь как дома, ладно?

— Ладно... — тихо сказал Власик. И вдруг улыбнулся не так, как раньше, а без боязни.

4

Власику помогли стащить отсыревший комбинезон — для просушки. О-пиратор оказался тощим и незагорелым, стеснительно ежился. Пузырь дал ему свои дырявые штаны (сам-то был нынче в таких же, как у Лаптя, парусиновых бермудах), а Соломинка — тельняшку.

— Теперь похож на человека, — одобрил Пузырь. — А то ходишь, как боевик из Курмаханского ущелья, жуть смотреть. Или думаешь, что это маскировка? Наоборот, все на тебя пялятся, как на марсианина... И вообще, чего ты все один да один, шастаешь по задворкам...

Власик перестал улыбаться. Шевельнул под обвисшей тельняшкой плечом.

— Ну, вот такой я... Наверно, поэтому и дразнили во всех школах...

Расспрашивать не стали.

Лапоть принес от колодца чайник со свежей водой. Пузырь хотел раскопечгарить прямо на столе примус, но Соломинка прогнал его на двор. «На сегодня хватит нам пожаров». Лапоть

достал из настенного шкафчика (именуемого рундуком) заварку, сахар, кружки и связку баранок. Баранки были как дерево, но если размочить в горячем, то в самый раз...

Кружек было только пять. Ига и Генка решили, что будут глотать чай из одной, самой большой. Иге это не доставило неудобств, потому что Генка не столько пил, сколько угощал Ёжика размоченной баранкой.

Наконец выключили свет и улеглись: Каждый тихонько дышал под своим одеялом (а Власик даже под двумя, ему выделили из запаса, чтобы лучше прогрелся). И каждый знал про других, что они не спят. Дождик перестал, и видно было, что тучи разбежались, потому что в щели и оконце светила луна.

— Давайте рассказывать жуткие истории, — шепотом предложил Генка.

— Нам их еще мало на сегодня? — сказал трезвомыслящий Пузырь.

Лапоть попросил:

— Игорь, а ты не мог бы теперь коснуться тех подробностей, насчет кладовки... Ты обещал.

Ига... он взял да и рассказал всё-всё. Про дыру, ведущую в чужие времена, про путешествие по непонятному пространству (где луна с неодинаковыми половинками), про город под куполом и кинотеатр «Красная пирамида». И про поединок (совсем не героический, Ига так и сказал)...

Иге поверили. Всей его истории. Может, в другом городе другие мальчишки сказали бы: «Во загнул!» Но в Малых Репейниках знали, что бывает на свете немало чудес. И к тому же не принято здесь было в серьезных делах обманывать друзей, это вам не Ново-Груздев... Имелось и дополнительное доказательство: сегодняшней рассказ рыцаря Вити про его поединок с фанерным дядькой. Ясно же — с тем самым!

— А Степка, она как? Не очень там перепугалась? — спросил в полумраке Соломинка. — Все же маленькая еще, девяти лет нету...

— Я, по-твоему, маленький?! — возмутился Степкин ровесник Репьёв.

— Ты другое дело, ты мужчина, — извернулся Соломинка.

— Сперва она, конечно, была в тот день перепуганная, — вспомнил Ига. — Но теперь все мысли о маме...

— А приехала ее мама-то? — вдруг спросил из-под двух одеял Власик.

Все разом удивились. И Лапоть это удивление вежливо изложил:

— А скажи, пожалуйста, откуда тебе известны обстоятельства, связанные с ее мамой?

Стало слышно, как виновато дышит Власик.

— Потому что я...

— И там подглядывал?! — рубанул неделикатный Пузырь.

— Я не подглядывал, я... играл... Потому что мне хотелось...

— Чего хотелось-то? — поторопил Пузырь.

— Ну... быть вместе с теми, кто живет дружно... Или не вместе, а хотя бы рядом... Я же не мешал! И даже помог...

Мягко, без недоверия Ига спросил:

— А... как ты помог? — Это чтобы опередить Пузыря.

— Я... только пусть Ёжик не обижается, ладно? Он ведь все-таки еще маленький, для колдовства могло его, шестого, не хватить. Я и решил тогда, что буду как бы с вами. С таким же, как у вас, желанием. Вы заклиналку говорили вслух, а я шепотом...

Ёжик не обиделся. Он сказал из корзинки:

— Ты, наверно, свою маму тогда вспоминал?

Власик помолчал дольше, чем нужно для ответа. Потом все услышали:

— Вспоминал. Только у меня ее нет...

Всех будто придавило тихой бедой. Что тут скажешь? Генка шепнул Ёжику:

— Болтун...

На этот раз Ёжик обиделся:

— Чего обзываешься! Я же не знал...

— В самом деле, — сказал Власик. — Ёжик не виноват. Никто не виноват... Мама умерла от белокровия, три года назад.

— Ты поэтому и живешь у тетки... у Маргариты Геннадьевны? — глупо спросил Ига.

— Да нет же. Я сперва жил с отцом в Бобровске, потом в Генеральске. А прошлой осенью отец завербовался на Юг, восстанавливать город Усть-Хасан... Его чего восстанавливать-то? Там до сих пор пальба да взрывы, сегодня дом починили, а завтра он летит на воздух. Я это отцу говорил, говорил, а он все равно... Рассказывал, что там большие деньги платят. Я говорю: «Вот загремишь под снаряд или в заложники, зачем тогда деньги...» А он все равно... Оставил мне видеокамеру, устроил меня в интернет, а сам... туда...

— А к тете ты на каникулы приехал? — спросил Лапоть.

Видно, для того, чтобы Власик не заплакал (слышно было, что может).

— Насовсем... В интернате разве жизнь? Вы не знаете... и хорошо. Она приехала весной, посмотрела, накричала там на все начальство. Сгребла меня под мышку и сюда... Она ведь добрая, хотя и крикливая. Только чересчур надо мной трясется. У нее своих детей никогда не было, и вдруг я...

«Забавно, да?» — словно послышался рядом с Игой Степкин голос. Ига улыбнулся и начал быстро засыпать. Но сквозь набегающий сон все же пробивалась тревожная нотка. Не из тех, что были в последнем разговоре, другая. И в последний миг Ига понял: жаль Казимира Гансовича, который не может улететь в теплые края...

БОЛЬШИЕ СПОРЫ В МАЛЫХ РЕПЕЙНИКАХ

1

Карта получилась что надо!

Старший брат Соломинки и его друзья в самом деле привели в порядок телезапись. В кадрах старого фильма не осталось ни царапин, ни пятен. А карта на экране выглядела так, будто ее только что нарисовали тушью. Но разглядывать ее в телевизоре не было нужды. Студенты пересняли карту с пленки и отпечатали несколько экземпляров на принтере, на листах газетной ширины.

Теперь видны были все буквы! И надпись «Одинокий Петух» великолепно читалась в правом верхнем углу листа — рядом с нарисованным островом, который лежал поодаль от остальных и очертаниями в самом деле напоминал грустного петуха.

А вообще-то на карте было много всего. Десятка два довольно крупных островов с названиями и россыпь мелких, безымянных. Были болотные пустоши с обозначенными густым штрихом тростниками. Были проплешины маленьких озер. Озера соединялись протоками. По всей этой пустынной стране (такой влажной, что даже от бумаги пахло камышом и осокой) петляла речка Гусыня...

Да, кто-то из «мушкетеров» был замечательный художник (Иге казалось, что это Вилька Аугенблик). Всю «географию»

он изобразил уверенной и умелой рукой. А слева сверху нарисовал квадрат с завитками, в котором вывел старинными буквами название: «Карта Лопухастых островов». Именно так — не «Лопуховых», а «Лопухастых»! То есть «наших»! В правом нижнем углу раскинула острые лучи компасная звезда с буквами N, S, O и W. Ну, в точности как на картах времен Колумба и Магеллана (Соломинка сказал, что эти карты назывались «портуланы»).

Были нарисованы среди болот всякие существа. Кнамы, квамы, толстые крупные книмы. Были похожие на кенгуру с крысиными головами шкыдлы и мохнатые коротышки — чуки. Был здесь даже маленький добродушный дракон. А еще — длинноногая, с петушиным гребнем и павлиньим хвостом птица. Соломинка сказал (со слов брата), что, скорее всего, это ночная птица Уаха, хотя нарисована она неточно. Точно и нельзя, потому что никто ее не видел, только слышали по ночам печальные крики...

Но самое главное — это был маршрут! Такой, словно давние Вилька, Боря и Юрик позаботились о будущих путешественниках — об экипаже «Репейного беркута». Хотя на самом деле они, конечно, собирались в экспедицию сами.

То по Гусыне, то по жилкам проток и блюдцам озер тянулись оперенные стрелки маршрута. Из юго-западного угла карты, где лежал Большой Лопуховый остров с Малыми Репейниками, на северо-восток (то есть на норд-ост) прямо к острову Одинокий Петух.

Что было нужно «мушкетерам» на том острове? Никто теперь не мог этого сказать, даже Валентин Валентиныч, бывший Валька Клин — младший сосед трех друзей и свидетель их многих дел.

Валентин Валентиныч, когда узнал, что фильм удалось спасти, радовался, как семилетний пацаненок. Ему подарили кассету с копией. Он смотрел ее на своем «видике» снова и снова, даже забывал про покупателей. Иногда останавливал кадры и, вздыхая, покачивая головой, разглядывал их, как фотоснимки.

— Подумать только. *Все это* и в самом деле было...

«Портулан» он тоже рассматривал с интересом.

— Конечно, это Вилька рисовал! Талант был...

— А как он сумел составить такую подробную карту? — спросил Соломинка. — Ведь даже в наше время таких не найти.

— Как... как... — Валентин Валентиныч поднял к потолку

глаза, поскреб темя. — Я не исключую, что была применена аэрофотосъемка. Да-да! Ребята часто клеили из бумаги воздушные шары. Запускали их над болотами. Они вполне могли прицепить кинокамеру к шару, сделать ей приспособление, чтобы шелкала кадры, скажем, раз в минуту. Выбрали нужный ветер, запустили...

— Да, но как они получили камеру назад? — не унимался Соломинка. — Ветру приспособление не сделаешь, едва ли он пригнал бы шар обратно...

— М-да... Не знаю, не знаю... Меня ведь не посвящали... Однако же карта вот она, это непреложный факт!

— А может, они все же успели побывать на Петухе? — неуверенно сказал Ига. Ему очень хотелось этого.

— М-м... едва ли.. Думаю, что я знал бы про такое дело.

— А может быть, они зачем-то специально скрывали, что были на острове, — рассудительно заметила Степка.

Степка была теперь вместе со всеми. Мама ее уехала, погостив здесь пару дней.

— И не скоро приедет снова, — сказала Иге Степка. — Потому что ей опять надо в Улан-Удэ. Дела фирмы всякие и вообще... Забавно, да?

И все же Степка была повеселевшая. Не отставала теперь от Иги, и все понимали, что так и должно быть. Заминка только вышла, когда составляли план экспедиции.

Степка ничуть не обиделась, что Ига пошел смотреть кинолентку без нее. Но, когда узнала конец истории, сразу спросила:

— Значит, карта самая подходящая, да?

— Самая!

— Значит, поплывете, да?

— Конечно!

— Значит, я с вами, да?

— Ик... — сказал Ига. И деревянно замолчал, будто подавился.

— Что с тобой? — спросила Степка. И глянула ясными такими глазами.

— Я... ну, не знаю... я ведь там не решаю один-то... Ну, ты чего?... Ладно, я спрошу ребят...

И — что было делать-то? — спросил. Вернее, сказал:

— Степка с нами просится...

Их в тот момент было в кают-компании пятеро: Ига, Генка, Лапоть, Соломинка и Пузырь.

Конечно, Пузырь вспомнил про елки-палки в треугольном колесе.

— А чего такого? — слегка ошетинился Ига.

— Будто не понимаешь. Женщина на корабле...

— Сам ты женщина, — одернул друга Соломинка. — Скажешь тоже...

— Ну девчонка! Не пацан же!

Генка счел долгом вступить за ровесницу:

— Какая разница!

— Тебе объяснить? — ехидно спросил Пузырь. — Не учили еще во втором классе?

— Пузырь, не изображай бабуина, — сказал деликатный Лапоть.

— А я чего? Я по делу говорю! Ей всякие отдельные удобства нужны будут. Тебе вообще нянчиться придется...

— Да ничего не придется! — заверил Ига. — Она еще выносливей, чем мы!.. И ты, Пузырь, забыл, что ли? Без нее у нас никакой карты не было бы!

Тут что возразишь? Пузырь пробурчал только, что лодка из досок, а не из резины. Сперва рассчитывали на троих... ну на четверых (Пузырь покосился на Генку), а теперь получается семеро. Или даже восемь, потому что ведь Геночка не оставит ненаглядного Ёжика.

— Да, не оставлю!

— Вот я и говорю...

Пузырь правильно сосчитал. Восемь — потому что надо было брать в расчет и Власика. Сам же зачислил его в друзья!

В то утро, когда Власик проснулся в кают-компании и собирался домой, оказалось, что его комбинезон высох и сделался как жестяной. Власик со скрежетом натягивал его и кряхтел.

— Теперь-то уж можешь не носить эти доспехи, прятаться не надо, — сказал Ига.

— Я не только для маскировки, я очень комаров боюсь, — признался Власик. — У меня на них аллергия.

— У тебя что, до сих пор кнамье шарика нету? — удивился Пузырь.

— Я искал, да не получается...

Пузырь закряхтел, зашарил в карманах.

— У меня где-то был запасной... Вот, держи.

Власик захлопал белыми ресницами.

— Это... насовсем?

— Если не насовсем, то какая польза... — пробурчал Пузырь.

— И он... будет действовать? — Видимо, Власик уже знал кое-что о здешних законах природы. И о том, *когда и как* действуют шарики.

— Ну... ты же выручил нас вчера... — прежним тоном отозвался Пузырь. Он ни на кого не смотрел. Может, боялся, что его не одобряют?

— Я... спасибо, ребята, — сказал Власик и отвернулся.

Днем Власик снова пришел на двор к Соломинке. И застал там весь экипаж, который возился с лодочным мотором (вернее, возились Пузырь и Соломинка, а остальные подавали советы). Власик принес завернутый в полотенце противень с теплым яблочным пирогом.

— Это тетя Рита послала. Я ей признался, что ночевал у вас, и она сперва пообещала меня выдрать, а потом испекла пирог. «Отнеси, — говорит, — всем...»

Пирог умяли тут же.

Пузырь языком собрал с ладони крошки и сказал:

— Пирог что надо. Тетушка, видимо, тоже... Она отцовская сестра, да?

— Двоюродная... Да неважно какая. Главное, что с пониманием...

Ига опасно спросил:

— А меня она не поминала? Как я в нее чуть шину не впечатал?

Власик покивал:

— Поминала! «Я чуть не померла с перепугу...» Да теперь уже не сердится, смеется.

— Ты ей скажи... это... Ну, что я извиняюсь... — попросил Ига, сбрасывая груз с души. И добавил честно: — Я бы сам сказал, да пока боюсь...

Все посмеялись, и Власик тоже посмеялся. И при этом почему-то осторожно трогал оба уха.

— Судя по всему, шарик выполняет свои функции? — вежливо поинтересовался Лапоть.

— Выполняет! Ни одна мошка не куснула ни разу!

Власик был в таких же, как у Иги, «бахромчатых» джинсах, в сетчатой безрукавке и босиком (видимо, для пушей закалки). Скоро загорит, обшелушится и станет совсем похожим на здешних пацанов. Тем более что и уши у него уже слегка оттопырились. Правда, скоро Власик признался, что за уши он за-

талкивает шарики из жвачки, чтобы «повысить лопухастость». Смеяться не стали, а Соломинка деловито объяснил, что искусственные меры здесь лишние. К середине лета уши сами собой придут в нормальное состояние...

Это все случилось еще до разговора о Степке. Власик и Степка тогда не были даже знакомы. Но скоро познакомились и сделались матросами одного экипажа. И каждый в экипаже знал — скоро в путь.

2

А в городе тем временем разгорался скандал. Газета «Утренний свет» напечатала статью корреспондента Ю. Бдительного «Большой заговор против Малых Репейников». Сатирическая газета «Репейный цепляла» (в которой работал дедушка Генки Репьева) поместила фельетон «Как танцует твист НИИТЕРРОрист». На следующий день в той же газете появилась ехидная заметка «Есть ли голова у городского головы?».

Руководитель городского управления Максим Максимыч Нечитайлов обиженно выступил по местному телевидению и сообщил, что голова у него есть и он клянется этой головой, что слухом не слыхивал ни о каком «НИИТЕРРОре». А еще поклялся, что скорее сложит эту свою голову, чем позволит устраивать в родном городе ярмарку вооружений, а в окрестностях полигоны. Максим Максимыч был мягкий человек, и ему поверили только отчасти. То, что не слышал о зловещих планах, — да. То, что сложит голову, — возможно. А то, что сумеет переспорить губернское начальство, — едва ли...

Впрочем, высокое начальство — в лице депутата губернской думы Э.Э. Стоерасова — заявило через большую газету «Ново-груздевские просторы», что никакого «НИИТЕРРОра» не существует и его проектов — тоже. Все это выдумки сочиняющих жареные новости журналистов... А если бы даже такие проекты и были, то что страшного? Захолустному городку от них одна польза. «Недаром их поддерживает сам губернатор...»

После этой статьи в Малых Репейниках поднялся шум. Большинство взрослых жителей и лопухастое население негодовало. Но были, конечно, и такие, кому хотелось, чтобы все стало «как в Европе»: небоскребы, дискотеки в каждом квартале, реклама до небесья, а на всех перекрестках — банкоматы. Это такие штуки со шелками, в которые надо только су-

нуть пластмассовую карточку — и в ладонь тебе вылетает пачка баксов. Правда, где брать эти карточки, сторонники «новой жизни» и полигонов не знали. Им казалось, что, если будут цветные павильоны, билдинги с эскалаторами и роботы, продающие пепси-колу, карточки появятся сами собой. Тем более что кто-то пустил слух: после каждой ярмарки с испытанием танков и гаубиц всем жителям станут платить пособие. Это, мол, как бы за вредность. Но вредности, мол, будут самые маленькие, а пособия большие. Причем в валюте.

Последней новостю верили только самые отпетые дураки (потому что всякие пособия губернское начальство много раз обещало и раньше, а в итоге все получали дулю). Но, к сожалению, дураки встречаются везде, даже в городах с прекрасными традициями.

Наконец страсти накалились так, что местная телестудия объявила диспут в прямом эфире. Пусть, мол, соберутся перед камерами «представители всяких слоев населения» и выскажут свои точки зрения в откровенной беседе.

От молодежи выбрали выступать Соломкиного брата Глеба и его однокурсницу Ниночку Крокус. Глеб взял с собой Соломинку — потому что надо, чтобы кто-то выступил и от школьного народа. А Соломинка настоял, чтобы позвали еще и Генку Репьева (если уж нельзя весь экипаж «Репейного беркута»). Впрочем, особо настаивать и не пришлось — Генку на студии знали и пригласили охотно.

Домби-Дорритов (то есть Ч.А. Мишечкин) в студию благо-разумно не явился. Вместо него интересы «НИИТЕРРОРа» пришел защищать круглый седой дядя с похожей на бритвенный помазок бородкой.

Известная всем «малорепейным» зрителям (ну прямо родственница!) ведущая — Эмма Певичкина, — светясь уютной, домашней такой улыбкой, выразила надежду, что дискуссия пройдет в живой и дружеской атмосфере и что выступающие будут с уважением относиться к позициям друг друга.

Надежда ее сбылась не полностью.

Сначала Эмма попросила выступить депутата Стоерасова.

— Эраст Эрнестович! В своей газетной статье вы всех нас уведомили, что никакого плана реконструкции нашего города нет и что тем не менее он, этот план, встречает поддержку у нашего уважаемого губернатора. Не могли бы вы коснуться данного вопроса более подробно?

— Э-э... в настоящий момент... а-а... исходя из того, что

стабилизация конкретной ситуации... э-э... еще не в полной мере... а-а...

— Благодарю вас! А что думает о такой ситуации представитель городской управы господин Ичкин?

Господин Ичкин не успел ответить, что он думает. Опередила его домохозяйка с улицы Георгинов Евгения Евгеньевна Козодубова (похожая на тетушку Власика, Маргариту Геннадьевну, только менее полная). Она сказала, что если какие-нибудь перестройщики города сунутся на их улицу, будет «вторая Куликовская битва».

— А за клубничные грядки на своем огороде я устрою еще и это... Ватерлоо. Не хуже, чем в кино!

— Но сударыня!.. — Дядя с бородкой-помазком прижал к жилетке похожие на очищенные бананы пальцы. — Вы еще не осознали всех преимуществ прогресса! Какие грядки! В новом городе на каждом углу будут современнейшие магазины! Маркеты, супермаркеты, шопы! Не надо будет ломать поясницы на грядках! Вы сможете на любом перекрестке купить всю необходимую огородную продукцию!

— А на какие шиши? — резонно спросила Евгения Евгеньевна Козодубова.

— Э-э... как раз к этой теме мы... а-а... и хотим обратиться, — вмешался депутат Стоерасов. — Растущее благосостояние жителей... э-э...

— Э-э, позвольте мне... — Это поднялся во втором ряду брат Соломинки Глеб (худой, очкастый и лохматый). — Боюсь, что губернских начальников и господ из оружейного НИИ волнует не растущее благосостояние здешних жителей и не поясницы огородных владельцев. Их волнуют доходы, которые получают чиновники от оружейных ярмарок. Можно будет чаще ездить на Багамские острова и советоваться там с их губернатором, как еще энергичнее делать нас счастливыми... А то, что в городе исчезнет удивительная, веками накопленная культура, их не касается...

— Исключительно справедливо! — это подал голос директор музея Яков Лазаревич Штольц. — Bravo, молодой человек!

Глеб переждал эти восклицания и махнул снятыми очками.

— И то, что в окрестностях будет пустыня, господ тоже не волнует! Это же не их дачные участки! А она будет... Ниночка, включи фильм!

Ниночка и операторы сработали в один момент. На экране

появилось желто-серое, изрытое какими-то норами поле. Похожее на лунную поверхность. И над ним звучал голос Глеба:

— Видите? Несколько лет назад осушили болота под Щучьим Посадом, и вот... То же получится и у нас. Поднятая снарядами пыль пойдет на город, не спасут никакие новейшие фильтры. А в бывших Плавнях не останется ничего живого!

— Да там и нет ничего живого! — взвизнул дядя из «НИИТЕРРОРа». — Кроме головастика и комара! Извините, но ваши Плавни — это рассадник малярии, только и всего!

— Сами вы!.. — взметнулся над скамейкой Соломинка. — То есть... я хотел сказать, что у нас не бывает никакой заразы! Даже ни одного клеща никто не видел! А в болотах кого только нет! Чуки и шкядлы! Птицы, какие нигде больше не встречаются! Кнамы, квамы, книмы!..

— Мальчик, мы не можем принимать всерьез местные сказки, — сказал дядя с помазком уже нетерпеливо.

— Сказки?! — Соломинка полез под рубашку и вытащил крупного, с большую морковку, травяного кнама. Поставил на ладонь. Оператор тут же ухватил его крупным планом. Передка была прямая, не съемка на пленку, поэтому кнама увидели на экранах все. Он держался уверенно. Снял сплетенный из паутины колпачок, поклонился, вынул крохотную свирель и заиграл.

— Это... это просто заводная игрушка! — нашел ответ представить оружейного НИИ.

— Сам ты заводная игрушка! — возмутился кнам. Но микрофоны почти не уловили его дрожащий голосок.

— А говорящий ежик тоже игрушка?! — ломким от возмущения голосом крикнул Генка Репьев. И посадил Ёжика на колени. Тот негромко, но различимо сообщил:

— Не нравится мне этот разговор...

— Ну и что? Ёжик! У меня в детстве был говорящий скворец! Я же не лез из-за этого во взрослые дискуссии! — Ученый дядя сердито задергал помазок. — Я думал, здесь будет серьезный разговор! Я полагал, всем понятна роль развития оружейных технологий в современной цивилизации. Без оружия, к сожалению, мир обойтись пока не может. И, значит, мы не должны отставать! Да! Мне кажется, это такая истина, про которую говорят: понятна и ежу!

— Не-а, мне непонятна, — сказал Ёжик.

— За что кровь проливали? — вдруг раздался силовый голос. И в кадре возник толстощекий, сизый от старательного бри-

тья мужчина. Это был член союза «Наши силы», отставной прапорщик и ветеран Капитон Климентьевич Калашный.

— Вы хотите высказаться? — обрадовалась ведущая Эмма. — Пожалуйста!

— Вот и спасибо, что пожалуйста! Повторяю: за что кровь проливали? Земляничные грядки и всякие... лилипутики болотные им дороже государственной мощи! Довели страну! У меня у самого грядки, но если надо, я...

— Простите, господин Калашный, а где вы проливали кровь? — раздался вдруг мягкий голос. И все увидели Андрея Андреевича, школьного учителя труда. — Насколько мне ведомо, вы служили в мирное время и занимали не очень опасную должность завскладом...

— В армии все должности опасные, — отрезал Капитон Климентьевич. — Это вам не молитвы распевать! И говорю я не от себя, а от имени всех вооруженных сил! Распустились, понимаете ли! Оружие вам ни к чему! Может, вы хотите сказать, что не надо защищать родину? А?

— Нет, почему же, — по-прежнему мягко отозвался Андрей Андреевич. — Родина всегда требует защиты. В наше время — прежде всего от таких, как вы. И от жадных чиновников. И от генералов, которые строят трехэтажные дачи, когда солдаты на южной границе кладут за них головы... Кстати, почему у террористов и наемников новейшее оружие, а у наших солдат автоматы старого образца?

— А я откуда знаю! — Ветеран Калашный стал сиреневым.

— Можно подумать и догадаться. Дело в том, что защита страны и торговля оружием — разные вещи, господин прапорщик в отставке. Оружие сегодня продают тем, кто платит подороже. А завтра оно обратится против нас... И вообще торговать тем, что сделано для убийства, дело богопротивное.

— Это демагогия! — веско сказал дядя из НИИ.

— Генчик, что такое де... маог... маогия? — спросил Ёжик.

— Это значит брехня, — сообщил вместо Генки Соломинка. — Но только не у Андрея Андреича...

— То, что не у него, понятно и ежу, — согласился Ёжик.

— Не думаю, что ваша затея кончится удачей, — подвел итог Андрей Андреевич.

— Э-э... а почему вы так думаете, позвольте... э-э... узнать? — нервно спросил депутат Стоерасов. — Кто может противостать... а-а... так сказать, поступательной мощи социального... э-э... развития?

— Да все мы сможем, если поднатужимся, — разъяснил Андрей Андреевич, — противостоят *вашей мощи*. А особенно вот они. И многие их друзья-приятели... — И он кивнул в сторону Соломинки и Генки. — Это, можно сказать, главная стража наших островов... Если человек рискует свернуть себе шею, чтобы не поранить крохотного кнама, его не соблазнишь никакими банкоматами...

«Это он про меня, что ли? — тихонько ахнул Ига, который сидел дома у телевизора вместе со Степкой. — Да нет, откуда он мог знать. И вовсе я не рисковал свернуть шею...»

— Господа, господа! — всплеснула руками ведущая Эмма. — Разговор принимает интересный оборот, но... давайте передохнем. Пора дать слово самым юным участникам дискуссии. Многие знают начинающего поэта Геночку Репьева. Он не однажды радовал нас стихами на животрепещущие темы! Может быть, Геночка сегодня прочтет нам что-то новое?

Генка снял с колен Ёжика. Встал. Погладил на штанах Пегасика. Раньше, бывало, он стеснялся, но теперь держался как дома.

— Это у меня только что, прямо тут, сочинилось, — доверительно сообщил он. — Вот...

Квамы, чуки, ежики и кнамы!
Берегитесь, к вам идет беда!
Собирайте ваши чемоданы,
Уносите ноги кто куда!

Из каких-то там соображений,
У которых очень важный вес,
Тут построят город оружейный —
Это называется «прогресс».

Огороды все, конечно, сруют,
Вдоль заборов скосят лопухи,
Но зато построят небоскребы —
Это не «ха-ха» и не «хи-хи».

Полигон сухой Сахарой ляжет,
Где была болотная трава.
Станут продавщицы в камуфляже
Всем, кто хочет, пушки продавать.

Военторги, то есть военшопы,
Нам откроют на любом углу.
...И боюсь я, что из этой ямы
Не спасет нас никакой колдун.

Генка шмыгнул носом и сдержанно поклонился. Ему захлопали. Не все, конечно. Ученый дядя с помазком снисходительно улыбался. Депутат Стоерасов пытался сказать «э-э» и «а-а», что означало сдержанное несогласие. Ветеран Калашный стал багровым и дышал, как попавший на отмель пароход времен Марка Твена. Но большинство Генку одобряло. Ведущая Эмма Певичкина аплодировала с этим большинством. Потом завоскликала:

— Замечательно! Спасибо, Гена!.. Разумеется, кое-кому мнение нашего юного таланта может показаться субъективным, но ясно и то, что многие разделяют его точку зрения! И, кроме того, нельзя не заметить, как растет дарование всеми нами любимого Геночки Репьева. Очень хорошие стихи!

Генка опять погладил Пегасика и глянул в камеру ясными глазами.

— Нет, не очень хорошие. Я торопился. Рифмы не везде получились...

— Это ничего, это ничего! — радостно заторопилась Эмма. — Сейчас включится прямой телефон, зрители начнут высказывать свое мнение по всем нашим вопросам и заодно помогут Геночке подобрать наиболее точные рифмы. Это вполне в правилах наших дискуссионных и литературных передач...

Эмму перебил ветеран Калашный. Он хотел узнать, за что проливали кровь, если на телестудии позволяют выступать всяким мелким хулиганам! Ветерана в свою очередь перебила подруга Глеба Соломина Ниночка Крокус. Поднялся шум, все хотели сказать что-то свое и раньше других. О сдержанной интеллигентной дискуссии теперь нечего было и думать. К тому же включился телефон и трезвонил не умолкая. Звонили не только из Малых Репейников, но также из Бубенцов, Красностадухина, Курочки Рябы и других ближних городков и поселков. И даже из губернского Ново-Груздева. Почти все клеймили «НИИТЕРРОР», и каждый хотел подсказать начинающему поэту Гене Репьеву рифмы для последних строчек.

Через десять минут Эмма Певичкина со счастливой улыбкой закрыла передачу.

Часть третья

ТАМ СТУПА С БАБОЮ
ЯГОЙ...

ПЛАВНИ

1

Тому, кто в юные годы отправлялся искать загадочные острова, известно: трудности начинаются еще до экспедиции. Главная трудность — уговорить родителей: отпустите нас, ничего с нами не случится!

Практичный Пузырь предложил простой способ. Мол, рассказывать про плавание не надо. Просто следует сказать, что с утра все станут заниматься ремонтом лодки, потом заночуют в сарае, после этого еще целый день провозятся с ремонтом и вернутся домой вечером. Потому что рассчитывали: день пути до острова, потом возня со скважиной и ночевка, а затем день обратного пути.

На первый взгляд все получалось как надо. Но Ига поморщился, набрался храбрости и сказал:

— Вообще-то я родителям, по большому счету, не вру. Если не какая-нибудь ерунда вроде «Ты сегодня обедал?» — «Ага, до отвала!» Если сильно соврешь, потом на душе так, будто дохлую мышь проглотил.

Пузырь заметил, что ради больших достижений иногда приходится идти на жертвы. Но Ига возразил:

— Если в начале дела вранье, то и достижения не получатся. Примета есть такая...

Пузырь напомнил историю Руала Амундсена: тот всем сказал, что плывет к Северному полюсу (чтобы не приставали), а на самом деле отправился к Южному. И открыл его.

Но вмешался разумный Соломинка:

— Во-первых, мы не Руалы, не Амундсены. А во-вторых... мама с папой выйдут на двор и увидят, что там — ни нас, ни лодки. Ни утром, ни вечером, ни на следующий день. Представляете тарарам?

Представили...

— К тому же не исключен вариант, что мы можем задержаться на острове, — заметил Лапоть.

— Тогда все равно будет тарарам, — сказал Пузырь.

— Но, по крайней мере, не влетит за вранье, — вздохнул Соломинка.

В конце концов отпустили всех. Пузыря, Соломинку и Лаптя — потому что родители уже привыкли к их всяким затеям и загородному бродяжничеству (и, кроме того, были «морально готовы заранее», с весны: раз друзья налаживают лодку, значит, все равно куда-то поплывут). Начинаящий поэт прибегнул к испытанному средству, о котором упоминал: ударился в рев — это на родителей всегда действовало безотказно (хотя поэту потом было неловко). Степке разрешили путешествовать почти без возражений — дед и бабушка привыкли, что она целыми днями с Игой, и, видимо, полагали: раз так, бояться нечего. Все опасались, что труднее других придется Власику. Но тот уговорил тетушку довольно быстро (хотя было подозрение, что прибегнул к Генкиному способу). Маргарита Геннадьевна раздобыла у знакомых сотовый телефон, вручила Власику и взяла с племянника клятву, что он будет звонить с пути через каждые два часа. А она станет сообщать о делах экспедиции родителям других путешественников.

Дольше всех уговаривал маму Ига (отец только нерешительно покашливал во время разговора). Для начала мама (творческая натура!) ярко обрисовала все беды, которые ждут «безответственных авантюристов, рискнувших отправиться неизвестно куда без сопровождения взрослых». Конечно, она ведь не знала о приключениях ненаглядного сына в иных пространствах! Ига отвечал разумно и сдержанно. Сначала. А потом подумал даже: не пойти ли Генкиным путем. К счастью, до такого скандала не дошло, хотя мама в пылу затянувшегося спора воскликнула:

— Нет! Нет, нет и нет! Только через мой труп!..

Ига пригрозил, что, если не отпустят, он от стыда перед ребятами сам станет трупом. Или, в крайнем случае, полутрупом.

— Но там джунгли и трясина! — не уступала мама.

— Да какие трясина! Мы же будем на воде, в лодке!

— А если лодка перевернется! Ты почти не умеешь плавать!

Ига искренне возмутился. Это он-то не умеет? Да он... да еще в прошлом году... все видели, как он на озере... да спросите хоть кого!..

В конце концов с Иги потребовали честное лопухастое слово, что он во время всего плавания не снимет с себя спасательный жилет. Ига — что делать-то! — дал. Хотя и представил, каким идиотом будет выглядеть в глазах экипажа «Репейного беркута».

Опасался он зря. В начале рейса Соломинка, назначенный капитаном, железно потребовал:

— На борту всем быть в жилетах. Кого увижу без, то пешком пойдет обратно домой по кочкам.

И никто, даже Пузырь, не пикнул.

...Ранним утром корабль «Репейный беркут» на ручной двухколесной телеге был доставлен на дамбу. Там его оснастили мачтой с парусом, загрузили походным имуществом и с дружным криком спихнули на воду. Сиганули по сторонам лягушки, приветственно погудел проезжавший через дамбу самосвал.

Телегу загнали в кусты. Толкаясь шестью, вывели лодку через ряску и заросли рогоза в ближнюю протоку. Капитан Соломинка заправил тельняшку в трусы с лампасами, натянул на лоб бейсболку с якорем и отдал команду механику Пузырю:

— Запускай.

Музейный мотор (подарок Якова Лазаревича Штольца) захихал, словно кот, сунувший нос в тополиный пух.

— Вперед помалу... — сказал капитан. — Лапоть, направляй...

— Два румба влево, — велел штурман Лапоть, сидевший впереди всех с картой на коленях.

Власик поднял видеокамеру, чтобы запечатлеть исторический момент.

— Поехали? — радостным шепотом спросила Степка у Иги.

— Не «поехали», а «пошли», — строго сказал Ига, который за дни подготовки экспедиции поднаторел в морской терминологии.

Генка Репьев быстро шевелил губами (и облизывал их) — видимо, сочинял подходящие случаю поэтические строчки.

— Давай уж читай, не пыхти, — хмыкнул бесцеремонный Пузырь. Генка встал у мачты — тошенький, вдохновенно расстрепанный, в желтом своем костюмчике с крылатой лошастью (уже по-походному измочаленном) — и звонко сказал над Плавнями:

Чрез левое плечо мы плюнем
В начале нашего пути,
Чтоб этот путь в конце июня
Благополучно нам пройти.
Друг другу очень твердо скажем мы:
«Стараться будем до тех пор,
Пока мы не отыщем скважину...
И фиг тебе, «НИИТЕРРО!»»

Стихи единодушно одобрили. Власик, снимавший Генку, отложил камеру и занес его творение в судовой журнал. Поставил дату и час.

Был и в самом деле уже конец июня. Со дня скандальной телепередачи прошло две недели. Шум, поднятый из-за коварных планов, которые разработал кандидат наук Чарли Афанасьевич Мишечкин, постепенно утих. Потому что «НИИТЕРРО» больше никак не проявлял себя. Занятое своей работой, отпусками, огородными делами и повседневными житейскими хлопотами взрослое население Малых Репейников успокоилось. Решило, что энтузиастам оружейной ярмарки дан достойный отпор.

Но «лопухастый народ» был более бдителен. Несколько мальчишек заметили на дамбе подозрительных дядек с приборами на треногах. Обратили внимание и на вертолет с непонятными эмблемами, который кружил над Плавнями: уж не искал ли остров со скважиной? Был также легкий скандал с незнакомым (явно нездешним) мужчиной, который на берегу озера делал фотоснимки и держался при этом крайне опасно. Подозрительного типа атаковал и обратил в бегство Казимир Гансович. Уже второй раз этим летом сдержанный интеллигентный гусь проявил несвойственную ему агрессивность...

Короче говоря, экипажу «Репейного беркута» было ясно, что расслабляться и отступать от своих планов нельзя.

...Вышли на другую протоку, пошире. А по ней попали в речку Гусыню. В спину стал дуть плотный, но теплый ветер. Ответственный за парусное хозяйство Ига распустил на рее квадратную мешковину. Парус был единственный и гордо именовался «грот».

Грот надулся. Начал ощутимо помогать ровно чихающему мотору. «Репейный беркут» побежал быстрее. Наверно, чтобы оправдать свое название.

Кстати, в природе никаких репейных беркутов не существует. Эту птицу придумал Лапоть — специально для названия

корабля. Объяснил, что она очень быстрая и будет способствовать повышению скорости судна. И с той поры постоянно рисовал выдуманного беркута на себе. Рисунок и сейчас белел на груди лопухастого штурмана. Нет, Лапоть, конечно, не снимал спасательный жилет, но расстегнул его нараспашку. Скоро и другие пораспахивали жилеты (кстати, самодельные, сшитые из кусков брезента и начиненные кусками пенопласта). Соломинка посмотрел на это сквозь пальцы. Наверно, потому, что глубина в Гусыне была не больше, чем по пуп.

Степка, прежде чем расстегнуться, шепотом спросила Игу: — Можно?

Она всегда его про все спрашивала и всегда слушалась. С другими иногда спорила, бывало даже, что вредничала, а с Игой — никогда. Видать, помнила, как он вытащил ее *оттуда*. А может, и не в этом дело, а... впрочем, ладно. Чего тут строить догадки. Она часто садилась рядышком, притыкалась к его боку, как маленькая девочка притыкается к тому, по кому соскучилась. Ига... ему, признаться, и приятно было (даже такая ласковость шевелилась в душе), но порой и досадно. Потому что опасался: не станет ли кто-нибудь усмехаться? Но потом увидел: все на это смотрят как на самое обычное явление. Вроде как на то, что Ёжик то и дело устраивается под боком у Генки. Он, кстати, и сейчас устроился в корзинке, которую Генка держал под локтем. Вдвоем они о чем-то тихо беседовали...

2

Да, репейных беркутов на свете нет, но есть в Плавнях такие существа, которых больше не найдешь на всей планете.

Впервые в жизни Ига увидел настоящих шкыдл. Они обхватили похожими на черные обезьяньи ручки лапами сгнившее бревешко и волокни из воды на берег. Их было трое, не могли управиться. Тогда вылезло из осоки мохнатое черное существо на кривых как корни конечностях. Корявыми лапами ухватило бревешко, помогло шкыдлам.

— Чука! — радостно ахнул Соломинка.

— Правду Глеб говорил, что слухи об антагонизме чуков и шкыдл преувеличены, — заметил Лапоть.

Потом чуки помогли и путешественникам. Вот что случилось. На берегу появилось бородатое существо полуметрового роста, в такой же, как у Соломинки, тельняшке до пят и шля-

пе из осоки. С мясистыми щеками, мохнатыми бровями и похожим на красную картофелину носом.

— Кним, — уважительно выдохнул Соломинка. — Пузырь, возьми дальше от берега, книмы нелюдимые...

Но штурман Лапоть думал прежде всего о прокладке наиболее выгодного курса.

— Малый ход, — велел он. И обернулся к берегу. — Уважаемый кним, не могли бы вы подсказать дорогу?

— А чего ж... — охотно откликнулся болотный кним. — Ежели к нам с обхождением, то мы завсегда...

— Скажите, пожалуйста, если мы свернем в эту протоку, то сможем сократить путь? А то Гусыня здесь очень виляет.

— Оно конечно, сократить можете. Только глубина там еле-еле. Если повезет, проскочите с разгону...

— Рискнем, — решил Соломинка, глядя через плечо Лаптя на карту. — Сразу сэкономим полмили...

«Репейный беркут» на всем ходу, под мотором и парусом, въехал в окаймленную высоченным камышом канаву. Кним, которому Лапоть успел сказать «спасибо», прокричал вслед:

— А ежели застрянете, не обессудьте, я предупреждал!..

Сперва двинулись ходко, но скоро лодка стала цепляться днищем, за винтом взлохматилась в воде черная муть. Тише, тише... и встали совсем.

— Приехали, — подвел итог штурман. — Занесите в журнал первую посадку на мель.

Посадку занесли, но это делу не помогло. Мотор заходился в своем чиханье, пришлось выключить. Ига, Степка, Соломинка и Генка прыгнули в воду, увязли в донной гуще выше колен и принялись толкать «Беркут». Но его, кажется, присосало. Прыгнул за борт Власик, поснимал на пленку спасательные работы и стал помогать. Без толку. Собрались прыгнуть штурман и моторист. И в этот момент появился из камышей чука. Весь облепленный бурыми водорослями и ряской, со слипшейся черной шерстью. Но невозмутимый. Покряхтел:

— Ну чё, лопухастые, влипли?

— Влипли, — признался штурман. — Не могли бы вы в меру своих сил оказать нам содействие?

— А чего ж! Это мы сейчас... Вы садитесь в лодку-то.

— Да нет, мы будем толкать, — решил капитан Соломинка.

— Садитесь, садитесь...

Экипаж послушался. Чука по-птичь пошвыстел. Тут же с двух сторон возникли у канавы другие чуки. Не меньше десят-

ка. Такие же облепленные и косматые, с круглыми зелеными глазами. Закурлыкали, запересмеивались, ухватили лодку за борта — чуть ли не на воздух подняли! Понесли! Потом — плюх! — опустили на чистую воду Гусыни, которая, сделав большую петлю, снова оказалась поблизости.

Экипаж «Репейного беркута» дружно завопил «спасибо» (кроме Ёжика, который спал и не проснулся во время приключения). Чуки помахали конечностями.

— Они кто? — опасливо спросила Степка, когда чуки скрылись за поворотом берега.

— Ну... просто чуки, — сказал Ига, который сам-то видел их так близко первый раз.

— Они из породы домовых, — объяснил Соломинка, который все знал. — Только они в очень давние времена переселились из домов на болота и создали здесь отдельный народ.

— Они не кусаются?

— Они кусают только девочек, которые задают глупые вопросы, — назидательно сказал Ига. — Больше так не говори, а то...

— А что «а то»? — поинтересовалась Степка.

Ига хотел сказать «а то они обидятся», но вместо этого брякнул:

— А то получишь подзатыльник.

Степка подумала.

— Не-а, не получу.

— Это почему?

— Подзатыльники могут давать родители или дед с бабкой. Или дядя с тетей. Или... в крайнем случае старший брат...

— А я вот сейчас дам, тогда узнаешь, кто я...

— Ну... дай, — согласилась Степка.

Ига дал. Шутя, конечно, чуть-чуть... Степка посопела, придвинулась, вытерла нос о рубашку на Игином плече. Или, выражаясь культурнее, потерлась о нее носом. И замерла. Ига же стал отодвигаться. Потрогал мизинцем кисточку на ее темени. «Эх, Степка ты, Степка...»

Власик то водил по сторонам объективом камеры, то писал в судовом журнале:

«...Видели красных водяных пауков, которые водятся только здесь. Они похожи на божьих коровок с очень длинными, очень тонкими суставчатыми ногами. Этими ногами они бега-

ют по воде и не проваливаются. А черные пятнышки на них — это не просто пятнышки, а восемь глаз...

Видели речных квамов, которые куда-то плыли по протоке на плоту из сухих тростниковых стеблей. С ними было два пассажира — маленьких травяных кнама. Они все помахали нам руками. Только жаль, что на видеопленке это, наверно, не запишется, она не отпечатывает волшебных существ...

Наверно, не запишется и дракон. Мы его видели только издали, будто силуэт на фоне солнечного неба. Он был похож на небольшого, ростом с лошадь, динозавра. Сперва дракон двигался не спеша, а когда почувал, что на него смотрят, бросился прочь скачками, но не испуганно, а дурашливо, будто играющий кенгуренок. Может, он и в самом деле драконий детеныш. Степка сказала, что боится дракона, но, кажется, тоже играючи...

Над нами часто летают всякие чирки и утки. Они-то запишутся на пленку, потому что не сказочные, а обыкновенные. Среди камышей иногда видны длинноногие большие птицы. Они похожи на фламинго, только не красные, а оранжевые с зеленым. Даже Соломинка не знает, как они называются. А еще много белых и желтых бабочек и стрекоз. Одна стрекоза с синим туловищем села на хохолок на Степкиной голове и не улетала целый час...

Все чаще попадаются белые удивительные цветы на высоких стеблях. Капитан Соломинка сказал, что это здешние болотные лотосы, больше таких нигде нет. Иногда их называют еще репейными лотосами, потому что растут они лишь в окрестностях Малых Репейников. «Не вздумайте рвать, — предупредил он. — Это редкость». Мы и не думали. Такой белый цветок нарисован на нашем синем корабельном флаге, хотя корабль называется не «Лотос», а «Репейный беркут»...

В 12 ч. 28 мин. у нас случилось приключение. Ветер, который дул в спину, сделался сильнее, нас понесло быстро, к тому же мотор тоже работал. Мы не успели сделать поворот там, где Гусыня круто вильнула, нас с разгона вынесло на берег. Там была маленькая песчаная лысинка, окруженная камышом, который был с нас ростом. Штурман Лапоть, который сидел на носу, кубарем вылетел на песок и немного порвал карту (но это ничего). Он встал и сказал, что он думает про Пузыря, который управлял рулем и мотором (мотор заглох). Но Капитан всех сразу помирил и объяснил, что никакое плавание не бывает без приключений...»

Оказалось, однако, что приключение не столь уж безобидное. Когда все выбрались на берег, ощупали синяки и шишки и свернули парус, Генка вдруг сказал:

— А где Ёжик?

Сперва он это почти спокойно сказал, без большой тревоги. Потому что решил: кто-то вынес корзинку с Ёжиком на берег и убрал в сторонку.

Но никто не выносил, не убирал...

— Да где же он тогда?! — взвыл Генка с отчаянием.

Сразу (или не сразу, а через минуту-две) стало ясно: корзинка с Ёжиком при толчке о берег вылетела за борт.

Генка заревел. Сразу, громко и ничуть не стесняясь. Потому что как он будет жить без Ёжика!

— Да не потонет, не бойся! — успокаивал его капитан. — В корзине-то пенопласт... Сейчас догоним, он плывет небось обратно, по течению...

В самом деле, Ёжик не мог уплыть далеко, течение было неторопливым. Или покачивается на воде, или застрял в камышах.

— Ну, чего вы возитесь! — безутешно выл Генка. — Его шкыдлы могут в плен захватить!

— Нужен он им, колючий-то, — нервно сказал Пузырь, он безуспешно пытался запустить мотор.

— Заводи скорее!

— Я и так... скорее... А ты... куда ты смотрел? Почему не видел, как он вывалился?

Генка не помнил, куда смотрел в тот момент. Кажется, разглядывал (вернее, пытался разглядеть) ссаженный о бортовую доску локоть... Да, конечно, он виноват, но сейчас надо не виноватых искать, а спешить Ёжику на помощь!

Остальные тоже нервничали. Позабыли, зачем они в экспедиции. Какой остров, какая скважина, когда друг в беде!

— Да заведется, наконец, твоя чертова керосинка? — в сердцах сказал Соломинка Пузырю.

— Она... не моя... а... общая... Ура!

Музейный двигатель виновато зачихал.

— Полный вперед! То есть, тыфу, полный назад! — скомандовал Соломинка.

Резво поплыли обратно, вниз по течению. Все вертели головами. Но (конечно же!) ни на воде, ни в густых прибрежных камышах корзинки с Ёжиком не было. Генка шумно всхлипы-

вал. Степка пыталась его утешить и гладила по плечу, но это, разумеется, не помогало. А корзинка, видать, успела уплыть далеко... Или правда здесь не обошлось без шкыдл?

Что делать, где искать?

— Говорил ведь, не надо брать... — пробурчал у мотора Пузырь. Но Генка награбил Пузыря таким негодующим мокрым взглядом, что он примолк и сгорбился...

— Смотрите! — вскрикнул Власик и вскинул камеру. Молодец, он не забывал про обязанности оператора даже в самые драматические минуты (недаром — О-пиратор!). Навстречу лодке низко над водой летела большая белая птица. И... держала в клюве корзинку.

Все замерли.

Птица шумно спланировала прямо в середину «Репейного беркута», рядом с Игой. Корзинка перекошенно легла ему на колени. Ёжик выкатился, Ига взвизгнул от колючек. А Генка, не обращая внимания на иголки, прижал друга к груди.

Все были счастливы. Настолько, что не сразу разглядели птицу-спасительницу. А она, вернее, он, был не кто иной, как Казимир Гансович. Собственной персоной.

Наконец подвиг Казимира Гансовича оценили по достоинству. Гладили по крыльям, благодарили и говорили, что он самый замечательный гусь на свете. Такой же героический, как древние гуси, которые когда-то спасли Рим. Казимир лопотал, гоготал и бормотал. Ёжик (который, кстати, ничуть не был взволнован происшествием) начал переводить.

И вот что выяснилось.

Казимир Гансович совершал над Плавнями тренировочный полет. Как известно, он мечтал научиться летать так, чтобы отправиться в южные края с дикими собратьями. И вот, преодолев уже немалое расстояние над руслом Гусыни, он заметил на воде корзинку. И острым птичьим взглядом углядел в ней знакомого Ёжика. А выше по течению увидел он и лодку с горюющим экипажем. Сразу все стало ясно. Казимир Гансович на лету подцепил клювом плетеную ручку — и пожалуйста!

Генка вытер глаза и погладил Казимира по длинной шее.

— Вы... самое замечательное летательное... то есть летающее существо. Даже замечательнее, чем вот он. — Генка погладил на мятых и облепленных ряской шортах вышитого Пегаса.

Умный и образованный Казимир Гансович что-то огорченно загоготал в ответ. Ига... да, он вдруг сообразил, что почти все понимает в Казимировом гоготанье! Гусь сокрушенно

объяснял, что Пегас мог летать где угодно и сколько угодно, а он — толстый, неповоротливый Казимир домашней породы — никак не может научиться покрывать без отдыха дальние расстояния. И — увы, против судьбы не попрешь — не суждено ему увидеть пальмы, нильских крокодилов и знаменитый водопад Виктория.

Все принялись наперебой утешать беднягу. Говорить, что у него все еще впереди и упорными тренировками он обязательно добьется своего. Но гусь лишь качал шишкастой головой. Спасибо, мол, на добром слове, но я знаю горькую правду... Тогда Лапоть рассудительно сказал:

— Казимир Гансович, но, может быть, и не надо сетовать, что вам приходится зимовать в Малых Репейниках? У каждого своя жизненная линия. Пусть вы не увидите заморские края, но зато войдете в историю литературы.

— Го-го? Это как? — осторожно спросил Казимир.

— Обязательно войдете! Ведь Геннадий Репьёв наверняка сделается знаменитым поэтом, его станут изучать в школах! И во всех учебниках будет написано, что он начинал писать стихи вашим пером!

А Генка пообещал, что сочинит про гуся-спасителя специальные стихи. И тут же прочитал первые строчки:

Принес корзинку Казимир,
В которой был спасен наш Ёжик!
И сделался веселым мир,
И мы веселые все тоже!

— О-го-го... — со скромным удовольствием отозвался гусь. Но почти сразу загрустил опять. Пробормотал, что не доживет до той славной поры.

— Обязательно доживете! — пообещал ему Лапоть.

— Га... Боюсь, что ни га-га... Стали очень трудными зимовки. Приходится напрашиваться к кому-нибудь на птичий двор или в курятник. Не всегда пускают охотно... А прошлой зимой был совсем га-гадостный случай. Хозяева сами пригласили меня жить в теплом сарае, кормили, ухаживали, но потом оказалось, что у них га-гастрономические цели. Они хотели съесть меня на Новый год! С начинкой из риса с изюмом! Меня предупредил знакомый петух Ерофей... Я бежал и потом до весны вел полубродячую жизнь...

Рассказ Казимира вызвал всеобщее негодование. Пузырь обещал «разобраться с теми типами», а Генка сказал, что его

дедушка напишет в газету фельетон про «га-гастрономических злодеев».

Ига и Степка между тем распустили парус, и «Репейный беркут» снова резво бежал против течения под ветром и фыркающим мотором. Казимир Гансович пристроился у Иги под боком (а с другого бока Степка). Гусь объяснил, что утомился во время полета, и просил разрешения отдохнуть на корабле. Конечно, его заверили, что он может считать себя почетным членом экипажа на время всего плавания...

Только Власик поглядывал на гуся издали и со скрытой опаской. Казимир Гансович пригляделся к белобрысому мальчишке, узнал и виновато залопотал. Мол, со стыдом вспоминает печальный случай, имевший место после школьного концерта, и приносит свои извинения. Причина была в его, Казимира Гансовича, расстроенных чувствах. Нервный стресс, так сказать...

Ёжик перевел, и Власик сразу повеселел, махнул судовым журналом: чего вспоминать всякие пустяки! И начал заполнять страницу описанием приключения с Ёжиком. Всё написал подробно, только деликатно умолчал о Генкиных слезах...

4

Пообедали на выпуклом, усыпанном ромашками островке, который белел среди болота, как потерянная панамка. На примусе сварили картошку, разогрели тушенку. Проворные шкыдлы забрались в лодку и чуть не украли еще не откупоренную банку. Степка увидела, завизжала и спряталась за Игу. Ига сам слегка струхнул (зубастые же!), но храбро заругался на шкыдл:

— Бестолочи! Ведь все равно не сумеете открыть!

Шкыдлы удрали, но недалеко. Во время обеда (когда экипаж дружно махал ложками вокруг общего котелка) они завистливо смотрели из густой осоки. Их пожалели, оставили недоеденную картошку и тушенку в траве. Хотя и вредные твари, а тоже должны существовать...

Власик писал:

«Наелись мы до отвала. Ёжику и гусю дали размоченных в сладком чае сухарей. Теперь движемся опять. Гусыня сильно петляет, иногда мы сворачиваем в боковые протоки, чтобы

сократить путь. Сильно печет солнце, и, несмотря на это, над нами густо кружат комары. От них спасают кнамьи шарики. Но от осоки шарики не спасают, ноги у нас все в кровавых бусинках. Но это не опасно, потому что никакая зараза в царапины не пролезет, от нее-то шарики нас оберегают...

А еще из воды начали выпрыгивать рыбы с блестящими плавниками. Будто летучие рыбы в океане, только поменьше. Соломинка сказал, что слышал от брата, что это к дождю. Хоть бы его не было! До острова еще половина пути...»

Заклинание Власика — «Хоть бы его не было!» — не помогло. Видимо, природа решила, что приключений у путешественников еще недостаточно и пора устроить им хорошую трепку. В самом деле, что за плавание без шторма, без бури! Над головой стали сгущаться сизые тучи, солнце исчезло. Ветер пропал, сделалось очень душно.

— Кажется, рыбки прыгали не напрасно, — заметил Пузырь. — Не пора ли подумать про берег и палатку?

— Пора, — решил капитан Соломинка. И в этот же миг с кормы ударил тяжелый (как тугие подушки!) ветер! Чуть не сломал мачту. Вогнал «Репейного беркута» носом в тростники. Штурман Лапоть опять полетел с носа. Остальные повыскакивали и стали тянуть лодку ближе к земле. Казимир Гансович поднялся в воздух и был унесен ветром за согнутые верхушки ольховника. Впрочем, он почти сразу вернулся, преодолевая воздушные потоки. Сел на борт, загоготал.

— Он говорит, что за кустами сухая земля, — перевел Ёжик. Экипаж перед плаванием провел несколько тренировок. Все знали, что делать при неожиданных грозах и шквалах.

— Всем раздеться, — храбро приказал Соломинка. — А то потом до ночи не высохнем!

Одежду спрятали в брезентовый мешок. Затем каждый схватил на плечо весло или шест, а под мышку — сверток с куском полиэтилена. На сухом пятачке среди ольховых зарослей соорудили из шестов и весел каркас. Споря с порывами ветра, натянули на каркас полупрозрачные полотнища. Таким же полотнищем укрыли имущество в лодке. В небе уже гремело и вспыхивало, там тяжело передвигались лиловые и сизые клубы. Под ними прошел седой крутящийся вал.

— Ну, сейчас ударит, — пообещал Пузырь.

И ударило. Едва забрались в дрожащую палатку, как ветер

надавил ее и рванул с небывалой силой. Концы шестов и рукояти весел застучали по головам и плечам. Полиэтилен полетел по ветру, пришлось ловить его. О ремонте нечего было и думать. По двое, по трое закутались в трепещущую пленку, сгрудились, прижались друг к другу. И вовремя. По плащам уже шелкали тяжелые, как кнамьи шарики, капли. Скоро они превратились в струи. Струи ударили по крошечному, затерянному среди Плавней островку. И по кучке путешественников, съезжившихся под липнувшей к телу пленкой.

Ига оказался под одной «шкурой» со Степкой и Власиком. Они соединили свои куски палатки, стиснулись под ними, перепутавшись ногами и дыша друг другу в щеки. Над головами грохотало, трещало, рычало. Каждая вспышка словно прожигала полиэтилен. Ливень хлестко лупил сквозь него по плечам и спицам. Горячая (наверно, от страха) костлявая Степка вздрагивала и постукивала зубами. Иге, по правде говоря, было жутко. А каково же тогда ей, девчонке?

— Т-ты не бойся, — сказал Ига. — Т-такие грозы не бывают д-долгие. Скоро к-кончится...

— Я не б-боюсь. Т-только пленка х-холодная...

Ига взял ее за твердое, как деревяшка, плечо, прижал покрепче. «Эх т-ты, Ст-тепка...»

Между тем Власик с другого бока все возился, дергался и сопел.

— Сиди спокойно, — сказал Ига.

— Не могу я спокойно. Я стекло от воды на объектив надеваю. И чехол... в-водо-н-непроницаемый...

— Заливает, что ли?

— Н-нет, но сейчас б-будет. Н-не могу же я упустить т-такой исторический м-момент...

Власик взвизгнул, откинул пленку и заплясал с камерой под струями.

— Ненормальный! — завопил Ига, подтыкая пленку под себя.

А Степка... она тоже ненормальная!

— Ты простудишься! — завопила она. Рванулась к Власику и голая, в одних мальчишеских трусиках, заплясала с ним рядом, принялась укутывать его плечи рвущейся на ветру пленкой. Иге что делать-то? Взыл, кинулся к Степке, попытался укутать ее. Да где там, такой свистодуй! И — ва-а!! — какой холод. Поневоле запляшешь как сумасшедший!

Из пленочного кокона, в котором укрывались остальные,

вдруг вырвался гусь. Начал кругами носиться над Власиком, Игой и Степкой.

— О-го-го-го! — вопил он сквозь гром и вой. Кажется, восторженно. Следом за ним выскочил... Генка. Вот это да! Все знали, что Генка и дома-то, когда собиралась гроза, чувствовал себя неуютно, старался оказаться под крышей и подальше от окон. И надо же!..

— Казимир Гансович, вы промочите перья! — орал Генка, запрокинув навстречу струям лицо.

— Га-га! Ха-ха! Мне не страшно, я водоплавающий! — разобрал Ига ответ Казимира.

И Генка тоже разобрал!

— Тогда... тогда я тоже водоплавающий! — И одолевший свой страх юный поэт начал скакать вместе с Игой, Степкой и Власиком (который снимал все это закутанной в чехол камерой).

Капитан Соломинка не считал себя вправе прятаться, когда четверо из его экипажа бросают дерзкий вызов непогоде. Он тоже кинулся под ливень. Взыл совсем не по-капитански «ой, мама!», но тут же гордо выпрямился и скрестил руки, как на палубе гибнущего корабля. Но потом все же зашрипцывал.

Конечно, Лапоть и Пузырь примкнули к остальным. Дикарский танец под грозой мог быть расценен силами природы как наглость. Силы негодуя отозвались новым ливневым шквалом, вспышками и треском. А один раз молния хлестанула совсем рядом, в пригнувшийся под штормом ольховник. Ударило так, что все присели и прижали к ушам ладони. Но через несколько секунд заскакали опять. Просто не оставалось ничего другого.

— Вот это стихия! — орал Пузырь.

— Не бывает экспедиций без бурь! — вторил ему Лапоть, размазывая по груди остатки нарисованного беркута.

— Не бывает сказок без колючек! — вспомнил поэт Репьев собственные стихи. И тут же добавил новые:

Разыгралась стихия!
Про нее пишу стихи я!
Пусть влетают те стихи
В наши уши-лопухи!

Нельзя сказать, что это были самые удачные строчки юного стихотворца. Но к данному моменту очень подходящие. И все отчаянно кричали их назло грозе. Гроза решила больше

не связываться с лопухастыми нахалами. Порядка ради сверкнула и грохнула еще раза два поблизости и начала откатываться.

Ливень превратился в дождь. В дождик. Почти перестал. Пробылся луч. Ветер угас, ольховые кусты распрямлялись и стряхивали воду с листьев. Гром еще рокотал, но уже в отдалении...

5

Все поспешили к лодке — вытираться и одеваться.

Увы (как писали авторы старых романов), брезентовый мешок разбух, одежда намочила. Повезло только Генкиному костюмчику с вышитым Пегасом — остался сухим. Генка великодушно пожертвовал его для общей пользы: шортами и рубашонкой все растерлись досуха. И решили обсыхать «в костюмах папуасов». Тем более что солище пробивалось все сильнее и опять делалось горячим.

Сырую одежду развесили на рее, а парус убрали. Он все равно был пока ни к чему, на Плавни упало безветрие. А влажные спасательные жилеты все же пришлось надеть (бр-р...). Впрочем, они скоро согрелись.

Мотор, вопреки ворчливым опасениям Пузыря, завелся без капризов: чух-чух-чух... Выбрались на середину Гусыни. Солнце светило в спину, а на фоне сдвинувшейся к северо-востоку тучи горела великолепная радуга. Небывалая! Тройная! Во все небо!

— Если она не запишется на видеопленку, я утоплю камеру и утоплюсь сам, — пообещал О-пиратор Власик.

Радуга записалась. Так же, как и отчаянный танец под шквалами и громом. А в судовом журнале Власик писал:

«...После бури наш корабль до вечера двигался к острову Одинокий Петух без происшествий. То по Гусыне, то по протокам. Гусь Казимир Гансович то и дело улетал вперед и кричал нам издалека, какую выбрать дорогу. Мы почти всё понимали без переводчика, но Ёжик все равно переводил. Кажется, Ёжик чувствует себя неловко оттого, что во время грозы он один остался сухой. Но он не виноват, просто он не сумел выбраться из обмотанной полиэтиленом корзинки...

«20 ч. 23 мин. Заглох мотор. Пузырь пытается его починить, но говорит, что это едва ли получится на ходу. Нужен серьезный ремонт на берегу. Сказал, что, кажется, «полетели фильтры». Мы гребем веслами и толкаемся шестами. Без мо-

тора сразу стало заметно течение, которое навстречу. Толкаться трудно, потому что шесты вязнут. И еще сперва неудобно было, потому что приходилось держать в кулаках кнамьи шарики, которые достали из мокрых карманов. Без шариков мы бы завывали от здешней болотной мошки, потому что раздетые, а они ее не подпускали близко. Но в конце концов одежда высохла и мы ее натянули, а шарики положили в карманы...

Мы через каждые два часа сообщаем по телефону, что все в порядке. Из-за грозы немножко затынули сеанс связи, и тетя Рита сразу начала трезвонить: что с нами случилось? Я ответил, что ничего не случилось, только почему-то слегка закапризничал телефон. А на самом деле он не капризничал. И хорошо, что он не намок, был завернут отдельно...

20 ч. 55 мин. Поужинали прямо на корабле, сухим пайком. Опять гребем и толкаемся. Надо спешить, потому что до острова по карте еще километров пять, а мы должны успеть за светло разбить лагерь и сделать первую разведку, а Пузырь — разобраться с мотором.

21 ч. 05 мин. Появилась почти круглая луна. В другой стороне от солнца...»

Гребли и толкались шестами Ига, Соломинка, Лапоть и Власик (он время от времени отрывался для съемки и записей). Степку и Генку к веслам и шестам не допустили. Степке сказали, что это не женское дело, а Генке, что берегут для всемирной литературы его поэтический талант (на самом же деле жалели его, маленького и тонкокурокого). В ответ на возмущенные вопли «младшего состава» капитан Соломинка сказал:

— Цыц! А то высажу на первом необитаемом острове. За бунт на корабле!

Наконец около десяти часов, когда солнце над Плавнями светило горизонтально и оранжево, за кустами и камышами показалась синяя горбушка. Это была верхняя часть острова. Того самого!

Заросшая ряской протока подвела к берегу. Здесь оказалась узкая песчаная полоска. Удача!

Выбрались на песок, устало посидели на нем пять минут. Наконец Соломинка сказал (уже не по-капитански, а с виноватостью):

— Ладно, братцы, пора за работу.

Опять выгрузили весла, шесты и полиэтилен. Степка и Ген-

ка старались больше всех, потому что меньше всех устали. Пузырь запустил походный примус, чтобы начали готовить ужин, и разобрал на расстеленном парусе мотор. Степка принялась толочь в котелке брикеты из гречневой каши. Ига, Лапоть, Соломинка и Генка начали собирать палаточный каркас — здесь же, недалеко от песка, на лужайке. Казимир Гансович ходил у воды и что-то вылавливал в ряске. Ёжик, чтобы не путаться по ногам, ушел в кусты: может быть, хотел встретить здесь других ежиков...

Власик снимал и писал. Если кто-то думает, что эта работа легче других, то ошибается. Надо все вспомнить для журнала, надо успеть обернуться с видеокамерой, потому что наступали сумерки. Солнце утонуло в Плавнях, небо стало густо-синим, луна обрисовалась в нем выпукло и ярко. Пузырь чертыхался над мотором и предрекал обратное путешествие на веслах. Ладно хоть, что течение будет попутное.

— А ветер навстречу, — сумрачно сказал Соломинка. Но упрекать Пузыря не стал. Кто виноват, если двигатель — экспонат из музея...

Было еще довольно светло (да и не бывает в июне настоящей ночи), но все же Генка освещал фонариком разложенные на парусе детали мотора — чтобы хоть чем-то помочь Пузырю. Ига собрал у опушки сучья и разжигал костер. Власик со своим фонариком прошел в кусты и завозился там — видимо, пробирался все дальше.

— По одному далеко не уходить! — громко предупредил Соломинка.

— Я недалеко! — откликнулся из чащи Власик. И снова зашуршал. Потом стало тихо.

Власика подождали. Ну, не бежать же следом, если человеку надо одному... Потом Соломинка сказал:

— Что-то долго он там...

— Ну, может, живот заболел у человека, — заметил деликатный Лапоть.

Подождали еще.

— Покричим, — распорядился Соломинка. Покричали: «Власик! Власик!..» Один раз показалось, что кто-то откликнулся. Очень издалека. Покричали снова — никакого ответа.

— Это всё его склонность к самостоятельной разведке, — сумрачно разъяснил Лапоть.

— Пусть только вернется, я ему покажу склонность, — пообещал Соломинка.

Но вернется ли? Ох, кажется, надо искать...

Подковылял Казимир Гансович. Пролопотал что-то возбужденно и неразборчиво. А Ёжика-переводчика рядом не было.

— Еще раз, пожалуйста, — попросил Ига. И, кажется, понял: — Он хочет отправиться в разведывательный полет!

Идею одобрили. Хотя что может разглядеть птица с высоты в сумеречной чаще? К тому же не ночная...

— Летите, Казимир Гансович, — решил Соломинка. — Ига, Лапоть и я будем готовиться к поиску. Возьмите фонарики...

Казимир шумно взмыл. Что-то покричал издалека. Хлопанье крыльев стихло. Но скоро послышалось вновь, и светящийся в сумерках гусь опустился на лужайку.

— О-го-го! Га! Там!..

— Он говорит, что Власик возвращается, — обрадовался Ига.

И в самом деле послышался шум листвы. И Власик возник у разгоревшегося костра.

— Где тебя носило?! — подскочила к нему перепуганная Степка.

— Я... там... Кажется, я немножко увлекся и ушел далеко. Я хотел отозваться, но проглотил мошку, и у меня першило в горле... — Он по-журавлиному поджимал и почесывал ноги (видимо, кнамий шарик не очень защищал от колючек здешнего леса).

— Три наряда вне очереди на камбуз, — ледяным тоном сообщил капитан Соломинка. Все притихли. До сих пор в экипаже не было таких строгостей. Но все понимали, что бестолковый О-пиратор получил за дело. Он, видимо, и сам это понимал. Вздохнул, почесался еще.

— Ребята... а зато я, кажется, нашел скважину...

«ТАМ СТУПА С БАВОЮ ЯГОЙ...»

1

— Стоп! — велел капитан Соломинка. Потому что все ринулись было в чашу, из которой только что явился Власик.

В самом деле, нельзя же бросать непогашенный костер, палатку, раскиданное имущество и приткнутую к берегу лодку. Кто-то должен остаться на вахте. А еще лучше — двое. Соломинка был вправе назначить часовых своей капитанской вла-

стью, никто бы не вздумал спорить. Но он был справедлив, он сказал:

— Жребий...

И тогда вмешался гусь. Он залопотал что-то успокоительное. И скоро стало понятно, что часовые не нужны. На всем острове, кроме экипажа «Репейного беркута», нет ни одного человека и ни одного вредного существа, шкыдлы на Одинокий Петух не суются. Необходимо только пригасить огонь и на всякий случай вытянуть подальше на песок лодку.

Огонь пригасили. Лодку вытянули. И пошли за Власиком.

Все светили фонариками. Только у Степки фонарика не было, и она держалась за Игину рубашку.

Одинокий Петух — в отличие от других здешних островков и островов — порос настоящим лесом. Невысоким, но густым. Это была смесь ельника, осин и березок. А у самой земли переплелась местная дикая акация. Листья и цветы были у нее как у обычной желтой акации, но стволы стелились у земли. Пробирается по такой чаще, да еще в сумерках, — ой-ёй-ёй! Тем более что гнучие стволы и ветки обросли кусачей щетиной, которой плевать было на кнамьи шарики...

Казалось, что пробираются очень долго. Даже непонятно было, как это Власик в одиночку так быстро добрался до скважины и вернулся! И где эта скважина?.. Желтые цветы коварного кустарника светились в лучах фонарей как свечки, красиво так, но сейчас эта красота не очень-то радовала.

Наконец Лапоть спросил:

— Скажи, пожалуйста, Власик, ты не заблудился?

Власик ответил без хвастовства, но уверенно:

— Нет, у меня чутье...

Вверху, над деревьями, захлопал крыльями Казимир — в знак того, что идет правильно. Пузырь, однако, пробурчал позади Иги и Степки:

— У кого чутье, а у кого пятая дыра на рубахе...

Пузыря не поддержали. Только шумно дышали и кряхтели...

У всякого пути бывает конец. Выбрались на открытое место. Это была полянка — видимо, недалеко от макушки острова. Кругом чернел лес, над головами висела желто-розовая луна — не совсем круглая, но весьма разбухшая. Свет ее смешивался с белесым полумраком июньской ночи. Призрачный такой, таинственный свет.

Где-то далеко в Плавнях раздался печальный крик:

— Уау-ха-уау!..

— Ночная птица уха, — шепотом сказал Соломинка, который все знал. (Степка крепче взяла Игу за рубашку.)

— А скважина-то где? — спросил Пузырь. Нетерпеливо, но тоже шепотом.

— Да вот же... — Власик сделал еще два шага. И тогда все увидели...

В ромашках лежало что-то вроде большущей и толстой автомобильной шины. Подошли ближе. Нет, не шина, а могучее кольцо. Вроде как верхний конец старинного оружейного ствола. Будто пушку-великаншу (метрового калибра!) торчком врыли в землю, оставив над поверхностью дульный срез высотой мальчишкам до колен.

«Пушку» обступили, уперлись коленями в твердый край с выпуклой опояской. Видимо, это был чугун — бугристый, с лишаями ржавчины. По крайней мере, пахло нагретым за день старым чугуном. Стенки ствола оказались толщиной сантиметров тридцать. А в круглом жерле отражала бледное небо и повисшую в зените звездочку гладкая вода. Было ее почти вровень с краями.

— Вот это да... — сказал Пузырь. — Не только просверлили, но чугунную облицовку сделали. Таковую не развратишь...

— Полезно узнать, какая здесь глубина, — заметил Лапоть.

— Это мы сейчас, — пообещал предусмотрительный капитан Соломинка. Оказалось, он прихватил с собой смотанный в кольцо капроновый шнур (надел через плечо). — Только нужен груз...

Ига подумал, что лучше всего пригодился бы утюг-якорь, но он остался в лодке. Ига отошел, осветил под ноги. Верхушка острова была каменистая, кое-где среди ромашек торчали плитки гранита. Ига поднатужился, выворотил одну. Похваливая Игу за находчивость, плитку обвязали крест-накрест концом шнура. Ига вскочил на край шахты (Степка тут же ухватила его за штаны — не упади). Ига стал опускать груз. Шнур был стометровый. «Хватит ли?»

Шнура хватило! Глубина оказалась смехотворной! Всего около метра!

— Елки-палки в треугольном колесе, — сказал Пузырь. — Приехали. За что боролись?

Лапоть пожал плечами.

— А чего мы ждали? Там, конечно же, заглушка. Ее просто обязаны были поставить, когда консервировали скважину.

— Тогда нам-то чего еще делать! — обиделся Пузырь. — Если пробка и так заткнута.

— Эту пробку делали так, чтобы можно было убрать, — с терпеливым вздохом разъяснил Пузырю Соломинка. — А мы должны сделать такую, чтобы никто не вытащил.

— А как? — сказал Пузырь.

— Это и есть главная задача, — опять вздохнул Соломинка. — Придумать как. И заткнуть намертво.

— Или в крайнем случае замаскировать, чтобы никто не нашел, — напомнил Генка.

— Едва ли маскировка поможет, если начнут искать всерьез, — усомнился Лапоть.

— Давайте думать, — сказала Степка. Она редко вмешивалась в разговоры, но если говорила, то дельные вещи. И сейчас все согласилось, что остается одно: думать. Прямо здесь и сейчас, не откладывая до утра.

Соломинка сбросил кроссовки. Сел на чугунный край шахты, опустил ноги в воду. И все сделали так же. Расселись по кругу. Места хватило всем, даже Казимиру Гансовичу, который пристроился между Степкой и Генкой. Вода ласково холодила ноги, убирала с них зуд от царапин. Луна светила все ярче...

— Уау-ха-уау!.. — снова прокричала вдали таинственная птица. Все пошевелились и замерли опять. Ига мотнул головой. Потому что про скважину думалось плохо, лезли в голову посторонние мысли, причем смешанные с сонливостью.

— Ну? — сказал Пузырь. — У кого какие идеи?

Никто не отозвался. А через полминуты вдруг взвыл Генка:

— Ой, а Ёжик-то! Он вернется на берег, а нас нет!

— Опять проблемы с этим иглокожим, — проворчал Пузырь.

Генка вскочил:

— Я пойду! К нему!

Конечно, было ему жутко, но что делать-то!

— Все пойдем, — решил Соломинка. — Думать можно где угодно...

— Нет, думать надо у скважины, — заупрямился Лапоть. — Ее близость создает дополнительный стимул для решения задачи. Пусть кто-нибудь сходит с Генкой на берег и принесет Ёжика сюда.

Шумно завозился Казимир Гансович. Прогоготал, что никаких проблем. Подпрыгнул, взлетел, разгоняя тишину ночи. Шум крыльев утих, а через минуту послышался опять. Казимир, серебрясь под луной, на бреющем полете пронесся над головами и уронил корзинку с Ёжиком на колени Генке.

Генка что-то зашептал колючему другу. Наверно, извинялся, что забыл про него.

— Можно, я его подержу? — попросила Степка.

— Не боишься иголок?

— Он же ласковый, не топорщится...

— Я не буду, — пообещал Ёжик.

Генка посадил его Степке на колени.

В кармане Власика запищал телефон. Власик сказал в него плачущим голосом:

— Ну, тетя Рита, ну ничего я не забыл. Просто у тебя часы спешат на три минуты... Да ничего мы уже не делаем, лежим в палатке и засыпаем... Да, поужинали! Конечно!.. Да, все хорошо, все тихо кругом... Да, утром позвоню. Спокойной ночи.

— Силен врать О-пиратор... — пробубнил Пузырь.

«А он почти не врёт, — подумал Ига. — В самом деле тихо кругом. И мы почти засыпаем. Я, по крайней мере...» Он опять мотнул головой.

В это время снова звонко завопил Генка:

— Придумал! Надо как-в тот раз! Опять загадать лунное желание! Написать, чтобы скважина совсем исчезла!.. Казимир Гансович, вы дадите перо? Я свое оставил дома...

Казимир шумно изъявил полную го-готовность.

— Ура! — Генка прыгнул мокрыми ступнями на бетон, поскользнулся, свалился в траву и счастливо заплясал в ней. — Смотрите, здесь как тогда! Круглая вода и луна!

— Боюсь, что нам ее не выловить без поварешки, — усомнился Лапоть.

— Дело не в поварешке, — высказал здравую мысль Соломинка. — Дело в том, что колдовство, наверно, не потянет. Слишком уж крупное желание. Как говорится, чересчур масштабное...

— Дело не в масштабности, — слышался чужой голос. — Дело в том, что ступа бабы-яги не годится для чужого колдовства. Она только для своего, для полетов...

2

Голос был какой-то... нечеловеческий. Он звучал с мягкой силой и в то же время почти неслышно. Да, неслышно; однако очень различимо. Словно кто-то рядом с лопухастыми ушами спрессовывал воздух.

Все обмерли. От жуткой непонятности. Степка так прижа-

лась к Иге, что чуть не свалила его в воду. А Ёжик на Степкинских коленах проговорил, попыхивая носом:

— Не пугайтесь, это Жора...

— Да, это я... — И на то место, где сидел недавно Генка, мягко прыгнули две белые великанские ступни.

— Я тут... был, значит, неподалеку и услышал. Понял, что народ знакомый, лопухастый, вот и подумал: дай попрошусь в гости, побеседую. Тем более что про ваши дела кой-чего знаю...

Голос доносился сверху, оттуда, где у трехметрового Жоры когда-то была голова.

— А вы... вы... — начала Степка, у которой любопытство одолело страх, — вы...

— Что, девочка? — ласково спросил Жора. — Ты не бойся.

— Я не боюсь... А вы... теперь вроде как привидение, да?

— Не совсем. Ноги у меня вполне твердые, а все остальное... оно из энергетического поля. Так мне разъяснил один... одна знакомая. Привидения — они что? Дунешь — и развеются. А я кой-чего могу, мастер силушкой не обидел...

Теперь казалось, что над ступнями и в самом деле возвышается прозрачная мускулистая фигура. По крайней мере луна сквозь эту часть пространства светила мутновато.

— Я тут, кажется, чье-то место занял, — виновато сказал с высоты Жора.

— Да ничего, ничего, я устроюсь, — засуетился Генка. И втиснулся между Лаптем и Власиком. — А вы тоже садитесь, пожалуйста.

— Да мне это ни к чему, я ведь не устаю. И привык к стоячему образу жизни, когда торчал у стадиона... А вы небось утомились? Долго добирались-то? Гроза сильно потрепала?

Все заговорили наперебой. Что добирались долго, потому что «забарахлила керосинка», что гроза «дала жизни», но утомились не очень, можно еще посидеть, побеседовать...

— А вы, Жора, как оказались в этих местах? — светски поинтересовался Лапоть.

Ступни переступили на бетоне, и левая приподнялась, подергалась, будто почесала правую невидимую щиколотку.

— Да я... так... навещаю тут кой-кого. И вообще... люблю иногда погулять в безлюдных местах.

— А по дороге сюда вы не проваливаетесь в болоте? — спросил Пузырь. — Ноги-то у вас небось каждая по пуду.

— А вот и не по пуду! — весело отозвался Жора. — Ноги, можно сказать, совсем невесомые. Вы же сами знаете: даже

если в следах моих потопчешься, и то облегченность появляется. А уж сами-то ноги и вовсе как бабочки. Потому что свойство такое...

— Вы обрели это свойство, когда... когда вы покинули постамент у стадиона? — осведомился Лапоть.

— Не-е... Это я позже, когда познакомился... с другими ногами. Они принесли мне с острова ржавчинку, я себе подошвы потер, они и стали как птички. И потом уж я сюда сам стал захаживать...

— Простите, а что за ржавчинка? — опять задал вопрос Лапоть.

— Ну, эта самая! От бабы-яговской ступы! Ступа, она почему летает? В ней с давних времен заложена природная невесомость. Антигравитация, значит. Ржавчиной от нее подошвы потрешь, и потом порхаешь целый месяц...

— Вот это да! — вырвалось у Иги. Способность к такому порханияю можно было, оказывается, обрести без труда. — А где она, эта ступа-то?

— Да! — звонко подал голос Генка. — Где?

— Ну, вы даете, лопухастые! — В голосе Жоры было изумление. — До сих пор не поняли? Сами в ней сидите и говорите «где»!

Все слетели с чугунного выступа, будто током шарахнуло! Обалдело затоптались в траве. Гусь взмыл на росшую поблизости елку и почему-то крякал там по-утиному. Ёжик со Степкинских колен укатился в траву.

— Да вы чего перепугались-то? — гулко засмеялся Жора. — Бойтесь, что сидячие места натрете и будете взлетать над стульями? Сквозь штаны ржавчина не действует...

— Мы... не перепугались, — сказал Соломинка. — Просто... не ожидали...

— Мы полагали, что это не ступа, а ведущая к тектоническим пустотам скважина, — разъяснил Лапоть.

— Да садитесь, не бойтесь, — пригласил Жора. — Здесь и правда скважина. Вернее, круглая шахта. Старая. А сверху она заткнута ступою... Сейчас объясню про это дело...

Жора подождал, когда все (кроме оставшегося на елке Казимира) опасливо расселись на краю бабы-яговской ступы. Ига очень осторожно опустил ноги в воду (уж не колдовская ли она; вдруг вырастут копыта или медвежьи когти?). Жора опять почесал гипсовой ступней невидимую щиколотку и сказал с высоты:

— Дело, говорят, было так. В давние годы, когда нынешние старики были пацанами, то есть незадолго до большой войны, обитала на этом острове баба-яга по имени Ядвига Кшиштовна. Надо сказать, образованная была яга, не в пример тем, которые в старых сказках. Книги научные читала, гербарии собирала. Людоедством, конечно, не занималась... Может, вы про нее слышали?

Все наперебой сказали, что слышали, а Соломинка похвастался, что есть у него этой бабы-яги поварешка.

— Ну вот... Жила она в одиночестве, в своей избе на курьих ногах, никому не мешала, и ей никто не мешал. Только однажды понаехал сюда непонятный народ со всякими машинами. Некоторые механизмы на катерах доставили (и как только пробилась через болота!), а некоторые вроде бы даже сбросили на парашютах. Так рассказывают... И начали бурить, сверлить бедного Одинокого Петуха! Ядвига Кшиштовна сперва поглядывала со стороны, не вмешивалась. Бабы-яги, они не любят влезать в людские дела... Но потом приплыли на остров три пацана с мушкетерскими именами. На самодельном корабле добрались сюда, причем тайно, потому что была тут поставлена охрана...

— Ура, значит, они все-таки здесь побывали! — Степка радостно бултыхнула в воде ногами.

— Побывали, побывали! А вы, значит, и про них слышали?.. Ну, вот, пробрались они в чащу леса, отыскали Ядвигу Кшиштовну и рассказали, что скважину эту бурят здесь не для добрых дел. «Ах так? — сказала Ядвига Кшиштовна. — Ну, ладно...» И с той поры начались у буровой бригады всякие нелады. То механизмы останоятся, то будка дощатая загорится, то у всех рабочих и техников животы разболются. Никакой нет возможности продолжать работу. А скоро пришло сообщение, что началась война, стало совсем не до скважины. Механизмы кой-какие вывезли, кой-какие побросали, и все здесь опустело... Такие вот дела... А Ядвига Кшиштовна на всякий случай закупорила круглую шахту своей собственной ступой. Она как раз пришлась по калибру, ступа-то...

— Значит, Ядвига Кшиштовна осталась без транспортного средства? — сказал Лапоть.

— Ну почему же. У нее метла есть. Она и раньше предпочитала летать на метле, ступа-то у нее была просто так, потому что по должности положено, еще со времен Средневековья...

— Значит, затычка тут надежная, — с удовольствием заметил Пузырь. — Никто не откупорит, да?

— Как знать, — вздохнул в высоту Жора. — Нынешняя техника, она ведь посильнее любого колдовства. Конечно, Ядвига Кшиштовна наложила всякие заклятия, да они слабеют со временем. Если расковыряют шахту да спустят в нее пару ящиков с гексагеном и рванут, дело может случиться пакостное...

3

Оказывается, Жора был в курсе «га-гадостных» планов «НИИТЕРРОРА».

— Что же делать?! — вскинулся Ига. — Может, снова попросить Ядвигу Кшиштовну? Пусть усилит заклятие, чтобы не сдвинули пробку!

— Как попросишь-то? — опять вздохнул Жора (словно порыв ветра в высоту). — Ее в этих местах давным-давно не встречали, улетела куда-то и не появлялась уже, говорят, лет сорок. Я ее никогда в глаза не видал, слышал о ней только... А про дыру эту я сперва думал так: если бы вытащить ступу, завалил бы всю шахту камнями. Сила есть, камней здесь тоже немало. Да не вытаскивается, окаянная...

— Значит, заклятие все-таки действует? — уточнил Соломинка.

— Да просто тяжеленная! В ней же чугуна-то тонны две, наверно! Краном или грузовым вертолетом дернуть — это за просто, а у меня мускульной энергии на такой рывок не хватает, хотя и штангист... Вот если бы вспомнить считалку-заклиналку...

— Какую?! — хором прокричал экипаж «Репейного беркута» (даже Ёжик), а Казимир взволнованно повторил:

— Га-ка-ку?

— Кабы знать... Ее для меня мастер читал, который меня лепил для стадиона. Чтобы я, значит, штангу там держал над собой без усилий, не утомлялся ни днем ни ночью, груза не чувствовал. А то ведь завоешь, хоть и гипсовый на железном каркасе...

— Совсем не помните? — со слабенькой надеждой спросил Ига.

— Когда разбили меня на куски, многое в памяти отшибло. И это... Помню только, что было там слово «груз»... Да, может,

и неважно, какие там в точности строчки, лишь бы это слово было! А?

— Пойдите-ка! — воскликнул Соломинка, который все знал. — Есть один способ колдовства, похожий на тот, что с луной, только луну ловить не нужно. Он не такой сильный, зато быстродействующий!

— Как это? — сказала Степка.

— Просто! Надо, чтобы несколько друзей стали в круг, взялись за руки и кто-то придумал прямо сразу считалку. Говорят, иногда действует. Мне брат рассказывал, они так ворожили в школе, чтобы отменили экзамен по алгебре.

— Помогло? — спросил Пузырь.

— Отменили...

— Нужно опять шестерых? — спросил Ига.

— Лишь бы не меньше. А нас даже больше...

— И сочинитель наготове, — не удержался Пузырь.

— Ох, Славка... — осторожно упрекнул его Власик.

— А чего я?

— Сказано же: нужны несколько друзей. А ты подначиваешь... не по-дружески...

— Он любя, — подал голос Ёжик.

— Да, — сказал Пузырь и дурашливо пошмыгал носом.

— Попробуйте, — посоветовал Жора. — Хуже не будет... Постарайтесь только, чтобы в заклиналке было слово «груз»...

— А его можно ставить в любом падеже? Или только в именительном? — деловито спросил Генка.

— Это ты про что? — неловко отозвался Жора. — Я ведь не ученый. Читать еле-еле научился по стадионным афишам, а в грамматике ни бум-бум...

— Ну, обязательно надо говорить «груз» или можно вертеть по всякому: «груза», «грузу», «грузом», «о грузе»?..

— А! Наверно, можно! В той заклиналке было, кажется, «о таком тяжелом грузе»...

— Тогда давайте пробовать! — Генка вскочил. Сейчас он сделался главный. — Вставайте все и беритесь за руки... Степка, посади Ёжика рядом, чтобы он тоже... Взяться? — И сам он ухватился за ладони Иги и Степки. Все стояли на верхнем крае ступы, кольцом. Жора бесшумно отошел в сторонку.

— Вы только не обижайтесь, ладно? — нерешительно попросил его Генка.

— За что обижаться-то?

— Ну... там, может быть, получится не совсем вежливо про вас...

— Да ладно! Была бы польза!

Генка помолчал совсем не долго (можно было сосчитать до пяти). И ломким голоском прочитал:

Чтобы богатырь наш Жора
Надорвать не смог бы пуза,
Пусть у ступы у тяжелой
Станет очень мало груза!

«Ох, не Пушкин...» — опасливо подумал Ига. Но Жора возликовал:

— Ах ты, птаха звонкая! До чего складно чирикаешь! Вот молодец! — И Генка (будто и правда птаха!) взлетел метра на четыре!

— Мама! — завопил он совсем не по-птичьи.

А Жора гулко смеялся:

— Не бойся, не бойся! Не уроню!

И Генка перестал бояться. Теперь он повизгивал от восторга в невидимых, но могучих ладонях штангиста-великана. И в желтой своей одежонке трепетал в лунном свете, как осенний кленовый лист.

Лапоть, вскинув лицо, вкрадчиво спросил:

— Жора, а вы уверены, что заклиналка удалась? Там, кажется, не совсем правильная формулировка. Точнее было бы сказать «станет очень мало веса».

— Нет, нет! — Жора остороженько опустил юного поэта на чугунный край ступы. — Надо обязательно «груза». И все будет в нашу пользу! Сейчас увидите. Только пустите меня поближе...

Все попрыгали с чугуна в траву, а Жора (это было не видно, однако чувствовалось) ухватился за внешний выпуклый обод на ступе.

— И-эхх... — сказал Жора более гулко, чем раньше.

Ступа зашевелилась в земле, будто ожила.

— И-эхх!..

«Чпок!» — ступа взлетела в воздух и упала на краю поляны, у мохнатых черных кустов.

«Чпок» был такой, что всех толкнула воздушная волна. Казимир слетел с елки. Ёжик опять покатился по траве.

— Раскупорили бутылёк, — сказал Пузырь.

Робко подошли к черной дыре, глянули вниз. Посветили

фонариками. Свети не свети, а все равно сплошная тьма, из которой несет по ногам зябкой сыростью.

— Ига... — шепотом сказала Степка и опять взяла его за рубашку. — Разве хватит сил, чтобы завалить такую ямищу?

Ига промолчал. Он не знал, хватит ли у прозрачного Жоры сил на такую работу. А ребячьи силы тут, конечно, капля в море.

— И хватит ли камней... — опять прошептала Степка.

Ее услышали все.

— Можно вычислить кубатуру шахты, — сказал Власик. — Сперва надо определить диаметр, потом площадь круга и умножить ее на глубину...

— Сейчас измерим глубину... — Соломинка снова взял шнур и камень.

— Ученый народ, — почтительно сказал над головами Жора.

Измерить глубину не удалось. Не хватило стометрового шнура. Пузырь сказал про ёлки-палки в треугольном колесе. Было слышно, как Жора почесал невидимый затылок. Соломинка стал вытягивать шнур обратно.

— Вот еще новый фокус! Зацепился, что ли? Еле тянется...

Ига взялся помогать. Но и вдвоем они едва тащили шнур. Словно кто-то внизу прицепил к нему мешок с картошкой! Остальные тоже хотели помочь, но Жора сказал:

— Дайте-ка мне...

Невидимые руки перехватили капроновый линь. Он стал подниматься над черным зевом, а метрах в двух изгибался, скользил вниз и петлями падал у смутно белеющих гипсовых ступней.

И вот в свете фонариков над краем скважины показался... нет, не камень. За конец шнура держалось круглое бородастое существо в оранжевой купальной шапочке и круглых старомодных очках.

— Добрый вечер, — сипловато сказало существо. — Извините, что я без приглашения...

ПОЛЕТЫ

1

«Конечно, это кним! Подземный кним!» — сразу понял Ига. Со смесью боязни и непонятной радости.

Кним висел на шнуре, упираясь в привязанный камень зе-

леньми мохнатыми лаптями. Держался одной рукой, а другой (с толстой растопыренной ладонью) заслонял от фонариков очки.

— Уберите свет! — быстро сказал Ига. Фонарики метнулись по сторонам.

— Благодарю вас... — просипел кним. Глаза его за очками теперь светились, как у большого кота. — А еще... не могли бы вы помочь мне спуститься?

Мешая друг другу, все бросились помогать, оттянули шнур от ступы, подхватили и опустили тяжелого кнума в ромашки.

— Благодарю вас, — опять сказал кним, одергивая свой костюм. Хотя какой там костюм! Это было что-то вроде халатика, сшитого из покрытых паутиной лоскутков: Лапти торчали из-под разлохмаченного подола. А шапочка (если на нее падал свет) похожа была на половинку большого апельсина.

Кним покашлял, как старый курильщик.

— Я еще раз прошу прощения, что обеспокоил вас визитом...

— Что вы, что вы! — поспешно сказал Лапоть. — Нам крайне приятно пообщаться с... представителями местного населения.

— А мне приятно с вами... да. Но неловко, что я должен обременить вас одной просьбой.

— Не стесняйтесь, — сказал Лапоть.

Кним покашлял опять.

— Дело в том, что, раз уж вы раскупили шахту, не могли бы вы не ставить на место пробку? То есть ступу уважаемой Ядвиги Кшиштовны... Нам, подземным жителям, было бы очень удобно иметь такой, всегда открытый, выход на поверхность. Хочется, понимаете ли, иногда выбраться и посмотреть на солнышко...

Все запереглядывались, освещая друг друга фонариками. А Жора в высоте удивленно задышал.

— Но вы, наверно, не знаете... — нерешительно начал капитан Соломинка. — Дело в том, что...

— Да знаю, знаю... — перебил кним. — Нам вполне понятны ваши опасения. И мы весьма ценим вашу заботу о сохранении нашей среды обитания. Однако поверьте, что на данный момент для беспокойства нет никаких оснований...

— Как же так? — звонко удивился Генка Репьев. — А если в скважину спустят взрывчатку да бабахнут?!

Кним не то кашлянул, не то хихикнул.

— Не бабахнут. Взрывчатка там не работает. Мы, глубин-

ные жители, умеем принимать необходимые меры предосторожности. А если бы и сработала и открыла доступ болотным водам в подземные пустоты... Вы ведь этого опасаетесь, не правда ли? Не стоит опасаться. Внизу мы давно построили систему шлюзов и защитных переборок, они не пустят воду...

— Вот это да... — выдохнул Пузырь.

— Вы совершенно правы, — согласился кним. — И мало того! Дело поставлено так, что люди с дурными намерениями едва ли отыщут этот остров. А если и отыщут, то не сумеют высадиться. А если даже высадятся, то... вряд ли им удастся развернуть работы. Никакие механизмы не станут действовать.

— Как в те времена, когда Ядвига Кшиштовна! Да? — обрадовался Генка.

— Вы правы! Как в те времена, когда здесь побывали три похожих на вас мальчика и предупредили уважаемую Ядвигу Кшиштовну...

— Но если пробка стала не нужна, — придиричиво сказал капитан Соломинка, — почему вы не попросили Ядвигу Кшиштовну убрать ступу? Уж она-то могла бы с ней справиться!

— Она давно уехала куда-то... А когда еще бывала здесь, мы просили, да. Но Ядвига Кшиштовна — человек... со своеобразным характером. Не всегда с ней можно найти общий язык. Она то говорила, что у нее нет времени, то ссылалась на боли в пояснице, радикулит и остеохондроз.

— Она же волшебница! Не могла себя вылечить? — не поверила Степка.

— Ну что вы, голубушка, какое волшебство может спасти от таких хворей! Помните мессира Воланда из весьма знаменитого романа Булгакова! Уж на что могущественный был маг, а маялся болью в коленном суставе!..

Степка ничего не ответила, потому что не читала, конечно, Булгакова. А Ига как раз недавно прочел «Мастера и Маргариту» и подивился теперь: «Какой образованный кним! А может, они все такие?»

— Это что же? — насупленно сказал Пузырь. — Значит, мы напрасно перлись сюда через болота? Раз опасности нету никакой...

— Ну что вы такое говорите! — укорил его кним. — Совершенно не зря! Вы откупили скважину и тем оказали неоценимую услугу племени подземных жителей!

— К тому же знаем теперь, что можно не опасаться «ниитеррористов», — с удовольствием добавил Ига.

— И с Жорой познакомились, — счастливым голосом напомнил Генка.

— И вообще... были всякие приключения, а это хорошо, когда они есть, — высказался за спиной у капитана Власик.

Пузырь сказал, что главные приключения начнутся завтра. Когда окажется, что мотор починить нельзя, и придется пилить на шестах и веслах весь обратный путь. А продуктов осталось лишь на легкую утреннюю закуску...

— Простите, а зачем вам, как вы изволили выразиться, «пилить»? — осведомился к ним. — Рядом с вами прекрасное средство передвижения! Анти-грави-тащи-онная ступа! Безотказная в полете и совсем не сложная в управлении! Отправляйтесь домой на ней! А о лодке не тревожьтесь! Болотные книмы и чуки по нашей просьбе доставят ее прямо туда, откуда вы отчалили. Честное подземельское слово!

Капитан Соломинка, видимо, не поверил:

— Это что же? Можно сесть в нее и полететь по воздуху?

— Именно так! Именно так! — Видимо, к нему очень хотелось помочь путешественникам. Ну и... возможно хотелось еще, чтобы ступа оказалась подальше от скважины. На всякий случай. — Это совсем не сложно. Необходимо только выполнить небольшую формальность...

— Какую? — сказал дружный хор.

— Вроде той, что была перед вытаскиванием ступы. Да! Вам надо в нее сесть, взяться за руки и сказать... это... как вы изволите выражаться, «считалку-заклиналку». Мне кажется, это не составит для вас труда...

— Не составит? — шепотом спросил у Генки Ига.

— Не знаю... — ответил он тоже шепотом. И громко спросил у книма: — А какую?

— Любую, голубчик! Лишь бы в ней были рифмы! Они, так сказать гар-мо-ни-зируют пространственно-энергетический континуум.

— Что делают? — шепнула Иге Степка.

— Понятия не имею...

— Для начала полезно потренироваться, — посоветовал к ним.

Была уже середина ночи, но Ига чувствовал, что спать совсем не хочется. А хочется впитывать в себя эту колдовскую и немножко тревожную ночь, которая обещает новые приключе-

чения. Луна уже съехала к верхушкам деревьев, но светила по-прежнему ярко. Пахло лесом, ромашками, болотом и приключениями. «Уау-ха-уау!..» — опять прокричала в Плавнях птица уаха. Ей громко откликнулись лягушки, но сразу умолкли.

— Ну? Попробуем? — негромко сказал Соломинка. Все шумно дышали в знак согласия.

— Жора, поставьте, пожалуйста, ступу прямо, — попросил Соломинка.

— Это мы враз... — Белесые ступни потоптались, ступа выпрямилась и замерла.

— А потянет всех-то? — усомнился Пузырь. — Одноместная ведь. А нас целый вагон...

— Это не имеет ни малейшего значения! — уверил к ним. — Рассаживайтесь и... дерзайте. Да, чуть не забыл! Советую смастерить небольшую метлу, она полезна для управления. Как рулевое весло...

2

Метлу из березовых веток и палки от сухой сосёнки ловко смастерил Жора.

Семеро (и Ёжик на коленях у Степки) опять расселись на краю ступы, ногами внутрь. Воды теперь не было, ноги болтались в прохладной пустоте. Казимир Гансович прогоготал, что полетит своим ходом. Жора, конечно, садиться тоже не стал.

— Я через Плавни и так, можно сказать, летаю, как в семи-мильных сапогах...

Взялись за руки. У Иги справа Степка, слева Соломинка. Ига нервно постукал пятками по чугуну. Соломинка зажал под мышкой палку метлы и скомандовал:

— Генчик, давай...

— Ага... сейчас... Что-то не придумывается...

— Старайся, старайся, — поторопил Пузырь. — А то получится не воздушное путешествие, а шиш.

— Я стараюсь... Вот!

Ступа бабушки Яги,
Ты взлететь нам помоги!
Отнеси нас всех домой —
Будет радостно самой!

— Го-го! — одобрил с елки творение юного таланта Казимир Гансович. Но ступа не шелохнулась.

— Кажется, в самом деле шиш, — заметил Соломинка. — Что-то не так ты сочинил...

Кним, который устроился между Жориными ступнями, поспешно разъяснил:

— Дело вот в чем! Ступа долго служила Ядвиге Кшиштовне. А Ядвига Кшиштовна не терпела, когда ее называли бабой, бабкой, бабушкой. Это интеллигентная особа, *дама*...

Генка виновато покашлял.

— Ну... тогда...

О, ступа Ядвиги Кшиштовны!
Не показывай-ка шиш ты нам!
Не показывай нам фигу!
Слушайся нас, как Ядвигу!

Ступа оставалась недвижимой, как вросший в землю валун.

— М-м... — сказал кним. — Видите ли... В общем-то ваши строчки весьма удачны и рифмы оригинальны, но... в слове «ступа» вы неверно поставили ударение...

— Это же для размера!

— Понимаю. Но она, видимо, не поняла... Опять же, «Ядвига» без отчества звучит не очень уважительно... И эти термины: «шиш», «фига»...

— Но я тогда не знаю как... — со слезинкой отозвался Генка.

— Ста-райся... — сказал Пузырь. — Зачем у тебя поэтический конь на штанах?

— А если... если назвать ее тетей или тетушкой... тогда можно без отчества?

Кним пятерней почесал шапочку.

— М-м... попробуйте...

— Я... вот так еще...

И Генка стыдливо пробормотал:

О, ступа тетушки Ядвиги,
Послушна будь пилоту Иге,
И по воздушным по волнам
Неси нас, как аэроплан...

— Ой! Ай! Мама! — (Не поймешь, кто вскрикнул.) Все расцепили руки, ухватились за чугунный выступ. Потому что ступа шевельнулась и приподнялась над ромашками. И чуть покачивалась.

— Ура... Ига, командуй, — велел Соломинка.

— Да почему я-то! — взвыл Ига. — Генка, ты спятил?!

— А больше никак рифма не получалась...

— Я не умею!

— Давай, давай. — Соломинка сунул ему под мышку метлу. — Видишь, получается...

— Что получается? Я правда не умею!

— Это совсем не сложно, — подал голос от Жориных ступней кним. — Надо только мысленно скомандовать и представить, *куда и как* вы летите. Дерзайте, молодой человек. Вы ведь уже бывали в разных переделках!

Кажется, он немало знал про Игу! Откуда?

Но было не до размышлений. Ига понимал: все ждут от него пилотских решений. И действий. Он набрал в грудь воздух.

«Поднимитесь немножко, пожалуйста...» — мысленно сказал он ступе. Это было совсем не по-командирски, но... ступа послушалась! Зашевелилась опять, приподнялась на метр. Снова, конечно, «ай, ой». Степка опять позвала маму.левой рукой она вцепилась в Игину рубашку у плеча (правой держала корзинку с Ёжиком).

— Bravo! Смелее! — подбодрил кним.

«Теперь, пожалуйста, вперед...»

Ступе, видимо, нравилось вежливое обращение. Она плавно, со скоростью пешехода, двинулась над поляной. Ига перехватил двумя руками черенок метлы. Как рудевое весло. Попробовал управлять. Получилось! Они сделали над поляной круг.

— Молодец, Ига! — выдохнул Соломинка. Остальные шумно дышали со смесью опаски и восторга.

«Теперь еще повыше, если вам не трудно...»

Ступе было не трудно. Она выполняла все, о чем просил Ига (и что он представлял). Они сделали новый круг — теперь на высоте деревьев. Потом — еще шире и выше. Ступа вела себя вполне по-дружески. И — главное! — летела так, что было не страшно. Ну, или *почти* не страшно...

«Теперь, если можно, давайте вокруг всего острова. И еще повыше... И побыстрее...»

Зашумел встречный воздух.

Этот ночной тренировочный полет потом ярко описал в судовом журнале Власик. Но приводить здесь длинную запись не стоит, она слишком затянула бы рассказ. Вот лишь несколько строчек:

«Мы мчались так, что шумело в ушах и волосы отлетали назад. Я крепко держался, и от восторга у меня что-то икало в душе и булькало в животе. И я даже забыл про три наряда, которые мне дал Соломинка. А луна катилась за нами, как желтое колесо...»

А поэт Геннадий Репьев через несколько дней сочинил про полет балладу. Приводить ее здесь целиком тоже нет смысла, она была опубликована в газете «Утренний свет» на странице «Наши юные таланты». Прочитируем восемь строк, сочиненных в романтическом стиле:

Мы мчались в лучах располневшей луны,
В ее фосфорическом свете.
И было не страшно совсем — хоть бы хны!
И уши трепал встречный ветер!
Кричали и пели в полете том мы,
И кто-то от радости ахал,
И с завистью вслед голосила из тьмы
Неспящая птица ухаха...

Критик Марионелла Ромашкина на той же странице отмечала в своих заметках, что баллада свидетельствует о растущем поэтическом мастерстве Геннадия Репьева и даже «выводит это мастерство на новый уровень». Так оно или нет, критику виднее, но надо сказать, что ощущения и настроения всех, кто летал тогда, Генка выразил точно.

Ига в конце концов так увлекся ролью пилота и ощущал такое бесстрашие, что даже подумал, не выписать ли в небе мертвую петлю. Но хватило ума не рисковать...

Наконец спохватились, что пора возвращаться к скважине. Жора-то и Казимир, наверно, ждут и волнуются. Возможно, что и кним ждет...

Они в самом деле ждали. И обрадовались. Гусь прогоготал, что сперва пробовал угнаться за ступой, но где там!

Кним сказал:

— Я счастлив, что у вас все прекрасно получилось. Только советую выспаться, прежде чем отправитесь в полет к городу. А о лодке не тревожьтесь, доставим...

— Может быть, вас опустить домой на веревке? — любезно предложил Лапоть.

— Нет-нет, не беспокойтесь, там есть ступеньки. Вниз — это нетрудно... Если не возражаете, я провожу вас до палатки.

Никто не возражал. К берегу слетели на ступе, а книма Жора посадил на плечо. Кним на невидимом Жоре поплыл над

кустами, как по воздуху. Казимир Гансович летел рядом и шумно одобрял все происходящее.

На берегу снова разожгли костер, согрели чай, угостили книма. Поболтали еще. Жора признался, что на острове у него есть приятельница. Или приятельницы — как хотите.

— Потому что их две. Это куриные ноги, большущие. Оттались от бабы-яговой избушки, когда она развалилась от старости. Гуляют теперь сами по себе. Я их часто навещаю, у нас в жизни много одинакового. В том смысле, что я ведь тоже, можно сказать, одни ноги... Только сегодня мы не встретились. Наверно, они бродят в Плавнях...

Кним (кстати, его звали Нырялло) стал прощаться.

— Нет, нет не провожайте меня. Я отлично вижу в темноте, не хуже kota...

— Можно, я вас все-таки провожу? — попросил Ига. — Самую капельку...

— Ну, если капельку...

Они прошли до опушки, и тогда Ига заговорил о том, что его почти все время тревожило:

— Скажите, пожалуйста, господин Нырялло... Я однажды был в городе под земляным куполом и там видел очень похожего на вас книма, только не в шапочке, а в шляпе. Он сидел в окне с песочными часами... Это были не вы?

— Нет-нет, что вы! Я там не бывал. Правда, слышал, но... А чем вас заинтересовал тот напомнивший мою особу кним?

— Он сказал тогда... я не совсем понял...

— Что же именно он сказал? Может быть, я смогу помочь вам... в силу своей ограниченной эрудиции?

— Он сказал... что я должен нащупать свою нить. И совместить с каким-то Меридианом...

— О! Я, кажется, улавливаю мысль коллеги... Возможно, он имел в виду линию вашей жизни. Или какой-то важной в этой жизни задачи. Или что-то еще в этом роде... Да... А меридиан... видите ли, это достаточно размытое понятие. Иногда оно означает что-то одно, потом что-то другое. Но думаю, что в данном случае имелось в виду направление, которое соответствует установлению во Вселенной всеобщей гармонии. Задача, конечно, весьма обширная... Простите, вы меня, наверно, не понимаете...

— Понимаю, — соврал Ига. — А вот еще... Эти места, в которые я в тот раз попал, были какие-то... интересные, даже знакомые иногда, но запутанные. Будто кто-то там все нароч-

но перемешал... А к ним сказал: не надо строить, пока я... ну, это самое, про нить и Меридиан... А я дома делал Конструкцию. Вроде игрушки из трубок, такая фантазия. Интересно было, вот и делал. А потом стало казаться, будто напутал в ней... и там напуталось... Так же не бывает!

— Как знать, как знать! Бывает, что созданная маленькая конструкция что-то меняет в большом мире. Если между ними вдруг возникает резонанс...

— Но я не видел этого... резонанса. И не хотел...

— Есть простой способ. Рядом с такими конструкциями полезно вешать маятник. Если он качается сам собой, значит, все в порядке...

— Я подвешивал! И он качался!.. Правда, не всегда...

— Тот-то и оно, что не всегда... Мальчишкам лучше не устраивать такие эксперименты. Но... мальчишек ведь не останавливать. По крайней мере, если будете рисковать снова, следите за маятником...

Ига понял, что у книма Нырлялы нет охоты беседовать дальше.

— Спасибо. До свиданья...

— Всего вам самого доброго! — И к ним исчез в зарослях.

А Ига побрел обратно, к уютному оранжевому огню. «Что же я сделал не так? — думал он. И понимал, что секрет не в трубках. В поступках. — Может, виноват в том, что строил Конструкцию только для своего удовольствия? Тяп-ляп, как в голулу придет... Но в дыру-то я полез не ради себя! Ради Степки!»

«Ну, полез... А дальше что?» — спросил он сам себя.

«Как что? Я же думал о ней, а не о себе! Я ее выручил!»

«Выручил, а дальше что?»

«Как что? Ну, сделал... то есть сделали, чтобы мама ее приехала...»

«Приехала и уехала...»

«Но я же не виноват!»

«При чем тут «виноват», «не виноват». Дело в другом...»

«Тогда я не знаю, — слегка рассердился Ига. Потом сказал себе: — Ладно, не горюй. Многие существуют и вообще не строят никаких конструкций. Никогда. Ни о каких линиях и меридианах не думают. Живут и в ус не дуют!»

«А многие — строят, — словно сказал кто-то Иге со стороны. — Только, наверно, каждый по-своему...»

Но дальше поразмышлять не удалось. Он был уже у костра.

Пламя жарко дохнуло ему на ноги. Стреляли угли. Ига присел на корточки и стал смотреть в огонь.

— Где ты гуляла? — шепнула оказавшаяся рядом Степка. — Я боялась...

— Вот глупая, отойти нельзя? Я книма провожал, заговорился с ним.

— О чем?

— О жизни, — сказал Ига.

— А! Знаю... Я тоже о ней думала. Сейчас...

Игу кольнуло беспокойство.

— И что надумала?

— Ну... Ига, я не хочу домой. Вот так бы путешествовать всю жизнь. С ребятами... и с тобой. Забавно, да?

Он привычным уже движением притянул ее к себе.

— Эх, Степка ты, Степка... Всю жизнь так не получится. Все равно надо возвращаться...

— Я знаю. Только не хочется.

— Зато завтра полетим на ступе! До самого дома! Разве плохо?

Степка только вздохнула, повозилась под боком, притихла.

Соломинка сказал, что пора спать. Надо залить костер, а дежурить никому не надо. Здесь безопасно.

Власик спросил:

— А три наряда на камбуз мне считаются? Это ведь все-таки я нашел скважину...

— Считаются, считаются, — сказал Пузырь. — Они не за скважину, а за то, что поперся в лес без спросу.

— Конечно, считаются, Пузырь правильно говорит, — подтвердил Соломинка. — Только... я их отменяю. Я тогда так, с испугу...

4

Перед сном договорились, что в полет отправятся с первыми лучами. Но какое там! Проспали самым бессовестным образом. Всех разбудила телефонная трель. Маргарита Геннадьевна хотела знать, почему ее племянник — вопреки своим наичестнейшим обещаниям! — не выходит вовремя на связь.

— Я просто в панике! Что с вами случилось?

Власик не стал юлить:

— Тетя Рита, ничего не случилось! Проспали! Сейчас отправимся домой и будем очень скоро! Честное лопухастое!

Степка сонно поморгала и хихикнула:

— Власик, а у тебя уши стали малость оттопыренные!

— Да, я заметил, — с удовольствием сказал Власик. — А у тебя... тоже.

— Ага. Забавно, да?

Забрели по шиколотку в воду, умылись. Наскоро попили чаю со вчерашними бутербродами. Уложили в лодку ненужное теперь имущество, укрыли парусом. К нему можно верить — ничего не пропадет. Ёжика (который так и не нашел здесь соплеменников) опять поселили в корзинке. Казимир Гансович дал понять, что двинется домой своим ходом. Малые Репейники недалеко, не Африка, а он... Птица он все-таки или кто?

— Вы замечательная птица, Казимир Гансович, — сказал Лапоть и поправил на гусяной шее кожаный бантик.

Соломинка скомандовал занять места. Заняли. Ой-ёй, чугун остыл за ночь, сидеть было неудобно.

— Ничего, нагреем, — решил Соломинка. — Ига, стартуй!

«А вдруг не послушается? Остывшая-то...»

Но ступа послушалась сразу.

Сделали над Одиноким Петухом прощальный круг и взяли курс на юго-запад (зюйд-вест!), домой.

Этот полет оказался не похож на прежний, ночной. Не было той таинственности, того замиранья. Но все равно было радостно! Будто в открытой кабине самолета! Или, вернее, в гондоле аэростата, который мчится над Плавнями на двадцатиметровой высоте. Подниматься выше Ига не стал — когда летишь невысоко, лучше заметна скорость.

В руках у штурмана Лаптя трепетала и рвалась на встречном ветру карта. Теперь не нужно было следовать изгибам Гусыни и проток, штурман указывал прямой курс. А это — в три раза ближе! Власик непрерывно водил туда-сюда объективом камеры, а потом вздохнул — кончился аккумулятор. Власик взялся было за журнал, но его листы затрепыхались сильнее, чем карта, много не попишешь...

Солнце стояло уже высоко, светило со спины и чуть слева. Его отражение слепящим бликом несло за ступой по руслу Гусыни, по мелким озеркам и зеркальцам воды в камышах. А тень ступы мчалась справа и впереди. Летящий навстречу

воздух трепал волосы и оттопыренные уши. Степка улыбалась, забыла, что ей не хочется домой (надолго ли забыла?).

Иногда можно было различить, как внизу, среди камышей, мелькают белые гипсовые ступни. Атлет Жора не отставал от друзей...

Казимир Гансович летел следом и, в отличие от Жоры, порой отставал. Тогда Ига просил ступу: «Пожалуйста, потише...»

Генка и Пузырь сидели так, что лететь им пришлось спиной вперед. Это им надоело, они повозились и сели ногами наружу.

— Вот загремите в болото... — сказал им Соломинка. Но не запретил по-командирски, и они, ответив «не-а», полетели так дальше. У Генки ветром сорвало сандалету.

— Я говорил, — проворчал Соломинка. Пришлось тормозить и снижаться. Внизу на крохотном островке подпрыгивал и махал пойманной сандалетой мохнатый чука. Бросил Генкину обувь в ступу, словно мячик в баскетбольное кольцо. Чуке крикнули «Спасибо!» и полетели дальше.

На одном из островков увидели маленького дракона (возможно, вчерашнего). Он сперва бросился в бега, потом остановился и помахал аэронавтам трехпалой зеленой лапой. Ему тоже помахали...

Примерно через час вдали, на фоне синего озера, показались Малые Репейники — со знакомыми колокольнями и башнями монастыря, с темной гущей садов.

— Где приземляться-то будем? — спросил Ига. — На Соломином дворе?

— Не перед городской же управой, — хмыкнул Пузырь.

Игу осенило:

— А давайте перед музеем! Прямо на той тумбе, в пустом фонтане! Ступе там самое место! Будет как экспонат и как памятник Ядвиге Кшиштовне! Яков Лазаревич знаете как обрадуется!

— Будет скандал, — засомневался Лапоть. — Зачем нам лишние сенсации?

— Подумаешь! — не сдавался Ига. — Не видели в Репейниках сенсаций, что ли?.. А если приземляться у Соломинки, родители могут в обморок хлопаться!

Соломинка сказал, что его родители видели всякое. Но потом согласился, что посадка на постамент внутри фонтана — дело интересное. Эффектное. Вроде как торжественное возвращение победителей.

— А ступу, кроме нас, оттуда все равно никто не сдвинет. Заклиналку-то знаем только мы!

— И когда захотим покататься — сразу сели и поехали! — добавил Генка.

— Ага, дома узнают — покатаешься. Засадят на неделю без выхода на улицу.

— Если засадят, я знаю, как тогда быть!

— Ах, ну конечно, — сказал Пузырь.

— Можно приходить и отправляться в полет в сумерках, — рассудил Лапоть. — Никто не заметит.

Но сейчас-то были не сумерки. И на подлете к окраине все заспорили: как лететь? Совсем низко, прижимаясь к заборам, или, наоборот, повыше? Не следовало обращать на себя внимание.

Пока спорили, Ига принял решение сам. Пилот все-таки.

«Повыше, пожалуйста! Как самолет!»

Если кто-то на земле запрокинет голову и различит в небе летящую ступу с пацанами, то не поверит глазам. Или ничего не поймет. А если и поймет... пусть! Ни поймать, ни запретить все равно не смогут!

Ступа, конечно, послушалась. От нарастающей высоты захватило дух. Пузырь и Генка быстренько сели ногами внутрь.

Малые Репейники были уже прямо внизу. Крыши, церкви, водонапорные башни. Расчерченные, как на карте, кварталы и огороды. Был хорошо различим и двор музея с колечком посередине — круглым сухим бассейном. Ига круто пошел на снижение...

Когда оказались метрах в пятидесяти от земли, видно стало, что у музейного крыльца толпятся люди. Можно было узнать директора Штольца, его помощницу Монику Евдокимовну, владельца «Двух рыцарей» Валентина Валентиныча. А все другие — незнакомые.

Никто на музейном дворе не смотрел вверх, на сказочный летательный аппарат. Что-то говорили, взмахивали руками. Судя по всему, спорили.

«Ладно, обойдемся без торжественной встречи...»

Ига мягко опустил ступу на кирпичный постамент двухметровой высоты (где раньше три гипсовые девчонки держали мяч).

Постамент был широкий. Выбрались на его край. Попрыгали вниз — Ига принял на руки Ёжика в корзинке, потом

Степку, Пузырь — юного поэта, который возмущенно дрыгнул перемазанными костровой сажей ногами.

На ребят по-прежнему не смотрели.

Тогда вся компания осторожно пошла к музейному крыльцу. Ига на ходу узнал еще одного из мужчин — депутата губернской думы Стоерасова.

— Э-э... извольте подписать! — громко говорил Стоерасов. — А-а... вы что, в самом деле! Противитесь решению властей? Это... э-э... неслыханно! Вы будете... а-а... отвечать! — Он размахивал очень белыми листами.

— Это не решение! Это произвол! — вскрикивал Яков Лазаревич. — Да-да, вопиющий произвол чиновников! Я подниму на ноги всю общественность! Я...

Судя по всему, скандал был немалый. И уйти, не узнав, в чем тут дело, было невыносимо. Кажется, Якову Лазаревичу грозили крупные неприятности. Лапоть решительно шагнул вперед, подержал за рукав Валентина Валентиныча Клина:

— Простите, пожалуйста. В чем суть данного конфликта?

ДОРНЕТ ЯДВИГИ КШИШТОВНЫ

1

А суть была вот в чем. Когда друзья летели домой над Плавнями, в Городской краеведческий музей явились пятеро. Один был, как уже известно, депутат Стоерасов. Другой — крупный бритоголовый дядя с расправленными плечами. Повадками и внешностью напоминал он одетого в штатский костюм генерала. Еще там был юркий остроносый мужчина в очках и парусиновом кителе, какие носили пенсионеры полвека назад. Позади других мужчин держался человек в тесном клетчатом костюме и модной соломенной шляпе. Лицо его скрывали большущие, как маска, темные очки и курчавая борода. А пятой была полная дама в блестящем, как змеиная кожа, платье и похожей на зеленый кукиш бархатной шляпчонке (кукиш боком сидел на белых крашенных волосах).

Директор музея встретил гостей на крыльце. То есть не гостей! Потому что дама без лишних слов заявила, что все пятеро «полномочная инициативная комиссия».

Яков Лазаревич сразу почувствовал недоброе (а что хорошего мо-

жет быть от Стоерасова?), но вежливо поинтересовался, в чем состоит инициатива уважаемой (и полномочной) комиссии.

— Э-э... дело в том, господин... а-а... Штукс...

— Штольц...

— Это не меняет сути вопроса, — сказал юркий мужчина. — Документы готовы...

— Простите, какие документы?

— О вашей передислокации в помещение губернского музея в городе Ново-Груздеве, — увесисто, как на заседании генштаба, доложил генерал в штатском. — Транспорт будет предоставлен. В губернском музее для ваших экспонатов выделяют комнату, а что не поместится, будет отправлено на склады...

— Временно, — вставил слово юркий дядя в парусиновом пиджаке. — Пока для вас не построят здесь новое современное здание...

— Какое новое здание? Зачем? Нас вполне устраивает это!

— Это, — сказала дама, — передается в распоряжение комиссии. В нем будет размещена администрация строительства новой выставки и штаб работ по осушению болот! — Она старалась держаться уверенно, однако заметно было, что нервничала.

— Вы рехнулись? — сказал директор Штольц.

— Господин... э-э... Штабс! Выбирайте выражения!

— Это вы выбирайте! Сами вы Штабс! Ступайте отсюда вон с вашим штабом и выставкой!.. Моника Евдокимовна! Валентин Валентиныч!

К счастью, владелец антикварного магазина в то утро зашел в музей, чтобы обсудить вопрос о двух весьма редких самоварах. Вместе с помощницей директора он после тревожного зова тут же оказался на крыльце. Теперь защитников музея было уже трое. Но комиссия-то была впятером. И главное, у нее были какие-то бумаги с какими-то решениями. Бумагами махал Стоерасов. И требовал, чтобы директор Штампс немедленно подписал согласие на переезд. И на передачу музейного здания новым хозяевам. И тут же предоставил список всех экспонатов, за которыми в понедельник утром придут грузовые фургоны.

— Ничего я не предоставлю!

— Ничего мы не предоставим! — поддержала своего директора помощница.

— А я сейчас немедленно позвоню на телестудию и в «Утренний свет»! — пообещал Валентин Валентиныч.

— Сегодня суббота, — не без ехидства напомнил юркий мужчина. — Ни ваша репейная студия, ни газета не работают.

— Потому что... а-а... провинция, — не удержался от ехидства и Стоерасов.

— И мы не работаем! — уцепился за последний довод Яков Лазаревич. — У нас тоже выходной. Будьте добры, оставьте нас в покое!

— У вас выходной во вторник, — заявил штатский генерал. — На доске у калитки внятно изложено, а вы нам дезинформацию подбрасываете. Несолидно. Вроде бы интеллигентный человек...

— Будьте добры меня не учить! — взвился директор. — Во вторник выходной для посетителей! А суббота для сотрудников!

— Знаем, почему суббота, — сказал штатский генерал. — Только не отвертитесь. Фургоны я подгоню точно в срок...

— Как подгоните, так и покатитесь обратно! — взъерошено заявил Валентин Валентиныч.

— А вы, господин Клиш, не вешивайтесь! — величественно (хотя со внутренней нервностью) потребовала дама. — Вы здесь вообще частное лицо.

— Я член музейного совета!

— Э-э... не знаем, член какого вы... а-а... совета, — заявил депутат Стоерасов. — А у нас решение инициативных... э-э... комитетов сразу двух советов губернской думы. По культуре и... а-а... по экономике. Извольте подписать, что вы... э-э... согласны!

— Не изволю! При чем тут ваши «э-э комитеты-советы»?! Город полон памятников старины, а в окрестностях — уникальная природа. Здесь заповедная зона!

— Никакие документы не подтверждают, что здесь зона, — заявил штатский генерал (бритая голова его сияла под солнцем). — Может, когда-то и была, а потом, к сожалению, ликвидирована. В силу изменения расстановки сил.

— Я не вашу зону имею в виду! Здесь масса сказочных и аномальных явлений. Или, выражаясь понятным вам языком, — чудес!

— Это лишь разговоры и слухи, — отчеканила дама. — Ни одно сказочное чудо в Малых Репейниках не подтверждено документально. И не имеет свидетелей!

Ни комиссия, ни защитники музея не видели, что очередное чудо свершилось только что: на постамент в сухом бассейне приземлилась летающая ступа. Перепалка продолжалась.

И прервалась на полминуты, когда Лапоть задал вежливый вопрос.

Все разом повернулись к ребятам.

— Ой, мальчики! — обрадовалась Моника Евдокимовна. — И Степа!.. Дети, скажите хотя бы вы этим людям, что нельзя трогать наш город и Плавни!

— Да-да! — обрел новую надежду Яков Лазаревич. — Пусть дети скажут! А вы, господа, слушайте! Известно, что устами младенцев глаголет истина!

— Истина глаголет устами губернатора! — известила дама и колыхнулась блестящей фигурой. — Губернатора и его заместителей! И с нами как раз помощник одного из таких заместителей! — Она сделала жест в сторону штатского генерала. — Значит, никто не вправе мешать нам осуществить свои функции...

Депутат Стоерасов обрел новую порцию уверенности.

— Господин... э-э... Мишечкин! Создайте нам... а-а... условия, чтобы подписание состоялось в соответствующей... э-э... обстановке! Тогда у господина... э-э... Штакса...

— Сами вы Штакс, — негромко, но отчетливо сказала Степка. И взяла Игу за рукав. Стоерасов не обратил внимания.

— ...Чтобы ни у кого больше не было... а-а... оснований для противодействия...

Молчавший до сих пор клетчатый господин в очках-маске с ловкостью фокусника развернул кожаную папку. И тогда (наконец-то!) по движениям все узнали старого знакомого, Чарли Афанасьевича Домби-Дорритова! Можно отрастить бородку и спрятать под маской глаза, а под шляпой хлестаковский хохолок, но повадки не скроешь!

Папка в руках Чарли превратилась в твердый желтый прямоугольник. Фокусник раскрыл его снова — как увеличенную в два раза папку. Потом еще! И наконец перед Чарли уперся в землю метровый кусок желтого пластика. По углам у пластика выросли тонкие ножки, и получился стол! Домби-Дорритов ловким жестом повернул его, стол встал на четыре ноги.

— Пожалуйста! — было видно, что Чарли Афанасьевичу хочется раскланяться.

— Э-э... благодарю вас. — Стоерасов положил на стол бумаги и авторучку. — Господин... э-э... Штольц! Потрудитесь подписать! Иначе я... э-э... мы... а-а... будем вынуждены...

И тут к столу рванулся Власик. Его заметно оттопыренные уши пламенели от гнева. И все увидели, какой Власик сине-

глазый и красивый! Круглые рёпы в его растрепавшихся волосах чернели, как старинные, застрявшие во время битвы пули.

— Вы не имеете права! Не трогайте сказки! Все равно у вас ничего не выйдет!

— Мальчик, иди домой, — сказал юркий мужчина.

— Сами идите!

— Не груби взрослым! — взвизгнула дама.

— К тому же в твоём... э-э... возрасте пора знать, что сказок... а-а... не бывает.

— Не бывает?! — яростно крикнул Ига. — А мы?! Мы только что прилетели сюда в ступе бабы-яги!

— Э-э... бабов-ягов тоже не бывает!

— Вот как? — раздался чей-то новый голос. Со стороны. — Не бывает? Вы уверены?

2

У сухого фонтана стояла дама. Пожилая. В длинном сером платье с высоким воротничком, с пегим от седины узлом волос на затылке.

«Она!» — понял Ига.

Ига не читал романа «Дэвид Копперфилд», но в прошлом году смотрел такой фильм. Старый, черно-белый еще. И он сразу увидел: дама похожа на героиню Диккенса мисс Бетси Тротвуд. Такая же прямая, неприступная на вид и с метлой. В фильме мисс Тротвуд гоняла метлой с лужайки перед домом олов, которых терпеть не могла. Правда, метла у нее была небольшая, вроде той, которую использовал Ига для управления ступой. А у нынешней гостьи метла выглядела — о-го-го (как сказал бы Казимир Гансович). Древко — толстое и гладкое, как у старинной алебарды. Метровые коричневые прутья были связаны в густой пук и торчали выше пегой прически.

На кружевной груди дамы висели старомодные очки с ручкояткой, Ига вспомнил название — «лорнет».

Опираясь левой рукой на метлу, как рыцарь на копье, дама в правую взяла лорнет и глянула на депутата Стоерасова через два блестящих стеклышка. Голос у нее был глуховатый, но очень интеллигентный.

— Если не ошибаюсь, сударь, вы ставите под сомнение мое существование?

— Э-э...

— Я так и думала. Вы приносите мне свои извинения...

— Но... а-а... с кем имею честь?

— Я полагала, мне нет необходимости представляться. Ну хорошо. Ядвига Кшиштовна Тышкевич-Загорская. С давних пор числюсь по разряду тех особ, про которых вы сказали, что их нет...

Комиссия смотрела и слушала, одинаково приоткрыв рты. Яков Лазаревич, Моника Евдокимовна и Валентин Валентинович смотрели на Ядвигу Кшиштовну как на долгожданную гостью. Экипаж «Репейного беркута» замер в радостной надежде на избавление от опасностей. Ядвига Кшиштовна Тышкевич-Загорская продолжила речь:

— Вы, как я поняла, усомнились также в существовании сказочных явлений. В частности в существовании антигравитационных ступ. Хотя на такой вот ступе сюда только что прилетели эти славные дети! Потрудитесь взглянуть!

Ядвига Кшиштовна склонила метлу и выдернула из нее прямой прут. Метла осталась стоять в наклонном положении (и чуть покачивалась), а ее хозяйка протянула прут к ступе — как указку.

— Ну-с?

— А чего вы нукаете, гражданка? — сказал штатский генерал. — Какая-то железная бочка. Она тут с давних пор стоит, никто на ней не прилетал. Не морочьте официальной комиссии голову.

— Вы уверены? А если... вот так! — Ядвига Кшиштовна кончиком прута выписала в воздухе восьмерку. Ступа с легкостью — как стаканчик от мороженого — поднялась над постаментом и тоже сделала в воздухе восьмерку. Опустилась. Ядвига Кшиштовна прутом нарисовала в пространстве кольцо, и ступа взмыла на десять метров. Пролетела по кругу и легко села на прежнее место.

— Шарлатанство, — уверенно сообщила всех дама из комиссии. — Дешевый трюк.

— Обыкновенный фокус, — засуетился юркий мужчина. — Наш Чарли Афанасьевич может и не такое, хе-хе...

— О! — Ядвига Кшиштовна устремила на Домби-Дорритова лорнет. — Значит, это и есть Чарли? Если не ошибаюсь, автор нынешнего сомнительного проекта, подкрепленного кое-какими фокусами с гиперпространством?

Чарли Афанасьевич слегка попятился.

— В чем дело, сударыня? Я не... я вообще... Господа! Эта

дама никакая не Ядвига и не Кшиштовна! Самозванка! Ядвига Кшиштовна Тышкевич-Загорская была моей двоюродной прабабушкой. И она давно... так сказать...

— Так сказать, это ложный слух, — величественно сообщила хозяйка метлы. — Кто-то из моих недругов выдал желаемое за действительное. На самом деле я не отправлялась на тот свет и пока не собираюсь... Ты просто не узнал меня, голубчик, поскольку я со времени последней нашей встречи слегка изменилась. Но ведь и ты... — Ядвига Кшиштовна с лорнетом у глаз чуть пригнулась и шагнула к Домби-Дорритову. Он снова попятился.

— ...Но ведь и ты, дитя мое, уже не тот. Был симпатичный, хотя и несколько капризный мальчик, а нынче... м-да... Ах! — Лорнет выскользнул из ее пальцев. Упал к блестящим туфлям Чарли Афанасьевича.

Ядвига Кшиштовна выпрямилась.

— Сударь! Неужели в вас нет ни капли джентльменства и вы не можете подать пожилой даме ее лорнет! — («Лорнет», — произнесла она.)

— Извольте, — ядовито отозвался Домби-Дорритов.

Он наклонился и взял очки за рукоятку... а распрямиться не смог. Крепкими пальцами левой руки Ядвига Кшиштовна ухватила двоюродного правнука за затылок, пригнула пониже. А зажатым в правой руке прутом нанесла громко шелкнувший удар по тугим клетчатым брюкам.

— Уау-хау-аа! — взвыл Чарли Афанасьевич подобно гнездящейся в Плавнях ночной птице.

— Безусловно, — согласилась с ним двоюродная прабабушка, и прут шелкнул снова.

— А-а!! Что вы делаете!

— То, что должна была сделать двадцать пять лет назад. Увы, я оказалась недалевидной. Мне нравились фокусы мальчика Чарли с шариками, которые он перебрасывал из пространства в пространство. Я надеялась, что способности этого мальчика в дальнейшем послужат добрым делам. Ах, эта слепая любовь к правнукам... Но лучше поздно, чем...

...Власик потом очень жалел, что у видеокамеры сел аккумулятор.

— Такие получились бы кадры!

Он так сокрушался, что воспитанный в гуманных традициях Лапоть упрекнул его:

— Неужели ты такой кровожадный?

Власик возразил, что никакой крови не было и в этом эпизоде гораздо меньше жестокости, чем в ежедневных передачах губернской телестудии «Криминальные вести».

— Зато такой исторический момент! Его можно было бы показывать всем, кто опять захочет лезть сюда со всякими оружейными проектами...

Лапоть подумал и согласился...

Но это было после. А пока...

— Ой-ёй-ёй!! Отпустите меня!

Домби-Дорритов пытался вырваться. Но, видимо, пальцы Ядвиги Кшиштовны обладали магической силой. Она отпустила воющего родственника лишь тогда, когда прут хлопнул еще трижды. Домби-Дорритов в согнутом виде пробежал головой вперед, упал на колени, вскочил. Шляпа и очки слетели. Бородка теперь казалась приклеенной, хотя была, конечно же, настоящей. Лицо стало почти мальчишечьим.

— Как вы смеете! — приплясывая, вскрикивал Чарли. — Я... в милицию! В суд!.. Я...

— Ладно, ладно. Успокойся. И помни на будущее, что не следует баловаться с гиперпространством и устраивать безответственные эксперименты... А еще лучше, если ты забудешь про все эти дела вовсе... — Ядвига Кшиштовна взяла прут под мышку и пальцами правой руки щелкнула над плечом.

По щекам Чарли текли детские слезы (и терялись в бородке).

— Вы... ненормальная какая-то! Какие шарики? Это у вас, наверно, шарики... не там... Придумали какие-то пространства, о которых я ничего не знаю, да еще деретесь!

— Ну, будет, будет. Не принимай так близко к сердцу... Завтра я похлопочу, чтобы тебя приняли младшим инженером на завод елочных игрушек. Там тоже шарики, только безобидные.

— Идите сами на свой дурацкий завод! — Чарли пнул блестящей туфлей шляпу, наступил на очки и, оглядываясь, пошел с музейного двора. — Все равно я буду жаловаться! — При этом он трогал сзади свои клетчатые брюки. — Сумасшедшая старуха...

— К сожалению, великий Диккенс не оказал на мальчика должного влияния, — сказала ему вслед Ядвига Кшиштов-

на. — Но, как принято сейчас выражаться, еще не вечер... Не правда ли, господа?

Господа из комиссии наконец пришли в себя.

— Вы... вы что себе позволяете! — багровея бритой головой, выдохнул штатский генерал.

— Вас надо посадить на пятнадцать суток! За хулиганство! — запританцовывал юркий мужчина.

— Как вы смели... э-э... поднять руку на официального... а-а... представителя инициативной комиссии!

— Это было семейное дело. А с вами я готова беседовать вполне официально.

— Да кто вы такая?! — побагровел пуше прежнего штатский генерал и помощник заместителя губернатора.

— По-моему, я уже представилась.

— Женщина! Нас интересует не ваше подозрительное имя и даже не то, что вы, очевидно, ведьма, а из какого вы учреждения! Какая ваша должность?! Кто дал вам право врываться, размахивать, командовать?! — Это забурила дама в блестящем платье.

— Выбирайте выражения, мадам! Я не ведьма, а полноправная баба-яга! И, кроме того, генеральный инспектор всех аномальных и сказочных зон данного региона. Моя задача не допускать в эти зоны тех, кто намерен им повредить.

— Мы не вредить будем, а пользу делать! — заявил штатский генерал. — И не вам тут распоряжаться, нас поддерживает губернатор!

— Разберемся и с губернатором, — пообещала Ядвига Кшиштовна. — Прутьев у меня в метле еще достаточно...

Все посмотрели на метлу. Она по-прежнему покачивалась в наклонном положении (нормальная метла сразу бы упала).

— Это переходит всякие границы! — картинно возмутилась дама. — Дайте нам адрес вашего управления! Мы напишем жалобу и проверим ваши полномочия!

— Охотно. Адрес и все телефоны на моей визитной карточке... — Ядвига Кшиштовна сделала плавный жест. Из ее пальцев скользнули и упали на желтый стол белые прямоугольники. Члены комиссии стремительно нагнулись над столом, юркий мужчина и штатский генерал при этом стукнулись головами.

— Издеваетесь, да?! — взревел штатский генерал! — На этих бумажках ничего нет! Пустое место!

— Что-о?! — Ядвига Кшиштовна скинула голову, как негодующая королева. — Что такое! Вы хотите сказать, что мое

имя и моя должность — пустое место?! Да я вас... — Она выхватила из подмышки прут, как шпагу, и мушкетерским шагом двинулась к столу. Комиссия попятилась. Ядвига Кшиштовна огрела стол хворостиной (он подскочил как живой).

Члены комиссии попятнулись быстрее. Потом повернулись и пошли со двора к блестящей иномарке морковного цвета, которая стояла за воротами. Оглядывались и наперебой говорили о вмешательстве губернатора (как только он вернется с Багамских островов), о жалобе в соответствующие органы и о милиции, которая приедет сюда немедленно (и которая, конечно, не приехала).

Морковная иномарка жалобно вскрикнула сигналом и укачала. На столе остались документы, карточки Ядвиги Кшиштовны и забытый юрким мужчиной пухлый портфель.

3

Надо ли говорить, что за этими событиями мальчишки и Степка наблюдали, восторженно открыв рты! Да и защитники музея смотрели с крыльца с радостью.

— Голубчики, — обратилась к ним Ядвига Кшиштовна. — Извините меня. Кажется, я вела себя излишне эмоционально...

Яков Лазаревич прижал руки к груди.

— Что вы, что вы, сударыня! Вы вели себя... изумительно! Вполне корректно и адекватно обстоятельствам! И так прятно вас видеть! О вас не было слышно так долго!.. Не угодно ли чайку? Вы, очевидно, с дороги? Моника Евдокимовна поставит самовар!

— М-м... не откажусь. Но сначала я хочу побеседовать с доблестной стражей Лопухастых островов. Подойдите-ка, путешественники...

«Стража», понурив головы, подошла. Никто не сомневался, что сейчас всем влетит за самовольное пользование ступой. Но Ядвига Кшиштовна открыла в улыбке очень белые зубы.

— Кажется, мы можем поздравить себя. Все кончилось благополучно.

— А они больше не вернуться? — робко спросила Степка.

— М-м... нет. По крайней мере, в обозримом будущем... Ну а в крайнем случае вы ведь начеку, не так ли? И весь лопухастый народ...

— Стараемся... — неловко сказал Пузырь.

— Вот и старайтесь дальше... Ига Егоров!

— Чего? — вздрогнул Ига.

— Вот *чего*, мой мальчик. Мне известны твои сомнения и размышления. Но подсказывать я тебе не стану, каждый ищет сам. Только один совет: когда опять начнешь строить что-нибудь *такое*, будь внимателен.

— Да уж буду... — Ига опасно посмотрел на прут. Ядвига Кшиштовна засмеялась.

— Вот и прекрасно... Если я вам понадобится, телефоны на визитной карточке.

Лапоть подбежал к столу, взял карточку. Виновато глянул через плечо.

— Ядвига Кшиштовна... извините, но... здесь и правда ничего нет...

— Что-что? Дай-ка... О! С возрастом я стала такой рассеянной. Забыла, что для этих карточек нужны особые очки. Вроде моих... Вот смотрите. — Она протянула лорнет Лаптю.

— Да! — обрадовался он. Глянула в стекло и все остальные. На блестящей белой картонке чернели буквы с завитушками. Все, что положено: имя, адрес, телефоны...

— Надо переписать, — деловито сказал Власик. — А то забудем, и как тогда без очков-то...

— Власик, — очень серьезно сказала Ядвига Кшиштовна.

Он слегка струхнул:

— Что? — (В смысле «что я сделал?».)

— Все хорошо, мальчик. Я хочу подарить свой лорнет тебе. Не только для карточек. Можешь вынуть из него стекло. Одно приспособишь на объектив, и тогда на видеопленку будет сниматься всё-всё. Самые сказочные персонажи... А через другое стекло вы сможете увидеть на экране то, что было снято раньше, но до сих пор оставалось неразличимым...

— Ой... спасибо... — Власик просто засветился. И все опять увидели, какой он синеглазый и красивый. И уши совсем уже лопухастые.

— Ну, дорогие мои, вам пора по домам, родители тревожатся о судьбе своих магелланов...

Все наперебой стали говорить «до свиданья» и «спасибо». Метла продолжала наклонно качаться, и, глядя на нее, Ига вспомнил свой маятник. Хотя это было странное сравнение...

— Ох, — спохватился Соломинка. — Эти... комиссия... они забыли бумаги и портфель. Надо отдать Якову Лазаревичу. Вернутся — заберут...

— Не думаю, что они вернутся, — сказала Ядвига Кшиштовна.

— Как же тогда быть? — забеспокоился подошедший Яков Лазаревич. — Все-таки деловые бумаги... Но ехать в Ново-Груздев, чтобы возвращать их, у меня нет никакого желания...

Вопрос решился неожиданно и стремительно. По двору легко понеслись большие гипсовые ступни и с ходу отвесили столу пинок. Бумаги взмыли. Взмыл и портфель. В воздухе он открылся, из него тоже полетели всякие листы. Они не падали на траву, а кругами поднимались все выше и там... там они превращались в белых голубей. Сначала в бумажных, потом в настоящих. Голуби улетали за деревья.

— Еще один фокус, — шепотом сказала Степка. — Забавно, да?

Раздался шум размашистых крыльев, и на опрокинутый стол спланировал Казимир Гансович. Он отстал от ребят над окраиной Малых Репейников, сел где-то в огородах, и о нем не тревожились, а потом, среди бурных событий, и вовсе забыли.

— Га-га, — сказал Казимир. — О-го-го? Га-гугу-га?

И Ёжик быстро перевел (хотя было понятно и так):

— Я слегка задержался. Здесь было что-то интересное?

МАЯТНИК

1

В середине лета на музейном дворе заработал фонтан. Однажды утром из боковых отверстий ударили струи, забрызгали каменный постамент и нижнюю часть ступы, наполнили бассейн. И с той поры каждый день фонтан включался в восемь утра и работал до восьми вечера.

Якова Лазаревича спрашивали:

— Как это вы ухитрились отремонтировать такую сложную систему?

Он делал недоуменное лицо: ничего, мол, я не ремонтировал, сам не понимаю, с чего это он включился. Но ребятам директор признался: постаралась Ядвига Кшиштовна. Однажды утром приземлилась на метле у бассейна, покачала головой, постукала черенком метлы по круглому ограждению и крепко ударила о бетонное дно. Фонтан и заработал!

После восьми, когда струи угасали, вода становилась гладкой и в ней отражались окрашенные вечерними лучами облака. Потом заползали на двор синие сумерки. В бассейн золотую рыбой погружалось отражение луны, которая опять стала круглой. Лови и колдуй... Иге иногда казалось, что в небе есть и еще одна луна — разделенная на две неравные половинки (а в фонтане — ее отражение). Но это если не присматриваться. А глянешь прямо — и той луны нет...

В такую пору у фонтана часто собирались ребята. Иногда это был не только экипаж «Репейного беркута», приходили и другие мальчишки и девчонки. На круглом бетонном барьере всем хватало места. Сидели, болтали о том о сем (а в теплой воде бултыхали ногами), делились новостями — обычными и сказочными...

Новости были хорошие и не очень. Например, кто-то рассказал, что в городском парке видели Анну Львовну, гуляющую... с Домби-Дорритовым! Конечно, Чарли Афанасьевич был уже не прежний, но все равно досадно. Обидно за Андрея Андреича... Да, женское сердце — загадка...

И еще неприятное известие. Какая-то американская обсерватория сообщила, что к Земле спешит астероид поперечником в три километра. Сами понимаете, что будет, если он грохнется...

— Да скорее всего промажет, — успокоил друзей Соломинка. — Сколько уже было таких астероидов, а все пролетали мимо.

И никто не стал сильно тревожиться. Кроме Степки. Она перепугалась по-настоящему. Несколько раз шепотом спрашивала Игу: правда ли, что «эта штука» пролетит мимо? Ига успокаивал как мог. И наконец сказал:

— А если окажется совсем близко, раздолбают ракетами. Или... я знаю еще один способ... — И неуверенно хихикнул.

Все захотели узнать, что за способ. Но Ига уже прикусил язык. Друзья настаивали. Ига сказал:

— Тогда... ты, Власик, не обижайся, ладно?

— Не буду, честное лопухастое...

— Надо собрать побольше женщин. Таких, как... Маргарита Геннадьевна. Ну, со способностью к сверхгромкому визгу. Пусть они встанут на высокой горе. Когда астероид будет подлетать, они ка-ак заверещат... Он обязательно сменит курс, как та шина...

Власик смеялся громче всех. И обещал, что непременно расскажет про этот способ тетушке.

— Она меня убьет при первой встрече, — сказал Ига.

— Не-е! У нее чувство юмора на высоте!..

Многолюдными собрания у фонтана бывали не часто. Обычно сюда приходили друзья директора Штольца — Пузырь, Лапоть, Соломинка, Власик, Ига, Степка и Генка (с Ёжиком, конечно). От дома до музея не близко, но что за беда! Натертые волшебной ржавчиной подошвы делали своих хозяев почти невесомыми, избавляли от всякой усталости. А может быть, дело не в ржавчине, а в том, что лето и каникулы. В такую пору весь лопухастый народ чувствует себя легким и неутраченным...

Шумно прилетел Казимир Гансович. Он сейчас жил в пустой собачьей конуре на каком-то «о-го-го-роде», а кормился то на болотах, то на разных птичьих дворах: лето — благодатная пора и для беспризорных гусей.

Иногда на барьер бассейна бесшумно прыгали белые гипсовые ноги. Над ними ощущалось невидимое мускулистое тело штангиста Жоры.

— Репивет, лопухастые, — говорил атлет, и ему отвечали:

— Репивет, Жора! Как дела?

Жорины дела были неплохи.

Ребятам стала известна его сердечная тайна. Оказывается, куриные ноги от старой избушки были не куриные, а как у водоплавающей птицы (наверно, из-за близости воды). С перепонками, будто у Казимира Гансовича. Но и не гусиные они были, а скорее лебединые. Потому что иногда над ними возникала полупрозрачная... нет, не дряхлая избушка, а прекрасная девица. Судя по всему, Царевна-лебедь. Понятно стало, почему Жора так часто навещает остров Одинокий Петух!

Бывало, что Жора делился своими планами. Хотел Жора устроить на Одиноком Петухе поселок для... кого бы вы думали? Для бывших гипсовых скульптур!

— Ведь многие из них сейчас такие, как я, — охотно объяснял Жора друзьям. — Не все, конечно. Те, что были просто гипсовыми болванами, они и не почували ничего, когда их расколотили. Но ведь были и такие, которых люди любили. Глядели на них по-приятельски, разговаривали даже с ними. Вот как со мной, например... Или как со здешними пацанятами,

которые плясали вокруг фонтана... У таких скульптур, братцы, появляется в конце концов такая живая душа. Или, по-научному выражаясь, энергетическое тело. Ну, опять же вроде как у меня. Гипс можно расколотить, а такое вот невидимое тело, оно все равно остается... — И Жора с удовольствием поводил энергетическими плечами.

Степка однажды спросила:

— Дядя Жора, эти ребята с фонтана, они теперь где?

— Какой я тебе «дядя»... А ребятки эти, когда их тут порушили, разбежались кто куда, по двое, по трое... Живут в лопухах на окраинах. Четверых мы с Лебедушкой уже нашли. Это Ванюшка, Настя, Катя и Бориска. Ну и других скоро сыщем. Услышат про нашу затею — сами прибегут. Ядвига Кшиштовна поможет на острове жильё соорудить...

— А может быть, Ядвига Кшиштовна разработает технологию, чтобы вы стали видимыми? — спросил Лапоть.

— А зачем? — удивился Жора. — Так нам гораздо удобнее. Можем путешествовать где хотим, никто не обращает внимания. Никому не мешаем, и нам никто не мешает...

Услышав о путешествиях, Казимир Гансович вздохнул (по-гусиному, разумеется). Потому что с дальними перелетами у него дело не клеилось. Понимал, что до Африки не дотянуть.

— Ты, Казя, потерпи еще малость, одну зиму, — сказал гусю Жора. — Вот наладит наш невидимый народ жизнь на острове, а потом начнем путешествовать по белу свету. С будущей весны. Нам ведь в пути много не надо, была бы компания хорошая. И ты с нами. Мы по травке, ты по воздуху. Устанешь — присядешь мне на плечо... Чего тебе какие-то незнакомые гуси? А с нами ты подружишься обязательно...

Лапоть подтвердил Жорины слова:

— В самом деле, Казимир Гансович. С дикими гусями у вас может возникнуть психологическая несовместимость, а с ребятами вы всегда находите общий язык. Неважно, что они будут невидимые. Все равно лопухастые...

— Га?.. О-го-го... — отозвался Казимир.

— А мы — на ступе! — сказал Генка и бултыхнул ногами.

— Если разрешит Ядвига Кшиштовна, — охладил его энтузиазм разумный Соломинка.

В самом деле, Ядвига Кшиштовна разрешала ребятам летать на ступе не очень-то охотно.

— Пока раз в две недели, не чаще, — ответила она на их просьбы. — А дальше будет видно... — Судя по всему, она опа-

салась, что лопухастый экипаж посворачивает себе шею. Спорить и упрашивать ребята не решались...

Но можно путешествовать и на «Репейном беркуте»! Пусть не так далеко, как Жора со своим невидимым народом, но все равно интересно! Власик, например, предлагал отправиться на поиски живущего в Плавнях дракона. Чтобы подружиться с ним и снять про него фильм. Теперь-то, с помощью стекол Ядвиги Кшиштовны, на видеопленке записывались все здешние чудеса. Власик наснимал уже множество всяких эпизодов с кнами, квамами, кними, чуками и прочими удивительными жителями здешних мест. И некоторые из них стали его приятелями. Это Власика (и его друзей тоже) радовало...

2

Но случалось, что Власик грустил. Не участвовал в обсуждении будущих плаваний и в разговорах, когда вспоминали приключения на Одиноком Петухе. Что поделаешь, письма от отца приходили редко. В грустные минуты Власик сидел молча, только болтал в воде ногами и тихонько насвистывал. Все смотрели на него с пониманием. Особенно Степка.

Степка порой тоже грустила.

А однажды она сказала такое... у Иги даже холодок по спине.

— Жора, — сказала Степка, — а как ты думаешь, нельзя ли превратиться в гипсовую девочку? Может быть, есть такое колдовство?

— Зачем тебе? — изумился Жора.

— Ну... потом кто-нибудь меня разбил бы... И я стала бы такой, как ребята с этого фонтана. И жила бы с вами... Забавно, да?

Невидимый Жора крикнул и ничего не сказал. И остальные молчали. Только Пузырь, кажется, что-то бормотнул под нос. Вроде как «ну, ты даешь...». Ига быстро глянул на Степку, опустил глаза и сильно заболтал в бассейновой воде ногой. В тишине вода громко бурлила. «А как же я?... Эх ты, Степка...»

Потом они вместе шли домой, и Степка дергала подол уже изрядно потрепанного зеленого платица с белыми загогулинами. И смотрела на свои пыльные, надетые на босу ногу сандали. А Ига — на свои растоптанные кеды.

Наконец Степка подышала сквозь дырку от вырванного зуба и сказала:

— Ты обиделся...

— На что? Не выдумывай...

— Не притворяйся, ты обиделся. Когда я сказала, что хочу сделаться гипсовой.

«Больно надо мне обижаться на девчоночьи глупости», — хотел сказать Ига. И вдруг понял, что врать ни к чему.

— Да! Потому что... значит, тебе плохо с нами, со всеми? И... со мной...

Степка опять втянула воздух сквозь дырку от зуба.

— Ига, мне хорошо... пока день. А вот приду сейчас в тот дом. И будто в холод...

Ига поехал. Понял. И не знал, что сказать. Пнул попавшую на асфальте пивную пробку. Она взлетела и радостно сверкнула под фонарем, хотя радоваться было нечему.

— Что ли... так уж совсем худо?

— Дед молчит, бабка молчит. Скажет только: «Иди ешь, там на кухне картошка и молоко»... А потом лежишь под одеялом, а кругом совсем пусто. Даже кошки в доме нет, чтобы подошла и чтобы погладить...

«Сейчас заплачет», — испугался Ига. Степка не заплакала, выговорила шепотом:

— Забавно, да?

И это было еще хуже.

— Степка, а дед и бабка... неужели совсем тебя не любят?

— Не знаю. Наверно, им все равно...

— А они... чьи родители? Мамы или отца?

— Папины. Только они не хотели, чтобы он на маме женился. А когда он все-таки женился, дед сказал: «Ну, тогда пускай сын у вас будет, мой внук». А появилась я... Забавно, да?

— Ничего не забавно! Какая разница!

— Для деда есть разница... Ига, да ты не думай, что они обижают! Заботятся даже...

— Ага, вижу я, как заботятся. Готова даже, чтобы на куски расколотили, только бы в тот дом не возвращаться...

— Я же пошутила.

— Оно и видно...

— Ига, а дом... он тоже стал чужой. Будто сердится на меня. Наверно, обиделся, что я ключ от кладовки потеряла. Поднимаюсь по ступенькам, а они скрипят так недовольно...

— Ключ-то мы найдем, — пообещал Ига, хотя понятия не имел, где его можно отыскать.

— С кладовкой было лучше. Спрячешься там, и почему-то веселее делается...

«Ночью-то сидеть в кладовке не будешь, — подумал Ига. — Да и вообще... где спрячешься от одиночества...»

И, наверно, не надо было про это, но Ига не удержался:

— Степка, а она... не пишет?

— Одно письмо было, коротенькое. Про то, что должна задержаться в Улан-Удэ на долгое время. Это называется «независящие обстоятельства». Да знаю я эти обстоятельства. Им я тоже не нужна.

— Тебе и нельзя уезжать из нашего климата!

— Ну да. Никуда нельзя, нигде нельзя...

— Степка, ну чего ты! Скоро опять поплывем в экспедицию, дракона искать!.. А хочешь, я тебе котенка дам? Мне вчера его Генчик подарил. Рыжий такой. Шерсть торчит, будто иголки у ежа. Я его так и назвал — Ёжик... Хочешь? Будет ночью урчать-мурчать рядышком.

— Ага, я хочу... только бабка не разрешит. Она кошек терпеть не может, говорит, что пачкают в доме. Забавно, да?

— Очень! — в сердцах сказал Ига. — Забавнее некуда.

— Да ты не расстраивайся, — по-взрослому утешила Степка. — Как-нибудь переживем...

Потом она помахала ему от калитки и ушла в сердитый на нее старый дом. А Ига пошел домой. Шел и думал, какой он бессовестно счастливый. Придет домой, и там его ждут. И сперва слегка влетит от мамы за то, что опять «искал где-то ночных приключений», а папа расскажет, как он в свои лопухастые годы тоже возвращался домой в темноте, потому что любил сидеть с друзьями у разведенного в овраге костра или носиться в заросших переулках.

— Мы играли тогда в «чурки-искалки». Это не то что нынешняя ваша «скройся-умойся».

— Ой, да они похожи! И мы в них теперь почти не играем, это для первоклассников.

— Да, а наше ненаглядное чадо ужасно взрослое, — скажет мама папе. — Ты знаешь, что они затевают новую экспедицию? На поиски дракона!

— Ну так что, — скажет папа. — Дракон этот, говорят, вполне интеллигентный, травоядный...

— Говорят! А знает ли это сам дракон?.. Я опять несколько дней буду как на иголках.

— Мама! У нас же мобильный телефон. Если дракон нас сожрет, мы сразу сообщим!

— Сейчас получишь по загревкву!

Потом Ига уляжется в постель, сладко вытянув ноги (они, хотя и натертые волшебной ржавчиной, к ночи все-таки малость гудят), прихватит книжку про рыцарей Круглого стола, включит на краю стола желтую лампу. Растрепанный котенок Ёжик прыгнет ему на грудь и заурчит, царапая коготками одеяло... А Степка? Она-то что делает в эти минуты? Про что вспоминает? О чем молчит?

3

Утром Ига побежал к Степке. И увидел на дворе деда. Обычно там хозяйничала бабка — то белье развешивала, то половики хлопала, а сейчас — дед. Зачем-то перекладывал с места на место березовые кругляки у забора. Оглянулся через плечо.

— Здравсте... — выговорил Ига. С дедом он встречался редко и никогда не разговаривал. Тот выпрямился, держась за поясницу. Качнул гладко причесанной седой головой, сказал не сердито, но и не улыбочиво:

— Спит еще Степанида. Легли только под утро, намаялись ночью.

— А что случилось? — очень испугался Ига.

— Да с Катериной Борисовной, с бабушкой ее, нелады, приступ случился. Увезли в больницу. Степаниде пришлось соседей будить, звонить в «Скорую»...

— А... какой приступ? Может, какое-то сильное лекарство надо? — Ига вспомнил, что у Генки остался еще запас удивительного антибредина.

Старик смотрел в лицо Иге бледными глазами.

— Да какое там лекарство от старости? Я и сам вот... Знаешь, Игорёк, в наши годы по жизни идешь, как по минному полю. Не ведаешь, какой будет следующий шаг...

«Надо же, он помнит, как меня зовут!»

— Я вот что хочу попросить... — опять заговорил старик. — Не откажи, ладно?

— Что? — шепотом сказал Ига. И отвел глаза.

— Боюсь, что с Катериной моей может кончиться... повсякому, в общем. А сам я тоже... Если вдруг что-то такое, ты не бросай Степку, пригляди за ней. Неизвестно, когда мать раскачается, чтобы забрать ее, да и раскачается ли. Про ин-тернат что-то говорила, про обстоятельства...

— Я... ладно... — сипло сказал Ига. И заморгал.

— Вот и добро... А сейчас пока не буди ее, приходи попозже.

Ига кивнул. Спинай вперед шагнул к воротам, постоял, повернулся и тихо пошел домой.

Шел, и в голову лезло разное. В том числе разобранная Конструкция, кним с песочными часами и его рассуждения о нити и Меридиане... Повстречался Казимир Гансович, приветливо гоготнул, но увидел Игину задумчивость и не стал приставать с разговором.

Родители оказались дома. Отец был в отпуске и перебирал блёсны и катушки для спиннинга, готовился к рыбалке (занятие, радость которого Ига никогда не мог понять).

— Пойдешь со мной на озеро?

— Не-а... Мне жалко рыбу, которую ловят.

— Уху, однако, любишь...

— Ага, — признался Ига. — А ловить не люблю. Что поде-лаешь... Мама...

Мама на широкой доске разминала глину для лепки. Она сразу подняла голову.

— Ты что-то натворил?

— Господи! Да с чего ты взяла?

— Потому что знаю я это «мама».

— Ничего я не натворил... — Но смотрел Ига не на маму, а в открытую дверь своей комнаты. И видел стол и маятник на подставке. Маятник вдруг качнулся. Раз, два, три... «Такки-так»... И все же Ига сначала сказал не то, что хотел. Он ска-зал: — Гуся встретил сейчас. Казимира Гансовича...

— Приятная, конечно, встреча. Ну и что же?

— Понимаешь, мама... он говорил недавно, что нынче не будет пытаться улететь на юг. Значит, надо снова думать о зи-мовке. У него с этим делом всегда проблемы. В прошлом году чуть не съели...

— Кто же эти злодеи? — спросил папа, уронив от возмуще-ния катушку (за ней помчался рыжий Ёжик).

— Не знаю... Да не в том вопрос. У нас на дворе есть сарай-чик, он теплый и почти пустой. Может, пустим Казимира на зиму?

Мама и папа переглянулись.

— Ну... если только ты сам будешь заботиться о его корм-лении, — сказала мама.

— Буду... А еще...

— Что? — Мама оставила глину и выпрямилась.

— Степкину бабушку увезли в больницу, — совсем тихо проговорил Ига. С дурацким каким-то покашливанием. —

Дед говорит, что она совсем плоха. И сам он... тоже... А Степ-кина мать укатила в дальние дали. Замуж собралась, наверно. Я думал... вот что...

Мама и папа смотрели на Игу. Ну, прямо... ну чего они так смотрят! И он дернул плечами и будто прыгнул с берега в хо-лодную воду:

— Давайте возьмем Степку к нам, а?

И отчаянно застеснялся. Не посмел сказать до конца, что хотел: «Пусть будет... как сестренка...» Не получилось. Но ма-ятник в его комнате все равно говорил свое «такки-так».

Ига, хотя и глядел вбок, чувствовал мамин взгляд. И вдруг отчетливо понял, какие мама готовит слова. О несурзости этого плана, о всех трудностях, сложностях и проблемах, в ко-торых Ига не отдает себе отчета. Слова, которые будут абсо-лютно, совершенно и стопроцентно справедливы и разумны. Разве не так?

«Такки-так?» — спросил маятник.

Мама взглянула на папу. Он взял катушку за ось, зачем-то дунул на нее. Она — легонькая, алюминиевая — завертелась. Папа смотрел, как она вертится, и в то же время шевелил нос-ком домашней туфли — играл с котенком Ёжиком. Потом он взглянул на маму.

Мама опять посмотрела на Игу.

«Только бы не зареветь...»

Мама поскребла подбородок испачканным в глине паль-цем. И сказала:

— Ну... давай.

2002 г.

Литературно-художественное издание

Крапивин Владислав Петрович
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *В. Авдеева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Савватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 22.09.2006.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 31,92.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 3391.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЬЧИК ДЕВОЧКУ ИСКАЛ...

Тыквогонские приключения

Повесть 5

КОЛЕСО ПЕРЕПЁЛКИНА.

Почти сказочная история

Повесть 185

СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ.

Роман-сказка 373

